А. БЕРКЕШИ

ПЕРСТЕНЬ С ПЕЧАТКОЙ

А. БЕРКЕШИ

ПЕРСТЕНЬ С ПЕЧАТКОЙ

АГЕНТ № 13

УЖЕ ПРОПЕЛИ ПЕТУХИ

МОСКВА · ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

1986

84.4 Ви
Б 48

Переводы с венгерского

Составитель В. Гусев

Предисловие О. Громова

Иллюстрации П. Пинкисевича

Беркеши А.

Б 48 Перстень с печаткой; Агент № 13; Уже пропели петухи: Пер. с венг./Сост. В. Гусев; Предисл. О. Громова; Ил. П. Пинкисевича.— М.: Правда, 1986.— 656 с., ил.

Романы и повесть венгерского писателя-коммуниста А. Беркеши рассказывают о борьбе контрразведки народной Венгрии против империалистических агентов, засылаемых в страну. Повествуется также о боевых действиях участников движения Сопротивления в борьбе с гитлеровскими захватчиками в Венгрии.

Б $\frac{4703000000-1054}{080(02)-86}$ 1054—86 84. 4 Ви

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если спросить у десяти, так сказать, «взятых наугад» венгерских читателей, кто, по их мнению, самый читаемый писатель Венгрии, то, наверное, не меньше семерых из них назовут имя Андраша Беркеши. Действительно, статистика подтверждает, что книги этого писателя пользуются исключительной популярностью в Венгрии; они издаются очень большими — по венгерским масштабам — тиражами и не залеживаются на полках книжных магазинов.

Прежде чем попытаться разобраться в том, в чем причина такого успеха у читателей произведений Андраша Беркеши, скажем несколько слов о самом писателе.

Андраш Беркеши родился в 1919 году. С юности он пристрастился к литературе, писал стихи и небольшие рассказы, участвовал в литературных конкурсах, однако серьезно заняться творчеством ему не позволяли тяжелые условия жизни в хортистской Венгрии; пришлось, не окончив полный курс гимназии, пойти работать на производство... В годы войны Беркеши служил в армии, потом работал на заводе.

После освобождения Венгрии Красной Армией Андраша Беркеши, который стал коммунистом, партия посылает в новую, Народную армию.

Когда осенью 1956 года в Венгрии вспыхнул контрреволюционный мятеж, подготовленный силами внешней и внутренней реакции, Андраш Беркеши, как и подобает настоящему коммунисту, не колеблясь, выступает на защиту народного строя и принимает активное участие в вооруженном подавлении контрреволюции. Начиная с 1957 года Беркеши включается в возрождающуюся литературную жизнь страны, сотрудничает в центральных газетах и журналах. Публикуемые им статьи, очерки и рассказы свидетельствуют о его четкой позиции — коммуниста, патриота и интернационалиста. Одновременно он работает над первым своим романом, задуманным как первая часть дилогии,— «Октябрьская буря». Книга вышла в свет в 1958 году и сразу привлекла к себе широкое внимание читательской общест-

венности Венгрии. Это, по существу, одно из самых первых крупных произведений в Венгрии, в котором не только ярко и достоверно были воссозданы трагические события осени 1956 года, но и раскрыты с принципиальных партийных позиций причины контрреволюционного мятежа, его явные и скрытые движущие силы. В 1959 году была опубликована вторая часть дилогии — роман «После бури», рассказавший о самоотверженной борьбе венгерских коммунистов по ликвидации последствий мятежа и стабилизации жизни в стране, а также о горькой участи тех, кто, обманутый вражеской пропагандой, эмигрировал в ту тяжелую пору из Венгрии.

Со времени удачного литературного старта Андраша Беркеши прошло четверть века. Это был период напряженной и плодотворной творческой деятельности. Более двадцати пяти романов, повестей, пьес создано автором за это время. Все они, как уже упоминалось ранее, издавались большими тиражами, многие неоднократно переиздавались, публиковались в переводах в братских социалистических странах и на Западе.

Итак, в чем же причина широкой популярности Андраша Беркеши, несомненного читательского успеха большинства его книг?

Наверное, прежде всего в том, что Беркеши берет, как правило, злободневные темы, подсказанные сегодняшней жизнью, и строит на их основе увлекательное, в большинстве случаев остросюжетное повествование. Некоторые склонны считать его писателем детективного, приключенческого жанра. Сам Беркеши категорически отвергает такую однобокую оценку. И, думается, следует согласиться с ним. Конечно, у него есть произведения, однозначно написанные в жанре детектива,— правда, и тут следует внести существенное уточнение: ни одна из его книг этого плана не является, так сказать, «чистым», «уголовным», что ли, детективом. Все они несут ярко выраженный социально-политический заряд, определяющий содержание каждой из них.

В этой связи уместно будет привести высказывание самого писателя, характеризующее его подход и его отношение к созданию произведений, решаемых им в жанре политического детектива. «Я,— писал он,— считаю неправильным, что книги о борьбе социалистической контрразведки против империалистических агентов зачастую скопом относят к традиционной развлекательной детективной литературе на том лишь основании, что формально здесь много общего. Художественная же ценность книги, приносимая ею польза никогда не определяются формальными признаками... Содержание, общественная значимость, цели, преследуемые автором того или иного литературного произведения,— вот что главное. Это в полной мере относится и к оценке произведений детективного жанра. Формальные признаки криминальных романов Агаты Кристи, например, и романов о действиях социалистической контрразведки во многом схожи; однако их социальная направленность и содержание, цели, за которые борются их герои, различаются коренным образом. Борьба, которую ведут герои моих книг,— не развлекательное приключение, а неизбежная необходимость, обусловленная политическими факторами и такими священными чувствами, как любовь к родине, осознанный долг защищать правое дело, отстаивать Добро от Зла...»

Бóльшая часть произведений Андраша Беркеши, начиная с первых его книг — «Октябрьской бури» и «После бури», а затем и более поздних, таких, как «Одиночество», «Двадцатилетние», «Игра в порядочность», трилогия «Колумбарий», «Верность», «Особенная осень», и других, посвящена острым социальным и морально-нравственным проблемам. В центре романов трилогии, например, стоит запоминающийся образ венгерской рабочей женщины Терез. За те полвека, которые проходят перед читателем, на его глазах тихая, забитая молодая женщина становится сознательной представительницей венгерского пролетариата, человеком с высокоразвитым классовым чутьем. Литературные параллели не всегда уместны, и тем не менее трудно не сравнить Терез с горьковской Ниловной из романа «Мать».

Таким образом, предопределяющим фактором успеха книг Беркеши является их тематика, близкая и понятная читателю, живо волнующая его. Вторым несомненным слагаемым успеха следует назвать остросюжетность книг Беркеши, динамичность развития их увлекательной фабулы, не только не оставляющей читателя равнодушным, но все время держащей его в напряжении, как бы вынуждающей «проглатывать» страницу за страницей, чтобы узнать: «а что будет дальше?». Наконец, немалую роль в широкой популярности романов и повестей Андраша Беркеши играют их простой и ясный язык, четкая и психологически убедительная прорисовка образов основных действующих лиц, мотивированность их поведения и поступков.

Как уже говорилось, многие произведения Андраша Беркеши изданы в переводах за рубежами Венгрии. Мы не ошибемся, если скажем, что широко известны они и у нас, в Советском Союзе; некоторые из его книг переведены не только на русский язык, но и на ряд языков народов СССР.

Однотомник Андраша Беркеши, предлагаемый вниманию нашего читателя, содержит три остросюжетных произведения писателя, созданных им в жанре политического детектива: романы «Перстень с печаткой» (сокращенный журнальный вариант), «Агент № 13» и повесть «Уже пропели петухи» (печатаются с сокращениями).

Роман «Перстень с печаткой» представляет собой широкое, многоплановое полотно, охватывающее большой промежуток времени — около двадцати трех лет — и достаточно обширные географические просторы: Лондон — Будапешт — Вена — Будапешт. Стержневую линию романа, его, так сказать, политический фон составляет показ острейшей борьбы английской и гитлеровской разведок и контрразведок между собой, их попыток использовать в своих интересах хортистско-фашистскую разведку, их объединенной борьбы против венгерского движения Сопротивления, а позднее, после победы народной власти в Венгрии и по мере укрепления в стране народно-демократического строя, по мере расширения и развития дружественных связей Венгрии с братскими социалистическими странами, и в первую очередь с СССР,— оголтелой разведывательно-диверсионной деятельности империалистических спецслужб против Венгерской Народной Республики.

Этот фон позволяет писателю выстроить сложную фабулу, развивающуюся по всем законам детективно-приключенческого жанра. Важно подчеркнуть, однако, что попутно читатель открывает для себя и целый ряд важных познавательных сведений, касающихся тяжелых периодов истории Венгрии эпохи второй мировой войны и послевоенного периода развития страны в 50—60-е годы.

Прежде всего это относится к венгерскому движению Сопротивления — теме, сравнительно скупо освещенной в нашей исторической и художественной литературе (да и в переводной тоже). Беркеши нарисовал достоверную картину, убедительно свидетельствующую о том, в каких неблагоприятных и сложных условиях развивалось в Венгрии это движение, с какими трудностями сталкивались его бойцы, за которыми постоянно охотились полицейские ищейки, какое недоверие, взаимную подозрительность приходилось подчас преодолевать его участникам, стремившимся приблизить час освобождения своей родины от фашистского ига. В то же время писатель показывает, какой сильный импульс придало борьбе венгерских патриотов успешное продвижение Красной Армии, с боями вступившей на территорию Венгрии (сентябрь 1944 года). В романе тепло говорится о боевом содружестве советских войск с отрядами венгерских партизан и группами движения Сопротивления.

Читатель «Перстня с печаткой», очевидно, сумеет ощутить, какую бешеную «деятельность» развили империалистические разведывательные службы уже в послевоенное время, в 50—60-е годы, пытаясь хоть как-то, хоть чем-то навредить странам Центральной и Восточной Европы, ставшим на путь строительства социализма,— спровоцировать, если удастся, вооруженный мятеж, расшатывать изнутри государственные устои, вести против этих стран военный, политический и экономический шпионаж, шантажом и иными грязными приемами вербовать себе на службу видных ученых, специалистов новейших технических отраслей, деятелей культуры.

Было бы, наверное, непростительной ошибкой пересказывать здесь содержание романа и тем самым лишить читателя приятной возможности самому идти по цепние событий, неожиданных поворотов сюжета и перипетий, которые ожидают его при чтении этого произведения. Ограничимся лишь тем, что выскажем некоторые соображения, имеющие, на наш взгляд, известное значение для правильной оценки основных персонажей романа.

Его главным героем является Кальман Борши. Читатель знакомится с ним на первых страницах романа, когда Кальман, только что принятый в университет, был еще пылким юнцом, исполненным радужных планов и надежд. И расстается с ним — уже зрелым мужчиной, прошедшим ад гитлеровских застенков и школу подпольной борьбы в движении Сопротивления, ставшим известным ученым в области атомной физики. Последнее обстоятельство делает его объектом особой заинтересованности западных спецслужб. Образ Кальмана Борши — несомненная удача писателя, сумевшего убедительно показать возмужание своего героя, сложность и противоречивость его чувств, сомнений и тяжелых нравственных переживаний, выпавших на его долю.

В романе выведено несколько образов революционеров-коммунистов — Эрнё Кары, Шандора Домбаи, Марии Агаи, Буши, Марианны Калди. Все они наделены какими-то своими индивидуальными чертами; они вызывают симпатию у читателя, запоминаются. Хотелось бы, однако, особо выделить образ молодой, но убежденной революционерки — Марианны Калди, нежной и любящей женщины, человека кристальной чистоты, смелого и стойкого, не дрогнувшего перед лицом мученической смерти и не выдавшего товарищей по борьбе.

Удались писателю и основные представители «лагеря врагов»: коварный, изощренно жестокий, матерый фашист Генрих фон Шликкен (который и спустя двадцать лет остался таким же фанатически злобным врагом демократии и социализма, каким он был при гитлеровском режиме) или англофильствующий доктор Игнац Шавош, играющий под венгерского патриота и участника движения Сопротивления (который быстро превращается в отъявленного реакционера, как только для Венгрии открывается перспектива быть освобожденной Красной Армией). Вполне закономерно, что в послевоенной Европе Шавош и ему подобные становятся платными агентами империалистических разведок.

Одной из наиболее интересных и сложных (с точки зрения динамики развития образа) фигур романа является образ инспектора хортистской полиции Оскара Шалго. Его эволюция поистине велика: сначала он ведет в политической полиции дела коммунистов, «вылавливает» их, способствуя тем самым осуществлению указаний гитлеровцев, оккупировавших Венгрию в марте 1944 года; затем попадает в немилость и сам оказывается в лапах гестапо; бежит из тюрьмы и присоединяется к венгерским партизанам, позднее воюет на стороне Советской Армии в составе полковой разведки; с 1946 года Шалго — на Западе, варится в «кухне» нескольких империалистических спецслужб, а на деле... работает на Венгрию. Возможно, иным читателям личность Шалго покажется не совсем убедительной, однако писатель явно ему симпатизирует, и мы незаметно для себя тоже проникаемся уважением и симпатией к этому на вид флегматичному, неряшливому «тюфяку», а в действительности умному, решительному, отважному человеку...

Второе произведение Андраша Беркеши, включенное в данный сборник — роман «Агент № 13»,— может быть названо продолжением «Перстня с печаткой». В центре повествования его главный герой — наш старый знакомый Оскар Шалго. Он уже пенсионер и проводит летний отдых на своей дачке на озере Балатон. Среди действующих лиц мы встречаем и полковника Эрнё Кару и подполковника Шандора Домбаи, и даже однажды промелькнет имя Кальмана Борши. Впрочем, преемственностью судеб этих персонажей и ограничивается линия продолжения «Перстня с печаткой». Во всем остальном «Агент № 13» — совершенно самостоятельное произведение, рассказывающее о коварных методах «работы» западных разведок против народной Венгрии.

Казалось бы, ординарное событие: на берегу Балатона обнаружен утопленник. Все вроде бы говорит за то, что это несчастный случай. Однако проницательный Шалго не без основания подозревает: здесь скрыто преступление. Чем больше мы

вместе с Оскаром Шалго углубляемся в это дело, тем яснее нам становится, что речь идет о политическом убийстве. Старому Шалго и его друзьям пришлось, правда, крепко поломать голову, отбросить не одну версию, казавшуюся столь вероятной, прежде чем удалось доискаться до истины и разгадать тайну загадочного убийства.

Если говорить о какой-то преемственности «Перстня с печаткой» и «Агента № 13», то она прослеживается и в политической направленности этих произведений: «Агент № 13» продолжает тему классовой бдительности, так остро поставленную в «Перстне» (особенно во второй части романа). Читатель отчетливо видит, какую реальную угрозу для дела мира и безопасности народов представляют собой шпионско-диверсионные центры, направляемые и опекаемые империалистическими разведками. Под сенью этих центров приютились и недобитые гитлеровцы и скрывшиеся от правосудия военные преступники, с готовностью работающие на своих новых хозяев.

Третье произведение однотомника Беркеши — повесть «Уже пропели петухи» — переносит читателя в осенние дни 1944 года, когда войска Красной Армии начали осуществлять Будапештскую операцию и, ведя ожесточенные бои, уверенно продвигались к столице Венгрии.

Немецко-фашистское командование, не очень-то доверяя своим венгерским союзникам, ужесточило контроль за их действиями, распорядившись, в частности, о переподчинении венгерской армейской контрразведки руководству немецкой контрразведки. В условиях такой военно-политической обстановки и развертываются события повести, изобилующие, как и полагается по жанру, внезапными поворотами, напряженными моментами. Главную сюжетную линию составляет борьба советской разведки с гитлеровской контрразведкой. В повести штрихами очерчены и боевые акции венгерских патриотов, участников движения Сопротивления. Их усилия, равно как и действия советского разведчика Ландыша (мы сознательно не раскрываем пока ни его истинного имени, ни имен венгерских патриотов, чтобы, как говорится, не опережать события), направлены на одну цель: ускорить приближение освобождение Венгрии от фашистского гнета.

Таково в очень кратком и беглом изложении содержание публикуемых в сборнике произведений, их основная направленность, те цели и задачи, которые ставил, как нам представляется, перед собой писатель, создавая романы «Перстень с печаткой», «Агент № 13» и повесть «Уже пропели петухи».

Мы далеки от мысли, что эти произведения совершенно лишены недостатков; они есть — и в излишне усложненной подчас композиции, и в заданности отдельных сюжетных линий, и в известной схематичности некоторых образов. Но они отнюдь не определяют нашего отношения к книге в целом. Поэтому мы от души рекомендуем читателю без колебания пуститься в увлекательное путешествие вместе с героями Андраша Беркеши навстречу загадкам и опасностям, своим сопереживанием поддерживая их в той нелегкой, но благородной борьбе, которую они ведут во имя победы Добра над Злом.

О. ГРОМОВ

ПЕРСТЕНЬ С ПЕЧАТКОЙ

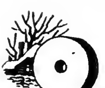
РОМАН



Авторизованный перевод
О. Громова, Г. Лейбутина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I



лнвер Кэмпбел, авнаконструктор, проговорнл:

— Сделай это, Брюс. Я обещал ему н должен выполнить обещаине.— Он поправил в камние горящее полеио и взглянул на Дункана, курнвшего в раз думье снгару.

— Сколько лет юиоше? — спросил Дункан глухим голосом.

— Восемнадцать. Как раз вчера ои получнл извещеине от моего зятя, что прннят в уннверситет.

— Тогда как же ты мыслншь себе все это?

— Он уедет домой, как только окончнт курсы,— ответил Кэмпбел.— Свою задержку сможет объяснить войной.

— А как чувствует себя доктор Шавош? — спроснл Дункан и отхлебнул нз чашки чая.

— Ои временно бросил исследовательскую работу.— Кэмпбел понял, что его друг хочет переменить тему разговора, но продолжал: — Ты ведь знаешь, что мой внук живет у него.

— А почему Игнац Шавош броснл научиую работу?

— Вндимо, у него были на то причины. Ои открыл частиую клинику. Аннабелла — его первый ассистент.

— Твоя дочь, как вնжу, очень полюбила Венгрию.

— Аииабелла — да. А вот Эржебет ннкогда не

сможет полюбить эту страну. Мне кажется, что Кальман именно поэтому...— Кэмпбел умолк и снова стал ворошить тлеющие поленья.

— Она не любит сына? — спросил Дункан.

— Эржебет отрицает это, но я знаю, что не любит. Хотя, по правде сказать, Кальман очень приятный юноша и вполне заслуживает любви.— Кэмпбел раскалил докрасна конец железного прута и, вынув его из камина, зажег о него сигарету. Потом, кряхтя, выпрямился во весь рост, держась за поясницу. Кэмпбел был высокий сухопарый мужчина; лицо его испещряли морщины.— Эржебет боится,— продолжал он,— что Кальман унаследовал необузданный нрав своего отца. Я, например, этого в нем не замечал... Прислать его?

— Что ж, пришли,— согласился Дункан и стряхнул пепел с сигары.

Через несколько минут Кэмпбел вернулся с высоким стройным молодым человеком. Он включил свет и обратился к юноше:

— Это мой друг, сэр Брюс Дункан.

— Я рад, сэр, что могу познакомиться с вами,— проговорил молодой человек и склонил голову.

Дункан не подал ему руки и жестом указал на кресло. Кэмпбел продолжал:

— С сэром Дунканом ты можешь говорить так же откровенно, как со мной.

— Хорошо, дедушка,— с почтением ответил юноша.

Кэмпбел вышел из комнаты, а Кальман повернулся к Дункану:

— Разрешите налить вам, сэр?

Дункан кивнул. Юноша осторожно наполнил рюмку и поставил ее на маленький столик.

— Ваш дед упомянул, что вас приняли в университет.

— Да, сэр. Я хотел бы стать преподавателем венгерской литературы и истории.

— Вы любите литературу?

— Я потому хотел бы стать преподавателем, чтобы и у других привить любовь к литературе. Я с тех пор, собственно, и стал ненавидеть нацистов, когда они начали сжигать книги.

— И сейчас вы хотите сражаться против них?

— Все мои помыслы только об этом, сэр.

Дункан кивнул и заговорил тихо, неторопливо:

— Война против нацистов идет вот уже три недели. Она, молодой человек, ведется по многим направлениям. Мы сражаемся с ними не только в воздухе, на море и на суше, но и в других сферах. Мы — организующие и направляющие эту борьбу — находимся в трудном положении. Для того чтобы бороться с нацистами, нам нужны не только летчики, моряки, танкисты и стрелки, но и такие солдаты, которые сражались бы в тылу, действуя силой своего духа... Эта форма борьбы, разумеется, опаснее, сложнее и разностороннее, чем те, о которых мы говорили раньше. Вы согласились бы на подобную службу?

— Почел бы за счастье, сэр,— убежденно сказал Кальман.

— Даже в том случае, если бы эту борьбу вам пришлось вести у себя на родине?

— В Венгрии?

— Да, там, молодой человек. Ведь нацисты наверняка ввергнут Венгрию в войну. Поэтому вам и придется сражаться дома.— После короткого раздумья он добавил: — За Англию и за свою родину.

— В одиночку?

— Возможно, и в одиночку, в отрыве от своих товарищей, полагаясь только на свой ум и свою находчивость, а в отдельных случаях даже в безнадежных условиях, потому что вам неоткуда будет ждать помощи.

— Я согласен, сэр.

Через три дня Кальман Борши стал членом секретной организации, именуемой «Политикл интеллидженс депатмент» (Пи-Ай-Ди). Под именем Гарри Кэмпбела он был направлен на подготовку в один из специальных лагерей, расположенных на юге Англии. Его товарищами по курсам оказались чехи, греки, поляки, голландцы, венгры, сербы. Никто из обучающихся не знал истинного имени другого, да никто и не допытывался, и только по характерным ошибкам в английском произношении можно было приблизительно догадываться о национальности каждого. На шестимесячных курсах проводилась всесторонняя подготовка. Слушателей знакомили с основами разведки и диверсионной деятельности, с обя-

зательными правилами конспирации; наряду с различными дисциплинами психологического свойства им преподавали и всевозможиые техиические предметы: они обучались шифроваиию, фотографироваиию, радиоделу, вождеиию автомобиля. Не были забыты и предметы, развивающие ловкость; поэтому, когда закоичилось обучеиие иа курсах, Кальмаи и его товарищи ие только умели отличио владеть ручным оружием, но и иеплохо освоили приемы дзюдо. В этих «иауках» Кальмаи особеиио хорошо преуспел.

После окончаиия курсов Дункан вызвал к себе молодого человека. В кабинете было тепло, в камине весело потрескивал огоиь. Дуикан предложил Кальману сесть и после краткого вступления, в котором ои похвалил его за прилежаиие, сказал:

— Итак, молодой человек, завтра вы как солдат Великобритаиии, присягнувший иа верность его величеству, возвратитесь в Веигрию.

— Слушаюсь, сэр.

— Учитесь, получайте образование, живите привычиой вам жизиью.

— А в чем будет заключаться мое задание, сэр?

— Посмотрите, пожалуйста, на эту фотографию.

Кальман взял в руки фотографию размером 6×9 сантиметров. С иее ему улыбалось лицо деда. Оливер Кэмпбел сидел у окиа; правая рука его была на подлокотиике кресла, пальцы сжимали голову резиого льва; левая рука лежала на коленях.

— Мой дед,— тихо произнес Кальмаи.

— Внимательно всмотритесь во все детали. Прочтите также и надпись иа обороте.

— «Моему виуку, с любовью и гордостью. Лондои, 1940, февраль. Оливер»,— прочел юноша.

— Вам иичто ие показалось страиным в этом тексте?

Кальман долго изучал иадпись.

— Да, сэр,— сказал он.— Дата иаписаиа дедушкой по веигерскому обычаю: сиачала год, потом месяц.

— Верио, молодой человек. Так вот, слушайте. Вы должиы беспрекословно выполнять задания того человека, который предъявит вам эту фотокарточку. Возможно, что ваш шеф явится только спустя иесколько лет.

— А до этого какое будет у меня заданне?

— Соблюдать все законы и жить, не прнвлекая к себе внимания. Так, как этому вас обучали. Вы должны раствориться в массе, в буднях. Без указанний вы не можете принимать участие ни в каком политнческом движенин или акцин.

— Понятно, сэр,— проговорил Кальман н вернул Дункану фотографию.— А что мне делать, если меня призовут в армию?

— Подчиннться. И еще одно: вы добровольно нзъявили желание служить нам. Поэтому за нзмену вы понесете строгую кару.

Кальман встал.

— Вы не разочаруетесь во мне, сэр.

Когда он прощался со своей матерью, у него было такое чувство, что онн никогда больше не увндятся.

Кальман вернулся на роднну. Проходнлн месяцы, а доверенное лицо к нему не являлось.

Летом 1941 года — ему уже нсполнилось двадцать лет — он вместе с другнмн студентамн уннверснтета был призван на военные сборы.

Накануне его отбытия в часть тетя Аннабелла устроила по этому поводу празднчный ужнн. Кальман был тронут заботой и любовью Аннабеллы н внимательно слушал ее советы.

После ужнна дядя Игнац положил ему руку на плечо.

— Пошли, мой мальчнк. Кофе принесут ко мне в комнату.

Доктор удобно расположнлся в глубоком кресле, закурил сигару и спроснл Кальмана, почему он не садится. Тот стоял у окна, спнной к Шавошу, и смотрел в сад.

— Знаешь, Кальман,— слышал он голос доктора,— военная служба в колониях, в тропнках, очень тяжелая. В десяти — двенадцатн тысячах кнлометров от родины. Когда я был в Гонконге...

— Ты был вместе с дедушкой в Гонконге?

— Да, в трндцатом году... Там мы н познакомнлнсь. В ту пору старнка интересовала авнацнонная промышленность Японин, и он на несколько лет по-



селился в Гонконге. Пей кофе, а то остынет. Гонконг... Любопытный город, и люди там любопытные. Это разведывательный центр Британской империи в борьбе против Японии. Место сбора международных авантюристов...

На башне францисканской церкви пробило восемь часов.

— Я пообещал твоему деду, что буду присматривать за тобой. Он шлет тебе привет.

Молодой человек вскинул голову.

— Когда ты разговаривал с ним?

— Он просит, чтоб ты не забывал его. И для большей убедительности посылает тебе эту фотографию.— Шавош вынул из бумажника фотографию размером 6×9 и протянул ее Кальману. Это была та самая фотография, которую показывал ему Дункан. Кальман был ошеломлен. Этого он никак не мог предполагать. Затем, чтобы скрыть свою растерянность, он заулыбался.

— Понятно, дядя Игнац,— сказал он.— Я в твоем распоряжении.

II

На другой день утром Кальман явился в часть. Указания, полученные им от дяди Игнаца, показались ему детской забавой. Не так представлял он себе борьбу против нацистов. Может ли повлиять на положение на фронтах его информация о том, чему их обучают на сборе, каковы технические данные венгерских танков и что дали наблюдения за офицерами и рядовыми?

Уже близился конец учебного сбора, когда Кальман поделился своими мыслями и переживаниями с доктором. Они сидели в саду; в воздухе уже чувствовалось дыхание осени. Кальман сказал, что он хотел бы получить более серьезное задание.

Шавош запустил пальцы в свои седеющие волосы, потом скрестил на груди мускулистые руки.

— Разумеется, ты, мой мальчик, способен и на большее,— проговорил он.— Но сейчас ты должен заниматься этим. Это нужно для тебя, нужно и для меня. Пока что мы закладываем лишь фундамент.

Успокоив Кальмана, Шавош ушел. Он отправился в гости к профессору Калди, приехавшему на несколько дней из Сегеда в Будапешт. Кальман получил увольнительную до следующего утра. Откинувшись на спинку плетеного диванчика и закрыв глаза, он наслаждался тишиной, теплым осенним воздухом и горьковато-пряными запахами, приносимыми вечерним ветерком. Он думал о приближающемся учебном годе.

Учебный год пролетел незаметно, а сразу после окончания экзаменов Кальмана призвали в армию. После шести недель общевойсковой подготовки, когда начались аудиторные занятия, Кальман попросил разрешения проживать вне расположения части. Его задача казалась ему несложной: он должен был наблюдать за людьми, присматриваться, кто сочувствует нацистам, а на кого можно будет положиться в случае вооруженного восстания. О своих наблюдениях он регулярно сообщал Шавошу.

В 1943 году произошло неожиданное событие, которое вынудило к решительным действиям не только Кальмана, но и Шавоша. В первых числах сентября группа офицеров и унтер-офицеров выехала в Гер-

манию. И в это самое время всю страну с молниеиосной быстротой облетело известие, что союзные войска высадились в Италии. На Восточном же фронте соедииения Красиой Армии неудержимо двигались вперед.

Кальмаиа и еще иескольких человек из батальоиа — в том числе и его нового друга Шандора Домбаи — откомандировали в распоряжение одной из карательных частей оккупационного командования иа Украине. На сборы им дали сроку три дня; отправляться оии должны были с вокзала Йожефварош.

Домбаи, как только это ему стало известно, тут же отыскал Кальмаиа. Оии присели иа скамейку под диким каштаиом. Домбаи решительно сказал:

— Я не поеду.

— А что же ты будешь делать?

— Сбегу. Хочешь со мной?

— Куда же? — спросил Кальман.

— Еще ие зиаю. У иас в распоряжении два дня. Что-иибудь выдумаю.

— У тебя есть связи?

— Была одиа нить, да оборвалась. Но...— Он в раздумье посмотрел иа Кальмаиа.

— Твои друзья — коммунисты?

— Не все ли равио? Важио, что антифашисты.

— Не торопись. Если мы решим бежать, то переход иа нелегальиое положеиие нужно как следует подготовить. Дело это ие простое.

После обеда Кальман пошел домой, переоделся в штатское и поехал в клинику к Шавошу. Год иазад доктор Шавош передал свою частиую клииику государству для лечения раненых, прибывающих с фронта, и правительство с радостью прииняло его подарок. Одиако иикто ие подозревал, что в трехэтажном здаиии клиники по улице Тома занимаются не только лечением раненых, но и организацией движения Сопротивления. Шавош был специалистом по иервиым и душевным болезиям, и среди его больных попадались и буйнопомешаииые; этих иесчастных лечили в закрытом отделении иа третьем этаже. Коллеги Шавоша были антифашистами: ои подобрал их из своих зиакомых врачей после долгого и пристальиого иаблюдения. Никто из них, за исключеиием двух че-

ловек, разумеется, не догадывался о том, что главный врач был одним из руководителей английской разведки, действующей на территории Венгрии, и что он, будучи убежденным англофилом, уже много лет работает на англичан.

Доктор как раз разговаривал по телефону, когда Кальман вошел к нему в кабинет. Он жестом пригласил племянника сесть, но Кальман подошел к окну и углубился в созерцание медленно плывущих по Дунаю к северу барж. Шавош тем временем закончил телефонный разговор, положил трубку, сказал секретарше, чтобы та никого не впускала, затем подошел к Кальману, пожал ему руку и, обняв за плечи, подвел к письменному столу. Кальман рассказал ему, что послезавтра на рассвете его в составе группы особого назначения отправляют на фронт, и попросил указаний. Одновременно он сообщил, что Шандор Домбаи намерен бежать, но в данный момент у него нет надежного места укрытия, так как в результате арестов его связи с друзьями нарушились. Доктор внимательно выслушал Кальмана, а затем сказал, что в соответствии с имеющимся указанием тот должен перейти на нелегальное положение. Сообщение Шавоша навело Кальмана на мысль, что доктор уже обсуждал с кем-то этот вопрос, а это означало, что есть начальство и повыше дяди Игнаца.

— Я уже принял необходимые меры.— Несколько минут Шавош задумчиво молчал, словно проверяя мысленно, все ли он сделал.— Профессор Калди знает тебя?

— Нет, не знает. А я знаю старика, слушал его лекции.

— У профессора Калди есть вилла на Таборхедьском шоссе.

— Где это?

— В Обуде, на склоне Розового холма. Виллу ты скоро сам увидишь, а вот о старике я кое-что тебе расскажу.— Доктор, куривший обычно сигары, на этот раз закурил сигарету.— Калди человек со странностями,— продолжал он.— Унаследовал большое состояние, но не придает ни малейшего значения ни деньгам, ни имуществу и растрачивает средства на какие-то глупости: он собирает антикварные вещи. Наверно, поэтому он и купил у черта на кулич-

ках этот уродливый дом, в котором ие меиее десяти комнат. Профессор больше иаходится в Сегеде, чем в Будапеште; ои преподает там в университете и проживает у младшей сестры своей жеиы Белы Форбат.

— Художник Форбат — его зять?

— Да.

— Старик, иесомненио, антифашист, и это всем известио. Свои убеждения ои иастолько открыто высказывает, что их ие прииимают всерьез. Поэтому Калди не вовлекают и в движеиие Сопротивлеиия — в конспирации он ии черта ие смыслит. Что у иего иа уме, то и на языке. Некоторые утверждают, что старый чудак потому отваживается так откровеиио высказывать свои мысли, что кто-то его поддерживает. Летом сорок второго года его иесколько раз допрашивали в контрразведке; иа иего пало подозрение в связи с тем, что его ассистент, Миклош Харасти, оказался члеиом иелегальной коммуиистической партии. Харасти жил у иего. Правда, до судебиого разбирательства дело ие дошло, так как, по официальиым даииым, молодой человек покоичил с собой. Это иеправда. Его адвокат утверждает, что ои умер от пыток. Отиосительио же Калди иичего ие смогли доказать, вероятио потому, что и не стремились к этому, ибо видели, что старик ие имеет иичего общего с коммуиистами. Его имя известио в зарубежных уииверситетах; после первой мировой войны он несколько лет жил в Париже и Веймаре.

— Да, страииый ои человек,— проговорил Кальман.— А его дочь?

— Марианна? — спросил задумчиво Шавош.— Иитересная девушка. Миклош Харасти хотел жениться иа ией. Во всяком случае, его влияиие иа нее было несомненио. В сорок втором году она, правда, еще ие была причастиа к движению, ибо тогда она провалилась бы. Однако я вполне допускаю, что теперь Марианна поддерживает связь с коммунистами.

— А из чего ты заключаешь, что девушка занимается подобиой деятельностью?

— Я не утверждаю этого, а только предполагаю. Словом, завтра ты переселишься иа виллу Калди и станешь там садовником.

— Садовником? Я?

— Ты, мой мальчик. Конечно, не как Кальман Борши, а как Пал Шуба, инвалид войны, юнкер-фельдфебель. До призыва в армию ты — Шуба — окончил высшую сельскохозяйственную школу в Нови-Саде.— Шавош рассказал затем, что несколько дней назад у них в клинике умер Пал Шуба, из юнкеров. Его тайно похоронили, а официально смерть его не зарегистрировали. Шуба-Кальман завтра оставит клинику как непригодный к военной службе инвалид войны. Шавош достал из ящика письменного стола документы, заглянул в один из них и начал читать:

— «Расстройство нервной системы, тяжелая форма эпилепсии на почве травмы коры головного мозга; операция противопоказана...» Мы уже наклеили сюда твою фотографию, вот медицинское заключение, а вот выписной лист. Шуба служил во втором разведывательном батальоне первого полка. Из всего батальона только двое вернулись домой. Остальные погибли под Коротояком или пропали без вести. Что тебе еще нужно знать? Ты награжден Железным крестом второй степени. В этом конверте ты найдешь автобиографию, собственноручно написанную Шубой. Выучи ее, изучи также его почерк, а главным образом потренируйся в его подписи.— Пока доктор говорил, Кальман постепенно начал понимать, почему дядя Игнац передал свою частную клинику под лечение раненых. Это давало ему возможность обеспечивать безукоризненную легализацию своих агентов.

— Тебе все понятно?

— Все. Когда я должен приступить к своим новым обязанностям?

— Ну, скажем, завтра, во второй половине дня. Ты придешь сюда, здесь переоденешься и отсюда отправишься на виллу Калди. Отсюда ты удалишься совершенно спокойно; ведь когда шесть месяцев назад Шуба был доставлен в клинику, лицо его все было забинтовано. Так что администрация не видела его. Его лечащим врачом был я, наблюдал за ним и старший врач отделения, но его ты можешь не опасаться.

— Я полностью доверяю тебе, дядя Игнац,— проговорил Кальман.

— Во всяком случае, завтра к вечеру я отошлю в твою часть письмо, в котором ты сообщаешь мне, что не желаешь сражаться на стороне немцев и дезертируешь.

— Но я не писал тебе такого письма.

— Ты его сейчас напишешь и сегодня же вечером заказным письмом пошлешь на мой адрес, а я его получу завтра во второй половине дня. Правильно?

Кальман кивнул.

— Здесь написать его?

— Можешь и здесь. Подожди, мой мальчик. Вот еще три открытки,— сказал Шавош и достал из бювара три видовые открытки.— Эта истамбульская, а эти две каирские. Садись за стол, напиши на этих открытках адрес, мою фамилию и черкни на них мне несколько приветственных слов.

— А что будет с Домбаи? — спросил вдруг Кальман.

— Пока я его возьму сюда, в клинику, санитаром. В закрытое отделение. Завтра вечером пусть он явится ко мне.

III

На другой день к вечеру с документами на имя Пала Шубы, в поношенной одежде, полученной от Комитета национальной помощи, с чувством легкой неуверенности он подошел к железной калитке и нажал кнопку звонка. Несколько минут из виллы никто не выходил, и Кальман имел возможность осмотреться. Надвигались сумерки, но ему была хорошо видна и серая полоса Дуная, и угадывающиеся в дымке заводские трубы далекого Андялфёльда, и Венское шоссе, вьющееся у подножия гряды холмов.

Калитку открыла девушка лет двадцати. Ее светлые волосы были схвачены в тугой узел. С какой-то детской непосредственностью она бросила на Кальмана открытый взгляд своих темно-карих глаз и спросила, что ему угодно. Молодой человек объяснил цель своего прихода, сказав об этом непринужденно, без тени смущения. Девушка достала из кармана фартучка ключ и открыла калитку, сообщив при этом, что господина профессора сейчас нет, дома одна лишь барышня.

Марианна приняла его в кабинете отца на первом этаже. На ней был светло-серый костюм из сукна, одну руку облегала мягкая кожаная перчатка; на столе лежала ее сумочка — по всему было видно, что девушка собралась уходить.

Кальман быстро оглядел хозяйку. Темно-каштановые волосы, остриженные коротко, почти «под мальчика», были зачесаны назад. Черты лица казались несколько неправильными — такими их делали широкие скулы. Глаза у нее — большие, синие, чуть раскосые — были совсем как у восточных женщин. Она отпустила служанку и знаком пригласила Кальмана сесть. Но он не сел, а остался стоять, прислонившись к письменному столу.

— Отец вернется только через неделю,— сказала Марианна хрипловатым голосом подростка.— Но мне говорил о вас доктор Шавош; он сказал, что вы остались без жилья и срочно ищете работу. Отцу давно уже нужен садовник. Если вас устроят условия, можете остаться у нас.

— Я в таком положении,— начал Кальман,— что выбирать не приходится.

Марианна поинтересовалась, в порядке ли у него документы.

— Если все в порядке,— добавила девушка,— завтра зарегистрируйтесь в полиции.— Вызвав звонком Илонку, светловолосую служанку, она велела показать новому садовнику его комнату...

Прошло несколько недель. Кальман исправно выполнял свои новые обязанности, по вечерам же заходил в библиотеку и там читал. Однажды он поймал себя на мысли, что все чаще думает о Марианне. Было обидно, что девушка почти не замечала его.

От дяди Игнаца пришла весточка — потерпеть еще немного; дескать, существо перехода на нелегальное положение состоит в том, чтобы тихо сидеть на своем месте. Шли недели, и Кальман все сильнее ощущал страстное влечение к Марианне.

На рождество он остался в доме один. Кухарка Рози и горничная Илонка ушли еще утром, профессор был в Сегеде, Марианна, ночевавшая накануне в городской квартире на улице Вам, позвонила отту-

да и сказала, что вернется только к вечеру. Кальман хорошо натопил в доме, обошел все комнаты, проверил температуру, полил цветы. Потом неожиданно позвонил в салон цветочной фирмы «Мальвин гелб» и от имени профессора Калди заказал букет роз.

В полдень он пообедал, помыл посуду и побрел в библиотеку; за чтением он задремал. Часов в шесть вечера его разбудил звонок: мальчик-разносчик принес цветы. Щедро одарив паренька чаевыми, он, насвистывая какой-то мотивчик, взбежал на второй этаж и отворил дверь в комнату Марианны. Ничего не видя в темноте, он нащупал выключатель и зажег свет. Затем снял с низенького шкафчика керамическую вазу, наполнил ее в ванной водой и поставил вазу с цветами на тумбочку у тахты. Залюбовавшись букетом, он не заметил, как в комнату вошла Марианна. По всей вероятности, она только что возвратилась домой, ибо еще не успела раздеться и волосы ее были влажны от снега. Смущенно и немного стыдясь своего поведения, Кальман глядел на девушку. А та с раскрасневшимся лицом смотрела то на розы, то на молодого человека. Смелости у Кальмана сразу как не бывало.

— Извините... я не знал... что вы уже пришли...

Марианна не отрывала взгляда от роз.

— Какие прекрасные! — сказала она тихо.— И все мои? — Кальман утвердительно кивнул.— Спасибо,— добавила она.

— Вам они нравятся?

— Я очень люблю розы, но поставлю их на стол — у них очень сильный аромат.

— Я сам! — Кальман схватил вазу, и их руки соприкоснулись. В замешательстве молодые люди подняли глаза. И вдруг Кальман выпрямился, привлек Марианну к себе и поцеловал ее долгим, страстным поцелуем. Марианна не сопротивлялась.

Позже, когда голова Марианны уже покоилась у него на груди, он нежно обнял ее. Марианна прижалась губами к груди Кальмана.

— Я боюсь за тебя,— прошептала она.

— Значит, любишь.

— Военный трибунал заочно приговорил к смерти за дезертирство Кальмана Борши и еще какого-то парня, по имени Домбаи.

Кальман вздрогнул.

— Откуда ты это знаешь?

— Дядя Игнац показывал мне копию приговора. Тебе и носу нельзя показывать на улицу. Здесь ты в безопасности. Все равно скоро все будет кончено.

— Только до того времени многие погибнут.

— Мы будем жить. У Невеля русские прорвали фронт, немцы бегут.

— Я даже не знаю, где Невель.

— Я тоже. Но наверняка ближе, чем Сталинград.

Они были безмерно счастливы, но для всех в доме это оставалось тайной. Марианна и Кальман соблюдали все, что предписывалось домашним распорядком.

Так прошла зима. А когда весна возвестила о своем пришествии, они уже знали, что жить друг без друга не могут. В один из первых дней марта Марианна сообщила Кальману, что вечером к ним придут в гости дядя Игнац и Аннабелла. Было бы неплохо, если бы он в это время находился в библиотеке, добавила она, с ним хочет побеседовать господин главный врач.

— Ты рассказала ему о наших отношениях? — спросил Кальман.

— Упаси бог.

— Аннабелла тоже не знает?

— Я должна была кому-то поведать о своем счастье...

— Это понятно. Но, надеюсь, ты взяла с нее слово, что она не выдаст нас дяде Игнацу?

День прошел в томительном ожидании. Сидя в библиотеке, Кальман читал «Американскую трагедию» Драйзера, но книга не могла завладеть его вниманием. Из столовой доносился шум, характерный для ужинающей компании: нежное позвякивание серебряных приборов, выстрел из бутылки шампанского, отрывки разговора.

Но вот в библиотеку вошел Шавош. Они обнялись. Доктор спросил Кальмана, как он себя чувствует, и, не дав ему ответить, воскликнул:

— Да ты выглядишь совсем молодцом! — Достав из кармана пиджака кожаный портсигар, Шавош закурил сигару.

— Ты помнишь Монти Пинктона? — спросил доктор.— Вы вместе учились на курсах в Англии.

— Такой светловолосый, широкоплечий парень с девичьим лицом...

— Что ты знаешь о нем?

— Надо подумать,— ответил Кальман и, закрыв глаза, стал потирать лоб указательным пальцем. Он представил себе по-славянски добродушное лицо Пинктона.— Кажется, он поляк,— начал неуверенным голосом Кальман...— Однажды он как будто упомянул, что приехал в Оксфорд из Варшавы. Отец его врач. Фамилия Пинктон — вымышленная. Подлинной фамилии его я не знаю. Он принадлежал к числу наиболее старательных слушателей.

— Что он знает о тебе?

За окном неожиданно забарабанил дождь, порыв ветра где-то хлопнул дверью.

— Я ничего не рассказывал ему о себе. Однажды он спросил, не баварец ли я. Я не стал разубеждать его. А чтобы он и впредь считал меня баварцем, я иногда в разговоре пускал крепкое словцо по-немецки. Кстати, между собой мы говорили только по-английски.

Главный врач задумчиво курил. Он сидел ссутулившись, с толстой гаванской сигарой во рту и напоминал скорее стареющего директора театра, чем одного из резидентов «Интеллидженс сервис» в Венгрии.

— Сколько венгров, кроме тебя, учились на курсах?

— Понятия не имею. Мы ведь говорили друг с другом по-английски.

— Так вот. Монти Пинктон — венгр.— Это было сказано столь равнодушно, словно доктор сообщал, что на улице идет дождь.— Сейчас он сотрудник Телеграфного агентства. Зовут его Тибор Хельмеци, и есть подозрения, что он предатель.

— Не может быть,— сказал Кальман,— ведь Монти...

— Возможно, мы ошибаемся,— прервал его доктор,— но я думаю, что нет... В прошлом году Хельмеци три месяца провел в оккупированной Варшаве. После его возвращения были арестованы три руководителя движения Сопротивления. Все трое были слушателями курсов Пи-Ай-Ди.

— Может, это просто случайность...

— В декабре он как корреспондент своего агентства был в Белграде. Оттуда перебрался в Афины. Но не успел он еще прибыть в Грецию, как люди майора Генриха фон Шликкена схватили Мирко Станковича и всех членов его группы. «По совпадению» Мирко тоже учился на курсах Пи-Ай-Ди.

— В Афинах тоже был провал?

— Там нет. Но вчера взяли Базиля Томпсона. Ты ведь знал его, не так ли?

Кальман кивнул и спросил:

— Где взяли Базиля?

— В Будапеште.

— Базиль тоже венгр?

— Его зовут Геза Томбор.

— У него была связь с Хельмеци?

— Нет, но, возможно, Хельмеци нащупал его.

Кальманом овладело странное беспокойство.

— А с кем связан Хельмеци непосредственно?

— Непосредственно ни с кем. Он агент стратегической группы разведки, так сказать, резерв. Дважды в год он должен являться с докладом к своему шефу. С момента возвращения на родину он еще не получал заданий. Разумеется, мы только предполагаем, что он предатель.

— Что же вы собираетесь делать? — спросил Кальман.

— Мы должны точно знать, предатель он или нет.

— Как же ты хочешь это узнать?

Доктор обрадованно кивнул:

— Хельмеци ждет связного. Ты вступишь с ним в контакт, словно ты тот самый связной. Собственно, так оно и есть в действительности.

IV

Тибор Хельмеци каждый день от четырех до шести пополудни пишет свои репортажи в кафе «Нью-Йорк». Там у него и столик абонирован — у окна, выходящего на улицу Дохань.

План Шавоша сводился к следующему. Кальману предстояло сесть к этому столику, а когда появится Хельмеци, сообщить ему пароль и дать понять, что он, Кальман, будет верхним звеном связи. Далее в

общих чертах рассказать, что готовится крупная операция, но конкретно ничего не говорить. Нельзя давать и своего адреса. Один из агентов Шавоша будет наблюдать за Хельмеци, который, если он действительно предатель, непременно позвонит своему шефу и попросит его установить слежку за Гарри Кэмпбелом.

План этот Кальману не понравился. А вдруг у Хельмеци в кафе будет свой человек? Что тогда делать? Кальману казалось, что продуманы не все детали. Ему надо предпринять что-то другое.

С Марианной он встретился в саду.

— Я должен пойти в город,— сказал Кальман.

Она взяла его за руку, глаза у нее сразу стали темными.

— Я боюсь за тебя и пойду с тобой.

— Это невозможно. Но уж если ты хочешь мне помочь, то есть и для тебя дело.— Она подняла на него вопрошающий взгляд.— Отправь меня в город за чем-нибудь, да так, чтобы тетушка Рози слышала это. Скажем, к одному из твоих знакомых...

— Ты все же не веришь ей?

— Я верю только себе и тебе. Ты сегодня не собираешься уходить из дому?

— В два часа я должна проводить отца на вокзал, к трем иду в университет. Возможно, сюда не вернусь.

— Останешься ночевать на городской квартире?

— Вероятно. Сама еще не знаю. Кончишь свои дела — приходи туда. Ты ведь еще не был у меня.

— Это было бы чудесно. Но нужно придумать какой-то повод, чтобы объяснить мое отсутствие дома...

В кухне их было трое: Кальман ел, Илонка, сидя напротив, пила кофе с молоком, Рози у плиты поджаривала ломтики хлеба. По радио передавали последние известия, а Рози разглагольствовала о верности женщин-солдаток. Кальман знал, что ее речь была адресована только Илонке. Дело в том, что жених молоденькой служанки воевал на Восточном фронте, а она, видите ли, заглядывалась на Кальмана.

Илонка хотела ответить что-то, но тут вошла Марианна.

— У меня к вам дело, Пали,— сказала она, подойдя к Кальману.— Хочу просить вас сделать для меня одну любезность.

Кальман вытер губы и встал.

— Я вас слушаю, барышня.

— Одна моя знакомая попросила у меня почитать редкую, ценную книгу. Это уникальное издание, и я не решаюсь отправить книгу почтой. Отвезите ее моей подруге.

— Хорошо. Но куда?

— В Цеглед. Вы еще успеете на поезд, который отправляется в одиннадцать тридцать. А завтра утром вернетесь...

Кальман несколько раз обошел здание кафе «Нью-Йорк». Осмотрел входы и выходы, внимательно присматривался ко всем мелочам. Совсем так, как этому учили на курсах разведчиков. «Обеспечение отхода есть вопрос жизненной важности». Потом вошел в кафе. Быстрым взглядом окинул помещение, поднялся на галерею и занял место у такого столика, чтобы видеть весь зал. Затем выпил бутылку пива и стал разглядывать публику. Вдруг он решил изменить план дяди Игнаца. Поспешно расплатившись, он вышел на улицу и поехал в Буду. Переехав мост Маргит, спрыгнул с трамвая и быстро пошел по набережной Дуная. Дойдя до площади Дежё Силади, он замедлил шаги и тут еще раз продумал свой план действий. Потом решительно вошел в одну из табачных лавок на улице Фё, купил сигарет и жетон для телефона-автомата. После чего позвонил Марианне.

— Я хочу вместе с тобой пойти в твою квартиру.

Войдя в квартиру, Кальман был восхищен. Простая, но со вкусом подобранная обстановка создавала какой-то особый уют: широкая тахта, книжный шкаф из светлого полированного дуба, низкий столик и легкие кресла.

— Что случилось, Кальман? — спросила она.

— Потом я тебе все объясню. А сейчас ты поможешь мне?

— Конечно.

— Только ни о чем не спрашивай.

— Говори, что делать.

— Видишь окно напротив?

— В котором цветы?

— Да. Тебе надо узнать, кто живет в той квартире.

— Сейчас?

— Было бы неплохо.

— Ты, конечно, подождешь здесь?

— Да. Постой-ка! Как ты хочешь это сделать?

— Это уж не твоя забота.

Когда за Марианной захлопнулась дверь, он стал опять смотреть в окно. Вот она вышла из подъезда. Она казалась маленькой и хрупкой. Остановилась у края тротуара, посмотрела по сторонам и уверенным шагом перешла улицу. Не взглянув вверх, скрылась в доме.

Девушка возвратилась домой через полчаса.

— Удалось что-нибудь узнать? — спросил он.

Марианна опустилась на край тахты.

— Немногое, но, думаю, тебе пригодится.— Она закурила.— Хозяин квартиры — некто Вазул Гёмёри. Дипломат. Первый секретарь посольства. В настоящее время служит в Анкаре. В квартире сейчас живет его мать, госпожа Гёмёри, урожденная Эльвира Дюитцендорфер, с глухой экономкой. Квартира из пяти комнат. Окна трех комнат выходят на улицу Фё, а двух — во двор. Фрау Эльвира почти не говорит по-венгерски. Собирается возвращаться в Германию. «Адольф Гитлер, дочка,— говорит,— посланник божий». Разумеется, по-немецки сказала. Что тебя еще интересует?

— Превосходно,— ответил Кальман.— Как тебе удалось столько узнать?

— Очень просто.— Марианна сделала затяжку и озорно рассмеялась.— Я позвонила. Когда мне открыли дверь, я предъявила студенческую зачетку и сказала, что пришла по поручению Христианского союза женщин-патриоток.

— Неужто есть и такая организация? — удивился Кальман.

— Понятия не имею. Но название что надо! Когда я заметила, что хозяйка с акцентом говорит по-венгерски, я перешла на немецкий. У той лицо так и засияло. Затем я обстоятельно объяснила ей, что по призыву Христианского союза студентки, настроенные патриотически и прогермански, производят социогра-

фические исследования. Мы, говорю, опрашиваем людей, слушают ли они по радио концерты по заявкам, находят ли программы этих концертов достаточно патриотическими, ну и дальше в таком же роде. Тем временем я спокойно осмотрелась вокруг. Потом начала хвалить ее вязаные салфетки, дешевые базарные картинки и вообще всю квартиру. В конце концов она уже души во мне не чаяла. Едва отпустила. На прощание я ей: «Хайль Гитлер» да «Целую ручку, либе муттер Эльвира» — и была такова. Сварить тебе кофе?

Кальман взглянул на часы.

— У меня уже нет времени,— ответил он и встал.

Старший лейтенант запаса Оскар Шалго, вот уже восемь лет работающий в контрразведке старшим инспектором, мягким шагом шел по плохо освещенному коридору. Мягкость и пружинистость его походки объяснялась не столько упругостью его мускулов, сколько тем, что этот сорокадвухлетний мужчина сам по себе был «мягким» и любящим комфорт. Будь это в его власти, он, по всей вероятности, завел бы в Венгрии рикш, чтобы не делать ни единого шага пешком. Несколько раз он собирался оставить службу, но начальство не отпускало его, считая старшего инспектора знатоком своего дела. А два года назад, когда отдел контрразведки по приказу свыше стал заниматься «вылавливанием» коммунистов, Оскара Шалго перевели в этот отдел. Старший инспектор не очень-то обрадовался этому. Он был влюблен в свою профессию, в классическую службу безопасности, боровшуюся со шпионами, а коммунистов он просто-напросто не считал шпионами. Частенько у него возникали споры с шефом, полковником Вёрёшкёи, к которому он относился как к дилетанту в их деле и с методами работы которого был не согласен. Однажды он даже сказал полковнику: «Борьба против коммунистов, между прочим, отличается от обычной, классической контрразведки тем, что шпионы выполняют свою не очень-то благодарную работу без особой убежденности, за деньги, по принуждению или просто из жадности к приключениям, в то время как коммунисты борются за очень убедительную, в какой-то мере даже приемлемую идею, и их деятельность зиждется на глубоко принципиальной основе».

Итак, Оскар Шалго шел по коридору. По его лысине скользили отблески от электрических лампочек. Без стука вошел он в приемную полковника. Адъютант вежливо козырнул ему и незамедлительно доложил шефу о приходе старшего инспектора: он знал, что Шалго может входить к полковнику Вёрёшкёи в любое время.

Левая рука шефа контрразведки безжизненно висела вдоль тела — память о первой мировой войне; худое лицо напоминало морду лисицы, длинный нос почти полностью заслонял подстриженные седые усы и маленький скошенный подбородок. Полковник уже привык к «несносным штатским замашкам» Шалго, к его небрежному приветствию: иного от него нечего было и ожидать. Приходилось терпеть, ведь полковник не мог обходиться без этого вечно сонного на вид человека. Только благодаря ему шеф и держался на этом месте.

— По вашему приказанию прибыл,— доложил Шалго сонным голосом.

— Вы мне нужны, Шалго.— Полковник ловко обрезал кончик сигары и закурил. Некоторое время он молча попыхивал сигарой, потом, выпустив струйку дыма на полированную поверхность стола, продолжал:

— Как мы и уславливались, Генрих фон Шликкен переехал со своей группой в Будапешт. Сейчас он живет в «Астории». Вы меня слушаете, Шалго?

— Да, господин полковник.

— Итак, согласно нашему плану мы назначаем вас в распоряжение майора Шликкена. Он просил именно вас. Вы, Шалго, будете осуществлять связь между нами и Шликкеном. Вы давно знаете Шликкена?

— Тридцать пять лет. В детские годы мы были друзьями. Хороший парень, не прочь повеселиться, любитель богемы. Но я не в восторге от него с тех пор, как он стал нацистом. Разрешите доложить, господин полковник?

— Слушаю вас, Шалго.

— Час назад я получил донесение от Тубы.— Он достал из кармана скомканный клочок бумаги, расправил его на своей мягкой ноге, потом, водрузив на нос старомодное пенсне, прочел: «Сегодня в первой половине дня Марианна Калди послала в Цеглед садовника Пала Шубу с уникальной книгой к какой-то

своей подруге. Шуба уехал сольнокскнм пассажнрским поездом в однннадцать тридцать. Верится домой завтра утром. Разговор об этом пронсходил иа кухие. Присутствовалн служанка Илона Хорват и повариха Розалия Камараш. Профессор выехал в Сегед двухчасовым скорым. Пробудет там иеделю. В час дня Марианна иеожидаиио ушла из дому, снльно взволиованная».

Полковник покачал головой.

— Опять у вас этот идефикс. Дорогой Шалго! Коммунистов надо искать в рабочнх поселках, а не среди профессоров. Калдн — член-корреспондент Академии наук.

— Это ничего не значит.

— У него большое состояние...

— У Эигельса тоже было большое состояние... Господии полковннк, верующие бывают и среди состоятельных людей. А марксизм — это релнгия...

— Давайте коичим этот спор, Шалго. Полтора года вы пытаетесь убеднть меня в этой чепухе. Меия ие интересуют донесеиня ваших агентов. Представьте мне факты, которые подтверждают, что Калдн русский шпиои.

— Не шпион. Ои коммуиист.

— Все равно,— отмахиулся полковинк.— Я поверю только фактам.

— Распорядитесь прослушнвать его телефонные разговоры.

— Для этого нужно разрешеиие господина министра. А ои благосклонен к Калди.

— Давайте все же попросим разрешение у министра.

Вёрёшкёи встал.

— Устаиовите связь с майором Шлнккеиом. Разыщите Ц-76. Я хочу поговорнть с ним.

— Когда вы желаете принять Ц-76?

— Завтра пополудни.

V

Кальман Боршн вошел в ресторан и занял место за одиим из столнков задолго до четырех. Огляделся, прикндывая, где вероятиее всего будет сидеть человек дяди Игнаца. Кальман заказал пива. Старый,

шаркающий официант вернулся довольно быстро, неся бутылку и бокал на подносе. Но Кальман вдруг передумал н попроснл старика принести еще и коньяк. Как только официант поставил рюмку с коньяком на столик, Кальман расплатился. Согласно плану, он должен был сесть за столик Хельмецн, но Кальман решил изменить план.

Ждать ему пришлось недолго: вскоре явился и Хельмеци. Он был весьма элегантен: в коричневом спортивном пальто, серых брюках н бежевых туфлях нз замшн.

Кальман подождал несколько секунд, затем одним глотком выпил коньяк, но, ставя рюмку обратно на стол, был так «неловок», что локтем смахнул со стола на пол пивную бутылку, н она, со звоном упав на пол, разлетелась вдребезги. Кальман вскочнл, «в замешательстве» опрокинул стул, заикаясь, начал что-то объяснять официанту. Между тем от его взгляда не ускользнуло нзумление на лице Хельмецн. Заплатив за разбитую бутылку н делая вид, что не замечает журналиста, Кальман торопливо направнлся к выходу. По его расчетам, если Хельмеци узнал его и если он действительно предатель, то он должен поспешнть за ним следом. А поскольку ему известно, что Кальман здесь нелегально, он обязательно оклнкнет его. Возле вращающейся двери Кальман на мгновение остановнлся у огромного стенного зеркала и заглянул в него. Вид у него был, как он этого н хотел, «нспуганный». Увндел он в зеркале также н то, что Хельмеци уже поднялся из-за стола и разговаривает с официантом. Кальман завернул на улицу Дохань н медленно пошел по ней, давая Хельмеци возможность нагнать его. Когда он через окно в последний раз заглянул в кафе, журналнста там уже не было. Не оборачнваясь, Кальман перешел на протнвоположную сторону, однако не успел он еще добраться н до угла улицы Микша, как услышал за спнной торопливые шаги.

— Гаррн! — прозвучал у него за спнной взволнованный, хотя н мягкий, голос. Кальман не остановился. Стук шагов по асфальту убыстрился, и вот Хельмеци уже ухватнл его за рукав.— Провалнсь я на этом месте,— восклнкнул он по-англнйскн,— еслн это не Гаррн Кэмпбел!

Кальман остановнлся н тоже по-английскн взволнованно ответнл:

— Ты с ума сошел! — С этнмн словами он повернулся и пошел дальше.

— Прости меня, Гарри,— извинился Хельмеци,— но ведь нет никакой опасности.

— Никакой, еслн не считать, что ты на всю улицу орешь мое имя. Иди рядом н говорн по-немецки.— Пройдя еще несколько шагов рядом с Хельмеци, он сказал: — В каком книжном магазине я мог бы купнть томик Мнльтона?

Хельмеци неожиданно остановился.

— А какое издание вам нужно?

— Лондонское, двадцать седьмого года.

— Вы можете купить его в магазине «Внктория».

Кальман кивнул н зашагал дальше.

— Послушай, в свое время мы все подробно обсуднм. Но не сейчас. Я рад тому, что ты жив, и еще больше — что тебя направнлн в мою группу. Нужно действовать, не теряя времени, потому что Базиль Томпсон провален.

Хельмеци побледнел, губы его задрожали.

— Разве Базиль жил в Будапеште?

— Уже много лет.

— А откуда тебе известно, что он провалился?

— От нашего человека в контрразведке.— Про себя Кальман подумал, что, еслн Хельмеци предатель, этнм своим заявлением он посеет превелнкую панику среди венгерских контрразведчиков и онн лихорадочно примутся искать в своей среде несуществующего кэмпбеловского агента.— Начиная с этого момента я твой шеф,— продолжал Кальман.— Мы готовимся к грандиозной операции, и тебя ждет важное задание. Ты должен принять на связь группу, которой прежде руководил Базиль. Подробностн обсудим у меня на квартире. А сам я сегодня ночью уезжаю. Ты останешься у меня на квартире и дождешься, пока туда прибудет мой заместитель. Пароль тот же. Все ясно, Монти? Между прочим, ты в безопасности, потому что Базиль не знает твоего адреса. Я сам получил его из Центра только вчера.

Тем временем они завернулн на улицу Барчаи. Хельмеци остановнлся в нерешительности.

— Гарри, мне нужно вернуться, я забыл в кафе свой портфель. Подожди меня, я сейчас же вернусь, и мы можем пойти ко мне.

— Хорошо, отправляйся, у меня тоже есть еще кое-какие дела. Собственно, мне от тебя больше ничего не нужно. Спрячь вот эту спичечную коробку. В ней адрес моей квартиры. В семь часов вечера приходи ко мне. К этому времени я уже вернусь домой. Будь пунктуален.

Кальман подождал, пока изумленный Хельмеци не исчезнет за углом, а затем уже сам быстрым шагом и, проверяясь по всем правилам конспирации, заспешил к Марианне. Он думал о том, что, если Хельмеци предатель, он будет действовать без промедления, возможно даже попытается организовать за ним слежку, хотя это и маловероятно. Будь он, Кальман, шефом Хельмеци, он бы немедленно арестовал Кэмпбела, а в его квартире устроил бы засаду и терпеливо дожидался бы прихода туда заместителя Кэмпбела. Госпожа Эльвира, несомненно, будет неприятно удивлена, но через несколько часов или по крайней мере дней ошибка выяснится и недоразумение будет улажено.

Все обошлось хорошо, Кальман без «хвоста» добрался до дома Марианны, а когда вошел в крошечную переднюю, то даже почувствовал хороший, здоровый аппетит. Ведь у него с самого утра маковой росинки во рту не было. Марианна радостно встретила его: обняла, расцеловала. Смеясь, Кальман высвободился из объятий и спросил Марианну, найдется ли у нее хоть чего-нибудь поесть.

— Ну конечно! — хлопнула себя ладонью по лбу Марианна.— Ты же еще не обедал. Сейчас я приготовлю что-нибудь.

После обеда Кальман уселся к окну и стал внимательно наблюдать за улицей.

— Марианна,— обратился он к девушке.— Если хочешь, ты можешь помочь мне.

— Что я должна делать?

— Сядь рядом со мной, и я объясню тебе. Видишь вон того мужчину с букетом, в пальто с ворсом, что прогуливается по улице Вам?

— Того, что сейчас остановился на углу?

— Да, его!

— Ну и что? Наверное, дожидается свою девушку.

— Возможно. Так вот, не спускай с него глаз, а

я буду следить за улицей Фё. Увидишь, какой сейчас разыграется спектакль.

Несколько минут спустя Марианна сообщила:

— Видно, моему подопечному очень жарко: он то и дело вытирает лоб.

— Да? — отозвался Кальман, не спуская между тем глаз с черного «мерседеса», остановившегося у дома напротив. Из машины вышли четверо мужчин в черном.— Ну, так что там с твоим подопечным? — переспросил Кальман.

— Стоит и разговаривает с каким-то приземистым мужчиной в серой шляпе... Они переходят на противоположную сторону улицы... Расходятся... Остановились и опять кого-то ждут.

— Думаю, что я угодил в самое яблочко! — заметил Кальман.— Теперь следи за парадной дверью дома напротив. Если увидишь муттер Эльвиру, тотчас же скажи об этом мне.

Мужчины в черном уже успели скрыться в парадном, когда из подошедшего серого «вандерера» выскочили еще три человека. Двое из них также вошли в дом, а третий остался на улице.

Вдруг Марианна схватила Кальмана за руку:

— Ты посмотри только!

Из парадного мужчины в черном волокли отчаянно отбивавшуюся фрау Эльвиру. Через несколько секунд она была уже в «мерседесе».

— Мы выиграли! — весело воскликнул Кальман и поцеловал руку Марианны: однако, взглянув ей в лицо и увидев ее изумленный взгляд, он пришел в замешательство. Марианна была отнюдь не весела, и она решительно не понимала, отчего арест фрау Эльвиры мог так развеселить Кальмана.

— Почему забрали эту женщину? — спросила девушка.— Что она сделала?

— Сейчас все поймешь. Мы подозревали в предательстве одного журналиста, тоже участника Сопротивления. Но нужно было проверить наши подозрения. Сегодня днем я встретился с этим типом. Он знал, что я нахожусь на нелегальном положении. Я сказал ему, что живу у фрау Гёмёри, но сегодня ночью покину эту квартиру. Теперь ты понимаешь? Он тотчас же известил об этом контрразведку. А муттер Эльвиру забрали, не поверив ей, что она ничего обо мне

не знает. Ну, не беда, ее через несколько дней выпустят.

— Понимаю. Но разве нельзя было найти другой способ?

— Вероятно, можно было. Но в тот миг мне пришло в голову именно это решение. Рассчитавшись с подлым предателем, мы тем самым спасем жизнь многих людей. Пусть и эта дамочка принесет хоть малюсенькую жертву на алтарь нашего общего дела.

— Возможно, что ты и прав,— согласилась Марианна.

— Тогда я попрошу тебя: пойди и позвони из уличного автомата дяде Игнацу. Скажи ему, чтобы он немедленно пришел сюда.

Около десяти часов вечера приехал доктор Шавош. Кальман заметил, что он не в духе. Марианна сообразила, что она лишняя, и, сославшись на какое-то неотложное дело к привратнику, удалилась. Едва за ней захлопнулась дверь, доктор Шавош, хотя и сдерживая себя, но все же строгим, даже гневным голосом стал выговаривать Кальману:

— Почему ты не выполнил задания и бежал от Хельмеци?

Кальман знал, что человек дяди Игнаца, ведший за ним наблюдение, подробно доложил шефу все, что он видел. Кальмана задел оскорбительный, грозный тон дяди. Однако он не возражал и только с укоризной смотрел на него, высоко вздернув брови. А тот продолжал резко отчитывать его:

— Почему ты раньше не сказал, что ты трус? Зачем вообще поступал на эту опасную службу?

— Почему ты думаешь, что я не выполнил задания? — тихо спросил Кальман.

— Я все знаю.

— Твой агент дурак! — в сердцах воскликнул Кальман.— А Хельмеци предатель! — Кальман подробно рассказал обо всем происшедшем и рассчитывал, что доктор похвалит его. Но тот, нахмурив брови, буркнул:

— Немедленно отправляйся на виллу.

Кальман поднял изумленный взгляд на доктора.

— Я вернусь туда только утром.

— Нет, сейчас. Даже не дожидаясь возвращения Марианны. Одевайся и немедленно уходи!

— Я дождусь возвращения Марианны и отправлюсь на виллу только утром,— с холодным спокойствием возразил он Шавошу и уселся в кресло.

Доктор небрежным жестом провел кончиком пальца по своему высокому лбу. Потом подозрительно взглянул на Кальмана.

— У тебя что — интимные отношения с этой девушкой?

— Это мое личное дело.

— В данный момент есть только *наше дело*. Отвечай!

— Я люблю ее.

— Это меня как раз не интересует. Есть у тебя с нею связь?

— Уже несколько месяцев,— решительно заявил Кальман.— Но если ты вздумаешь приказать мне, чтобы я порвал с нею, я наперед заявляю тебе, что не выполню этого твоего приказа.

— Ты должен порвать с ней!

— Нет! Я дал присягу, но...

— Никаких «но», мой мальчик! Ты присягнул выполнять все мои приказы. И я не обязан объяснять тебе причины, стоящие за моими приказами. Но на этот раз я сделаю это. Марианна принимает участие в подпольном коммунистическом движении. Если она провалится, то это не повлечет за собой провала Пала Шубы, садовника. В худшем случае его допросят. Но вот Пала Шубу, ее любовника, обязательно возьмут вместе с ней. Не будь Пал Шуба агентом английской разведки, ни одной собаке не было бы до него дела. В данном же случае эта его любовная история угрожает интересам всей разведывательной службы.

Вдруг резко зазвонил телефон. Доктор сделал знак Кальману остаться на месте, а сам подошел к аппарату и снял трубку.

— Вас слушают! — сказал он в телефон странным, булькающим голосом.

Кальман ничего не понял из телефонного разговора, он только видел, что его дядя взволнован. Задумавшись, Шавош несколько раз прошелся по комнате от двери до окна, затем сказал:

— Пошли, я тебя провожу. Расскажу обо всем на улице. Нужно действовать без промедления.

На лестнице они повстречали Марианну. Кальман с кислой миной сообщил ей, что он должен немедленно вернуться на виллу. Марианна стояла, ничего не понимая.

— Завтра навести меня,— сказал ей Шавош.— Я сам тебе все объясню.

Они вышли из парадного порознь. Сначала Кальман, взявший курс на набережную Дуная, а несколько минут спустя — Шавош, сразу же завернувший на улицу Фё. Перед тем как выйти из дома, они условились встретиться возле церкви, что на площади Баттяни,— разумеется, только в том случае, если оба будут абсолютно уверены в отсутствии слежки. Если же кто-то из них обнаружит «хвост», встреча автоматически переносится на час позже, и тогда уже — у главного входа больницы Милосердия.

Однако оба они быстро пришли к выводу, что слежки за ними нет, и потому отправились прямиком на площадь Баттяни.

Несколько долгих минут они брели, не говоря друг другу ни слова, пока Шавош наконец не замедлил шаги и не взял Кальмана под руку.

— Получено сообщение из Вены,— сказал он.— Мне его только что передали по телефону. Майор Генрих фон Шликкен, эксперт Восточноевропейского отдела гестапо, прибыл в Будапешт и утром в пятницу отбывает дальше, в Афины.

— Именно это тебе и сообщили по телефону? — полюбопытствовал Кальман. Он склонил голову чуть-чуть набок, но в темноте все равно не смог разглядеть выражения лица доктора.

— Да, в том числе и это. А также и то, что с Хельмеци нужно покончить не позднее утра пятницы.

— Наконец-то хорошая весть, — воодушевился Кальман.— Но какая связь между Хельмеци и этим немецким майором?

Шавош, по-видимому, тоже продрог, потому что поднял воротник своего плаща.

— Утром в пятницу и Хельмеци собирается выехать в Афины. Это не случайно. Хотя до сих пор нам ни разу не удалось установить, что они знают друг друга лично. И все же мы находим весьма примечательным, что Шликкен всякий раз появляется в Варшаве и в Белграде именно в то время, когда Хельме-

ци из этих же городов посылал материал в свое Телеграфное агентство. Теперь для нас эта взаимосвязь понятна.

— Мне не жаль его,— пробормотал Кальман.

— А я, между прочим, принял решение, что это задание выполнишь ты.

Кальман от неожиданности застыл на месте.

— Как, я должен убить человека?

— Предателя! — спокойно возразил Шавош, за руку увлекая Кальмана за собой.— Врага! — И с легким укором добавил: — Кстати, на фронте, перед атакой солдаты не задают подобных вопросов.

— Там противники сходятся лицом к лицу и каждый из них вооружен.

— Хельмеци тоже вооружен.

Как ни отвратителен был Хельмеци Кальману, он не представлял себе, как это он подойдет к человеку, достанет из кармана пистолет и в упор выстрелит в него. Совсем иное дело, когда враг тоже стреляет в тебя. Тогда ты вроде как бы защищаешься.

— Это очень нужно, чтобы данное поручение выполнил именно я?

— Да, мой мальчик. И должен тебе заметить, что задание это не простое. Нужно не убить Хельмеци из-за угла, а привести в исполнение приговор. А перед этим нужно узнать, разработкой чьих дел он занят, зачем он собирается ехать в Афины и кого там должен выследить.

— И когда я должен выполнить это задание?

— Завтра,— ответил Шавош.— Завтра вечером. Пока мы идем домой, я расскажу тебе о своем замысле. Разумеется, ты можешь изменить его в зависимости от обстановки. Попробуем разыскать Домбаи. Думаю, что он согласится взяться с тобой вместе за это дело. Если он в Будапеште, мы найдем его.

— Как, разве он уже не в клинике? — спросил, немного успокоившись, Кальман. Если Шани Домбаи будет с ним, думал он, это уже совсем другое дело.

— Я помог ему скрыться, и, думаю, мы найдем его. Вывод Хельмеци из игры не только в наших интересах, но и в интересах коммунистов. Одного Домбаи не должен знать о тебе: того, что ты учился на курсах Пи-Ай-Ди. Понял?

VI

Войдя в коридор первого этажа виллы, Кальман так громко хлопнул дверью, что даже стены задрожали. Узкий коридор многократно усилил этот звук, и его услышали и Рози и Илонка. С некоторым страхом и в то же время сгорая от любопытства, они выглянули в коридор.

— Как, вы уже вернулись, Пали? — удивилась Рози.

Кальман только рукой махнул и скорчил недовольную гримасу.

— Барышня-то дома? — тихо спросил он.

— Давно уже вернулась,— сказала Илонка.— Я видела ее в библиотеке.

— Даже ужинать не стала,— добавила Рози.

— Наверно, свидание сорвалось,— ехидно заметила Илонка.

Кальман поскреб в затылке и в раздумье остановился.

— Ну так настроение у нее будет еще хуже, как только она узнает, что со мной случилось.— Он подошел поближе к женщинам.— Даже и не знаю, как ей сказать... Лучше всего сбежать бы мне куда-нибудь.

— А что случилось? — в один голос воскликнули служанки.

Кальман стоял, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, а на лице его было написано само отчаяние.

— Да вы войдите,— предложила Рози.— Или пойдемте на кухню, чего же стоять в коридоре.

— Книгу я потерял,— признался Кальман.— А фамилию и адрес, кому ее отдать нужно было, я запамятовал. Ох уж эта проклятая хвороба! — И стыдливо добавил: — На улице со мной это приключилось. Припадок... А когда в себя пришел, книги и след простыл.

— Бедняжка! Да вы хоть поужинали? — участливо спросила Рози.

— Мне сейчас не до ужина. Ну что делать? Пойти сказать хозяйке?

Илонка криво усмехнулась.

— Вам барышня все простит.

— Почему это?

Служанка пожала плечами.

— Да так...

— Опять ты говоришь глупостн,— сердито перебила ее Рози.— И вообще, какое твое дело?

— Чего вы ссорнтесь?

— Да вот девку зависть берет, что вы барышне иравитесь.

— Я? — удивился Кальман.

Илонка рассмеялась.

— Не прикидывайтесь малым ребеночком!

— Ах, оставьте меия в покое с этимн глупостямн! — возмутился Кальман н отвериулся.— Хватает с меия бед и без этого.

— Куда же вы, Пали? — закрнчала ему вдогоику Рози.

— В библнотеку. Скажу ей, а там будь что будет. В конце коицов, что же я могу поделать, еслн я калека? Все зиают, какой я...

Обе служаики соболезнующе посмотрели ему вслед.

На другой деиь Кальман проснулся рано утром. Чтобы успоконть иервы, он с иог до головы вымылся холодиой водой. Но вид у иего все равно был невеселый, когда ои заявился на кухию, где Розн и Илоика тотчас же пристально начали его разглядывать. Кальман подсел к столу, без большого аппетнта позавтракал и был иастолько иеразговорчив, что каждое слово прнходилось вытягивать из иего буквально клещами. Накоиец отрывочио и с большой неохотой он рассказал служанкам, что хозяйка как следует отругала его, хотя ои иичуть ие повинен в утере книги.

— Так что вы, дорогая, сильио ошиблись, предсказав этой историн хороший исход,— упрекиул ои Илонку.— Я иастолько сильио иравлюсь барышие, что оиа без обинияков назвала меня дураком.

— Нужиы больио вы барышне! — рассмеялась Рози.— Да у нее на каждый палец по кавалеру может быть, стоит ей только захотеть. Здоровых парией, не каких-то там иивалидов войны.

Илоика опустила пустую чашку иа стол, подиялась, одернула фартучек, горделиво выпятила упругую грудь.

— Будь у меня такое богатство, как у нее, имела бы и я не меньше. Вот взять нас обеих да нагишом положить на лужке, чтобы люди не знали, кто — она, а кто — я, и еще неизвестно, какую из нас выбрали бы благородные господа.

— А мне известно! — подхватил Кальман, подмигнув Илонке.— С закрытыми глазами выбрал бы и не ошибся — и только вас, Илонка!

— Я, например, тоже не стала бы обзывать вас дураком,— в тон ему выпалила горничная и бросилась к двери, но неожиданно столкнулась с Марианной, не очень-то приветливо встретившей ее:

— Вы что это мечетесь, как безумная? Не можете быть осторожнее?

— Прошу прощения,— покраснев до ушей, извинилась Илонка.

Марианна смерила ее испытующим взглядом с головы до ног, затем с укоризной посмотрела на Кальмана.

— Н-да, наделали вы мне хлопот...— начала она, но мысль свою не продолжила, полагая, что остальные уже и без того хорошо знают, что именно она имела в виду, и повернулась к Рози: — Рози, дорогая, поезжайте в город и дайте в газетах «Фриш уйшаг» и «Восьмичасовая» объявления. В Цегледе едва ли читают какие-либо другие газеты,— добавила она, как бы отвечая на собственные мысли.

— Сейчас нужно ехать, барышня?

— Да, сейчас. А Илонка тем временем приготовит обед.

— Слушаюсь, барышня.

— Ну, а вы чего стоите? — повернулась она к Кальману.— Почему не занимаетесь своими делами? Лучше было бы, если бы вы больше думали о клумбах да грядках и меньше о юбках.

Ничего не ответив на выговор, полученный от хозяйки, Кальман, покорно согнувшись, вышел и отправился в сад.

Немного погодя Марианна ушла. Проходя вдоль ограды, она незаметно сделала Кальману рукой прощальный знак.

Выждав минут десять, он воткнул лопату в землю, умылся под садовым краном, вытер лицо своей клетчатой фланелевой рубашкой и неторопливым шагом

направился к дому. Дверь кухни была распахнута. Илонка не заметила, как он вошел. Она сидела у стола, чистила овощи и, мечтательно наклонив голову на правое плечо, негромко напевала какую-то мелодию. Кальман неслышно, затаив дыхание прокрался за ее спиной, а затем вдруг решительно обнял за плечи.

Илонка взвизгнула от неожиданности, вскочила с табуретки, уронив с коленей эмалированный тазик с овощами.

— Наконец-то мы одни,— прошептал Кальман, привлекая ее к себе.

На лице Илонки тем временем изумление сменилось любопытством. Нет, она не сопротивлялась и на его поцелуи отвечала еще более страстными поцелуями.

В этот самый миг за его спиной хрипло задребезжал звонок. Кальман замер. Не ослышался ли он? Но звонок заверещал снова. Выругавшись, он растерянно улыбнулся и шепнул ей, что, мол, зайдет вечерком, пусть она оставит дверь незапертой. Пробормотав еще что-то нечленораздельное, он быстро вышел во двор.

У калитки в форме армейского лейтенанта стоял Шани Домбаи, а ря-



дом с ним его невеста Маргит. Кальман едва узнал их: Домбаи за это время отпустил пышные усы, а Маргит в условиях конспирации превратилась в Гизи и перекрасилась в блондинку. На руке у Маргит болталась хозяйственная сумка, Шани опирался на палку.

Они сердечно, как и подобает давно не видевшимся фронтовым друзьям, обнялись. Илонка, наблюдавшая за их встречей из окна, могла видеть и как они обнимаются и как оживленно разговаривают.

Затем дверь распахнулась, и веселым, может быть, немножко хвастливым тоном Кальман представил Илонке своих гостей:

— Мой друг Петер Надь, его жена Гизи, а это и есть та самая красавица Илонка, о которой я тебе писал в госпиталь.

Они не подали друг другу руки, только раскланялись.

— Илонка, дорогая, состряпай что-нибудь такое, чтобы господин лейтенант и его супруга обязательно остались отобедать с нами. А об остальном я с хозяйкой договорюсь.

С этими словами Кальман и его гости покинули кухню. Уже из коридора до Илонки донеслись слова:

— Ну вот, Пали, и привели тебя доктора в полный порядок!..

А в это время в одном из номеров отеля «Астория» майор гестапо Генрих фон Шликкен беседовал со старшим инспектором Шалго. Шликкен был высокий, худощавый, физически крепкий человек, хотя ему уже перевалило за сорок. Белокурые волосы Шликкен в отличие от большинства прусских офицеров не стриг «под бобрик», а зачесывал назад. Крупный рот с припухлыми губами несколько оживлял его бледное лицо мертвеца. А глаза его могли буквально ежеминутно менять свой цвет — от светло-голубого до болотно-зеленого. Шалго, посмеиваясь, говорил:

— Итак, Хельмеци ты забираешь с собой?

— Обязательно. Мы встретимся с ним в Белграде, а оттуда на военном самолете летим в Афины. Дело в том, что в Греции две враждовавшие группы движения Сопротивления договорились между собой.

А это для нас катастрофа. Хельмеци лично знает двух руководителей английской разведки в Греции. Если ему удастся внедриться в их ряды, мы разделаемся сразу со всем красным штабом.

— К сожалению,— заметил Шалго,— у нас здесь обстановка намного сложнее. В настоящее время мы не знаем даже, кто из членов нашего правительства ведет двойную игру.

— А хочешь, я тебе это скажу? — тоном превосходства спросил, улыбаясь, фон Шликкен. И тут же махнул рукой: — Впрочем, думаю, ты лучше меня знаешь все это! — Он подошел к окну и отдернул занавеску.— Оскар, когда я вернусь, обещай мне составить список этих деятелей.

— Я же сказал тебе: об этом ты попроси Сухорукого.

— Его я уже просил. И он обещал мне. Но тебе я доверяю больше. Не только как старому другу, но и как специалисту.

Шалго опустил тяжелые веки.

— Но все это ты мог бы узнать и от Хельмеци.

— Завтра я и от него получу такой список. Но я убежден, что он будет сильно расходиться с твоим.

— Хорошо, я подумаю об этом. Возвращайся скорее из Афин. Желаю тебе там удачи, а приедешь — поговорим.

Шликкен не стал настаивать, будучи совершенно уверенным в том, что, когда он возвратится, Шалго, ни слова не говоря, положит ему на стол список неблагонадежных венгров. Он был также уверен и в том, что в этом списке будет немало имен, которые вызовут его изумление, а вернее, в основном таких имен, потому что Шалго с его удивительным нюхом совершенно безошибочно угадывает, где нужно «пошарить». Хотя, ох, как странно порой звучат замечания этого старшего инспектора отдела внутренней контрразведки!

— Оскар, ты не спишь? — обратился он к Шалго, по-прежнему глядя в окно.

— Думаю,— отозвался тот.— Думаю, куда это мог исчезнуть Гарри Кэмпбел.

Шликкен стремительно обернулся.

— Вы умудрились непростительным образом испортить это дело. Старуха дала хоть какие-нибудь показания?

— Никаких. Но сегодня я сам посвящу ей целую ночь. Между прочим, сын ее, некий Вазул Гёмёри, находится под наблюдением — он, видимо, работает на англичан.

— А на квартире у них что-нибудь нашли?

— Ничего. Там постоянно в засаде трое моих людей,— ответил Шалго, закуривая новую сигару.— С этими дилетантами просто невозможно работать. Просил же я Сухорукого: не нужно арестовывать старуху, успеем.

— Но экономка сказала, что в квартире кто-то был.

— Да, но она не видела, кто именно! Старуха же продолжает настаивать, что приходила какая-то студенточка. Ну ничего, к утру будем знать больше.

Шликкен задумчиво прошелся по комнате.

— А что показал Базиль Томпсон?

— Ничего. Сухорукий сам занимается им. Вероятно, он забьет его до смерти. Потому что ни на что другое Вёрёшкёи не способен. Ведь он и понятия не имеет о том, как нужно вести допрос.

— Сегодня вечером я через полковника Гюнтера попрошу передать Томпсона мне. Поговорю с ним немножко сам. Кэмпбела нужно найти во что бы то ни стало,— убежденно проговорил Шликкен.

— Хельмеци уверяет, что этот малый по происхождению баварец. По-венгерски не говорит. Дал мне его довольно сносный словесный портрет.— Шалго зевнул и продолжал: — Мы объявили розыск Кэмпбела, но тут я не рассчитываю на успех. Все наши полицейские такие болваны, что и читать-то как следует не умеют. Не говоря уже о сельской жандармерии...

Шликкен достал леденец из кулечка и бросил себе в рот.

— А вот скажи, Оскар, куда бы ты сам направился на месте Кэмпбела? — спросил он.

— Никуда, остался бы в Будапеште.

После обеда Марианна отослала Илонку к портнихе с двумя платьями для переделки. А Рози она поручила съездить к Вамошам за конспектами университетских лекций, которые ей передаст Кати.

Застекленный холл был залит светом, а цветы навевали такие беззаботные мысли, что на миг она и в самом деле позабыла о войне. Кальман и Домбаи ожидали ее в библиотеке. Кальман отрекомендовал Марианне своего друга — разумеется, как Петера Надя; Марианна же, хотя и догадывалась, что это не настоящее его имя, не подала виду. Маргит, невеста Домбаи, не участвовала в их совещании; она прогуливалась по саду и следила за всем происходящим на улице и вокруг дома.

Марианна была заметно утомлена и попыталась объяснить это тем, что у нее просто разболелась голова. Кивком головы она пригласила друзей к столу, а сама, взяв в руки цветной карандаш, задумчиво принялась чертить что-то на расстеленной на столе бумаге. Несколько раз она исправляла чертеж и наконец обратилась к мужчинам:

— Вот смотрите. Здесь проходит улица Хун...— Карандаш ее медленно заскользил по бумаге.— А здесь находится вилла Домослаи. Калитка от дома примерно в десяти метрах. Между прочим,— продолжала она, закуривая сигарету,— вся эта местность совсем заброшена, безлюдна, но очень красива. Отсюда видна чуть ли не половина города, потому что вилла стоит довольно высоко на горе. Второй этаж виллы занимает полковник Корнель Домослаи с семьей. На первом этаже живет журналист Тибор Хельмеци — у него двухкомнатная квартира со всеми удобствами — и привратник Балаж Топойя. Топойя служит в министерстве социального обеспечения мелким чиновником. Ему лет пятьдесят. В пятнадцати минутах ходьбы от этого дома, на улице Таш, живет его дочь. Она замужем за фельдфебелем, который находится на фронте. Дочь Топойи убирает квартиру и готовит обед в семье полковника Домослаи. Но сейчас все Домослаи отдыхают на Балатоне.

— А с женой привратника ты говорила? — полюбопытствовал Кальман.

— Да, женщина она общительная, но болезненная.

Кальман и Домбаи еще раз взглянули на чертеж.

— Ну хорошо,— проговорил Кальман и улыбнулся Марианне.— Ты молодец, отличная работа! А ты, Петер, пойди сейчас к своей супруге и обсуди с ней ее задачу.

Когда Домбан ушел, Кальман с Марнанной направнлнсь в ее комнату. Он обнял ее за плечи, и так онн шлн рядом безмолвно, чувствуя, что это безмолвие красноречнвее любых слов. В комнате девушка достала коробку величнной с книгу, раскрыла ее.

— Это тебе посылает дядя Игнац,— пояснила она.— Сейчас я тебе все расскажу. Слушай внимательно. В этом пузырьке с синей наклейкой — позитивные таблетки, вндишь, на этнкетке нарисован знак «X». Растворяются онн так: пять таблеток на лнтр воды. Таблетки растворяются мгновенно, а действуют они мннут через пятнадцать — тридцать, в завиcнмостн от органнзма. Во втором пузырьке, помеченном знаком «X-2»,— только смотрн не перепутай их,— негативные таблеткн, их растворять не нужно. Вечером, часов в пять, примешь первую таблетку, а затем через каждые полчаса еще по одной. Всего пять штук. Дядя Игнац просил передать, чтобы больше двух стаканов внна ты все же не пнл.

— А это для чего? — поинтересовался Кальман, показывая на резиновые пластннкн н целый набор тюбнков.

— Это он тоже посылает тебе. Прнменяй по своему усмотренню,— пояснила Марнанна.— Я, между прочим, прнмернла две такне штукн — очень уж смешно я в ннх выгляжу. Например, если вот эту пластинку приспособнть над верхнимн зубамн, на десну, лнцо меняется до неузнаваемостн. И не только лицо человека, но и его речь. Приспособление это держнтся надежно, не выпадет, потому что внутренняя его сторона смазана лнпкой пастой.

— Ну, а в тюбнках что?

— Тоже какой-то особый препарат. Перед тем как идти на операцию, оба хорошенько вымойте горячей водой с мылом рукн и натрнте пальцы н ладони этнм веществом. Только не очень толстым слоем. Подождnте мннут десять. После этого можете спокойно работать без перчаток — отпечатков ваши пальцы уже не будут оставлять. А вот в этом тюбнке специальный крем. Особенностью его является то, что еслн ты смажешь им лнцо, то на коже выступят красные пятна будто от ожога. А не позже чем через час пятна этн бесследно нсчезнут.

VII

В тот вечер Марианна ужинала необычно рано. Когда Илонка подала ужин, в комнату вошел Кальман и попросил у девушки разрешить его другу лейтенанту Петеру Надю с женой провести сегодня ночь на вилле, так как их поезд уходит только утром.

Марианна состроила кислую мину.

— В виде исключения я разрешаю. Но, Пали, чтобы впредь этого не было. Здесь не гостиница.

— Больше этого не повторится, барышня. Большое спасибо.

Когда он ушел, Марианна сказала Илонке:

— Ну не нахальные ли люди!

Когда через десять минут Илонка вернулась на кухню, она уже не нашла там Рози. Илонка быстро вымыла и перетерла посуду, расставила ее по местам и вышла в коридор. В доме повсюду уже была тишина. Илонка подкралась к двери Рози и прислушалась. Похрапывание и сопение говорили о том, что повариха уже спит. Убедившись в этом, Илонка пошла к себе.

Отворив дверь своей комнаты, она увидела Кальмана. Он сидел у стола. Когда девушка вошла, он встал и, ни слова не говоря, привлек ее к себе.

Кальману требовалось все его присутствие духа. Они уже лежали в постели обнявшись, когда он прерывающимся голосом прошептал:

— Погоди секунду...— Он высвободился из объятий девушки, подошел к столу и ощупью нашел бутылку.— Давай-ка выпьем по стаканчику.— Слышно было, как тихо льется вино в стакан.— На, держи. Осторожно только, не облей меня. Твое здоровье... За сегодняшний вечер... За все...

Через полчаса он стал будить Илонку. Она спала глубоким сном. Он ущипнул ее за руку. Она и тогда не проснулась. Прикрыв девушку, Кальман быстро оделся, забрал с собой бутылку и стаканы и тихо вышел из комнаты.

Его уже с волнением ждали Домбан и Маргит.

Балаж Топойя и его жена только что отужинали. Женщина чувствовала себя усталой и решила не мыть

посуду; она сложила ее горкой, с тем чтобы завтра вымыть. Топойя, грузный мужчина, сидел на табуретке и потирал свою больную ногу, подвернув кверху теплые фланелевые кальсоны. Он был углублен в чтение газеты «Мадяршаг».

Жена неслышно сновала по кухне. Наконец, остановившись перед мужем, она спросила, подметет ли он тротуар, запрет ли ворота или ей идти.

Топойя выплюнул изо рта разжеванную спичку, хмуро посмотрел на жену и сказал:

— Ты что, не видишь, что я читаю? — И снова углубился в газету.

Женщина не стала спорить. Она сняла с вешалки телогрейку, так как всегда мерзла, и хотела было уже выйти наружу.

— Ты куда собралась? — грубо окликнул ее муж и встал.— Гляди, еще и нос воротит!

В этот момент за дверью позвонили.

— Кого еще несет,— прошипел Топойя и, злобно взглянув на жену, крикнул: — Войдите!

Растерянно смотрел он на высокого черноусого лейтенанта и на другого, худощавого мужчину в серой шляпе, лицо которого было покрыто какими-то странными красными пятнами. Лейтенант любезно поздоровался; Топойя смущенно пробормотал что-то, потом попросил разрешения привести себя в порядок и надеть брюки.

Вдруг зазвонил телефон. Домбаи знаком показал Топойе, чтобы тот взял трубку.

— Вилла Домослаи... Квартира Топойи... Кого вы просите, целую ручку? — Удивленно выслушав ответ, он опустил руку с трубкой и тихо сказал: — Просят господина капитана Ракаи.

Кальмаи подошел к телефону и, взяв в руку трубку, мысленно отметил про себя, что Маргит работает с точностью до минуты.

— Капитан Ракаи слушает. Здравствуйте... Пожалуйста...— Он кивнул Домбаи, чтобы тот запер дверь, и стал рассеянно смотреть на Топойю и его жену, лицо которой выражало сильный испуг.— Господин полковник, докладывает капитан Ракаи...— Женщина что-то тихо спросила у мужа, но тот при-

жал палец к губам.— Вилла нами окружена... Нет, нет, еще не приходил... Так точно, понял вас. Взять живого или мертвого... Нет, перестрелки мы не боимся... Только... Только, честь имею доложить, задание это трудное... Мы должны впустить их в квартиру... Да, да, в квартиру Топойи... Надежный ли это человек? — Кальман взглянул на Топойю, потом на газету, которую держал в руках Домбаи.— Мне кажется, что надежный, истинный венгр... Но... Да, да... Опасность лишь в том, что во время перестрелки кто-нибудь из заговорщиков может подстрелить их... Понятно. Мы попробуем устранить. Не знаю, правда, удастся ли... Понятно. Слушаюсь.— Кальман положил трубку и задумчиво поправил очки на носу.— Н-да, что же нам с вами делать, Топойя? Здесь сейчас будет перестрелка. Вы служили в армии?

Женщина в ужасе схватила мужа за руку.

— Балаж...

Топойя отер рукой вспотевший лоб.

— Прошу прощения, господин капитан, о чем идет речь? — глухо спросил он.

— О том, Топойя,— ответил Домбаи,— что два вражеских агента собираются проникнуть в квартиру его высокоблагородия господина Домослаи. Они придут к вам с фиктивным разрешением от хозяина, чтобы вы передали им ключ от квартиры. По нашим данным, утром здесь был их лазутчик — одна женщина.

— Был тут кто-нибудь? — спросил Топойя у жены.

— Женщина,— со слезами в голосе проговорила она.— Из какого-то союза, показала удостоверение...

— А вы, тетушка Топойя, сказали ей, что его высокоблагородие господин Домослаи с семьей в отъезде, а ключ от их квартиры у вас... Что нам теперь делать с вами?

— Господин капитан, осмелюсь спросить: а нельзя ли нам уйти на это время к дочери? — с надеждой в голосе промолвил Топойя.

— А где живет ваша дочь? — Кальман погладил женщину по голове, отчего та еще пуще расплакалась.— Ну да не ревите же вы! Придумаем что-нибудь. Так где живет ваша дочь?

— На улице Таш,— всхлипывая, ответила тетушка Топойя.

Спустя иесколько миiут супруги Топойя уже были на улице. Домбан взял слово с привратника, что десять миiут первого ночи тот верится — он будет ждать его. Тем времеием Кальмаи привел себя в порядок: вынул изо рта резииовую иакладку, сиял очки и убрал нх в карман, взвел курок пистолета, после чего, как и было иамечено по плаиу, позвоиил в дверь к Хельмеци. Домбаи остался в квартнре привратника. До снх пор все шло с точиостью часового механизма. Кальман испытывал сильное возбуждеиие, ио он и не старался его скрыть, так как взятая нм иа себя роль как раз предполагала, чтобы он был возбуждеиным и встревожеиным. Послышались шагн н, когда Хельмеци спросил, кто там, Кальман тихо, ио отчетлнво ответил:

— Кэмпбел.

Поражеииый Хельмецн стоял в дверях н испуганно смотрел на озаренное слабым светом взволиоваиное лнцо Кальмаиа.

— Скорее,— проговорил Кальман по-немецки.— Закрой дверь.— Тяжело дыша, он прислонился к стене. Ему нужио было протянуть несколько миiут, пока Домбаи проведет Маргнт в квартиру привратиика.

Хельмецн пропустнл все еще тяжело дышавшего Кальмаиа в комнату, поддержнвая его за плечо. Несколько успокоившись, Кальман попросил чего-нибудь выпнть. Он рассказал, что его чуть ие схватили; Базиль, по-видимому, все же признался и выдал его адрес, так что ои с трудом сумел удрать; еще счастье, что госпожа Эльвира подала условиый зиак и ему удалось через шахту лифта спуститься в подвал. Со вчерашиего вечера он там скрывался, н вот накоиец сегодня ему повезло... Кальмаи выпил палинику *, сиова налил рюмку н вытер носовым платком пот с лнца. Хельмецн отчетлнво видел, как дрожат у иего руки. Это в какой-то степени успоконло его. В то же время он раздумывал над тем, как бы известнть сотрудников Шалго, даже лучше ие Шалго, а самого Шлнккена, потому что сейчас он уже считал возможным, что и толстый старший инспектор работает на англичан. Раздумывая иад этнм, он дружески успокаивал Кальмаиа, дескать, нечего так бояться, здесь ои в бе-

* Палннка — венгерская водка (*Здесь и далее прим. переводчика.*)

зопасности — ведь Базиль не знает его адреса, да к тому же вряд ли его, Хельмеци, могут заподозрить, поскольку он еще, в сущности, не включился в работу.

Кальман, несколько успокоившись, осмотрелся и закурил сигарету. Однако Хельмеци заметил, что руки у него все еще дрожат, и улыбнулся самоуверенной снисходительной улыбкой.

— Ты боишься? — спросил он.

— Какие глупости! — огрызнулся Кальман.

— Давай-ка выпьем,— проговорил Хельмеци и налил в рюмки палинку. Ему вдруг показалось, что он нашел правильное решение и что этот перетрусивший молодой человек уже не сможет ускользнуть от него.

Кальман вдруг встал и испуганно стал озираться по сторонам.

— О господи, мой портфель! — воскликнул он.— Я, кажется, забыл его там.

— Где?

— У привратника.

— Ну и здорово, видно, ты перетрусил, если проявил такое легкомыслие,— сказал Хельмеци и встал.— Но пошли, я сейчас поговорю с ним.

Они вышли в переднюю, Хельмеци открыл дверь. На лестнице стоял Домбаи с револьвером в руках.

— Кого вам нужно, господин лейтенант? — спросил Хельмеци и заметил, что Кальман отпрянул назад.

— Господина главного редактора Тибора Хельмеци.

— С револьвером? — удивился Хельмеци.— Что ж, это я.

— Тогда — руки вверх!

— Бросьте шутки!

— Руки вверх или я застрелю вас.— Голос звучал угрожающе. Хельмеци поднял руки.

— Повернитесь и идите впереди.— Домбаи проводил его назад в комнату. Кальмана нигде не было видно.— Станьте к стене. Вот туда.— Хельмеци повиновался. Ему бросилось в глаза, что дверь в спальню была открыта.

В этот момент на маленьком столике, около которого стоял Хельмеци, зазвонил телефон.

— Снимите трубку,— приказал Домбаи,— но о том, что с вами произошло,— ни слова.



Хельмеци поднял трубку.

— Да, квартира Хельмеци. Кто вам нужен?.. Это какая-то ошибка.

— Кого спрашивают? — тихо спросил Домбаи.— Не кладите трубку.

— Одну минутку... — проговорил в телефон Хельмеци. Какого-то капитана Ракаи.

— Это я,— проговорил на чистейшем венгерском языке вышедший из спальни Кальман и, подойдя к остолбеневшему хозяину дома, взял у него из рук трубку.— Господин лейтенант, поставьте его лицом к стене,— бросил он Домбаи.— Алло, капитан Ракаи слушает.

Хельмеци совсем растерялся. Он прислонил голову к прохладной стене. «Может быть, Гарри с помощью этого дерзкого трюка, выдавая себя за Ракаи, хочет спастись? — пронеслось у него в мозгу.— И все же что-то здесь не то, ведь он свободно говорит по-венгерски и, кажется, говорит обо мне с каким-то полковником».

— Честь имею доложить, со мной лей-

тенант Надь. Вилла окружена нами... Понятно. Пока не приедет господин полковник, начать допрос. Слушаюсь.

Хельмеци слышал, как Кэмпбел положил на рычаг телефонную трубку и приказал лейтенанту:

— Проверьте все и проинструктируйте людей, чтобы они, не дай бог, не стали стрелять в господина полковника. Подождите, куда вы бежите?

— Осмелюсь доложить...

— Обыщите господина Монти Пинктона.

Хельмеци был близок к обмороку. Сейчас он уже ничего не понимал. Выходит, что Кэмпбел не тот, за кого он себя выдавал. Уж не он ли, не Кэмпбел ли был вторым агентом Шликкена?.. Хельмеци терпеливо сносил, когда его обыскивали.

— Теперь идите,— услышал он властный голос Кэмпбела. Щелкнули каблуки, застучали шаги, хлопнула дверь.— Повернитесь и садитесь. Вон туда, около печки.

Хельмеци попытал-



ся взять себя в руки; улыбаясь, он повииовался.
— Гарри...
— Я капитан Внктор Ракаи.
— Все равно,— сказал Хельмецн.— Будьте любезны, иаберите сейчас же следующий иомер телефона...
— Уж не желаете лн вы, Пииктои, разговарнвать с сэром Дунканом?
— Нет, иет. Я хотел бы выяснить это роковое недоразуменне.
— Какое иедоразумение? Никакого иедоразумення нет, Пинктон. Я вот уже несколько лет охочусь за тобой. Но ты ловко маскировался...
— Я н ие собнрался маскнроваться. Будь любезеи...
— Будьте любезиы,— поправил его Кальман.
— Будьте любезиы, иаберите, пожалуйста, 372-08 и вызовите господииа старшего иисиектора Оскара Шалго. Скажнте ему, чтобы ои иемедлеиио попросил приехать сюда господииа майора Геирнха фои Шликкена.
Кальман иаморщил лоб.
— Что это должно означать, Пииктон? Майор Шлнккеи уехал в Афнны.
— Он должеи отправиться туда только завтра утром...
— План изменнлся. Он уехал час назад.
— Тогда пусть сюда прнедет господии старший инспектор Оскар Шалго.
— Вы, Пииктои, знаете этих господ?
— Много лет...
Кальман подошел ближе.
— Уж не хотите лн вы сказать...— Кальман погрозил пальцем,— что...
— Имеино это. Может быть, вам скажет что-нибудь этот шифр: Ц-76?
Кальман шнроко раскрыл глаза, потом иачал громко смеяться.
— Может, вы и есть Ц-76?
— Да, я. Старший иисиектор Шалго это подтвердит.
Кальман не знал, кто такой Шалго, только догадывался, что он стоит иад Хельмецн. Поэтому, не задумываясь, он сказал:

— Сомневаюсь в этом, Монти Пинктон. Старый добрый Шалго полчаса назад скончался. Он отстреливался до тех пор, пока у него не кончились в обойме патроны. Последнюю пулю он пустил себе в лоб. Вы с ним, Пинктон, ловко замаскировались.

— Оскар покончил с собой?

— Ну, не будем играть комедии, Пинктон. У нас мало времени. Быстро диктуйте имена... Вам дурно?

— Прошу прощения, я — Ц-76.

— В материалах Ц-76 не фигурирует ваше имя.

— Иного я сказать не могу. Я могу это доказать.

— Пожалуйста, докажите.

— Можно мне встать?

— Что вам надо? — Кальман поднял револьвер.— Сидите.

Хельмеци ослабил галстук.

— Прошу вас,— глухо произнес он.— В ящике моего письменного стола вы найдете конверт.

Кальман выдвинул ящик, не упуская, однако, из виду побледневшего Хельмеци.

— Этот? — спросил он.

— Да. Вскройте, пожалуйста. Там — список, который я подготовил по заданию господина майора фон Шликкена.

Кальман вскрыл конверт. Быстро окинул взглядом весь список. В нем значилось шестьдесят три фамилии.

— А почему же вы не сообщили об этих людях в отдел, если вы действительно Ц-76?

Хельмеци облизнул губы.

— Честь имею доложить, я сообщил. Насколько мне известно, они взяты под наблюдение.— Он снова облизнул губы и проглотил слюну. Но вдруг лицо у него прояснилось.— Ведь мы вместе учились на курсах?

— Ну, вместе.

— Вы помните Джона Смутса? — Кальман кивнул.— Его истинное имя — Ян Питковский. Он был одним из руководителей польского движения Сопротивления.

— Возможно,— отозвался Кальман.— Помню, был у него оригинальный золотой перстень с изображением сирены на печатке.

— Этот перстень лежит в ящике моего стола. В коробочке, обтянутой темно-зеленым плюшем.

Кальман нашел перстень и сразу узнал его. Вспомнил он и симпатичного молодого парня. Кальман не знал только о его польском происхождении.

— Так он что ж, подарил вам этот перстень?

— Да нет, я раскрыл Питковского и всю его группу в тридцать пять человек. Их расстреляли, а перстень господин майор фон Шликкен отдал мне.

Кальман наморщил лоб и изобразил на лице озабоченность.

— Выходит, мы осечку дали? Этот перстень не вызывает сомнения — он принадлежал Смутсу. Так ты на самом деле сотрудник контрразведки? Встань... Впрочем, сиди. Но это же идиотизм! Чего ради они скрывали, что Ц-76 и ты — одно лицо?

— Они оберегали меня. Мы давно уже подозреваем Шалго. Там у меня есть и о нем сообщение. Я же...— Хельмеци наполнил рюмку палинкой и жадно выпил.— Ты что думаешь, Базиля святой дух провалил? Это я, понимаешь, я...

Кальман покачал головой и еще раз пробежал глазами список. Вдруг его бросило в жар.

— А кто такой главный врач доктор Игнац Шавош?

— По-моему, английский агент. О нем я еще не сообщил.

— Когда ты начал работать на нас?

Хельмеци быстро заговорил. Жестикулируя, он рассказал, при каких обстоятельствах был завербован, перечислил и важнейшие задания, которые он «блестяще выполнил», например раскрыл Мирко Станковича.

— Что-то долго не идет господин полковник,— с нетерпением промолвил Кальман и взглянул на часы.— Я сам не берусь решить этот вопрос. А сейчас ты каким делом занят? — спросил он равнодушным тоном.

— Вот этой афинской акцией, после чего я должен буду заняться дочерью профессора Калди. Впрочем, это какой-то блеф...

— Почему?

— Это блажь Шалго. У него идефикс, что профессор — коммунист. Полтора года он его держит под наблюдением.

— Чепуха. Калди — друг детства господина министра обороны.

— Однако Шалго два дня назад все же получил разрешение на прослушивание телефонных разговоров Калди.

Скрипнула дверь. Вернулся Домбаи. Он тихо сказал что-то Кальману; тот кивнул. Домбаи подошел к радиоприемнику и с рассеянным видом включил его.

— Сколько же всего участников движения Сопротивления ты раскрыл? — спросил Кальман.

— Надо бы посчитать. Много.

— Среди них были и коммунисты? — Кальман взглянул на Домбаи.

— Да, немало.

Домбаи включил радио почти на полную силу.

— Уже одиннадцатый час, господин лейтенант,— сказал Хельмеци.

— Знаю,— ответил Домбаи.

— Какой у тебя револьвер? — спросил Кальман.

— «Вальтер». Хорошая игрушка,— похвастался Хельмеци.— Осторожней, он заряжен.

— Ты им застрелил уже кого-нибудь?

— Двух евреев, в Варшаве...

— И Яна Питковского? — Хельмеци кивнул.— И Мирко?

— И его... Налить?

Радио так вопило, что им приходилось буквально кричать, чтобы слышать друг друга.

— Налей. Господину лейтенанту тоже. Возьми, Шандор. Ну, так за что мы выпьем?

— За победу,— предложил Домбаи.

— А ты, Хельмеци, за что выпьешь?

— Я? — спросил предатель и поднял свою рюмку.— Я тоже выпью за победу.

— Пей, но знай, что это твоя последняя рюмка,— сказал Кальман и поднял револьвер.

Глаза у Хельмеци широко раскрылись, лицо побелело.

А Кальман нажал на спусковой крючок. Раздались выстрелы — один... другой... третий... четвертый... пятый...

Домбаи удержал его за руку.

— Ну, хватит,— проговорил он решительно и выключил радио.— Пошли.

Утренняя прохлада освежила Кальмана. Он вошел в комнату к Илонке, распахнул окно и посмотрел на девушку, озаренную лучами утреннего солнца. Она крепко спала... Кальман принялся будить ее, но Илонка даже не шевельнулась. Он взял воды и протер ей лицо. В конце концов ресницы у нее дрогнули, она открыла глаза.

— Давно я так сладко не спала.

— Ну, мне-то от этого удовольствия мало было,— проговорил Кальман с упреком в голосе.— Я тебя целую и вдруг замечаю, что ты заснула... Но это еще не все. Тут беда побольше приключилась.

— Ты не сердишься на меня? — спросила капризно девушка.— Я не знаю, что со мной было. Поцелуй меня.

— Илонка, плохи у нас дела,— сказал, уклоняясь от поцелуя, Кальман.— Здесь была барышня, Марианна.

— Когда?

— Десять минут назад.

— Не ври!

— Ей-богу. Я спал рядом с тобой. Можешь представить, как я себя чувствовал.— Девушка села на кровати.

— Господи помилуй! Что же теперь будет?

Кальман уставился в пространство.

— Видишь ли, мне-то сейчас уже наплевать. Скажи ей, что я вломился к тебе, а ты не осмелилась кричать. Словом, придумай что-нибудь, наговаривай на меня все что угодно.

— А если она тебя выгонит, что ты будешь делать?

— Откуда я знаю! Сяду на паперти перед базиликой. Одним инвалидом войны там станет больше... А сейчас иди к ней — она хочет говорить с тобой.

VIII

Убийство Хельмеци было обнаружено на рассвете. В пять часов утра за ним приехала машина, чтобы отвезти его на военный аэродром, но на звонки никто не открывал дверь. Сколько ни стучали шофер вместе с Топойей, в квартире не слышно было никакого движения. Шофер с мрачным лицом позвонил по телефону старшему инспектору Шалго, давшему ему задание заехать за главным редактором. Тягучим голосом он равнодушно доложил, что не может выполнить приказ, так как господин Хельмеци не открывает дверь.

Шалго сказал шоферу, чтобы тот оставался на месте, затем позвонил Шликкену и передал ему услышанное от шофера, не скрыв при этом и своих подозрений: с Хельмеци что-то стряслось.

Меньше чем через час оба они были уже на вилле.

— Взломайте дверь,— распорядился Шалго.

Хмурый шофер тут же принес из машины ломик и молоток и взялся за дело. После третьей попытки удалось открыть дверь.

Их взору представилась потрясающая картина: Хельмеци лежал на спине с устремленными в одну точку глазами. Рука его судорожно сжимала пустую рюмку. Шалго почесал свой мясистый нос, поправил на шее шарф, выслал из комнаты Топойю и шофера, после чего выразительно посмотрел на Шликкена, лицо которого показалось ему сейчас каким-то осунувшимся.

— Капут,— проговорил майор и достал из кармана коробочку с конфетами.— Угощайся конфеткой.— Шалго с озабоченным лицом отрицательно мотнул головой, осмотрелся в комнате и после короткого раздумья сказал:

— Ты пока тут ничего не трогай, ни к чему не прикасайся. Побудь здесь, а я извещу уголовную полицию.

Шликкен лениво сосал конфетку, а сам тем временем внимательно присматривался ко всему. На низеньком столике стояла бутылка с палинкой, на письменном столе — две рюмки с недопитой палинкой, а третья рюмка осталась в конвульсивно сжатых

пальцах Хельмеци. Так, значит, здесь были трое; вероятно, знакомые. Об этом говорит то, что они вместе пили. Взглянув на письменный стол, Шликкен заметил на нем перстень с печаткой. Майор рассеянно взял его в руки. Ему был памятен этот перстень. Он подарил его Хельмеци, когда они в Варшаве ликвидировали группу Яна Питковского. Шликкен поморщился, положил перстень в карман и вышел из квартиры Хельмеци в привратницкую. Там посреди кухни в кресле сидел Шалго и с невозмутимым спокойствием курил сигару. Перед ним стоял Топойя и взволнованно рассказывал что-то; худая женщина с бледным, болезненным лицом поддакивала ему. Когда лысый инспектор заметил входящего майора, он поднял свою пухлую руку в знак того, чтобы Топойя замолчал.

— Любопытные вещи рассказывает почтеннейший Топойя,— проговорил Шалго, стряхивая с одежды пепел.

— А именно? — Шликкен прислонился к кухонному буфету, спиной к окну. Спокойно покуривая сигару, старший инспектор вкратце повторил ему то, что услышал от Топойи. Утром сюда приходила девушка от какого-то патриотического женского союза, и они долго беседовали с тетушкой Топойей. По словам последней, девушка — высокая и стройная, выглядела настоящей барышней и была очень изящно одета.

— Ведь так, тетушка Топойя?

— Да, да, прошу покорно. Настоящая барышня.

— А сколько ей на вид лет? — спросил майор.

— Очень молодая, прошу покорно.

Шалго махнул рукой и продолжал:

— Вечером, когда супруги Топойя уже готовились ко сну, неожиданно пришли два офицера. Один из них в штатском...

— Это тот, что с пятнами на лице,— вставил Топойя.— Все лицо было покрыто красными пятнами. Был он в очках в металлической оправе. Господин капитан Ракаи.

— Он что, представился? — спросил Шликкен.

— Нет, прошу покорно. Но когда господин полковник позвонил ему по телефону, он назвался этим именем...

Разговор нх был прерван прнбытнем оперативной группы уголовной полицни.

В конце дня Шлнккен, отложив свою поездку в Афины (ведь без Хельмецн он там не смог бы ничего сделать), сидел в кабинете Шалго. Онн со старшим ннспектором молча изучали поступнвшие донесения, протокол осмотра места преступлення и свндетельские показания. Шалго иногда делал пометкн в блокноте — одно слово или короткую фразу, потом, дымя сигарой, продолжал чтение. Прочнтав последний документ, он взглянул на майора. Дождался, пока н тот кончит читать, затем, сцепнв пальцы на животе, спроснл:

— Ну-с?

Шликкен по обыкновению ходнл взад н вперед по комнате.

— По-моему,— рассуждал он,— Хельмецн был убнт хорошо органнзованной группой. Вероятно, англнйскими агентамн. Появленне неизвестной молодой особы указывает на то, что это дело связано с делом Кэмпбела. Ведь и госпожу Гёмёрн и тетушку Топойя посетнла сначала молодая женщина.

— Да, но опнсанне личности не совпадает.

— Это не имеет значения,— ответил Шлнккен.— Их органнзация может нспользовать для этого н двух женщин. Я счнтаю вероятным, что англичане пронюхали, что Хельмецн, иначе Монти Пинктон,— наш человек. Онн напустили на него Кэмпбела, который ловко заманил его в ловушку, желая убедиться в предательстве Пинктона. Они нзбралн жертвой госпожу Гёмёрн, у которой нх девнца была на разведке, и Кэмпбел сообщнл Пннктону, что, дескать, он у нее скрывается. Стремясь к тому, чтобы план его удался, он для вящей убедительности ввернул бедному Хельмецн, что, мол, утром уезжает в Белград. А после этого им осталось только следить, начнете лн вы действовать. И — благодарение господу богу — вы, разумеется, со всем своим аппаратом и с удивительным днлетантством появнлнсь на сцене. А Кэмпбел и его друзья из укромного местечка, словно из ложи, наблюдали весь этот спектакль и надрывалн животы от смеха.

Шалго, посасывая сигару, просматривал свои записи.

— Ты прав, Генрих,— сказал он наконец.— И все же одно мне непонятно: почему именно госпожу Гёмёрн назвал Кэмпбел?

— Ну, это она нам расскажет!

— Нет,— возразил Шалго,— на этот вопрос мы сами должны ответить.

Шликкен отмахнулся.

— Ах, это не важно. Он мог бы назвать кого угодно.

— Но почему именно мать секретаря нашего посольства в Анкаре? — упрямо твердил Шалго.

— Неужели ты не понимаешь? Не личность этой женщины важна,— доказывал майор,— а то, сообщит ли Хельмеци или нет о месте, где укрывается Кэмпбел. И не цепляйся за второстепенные вещи, иначе мы не туда свернем.— Шликкен проглотил конфетку.— Ясно одно: они убедились в предательстве Пинктона и покончили с ним. И надо сказать, с гениальной ловкостью. Судя по донесениям, они работали в перчатках: после них не осталось никаких отпечатков пальцев.

— Это чепуха,— возразил Шалго.— Уж не думаешь ли ты, что они в перчатках распивали палинку. Кстати, Топойя не видел у них никаких перчаток.

— Тогда почему полиция не нашла на рюмках отпечатков пальцев?

— Это следующий вопрос,— невозмутимо заметил Шалго.

— У тебя есть еще вопросы? — спросил Шликкен с легкой издевкой.

— Найдется еще несколько. Разве ты не знаешь, что игра в вопросы и ответы — наша специальность?

— Я знаю только одно, что я должен поймать убийцу или убийц. И клянусь, я их поймаю.

— Это не так-то просто,— промолвил Шалго.— Мы имеем дело с опытным противником.

В дверь постучали. Вошел молодой следователь уголовной полиции и доложил, что лейтенант Геза Кооц хочет переговорить с господином старшим инспектором Шалго.

— Пусть войдет,— приказал Шалго и повернулся к двери.

В кабинет вошел и вежливо представился черноусый полицейский офицер.

— Прошу прощения, господин старший инспектор,— сказал он, снимая перчатки.— Я начальник отделения государственного сыска. Позволите закурить?

Шалго с сонным видом кивнул.

— Не хотите ли конфетку? Настоящие парижские.— Шликкен протянул лейтенанту пакетик с конфетами.

— Премного благодарен...— Двумя пальцами лейтенант взял одну конфетку, с удовольствием посмаковал ее и отправил в рот.— Очень вкусная! — Взгляд его скользнул по сонному, скучающему лицу Шалго.— Прошу прощения,— встрепенулся он.— Перехожу к делу. Несколько дней назад я получил от вас отношение, в котором вы просили учинить розыск некоего Гарри Кэмпбела в возрасте примерно двадцати пяти лет, шатена, с карими глазами и овальным лицом, родной язык, очевидно, немецкий...

— Верно, верно,— перебил его Шалго, испугавшийся, что лейтенант повторит сейчас весь текст отношения о розыске.

— С вашего позволения,— сказал лейтенант, наклонив голову,— я буду краток. Прошу покорно, господин старший инспектор, не сочтите это похвальбой, но я славлюсь тем, что обладаю великолепной памятью на имена. Когда я прочел ваше отношение, в котором вы были столь любезны...

Шалго зевнул.

— Продолжайте, продолжайте, господин лейтенант.

— Словом, я вспомнил это имя: Кэмпбел. Я где-то уже встречал это имя. Подумав, я вспомнил и нашел один документ.— Глаза у Шалго оживились.— Осенью прошлого года в соответствии с донесением командования танкового корпуса военная прокуратура учинила розыск двух дезертиров. Один из них — фенрих Кальман Борши, другой — Шандор Домбаи, ефрейтор из вольноопределяющихся. Мать Кальмана Борши — урожденная Эржебет Кэмпбел...

Кальман разглядывал характерное лицо доктора Шавоша; обычно строгое и суровое, оно казалось сейчас каким-то смягчившимся в наступившем полу-

мраке. Он подумал было о том, что следовало бы зажечь свет, но не двинулся с места, так как не хотел потревожить задумавшегося Шавоша. До этого они говорили о найденном у Хельмеци списке, в котором фигурировал и дядя Игнац, о том, что рассказал Хельмеци о семье Калди. Разговор коснулся и Шалго; они не знали его и все же были весьма обеспокоены ситуацией. Что же предпринять? Хельмеци подозревал Шавоша, Шалго — Калди, причем не Марианну, а старика профессора. Шавош руководствовался указанием о том, чтобы до самой последней минуты оставаться на своем месте и только тогда перейти на нелегальное положение, когда его жизни будет угрожать непосредственная опасность. А что считать этой «последней минутой»? Правду ли сказал Хельмеци, что о своем подозрении он пока еще никому не сообщил...

— Пока я не буду переходить на нелегальное положение,— сказал он решительно.— Разумеется, я на всякий случай приму необходимые меры, чтобы неприятная неожиданность не застала меня врасплох. Если я исчезну, сам связи не ищи. Жди и занимайся своим делом. Даже если долго никто не появится, жди в течение нескольких лет. Начиная с сегодняшнего дня сюда не приходи. Если случится что-нибудь чрезвычайное, извести меня через Марианну. Если ты будешь мне нужен, я оповещу тебя. Запомни хорошенько следующий адрес: улица Вербеци, три. Скульптор Ноэми Эндреди. Сошлешься на меня и скажешь ей, что тебе очень нравится ее композиция «Освобождение».

Но вот Шавош замолчал и встал. Кальман тоже встал.

— Ну что ж,— сказал Шавош и ласково улыбнулся. Потом обнял Кальмана за плечи, привлек к себе и поцеловал.

— Готово,— проговорила девушка, подавая старшему инспектору исписанный лист бумаги. Шалго вздрогнул, очнувшись от своих мыслей. Он надел на нос пенсне, закурил сигару и начал читать. Донесение гласило:

«Сообщение Тубы от 16 марта 1944 года.

Уже упомянутый в донесениях садовник Пал Шуба 3 марта ночью вернулся из Цегледа. Он рассказал прислуге Илоне Хорват и Розалин Камараш, что не смог передать уникальную книгу, так как в Цегледе с ним случился приступ болезни. Когда он пришел в себя, то книга бесследно исчезла. По мнению Тубы, садовник действительно выглядел больным. Марианна Калди выругала его, назвав дураком. На другой день М. К. дала объявление (в газетах «Фриш Уйшаг» и «Восьмичасовая»), в котором пообещала вознаграждение тому, кто вернет уникальную книгу. Подать объявление она поручила Рози Камараш. В первую половину дня Шубу навестил лейтенант с женой. Тубе, к сожалению, не удалось установить фамилии лейтенанта. М. К. была недовольна этим визитом и весьма неохотно разрешила им переночевать в доме. Лейтенант с женой спали в комнате Шубы, а Ш. провел ночь у М. К. Садовник и девушка находятся в связи. М. К. влюблена в Ш., но скрывает это. Последние дни М. К. отсутствует. Где она — неизвестно. По мнению Тубы, девушка представляет больший интерес, чем ее отец. Профессор Калди несколько дней назад уехал на длительное время к своим родственникам».

Читая донесение, Шалго делал пометки. Потом он пробежал его глазами еще раз и написал под ним своим угловатым, но разборчивым почерком:

«Интересно!! Хельмеци был убит в ночь на 4 марта. Убийство было совершено лейтенантом и мужчиной в штатском при содействии одной женщины.

1. Учинить тщательное расследование личности садовника Пала Шубы. Особенно обратить внимание на прошлую жизнь.

2. Установить, что за лейтенант посетил Шубу.

3. Откуда Туба знает, что лейтенант и его жена провели ночь в комнате Шубы?

4. Точно ли, что Шуба всю ночь был с Марианной Калди?

5. Нужно организовать очную ставку Шубы и привратника Балажа Топойн.

6. За Марианной Калди следует установить неослабный надзор».

Шалго завизировал донесение, затем сложил его и убрал во внутренний карман. Потом поцеловал руку у девушки.

— Благодарю, Агнеш. Отличная работа.

Кальман с трудом узнал Марианну. Под глазами у нее были темные круги, она едва держалась на ногах от усталости и еле удерживала в руках тяжелый чемодан. Кальман взял у нее из рук чемодан, поставил под стол и, порывисто обняв девушку, поцеловал ее. Но они тут же отпрянули друг от друга, услышав приближающиеся шаги.

— Я потом все тебе расскажу,— прошептала Марианна.

Вошла Илонка. Кальман пожелал Марианне доброй ночи и удалился.

Девушка спросила хозяйку, подать ли ужин.

— Нет, спасибо,— ответила Марианна.— Приготовьте ванну и постелите постель.

Кальман гулял в саду, выжидая, когда же наконец Рози и Илонка улягутся спать. Он радовался возвращению Марианны и в то же самое время не мог отделаться от предчувствия, что ей грозит опасность. Она пришла такая измученная.

Когда в доме все стихло, он осторожно прокрался на второй этаж, тихо постучал и, не получив ответа, бесшумно открыл дверь. Окна и дверь на веранду были открыты, поэтому нельзя было зажигать света. Кальман вполголоса позвал девушку. Однако Марианна крепко спала. Глаза у Кальмана вскоре привыкли к темноте, и он стал различать предметы, освещенные лунным светом. Когда он вспомнил о тяжелом чемодане, им снова овладело беспокойство. Что могла принести Марианна домой? И почему она была такая испуганная и обессиленная? Мучимый дурными предчувствиями, он заглянул под стол. Чемодана не было. Тогда Кальман открыл дверцы платяного шкафа и на дне его нашел чемодан, прикрытый одеждой. Кальман осторожно извлек его и, отстегнув широкие ремни и открыв замки, отбросил крышку. От изумления Кальман даже попятился. Он ко всему был готов, только не к этому: в чемодане лежали ручные гранаты, автоматические пистолеты,

патроиы и листовки. В первый момент он подумал было о том, чтобы разбудить Марианну н основательно отругать ее. Қальмаи уже обериулся к постели, намереваясь это сделать, ио когда увидел освещеиную луиой, мнрно спящую девушку, ее усталое лнцо, ои не решился ее буднть. Заперев чемодан, Қальман взвалнл его себе на плечо и, сняв ботинки, тнхо и незаметно прокрался в котельиую.

IX

Когда в половине первого ночи Шалго, соииый и вялый, вошел в комнату для допросов следствеииого отдела контрразведкн, его взору представилась ужасающая картниа: стоящнй иа столе рефлектор освещал нзуродованное побоямн н пыткамн лнцо Буши.

— Когда его схватнли? — спроснл шепотом Шалго у Вёрёшкёи и отошел к столу.

— Сегодня вечером. Ну-с, Шалго, теперь вы можете продемонстрировать, что вы умеете.

Старшнй ниспектор посмотрел иа измучеииого человека, с избитого лица которого стекала вода.

— Еслн вы забьете его до смертн, то мы инчего от него не узиаем.

— Нужно узнать, иначе мы потерпим фиаско и людн, с которымн он связан, ускользнут он иас.

— Я ведь говорил, что его еще иельзя арестовывать.

— Вы хоть сейчас-то помолчнте, Шалго. Советую вам не «болеть» протнв иас.

Вдруг внсящий иа железном блоке человек застоиал. Его лицо исказилось от сильиой боли. Усатый детниа вышел нз освещеииого рефлектором круга и доложил, что Буша пришел в себя. «Идиот,— подумал Шалго,— как будто мы без него не видим!»

Вёрёшкёи сурово спросил Бушу:

— Как зовут ту девушку, с которой вы обмеиялись чемоданамн?

— Никакой девушки я не знаю.

— Что было в вашем чемодане?

— Обувь.

Полковинк кивиул усатому. Тот подиял для удара дубиику.

— Подождите! — воскликиул Шалго.— Господин полковиик, покорнейше прошу вас,— шепотом сказал ои,— прекратите это избиение. Разрешите мие его допросить. Этот тип много знает, и если ои умрет, то все уиесет с собой. Дайте мне сутки.

Полковник Вёрёшкёи не раздумывал. Ои устал и был раздражен; поэтому он даже обрадовался, что Шалго забирает от иего этого человека, а вместе с ним и ответствеииость.

— Хорошо, согласеи. Послезавтра утром я жду вашего доклада.— Вёрёшкёи встал и вышел из камеры.

Запах крови и пота смешался с запахом табачного дыма, плававшего в ярком свете рефлектора. Шалго почувствовал, как у него к горлу подкатывается тошиота, иа лице выступил пот, ручейки пота побежали и по спиие. Носовым платком ои отер лицо и с отвращеиием взгляиул на усатого полицейского.

— Сиимите его,— тихо проговорил старший инспектор. Веревка задвигалась по блоку, иоги Буши косиулись запачкаиного кровью пола, ио ои ие смог устоять на иогах, колеии у него подогнулись, и ои упал. Полицейский пнул сапогом растяиувшегося иа полу человека.

— Зачем вы его трогаете? Вы что, получили приказаиие его ударить? — спросил Шалго.— Отойдите прочь! — Усатый подумал, что старший иинспектор иаверияка ведет себя так из тактических соображеиий; он ухмыльиулся и отошел в стороиу. Шалго выключил рефлектор.— Откройте окио и дверь,— приказал ои.— Проветрите помещеиие.

На окиах были железиые решетки, поэтому иечего было опасаться того, что Буша может попытаться покоичить с собой, выбросившись из окиа. В окио с улицы ворвалась струя свежего воздуха; Шалго почувствовал себя немного лучше. Он подошел к телефоиу. Посветив себе зажигалкой, иабрал иомер и отдал кому-то распоряжеиие, чтобы в камеру приiесли дело за иомером «Г-112».

— Выйдите в коридор,— сказал Шалго полицейскому. Подождав, пока тот закрыл за собой дверь, ои дружеским тоиом обратился к лежащему иа полу человеку:

— Буша!

Мужчина с трудом поднял голову. Облизал языком рассеченную губу. Шалго видел, что его мучает жажда. Он налил воды в стакан и протянул ему.

— Спасибо,— прошептал Буша и попытался выпить воду. Вода стекала по глубоким складкам с обоих уголков рта на узкий подбородок и дальше на грудь.

— Вы узнали меня? — спросил Шалго, ставя стакан на стол.

— Узнал.

Шалго облокотился о стол.

— Я был уверен, что мы еще встретимся. В сорок втором вы очень легко отделались, получив только один год. Но я не сомневался, что вы не успокоитесь и, выйдя из тюрьмы, будете продолжать свое дело. Я некоторое время внимательно следил за вами, а потом вы вдруг исчезли. Как видно, научились конспирации.

В дверь постучали. Вошел полицейский и передал старшему инспектору папку с делом, которое он запросил. Шалго поблагодарил, затем водрузил на свой мясистый нос пенсне и углубился в чтение.

А Буша, лежа на полу, попытался собраться с мыслями. В сорок втором, когда его неожиданно забрали и привезли в казарму Андраши, Руди Хирш, которого он знал по профсоюзу, стал наставлять его: «О себе ты можешь говорить что хочешь, но товарищей своих не имеешь права выдавать. Раз тебя забрали, значит, о тебе что-то пронюхали. Не отрицай того, что ты коммунист, иначе тебя забьют до смерти. Но не выдавай тех, с кем ты связан». Заключенные сидели — пятьдесят два человека — по кругу, спиной друг к другу, в полметре от стены; полицейские прохаживались вокруг них. Им не разрешалось разговаривать, и все же они умудрялись это делать. «Не обучены мы конспирации,— говорил ему позже Руди Хирш.— Мы не ушли в подполье, не подготовились как следует». Руди оказался прав. В то время более шестисот человек провалилось, потому что не сработала связь. А сейчас важно то, что больше никого не схватили, оружие тоже не нашли. Значит, имя Белочки он не может выдать, даже если его будут избивать насмерть. Белочка знает имена приблизительно двадцати человек... Кто же все-таки предатель?

Шалго закоичил чтеиие.

— Буша,— проговорил ои,— давайте договоримся. Подумайте о том, что сейчас весиа сорок четвертого. Очеиь суровый год, и мётоды стали более суровыми. Мы уже иесколько месяцев ведем иаблюдеиие за так называемым «аисамблем Гортеизия». Мы зиали о ием давио. Нам стало известио, что из Будапешта кто-то прибудет, чтобы забрать собраииое оружие. Вот вы, любезиейший, как раз и явились этим будапештским иезиакомцем. Мы допустили только одиу ошибку: иедооцеиили вас. Наблюдатели ие заметили, что девушка-шатеика, которая в Хатваие села в поезд, связаиа с вами; им ие бросилось также в глаза, что у иее точио такой же чемодаи, как у вас. Согласио получеииому иами доиесеиию, оии даже видели, как вы вежливо встали и любезио положили чемодаи девушки иа багажиую сетку. Оии, правда, ие заметили того, что, когда вы сошли с поезда в Гёдёллё, у вас в руках был чемодаи девушки. Оиа, одиако, оказалась более осторожиой и бдительиой — очевидио, видела, как вас арестовали иа стаиции. И разумеется, тут же исчезла. Да, Буша, оиа исчезла вместе с оружием. Когда иаши сыщики вскочили в поезд, девушки там уже ие было. Сейчас меия иитересует, как зовут ее, где я могу ее иайти, куда оиа отиесла оружие. А еще меия очеиь иитересует будапештская оргаиизация, ибо, любезиейший, я ие поверю, что вы — последиее звеио, что у вас иет связей. Вот-с о чем идет речь.

— Господии старший иислектор,— заговорил Буша, опершись иа руки,— я не отрицаю, что я коммуиист. Но поверьте, что ии о каком оружии я ие зиаю. В чемодаие была обувь — ведь как-то иужио жить...

— Зачем вы везли из Мишкольца обувь?

— Потому что мой друг Яиош Клич взялся помочь мие распродать ее.

— Оставим эту сказку, Буша. Вас сильио избили. Отдыхайте до утра. Утром мы продолжим, а до этого подумайте.

Полчаса спустя Шалго уже сидел в комиате подслушиваиия. Офицер техиической службы, иизеиький молодой человек в очках, ловкими движениями вра-

щал ручки аппарата. Но из репродуктора пока слышно было только посвистывание.

Внезапно наступила тишина, слышно было только легкое гудение аппарата. Прошло, наверно, с полчаса, а тишина все еще не нарушалась. Шалго прикрыл тяжелые веки и терпеливо ждал. Потом они услыхали шепот.

— Как ты думаешь, кто предатель? — Шалго узнал голос Буши.

— Меня схватили на станции. («Это Клич»,— подумал Шалго.) В полицейской машине уже было десять человек. Хорват сказал — всех замели. А что с оружием?

— Спрятано в надежном месте. Белочка ловко все проделала.

— Ты признался, что в чемодане было оружие?

— Нет. Я сказал, что обувь. Взялся, дескать, помочь тебе распродать товар. Деньги пополам.

— Тогда я не понимаю.

— И я тоже. Мне точно перечислили, сколько ручных гранат и сколько револьверов было в чемодане.

— Столько и было?

— Я не считал, Ворчун сказал, что ровно столько.

— А кто такой Ворчун?

— Инженер. Он достал оружие.

— Ты же сообщил, что ты сам его достал.

— Ну, в конечном счете я достал.

— Клич, не виляй. Расскажи подробно, как ты раздобыл оружие. Говори спокойно — важна каждая деталь. Ты же сообщил, что оружие достал твой младший брат со склада.

— Я сказал неправду, Нервный. Ну, не злись. Я думал, что, если я скажу правду, ты не разрешишь прибегнуть к этому способу. А мне очень хотелось раздобыть оружие. Без него мы не можем бороться против нацистов.

— Брось болтать, Клич. Кто этот Ворчун и где ты с ним познакомился?

— Меня познакомил с ним Шпаник. Они вместе работали в профсоюзе. Шпаник сказал, что инженер — надежный человек. Таким он и мне показался. Я разговаривал с ним. Он сказал, что работал по военной линии, но потерял связь. Ему было дано задание достать оружие. Он достал, но его верхний

связной не объявился; поэтому он не знал, что делать с оружием.

— Ты болван, Клич. Болван, черт тебя побери... Почему же ты не сказал об этом раньше?! Почему ты солгал?

— Не сердись, Нервный. Я хотел доказать...

— И тебе это удалось. Ты доказал, насколько ты безответствен. Вот и преподнес нам эту провокацию.

— Не сердись.

— При чем тут сердись или не сердись. Речь идет о гораздо большем, Клич. Сколько человек провалилось?

— Не знаю, по крайней мере двадцать.

— Этому Ворчуну ты, разумеется, сказал, что, дескать, оружие переправишь потом в Будапешт? Не так ли? Потому что, мол, у тебя есть связь с Будапештом... Почему ты молчишь? Отвечай.

— Да, сказал.

— Ворчун, конечно, не провалился.

— Я не видел его.

— Кем он интересовался? Отвечай.

— Он спрашивал, знаю ли я Белочку.

— И ты, наверно, сказал, что знаешь?

— Я сказал только, что Белочка осуществляет со мной связь.

— Видишь, Клич, так происходит, когда люди теряют скромность. Ты хотел стяжать себе славу тем, что достал оружие, и умолчал о столь важных обстоятельствах, при которых это осуществил.

— Не сердись, Нервный.

— Ты говоришь это уже в третий раз, Янчи. Речь идет сейчас о жизни и смерти. Подай воды, я не могу двигаться.

Затем наступила тишина...

— Итак, Белочка,— тихо произнес Шалго.— Немного, но и это кое-что. Вызовите сюда двух стенографисток,— повернулся он к офицеру,— и пусть они запишут этот разговор.— Шалго встал, потер лоб и с озабоченным лицом вышел в коридор. Он чувствовал себя очень усталым и отправился домой.

Когда Марианна проснулась, утро уже полностью вступило в свои права. Дверца шкафа была приоткрыта — это показалось ей подозрительным. Помнит-

ся, она ночью плотно закрыла шкаф. Девушка встала, подошла к шкафу и еще шире распахнула дверцу. Чемодана не было и следа. Она вошла в ванную комнату, огляделась. Лицо у нее покрылось мертвенной бледностью. Марианна постаралась овладеть собой.

Быстро умывшись и одевшись, она поспешила в сад. Вошла в розарий и, кивнув Кальману, чтобы тот следовал за ней, направилась к аллейке, тянущейся вдоль забора. Кальман по лицу девушки понял, что она встревожена. Под сенью одного из кустов сирени Кальман притянул к себе Марианну и, не спрашивая ее ни о чем, с такой силой сжал в объятиях, что у Марианны перехватило дыхание. Но ей сейчас было не до нежностей; она высвободилась из объятий молодого человека и шепотом спросила:

— Кальман, я не нахожу чемодана.

— Какого чемодана? — с наигранным удивлением поинтересовался Кальман, а сам подумал, что сейчас он преподаст ей урок.

— Того, что ты вечером взял у меня из рук.

— Так я же отнес его в твою комнату.

— Он исчез.

— И сейчас из-за этого я не могу поцеловать тебя? Для тебя чемодан дороже, чем я?

Марианна готова была расплакаться. Она схватила его за руку.

— Это очень серьезно, Кальман.

— Гм, весьма мило. А что же было в чемодане?

— Да всякая всячина...

— Где ты была так долго?

— В провинции, у подруги. Кальман, дорогой, ты действительно не знаешь, где он?

— Он в надежном месте. А эту «всякую всячину» я спрятал в котельной. Но ты заслуживаешь того, чтобы тебя крепко отшлепали.

— Спасибо,— проговорила девушка с облегчением.

— Черт возьми, как ты можешь быть настолько легкомысленной? И где ты пропадала столько времени?

— У подруги...

Кальман раздраженно прервал ее:

— Это ты можешь на допросе говорить.

— Я даже тебе не могу сказать другого.

— И ты от нее получила гранаты?

Девушка взглянула на него, взяла его за руку и поцеловала в ладонь, а потом прижалась к ней щекой.

— Ведь ты же не допрашиваешь меня?

— Нет, именно допрашиваю. Я должен знать, что случилось. Я боюсь за тебя. Не совершили ли вы какой-нибудь ошибки? По-моему, что-то не в порядке, раз ты притащила этот чемодан домой. Я очень прошу тебя, скажи мне.

Девушка растянулась на скамейке, положила голову Кальману на колени и закрыла глаза.

— Единственное, Кальман, что я могу тебе сказать, это то, что мой напарник провалился, а я еле сумела спастись.

— Тебе немедленно нужно перейти на нелегальное положение.

— Я не могу этого сделать, пока не получу указания. И куда я пойду? У меня нет других документов, а кроме того, я должна известить своих товарищей о провале моего напарника.

— Марианна, я не коммунист, но сейчас я сражаюсь вместе с вами, ты должна довериться мне. Я очень прошу тебя. Я дам тебе один адрес или сведу тебя туда. Там ты сможешь укрыться. Я же выполню твое задание. Скажи, куда нужно отнести оружие, кого я должен известить? Послушай меня, я все сделаю.

Марианна притянула к себе голову Кальмана.

— Это невозможно, мой дорогой. Я не имею разрешения на это... Мой товарищ меня не выдаст, а за мною слежки не было. Иначе меня давно схватили бы. Я должна остаться.

Однако Кальман не сдавался.

— Возможно, ты имеешь такое указание, но это же глупо. Так мы никогда не победим немцев.

— Как это «так»?

— А так, что мы даже друг от друга все скрываем. Если ты мне, человеку, который ближе всех тебе, человеку, о котором ты знаешь, что он антифашист, и то не доверяешь, так как же ты решишься довериться другим? Разве можно бороться обособленно, доверяя только самим себе?

Марианна подставила лицо весеннему солнцу.

— Твой отец поручил мне тебя,— тихо сказал Кальман.— Он просил меня присматривать за тобой, оберегать тебя.

— Я знаю.

— Ты говорила с ним?

— Позавчера в Сегеде. Я сообщила ему, что стану твоей женой.

— И что он сказал?

— Он пожал плечами и сказал, что у него есть более важные заботы. Его даже не заинтересовало, что в октябре он станет дедушкой.

— Кем станет в октябре? — переспросил Кальман.

— Дедушкой,— спокойно повторила Марианна.— Он не захлопал в ладоши от счастья. А я думала, что он обрадуется.

Только тут дошли до сознания Кальмана слова девушки. Ошеломленный, он спросил:

— Ты ждешь ребенка?

— Да, ребенка,— подтвердила Марианна. Голос ее не выдавал никакого волнения.

Кальман же не мог прийти в себя от неожиданности.

— И ты хочешь сохранить его?

— А что же, по-твоему, мне следовало бы сделать?

— Сейчас война.

— Неужели? — По лицу Марианны скользнула ироническая улыбка.— Ты только сейчас сообразил, что идет война?

— Не иронизируй,— с укором проговорил Кальман.— Это дело гораздо серьезнее, чем ты рассудила по своей детской наивности. Знаешь ли ты, что я пока не могу жениться — только после окончания войны?

— Я никогда не просила тебя, чтобы ты женился на мне. Я даже не просила тебя признать отцовство ребенка. Я знаю, что ты его отец, и ребенок будет это знать.

— Дура,— в сердцах бросил Кальман.— Речь идет совсем не о том. Я буду счастлив, если ты родишь мне и пятерых детей. Но не теперь, не при таких обстоятельствах.

— А я и не знала,— произнесла тихим голосом девушка,— что ты к тому же и грубиян.

— Ты первая назвала меня дураком.
— Конечно, потому что ты спрашивал глупости. Но я рожу ребенка, даже если ты будешь рвать и метать.
— Ладно, мы это еще обсудим. Прошу тебя, не будем препираться и ссориться.
Из окна дома закричала Илонка:
— Барышня, вас просят к телефону!

X

Шликкен стоял у окна и разглядывал в бинокль местность.
— Восхитительно! — сказал он.— Господин полковник будет весьма благодарен. Я скажу ему, что этой резиденцией мы обязаны моему другу Оскару Шалго.
Шалго спокойным голосом прервал излияния майора:
— Я очень рад, Генрих, что тебе нравится. Но у меня мало времени; я рассказал тебе, в чем дело. Теперь я хотел бы, чтобы и ты наконец сообщил мне, зачем ты меня вызвал.
Шликкен опустил бинокль и повернулся к Шалго.
— Ты прав.— На этот раз он изменил своей привычке и, сев напротив старшего инспектора, закурил сигарету.— Знаешь ли ты, почему регент Хорти находится сейчас в Берхтесгадене?
— Ну, скажем, что знаю. Разумеется, это не только я знаю, но и другие, у кого есть в голове хоть капля здравого смысла. Не случайно же вы сосредоточили свои войска на нашей границе.— Он закурил сигарету.— Когда вы решили оккупировать страну? — спросил Шалго внешне спокойным тоном и сломал спичку. Однако это не укрылось от внимания Шликкена; он видел, что старший инспектор нервничает.
— Из чего ты заключаешь, что мы намерены оккупировать Венгрию?
— Генрих, уж не считаешь ли ты меня за идиота?
Шликкен рассмеялся. Пригладил свои светлые, с легкой проседью волосы.
— Оскар,— вновь заговорил Шликкен после небольшой паузы.— Я хочу серьезно поговорить с то-

бой. Нет никакого смысла скрывать от тебя — ведь ты и сам хорошо знаешь и понимаешь, что страну нужно оккупировать.

— И когда вы введете войска?

— Я еще не знаю точно. Но, по-моему, скоро.

— Ты считаешь, что это будет полезным?

— С точки зрения окончательной победы — несомненно.

Шалго задумался.

— Поэтому тебе и нужен был тот список?

— Видишь ли, Оскар, игра идет не шуточная. Мы должны забрать всех подозрительных, антинацистски настроенных лиц. Будет создано новое правительство. Внутри вашей контрразведки тоже придется сделать перемещения. Ты должен будешь возглавить ее. Тебя вернут в кадры армии и досрочно представят к очередному чину.

— А мне ты доверяешь? — спросил Шалго и вскинул свои сонные глаза на майора.

Шликкен, действительно высоко ценивший профессиональные знания старшего инспектора, подумал о том, что Шалго, возможно, догадался о его подозрениях. Ведь он ни о чем не спросит без причины. «С ним нужно говорить так,— решил про себя Шликкен,— чтобы он поверил в мою искренность».

— Есть люди, которые не верят тебе,— промолвил он.— Неверно истолковывают твои высказывания и замечания, твое циничное поведение...

— А ты мне доверяешь?

— Послушай, Оси, я рассуждаю так: многое говорит за то, что мой старый друг и однокашник несколько заколебался, не верит в нашу окончательную победу. Он хотел бы спрыгнуть с корабля. Но куда ему прыгать?

Шалго не интересовали досужие рассуждения майора. Он думал о том списке, который он все же составил для Шликкена, и чувствовал какое-то замешательство. У Шалго было такое ощущение, будто он привязан к стулу сомнениями и противоречиями своей жизни. С чем он не согласен? Его обескуражило, что немцы собираются оккупировать страну? Ну и что тогда? Ведь строго говоря, она уже оккупирована — в контрразведке давно уже беспрекословно выполняются все просьбы и пожелания гестапо. Раз-

ве кто-нибудь вынуждал его, например, составлять этот список? Генрих попросил его, а он написал, включив в него шестьдесят с лишним фамилий. Может быть, он не знал, зачем нужен этот список? Ну как же, не знал! Он просто не хотел думать об этом. Этих людей заберут и отправят потом в концентрационные лагеря...

— Список у тебя? — спросил он вялым голосом.

— У меня,— ответил майор.

— Я бы хотел просмотреть его.

— У тебя возникли какие-нибудь сомнения?

— Дело не в этом. В списке фигурирует немало таких лиц, в отношении которых у меня есть только подозрения, но нет никаких доказательств того, что они коммунисты.

— Они, однако, все настроены против национал-социалистов? — спросил Шликкен и достал из портфеля список.

— Будь любезен, покажи.

Шликкен передал ему список. Шалго долго смотрел на него, но имена и адреса стали вдруг расплываться у него перед глазами. Ему только сейчас по существу стало ясно, какие последствия повлечет за собой немецкая оккупация.

— Изменить план мы не можем,— долетали до него откуда-то издалека слова Шликкена.— Механизм уже заработал.

Шалго кивнул. Он увидел в списке фамилию профессора Калди. Рядом стоял и его адрес: Сегед, площадь Сечени... Шалго не мог объяснить, что́ его словно подтолкнуло, когда он сказал:

— Я неверно записал адрес.— Голос его звучал равнодушно.— Сегодня я получил донесение, что Калди находится в Будапеште, а не в Сегеде. Я запишу сюда его будапештский адрес, если ты позволишь.— Он снимал наконечник с авторучки, а сам в этот момент думал о том, что немедленно изыщет способ предупредить Калди, чтобы тот скрылся... Шалго отдал майору бумагу.

— Что-то ты не очень воодушевлен, Оскар,— заметил Шликкен.

— Нет, почему же. Просто все это как-то неожиданно. И потом, ты знаешь, что я не принадлежу к экзальтированным личностям.

Майор убрал бумаги в папку. Достал из коробочки конфетку и принялся сосать ее. Снова подошел к окну и спросил, насколько удалось Шалго продвинуться в расследовании дела об убийстве Хельмеци.

Шалго солгал:

— Тут привалило мишкольцевское дело. Вёрёшкёи со своими профанами снова поторопился и опять дал маху. А от дела Хельмеци я отошел; точнее, еще не приступал к нему.

— Ну, а узнал ты, кто скрывается под кличкой «Белочка»?

— Пока еще не узнал, но вчера вечером дал указание своему агенту, чтобы он выяснил кое-что. Если мне удастся поймать Белочку, то мы, надеюсь, сумеем схватить многих членов будапештской организации и, пожалуй, даже выйти на их военную линию.

Расстроенный возвращался Шалго на службу. Он чувствовал, что попал в западню. Ему хотелось помочь Калди, так как он считал несправедливым арест старика; в то же самое время он хотел ликвидировать будапештскую организацию коммунистов. Это противоречие Шалго пытался сам себе объяснить тем, что-де его решение логично, ибо против Калди нет ни улик, ни доказательств; что же касается неизвестной Белочки, то против нее и улик и доказательств больше чем достаточно. Однако одно обстоятельство не находило объяснения; если все это верно, то почему он солгал Шликкену, когда тот спросил о деле Хельмеци?.. У него разболелась голова, и он принял болеутоляющее лекарство; потом прилег на несколько минут, а затем позвонил и приказал привести из камеры Бушу. Вид у Буши был еще более жалкий, чем вчера ночью.

Шалго покачал головой и подумал о том, что хотя он осуждает пытки, тем не менее и он ответствен за эти ужасы.

— Буша,— проговорил Шалго, осененный неожиданной идеей,— вы поверите мне, если я скажу вам, что я всегда осуждал допросы с применением насилия?

Буша застонал от боли, коснувшись пола открытой раной на ступне. В его глубоко посаженных глазах блеснули слезы.

— Какое это имеет значение, поверю я или нет? — спросил он.

— Вы правы,— согласился Шалго.— И все же меня интересует ваше мнение.

По лицу Буши скользнула болезненная улыбка.

— Возможно, что вы, господин старший инспектор, и осуждаете это, и все же нас пытают.

Шалго молча курил сигарету. Как хорошо было бы поговорить с умным коммунистом, думал он. Но с теми, кто провалился, бессмысленно: они осторожны и недоверчивы. А когда они на свободе, тоже нельзя — уже потому, что они свободны. Странные люди. Характерной чертой для них является недоверие...

— Скажите, Буша, а кого называют Белочкой? — Он заметил, как тот вздрогнул, явно не ожидая этого вопроса.

— Я не знаю, кого вы имеете в виду, господин старший инспектор.

— Я разочаровался бы в вас, если бы вы ответили по-другому.— Шалго сам не замечал, какие сдвиги произошли в его мышлении, но он позабыл сейчас и Калди, и Шликкена, и свою противоречивую, зашедшую в тупик жизнь; он видел перед собой только Бушу, своего противника, который хочет взять верх над ним в их поединке умов.— Буша,— тихо произнес Шалго,— не правильнее ли было бы, если б вы сказали: «Сударь, я знаю Белочку, но не намерен выдать ее истинное имя»?

— Я не могу сказать ничего иного, господин старший инспектор.

— Что было в чемодане?

— Обувь. Клич написал мне, что у него в мастерской плохо идут дела, и попросил меня продать на толкучке обувь, а выручку предложил разделить пополам.

— Запомните, Буша, что ценность алиби зависит от незначительных нюансов. Ваш замысел сам по себе был неплох, только вот организационная сторона дела у вас подкачала.

Через несколько минут в камеру ввели низкорос-

лого черноволосого Клича, а затем принесли и коричневый чемодан. Охранники удалились.

— Станьте к стене, Клич,— распорядился Шалго.— И попрошу вас — это же относится и к вам, Буша,— говорите только тогда, когда я вас спрошу, и пусть отвечает только тот, к кому я обращусь с вопросом. Вы поняли меня?

Оба утвердительно кивнули.

— Клич, это тот чемодан, который вы передали Буше?

— Так точно, он.

— Буша, что скажете?

— Я узнаю его.

— Правильно,— сказал старший инспектор.— Клич, будьте любезны, назовите мне, сколько пар обуви и какой вы упаковали в чемодан.

Клич посмотрел на Бушу, потом на чемодан. Нахмурил свои черные брови и, как ученик, не приготовивший урока, стоял растерянный и смущенный, переминаясь с ноги на ногу.

— Видите, Буша, бедняга Клич молчит. Он и понятия не имеет, что сказать, ибо не знает, сколько пар обуви было упаковано в чемодан. Конечно, он мог бы солгать, что не он укладывал обувь. Но в этом случае он должен был бы назвать кого-нибудь, а это было бы неразумно, ибо я допросил бы этого человека.

— Вы правы, господин старший инспектор,— проговорил Буша.

Шалго позвонил и приказал вошедшему охраннику препроводить Клича обратно в камеру.

Дверь закрылась. Старший инспектор закурил.

— Хотите сигарету? Вы можете спокойно ее взять, от этого ваша честь не пострадает.— Шалго подошел к арестованному, угостил его сигаретой и дал прикурить от зажигалки.

— Видите ли, Буша, вам потому не удается свергнуть существующий режим, что вы недостаточно искусно ведете бой. Я лично коммунизм как идейное течение могу сравнить разве что с христианством. Вы — то есть ученики Ленина — чем-то походите на апостолов.

— Может быть,— промолвил Буша, и на его распухших губах промелькнуло подобие улыбки.

— Вы помните легенду о Савле?

— Что-то не припоминаю.

— Он был обращен в веру. Этот Савл, если вам угодно, был, так сказать, в аналогичной с моею должности. Он преследовал христиан, как я — коммунистов. Он был чиновником своего времени, я тоже. И если бы я сейчас сказал вам, что, когда я шел сюда, меня тоже осенило знамение — правда, я увидел не крест, а серп и молот — и под воздействием этого видения я обрел ясность мысли и понял, что должен изменить свою жизнь, вы, Буша, взяли бы на себя роль Иоанна Крестителя? Вы бы направили меня на путь истинный?

— Не пойму, чего вы от меня хотите, господин старший инспектор.

— Скажите мне, где я смогу найти Белочку. Я хочу предупредить ее, что ей грозит серьезная опасность.

— Я не знаю, о чем вы изволите говорить,— бесстрастно ответил Буша.

— Вы не доверяете мне. Разумеется, я не могу этому удивляться. Но тогда скажите мне, Буша, что должен сделать такой человек, как я, если он хочет изменить свою жизнь? Вы не позволите ему, не дадите возможности порвать со своей старой жизнью; вы будете считать его провокатором. Что же тогда останется для такого человека?

Буша молча уставился в одну точку; он смотрел на свою ступню и на мгновение подумал о том, что уже никогда больше не сможет встать на ноги. Его сделали калекой. Здесь, в этом здании. И здесь же он слышит сейчас весьма странные рассуждения. Одно только точно: в пролетарском движении чудес не бывает. Во всяком случае, таких чудес, которые в один прекрасный день из сотрудника хортистской контрразведки сделали бы коммуниста.

— В окно выбрасываться нет смысла,— произнес наконец Буша.— Не только коммунисты сражаются против фашистов, но и многие другие честные венгры.

Шалго глубоко задумался.

— Когда я ссылался на Савла,— вновь заговорил он,— я не хотел этим сказать, что стал коммунистом. Об этом и речи нет. Но ныне коммунисты борются вместе с некоммунистами. Американцы тоже

не очень-то любят русских большевнков, и все же онн сейчас вынуждены сражаться вместе с ннми протнв немецкнх нацнстов. Разве вы не можете представнть себе, что мы заключим с вами союз?

— Я верю только фактам и своему опыту, господин старшнй инспектор. А они свидетельствуют о другом.

— Если бы я, напрнмер, сказал, что устрою вам побег, вы поверили бы мне? Пошлн бы со мной? Доверили бы себя мне?

Буша до болн закусил губу.

— Зачем вы меня терзаете, господин старший ннспектор? С чего бы вам стать антннацнстом? Чудес не бывает. Вы в теченне нескольких лет провалилн многнх коммунистов. А сейчас вы хотите мне доказать, что и вы антнфашист! Господнн старший ннспектор, в наше время человек, придержнвающнйся антнкоммунистических взглядов, не может быть антнфашнстом. И вы не являетесь нм. Бороться протнв нацнстов можно только вместе с нами. Так как же я могу повернть вам?

Бушу утомнл этот разговор. Он тяжело дышал.

— Вы совершенно правы,— задумчиво промолвнл Шалго.— Однако кое о чем вы позабылн. Что будет со страной, если конец войны застанет нас на стороне побежденных? И имеется ли способ изменнть нашу судьбу? Разумеется, есть. У нас еще нет лагерей смертн, но еслн немцы оккупируют страну, онн будут и у нас, и мы окажемся в ответе за все это.

— Немцы оккупнруют страну? — спросил пораженный Буша.

— Да, в самые ближайшие дни. Вот этн обстоятельства н заставнли меня призадуматься. Подчеркиваю, что я не коммунист и не стал нм. Подумайте над всем этим, Буша, и попытайтесь повернть мне. Я не буду изолнровать вас от Клича. Договоритесь как следует об алибн — возможно, вас будет допрашнвать кто-ннбудь другой, а не я.

Вернувшись домой, Шалго переоделся, попроснл у экономкн теплой воды, сел в кресло, опустил ноги в таз с водой. Теплая вода приятно нежила его больные ноги, и он в полудреме закрыл глаза. Невольно ему вспомннлись искалеченные ноги Буши. Шалго

подумал, что он бы погиб, так как не смог бы вынести подобных страданий.

Шалго взглянул на часы: пять минут седьмого. Он оделся, вышел на улицу и тут же завернул в будку телефона-автомата. Вложив свой толстый палец в телефонный диск, Шалго закрыл глаза и задумался. Наконец после долгого раздумья он набрал номер виллы Калди.

Несколько секунд никто не отвечал, но вот сняли трубку. Он знал, что техническая группа подслушивает разговор; однако это не очень смущало его — донесение все равно должно поступить к нему.

— Алло, квартира Калди,— раздался на другом конце провода голос Марианны.

— Говорит Геза Ковач,— произнес измененным голосом Шалго.— Прошу господина профессора.

— Он в Сегеде.

— Тогда я хотел бы переговорить с его дочерью.

— Я вас слушаю.

— Прошу вас, не изумляйтесь и не вешайте трубку. Известите своего отца, чтобы он немедленно исчез. Завтра ночью старший инспектор Шалго собирается его арестовать.

— Извините, кто это говорит?

— Я друг Миклоша Харасти. Вы уже не помните меня. Немедленно известите отца. Завтра уже будет поздно.

XI

Бледная стояла Марианна у телефонного аппарата. Известие потрясло ее. Возможно, конечно, это провокация. А если все-таки нет? Старший инспектор Шалго? Ей знакомо это имя. Да будто бы и Кальман упоминал фамилию Шалго. Кажется, в ту ночь, когда он вместе с лейтенантом вернулся с операции, он что-то сказал о нем. Она позвонила; пришлось подождать, пока пришла Илонка. Марианна сказала девушке, чтобы она отыскала садовника и тотчас же послала его к ней в комнату. Потом закрыла дверь в гостиную и усталыми шагами поднялась по лестнице на второй этаж. Она чувствовала себя очень неспокойно и не могла найти себе места; бесцельно ходила взад и вперед по комнате, затем бросилась на

тахту и уткнулась лицом в подушку. Что же ей делать, как поступить? Завтра до полудня она будет ждать, но если до тех пор ее не известят, то после обеда она отправится к доктору Агаи — пароль она знает. Но ведь туда ей идти нельзя. В последний раз, когда они встретились, доктор Агаи категорически запретила ее разыскивать, а если Марианна понадобится, то она сама сообщит ей об этом.

Марианна очнулась от своих мыслей при звуке открывшейся двери. В комнату вошел Кальман. Он подсел к ней на тахту. Молодой человек сразу же понял, что что-то произошло, так как лицо Марианны всегда отражало ее чувства. Девушка рассказала, какое она получила телефонное предостережение, и взглянула на Кальмана, ожидая совета; для него это сообщение было также неожиданным.

— Шалго действительно руководит слежкой за твоим отцом. Ведь я тебе говорил об этом.

— Нет, только собирался.

Тогда он рассказал ей, что́ услышал в свое время от Хельмеци.

— Но кто же все-таки этот Геза Ковач? — недоумевал Кальман.— И откуда ему все известно? Потому что его сообщение о твоем отце кажется вполне правдоподобным. Но мы вот что сделаем: я поеду в Сегед и поговорю с твоим отцом. Напиши и ты ему несколько строк. Я скрою его. Отвезу в Будапешт и скрою, а ты не выходи никуда из дому.

— Поезд идет только завтра утром,— проговорила девушка.

— Ну, тогда утром и поеду.

Ночь они провели вместе. Наутро они простились.

В пять часов пополудни Шликкен вышел из главной резиденции гестапо на улице Аттилы. Спустя полчаса он уже ходил взад и вперед по паркету служебного кабинета Шалго. Старший инспектор был в дурном расположении духа, хотя, увидев майора, и испытал некоторое удовлетворение. Напрасно вчера вечером Шликкен заходил к нему, чтобы прояснить это дело. Борчун ничего не смог узнать о месте пребывания Белочки. После того как агент удалился, Шалго понял, почему собственно, Шликкен так

хочет «прояснить» это дело: одна из групп майора вот уже несколько месяцев занята распутыванием нитей, ведущих к сильной коммунистической организации. Шалго испытывал разочарование и горечь и, пока Шликкен говорил, думал о том, насколько унизительна для него эта роль. В соответствии с указанием высшего начальства все данные, которые поступают о коммунистах, они немедленно должны сообщать в гестапо, хотя сам Шликкен и его люди их ни о чем не информируют. Шликкен сказал, что имя «Белочка» неоднократно фигурировало в донесениях. По разведывательным данным, ее недавно подключили к человеку, носящему кличку «Татар». Об этом Татаре известно лишь, что он рабочий, по-видимому техник, долгие годы живет на нелегальном положении, и есть подозрение, что Татар и тот руководитель, которого уже несколько месяцев ищут,— одно лицо. Его конспиративную квартиру, судя по донесениям, знают только двое: уже упомянутая Белочка и один коммунист по кличке «Нервный», тоже находящийся на нелегальном положении. Шалго улыбнулся про себя и подумал о том, как обрадовался бы Шликкен, если бы узнал, что Нервный со вчерашнего дня находится в подвальной камере отдела контрразведки.

Сегодня утром ему доложили, что переодетые в штатское платье гестаповцы арестовали в городе многих людей. Поступило донесение и том, что на квартире доктора Марии Агаи произошла перестрелка, причем сама доктор Агаи застрелила одного гестаповца. Полковник Вёрёшкёи связался с центральным отделением гестапо в Будапеште и попросил объяснения по этому поводу, но получил ответ, что гестапо не знает ни о каких арестах. И вот сейчас здесь, рядом с ним сидит его старый друг Генрих фон Шликкен и рассказывает об этих самых арестах.

— Мы арестовали десятерых человек. Однако Татар и доктор Агаи спаслись бегством. Но если мы схватим Белочку, то нападем на их след.

— Так чего же ты сейчас хочешь? — спросил Шалго.

— Сейчас нужно брать мишкольцевскую ячейку, ибо теперь уже очевидно, что оба эти дела находят-

ся в прямой связи. Мы должны найти оружие и схватить Белочку.

— Связь, пожалуй, вполне вероятна. Но почему ты это обсуждаешь со мной, а не с полковником Вёрёшкён?

— У меня есть на то основания,— улыбнулся Шликкен.— А вообще, завтра ты будешь назначен на место Вёрёшкён, а следовательно, нет никакого смысла обсуждать эти вопросы с ним.

Шалго подался всем корпусом вперед и оперся на локоть.

— А если бы я заявил: не старайся, потому что я не приму это назначение, что бы ты на это сказал?

— Я бы сказал, что ты идиот.— Шликкен стоял у несгораемого шкафа и бросил странный взгляд на старшего инспектора.— Оси,— проговорил он тихо, но очень внятно,— ты это брось. Я не хочу превратно истолковывать твое циничное поведение, но находятся люди, которые понимают его совершенно определенным образом. Я уже говорил тебе об этом. И я не знаю, до каких пор еще мне удастся защищать тебя от клеветников. Не у всех о тебе такое же мнение, как у меня.

Полное лицо Шалго растянулось в улыбке.

— Ты угрожаешь мне?

— Я предупреждаю тебя.

— У тебя стали очень сдавать нервы, Генрих,— проговорил Шалго и повернулся спиной к майору.— Ты уже и шуток не понимаешь. Разумеется, я принимаю назначение.

В комнату вошел рыжеволосый парень. Старший инспектор кивком разрешил ему докладывать. Сам же он настолько был взволнован, что слушал его невнимательно, и только тогда поднял голову, когда услышал имя Марианны Калди.

— Я не понял, что сделала девушка?

— Позавчера она вернулась домой ночью. С чемоданом средних размеров. Утром чемодан исчез.

Шалго хотел было сказать сыщику, чтобы тот немедленно замолчал, но не мог этого сделать, так как Шликкен, с жадностью ловивший каждое его слово, поспешно спросил:

— Когда вы об этом узнали?

— Двадцать минут назад на внеочередной встрече с Тубой,— ответил рыжеволосый.— Туба сообщает еще, что в настоящее время на вилле находится какая-то женщина, которая по описанию походит на разыскиваемую Марию Аган.

Шликкен широко раскрыл глаза, потом разразился смехом. Сыщик, выйдя из комнаты, даже в коридоре слышал этот страшный смех.

— Разреши воспользоваться твоим телефоном? — попросил он у обескураженного Шалго.

— С кем ты хочешь говорить? — Шалго только-только начинал приходить в себя.

— Я прикажу лейтенанту Мольтке, чтобы он с группой людей немедленно окружил виллу Калди и арестовал всех, кто на ней находится.

Шалго взял майора за руку.

— Подожди,— сказал он.— Положи трубку.— Шликкен повиновался.— Девушку под стражу возьму я. Я не позволю, чтобы плоды моей многолетней работы пожинали другие.— Он смело взглянул в глаза майору.

— Пусть будет так,— согласился Шликкен.— Ты меня найдешь в центральном отделении. В девять часов вечера у нас совещание. Позвони мне или до девяти, или после десяти. А мишкольцевцами мы займемся завтра утром.

— Как хочешь,— сказал Шалго.

Когда Марианна простилась с доктором Агаи, она долго еще стояла в воротах. Мария Агаи действительно была на вилле. Отважная женщина, уйдя от преследования после перестрелки и убедившись, что за ней нет слежки, поспешила к Марианне, во-первых, для того, чтобы предупредить ее о случившемся, а во-вторых, для того, чтобы узнать, нельзя ли ей несколько дней отсидеться на вилле. Но Марианна, объяснив ей, что здесь оставаться крайне опасно, не могла придумать ничего другого, как написать записку доктору Шавошу с просьбой укрыть Марию в клинике. А подробности, дескать, ему расскажет сама доктор. Марию же она заверила, что, хотя Шавош и не коммунист, а только антифашист, он тем не менее наверняка поможет ей. И вот сейчас Мария Агаи, не оборачиваясь, бы-

стрыми шагами удалялась по направлению к Венскому шоссе. На Марианну произвел тяжелое впечатление рассказ доктора Агаи. Свое угнетенное состояние Марианна старалась развеять тем, что неотступно думала о Кальмане. Она все время твердила себе: «Спокойствие, только спокойствие. С нами не может случиться беды». Она прошла в библиотеку и, взяв один из томов энциклопедического словаря «Larousse», стала его перелистывать, рассматривая иллюстрации. Однако ей вскоре надоело это занятие. Внезапно ею вновь овладело беспокойство. Бросив словарь, она побежала в котельную. Котельная была пуста. Она увидела только очищенные колосники, а чемодана с оружием как не бывало. Но Марианна не удовлетворилась этим, а сняла с полки фонарь и осветила помещение; правда, и теперь она ничего не увидела — только просторную топку и широкий дымоход.

Наконец она успокоилась. Снова поднялась наверх, села на веранде и задумалась. Если она выйдет замуж, то обязательно переселится из этого старого дупла: она никогда не чувствовала себя хорошо на этой вилле, которая вполне могла сойти и за дворец.

Снаружи позвонили. Марианна подумала, что это вернулся Кальман. Удалось ли ему укрыть отца? Нервы ее напряглись. Она вскочила с места, вошла в комнату, закрыла окна и дверь, опустила занавески затемнения и включила свет. Потом прошла в ванную комнату и привела себя в порядок, поправила прическу, слегка подкрасила губы и быстро вышла из комнаты. Сделав несколько шагов вниз по дубовой лестнице, она замерла на месте: внизу стояли два человека в немецкой форме. Оба были высокие, светловолосые, мундиры плотно облегали их фигуры.

— Кто вы такие? — спросила она.

— Фрейлейн Марианна? — обратился к ней тот, что был чуть повыше ростом, с голубыми, как фарфор, глазами и белесыми ресницами. Он медленно стал подниматься по лестнице. Девушка стояла как окаменелая. Ей вдруг захотелось заплакать из-за того, что это пришел не Кальман.

— Да, я Марианна Калди,— тихо произнесла она.

Мужчина уже стоял рядом с ней. Он был на голову выше ее. Немец приветливо улыбался, обнажив свои белые ровные зубы. Слегка склонив голову, точно желая представиться, он сказал:

— Вы арестованы.

— Нет! — вырвалось инстинктивно у девушки, и она снова повторила: — Нет!

— Не нет, а да.

В этот момент в дверь втолкнули Илонку и Рози. У Илонки были растрепанные волосы, платье на ней было разорвано; немцы грубо подталкивали женщин. Обе они отчаянно голосили. Марианна закрыла глаза. Ей стало дурно, кровь отхлынула у нее от лица.

Мольтке схватил ее за руку.

— Идемте.

Она не сопротивлялась и шла, не поднимая головы, видя только носки своих туфель да трещины на блестящих дубовых ступенях. Мольтке привел ее в библиотеку. В комнате у двери стоял человек в штатском. Мольтке поставил посредине комнаты стул и предложил девушке сесть.

— Белочка,— услышала она голос Мольтке,— будьте любезны, скажите быстренько, где оружие и где мы сможем найти Марию Агаи. Даю вам минуту на размышление.

Она взглянула на высокого лейтенанта и подумала о том, что́ может означать эта минута на размышление. Лицо у Мольтке выглядело дружелюбно.

— О чем вы спрашиваете? — удивилась Марианна.

— Где оружие? Еще тридцать секунд.

— Какое оружие?

— Еще двадцать секунд.

— Что вам угодно от меня?

— Еще десять...

Марианна молча смотрела на лейтенанта.

— Ну? — протянул Мольтке.

Марианна видела, как теплый блеск в его глазах растаял и они стали холодными и непроницаемыми. Она пожала плечами.

В следующее мгновение удар страшной силы об-



рушился на ее лицо, и она опрокинулась вместе со стулом. На глазах выступили слезы, в ушах она почувствовала саднящую боль и гул, а потом ощущение чего-то теплого.

Кто-то схватил ее за волосы и с силой рванул с пола. Она думала, что у нее срывается кожа с головы, и застонала от боли. Ее пихнули на стул. Марианна подняла глаза. Перед ней стоял Мольтке и улыбался кротко, по-детски.

— Ну-с, Белочка? Где же оружие?

Девушка осторожно дотронулась до уха и ощутила ту теплую жидкость, которая стекала на шею. Потом она провела пальцами по лицу и посмотрела на руку. Она была в крови. Инстинктивно Марианна схватилась за живот.

— Ну-с, Белочка? Даю вам еще одну минуту.

Марианна смотрела на свои пальцы. Потом взгляд ее перебежал на книги, и вдруг она вся затряслась в рыданиях.

Неожиданный плач девушки на мгновение смутил лейтенанта. Поэтому он даже обрадовался, когда услышал скрип отворяемой двери. Он обернулся. В дверях стоял старший инспектор Оскар Шалго. Его пухлое лицо было спокойно. Руки были опущены в карманы макинтоша. Шалго поздоровался с Мольтке, которого знал, и с невозмутимым видом подошел к письменному столу.

— Что вы здесь делаете, господин лейтенант? — спросил он, зная, что стоящий в дверях гестаповец не понимает по-венгерски.— Как будто деретесь?

Мольтке уже ожидал Шалго; в соответствии с полученным приказом он должен был опередить его. Майор Шликкен коротко сказал лейтенанту: «Впустите на виллу, а если будет фокусничать, арестуйте его».

— Я выполняю приказ господина майора Шликкена,— проговорил Мольтке.

— А что, он приказал вам избивать девушку?

— Я не обязан перед вами отчитываться.

Шалго быстро и хладнокровно оценивал обстановку. Он знал, что проиграл игру: Шликкен не доверяет ему, поэтому послал сюда своих людей. На вилле восемь гестаповцев, а он один. Он также был уверен в том, что Шликкен намерен и его аресто-

вать, поэтому его пропустили сюда беспрепятственно. Если его арестуют, это значит, что с ним быстро покончат: ведь он многое знает, а ненадежный Шалго не нужен им. Только бы знать, в каком состоянии девушка. Он воскресил в памяти расположение виллы. Шалго не раз изучал ее план, а год назад, однажды ночью, когда Марианна и ее отец были в отъезде, он с помощью Тубы просмотрел документы профессора. Если ему память не изменяет, за спиной у него кабинет, а из него дверь ведет на нижнюю веранду.

Шалго взглянул на девушку, которая перестала плакать и пыталась осмыслить неожиданное появление этого человека. Шалго добродушно улыбнулся ей.

— Вам лучше, Марианна? — спросил он.— Не бойтесь, господин лейтенант больше не ударит вас. Не правда ли, Мольтке?

Лейтенант отошел от девушки. Его поведение было угрожающим. Шалго из-под опущенных век следил за каждым его движением. Он не боялся, зная, что ему нечего терять.

— Руки вверх,— проговорил Мольтке,— вы арестованы.— И он поднял на Шалго револьвер. Старший инспектор выстрелил через карман и только тогда вытащил руку, когда Мольтке, покачнувшись, упал лицом вниз. Звук выстрела прозвучал тихо и глухо, так что, возможно, стоявший у двери гестаповец даже не услышал его. Зато он увидел, что револьвер Шалго направлен ему в грудь. Старший инспектор знаком показал ему, чтобы тот поднял кверху руки. Гестаповец повиновался.

Шалго подошел к двери, запер ее, потом повернул лицом к стене стоявшего с поднятыми руками гестаповца, вытащил у него из заднего кармана пистолет и рукояткой с силой ударил его по затылку. Гестаповец, как мешок, рухнул на пол.

— Я Геза Ковач,— сказал Шалго, обращаясь к Марианне,— но я опоздал. Давайте теперь попробуем невозможное. Вы умеете обращаться с оружием?

— Нет, не умею,— ответила девушка.

Старший инспектор зарядил пистолет немца и протянул его ей.

— В нем шесть зарядов. Вот это надо нажать,— показал он на спусковой крючок.— Если кто-нибудь станет вам на пути, ничего не спрашивайте, а стреляйте.

Раздался стук в дверь, затем кто-то стал дергать за ручку. Шалго и Марианна переглянулись. Шалго приложил палец к губам и прошептал:

— Бегите в кабинет, а через него на нижнюю веранду.

— Мольтке! — В дверь громко стучали.— Мольтке!

Шалго узнал голос Шликкена.

— Быстрее! — торопил он девушку.

Когда они добежали до двери кабинета, в холле затрещал автомат. Люди Шликкена стреляли по дверному замку.

XII

Укрыть Калди на конспиративной квартире удалось быстрее и легче, чем Кальман представлял себе. Ноэми Эндреди они застали дома; Кальман назвал ей пароль, в мягких карих глазах Ноэми отразилось волнение. Она отвела Кальмана в сторону, закурила сигарету и шепотом сообщила, что немцы начали оккупацию страны. Молодой человек растерянно смотрел на высокую блондинку лет сорока. Но ничего не оставалось больше делать, как попросить ее укрыть профессора. Теперь ему стало ясным телефонное предупреждение Гезы Ковача.

Он распростился со стариком.

— Береги Марианну,— проговорил Калди, обращаясь к нему на «ты», и пожал ему руку.

У трамвайного парка Кальман сошел и, застегнув пальто, поспешил по направлению к вилле. В лицо ему хлестал холодный ветер. Тем не менее, когда он достиг ограды виллы, ему было уже жарко. Замедлив шаги, Кальман прислушался. Но, кроме завывания ветра да гудения самолета в высоте, ничего не было слышно. В воротах он остановился и взглянул на темное здание виллы. Окна уставились на него своими черными глазницами; он достал ключ и с каким-то облегчением открыл железную калитку, а затем тщательно запер. Почти бегом

Кальман устремился по бетонированной дорожке к парадному входу, но и он был заперт. Молодой человек отпер его и вошел. Рука его на ощупь искала электрический выключатель, но в этот момент в лицо ему неожиданно ударил сноп света, а в следующее мгновение холл оказался освещенным. У стены Кальман заметил двух эсэсовцев, а у дверей — двух мужчин в штатском. Он тотчас понял, что попал в ловушку. Первой мыслью его была Марианна, а второй — бегство. Мужчина в штатском попросил его предъявить документы и протянул руку. Быстрым движением Кальман схватил его за запястье и, вывернув руку, рванул его на себя. Эсэсовцы не могли стрелять, так как он прикрылся сыщиком, как щитом. Кальман начал пятиться к двери. Но ему удалось сделать только один шаг, а потом голову его расколола резкая боль, и он потерял сознание.

Очнулся Кальман оттого, что кто-то спросил его хриплым голосом, как он себя чувствует.

— Где я?

— Где-то на Швабской горе. В «пансионате» Шликкена. А я — Буша. Как вы себя чувствуете?

— Не знаю. Мне очень хочется пить.

— Потерпите. С обслуживанием здесь, конечно, не шикарно. Где вас так трахнули по голове? Она у вас, как бутон туберозы, раскрылась на две половинки.

Снаружи послышались шаги, потом загремел ключ в скважине и кто-то открыл дверь. Кальман все еще лежал с закрытыми глазами. По тяжелым шагам он определил, что в камеру вошел охранник.

Охранник подошел к Кальману и тронул его за плечо.

— Вставать, вставать быстро!

Кальман приподнялся, голова у него кружилась.

Они брели по длинному коридору; Кальман дышал с трудом, сырой прохладный воздух словно давил на него. На лестнице он еле передвигал ноги, охранник поддерживал его. Он еще не совсем пришел в себя, не помнил, что с ним случилось; у него закружилась голова, и вновь подступила тошнота. Они остановились перед дверью. Кальман, сгорбившись, прислонился к стене, а охранник постучал в дверь, а затем вошел. Что-то доложил по-немецки,

затем шагнул назад к Кальману и ввел его в комнату, где, опершись о письменный стол, стоял мужчина в белом халате. Сквозь очки в золотой оправе он с интересом взглянул на Кальмана. Затем махнул рукой охраннику, отпуская его. Когда охранник ушел, он спросил, говорит ли Кальман по-немецки. Кальман кивнул. Тогда врач предложил ему сесть. Дождавшись, пока Кальман опустится на стул, он подошел к нему, взял его за руку и стал измерять пульс, поглядывая на часы.

— Как вас зовут?

Кальман внезапно задумался: какой же фамилией ему сейчас назваться?

— Не знаю,— прошептал он.— Мне плохо.— Он приложил ладонь к лицу и вдруг почувствовал, что сейчас же умрет.

Врач отпустил его руку, слегка потрепал за подбородок, оттянул веки и заглянул в глаза. Потом сказал:

— Снимите пиджак и рубашку.

Только с его помощью Кальману удалось раздеться и лечь навзничь на скамейку, покрытую простыней. Его бросало то в жар, то в холод. Зубы у него стучали. Врач внимательно осмотрел его.

— Вам дурно?

— Очень плохо. Меня тошнит.

Врач сделал ему укол в руку и сказал, что он почувствует сейчас облегчение. Потом посадил его и снял с головы повязку. Задумчиво разглядывал он рану в несколько сантиметров длины, наложил на нее мазь и снова перевязал чистой марлей. Закончив перевязку, он сказал:

— Однако вас основательно стукнули. Открытая рана в четыре сантиметра и сильное сотрясение мозга. Вам все еще дурно?

— Сейчас мне немножко лучше.

— Вы уже помните, как вас зовут? — спросил врач и усадил Кальмана на стул.— Наденьте рубашку.— Пока Кальман с трудом одевался, врач снял очки и, моргая, посмотрел на него.— Весьма неприятная штука, если человек не может вспомнить своего имени.— Кусочком замши он протер стекла очков.— Хотя,— продолжал он задумчиво,— сильное сотрясение мозга может повести к временной потере

памяти, особенно у тех лиц, кто страдает эпилепсией.— Врач надел очки и поправил их на носу.

Кальману стало не по себе: в словах врача ему почудился скрытый намек. Однако он сделал вид, что не понял его, и смотрел куда-то в сторону. Врач стоял спиной к Кальману и раскладывал свои инструменты.

— Профессора еще не арестовали,— проговорил он.— Даже если они будут утверждать, что он схвачен, знайте, что его не поймали.

— Вы знакомы с господином профессором? — спросил Кальман.

— Будучи студентом, я слушал его лекции.

В комнату вошел молодой офицер и что-то тихо шепнул врачу, который, глядя на Кальмана, спокойно произнес:

— Он не понимает по-немецки; мы можем спокойно говорить.

— Его можно допрашивать?

— Можно,— ответил врач,— но доложите господину майору, что у него серьезное нарушение памяти и сравнительно частые приступы эпилепсии. Вот только что был такой приступ.

Кальман понимал каждое слово. Зачем врач сказал о нем, что он не понимает по-немецки и что у него был приступ эпилепсии? Можно ли принять его сообщническую услугу?

Молодой офицер пожал руку врачу, потом потянул Кальмана за рукав и повел в кабинет майора Шликкена.

Шликкен стоял в небрежной позе, не двигаясь. Он словно ощупывал взглядом Кальмана. Потом кивнул офицеру, чтобы тот посадил его на стул. Когда офицер вышел из кабинета, Шликкен подошел к письменному столу, взял со стола папку и, прохаживаясь по комнате, перелистывал подшитые там бумаги, на некоторых задерживая взгляд. Потом он остановился перед Кальманом. Дружелюбно, хотя и без улыбки, предложил:

— Хотите конфетку? — и, достав из кармана бумажный пакетик, протянул его молодому человеку.

— Спасибо, не хочу,— слабым голосом ответил Кальман.

— Жаль, что вы не любите конфет.— Майор до-

стал одну конфетку и опустил в рот.— Очень вкусные.— Положив пакетик на стол, он вернулся к Кальману и предложил ему ответить, как его зовут, когда и где он родился, назвать девичью фамилию матери, а также сказать, где и когда он был ранен. После каждого ответа Шликкен заглядывал в папку.

— Потрясающе,— проговорил он.— Все данные совпадают.— Закрыв папку, он бросил ее на край стола.— В настоящее время это просто редкость!

— Мне хотелось бы знать, за что меня арестовали? Из моих документов вы можете видеть, что я инвалид войны. Я сражался на фронте. Недаром же я получил Железный крест.— Кальман подумал о наставлениях Шавоша. Помнить: документы у него отличные, никто и ничем не сможет доказать, что он не Пал Шуба.

— У вас есть еще какие-нибудь вопросы? — спросил майор невозмутимым тоном, с удовольствием посасывая конфетку.

Кальман чувствовал сейчас себя лучше — помогла инъекция.

— Я венгерский подданный,— решительным голосом сказал он.— И требую, чтобы меня передали венгерским властям.

Шликкен с радужным выражением лица прогуливался по комнате.— Больше вопросов у вас нет? — Кальман отрицательно мотнул головой.— А требований?

— Тоже нет.

— Право, мне это радостно слышать,— проговорил майор и отошел к окну. Как бы стоя перед зеркалом, он пригладил свои волосы.— Ну что ж, послушайте меня, друг мой, и заметьте себе следующее: здесь, в этом здании, заведен такой порядок, что я спрашиваю, а вы отвечаете.— Шликкен вытер пальцы носовым платком.— Если ваши ответы удовлетворительны, то вы, пожалуй, еще можете просить.— Он снова приблизился к Кальману.— Можете просить, мой дорогой друг, вежливо, деликатно просить, но не требовать. Понятно?

Кальман взглянул в глаза немцу.

— Извините,— смело сказал он,— но я до тех пор не стану отвечать на ваши вопросы, пока вы мне не скажете, в чем вы меня подозреваете.

— Из чего вы заключаете, что я вас в чем-то подозреваю?

— Вы меня арестовали.

Шликкен вернулся к письменному столу, взял сигарету и закурил.

— Пока мы вас арестовали только потому, что вы попытались убежать, когда вас попросили предъявить документы, и напали на одного моего сотрудника. Закурите?

Кальман ощупал свои карманы.

— У меня всё отобрали.

— Пожалуйста.— И Шликкен протянул ему коробку с сигаретами. Кальман взял одну и поблагодарил. Майор подождал, пока он закурит, потом продолжал: — Что вам известно о Марианне Калди?

Кальман пустил кольцо дыма.

— Мне ничего о ней не известно.— Из этого вопроса Кальман понял, что Марианну не удалось схватить.

Шликкен развел руками.

— Этого не может быть. Вы вот уже несколько месяцев служите садовником на вилле. Хоть что-то вы все-таки знаете о ней?

Кальман вскинул брови.

— Утром и после обеда она имела обыкновение гулять в саду.

— Великолепно! Итак, утром и после обеда. А не знаете ли вы случайно, имела ли она обыкновение есть, спать, купаться?

Кальман видел, что майор издевается над ним.

— У меня такое ощущение, что и спать и есть она тоже имела обыкновение. Пожалуй, и купаться тоже.

— Прекрасно, молодой человек. Меня просто трогает ваша осведомленность. Примите мое признание.— И Шликкен с такой силой ударил Кальмана по лицу, что тот без сознания свалился на пол. А Шликкен как ни в чем не бывало крикнул в дверь, чтобы принесли ведро воды. Через несколько минут в комнату вошел его шофер Курт. Он бесстрастно склонился над Кальманом и стал брызгать водой ему в лицо.

Когда Кальман пришел в себя, Курт хотел выйти из комнаты, но Шликкен кивком показал ему, что-

бы он усадил Кальмана на стул. Шофер поднял его с пола и посадил. Голова Кальмана бессильно упала на грудь. Он вновь ощутил приступ тошноты.

Шликкен потер подбородок.

— Ну ладно. Первая партия отложена. Начнем вторую. В каких взаимоотношениях вы были с девушкой?

— Я служащий. Она давала мне указания, я их выполнял.

— Браво, это складный и толковый ответ. Ну, а если я так спрошу: какие между вами были отношения?

— Я опять же не могу сказать ничего другого.— Кальману придавало силы сознание, что Марианне удалось бежать.

Шликкен в задумчивости стал ходить по комнате.

— Посмотрите как следует на этот перстень,— проговорил майор. Кальман поднял голову. На ладони у Шликкена сверкал толстый перстень с печаткой. Кальман сразу узнал его. Это был перстень Хельмеци.

— Его вес сорок граммов. Им можно сильно ударить. Если я поверну эту золотую сирену — или Монику, как я ее называю,— вот таким образом, как сейчас,— видите,— то это значит, что я нервничаю, потому что ответ ваш не удовлетворил меня.

Кальману показалось, что такая напыщенная манера Шликкена не больше как поза, а в действительности он расчетливый и беспощадный человек. И снова он подумал о том, что ему нельзя бояться. Разумеется, очень легко сказать: «Не бойся!» А что ему делать, если он не сможет вытерпеть боль?

— Вы можете убить меня,— проговорил Кальман глухим голосом,— но я все равно не смогу ничего добавить. Знаете, когда я был ранен под Урывом...

Шликкен театральным жестом поднес руку ко рту и, словно обращаясь к перстню, заговорил, прервав Кальмана:

— Спокойствие, Моника, спокойствие! Друг наш расчувствовался на мгновение. Давай-ка послушаем его.— Он взглянул на свою жертву.— Итак, продолжайте; очевидно, вы сейчас расскажете о том, как получили Железный крест?

— Мне нечего больше сказать,— промолвил Кальман.

Майор деланно рассмеялся и, подойдя к окну, посмотрелся в стекло, как в зеркало.

— Надеюсь, вы это не серьезно? — Затем, повернувшись к Курту, Шликкеи приказал ему, чтобы тот привел женщину за номером три. Шофер удалился. А майор, напевая что-то, прохаживался по комнате. Он так припечатывал каблук к полу, точно отрабатывал парадный шаг. Вышагивая так, он разглагольствовал о пагубности лжи. Кальману надоело его философствование.

— Господин майор, чего вы от меня хотите? — спросил он.

Шликкеи остановился у сейфа.

— Откровенных ответов. Вы должны ясно понять, что сейчас война. Я все подчиняю интересам германского рейха.

— Да, но я за германский рейх пролил кровь, сражаясь за него, стал инвалидом.

— И получили Железный крест...— На этот раз в голосе майора уже не чувствовалось издевки.

Курт ввел в комнату Рози. Когда она увидела Кальмана, то на мгновение остановилась, потом с опаской приблизилась нерешительными шагами. Она не смела взглянуть на него.

— Подойдите-ка сюда, милочка,— сказал Шликкеи.— Станьте вот здесь, рядом со мной, вот так, прекрасно. Взгляните, пожалуйста, на этого молодого человека. Вы знаете его?

— Знаю,— произнесла она тихо.— Это Пали, садовник.— Рози откинула назад волосы, нависшие на лоб.

Шликкеи кивнул.

— И будьте любезны, скажите, что вам известно об отношениях Марианны Калди и Пала Шубы.

— Простите, я...— начала было Рози, но снова замолчала; потом, повернувшись к Кальману и, словно собравшись с духом, сказала: — Дорогой Пали, не сердитесь, но я рассказала, что вы были любовником барышни. Я вынуждена была...

— Так. И откуда вам это известно? — допытывался Шликкеи.

— Знаю,— проговорила кухарка, пожав плечами.— Я видела, как они миловались...

— Это неправда! — запротестовал Кальман.— Стыдитесь! — возмущался он, думая о том, что Марианна сумела спастись и никто не сможет доказать их связь.

Рози пришла в замешательство; она беспомощно смотрела на майора. А тот уже отвернулся от нее.

— Итак, Рози лжет,— сказал он Кальману.— Это, конечно, весьма прискорбно.— Затем обратился к кухарке: — Ну, не тряситесь же так. Возьмите, пожалуйста, конфетку. И не благодарите. Я даю ее вам от чистого сердца. Можете идти. Курт, проводи ее,— произнес он по-немецки,— и приведи женщину под номером один.

Когда шофер и Рози вышли, Шликкен присел на край стола и сказал:

— Я не признаю в игре ничьей. А вы?

— Я не люблю играть в шахматы.

— А я люблю. Ведь и жизнь не что иное, как серия захватывающих партий... Вообще же вы решительно нравитесь мне. Интересный тип... Как вы думаете, где может скрываться фрейлейн Калди?

— Господин майор, поверьте, я не знаю. А что я был любовником барышни — это болтовня... Как можно представить себе, чтобы такая интересная девушка, как барышня, вступила в любовную связь с инвалидом войны, эпилептиком?

— Вот об этом-то и речь, Шуба! Это как раз то, что смущает меня. Во-первых: почему вы отрицаете эту связь, хотя ничего преступного в ней нет? И во-вторых: чего ради Марианна Калди вступила в связь с калекой? Ведь вы, по сути дела, калека.

Даже много лет спустя Кальман не раз задумывался над тем, как он сумел сдержаться и не выдать своих чувств, когда Курт с помощью эсэсовца буквально втащил в комнату Марианну. Он ощущал на себе взгляд болотно-зеленых глаз Шликкена, наблюдавшего за каждым его жестом, за каждым еле уловимым изменением в лице. Ошеломленный, смотрел Кальман на истерзанную девушку.

Марианна, наверно, была еще больше ошеломлена, чем Кальман. Запавшие и оттененные синими кругами глаза выражали страдание. Майор поднял

стул, стоявший у стола, и легко поставил его посредине комнаты, метрах в двух от Кальмаиа; затем кивнул девушке, чтобы оиа села.

Марианиа посмотрела на Шликкена и тихим голосом попросила воды. По его приказу Курт принес воды и дал девушке напиться.

— Пейте еще,— подбодрил ее майор. Мариаина зиаком показала, что больше не хочет.— Ну как, лучше себя чувствуете? — спросил Шликкеи.

— Немножко лучше,— прошептала девушка и кончиками пальцев потрогала распухшую губу.

Майор поставил стакаи иа стол.

— Вам знаком этот молодой человек?

Марианиа взгляиула на Кальмана.

— Это мой жеиих, Пал Шуба,— тихо произиесла она.

— Марианиа!..— только и смог произнести Кальман.

— Это ие преступление, Пали. Разве лучше, чтобы тебя из-за этого забили до смерти...

Кальман в замешательстве смотрел на Шликкена и ломал себе голову над тем, как теперь вести себя. Ведь он не знал, в чем еще призналась Мариаина.

— Ну так как же, господин Шуба? — спросил майор.

— Я солгал,— проговорил Кальман.

— Браво, молодой человек. Итак, я выиграл обе отложеиные партии. Прошу конфетку! Вы тоже не хотите, фрейлейн? — Марианиа мотиула головой.— Очень жаль. Тогда, если не возражаете, я сам себя угощу. Я заслужил это: ведь счет стал теперь 2:0 в мою пользу.— Шликкеи положил в рот коифету и стал прохаживаться по комнате. Курт с улыбкой следил за своим шефом. Накоиец тот остановился.— Итак, начинаем третью партию. Даю сеанс одновременной игры против вас обоих. Сначала ваш ход, господин Шуба, а затем ваш, фрейлейи. Куда исчез чемодан? Смотрите на меня, молодой человек, иа мою руку, иа Монику иа моем перстие.

— Какой чемодаи? — спросил Кальмаи.

— В котором ваша дражайшая иевеста вечером шестнадцатого числа принесла домой оружие.

— Оружие? — Кальман изобразил иа лице удивление.

Шликкен взглянул на девушку.

— Фрейлейн, ваш ход.

Марианна облизнула вздувшиеся, запекшиеся губы.

— Я не знаю ни о каком чемодане. Шестнадцатого вечером я вернулась из Сегеда. При мне был портфель и в нем конспекты.

— Итак, дети мои? — спросил Шликкен.— Оба молчали.— Сожалею,— тихо произнес он,— очень сожалею. — Затем он вызвал лейтенанта Бонера, а когда тот вошел, приказал этому черноволосому молодому человеку среднего роста «заняться» Кальманом, а с фрейлейн, сказал майор, он еще побеседует.

Марианна с ужасом смотрела вслед удаляющемуся Кальману. Шликкен же сел на освободившийся стул лицом к девушке и несколько минут молча глядел на нее. Воцарилась напряженная, давящая тишина. Наконец майор заговорил.

— Давно вы знаете Оскара Шалго?

— Со вчерашнего вечера,— ответила девушка.— Но я не знала, что его зовут Шалго.

— Под каким именем он представился вам?

— Уже не помню. Возможно, что он и не представлялся.

— Он звонил вам? И предупредил, что вашего отца хотят арестовать?

— Мне звонил Геза Ковач. Но я даже не знаю, кто это. Он позвонил и сказал, что Шалго хочет арестовать моего отца.

— Что вы стали делать после телефонного звонка?

— Ничего, я не поверила в это. Я решила, что кто-то шутит.

— Вы не известили своего отца? — спросил Шликкен; его начинало бесить спокойствие девушки.

— Я не хотела его волновать.

— А где может быть ваш отец?

— Насколько мне известно, он в Сегеде,— ответила Марианна и даже в том жалком положении, в каком она находилась, почувствовала тайную радость от сознания, что отец сумел спастись.

— Вечером восемнадцатого марта он исчез из Сегеда. Как вы считаете, куда он мог поехать?

— Не знаю. Возможно, что перебежал в Югославию.

— Если ваш отец не принимал участия ни в каком политическом движении, чего ради ему было бежать в Югославию?

— Не для того, чтобы сражаться. В Эсеке живет его возлюбленная.

— Кто такая?

— Я не знаю ее. Отец лишь сказал мне, что не может без нее жить. Единственно, что мне о ней известно, так это то, что она скульптор. Венгерка, блондинка. Ростом выше отца.

— Если вы не знакомы с ней, откуда вам это известно?

— Однажды я видела их на острове Маргит.

— Итак, Шалго вы не знали?

— Не знала и никогда раньше не видела.

— Тогда чем вы объясните его желание спасти вас?

— Не знаю.

Шликкен уже не играл сейчас, не позировал и не угрожал; он держался серьезно, обдуманно задавал вопросы, зная, что если ему удастся заставить девушку заговорить, то он нападет на след подпольного центра коммунистов.

— Марианна,— тихо проговорил он,— если вы не принимали участия в нелегальном движении, почему вы хотели убежать?

— Я боялась,— сказала девушка.— Я не желала попасть в концентрационный лагерь. Ведь всем известно: если гестапо арестует кого-нибудь, то этому человеку уже не видать свободы.

— Вы потому и застрелили унтер-офицера Рюккенфельда?

— Не знаю, кого я застрелила. Было темно, в меня тоже стреляли. И Шалго застрелили. Я только оборонялась. И я вполне могла бы убежать. Если бы я не спрыгнула назад с забора в сад, вы бы никогда меня не схватили.

— А куда бы вы делись?

— Не знаю.

— Если вы до этого не знали Шалго, то чего ради вы вернулись к нему? Вы же должны были понимать, что вас схватят.

Девушка пожала плечамн.

— Не знаю. Я видела, как он упал н застонал и я почувствовала, что не могу оставнть его в беде, а должна вернуться н помочь ему.

— Мы былн очеиь рады, что вы вернулись. Вы ведь застрелилн нашего унтер-офнцера. Как вы думаете, какое вас ждет за это иаказанне?

— Не знаю.

— Петля,— спокойно проговорнл майор.— Вы виделн когда-нибудь казнь? Страшное зрелище.— И ои подробно стал опнсывать процесс повешення.

Шлнккеи видел, что девушка дрожнт всем телом, что лнцо ее нсказнлось от ужаса. Тогда он веско произиес:

— Я имею возможность спастн вас. Я составлю протокол, в котором будет запнсано, что лейтеиант Мольтке жив, а унтер-офицера Рюккенфельда застрелнл Шалго. Вас же он принуднл, угрожая револьвером, следовать за собой. Такнм образом вы сможете спастись. Но цена этому такова: вы должны сказать, с кем вы связаны из руководства коммуннстнческого центра, куда спряталн оружие, куда нсчезла доктор Аган, кого вы знаете нз коммуинстов.— Марнанна не отвечала. Майор пододвииул свой стул блнже к ней.— Кто такой Нервный?

— Не знаю.

— От кого вы получнли указаине поехать в Хатваи и сесть затем на поезд Мншкольц — Будапешт?

— Я ие езднла в Хатван.

— Полнцейские опозиалн вас.

— Оии меня с кем-то спутали.

— Марнанна, почему вы хотнте умереть?

— Я не хочу умнрать.

— Вас ожидают ужасиые страдаиня. Поймнте это.

— Не мучайте меия, не мучайте...

Шлнккеи позвал Курта.

— Приведнте из пятой заключенного иомер одни,— сказал он по-немецкн.

Через пять минут Буша уже снндел на ковре, неподалеку от девушкн. Стоять ои ие мог — ноги у него были забиитоваиы.

— Эта девушка села в Хатване на поезд?

Буша взглянул на Марнаниу.

— Нет, не оиа. Эту девушку я иикогда ие видел. У той были длинные светлые волосы.

— Вы знаете доктора Агаи?

— Нет, ие зиаю.

— Что ж, ладио, Буша, но учтите, ваше упрямство будет иметь печальные последствия.

Бушу унесли назад в камеру. Шликкеиу было любопытно посмотреть, какое впечатление произведет на девушку то, что оиа увидит Бушу. Одиако Марианна проявила полное безразличие. Когда дверь закрылась, Шликкеи повернулся к ией.

— Мариаииа,— заговорил ои тихим дружеским тоном.— Вы состоятельиая, образоваииая девушка, и я просто ие могу представить себе, что вы коммуиистка. Я прииимаю к сведению, что вы ие любите иациоиал-социалистский строй. И все же я делаю вам последнее предложеиие: расскажите все о коммуиистическом движеиии, и даю вам слово, что иемедлеиио после того, как вы дадите показаиия, я отправлю вас вместе с вашим жеиихом в Швейцарию. Через час я вернусь, и тогда вы скажете свое слово. Обдумайте ответ. Ставка — жизиь или смерть. Другого выбора нет.

XIII

Когда Шалго пришел в себя, иа душе у иего стало очень скверно: он был жив, а это его иичуть ие радовало. Ои ощупал себя. На груди была толстая повязка.

Он открыл глаза. В дверях стоял майор Геирих фон Шликкен. Шалго ие удивился. Он зиал, что Шликкеи придет.

Майор снимал перчатки, медлеино, осторожно стягивая их с пальцев, и смотрел иа кровать. Увидев, что старший иинспектор в созиании, ои с улыбкой поздоровался с ним.

— Хэлло, Оси!

Шалго было трудно двигать рукой, поэтому он ие стал утруждать себя, а лишь ответил улыбкой иа улыбку.

— Хэлло, Геирих! Как поживаешь? — Всеми силами ои старался сохраиить достоиисто.

— Отлично. А после того как профессор сказал, что твоя жизнь уже вне опасности, просто великолепно!

Он так разговаривал с Шалго, точно за минувшие дни ничего не случилось. Однако старший инспектор не обольщался дружеским тоном майора.

— И я могу сказать то же самое: отлично. Есть у тебя с собой конфетки? Угости, пожалуй.

— Колоссально! Но ты, дорогой мой Осика, по-видимому, все же болен, раз просишь леденца.

— Мне просто хочется пить. И я думал, что у тебя найдется кисленькая конфетка.

— К сожалению, не захватил с собой. Завтра принесу.— Он с улыбкой посмотрел на покрывшееся испариной лицо старшего инспектора, потом вдруг спросил: — Ты ведь, конечно, знаешь, что мы тебя повесим? Не расстреляем, а повесим. Веревка дешевле, чем пуля. Боеприпасы нужны на фронте.

Шалго улыбнулся ему в ответ с безграничным спокойствием.

— Я бы очень хотел, чтобы ты командовал отрядом моих палачей.

Шликкен закурил сигарету.

— Ты бы хотел этого? В самом деле?

— Очень хотел бы. А если у тебя даже достанет мужества стать вблизи от меня, то я обещаю, что плюну тебе в глаза.

— Я постараюсь стать поближе, Оси.

— Ты трусливее, чем хочешь казаться. Не дыми мне под нос. По сути дела, ты всегда был трусом. Я же сказал тебе: не дыми мне в лицо.

— Прости, пожалуйста. Профессор сказал, что через неделю я смогу забрать тебя к нам в замок.

Старший инспектор с мягкой улыбкой взирал на светловолосого мужчину с бледным лицом.

— Послушай, Генрих, ты еще в детстве отличался низменными наклонностями.— Он хотел раздразнить Шликкена.— Низкие люди — трусы. Ты ведь прекрасно знаешь, что я не боюсь смерти, а ты боишься. Ох, и перетрусил бы ты на моем месте! Ты бы превратился в сморчка.

— Этого еще долго ждать,— отмахнулся майор.— Ты до этого не доживешь.

— И все же ты будешь скулить. Я сожалею, что не доживу до этого,— сказал Шалго.— Ради одного этого стоило бы пожить.

— Оставим это, Оси,— бросил Шликкен.— Я рад, что ты такой храбрый. Если так, то скажи смело, когда ты стал коммунистом?

Шалго улыбнулся и прикрыл глаза.

— Я не коммунист.

— Тогда почему же ты хотел помочь убежать Марианне Калди?

— Я влюблен в эту девушку.

— Ты просто не отваживаешься признаться, что стал коммунистом.

— Я бы признался, если бы был им. Ты идешь не по тому пути, Генрих. Если ты хочешь отгадать загадку Шалго, то тебе надо попытаться пойти в другом направлении. Но ты не сможешь ее разгадать. У тебя для этого не хватит извилин.

— Почему ты стал предателем, Оси? — спросил майор.

— Тебе все равно этого не понять,— промолвил Шалго.

— И все же скажи мне. Я попытаюсь понять.

— Представь себе, по улице бредет толстый Шалго. Вдруг на перекрестке Большого кольца и улицы Дохань останавливается пролетка и с ее заднего сиденья легко взмывает ангел божий. Над ним на небе вспыхивает звезда, а на ней серп и молот, а вокруг моей головы загорается и начинает сиять нимб; пухленький ангелочек нежно целует меня в лоб. В то же время где-то в вышине звучит глас: «Ты животное, ты скотина, Шалго. Или ты не видишь, что стремишься к погибели? Мой гнев настигнет тебя даже в пятой квартире на третьем этаже дома номер три по улице Карпфенштейн. Остановись, мой сын, пока не поздно. Воззрись на небо. Под этой звездой тебе суждена победа!»

— Это привиделось Константину,— проговорил майор.

— Ты лучше меня знаешь всякие легенды. Но самое интересное не в этом. Ангел снова поцеловал меня, пощекотал лавровой ветвью мне нос, опять опустился в пролетку, на заднее сиденье, оправнл на себе одежду и простился со мной: «Привет, то-

варищ Шалго!» Потом похлопал по плечу извозчика и сказал ему: «А ну-ка, папаша, подхлестни-ка своего рысака, нам еще нужно проверить кучу дел». И они исчезли, а я остался стоять. Про себя я бормотал: «Целую ручки, мой ангелочек», и сразу в мозгу моем прояснилось, и я понял, что́ мне нужно делать. Не дыми мне под нос.

— Прошу прощения. И что же ты сделал? — поинтересовался Шликкен.

— Я побрел назад по улице Доб и заглянул к Вишонтаи пропустить стаканчик вина. Прихлебывал я вино, а сам раздумывал о делах мирских. Вот так и случилось. А сейчас скажи, что́ тебе хочется знать. Если ничего, то пошел к черту, потому что я хочу спать, а прежде чем заснуть, я хотел бы помолиться.

Шликкен бросил сигарету, потушил ее ногой и сказал:

— У тебя своеобразный юмор, но весьма тяжеловатый. Давай, Оси, заключим сделку. Забудем то, что произошло, и станем вновь хорошими друзьями.

— Слава богу, и ты обладаешь юмором. Ну что ж, послушаем, что за сделка.

— Заключим союз.

— А Мольтке? Разве мой выстрел был не точен?

— Его застрелила Марианна Калди. Донесения я сам напишу, а ее счет выдержит и Мольтке.

— А какова цена всего этого?

— Я просмотрел содержимое твоего сейфа. Многое ты сжег. Но я знаю, что и сожженный материал хранится у тебя в голове. Среди людей, фигурирующих в наших списках, многие перешли на нелегальное положение. Скажи, кого ты известил? О Калди мы знаем. Я нашел также данные относительно того, что ты достиг определенных результатов по делу Кэмпбела. Вот хотя бы это.

— И ты засвидетельствуешь письменно, что меня не повесят?

— Разумеется.

— Ты очень любезен, Генрих, но кончайте со мной, потому что если я выберусь отсюда, то больше вы меня в жизни не поймаете, а тебя я убью.

Затем он закрыл глаза, и напрасно Шликкен ему еще что-то говорил — он больше не отвечал.

Кальман много слышал и читал страшных историй о гестапо и его методах, но то, что он сам испытал, превзошло все его представления. Один и тот же вопрос: «Где оружие?» — кружил над ним, словно голодное воронье над трупом. Потеря сознания спасала его от предательства.

Когда Кальман пришел в себя, то у него было такое ощущение, словно он лежит среди льдин. Перед ним стоял врач. Отблески света сверкали на его очках в золотой оправе и на игле, которую он приготовил для инъекции. Кальман не чувствовал укола, он даже не знал, что несколько часов пролежал без сознания. Он ничего не знал. Или разве только то, что сейчас мозг его обрел ясность и он скоро умрет. Лицо у него онемело, окаменело от боли. Он следил за своими мучителями. В глазах врача он прочел сочувствие. Кальман не знал, что ему впрыснули морфий, и удивлялся, что не ощущает никакой боли. Он в полном сознании наблюдал за приготовлениями. Веревку пропускали в блоки, врач говорил что-то, размахивая руками, говорил, что он, Кальман, не вынесет, умрет. Врача выслали из комнаты. Кальман знал, что это конец. Это — предсмертное состояние. Как странно, ему еще нет двадцати пяти лет, а он должен умереть. Он закрыл глаза, подумал о Марианне, глубоко вздохнул и сказал:

— Отведите меня к господину майору, я дам показания.

Его мучители прекратили свои приготовления. Лейтенант Бонер подошел к нему. Он увидел, что из глаз лежащего на полу человека текут слезы: Кальман беззвучно плакал.

Марианна тоже уже не могла шевелиться. Она могла только плакать. Положив изуродованные руки на живот, она горько плакала. Недавно у нее был врач. Шликкен приказал ему привести девушку в состояние, которое позволило бы снова допросить ее. Но врач доложил, что уже поздно, девушке осталось жить считанные часы.

— Дайте ей такую порцию морфия, чтобы она выдержала еще один допрос.

— Ей немедленно нужно сделать операцию.

Шликкен отрицательно покачал головой.

Мариаина стала умолять врача избавнть ее от дальнейшнх мучениӣ. Капнтан Мэрер впрысиул ей в руку морфнй. Ои долго колебался, вот-вот готов был нзбавнть ее навсегда от страданий, но в последний момент одумался. Нет, ои не может решнться на это. Не может убить человека. Рукн у него невольио сжалнсь в кулаки, н он поспешио вышел из камеры. Марнаииа лежала на соломе; по ее исказившемуся от боли лицу текли теплые слезы, растворяя засохшую на коже кровь. Постепенно она успокоилась. И вдруг открылась дверь и в камеру втолкиули Илонку. Платье на девушке было все разорвано и висело лохмотьями, открывая обнаженную грудь. Илонка рухнула на солому рядом с Марнаиной и застонала. Когда оиа прнподнялась, Марнанна увндела, что лнцо у нее все в сиияках н кровоподтеках. Ей захотелось обнять, прижать к себе Илоику, ио у иее ие хватило снл пошевельнуться. Илонка же была обесснленная н равиодушная; она только тогда встрепенулась, когда посмотрела на Марнаниу. И разразилась горькимн рыдаииями.

— Я не могу больше!

Превозмогая страшную боль, Марианна все же протяиула руку н прнвлекла к себе Илонку.

— Бедияжка моя! От тебя-то онн чего хотят?— Ласково н нежно Марнаина стала гладить густые пышиые волосы девушкн.— Тебя за что нзбнвали?

— За то, что я не знаю, куда спрятал Палн оружие,— зашептала Илоика.— Что мне делать, барышня? Я не знаю, где оружие. Онн забьют меня насмерть.

— А еслн бы ты знала, где оружие, ты бы сказала?

— Нет, не сказала бы,— прошептала девушка.— Я ненавнжу их!

— Их н надо ненавидеть, Илонка. Очеиь ненавндеть... А что с Розн?

— Ее отпустнлн... Я ие решалась сказать вам, барышня, а теперь очень жалею, что ие сказала... очень жалею. Розн всегда подсматрнвала за вами. Когда вы по нескольку дней не бывали дома, она каждый день звонила вам по телефону иа квартнру иа улице Вам. Она и тогда следила из кухнн, когда

вы изволили принести домой тот тяжелый чемодан с оружием.

— Я не приносила никакого чемодана, Илонка. Рози или ошиблась, или солгала.

— Но я тоже видела, потому что она меня позвала к окну. Правда, я сказала, что ничего не заметила. Я знаю, что вы не доверяли мне, потому что я никогда не заискивала, как Рози. Но я своими глазами видела, как Пали взял чемодан из ваших рук. Я точно помню, что и в комнате он стоял, под письменным столом. Пусть меня убьют из-за этого чемодана, но мне-то уж вы не говорите, что ничего не приносили с собой.

Марианна молчала. А Илонка тихо продолжала:

— Что с нами будет?

— Не знаю, Илонка. Ты веришь в бога?

— Верю, барышня.

— Тогда молись.

Марианна закрыла глаза. Она чувствовала, что слабеет. Ее очень утомил разговор. И тогда она вновь заплакала, но Илонка не слышала ее плача. Марианна плакала безмолвно, погрузившись в воспоминания...

При виде Кальмана Шликкен невольно содрогнулся.

Шликкен вернулся к письменному столу и сел на стул. Выдвинув ящик, он стал шарить в нем, говоря тем временем:

— Я искренне жалею вас, Пал Шуба. Но поймите: ваша невеста Марианна Калди — опасная коммунистка. Она выполняла обязанности связной. Мы должны знать, с кем она была связана. Помогите нам.

Кальман лежал на полу. Сделанная ему инъекция морфия еще продолжала действовать: он не чувствовал боли, однако ни стоять, ни сидеть на стуле не мог.

— Я ненавижу коммунистов,— хриплым, срывающимся голосом произнес он.— Я не знал, что Марианна коммунистка. За что вы мучаете меня? — Он начал горько плакать и с трудом продолжал: — Если Марианна коммунистка, я... я отрекаюсь от нее,

я не хочу быть изменнником... Господин майор, я хочу жить.

Шликкен обратился к нему дружелюбным тоном:

— Ну, Шуба, возьмите себя в рукн. Ничего страшного не случилось. Успокойтесь...

— Господнн майор, прошу вас, поместнте меня в одну камеру с моей невестой. От нее я узнаю все; она раскроет мне свои связи, назовет имена коммуннстов. Спасите меня, господин майор. Дайте мне возможность доказать свою верность.

Глубокая, рыхлая тишина поглотнла нх беззвучные рыдания.

Прнслонившись спиной к сырой стене, Кальман держал на коленях голову девушки. Они оба звалн, что умрут, но не говорнлн о смертн, не утешали друг друга, не произноснлн слов надежды, ннстннктивно понимая, что сейчас все слова ободрения былн бы ложью, бессмысленной, пустой фразой. Их молчание было красноречивее всех слов; даже молча онн понимали друг друга...

Кальман не отрывал взгляда от лица Марнанны. Из глаз ее теклн слезы. А он уже не мог плакать.

— Марнанна,— тнхо позвал Кальман. Девушка открыла глаза.— Мне показалось, что ты заснула.

— Кальман,— хрипло прошептала девушка,— ты должен сказать им, где оружне. Теперь это уже не имеет значения. И назовн два имени: Резгё и Кубнш.

— Ничего я не скажу.

— Ты можешь это сделать. Они уже в Словакни.

Кальман не отвечал. Онн долго молчали. Черты лица у Марианны заострнлнсь.

— Кальман...

Он нежно погладил горячий лоб девушкн.

— Я думала, когда кончнтся война, мы весь день от зарн до зарн станем броднть по городу. Затемнения не будет. Хорошо бы знать, что будет после войны...— Последние слова ее еле можно было расслышать. Глаза у нее закрылись.

Взгляд Кальмана был устремлен на нсчерченную тенямн стену, голос его звучал словно нздалека:

— Будет много счастливых и очень много несчастных людей. Людн начнут работать, сначала уста-

лые, через силу, а потом и в полную силу. Молодые будут любить друг друга, будут счастливы, женщины будут рожать детей... Наверно, будет что-нибудь в этом роде.

Марианна не отвечала. Кальман решил, что она дремлет, и продолжал говорить тихо, нежно, уставившись взглядом в грязно-белую стену, словно читая на ней все то, что он предсказывал. Он не знал, что Марианна уже была мертва...

Кальман, когда его вывели из камеры, решил, что при первой же возможности покончит с собой. Но вот сейчас, наблюдая за Шликкеном, сидящим на столе, он почувствовал, что должен жить, что он до тех пор не может, не имеет права погибнуть, пока не убьет майора.

— Ну-с, Шуба... Так вы узнали что-нибудь? — спросил Шликкен.

Кальман склонил голову.

— Оружие в котельной,— тихо сказал он.

— В котельной на вилле?

— Да.

— Великолепно! Замечательно, Шуба! — воскликнул восхищенный Шликкен.

— Она назвала два имени. Вероятно, оба — клички,— продолжал Кальман.— Резгё и Кубиш. Третьего имени она уже не смогла произнести. Умерла...

— Резгё и Кубиш? — спросил возбужденный майор. Кальман кивнул.— Превосходно.— Шликкен встал и заходил по комнате.

— Что со мной теперь будет, господин майор?

— Действительно,— промолвил Шликкен.— Действительно, что делать с вами? В данный момент вы паршиво выглядите, в таком виде я не могу вас выпустить. Мы должны подлечить вас. Вы ведь жили на вилле Калди, не так ли?

— Да, я жил там, господин майор.

— К сожалению, вы туда не сможете вернуться. Мы заняли виллу. Сейчас ее перестраивают, а через несколько дней мы переедем туда. А пока я вас отправлю в госпиталь, и там вас подлечат. Если бы я в таком виде выпустил вас на люди, венгры составили бы плохое мнение о гестапо. А мы можем вести себя и дружески.

XIV

Вот уже несколько недель, как Кальман был прикован к постели. Он находился в закрытом отделении гарнизонного военного госпиталя. Его лечил доктор Мэрер. Кальман был узником; венгерский медицинский персонал мог общаться с ним только в присутствии эсэсовцев, говоривших по-венгерски,— венграм разговаривать с Кальманом запрещалось.

Только при вечернем обходе он имел возможность беседовать с Мэрером. В это время охранника не было — за врачом ему не нужно было следить. Вначале они говорили только о нейтральных вещах, однако как-то разговор зашел на более щекотливые темы.

— Когда я поправлюсь? — спросил Кальман.

— Надеюсь, скоро. У вас крепкий организм.

— Весь госпиталь занят немцами? — спросил Кальман.

Мэрер что-то записывал в больничную карту; не глядя на молодого человека, он ответил:

— Нет, не весь, а только часть. Но все равно отсюда нельзя сбежать.— Он повесил на кровать больничную карту, повернулся и подошел ближе.— Коридор отделен железной решеткой,— проговорил врач значительно.— Во дворе под окном также вооруженный пост.

— На основании чего вы, господин доктор, думаете, что я хотел бы сбежать?

— На вашем месте я вел бы себя так же и был бы очень рад, если бы нашелся доброжелатель, который предупредил бы меня о трудностях.

Кальман пытался отыскать взглядом железные решетки, но вместо них видел только занавеси затемнения.

— Вы, господин доктор, должны быть заинтересованы в том, чтобы я убежал,— сказал Кальман.

— Вот как... Почему же это? — удивился Мэрер.

— Потому что после войны я буду свидетельствовать в пользу господина доктора.

Врач покачал головой.

— Не понимаю. Почему вы хотите свидетельствовать в мою пользу. И вообще, зачем мне понадобятся свидетели?

— После войны всех гестаповцев будут судить за пытки и уничтожение людей. И господина доктора тоже, ведь вы врач особой команды. С помощью кого вы докажете, что вы гуманист? Из тех, кто арестован Шликкеном и его людьми, никто не останется в живых. Тот, кто смог выдержать пытки, погибнет в концентрационных лагерях.

— Я не принимаю участия в пытках,— сказал врач.

— Вы только лечите несчастных, чтобы они могли вынести новые допросы с пытками.

— А что же мне делать? По-вашему, я должен ускорять их смерть?

— Я не утверждаю этого. Но вы должны бы все сделать для того, чтобы осталось хоть несколько человек, которые после войны могли бы стать свидетелями.

— Вы так уверены в том, что Германия проиграет войну?

— Я — да, но и господину доктору следует учитывать такую возможность.

В начале апреля начались бомбардировки города. Больных из закрытого отделения не уводили в убежище. Но Кальман без всякого страха лежал на своей койке и равнодушно слушал гулкие разрывы бомб, лающий голос зениток, наплывающее гудение авиационных моторов. С каким-то странным злорадством он наблюдал за коренастым эсэсовцем с детским лицом, который вздрагивал при каждом разрыве. Кальману казалось, что охранник молится про себя.

В комнату вошел Мэрер. Он был в мундире, точно только что вернулся из города. Врач отослал солдата в бомбоубежище. Когда дверь закрылась, он подошел к койке Кальмана и, бросив фуражку на стул, сказал:

— Послушайте, я устрою вам побег. Но вы должны взять с собой и меня.

Кальман поднял глаза на врача. Он был удивлен.

— Господин доктор, я не хочу бежать!

— Не хотите?! Завтра вас заберут отсюда.

— И тогда — нет... Словом, в данный момент я не могу сказать ничего другого. Я очень рад, что вы хо-

тели помочь мне, но я не могу бежать. Надеюсь, когда-нибудь я смогу вам объяснить почему.

— Ничего не понимаю. Тогда какой смысл был...

— Догадываюсь, что вам непонятно. Но обещаю вам, что в случае необходимости я буду свидетельствовать в вашу пользу.

Мэрер был в замешательстве.

— Я все уже подготовил. Пойдемте...

— Я не могу уйти отсюда.

Кальман решил дождаться предложения Шликкена. Он рассуждал так: самому ему терять нечего. Но он должен известить дядю Игнаца; это сейчас самое важное.

— Тогда что же нам делать? — спросил Мэрер.

— Я хочу попросить вас об одном одолжении, господин доктор,— сказал Кальман, глотнув воды, и посмотрел в окно. Снаружи уже была тишина, хотя отбоя воздушной тревоги еще не дали.

— Я с удовольствием помогу вам.

— Я лежал в клинике по улице Тома,— проговорил Кальман.— Разыщите там, пожалуйста, главного врача — он лечил меня — и расскажите ему, что случилось со мной и моей невестой.

— Он знал вашу невесту? — поинтересовался Мэрер.

— После моего выздоровления он устроил меня садовником на виллу к Калди. Господин главный врач не только лечит больных, но и после того, как они поправятся, заботится о них... А вообще-то он любит Гейне и Гёте.

Когда Мэрер удалился, Кальман с известным беспокойством стал думать о своей дерзости. Потом решил, что принять предложение о побеге было бы еще бóльшим легкомыслием. Он обязан послать донесение дяде Игнацу, а посылка такого донесения всегда связана с риском.

На следующий день утром его перевели из гарнизонного госпиталя на виллу Калди. Из окна машины он сумел заметить, что в четырех углах территории сада установлены наблюдательные вышки с прожекторами. Его несколько ошеломило это зрелище: он не предполагал, что гестапо работает настолько откровенно. Вместе с тем это навело его на мысль, что на вилле размещена только группа, осуществляющая до-

просы; отделы же разведки и коитрразведки находятся где-то в другом месте. По-видимому, ои просчитался. Когда он отказался от побега и принял предложеиие Шликкена, то рассудил, что его «работа иа иемцев» будет выгодиа двнжеиию Сопротивлеиия, потому что еслн его вовлекут в качестве агеита гестапо в разведывательную деятельность, то он будет иметь возможность узнавать о плаинруемых акциях и извещать об опасиости участииков движения. Но ои заблуждался. Впрочем, теперь уже все равио, совершеиио все равно. Если ему суждено погибнуть, то ои найдет случай захватнть с собой на тот свет и Шликкена. Мэрер исполнил его просьбу н дал ему две ампулы цнанистого калня — это его очеиь ободрило.

Машнна остановнлась у главиого входа. Кальман вннмательно иаблюдал за всем. То, что ои заметил, дало ему возможность предположнть, что на внлле по крайней мере пятнадцать эсэсовцев. А вместе с иачальнником караула и разводящнми охрана может иасчнтывать н восемнадцать — двадцать человек. Но где же размещено столько людей?

Его повели по зиакомой лестнице. Бнблиотека Калдн, насчнтывавшая пятиадцать тысяч томов, исчезла. Протнв двери, ведущей в кабннет, за длиииым столом сндели трое мужчни н одиа полная женщниа с соломенного цвета волосамн. Все в гестаповской форме. В конце стола стоял полевой телефои, а по комнате в разных направлениях было протянуто много цветных проводов.

Шликкен вышел на миииуту, с улыбкой поздоровался с Кальманом, однако не подал ему рукн. Потом он что-то шепиул одному из гестаповцев на ухо и, сказав Кальмаиу, что сню мннуту освободится, вернулся в комнату.

Сндевший у пнсьменного стола Шлнккена тонкошенй и длинноногий капитан Тодт, одетый в темно-серый гражданскнй костюм, перелнстывал своим костлявым пальцем записиую киижку. Шлнккеи достал нз металлической коробочкн леденец и сказал:

— Я слушаю вас, господни капитан.

— По сообщению белградского центра,— докладывал Тодт,— село Велика н его окрестиостн находятся под коитролем хорватских партизаиских частей. Исполненне вашего задания ие представляется возмож-

ным: мать Пала Шубы не могут доставить в Будапешт. Однако была мобилизована местная агентурная сеть для выяснения, проживает ли в настоящее время в селе упомянутая женщина. Я был лично в оперативном управлении министерства обороны. В результате нескольких дней работы...

— Докладывайте по существу, господин капитан. Меня никогда не интересует, сколько дней вам понадобилось поработать, чтобы добыть необходимые сведения. Продолжайте.

— В ходе оборонительных боев второй разведывательный батальон первого полка в районе Урыв — Коротояк был разгромлен. Семьдесят три процента офицерского состава погибли героической смертью, остальные попали в плен. Два-три офицера вернулись в тыл, но установить их фамилии...

— Служил там фельдфебель Пал Шуба из юнкеров? — нетерпеливо прервал его майор.

— Да, служил. Он был ранен и направлен в Киевский госпиталь, а оттуда — в Будапешт, в клинику по улице Тома.

Шликкен становился все более нетерпеливым.

— Вы запросили в прокуратуре дело Борши?

— Прошу, господин майор.— Тодт раскрыл портфель, лежавший у него на коленях, и достал из него две папки.

— Ладно, все нормально, Тодт. Имеете ли вы что-либо доложить о клинике на улице Тома?

— Я еще не получил подробного описания места.

Когда Кальман вошел, Шликкен уже сидел за столом и задвигал ящик, куда убрал папки.

— Заходите смелее, Шуба. Посмотрим, как вас подлечил доктор Мэрер. Прошу вас, друг мой, садитесь.— Кальман сел, оправил свои измятые брюки.— Хотите сигарету? Или конфетку?

— Если позволите, сигарету. Благодарю вас. Но у меня и спичек нет.

— Важно, что у вас есть легкие,— смеясь, проговорил майор.— Ловите.

Кальман ловким движением поймал коробок спичек и сказал:

— Еще немного, и я бы их все выплюнул.— Он закурил.

— Ничего, Шуба. Трудное позади. Вы сами убедитесь, что мы не только *так работаем*. Наши действия всегда согласуются со временем и пространством. Кстати, какое у вас мнение о докторе Мэрере?

— Я весьма благодарен ему.— Кальман глубоко затянулся.— Я не очень-то верил, что вновь стану человеком.

Шликкен закурил сигарету.

— Видите ли, Шуба, я не делаю тайну даже из того, что, пока вы находились в госпитале, я основательным образом изучал вас. Я знаю, что после выздоровления вы изъявили добровольное желание вернуться на фронт.

— Совершенно справедливо, господин майор.

— Итак, я вас не принуждаю — ведь вы просили дать вам возможность доказать свою преданность и патриотические чувства. Я даю вам эту возможность. Мы берем вас на службу в гестапо внештатным сотрудником. Вы согласны на это, Шуба?

— Согласен, господин майор. Какова будет моя задача?

— Сначала нужно исполнить некоторые формальности. Я дам вам перо, чернила, лист бумаги. А вы напишите прошение о приеме. Адресуйте его командованию гестапо.

— И каково должно быть его содержание?

— А это вы сами должны знать. Напишите, почему вы хотите бороться против коммунистов и их приспешников.

— Понял, господин майор. Сейчас написать?

— Разумеется.

Так Кальман под именем Пала Шубы стал агентом гестапо. У него взяли отпечатки пальцев, сфотографировали его и дали ему подписать вербовочное заявление. Когда с административными формальностями было покончено, Шликкен сообщил ему, что пока он будет жить в своей комнате — там все оставлено так, как было раньше, даже свою одежду он найдет в шкафу.

Придя в свою комнату, Кальман сел на край кровати и задумался. Он внимательно оглядел мебель. Немцы, наверно, тщательно обыскали всю комнату, и все же он был убежден, что его револьвер они не нашли, потому что в противном случае его, конечно, стали

бы допрашивать, допытываясь, где он его взял и зачем ему нужно оружие. Только он хотел встать и посмотреть, на месте ли револьвер, как дверь неслышно отворилась и в комнату вошла Илонка. Кальман от неожиданности опешил; он так и остался сидеть на кровати, удивленно глядя на улыбавшуюся немного грустной, но в то же время счастливой улыбкой девушку.

— Как ты попала сюда? — спросил он и посадил ее рядом с собой.

Илонка подняла на него свои кроткие карие глаза.

— Пришлось. Я должна была согласиться остаться здесь и убирать, иначе меня интернировали бы. Господин майор сказал, что, если я не соглашусь, он отправит меня в лагерь. Что было мне делать? Они сильно избили меня, Пали, и я очень боялась.

— Они заставили тебя что-нибудь подписать?

— Какую-то бумагу, но я даже не знаю, что в ней было. Не надо было подписывать?

Кальман погладил руку Илонки.

— Все равно. Беды в этом нет, Илонка.

XV

Кальман сидел на соломе, прислонившись спиной к сырой стене. Его товарищ по заключению, представившийся ему под фамилией Фекете, равнодушно вышагивал по камере. Это был высокий мужчина лет тридцати, грузный, с рыжими волосами, падавшими на лоб; он слегка прихрамывал на левую ногу. Его длинный нос почти касался верхней губы, обезображенной шрамом, отчего зубы были видны, даже когда рот был закрыт.

— Вас зовут Пал Шуба? — переспросил он и остановился под лампой.

— Да, вы не ослышались,— ответил Кальман и наклонился вперед, так как у него мерзла спина.— Холодно здесь. А вы не мерзнете?

— Я потому и прохаживаюсь, что мерзну,— сказал Фекете и откинул со лба волосы.— Но двигаться здесь надо с умом: воздух тут убийственный. Чувствуете? Тяжелый, так и давит тебе на грудь.

— Тогда не двигайтесь. Садитесь. Ваше счастье, что у вас не отобрали пальто.

Фекете сел, пододвинулся поближе к молодому человеку. Горько улыбнулся.

— Счастье... Если это называть счастьем, то вы правы.— Он взглянул на Кальмана и сладко зевнул. При этом широко раскрыл рот, правда, тут же прикрыв его ладонью. Но Кальман успел заметить у него во рту штук пять золотых коронок.— Спать хочется,— протянул Фекете.— Всю ночь меня допрашивали. Они же по ночам забавляются с людьми.— Он потер небритый подбородок. Кальман обратил внимание на его грязные руки.

— Здесь не дают умываться? — поинтересовался он.

— Дают. Но только нужно очень спешить. Торопят, словно я у них на поденной работе.

— Вы рабочий?

— Слесарь.

— Когда вас арестовали?

— Шесть недель назад. А вас?

— В прошлом месяце. Восемнадцатого вечером.

— И с тех пор вы здесь?

— Меня содержали на Швабской горе, а потом в гарнизонном госпитале,— сказал Кальман.— Со мной так любезно беседовали, что после этого несколько недель лечили в госпитале.

Мужчина уставился в бетонный пол, посапывал и молчал. Потерев тыльной стороной ладони нос, он сказал:

— Звери. А на чем вы попались, за что вас сцапали?

— Меня стали угощать кренделем с маком,— отшутился Кальман,— а я не пожелал его есть.

— Ага, понятно,— улыбнулся мужчина и взглянул на Кальмана.— А у вас какая профессия?

— Я садовник. Окончил сельскохозяйственную школу. А вы на каком заводе работали?

— Когда-то я работал на заводе «Ганц». Много лет назад. А с тридцать седьмого года значусь в «черном списке».

— На что же вы живете? — полюбопытствовал Кальман и оглядел своего товарища по заключению.

— Случайной, поденной работой. Год назад меня призвали в армию. Но я уклонился от этого и скрывался.

— Вас повесят,— убеждеиио проговорил Кальман.— Повяжут вам иа шею отличиый пеньковый галстук.

— А вас что ж, не повесят?

— Пожалуй, мое дело прояснилось. Думаю, я скоро буду иа свободе. Впрочем, меия это ие интересует.— Кальмаи растянулся иа соломе, подложив руки под голову.— А одеял здесь не дают?

— Нет. Как понять, что вас это ие интересует? Что вас не иитересует?

— Ничего ие интересует. Вам это кажется страиным?

— Да, страииым.

МужчиＨа иаклоиился к Кальману и спросил, понизив голос:

— Скажите, почему вас ие интересует жизнь? Вы говорите, что вас выпустят иа свободу. Я бы от радости готов был разбить себе зад о бетон.

— Возможно. А я иет. Я страдаю эпилепсией. Вы зиаете, что это такое?

— Человек вдруг падает, и у него идет пена изо рта.

— Говорят. Я ничего ие помию.

— И поэтому у вас такое настроеиие?

— Поэтому тоже. И по другой причиие.— Кальмаи зевнул.— Тут когда дают ужин?

— По-разиому. Услышите, когда иачнут стучать котелками.

— И миого дают?

— Когда как. Сушеиого гороха — достаточно.

— Я проголодался.

— А я если и поем, то совсем малость. Я вообще мало ем.

— Одиако, иесмотря на отсутствие аппетита, вы еще в теле.

— Не завидуйте. Я страдаю отечиостью.

— Пусть черт вам завидует, а не я. Я даже этим мерзавцам ие завидую, хотя оии жрут шоколад и пьют фраицузский коньяк. Но когда-нибудь им придется попоститься.

— Хорошо бы дожить до этого.

— Если вы дезертир, то вам не дожить. На фронте дезертиров стреляли, как зайцев.

— Вы были на фронте?

— Лучше бы я там не был. Тогда бы я был сейчас совершенно здоров... Н-да, холодно. Вы как переносите холод?

— Плохо.

— Попробую поспать,— проговорил Кальман и повернулся лицом к стенке.

— Не ложитесь,— сказал ему Фекете.— Сейчас нужно будет вынести парашу. День вы будете выносить, день — я.

— Если хотите, я каждый день буду выносить. Но сегодня вечером вы вынесите.

— Почему именно сегодня вечером?

— Потому что завтра вечером я буду уже свободен. Майор сказал,— с ухмылкой ответил Кальман.

— Тогда сегодня вам и выносить парашу.

Кальман оперся плечом о стену и стал прислушиваться к звуку открывающихся дверей. «Полон дом узников»,— подумал он. Вдруг он услышал шаркающие шаги и странное, протяжное пение:

Вот жених идет-бредет, солнце жаркое печет...

— Цыц! — заорал охранник, и послышался свист резиновой дубинки, но неизвестный продолжал петь:

Тот, кого ты ждешь на свадьбу,
приближается к тебе.

Снова донеслись звуки ударов. Шаги приблизились к двери. Кальман отчетливо слышал, как поющий сказал нежным голосом по-немецки:

— Милое дитя, если ты не оставишь меня в покое, я вылью тебе на голову дерьмо из этой параши.

— Сумасшедший снова куражится,— прошептал Фекете.— Дождется, что его забьют до смерти.

— Кто этот сумасшедший? — заинтересовался Кальман.

— Хорошо, что мне только один день довелось пробыть с ним вместе. Невыносимый тип,— сказал Фекете.

— Коммунист?

— Нет, бывший сотрудник контрразведки Оскар Шалго.

...Кальман проснулся от звука сирен воздушной тревоги. В камере было темно. Он осторожно пошарил вокруг себя. Окликнул своего товарища. Никто не

ответил. Глубокая тишина царила кругом. И вдруг словно небо раскололось и земля разверзлась: все загремело, затрещало, загудело, задребезжало; бетонный пол заходил у него под ногами. Потом эти оглушительные звуки, доносившиеся снаружи, покрыл истеричный, ужасающий вой запертых узников.

На несколько минут воцарилась тишина, узники тоже замолчали, и тогда он отчетливо услышал, как кто-то бежит по коридору. Дверь в камеру открылась, охранник посветил фонарем. В луче света Кальман на минуту увидел шатающуюся фигуру Фекете. Когда же вновь возобновилась бомбежка, его товарищ уже лежал на соломенной подстилке и стонал.

— Что с вами? — спросил Кальман. Совсем близко от себя он слышал стоны мужчины, его горячее дыхание обдавало ему лицо. Кальман почувствовал запах ментола.

— Еще одну такую ночь мне не выдержать,— задыхаясь, проговорил Фекете.

— Вас пытали? Помочь вам чем-нибудь?

— Чем вы могли бы помочь?

— Всем, что в моих силах.

— Я не знаю, кто вы такой.

— Вы видели мои ноги?

— Видел.

— И голову мою видели?

— И голову видел.

— Как вы думаете, они искалечили меня просто так, шутки ради? Но если вы мне не доверяете, могу и не помогать. Я думал, что вы, возможно, захотите известить кого-нибудь.

— А если вас спросят, передавал ли я что-нибудь через вас?

Кальман потянулся и схватил Фекете за руку.

— Послушайте, я не цыган, чтобы божиться. Или вы верите мне, или нет. Вы сидели в тридцать седьмом и знаете, что передача таким образом сообщения связана с риском — ведь я могу оказаться и провокатором. Но я не провокатор. Либо вы верите этому, либо нет.

Наступила долгая пауза; слышалось только тяжелое дыхание и негромкое постанывание Фекете.

— Если вы выдадите меня, пусть вам никогда не знать больше счастья.

— Оставьте эти глупости,— рассердился Кальман. Ему почему-то стало не по себе. Его сбивал с толку ментоловый запах изо рта собеседника. Он напряженно думал.

— Я дам вам адрес,— прошептал Фекете.— Ракошхедь, улица Капталан, восемь. Не забудете?

— Говорите смело.— Губы Кальмана непроизвольно растянулись в улыбку. Он готов был рассмеяться от радости, так как был уверен, что его товарищ по камере играет и говорит неправду.— Разыщите Виолу. Передайте ему следующее: «Пилот прыгнул с высоты семьсот пятьдесят метров. Парашют не раскрылся. Надо использовать запасной». Расскажите, при каких обстоятельствах вы со мной встретились... И еще: «Волос попал в суп, но я не выплюнул».

— Понял. Итак, Виола, Ракошхедь. Улица Капталан, восемь. Семьсот пятьдесят метров, парашют, запасной парашют и, наконец, волос в супе.

— Будьте осторожны. Когда вы выйдете отсюда, за вами наверняка будут следить. Так что смотрите не наведите на след Виолы немцев.

— Доверьтесь мне... Меня не так-то легко провести.

Все это он произнес таким самоуверенным тоном, точно выиграл битву.

На рассвете Кальмана повели на допрос. Когда он переступил порог комнаты Шликкена, у него зуб на зуб не попадал. Майор встретил его приветливо.

— Сейчас я угощу вас не конфеткой,— проговорил он,— а, если не откажетесь, настоящим французским коньяком.— Ну-с, так чего же вы добились?

— Немногого, но, может быть, вам удастся это использовать. Фекете попросил меня навестить человека по имени Виола. Адрес: Ракошхедь, улица Капталан, восемь; передать ему следующее...— И Кальман слово в слово повторил Шликкену текст сообщения.— Вообще же,— продолжал Кальман,— этот человек сказал мне, что он коммунист.

Майор очень оживился.

— Милейший, и вы еще говорите, что мало чего добились! Да ведь это же колоссально! Вы знаете, кто такой этот Виола? Мы же вот уже несколько месяцев охотимся на него!

Кальман, ошеломленный, слушал майора. Неужели он ошибся? А ведь он готов был поклясться жизнью, что Фекете не коммунист, а провокатор...

Однажды рано утром — в ту ночь Шликкен ночевал на вилле — он вызвал к себе Кальмана.

Шликкен пил коньяк; он угостил и Кальмана. Тот охотно выпил. Поставил рюмку на стол и вопросительно посмотрел на майора. Шликкен ходил по комнате, сосредоточенно о чем-то думая; его сафьяновые комнатные туфли шлепали по полу.

— Я даю вам важное задание, Шуба,— сказал он, остановившись возле сейфа и повернувшись к Кальману.

Однако их разговор был прерван приходом капитана Мэрера. Лицо майора просветлело, и Кальману бросилось в глаза, насколько предупредительно и дружески Шликкен приветствовал Мэрера. Майор подскочил к Мэреру, поздоровался за руку, обнял и дружески похлопал по плечу, прося извинения, что в такую рань вызвал его к себе.

— Дорогой Эрих,— сказал майор,— прошу тебя, хорошо забинтуй правую руку нашему другу. Вообрази, что у него перелом руки.

Кальман не понимал, для чего это нужно. Он снял пальто, и Мэрер с помощью Шликкена ловко забинтовал ему правую руку, да так, что даже пальцев не стало видно.

— Великолепно,— сказал майор.— А теперь, будь любезен, подвяжи руку.

Кальману подали пиджак, но забинтованную руку невозможно было просунуть в рукав. Кальман хотел было заговорить с врачом, однако это не удалось, так как Шликкен и его помощники ни на миг не оставляли их одних.

Мэрер ушел. Шликкен проводил его до дверей. Кальман слышал, что они говорили об отце Мэрера. В это время капитан Тодт свернул иллюстрированный журнал «Зиг» и засунул в левый карман пиджака Кальмана.

— Смотрите не выроните,— сказал он,— понадобится.

Кальман кивнул: он чувствовал себя растерянным.

— Вы знаете, где ресторан «Мокрый суслик»? — спросил майор.

— Знаю, господин майор.— У него чуть было не сорвалось с языка, что в годы учения в университете он часто бывал в этом ресторанчике.

— Хорошо,— сказал Шликкен.— Хорошо, очень хорошо. В одиннадцать часов вы зайдете в ресторан и пробудете там до двенадцати. К вашему столу подсядет мужчина и передаст вам письмо. Для того, чтобы вам было понятно, о чем идет речь...— Он указательным пальцем потер подбородок.— Йозеф, объясни ему суть дела.

Тодт кашлянул и подошел поближе.

— Мы поймали связного, коммуниста, и он признался, что у него сегодня назначена встреча с одним из руководителей коммунистической партии, который узнает связного по перевязанной правой руке и по журналу «Зиг».

— Вы, дружок, сыграете роль связного,— сказал, улыбаясь, майор.— Ничего говорить не надо, потому что о пароле они не договаривались.

— Понял, господин майор,— ответил Кальман,— но у меня нет документов, деньги тоже забрали.

Шликкен открыл сейф и достал оттуда документы.

— Возьмите, Шуба! И вот вам триста пенгё. Можете истратить, отчитываться за них не надо.

— До которого часа я должен ждать этого человека?

— Точно до полудня.

— После чего я должен немедленно вернуться домой?

— Вы куда-то хотите пойти? — спросил заинтересованный майор и взглянул на Тодта.

— Собственно, идти мне некуда,— ответил Кальман.— Но я так давно не ходил по городу, что охотно побродил бы немного.

— В три будьте дома,— сказал Шликкен.— А до этого времени можете побродить. Идет?

На углу проспекта Ракоци Кальман сошел с трамвая и пешком направился к улице Ваш. До встречи оставалось еще добрых полчаса. Однако для надежности он хотел убедиться, не следует ли за ним кто-нибудь. Он не повернул на улицу Ваш, а, не обращая внимания на движение, неожиданно перешел на про-

тивоположную сторону проспекта Ракоци. Ему хотелось проверить, совершит ли подобное нарушение кто-либо еще. Он действовал неожиданно и быстро, на противоположной стороне улицы на мгновение остановился, беспечно оглянувшись. «Нарушили» еще двое мужчин: один был в мягкой серой шляпе, другой в коричневой. Конечно, все это могло быть и случайностью. Оба мужчины находились от него в каких-нибудь тридцати метрах. Кальман ускорил шаг и повернул на улицу Надьдиофа. Перебежал на противоположную сторону, затем нырнул в первые попавшиеся открытые ворота и притаился за ними, чтобы хорошо видеть угловой дом на другой стороне улицы. Через несколько секунд появились «нарушители уличного движения». Они переглянулись, обменялись несколькими словами, и «серая шляпа» торопливо направилась через улицу Надьдиофа в сторону улицы Дохань. Кальман следил за походкой мужчины. Он сильно припадал на правую ногу и, сжав левую руку в кулак, размахивал ею на ходу.

Мужчина в коричневой шляпе остался стоять на углу. Кальман стал теперь внимательно наблюдать за ним. Вскоре он заметил, что тот через определенные промежутки времени как-то странно подергивает ртом, обнажая при этом зубы. Кальман начал считать. Один... два... три... четыре. На счете «пять» мужчина вновь скривил рот. От внимания Кальмана не ускользнуло и то, что тип в коричневой шляпе то и дело поправляет галстук.

Через пять минут Кальман вышел из ворот. На углу тип в коричневой шляпе разговаривал с долговязым мужчиной в темных очках. Кальман узнал капитана Тодта. Насвистывая, Кальман пересек оживленную улицу.

Расположение ресторанчика ему было знакомо; он знал, что там существует всего лишь один выход, следовательно, если люди Шликкена захотят его схватить, то они могут это свободно сделать, о побеге нечего было и помышлять. Эту мысль он, однако, вскоре отбросил, так как, по-видимому, он не для того должен был зайти в ресторан, чтобы его там задержали; эта прогулка имела другую цель, которую он еще не разгадал.

Кальман сел в угол возле окна и оглянулся со

скучающим лицом. Подошел официант. Кальман заказал ром и коржики. Затем внимательно оглядел посетителей, прикидывая, кто же из них мог быть от Шликкена или из контрразведки.

Вскоре он заметил шпика с неприятным оскалом. Тот зашел с какой-то шатенкой, но сейчас уже был без шляпы и плаща. Они сели возле печки. Шпик тотчас же стал поправлять свой галстук.

— Место свободно, приятель? — спросил подошедший к столику мужчина, приземистый усач средних лет.

— Пожалуйста. К тому же я собираюсь уходить.

Приземистый мужчина сел, пригладил густые светлые волосы, тяжело вздохнул. Вытащил из кармана газету, положил на стол, оглянулся, как бы ища официанта.

— Возьмите газету. Не потеряйте, внутри материал. Вы ничего не заметили подозрительного?

— Нет, ничего.— Кальман небрежным жестом опустил газету в левый карман, потушил сигарету, затем встал и застегнул пальто.

С большим трудом Кальману удалось отделаться от шпиков. Трудность заключалась в том, чтобы не дать им возможность заподозрить его в желании улизнуть. Наконец он все же сумел скрыться от них в универсальном магазине «Корвин». Он прошел через входной турникет и тут же бросился вправо к выходной двери. Спрятался за вереницей покупателей, покидавших магазин, вытащил перебинтованную руку из перевязи, снял перевязь с шеи и убрал ее в карман, а правую руку спрятал под пиджак, затем внимательно стал следить за входной дверью. Вскоре он увидел торопливо входящих шпиков. Они на мгновение остановились, но толпа увлекла их к лестнице, ведущей на второй этаж.

Кальман выждал несколько минут и, смешавшись с людьми, нагруженными покупками, вышел на улицу и там растворился в толпе пешеходов.

Профессор Морваи его тотчас узнал. Молодой, высокий мужчина сильно поседел, он был в очках.

Он повел Кальмана в тесный склад; они поднялись на галерею, где книги громоздились до самого потол-

ка; это место являлось прекрасным наблюдательным пунктом за входной дверью. Владелец магазина дядюшка Балог внизу занимался с покупателями, его не интересовала клиентура Морваи.

— Господин профессор,— произнес тихо Кальман.— Мне немедленно нужно поговорить с дядей. Я не могу ни позвонить ему по телефону, ни зайти, а в три часа мне уже надо быть на окраине Обуды. Позвоните ему, чтобы он тотчас же пришел сюда.

Через три четверти часа он встретился с Шавошем. Главный врач прошел в склад через заднюю дверь магазина. Кальман приготовился к родственным объятиям, проникновенным словам и был поражен, когда Шавош, сохраняя ледяное выражение на лице, снизошел лишь до рукопожатия.

— Я уж думал, что мы никогда больше не встретимся,— сказал он.

Кальман взял в руки какую-то книгу, сдул с нее пыль и горьким, полным иронии тоном ответил:

— Я вижу, что это тебя не очень огорчило бы.— Он перелистывал страницы, стараясь в то же время скрыть свое волнение.

— Ты совершил целый ряд глупостей,— напал на него Шавош.— Ты ставишь под угрозу не только свою жизнь, но и жизнь других.

— О боже! Но что я сделал? — воскликнул Кальман. Губы у него дрожали.— Меня мучили, пытали, я чуть было не погиб, ты бросил меня на произвол судьбы, я выкарабкался из беды, пришел сюда, а ты еще меня отчитываешь. В чем моя вина?

— Не кипятись,— сказал Шавош.— Ты без моего разрешения ездил в Сегед. Прятал Калди у Ноэми. Кто тебе дал разрешение на это? Без предварительного разговора и подготовки ты посадил мне на шею врача Агаи, эту коммунистку, которую повсюду разыскивают. Но это еще пустяки. Ты напустил на меня Мэрера. Сына генерал-полковника войск СС Эрнста фон Мэрера. В своем ли ты уме?

— Я понял,— хмуро проговорил Кальман.— В другой раз буду просить об аудиенции или же напишу прошение.

Кальман рассказал Шавошу все, вплоть до мельчайших подробностей, о том, что случилось с ним со времени их последней встречи.

— Я чувствую, что у меня прочное положение и Шликкен следит за мной лишь для того, чтобы убедиться в моей надежности.— Он вытащил письмо.— Я уверен, что в нем ничего нет; его интересует, вскрою ли я его.

— А сейчас каковы твои планы? — спросил Шавош.

— Собственно говоря, у меня один план,— ответил Кальман.— Убью Шликкена, после этого выйду из игры и примкну к Домбаи и его товарищам. А если ты дашь мне какое-нибудь задание, я выполню его и уже после этого покончу с майором.

— Я запрещаю,— сказал главный врач.

— Что ты запрещаешь?

— Общее дело путать с личной местью. В отношении Шликкена у меня есть собственные планы.

— И у меня.

— Мэрер рассказывал весьма интересные вещи о майоре. У него есть уязвимое место.

— Ты хочешь сотрудничать со Шликкеном? — спросил Кальман, пораженный, и даже пропустил мимо ушей слова Шавоша о том, что он получил от Мэрера интересные сведения.

— Придет время — и ты будешь сотрудничать с ним,— решительно сказал главный врач.

— Никогда. С убийцами я не сотрудничаю. Он убил Марианну...

— Не только Марианну,— прервал его Шавош,— но и других тоже. Мне их очень жаль. Смерть Марианны меня особенно потрясла.— Подумав, он добавил: — Ее жизнь мы уже не можем вернуть, но наша обязанность — спасти жизнь другим. И если мы сумеем это сделать ценой заключения мира со Шликкеном, то нужно идти на это.

Кальман больше не спорил. Он просто не мог уследить за ходом мыслей главного врача. Указание было таково: Кальман должен войти в доверие к Шликкену и прощупать его характер. Что касается поддержания связи между ними, то об этом позаботится сам Шавош.

Еще не было трех часов, когда Кальман вернулся на виллу. Ярко светило солнце, и его прошиб пот, пока он взбирался на гору. Он немедленно пошел к Шликкену.

— Ну, все прошло гладко?

— Исключительно гладко, господин майор. Пожалуйста, вот письмо.— И он передал его майору.

Шликкен разорвал конверт, подошел к окну и начал читать, одобрительно кивая.

— Великолепно. Вы очень полезный человек, Шуба. Я жалею, что мы раньше не познакомились.

Шликкен снова начал курсировать по комнате.

— Насколько я помню, вы волочились и за Илоной Хорват.

— Когда-то, вначале. Недурна девчонка, только очень уж глупа.

— Чудак,— засмеялся майор,— если б она была умна, то не работала бы здесь уборщицей. Но все же она нравится вам? Не так ли?

— Как женщина — не отрицаю... Фигура у нее божественная.

Шликкен засмеялся. Он вытащил из кармана бумажный кулечек с конфетами, пошарил в нем, достал конфетку «мокко», положил в рот и начал грызть.— Слушайте меня внимательно, Шуба. Утром я пошлю девушку в «Асторию», пусть посмотрят, смогут ли ее использовать. А сегодня ночью позовите ее к себе, умаслите и выудите у нее все, что только сможете. Я чувствую, что девушка хранит много ценных сведений. Собственно говоря,— это я говорю вам по секрету,— именно поэтому мы ее и не выпускаем из рук. Ну, договорились? А вы проведете приятную ночь.

Кальман кивнул.

Кальман сгребал за домом траву, когда увидел стройную фигуру Илонки, идущей по дорожке к абрикосовым деревьям. Она несла корзину с бельем. Кальман прислонил грабли к дереву и подбежал к девушке.

— Давай помогу,— сказал он. Илонка поставила корзину на землю, глубоко вздохнув, потерла поясницу и улыбнулась ему.— Куда нести? — спросил Кальман.

Девушка посмотрела на корзину, затем глазами показала в сторону подвала.

— Это их,— сказала она.— Тут и рубашка твоего друга. Не помогла и хлорка, кровь с рубашки вывести так и не удалось.

— Какого моего друга? — спросил удивленно Кальман, взглянув на белье.

— Лейтенанта, который ночевал здесь, на вилле, со своей женой.

Кальман прикусил губу.

— Ты откуда знаешь?

— Я стирала.

— Но откуда ты знаешь, что это рубашка именно лейтенанта?

— Я его видела ночью, когда приносила чай господину майору. Он там лежал на полу. Его пытали.— Она закрыла лицо руками.— Поэтому я и рада, что ухожу отсюда. Не могу я переносить все эти ужасы. Они хотели, чтобы и я стала предательницей. Хотели подсадить меня к одной заключенной.

По телу Кальмана пробежала дрожь.

— И ты только сейчас говоришь мне об этом!

Девушка опустила глаза.

— Я уже жалею, что сказала. Боюсь, что ты натворишь каких-нибудь глупостей.

— Ты уверена, что это был он? Ты узнала его?

— Я даже вскрикнула. А твой друг сделал мне знак глазами, чтобы я его не признавала. Когда майор спросил, откуда я знаю этого человека, я ответила, что он похож на моего жениха. Но от страха я чуть не упала в обморок. Утром я искала тебя, чтобы все рассказать, но ты куда-то исчез. А позже решила не рассказывать, так как боялась за тебя. Знаю я, какие бывают мужчины. Мне кажется, они хотели меня подсадить к его жене, чтобы я выведала что-нибудь у нее.

Кальман буквально оцепенел; думать он не мог...

XVI

Выли сирены, в вышине сотрясалось и стонало небо, но они, ничего не слыша, обнимались.

— Я хочу остаться с тобой навсегда,— сказала Илонка.

— Утром ты все равно уйдешь,— ответил Кальман.

— А ты хочешь, чтобы я осталась? Ты хочешь, чтобы я села в камеру? Ради тебя я все сделаю.

— Нет, тебе нужно уходить. Ты знаешь, где живет доктор Шавош?

— Знаю.

— Утром ты сможешь сходить к нему?

— Конечно, смогу.

— Но прежде пойди в «Асторию».

— Пойду. Даже на конец света пойду, если пожелаешь.

— Но ни одна живая душа не должна знать об этом.

— Ты не веришь мне?

— Я только предупреждаю.

— Никто не узнает. Никто, любимый мой.

Вечером, за несколько минут до десяти часов, завыли сирены. Они даже не умолкли, когда уже загавкали автоматические орудия и начали бухать тяжелые зенитные батареи. Во дворе лейтенант Бонер вопил:

— Тревога!

Кто-то принялся бить в колокол. Вилла ожила, послышались гулкий топот бегущих ног, возгласы. Кальман закурил и стал прогуливаться по двору. Еще никогда он не слышал такого мощного шума моторов, как сейчас; в небе перекрещивались лучи прожекторов, тщательно ощупывая бездонно-черное небо.

— Это вы здесь курите, Шуба? — Кальман узнал голос Шликкена.

— Я, господин майор.

— Идите в мой кабинет. Я сейчас приду. Можете зажечь свет, там светомаскировка... Ни черта не понимаю. Где ночные истребители? — проговорил Шликкен, входя в комнату. Кальман молчал, а майор, неодобрительно покачивая головой, продолжал: — Летят на высоте десяти тысяч метров, а мы пытаемся испугать их пушками. Садитесь, располагайтесь поудобнее. Курт! Курт!

Кальман не понял, откуда появился шофер. Вероятно, дремал в библиотеке, и он не заметил его, подумал Кальман.

— Коньяк, рюмки, содовую,— приказал майор.

Курт поставил на стол коньяк и рюмки, наполнил их, затем отошел к двери и уселся на стул.

Через несколько секунд вошел Тодт. Капитан был далеко не в таком веселом настроении, как Шликкен.

— Заходите, заходите, дорогой Йозеф, садитесь. Вот сюда, рядом со мной. Коньяку, конфетку?

— Коньяку, господин майор.

— Браво, Йозеф! — воскликнул Шликкен и поднял рюмку: — За наше здоровье.— Они выпили.— План изменился,— продолжал он, играя пустой рюмкой.— Посоветовавшись с шефом, мы решили, дорогой Шуба, ввести вас в бой. И об этом я хочу поговорить с вами... Вы знаете врача Игнаца Шавоша, не так ли?

— Он лечил меня,— ответил Кальман, а у самого сжалось сердце. К этому вопросу он не был подготовлен, хоть и мог предполагать, что когда-нибудь при случае у него спросят о главном враче клиники, где он лечился.

— Какого вы мнения об этом достойном человеке?

Кальман подтянул на коленях брюки и только тогда поднял глаза на майора.

— Я знаю его не настолько хорошо, чтобы высказать о нем свое мнение. Больные его любили.— А про себя в отчаянии он подумал, что, по-видимому, они «раскололи» Шани Домбаи и тот признался во всем. А может, случилась какая-нибудь беда с Илонкой?

— Странный он человек,— сказал Шликкен.— У него есть племянник, некий Кальман Борши, из юнкеров. И вот в прошлом году, осенью, доктор обратился с письменным заявлением к командиру батальона, что Борши хочет бежать.

— Кто? — спросил с глупым видом Кальман.

— Что «кто»?

— Кто хотел бежать? — переспросил Кальман.

— Фенрих.

— Понятно. И главный врач заявил об этом.

— Правильно,— кивнул майор.

— И он сбежал?

— Ну да. И не один. С ним сбежал также один опасный коммунист...

— Шандор Домбаи,— подсказал Тодт, предполагая, видимо, что майор забыл имя.

— Йозеф, Йозеф!..— Шликкен поднял указательный палец и добродушно погрозил капитану.— Только тогда, когда я спрашиваю.

— Вииоват, господии майор.

— Итак, Домбаи,— повторнл майор.— Ои был ефрейтором из вольноопределяющихся.

— Их поймали? — Кальмаи закурил сигарету, повторяя про себя: «Только спокойствие».

— По порядку,— сказал Шлнккен.— Вначале поговорнм о Шавоше. Я буду иесколько пространен, но вы должны знать предшествующие обстоятельства, для того чтобы успешно провести это ннтересное дело. Если чего-ннбудь ие поймете, можете, ие стесняясь, спрашивать... Итак, Шавош.— Майор собирался с мыслями, как будто потерял иить разговора.— Да, так вот. Расскажу, во-первых, о том, как я узиал имя Шавоша. Это важно. Насколько мие помнится, я уже говорил вам о своем друге Хельмеци, которого несколько иедель иазад, точиее, четвертого марта, убилн коммуннсты.

— Перстеиь с печаткой принадлежал ему,— сказал Кальман, указывая на палец майора.

— Верио. На другой день мы с Хельмеци должны были выехать в Афнны. Обратите виимание, господии капитаи, так как то, о чем я буду сейчас говорить, вам не нзвестно. Гнбель Хельмеци меня больно раиила, потому что ои был монм самым надежиым товарнщем по работе. В штатах иашей секретиой службы он состоял в званни капитаиа. Благодаря своей ловкости он сумел еще до войны вступнть в аиглийскую секретную органнзацию под иазваиием «Политнкл нителлидженс депатмеит». Там ои выполиял огромиую и неоценимую работу. Я устронл его также в венгерский отдел коитрразведки; по моей просьбе его подключили к старшему инспектору Оскару Шалго, моему старому другу. Я миого раз прнбегал к его услугам... Ну так вот, мы с Шалго иаходились возле его трупа, об этом я забыл сказать. Никакнх следов нам обиаружить ие удалось, точно так же как н уголовной полнции, иесмотря на то, что мы обследовали каждый квадратный сантнметр иа теле трупа и вокруг. В первую очередь я задал себе вопрос: кто был заинтересоваи в убнйстве Хельмеци?

— Возможно, это была месть на любовиой почве? — проговорнл Кальмаи.

— У него не было иикаких дел с жеищннами. А в связн с тем, что мы нигде ие иашлн следов паль-

цев и других улик, я сделал вывод, что убийство было подготовлено в высшей степени тщательно и осмотрительно. Обстановка — рюмки на столе и рюмка в руках Хельмеци — подтверждала, что убийцы близко знали его; возможно, они были его друзьями, во всяком случае, они принадлежали к числу людей, которых он даже угощал. Убийцы с помощью блестящей уловки, выдав себя за сотрудников венгерской контрразведки, удалили из дому привратника.

— Как это надо понимать? — спросил Кальман; нервы его настолько были напряжены, что он даже не слышал бомбежки.

— Я думаю, что в убийстве приняли участие несколько человек, вероятно, трое. Двое мужчин и одна женщина. И они высчитали все до единой секунды. Один из мужчин был в форме лейтенанта, другой в гражданском. Последний был в очках, лицо у него было покрыто пятнами. Согласно показаниям привратника, утром какая-то молодая женщина тщательно обследовала местность и подробно расспросила обо всем глуповатую госпожу Топойя. Вероятно, позже, когда мужчины уже были в квартире, эта женщина из уличного телефона-автомата позвонила на квартиру. Разумеется, они заставили взять трубку самого Топойю. Бедный малый так перетрусил, что, возможно, даже вытянулся в струнку, услышав, что «господин полковник» хочет разговаривать с капитаном Ракаи. Этот трюк был психологическим козырем. Не нужно было уже ни удостоверения, ничего на свете. С помощью умело выдуманной сказки они отослали из дому напуганную чету Топойя, которая была этому несказанно рада, а женщина, наверно, включила имя капитана Ракаи в благодарственную молитву. После этого, оставшись одни, они пошли к Хельмеци, который открыл им дверь; следовательно, Хельмеци их хорошо знал. Они поговорили, выпили палинки и затем застрелили его. Ими руководили злоба, гнев и ненависть.

— Почему вы так думаете? — спросил Кальман.

— Потому что они сделали пять выстрелов. Они не беспокоились, что выстрелы могут услышать. Уже первый выстрел был смертельным. Мы с Шалго пришли к выводу, что нашего друга убили люди, узнавшие, что он наш человек. Кроме того, из квартиры они

ничего не унесли. Кого же можно подозревать? Коммунистов или «Интеллидженс сервис»? Я был убежден, что это дело рук англичан, а мой друг Шалго считал, что коммунистов.— Шликкен снова закурил сигарету. Его самоуверенность внушала страх.— Мои подозрения,— продолжал он,— усилились после того, как Шалго познакомил меня с некоторыми данными. Согласно этим данным, Хельмеци за день до убийства встретился с молодым баварцем, якобы по фамилии Кэмпбел, с английским разведчиком. Они вместе учились на курсах Пи-Ай-Ди.

— Кэмпбел не немецкая фамилия,— заметил Кальман.— Вы сказали, что молодой человек — баварец.

— Конечно, нет. Он англичанин. Ясно, что это его кличка. Неизвестный под этим именем закончил английскую школу разведчиков. К сожалению, Хельмеци не знал его настоящего имени. Ну так вот, этот Кэмпбел гениально заманил в ловушку бедного Хельмеци, убедился в том, что он наш человек, и убил его. Таковы были мои предположения, но я, однако, скрыл их от Шалго, потому что именно тогда перестал доверять ему. Мои подозрения в отношении Шалго позже подтвердились. Мой друг стал предателем, но об этом позже. Я должен был ехать в Берлин, мы готовились к оккупации Венгрии. Перед отъездом я договорился с Шалго относительно задач, которые нам предстояло совместно решить. На основании примет, которые сообщил Хельмеци, он объявил о розыске Гарри Кэмпбела по всей Венгрии. В мое отсутствие Шалго производил тщательный розыск, повсюду вынюхивал. Семнадцатого я вернулся в Будапешт, и Шалго доложил, что ему ничего не удалось сделать. В это время офицер полиции установил, что имя Кэмпбел фигурирует в списке разыскиваемых. Мать Кальмана Борши, племянника главного врача Шавоша, звали Эржебет Кэмпбел; она живет в Англии. Девичья фамилия жены главного врача также Кэмпбел. Я обрадовался этим сведениям и тотчас же высказал свои предположения: Кэмпбел — это Кальман Борши, а участвовавший в убийстве военный тождествен с другим беглецом, с Шандором Домбаи. Но только это надо доказать. Восемнадцатого в ночь пришлось арестовать Шалго, потому что он пытался устроить побег Марианны Калди.

— Этого я не понимаю,— проговорил Кальман.— Для чего ему нужно было устраивать ей побег?

— Вы правы, Шуба,— рассмеялся Шликкен.— Действительно, это понять трудно. Для этого вам нужно знать, что Шалго работал по «вылавливанию» коммунистов. Как он утверждал, профессор Калди был одним из руководителей коммунистического движения. Поэтому он держал под наблюдением профессора. К сожалению, наблюдения его не увенчались успехом. В то же время он ловко заманил в ловушку ядро мишкольцевской коммунистической ячейки. В донесениях упоминалась девушка под кличкой «Белочка», которая в Хатване села на поезд Мишкольц — Будапешт. Она встретилась с Бушей, получила у него оружие и исчезла. Имя Белочки фигурирует также в наших досье как кличка связной коммунистического центра. Таким образом, мишкольцевская ячейка была связана с центром в Будапеште. Белочка исчезла вместе с оружием. Когда я был у Шалго, ему передали внеочередное донесение от его агента. В донесении говорилось о том, что за день до этого Марианна Калди явилась домой после нескольких дней отсутствия с тяжелым чемоданом. На другой день чемодан исчез. В то же время девушку посетила врач Мария Агаи, которой удалось бежать от моих людей. Ясно, что Марианна Калди и есть разыскиваемая Белочка. Шалго попросил разрешения самому арестовать девушку. Я для виду согласился. Но так как я не верил ему, то послал своих людей во главе с лейтенантом Мольтке на виллу, чтобы они арестовали всех находящихся там. В том числе и Шалго. Остальное вы знаете. Шалго застрелил бедного Мольтке и пытался бежать с девушкой...

Бомбежка прекратилась, наступила тишина, но отбоя воздушной тревоги не было.

— Я просмотрел заметки Шалго,— продолжал Шликкен,— те, что остались, потому что многое он сжег; затем приступил к сплетению нитей, или, если хотите, к складыванию мозаики. Я нашел донесения агента Шалго. Они оказались крайне интересными. В результате, с одной стороны, оставалось в силе мое предположение, что убийство было совершено Борши и Домбаи; на основании же донесения агента Шалго

я выдвинул предположение номер два: Кальман Борши и Пал Шуба — одно лицо.

Кальману показалось, что стул под ним закачался. Ему стоило огромнейшего напряжения воли с улыбкой произнести:

— Неужели?

— Именно так. Свое предположение я основывал на следующем. Агент сообщил, что на виллу нанят новый садовник, фельдфебель из юнкеров Пал Шуба, инвалид войны. Шубу приняли на работу в тот самый день, когда сбежал Кальман Борши. Шавош заявил о намерении Борши дезертировать и в то же время устроил Шубу на работу.

— Это действительно логично.

— Безусловно,— кивнул Шликкен.— В другом донесении агента сообщается, что утром четвертого марта у Шубы в гостях побывал лейтенант с женой. На рассвете пятого марта они уехали. Не забудьте, что в ту ночь произошло убийство. Но мои предположения еще надо было доказать. Я приступил к этому, и разочарование последовало за разочарованием. Дал указание начать слежку за Шавошем. И услышал о нем наилучшие отзывы. Надежный человек, настоящий венгерский патриот. Выяснилось, что Шавош не только вас устроил, но и почти каждого из выздоравливающих в клинике больных определял на место.

— Это и я могу подтвердить,— сказал Кальман, немного успокоившись.

— Я запросил в прокуратуре дела на Кальмана Борши и Шандора Домбаи. И новые разочарования постигли меня. В делах я обнаружил три видовых открытки. Открытки были переданы в прокуратуру главным врачом Шавошем. Все три были присланы Кальманом Борши. Первая открытка прибыла из Стамбула, остальные две из Каира; последняя датирована вторым марта. Специалисты-графологи определили, что письма не подделаны. Марки, а также штампы на открытках настоящие... Вот видите, дорогой Шуба, каким путем вы подпали под подозрение.

— У меня мороз пробежал по коже, господин майор. Ваш агент находился на вилле?

— Агент Шалго. После всего этого я стал пристально следить за вами. Видите ли, мне также не понравилось, что вы скрыли от меня свою любовь

к Марианне. Это можно всячески объяснить и оправдать, ио мие это ие поиравилось. Мы провели следствие. Все совпадало. Ваше ранеиие, госпиталь в Киеве, клиника. К сожалеиию, ие удалось устроить очиую ставку с вашей матерью, потому что село Велика оказалось в зоие, контролируемой партизанами. Я показал вашу фотокарточку Топойе, ио он ие опознал вас. Согласно донесению, ту иочь вы провели с Марианной. Лейтенант и его жена спали в вашей комнате. Вся моя работа на протяжении многих иедель и мои предположеиия пошли иасмарку. Одиако Кэмпбел и главный врач Шавош ие выходили у меня из головы.— Он замолчал и стал прохаживаться по комнате. Наконец продолжил: — И все же, несмотря на разочарования и неудачи, мне удалось поймать убийцу.

— Поймали? — спросил с удивлением Кальмаи.

— Поймал, дорогой Шуба.

— Это действительно увлекательно, как в детективном романе,— улыбнулся Кальман.— И кто же убийца?

— Вы, Кальмаи Борши.

На мгновение наступила тишина. Затем Кальмаи начал громко смеяться.

— Простите, господин майор,— сказал ои, все еще продолжая смеяться.— Вы обладаете поразительными способиостями к юмору.

— Юмор — это соль жизни, дорогой мой. Я, конечио, знал, что вы ие признаетесь в убийстве,— проговорил Шликкен.— К разоблачению серьезного противника,— продолжал майор,— я обычно готовлюсь очень тщательио.

— Но почему вы, господии майор, думаете, что я — это Кальман Борши и что именио я убил Хельмеци?

— Я не думаю, я знаю. Расследование, мой дорогой друг, почти искусство. Вы ие заметили, что во время допросов я ии разу ие спросил вас о лейтенанте и его жене?

— А я бы охотно ответил.

— Придет очередь и этому,— сказал Шликкеи.— Вы помните, как вы, иемного надломлеииый, явились ко мне, чтобы давать показаиия?

— Помию. Я даже вспоминаю, что в это время по радио передавали «Реквием» Моцарта.

— Это была радиола. Хотите послушать?

— С удовольствием. Я думаю, что после бомбежки это было бы весьма кстати.

Шликкен подошел к столику, включил радиолу. Зазвучала мрачная музыка Моцарта. Кальман взглянул на улыбающееся лицо майора. Вдруг музыка оборвалась, только слышался монотонный шум аппарата, и Кальман увидел, что это не радиола, а что-то иное, таких машин он никогда не видел. Неожиданно он услышал голос умирающей Марианны, ясно произносящей его имя: «Кальман...»

Он закрыл глаза, ухватился обеими руками за сиденье, с трудом сдержав себя, чтобы не закричать.

Шликкен смотрел в исказившееся лицо молодого человека и улыбался.

Они оба слушали шепот Марианны:

«Кальман... Я думала, когда кончится война, мы весь день от зари до зари станем бродить по городу».

Майор выключил аппарат.

— Пока и этого достаточно,— сказал он и подошел к Кальману.

Молодой человек открыл глаза. Отсутствующим взглядом посмотрел на Тодта, затем перевел глаза на Шликкена. Вот теперь он уже должен драться за свою жизнь.

— Бедная Марианна...— произнес он тихо.— Это была бесчеловечная, жестокая шутка, господин майор. Вы хотите, чтобы я работал у вас, и в то же время так шутите со мной. Вы знаете, как я любил свою невесту. Вы подозреваете меня, и этого вам недостаточно, вы еще воспроизводите голос несчастной.

Шликкен вытаращил на него глаза.

— Что?! Я шучу? Я подозреваю? — Он уже терял терпение.— Объясните мне, почему из Пала Шубы вы стали Кальманом? И зачем врали, изворачивались?

Кальман, сохраняя серьезность, взглянул на майора.

— Я вас понял. Зная содержание подслушанного разговора, вы, господин майор, предполагаете, что я — Кальман Борши. Этот разговор свидетельствует лишь о том, что я очень любил свою невесту и что я лгал вам. Но я ведь в конце концов сообщил место, где спрятано оружие, кроме того, сообщил две фамилии.

Майор покачал головой.

— Ах, черт побери! Только вы забыли рассказать, что Резгё и Кубиш бежали в Словакию.

— Но тогда докажите, что я не Пал Шуба. Устройте очную ставку с моей матерью, фронтовыми товарищами, с обслуживающим персоналом клиники.

— А имя Кальман?

— Пожалуйста, посмотрите мой листок для прописки или инвалидную книжку.

— Что мне там смотреть?

— Моего отца звали Кальманом. Я терпеть не мог имя Пал и очень любил своего отца и его имя. Да и вообще дома меня звали Кальманом. Когда Марианна стала моей, я попросил ее, чтобы, когда мы бываем вдвоем, она звала меня Кальманом. Господин майор, я честно выполнял все ваши задания. Что вы, собственно, хотите от меня?

— Вы ловко защищаетесь, молодой человек,— сказал майор одобрительно и взглянул на Тодта. Капитан пожал плечами.— Когда я впервые прослушал запись, у меня возникли сомнения...

Кальман перебил его:

— Господин майор, ваш агент находился на вилле. Насколько я помню, агент сообщил, что четвертого ночью, когда произошло убийство, я был вместе с Марианной. Это неправда. Ту ночь я провел с Илоной Хорват. Вот какое «достоверное» донесение вы получили от своего агента.

— Совершенно справедливо, но вы и после убийства могли пойти к своей невесте. Вы оба умеете конспирироваться.

— Я прошу вас, господин майор, устроить мне очную ставку с Илоной Хорват.

— Это что-то новое. Действительно нужно проверить. Заметьте себе, капитан. У вас нервы — как канаты, молодой человек,— сказал Шликкен, обращаясь к Кальману.— Я признаю, что здесь имеется много противоречивых моментов. Я, конечно, видел эти противоречия уже давно. Знаете, что я сделал? То, что обычно делают драматурги. Я начал с третьего акта. Я остался при своем идефиксе, что вы — Кальман Борши. И тогда я спросил себя, что бы сделал Кальман Борши, если бы узнал, что его товарища Шандора Домбаи схватили? Если бы я был Борши,

то немедленно поставил бы в известность человека, для которого опасен провал Домбаи. И вот вы узнали, что Домбаи находится здесь, в подвале. Как же вы поступили? — Кальман молчал.— В прошлом веке один датский ученый изобрел звукозаписывающий аппарат. Мы применяем его всего года два. Особенно я, потому что обожаю технику. Мы устанавливаем чувствительный микрофон куда-либо и затем записываем разговор на магнитную ленту. Хотите, чтобы я воспроизвел ночь, проведенную вами с Илонкой? Благодарение богу, вы очень внятно говорили. И имя доктора Шавоша произносили довольно четко.

Нависла гнетущая тишина. Кальман мгновенно оценил обстановку. Провалился. Спасения нет. Теперь надежда только на то, что дядя Игнац не попал к ним в руки.

— Вы выиграли,— проговорил он тихо.

— Первая разумная короткая фраза. Я знал, что перед фактами вы сдадитесь,— сказал Шликкен.

Кальман пожал плечами.

— Приходится, господин майор.— Он закурил сигарету.— Когда вы схватили Домбаи?

— К сожалению, мы еще не схватили его, но, надеюсь, с вашей помощью это удастся сделать очень скоро.

Кальман рассмеялся.

— Чему вы смеетесь?

— Рад, что не схватили Домбаи.

— Это вопрос времени. Но я хотел бы спросить у вас кое-что. Почему вы выдали Фекете? Почему провалили Виолу?

— Я догадался, что Фекете — провокатор, что он ваш агент. Он был слишком упитанным для человека, выдержавшего шесть недель тюремного заключения. Многие годы он якобы был безработным, а во рту у него настоящий золотой прииск. Говорил, что не курит. А ментолом от него так и несло, да и между зубов виднелись крошки табака. И еще: вряд ли можно найти такого коммуниста, который бы после нескольких часов знакомства выдал важнейшую тайну организации. Не обижайтесь, но это была точно такая же примитивная штука, как и вчерашняя встреча в ресторане и комедия с этой перевязкой. Я чуть живот не надорвал, глядя, как ваши сыщики ведут

наблюдение. В этом следовало бы потренироваться и господину капитану.

— Тогда там не было,— сказал майор, засмеявшись.

Кальман махнул рукой и посмотрел на ботинки капитана.

— Как хотите, но это так, господин майор. А теперь можете расстрелять меня, потому что больше я уже действительно ничего не скажу.

— Посмотрим. Вы не коммунист,— улыбнулся Шликкен,— следовательно, не одержимый, а разумный человек. А я все еще продолжаю верить в здравый смысл...

Кальман до самого рассвета проговорил с Шалго. Старший инспектор сразу узнал его.

— Вы Пал Шуба, не так ли?

Кальман сел на солому, посмотрел на толстяка.

— Почему вас это интересует? Не все ли равно, как меня зовут?

— Мне абсолютно все равно. А вообще-то я Оскар Шалго. Мне кажется, что вы знаете мое имя.— Старший инспектор остановился перед Кальманом.— Если вы не Пал Шуба, тогда Кальман Борши.— Сев на солому поближе к Кальману, он спросил: — Умеете свистеть?

— Умею,— ответил Кальман, подумав при этом, что старший инспектор наверняка свихнулся.

— Нагнитесь ко мне поближе.— Кальман наклонился, толстяк начал ему что-то шептать на ухо. Кальман пожал плечами, повернулся, сел спиной к двери и тихо начал насвистывать. А Шалго, закрыв носовым платком рот, спросил:

— Как вы провалились?

— С каких пор вы знаете, что я Кальман Борши? — Они сидели плечом к плечу, разговаривали и свистели, так как, по мнению Шалго, свист мешал подслушиванию.

— Я давно уже вас подозревал. Но убедился в этом только перед своим провалом. Вы хорошо работали, только все наши предположения настолько совпадали с вашими действиями, что это, как бы сказать, предельно подтверждало подозрение.

— С какими действиями?

— Ну, смотрите сами.— Шалго потер лоб.— Когда вы дали Хельмеци адрес Гёмёри, откуда-то вам нужно было просмотреть до конца это драматическое представление. С берега Дуная ничего нельзя было увидеть. Церковь была заперта. Когда я узнал, что вы находитесь в связи с девушкой, у меня закралось первое подозрение. Марианна из своей квартиры на улице Вам могла отлично видеть этот божественный спектакль.

— Скажите, кто был агентом в доме Калди?

— Вы все еще не знаете?

— Рози Камараш?

— Кто вам сказал?

— Как-то раз Марианна заметила, что Рози подслушивала у моей двери.

— Ее интересовало, не у вас ли Илонка.

— Она следила и за Илонкой?

— Только за девушкой. Чисто женское любопытство... Илонка Хорват была моим агентом...

Они долго молчали.

— Не шутите. Значит, меня провалили вы, а не Шликкен?

— К сожалению. Я уже не мог предупредить. Я думал, что вы догадаетесь.

— Это невероятно,— сказал Кальман.— Так, как она любила... нет, нет, так любят от всего сердца...

— Она действительно любила вас от всего сердца, да со страху выдала... По всей вероятности, Шликкен заверил ее, что с вами все будет в порядке. Она и меня просила об этом. К тому же она ненавидела Марианну.

— Но... Когда мы были вдвоем в камере, Марианна рассказывала, что Илонку избили немцы.

— Они разыграли спектакль. Шликкен в этом деле большой мастер. Он сначала пишет настоящее либретто и по нему уже ставит пьесу. А девушка училась в театральном училище. Вообще-то она из провинции. В восемнадцать лет она стала любовницей одного политического деятеля и украла у него драгоценности на большую сумму. Ее без шума арестовали во избежание скандала. Мне посоветовали обратить на нее внимание. Я запросил ее дело. Поговорил с ней и предложил ей: или она в течение

двух лет будет работать на нас, или ей придется сесть за решетку. У нас оиа должна будет хорошо работать — убирать, мыть — и исправляться. Я пообещал, что потом она снова сможет продолжать свои заиятия. С прошлой жизнью будет покончено, и я помогу ей в этом... Что ей оставалось делать? Она с радостью согласилась. И хорошо работала, только вы сбили ее с толку...

— Почему вы так откровеиио говорите со мной? — поинтересовался Кальман.

— Покойиики откровенны между собой. А мы ими и являемся.— Шалго закрыл глаза, тяжело вздохнул.

— Зачем вы, собственно говоря, переметнулись в другой лагерь? — спросил Кальман.— Ведь если вас поймают коммунисты, оии разделаются с вами.

— Вряд ли у иих иа это будет время. Вообще объяснить это иелегко. Просто я сыт всем по горло. Вам еще не приходилось бывать в таком состоянии, когда тебя воротит даже от самого себя? Хотя вы еще слишком молоды. А я уже устал. Нет, я не сделался коммуиистом... Но, как бы это сказать... Не сочтите, что я оправдываюсь, но я никогда не обижал их, я был человеком принципов, теории...

— Бы ловили их с помощью своей логики, а палачи их мучили или забивали до смерти. Так кто же больший преступиик, вы или они?

Шалго открыл глаза.

— Вы что, уже прокурора из себя строите? Не раио ли? — спросил ои.— Вы ошибаетесь, если думаете, что я собираюсь защищаться. Я даже не буду ссылаться на то, что я всего лишь соблюдал законы. Можете удивляться. Если бы мне удалось выжить благодаря какой-иибудь ошибке или случайности, я бы не стал выставлять этот аргумеит в свою защиту, хоть это и правда, я действительио многих коммуиистов раскрыл, ио, когда немцы оккупировали страну, я поставил точку, сказал себе: баста! Я предупредил даже иескольких человек, дал им возможность бежать, среди них был и Калди; кроме того, я сжег массу своих записей.

Кальман задумчиво сказал:

— Мы ие остаиемся в живых. Я не буду прокурором, а вы — обвиияемым. Если даже за другое и не иакажут, то за убийство нас обоих повесят.

Шалго страиио улыбиулся.

— Скорее нас замучают до смерти. Вы ие зиаете Шликкеиа.

— Скажите, иемцы проиграют войиу? — спросил вдруг Кальман.

— Оии уже проиграли. И зиаете когда? Летом сорок первого.

— Почему имеиио тогда?

— Потому что плохо рассчитали. Потому что плохо сработали иемецкие разведчики. Мие известио иесколько доиесеиий тех времеи...

— Что ж было в доиесеииях?

— Разведчики утверждали, что Советский Союз не был подготовлеи к войие; что его вооружеиие было иедостаточио современным и тем самым реальиые возможиости ведеиия молииеносиой войны были иалицо. Но оии ошиблись в главиом: в оцеике моральиого духа иаселеиия. Оии утверждали, что после нападеиия иемцев все республики во главе с Украииой поднимутся против существующего режима. И я верил этим рассуждеииям. Только позже я иачал в этом сомневаться. А когда прочитал доиесеиия начальиика разведки Второй веигерской армии о действиях партизаи, то сказал себе: «Ого, осторожиее, возможио, тебе большевизм ие иравится, ио что-то в этом движеиии есть...»

«Наверияка что-то в ием есть, если Марианиа могла умереть за свои убеждеиия,— подумал Кальмаи.— А оиа ведь ие прииадлежала к рабочему классу. Одио иебо зиает, что в ием такого».

— Меия считали,— продолжал Шалго,— специалистом по делам коммуиистов. Я сейчас ие хочу разбираться в их теории — это в даииый момеит ие иитересио. Я очень миого раздумывал также иад тем, почему к этому движеиию присоедиияется столько иителлигеитов.

— Вы считаете возможиым, что после войны аиглосаксы окажутся против Советского Союза? — спросил Кальмаи.

— Сейчас я вам скажу такое, что ахиете,— заинтриговал Кальмаиа Шалго.— Я за последиие иедели прочитал иесколько разведывательиых доиесеиий. Аиглийская разведка пытается устаиовить коитакт с людьми Каиариса. Возможио, и с самим Каиарисом.

Я даже считаю вполне вероятным, что они еще во время войны договорятся с ними выступить против Гитлера и Советского Союза.

— Как так против Гитлера?

— Да хоть бы так, что люди Канариса уберут Гитлера, чтобы сохранить германскую военную машину и предотвратить вторжение советских войск в Европу.

— Вы плохо знаете англичан,— возразил Кальман и убежденно продолжал: — Англичане не любят коммунистов, это факт, но они джентльмены и не склонны к подобным аморальным действиям.

— Не обижайтесь, молодой человек, если я скажу, что вы в политике профан. Не имеете ни малейшего представления о ней.

Кальман встал, потянулся, расправил свои закоченевшие конечности. Воздух в камере был тяжелым и затхлым, затрудняющим дыхание.

Вдруг в тишине прозвучали обрывки разговора, нарушившие тишину. Послышались шаги. Кто-то спускался по ступенькам в подвал.

Кальман подал знак Шалго, чтобы тот не шевелился.

— Смена часовых,— шепнул он.— Сейчас часовой старой смены уйдет, а новый проверит все камеры. Слышите? Приближается.

— Ничего не слышу.

— Тогда вы просто глухой. Прислушайтесь и не сопите. Вот он подошел к нашей двери.— Кальман услышал, как часовой осторожно отодвинул задвижку и заглянул в глазок.— Теперь он вышел из подвала,— прошептал Кальман.— Слышали, как хлопнула дверь? Выходит во двор, поворачивает направо, идет к воротам...— Вдруг Кальман резко обернулся; лицо у него было взволнованное.— Вставайте и не удивляйтесь, вставайте быстрее! Хотите рискнуть?

— Что вы задумали?

— Рискуете или нет?

Шалго с глупым видом уставился на возбужденного молодого человека.

— В нашем распоряжении двадцать минут. Или мой план удастся, или нас подстрелят, и тогда мы избежим пыток. Я знаю виллу как свои пять пальцев, а сад еще лучше. Ну так как?

Толстяк пожал плечами.

— Что я должен делать?

Кальман подошел к двери. Лег на спину на бетонный пол ногами к двери.

— Придавите меня коленом и душите. Я буду орать, а вы, не жалея, лупите меня, лупите изо всех сил. Если часовой откроет дверь, отскочите в сторону; если он упадет, немедленно хватайте его автомат.

Шалго наступил коленом Кальману на грудь, начал душить его и колотить. А Кальман стал что есть мочи вопить. Несколько раз он ногой ударил в дверь. Они услышали, что часовой подбежал к двери. Посмотрел в глазок, затем быстро распахнул дверь.

— К стенке! — рявкнул он, держа автомат на изготовку.

Шалго, задыхаясь, поднялся, лицо у него налилось кровью, он прислонился к стене, тяжело дыша и пытаясь что-то объяснить часовому.

— Молчать! Свинья! — заорал эсэсовец и шагнул в камеру, направив автомат на Шалго. Одновременно он бросил взгляд на распростертого на полу Кальмана.

— Встать!

Кальман пошевелился. И вдруг молниеносным движением левой ноги он носком ботинка зацепил за пятку охранника, а правой ногой ударил его по коленной чашечке. Эсэсовец упал как подкошенный; головой он ударился о стену. Шалго тут же навалился на него всей тушей. Они с Кальманом быстро связали его и в рот воткнули кляп.

— Снимите ботинки и возьмите их с собой,— тихо сказал Кальман.

Через несколько мгновений они уже бежали по коридору. Прижимаясь к стене, поднялись по ступенькам. На площадке остановились. Кальман заглянул в окно, ведущее в полуподвальное помещение. Коридор был погружен в темноту. Он кивнул Шалго, чтобы тот следовал за ним, открыл окно, влез на подоконник и осторожно спустился в коридор. Шалго проявлял теперь максимум расторопности, теперь он не производил впечатления неповоротливого толстяка. Через несколько секунд он уже сидел верхом на подоконнике; ловко перекинул ноги и с помощью Кальмана бесшумно спрыгнул на пол. Кругом стояла

давящая тншниа. Кальман махиул своему спутинку рукой н иа цыпочках подкрался к своей комиате. Неслышно, как его учнли иа курсах разведчнков, открыл дверь н вошел. За своей спниой ои слышал приглушенное дыхание Шалго.

Заперев дверь, он предостерегающе прнложнл палец к губам, затем достал нз тайинка револьвер н отдал его Шалго. Тот жестом показал, что иа нем ие держатся брюкн н что на ботинках иет шиурков. Кальман достал из шкафа поясиой ремеиь н отдал Шалго. Затем открыл окно. Моросил теплый майскнй дождь. В воздухе стоял свежнй аромат сиреин.

Без всяких приключеинй оии добрались до развеснстых кустов, скрывавшнх ограду, осторожио встали, плотио прнжнмаясь к ограде. Было так темио, что Кальмаи и Шалго еле различали друг друга. Кальмаи склоннлся к уху старшего инспектора.

— А теперь осторожнее, — прошептал он. — Ухватитесь за



прутья ограды, встаньте на каменную кладку, затем на мои руки.

Шалго кивнул. Быстро взобрался на верх ограды, перемахнул через нее. Прижимаясь к прутьям, спустился вниз и приник к земле.

Кальман легко подтянулся. Он уже был на ограде, когда услышал быстрые шаги приближающихся караульных. Перекинул ногу. В это время завыли сирены и кто-то заорал:

— Тревога!

Кальман спрыгнул на мягкую землю рядом с Шалго, и они помчались, пригибаясь к мокрой траве, по направлению к густым зарослям кустарника.

А сирены продолжали зловеще выть, выть, не переставая...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

— Могу я пригласить вас на коньяк, коллега? — спросил профессор Акош Кальмана Борши, когда они вместе возвращались в отель с заключительного заседания конгресса. Вежливо пропустив профессора вперед, Кальман проследовал за ним в кафе при гостинице.

Они выпили. Коньяк был отличный.

— Да,— продолжал профессор,— должен поздравить вас с успешным выступлением, но чем вы так угнетены? Насколько мне известно, в июне вы собираетесь жениться?

— Если все будет в порядке, господин профессор.

— Сколько вам лет, дорогой коллега?

— В день свадьбы мне будет сорок три.

— А Юдит?

— Ей недавно исполнилось двадцать три.

— Ну так вы же молодец, милый мой.

В этот момент в кафе вошли представители французской делегации, и академик Корзье, едва завидев Акоша, оставил своих коллег и заспешил к нему, улыбаясь во весь рот и еще издали протягивая ему сразу обе руки. Меньхерт Акош, извинившись перед Кальманом, стремительно вскочил из-за стола. Ученые обнялись.

Кальман неподвижно сидел, откинувшись в кресле, и думал о своем.

Минувшие восемнадцать лет сильно изменили Кальмана Борши не только внутренне, но и внешне. Он возмужал, стал видным мужчиной. Никто не знал, почему Борши вдруг бросил преподавательскую работу и стал физиком-атомником. Вернее, один человек знал — это был полковник Эрнё Кара.

Когда в сорок четвертом году Кальман Борши и Оскар Шалго бежали из застенков гестапо, им, хоть и с большим трудом, удалось пробраться к Гезе Такачу, граверу с текстильной фабрики «Гольдбергер», который спрятал их: несколько дней они скрывались в угольном погребе одноэтажного домишки на улице Апат, в ожидании, когда за ними придет Шандор Домбаи. Оба они были совершенно равнодушны к тому, что в последнее время происходило с ними, но успешный побег возродил в них жажду жизни.

Кальман и Шалго разговаривали мало. Больше думали каждый о своем или просто, без всяких дум в голове, лежали и молчали. Кальман был сражен гибелью Марианны. Ему было стыдно, что он остался в живых, и мало-помалу им овладела навязчивая мысль, что, продолжая жить, он совершает преступление против Марианны.

Затем в одну из ночей пришел со своими людьми Шандор Домбаи и увел их.

Они стали членами вооруженной группы Эрнё Кары. До войны Кара преподавал математику и физику в средней школе. Это был высокий русоволосый мужчина лет тридцати. Шалго он встретил с недоверием, но Кальману все же удалось убедить его в том, что старший инспектор хортистской контрразведки не подведет их. И Шалго позднее доказал это. Он выполнял задания одно фантастичнее другого со смелостью человека, для которого словно не существовало страха смерти. На разведывательные операции он брал с собой и Кальмана. Вскоре они с Шалго и Домбаи получили приказ перейти линию фронта, к русским, потому что в городе немцы организовали за ними самую настоящую охоту и своим провалом они могли поставить под удар всю подпольную организацию. В районе города Печ им удалось перейти линию фронта, и они присоединились к гвардейцам полков-

ника Семенова. В этом полку их прикомандировали к разведке. Кальман шел с Красной Армией по разрушенным, выжженным, разграбленным гитлеровцами городам и селам и никак не мог понять, почему их жители не восстали против немцев, почему терпеливо сносили такую страшную разруху. Он закрывал глаза, не желая видеть и не желая верить, что все им увиденное — горькая правда. Нет, не правда, твердил он себе, а только долгий страшный сон, как неправда и то, что больше нет в жизни его Марианны. И он старался бежать от действительности, обретая прибежище в мечтаниях. Когда они подошли к Будапешту, от него оставалась только тень прежнего Кальмана Борши; он пристрастился к спиртному и одичал настолько, что не знал больше понятия «милосердие».

А вскоре после Нового года случилось то, что привело Кальмана Борши к полному нервному расстройству.

За последнее время наступавшие советские войска часто, заняв какой-либо город, находили там почти одно гражданское население. Фашисты защищались до последнего патрона, а когда боеприпасы кончались, они переодевались в штатское платье и пытались выдать себя за мирных граждан или за беглых солдат, в надежде избежать плена. Трудность для контрразведчиков состояла в том, чтобы отличить, кто из захваченных гражданских действительно бежавшие из фашистской армии солдаты или — хоть таких было и не много — борцы Сопротивления. Советское командование, узнав о хитрости фашистов, приняло решение считать всех мужчин призывного возраста военнопленными, с тем чтобы позднее, уже в тылу, в более спокойной обстановке, выявить, кто из задержанных действительно являлся борцом Сопротивления или солдатом, бежавшим из фашистской армии, а кто — нет. Но в том моральном состоянии, в каком Кальман Борши тогда находился, он не был способен разобраться в этих суровых законах войны. Как-то раз один из таких «гражданских» сумел убедить его, что он участник движения Сопротивления, и очень просил не отправлять его в лагерь для военнопленных. На этой почве Кальман даже поссорился с Домбаи.

— Это неправильно,— горячился он.— Люди не для того, рискуя жизнью, перешли линию фронта,

чтобы их прямым маршем отправили в Сибирь! — И, подойдя к окну, он показал на десяток мужчин в гражданском, топтавшихся на снегу перед зданием комендатуры.

— Ох, и дурень же ты, — подпоясывая ремнем свой темный овчинный полушубок, обругал его Домбаи. — Ну что ты городишь? На проспекте Маргит еще идут бои. Танки фашистов рвутся на Бичке, а ты предлагаешь организовать здесь настоящую следственную комиссию! Пошел ты к черту! У тебя вечно какие-то дурацкие идеи в голове. Ложись и выспись как следует. Иначе к вечеру ты совсем свихнешься.

Однако спать Кальман не лег. Едва только ушел Домбаи, он стал раздумывать над тем, кто же все-таки прав. Через несколько минут он решительно поднялся и пошел к полковнику Семенову, намереваясь рассказать ему о своих сомнениях.

В конце концов командир полка «понял» его и разрешил ему вместе с Шалго и весельчаком Олегом, шахтером из Донбасса, а теперь офицером военной контрразведки, поехать в Римские купальни на сборный пункт военнопленных полка и отобрать из ожидавших отправки в тыл пленных тех, которые будут утверждать, что они венгерские партизаны.

По Сентэндрийскому проспекту длинной вереницей тянулись измученные, оборванные немецкие и венгерские солдаты; среди них попадались и одетые во все черное нилашисты. Гражданские, словно маленькие островки в половодье, держались особняком.

Кальман уже начинал жалеть о своей затее. Когда гражданских выстроили в одну шеренгу и Кальман по-венгерски сказал, чтобы участники антинацистского Сопротивления сделали шаг вперед, то, за исключением нескольких человек, вперед вышли все.

— Ну, что скажете? — шепнул не без ехидства Шалго. — Теперь вы поняли, кто был прав? Если бы в Обуде собралось столько борцов Сопротивления, мы бы давно уже дрались где-нибудь под Берлином.

Кальман сердито отмахнулся и стал спиной к ледяному, пронизывающему ветру. Он задумчиво смотрел на толпившихся во дворе немецких солдат. Вдруг среди них он заметил сподвижника майора Шликкена, лейтенанта Боиера. В один миг на него волной на-

хлынули воспоминания о пытках, он увидел, как наяву, изуродованное тело Марианны. Кальман метнулся к фашисту, одним ударом кулака свалил его на землю, принялся бить, бить, бить, топтать ногами. Если бы какой-то другой немецкий офицер не вышиб у него из рук пистолет, он пристрелил бы Бонера. И этим офицером оказался военврач Мэрер...

Полковник Семенов был немало удивлен, когда Кальман Борши явился к нему в штаб полка с немцем Мэрером. Сначала он никак не мог понять, каким образом этот немецкий офицер мог оказаться участником движения Сопротивления, а когда наконец понял, ни за что не хотел согласиться исключить его из числа пленных. Позвонил в штаб дивизии, откуда ответили: можете оставить впредь до дальнейших распоряжений при своем штабе.

Вечер Кальман провел с молчаливым Мэрером. Они выпили водки, закусили салом, холодцом. Шалго пить отказался. Сидели на кухне. Тяжело ворочая языком, Кальман спросил доктора, что ему известно о дяде Игнаце.

— О докторе Шавоше? — переспросил Мэрер.

— Да. Что вам о нем известно?

Шалго сидел на низеньком табурете. Ему хорошо было видно сразу же помрачневшее лицо Мэрера.

— Шавош! — с ненавистью прошептал он. Кальман, чуя недоброе, стиснул его запястье.— Он предал нас всех. Не только меня, но и профессора Калди и других. И вас тоже. Всех предал!

— Вы пьяны. Подите и окатите голову холодной водой из крана.

Кальман тупым взглядом уставился на Мэрера, а тот тихо, но, видно, подогреваемый изнутри ненавистью необычайной силы, рассказал обо всем, что произошло...

В конце ноября сорок четвертого года Шавош угодил в руки немцев. Радиопеленгаторы засекли его передатчик. Допрашивал его сам Шликкен. Вскоре арестовали доктора Мэрера, а затем и профессора Калди. От капитана Тодта Мэрер узнал, что Шликкен и Шавош на чем-то сторговались. В начале декабря Игнаца Шавоша переправили в Берлин, вместе с ним поехал и Генрих фон Шликкен. Профессора Калди отправили в лагерь смерти Дахау.

— Как это вас не расстреляли?

— Я все отрицал. Поскольку в руках гестаповцев не было никаких улик, а мой отец в то время еще был на фронте, меня оставили в живых.

Больше Кальман не ездил в лагеря военнопленных и просил оставить его в покое. В конце концов он вообще куда-то исчез из полка. Только много позднее, весной, Домбаи обнаружил его на вилле Калди. Кальман сидел в саду перед домом с тупым взглядом, устремленным на плывущие по небу облака. Обросший, грязный, сильно постаревший, он явно был невменяем. Вилла была разрушена и сожжена, только на нижнем этаже сохранилось несколько комнат, пригодных для жилья. В одной из них нашел себе пристанище Кальман. Питался уцелевшими в доме консервами и ждал возвращения Марианны.

В минуту просветления он вдруг вспомнил о квартире на Братиславском проспекте и перебрался туда. Кара, тревожась за Кальмана, временно поселился у него. Уходил он из дому рано утром, возвращался поздно вечером. Работал в военной контрразведке. Когда выдавалось свободное время, он подолгу беседовал с Кальманом. Тот слушал Кару внимательно, не спорил, не возражал, но на вопросы отвечал односложно: да, нет. По рекомендации Кары его приняли на работу в гимназию Арпада преподавателем венгерской истории и литературы. Как лунатик, отправился он на первое занятие. Сел за учительский стол и разрешил сесть ребятам. Окинув взглядом класс, детские лица, он встал и начал прохаживаться перед учениками.

Вдруг взгляд его упал на освещенный солнцем склон горы, и ему показалось, что по склону спускается Марианна. Кальман стоял и смотрел на нее, а дети, похолодев от страха,— на его наводящее ужас лицо. Прошептав: «Марианна, Марианна!»,— учитель истошно закричал и выбежал из класса. На улице он рухнул наземь и лишился чувств...

Лечение в больнице затянулось на несколько месяцев. Порой врачи теряли всякую надежду. А он молчал. Лежал и, не отрываясь, смотрел на склон

горы. Он был спокойиый, послушиый больной, со всеми вежливый. Друзья ие забывали его: каждый деиь кто-иибудь обязательио приходил к иему — Домбаи, Маргит, Кара, Шалго. Кальман поиимал все, что ему говорили,— что Шаидор стал парторгом завода, что он жеиился на Маргит. А когда Маргит сказала ему, что ждет ребенка, задумчиво улыбнулся. Зиал, что Откар Шалго занимается теперь розыском скрывающихся фашистов, помогает в этом Эрнё Каре. Откуда-то он даже зиал, что Шалго — секретиый сотрудник отдела Кары. Одиажды его иавестил и профессор Калди. Профессор сильио постарел, поседел, ссутулился, лицо у иего было усталое, осуиувшееся. Они молча смотрели друг иа друга и без слов поиимали не высказаиные вслух мысли, скрытые чувства.

В одну из иочей возле постели Кальмаиа дежурил Кара.

— Ты должеи поправиться,— сказал ои с теплотой в голосе.

— Я и сам хочу поправиться.

— А поправиться ты сможешь в том случае, если забудешь.

— Я не могу забыть.

— Должеи. Будешь снова учить детей.

— Я не хочу учить. Не умею.

— Ты должен встать на иоги, Кальман.

— Помоги.

— Какой предмет ты ие любил больше всего, когда был студеитом?

Кальмаи долго молчал, раздумывая.

— Математику и физику,— иакоиец сказал ои.

— Зиачит, тебе иужио изучить их. Имеиио их. Ты должеи преодолеть свою слабость.

Кальмаи кивнул в знак согласия.

Затем для Кальмана иаступили трудиые годы. Он поступил в Политехиический иистiтут и стал грызть гранит иауки. Бедствовал, ио с редким усердием заиимался. В процессе учебы ои начал открывать для себя совершеино иовый, неизвестиый ему прежде мир. Средства на жизнь он добывал переводами. Ои совсем перестал интересоваться политикой и даже ие зиал, какие партии существовали в то время в страие и чего каждая из иих хотела. Зиал только, что коммуиисты собираются строить социализм.

Кара уже больше не жнл у него, но иногда они встречались. Сходились вместе супруги Домбаи, Кара, а также Шалго. Спорили о политике, но Кальмаи в их споры ие вмешивался. Прислушнвался он к иим только, когда кто-ннбудь из спорщнков заявлял, что американцы и аиглнчаие усиленно засылают в Венгрию своих агентов.

— Им это иетрудно,— говорил обычно Кара,— у нних еще до войиы была здесь шнрокая агентурная сеть.

— А если вы узиаете о ком-то, что он до войиы был агеитом англнчан, что вы с иим сделаете? — спроснл как-то Кальмаи с рассеяииым видом.

— Посадим.

— Даже в том случае, если ои ничего для них не сделал?

— Такого не бывает,— возразил Кара.— Факты говорят о том, что, пока аиглнчане и амерниканцы вместе с иами сражались против фашистов, их разведки уже насаждали у нас свою агентуру для работы против Советского Союза; больше того, в последние месяцы войны онн откровенио сотрудничали с гестапо. Некоторые из нх агентов выдавалн коммуиистов эсэсовцам.

— Такие, как, например, мой дядя? — переспросил Кальман.

— Точио. Такне, как твой дядя.

— А вы не знаете, что сталось с ним?

— Говорят, погиб в Берлине,— сказал Кара.

— Вместе со Шликкеиом,— добавнл Шалго, до снх пор молчавший.

Несколько дней спустя Кальмаи встретился с Шалго. С севера дул холодный, пронзительный ветер. Кальмаи возвращался с вечерней прогулки по набережиой Дуиая. Ветер освежал, и он чувствовал себя бодрее.

— Послушайте, Шалго, почему вы до сих пор не выдали меия и не рассказали, что в конце концов я ведь тоже агеит англичаи?

— Потому что вы, Кальман, не агент. Вы окончили курсы английской разведки, но не для того, чтобы шпиоиить и бороться против народной демократии.

— Что же вы мие советуете? Сказать об этом Каре?

Шалго остановился, поставил ногу на чугунную решетку и, тяжело дыша от натуги, завязал шнурок. За последние месяцы он сильно располнел.

— Видите ли, Борши,— начал он,— если хотите послушаться моего совета, Каре об этом не говорите. И я объясню вам почему. Ваша откровенность причинила бы ему только лишние заботы: он любит вас, верит вам, но он не вправе один решать вашу судьбу. Для этого его власти недостаточно. А те, кому он подчиняется, не поверят ни одному вашему слову.

Итак, Кальман молчал. Объяснение Шалго показалось ему логичным, тем более что он чувствовал себя чистым, незапятнанным, так как не совершил никаких прегрешений против республики.

Через несколько дней Кальмана Борши неожиданно вызвали на проспект Андраши, 60. Сперва его принял молодой следователь, а спустя некоторое время пришел еще один — пожилой, худощавый, усатый. Положение Кальмана было не из легких. А поскольку он вынужден был умалчивать о многом из своего прошлого, показания его выглядели неполными, местами противоречивыми, и он чувствовал сам, что следователи не верят ему.

По улице шли демонстранты, и в окно долетали слова «Интернационала»: «Вставай, проклятьем заклейменный...» Когда песня смолкла вдали, усатый спросил:

— Почему вы не вступили в коммунистическую партию?

— А почему я должен был в нее вступить? Ведь я никогда не считал себя коммунистом.

— Но все ваши друзья коммунисты: и Шандор Домбаи, и Эрнё Кара... и покойная невеста...

— А я вот не коммунист!

— Да, конечно,— согласился усатый.— Вот вы говорите, что товарищ Калди умерла у вас на руках.

— Да, ее убили,— сказал Кальман.— Лейтенант Бонер и майор Шликкен убили ее.

— Но кто ее выдал немцам? — Усатый следователь закурил сигарету.— И почему вас посадили в одну камеру с ней? Это довольно необычно.

— Возможно, что необычно. Ответ на этот вопрос вам мог бы дать Шликкен. Может быть, он хотел предоставить мне возможность проститься с Марианной.

Молодой следователь презрнтельно усмехнулся.

— Вот уж не знал, что гестаповцы были такнмн гуманными.

— Больше я ннчего не могу сказать.— Кальман становился все более раздражительным, но старался сдержнвать себя н не лезть на рожон.

— Ну и, наконец, эта нстория с побегом,— сказал усатый.— Странно, что вам так легко удалось бежать из гестапо.— Он взглянул на своего молодого коллегу.

— Удавалось это н другим,— возразнл Кальман.

— Да,— согласился усатый.— Однако непонятно, почему товарищ Калди не сказала вам в камере, кто же ее все-таки предал.

Кальман мог бы, конечно, прнзнаться сейчас, что одной нз предательниц была Илона Хорват, но назови он Илонку, та, в свою очередь, покажет, что и он, Кальман Боршн, небезгрешен.

— Я думаю, что моя невеста и сама не знала этого. Или вы подозреваете в предательстве меня?

— Мы просто хотелн бы поймать предателя,— уклончнво ответнл усатый.

— И я тоже,— сказал Кальман, а сам подумал, с какнм бы удовольствием дал он по физиономин этому молодому, презрительно ухмылявшемуся следователю.

— Вы, конечно, не знали и того, что ваш дядя английский агент?

— Не знал. Ничего другого сказать не могу. Прошу вас справиться у полковнnка Семенова Ивана Васнльевнча. Он вам может сказать, был ли я предателем...

— У кого нам справляться — это уж предоставьте решать нам,— возразил молодой и зашептался с усатым.

Кальмана задело за жнвое высокомерие следователя. Его так и подмывало спросить, где тот был сам и чем занимался во время немецкой оккупацнн, но он не решился, поннмая, что, кроме новых непрнятностей, это ннчего ему не даст.

— Тогда я попрошу вас спросить у подполковнnка товарища Кары.

Но молодой следователь сделал такое движенне рукой и состронл такую кнслую мину, что истолковать

это можно было примерно так: «Нашли на кого ссылаться...»

— А вот когда вас арестовали немцы,— продолжал усатый,— сколько всего заключенных было в подвале?

— Не знаю.

— Но, по-видимому, вас было несколько человек?

— Возможно.

— А когда вы бежали из подвала вместе с тем хортистским контрразведчиком...

— С Шалго,— вставил Кальман.

— Не перебивайте, я сам знаю, что его фамилия Шалго,— строго взглянул на Кальмана следователь.— Почему вы не освободили остальных узников?

Вопрос следователя был весьма логичен.

— Не знаю,— сказал Кальман.— О них я в тот момент не думал.

— Это похоже на таких, как вы,— заметил усатый.

Кальмана оскорбили слова следователя. Ничего не ответив, он отвернулся к окну.

— Где ваш дядя?

— Не знаю. Слышал, что он погиб.

— От кого слышали?

— Мне сказал об этом товарищ Кара.

Домой Кальман возвращался в подавленном настроении.

II

Нет, разговор с Домбаи не мог успокоить Кальмана. Чтобы забыть о неприятностях, он с еще большей энергией принялся за учебу. Но и учеба не помогла ему: неприятности последних месяцев не оставляли его в покое, и многое из того, что происходило вокруг, ему не нравилось. Глубокой осенью по городу пронесся слух: политической полиции удалось раскрыть крупный заговор. Слух распространился с быстротой пожара. Дошел он и до Кальмана.

Подпольная ставка... военные приказы... много арестованных... Наступили тревожные дни. Каждый вечер Кальман засыпал с одной мыслью: ночью придут и за ним. Хоть вовсе не ложись! Все равно всю ночь будут мучить глупые, тревожные сны. Беспокойство его еще больше возросло, когда ему сказали, что

Домбаи из ЦК перевели на другую работу. Однако Кальмана на этот раз не тронули. А в конце зимы ему стало известно, что из города исчез Оскар Шалго. Поначалу Кальман подумал, что его попросту арестовали. Однако позднее он узнал, что Шалго сбежал на Запад.

И снова Кальмана вызвали к следователю. Что вы знаете о Шалго? Где познакомились? Что вам известно о его связях? Сколько раз вы встречались с Шалго после сорок пятого года и о чем с ним говорили?

На все эти вопросы Кальман отвечал осторожно. Инстинктивно он чувствовал, что не должен защищать Шалго, и рассказал все, что знал о нем, разумеется, выпустив подробности, которые могли повредить ему самому.

Про себя он очень удивился, когда следователь заявил ему, что Марианну и других коммунистов выдал немцам Оскар Шалго, но вслух своих соображений и сомнений не высказал. И с радостью принял к сведению сообщение, что дело его отныне считается прекращенным, больше он политическую полицию не интересует. Так что на улицу он вышел успокоенный, с облегченным сердцем.

Кальман продолжал учиться и очень редко виделся со своими старыми друзьями. Домбаи перевели на периферию, а Кара уехал на учебу в Советский Союз. В Будапеште у Кальмана остался один-единственный друг — профессор Калди. Профессор уже не преподавал в университете и жил уединенно в своей вилле на Розовом холме. Эту виллу он получил уже от государства. Ни в одну из партий он так и не вступил. В деньгах не нуждался, так как хорошо зарабатывал, публикуя свои научные труды. Кальман навещал его примерно раз в месяц, и тогда их дискуссии затягивались глубоко за полночь.

Осенью сорок девятого года — к этому времени он уже закончил пятый курс — как-то поутру его вызвали в деканат. Спросили, знает ли он Эрнё Кару, а когда Кальман подтвердил, что знает, его забрали. Три дня длился допрос. Допытывались: что он знает о Каре? Только хорошее. Но хорошее не интересо-

вало следователей. Знал ли, что Кара помог бежать Шалго? Не знал. Он ничего не знал. И словно автомат повторял: Кара честнейший на свете человек. Кара чистый человек. Кара настоящий коммунист. В конце концов его послали к черту и велели убираться.

Домбан допрашивали дольше, но и его отпустили на свободу.

Арест Эрнё Кары и его осуждение будто обухом по голове ударили Кальмана. Во всем этом он видел лишь подтверждение правильности своего аполитичного поведения. Теперь он попросту бежал прочь от всякой политики, газет и журналов не читал, только научные труды. Впрочем, Шандор тоже сделался немногословным. Поступил учиться на вечерний факультет Политехнического института, а Кальман тем временем стал научным сотрудником одного исследовательского института.

III

Эрнё Кара вышел из тюрьмы осенью пятьдесят четвертого года. Узнав об этом, Кальман немедленно позвонил Домбан, и они вместе поехали к своему старому другу. Кара очень похудел и стал немногословен.

Когда Домбан, не удержавшись, принялся ругать некоторых руководителей партии, Кара остановил его.

— Все это правильно, но какой толк от твоей ругани? Очень скоро все станет на свои места.

Он поблагодарил друзей за то, что в свое время они не дали против него никаких показаний.

— Это очень честно с вашей стороны, ребята. Вы и понятия не имеете, насколько мне это было приятно и что́ это значило для меня.— Узнав, что Шани учится в институте, Кара очень обрадовался.

Затем они остались вдвоем с Кальманом: Домбан нужно было в институт.

Эрнё обнял Кальмана.

— Ты не представляешь, Кальман, как я рад за тебя. Я вижу, ты на правильном пути. Женился?

— Боюсь, что я уже никогда не женюсь.

— Не интересуют женщины?

— В какой-то мере интересуют, но до сих пор я не встретил ни одной, которая заставила бы меня забыть Марианну.

Кальман действительно ни в кого не был влюблен. Зато в дни мятежа пятьдесят шестого года, к своему ужасу, он заметил, что в него влюбилась... Юдит Форбат, племянница профессора Калди, которой к этому времени исполнилось шестнадцать.

Когда в городе начались бои, Кальман тотчас же поспешил в дом Калди. Старый профессор очень обрадовался его приходу, а Юдит еще больше. Форбаты были в это время в Париже, куда они уехали еще до начала мятежа. Форбат устраивал выставку своих картин в одном из парижских салонов.

Юдит росла хорошенькой, рано созревшей как физически, так и духовно девушкой. Форбаты воспитывали ее в духе полной свободы, и она была посвящена во все тайны жизни. Дядя же обращался с ней как с равной. Калди, как когда-то и Марианне, привил Юдит любовь к литературе и изобразительному искусству. По утрам в воскресные дни она часто ходила с Кальманом на выставки. Кальман чувствовал, что Юдит привязана к нему, однако не думал о чем-либо серьезном и считал, что привязанность эта чисто родственная. Однако в этот день, войдя в ее комнату и увидев, как Юдит, словно обезумев, бросилась к нему на шею, обняла и принялась целовать, он перепугался. Сжал ее голову в ладонях и изумленно уставился на нее.

За окнами громыхал бой: автоматные очереди рвали на куски покрывало тишины, дребезжали стекла.

— Что с тобой, Юдит?

Девушка ничего не ответила. Видя изумление на лице Кальмана, она опустила голову, повернулась и молча вышла из комнаты.

Шли дни. Кальман становился все нервознее, потому что из города приходили слухи одни страшнее другого. Телефон не работал, поэтому Кальман не знал, что с друзьями, и он со все возраставшим беспокойством думал о Домбаи и Каре. Услышав от одного из соседей, что в городе ловят и вешают коммунистов, Кальман уже буквально не находил себе места.

Однажды во время обеда он сказал Калди:

— Господин профессор, мне нужно в Пешт.

— А что ты собираешься там делать? — Сухонького, напоминавшего сказочного гнома профессора, когда он склонялся к тарелке с супом, почти не было видно из-за стола.— Навести порядок? Думаю, там в тебе не нуждаются.

— Я должен узнать, что с Домбаи. Он мой друг.

— Ну что ж, поезжай, но будь осторожен.

— Я с тобой! — тоном, не терпящим возражений, заявила Юдит и встала из-за стола.

— Ладно,— согласился Кальман.

По городу шлялись вооруженные парни, всем своим видом давая понять прохожим, какие они сильные, непобедимые. У каждого на рукаве красовалась трехцветная повязка.

Дома у Домбаи встревоженная Маргит пожаловалась Кальману, что Шандор отказался прятаться, а между тем вчера утром уже приходили какие-то вооруженные люди, чтобы забрать его.

— Вооруженные? — переспросил Кальман и бросил взгляд на Юдит, спокойно сидевшую у окна и слушавшую их разговор.

Домбаи закусил губу.

— Давай выйдем на минутку в другую комнату,— сказал он Кальману и распахнул перед ним дверь.— А ты, Маргит, понапрасну не волнуйся. В доме ведь никто не знает, что я вернулся. Если придут и будут спрашивать меня, скажи — нет дома.

Закрыв дверь, Домбаи продолжил разговор:

— Не сердись на меня. Знаешь, в школу на улице Мальна согнали десятка полтора коммунистов. Говорят, завтра, а может быть, и сегодня ночью, их повезут в пересыльную тюрьму.

— Вот и скажи судьбе спасибо, что среди них нет тебя.

— Но там сидят мои друзья!

— Где эта улица Мальна? — задумчиво спросил Кальман.

— В районе Зугло. В школе свил свое змеиное гнездо какой-то помешанный граф. Говорят, он совсем недавно вышел из тюрьмы. Был осужден в сорок пятом как военный преступник. А теперь набрал человек тридцать всяких подонков и держит в страхе всю округу.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил Кальман.

— Сам разведал.

Домбаи рассказал, что, как только двадцать третьего октября вспыхнул мятеж, он бросился в Союз партизан. Оттуда их направили в министерство внутренних дел. Там он встретил Кару. В министерстве им сообщили о зверствах банды Янковича; оказалось, что Кара, так сказать, лично знаком с этим сумасшедшим графом: они с ним вместе сидели в тюрьме в Ваце.

Министерство внутренних дел дало указание районному отделу полиции разоружить банду, но начальник полиции это указание выполнить отказался, заявив, что «группа Янковича» — оперативный отряд «национальной гвардии».

— Тогда Эриё,— продолжал Домбаи,— назначенный командиром одного из отрядов по борьбе с мятежниками, приказал мне собрать все сведения об этой банде. Ну, задание-то я выполнил, но, когда сегодня утром позвонил в наш штаб на площади Рузвельта, мне ответили, что Кары с отрядом уже нет там. Оказывается, они перебрались куда-то в другое место, а здание МВД заняли «национал-гвардейцы».

Быстрым шагом Кальман, Юдит и Домбаи направились в сторону проспекта Ракоци. Они старались идти переулками, избегая скопления людей. На рукаве у Домбаи была трехцветная повязка, на шее висел автомат.

На углу проспекта Ракоци и улицы Лютера дорогу им преградила большая толпа. Какой-то бородатый толстяк, взобравшись на телегу, не то произносил речь, не то читал манифест. Вокруг повозки толпилось несколько сот человек — они аплодировали, кричали «ура», но Кальман и Домбаи заметили, что в толпе были и такие, которые насмешливо кривили рот. Кальман и его спутники остановились в стороне. Как они ни вслушивались в речь оратора, им удалось разобрать только отдельные слова. Домбаи все время нервно поправлял висевший у него на шее автомат, и Кальману казалось, что охотнее всего Шандор выпустил бы сейчас очередь в этого разоравшегося бородача. Кальман взглядом дал понять другу: спокойнее, мол! Оглядевшись, он заметил на противоположной стороне проспекта черный «джип», на ра-

диаторе и борту которого торчало по английскому флажку. На крыше автомашины стоял мужчина с кинокамерой и вел съемку. Лица кинорепортера за камерой не было видно, но по его движениям можно было предположить, что это совсем еще молодой человек. Он был без головного убора, а на спине его тоже виднелся нашитый на плащ «болонья» английский флаг — вероятно, для того, чтобы люди издали видели: идет английский подданный. Кальман тронул Домбаи за плечо и дал знак следовать за ним. Они выбрались из толпы и перешли на противоположную сторону проспекта Ракоци. У какого-то подъезда, метрах в десяти от автомашины, друзья остановились. Кальман закурил сигарету и заглянул в дверь. Затем вошел в парадное и внимательно осмотрелся. Подъезд оказался непроходным. Одна створка дверей была подперта большим камнем.

Домбаи с любопытством поглядывал на своего погруженного в раздумье друга.

— Шани, а ну-ка отпихни этот камень в сторону,— сказал он Домбаи.

Домбаи повиновался.

— Закроется?

— Без труда,— ответил Домбаи и толкнул створку двери. Кальман подошел к друзьям.

— Шани,— сказал он,— встань с автоматом напротив лестницы, а ты, Юдит, стой у двери.

— Что ты собираешься делать? — спросил Домбаи.

— Сейчас нет времени объяснять. Когда я войду с этим кинорепортером в подъезд, ты никого из спускающихся по лестнице не пропускай. Понял? — Домбаи кивнул.— Ты же, Юдит, как только мы войдем, тотчас захлопни дверь и запри ее на задвижку. Поняла?

— Поняла,— подтвердила девушка.

— Ну, тогда по местам!

Он подождал, пока друзья займут «позиции», а затем с беспечным видом вышел из подъезда и зашагал к английской автомашине. Толпа по-прежнему горланила «ура» и била в ладоши. Кинорепортер отнял от глаз камеру и удовлетворенно улыбнулся.

Кальман остановился подле машины, дотянулся до крыши «джипа» и подергал парня за ногу. Тот посмотрел вниз. Кальман сделал ему знак, чтобы он



наклонился к нему. Англичанин кивнул Кальману, подал ему кинокамеру и сам спрыгнул на тротуар.

— Я — Гарри Кэмпбел из Лондона,— сказал Кальман по-английски с отличным лондонским произношением.— Мы уже все подготовили, сейчас отправляемся.

— Уистон.— Молодой человек протянул ему руку, и было видно, что он нисколько не сомневается в английском происхождении Кальмана — ведь тот говорил по-английски, как прирожденный лондонец.— Кинорепортер. А куда мы должны ехать?

Кальман с притворным удивлением уставился на репортера.

— Я — Кэмпбел,— снова повторил он таким тоном, словно в этом имени заключался какой-то особый смысл.

— Я разобрал, как вас зовут, сэр, но никак не возьму в толк, куда нам нужно ехать?

— Простите, разве не вас прислали снимать сцены «народных расправ»? Тогда я ничего не понимаю.— Он посмотрел на часы, однако от его взгляда не ускользнуло, как жадно засверкали глаза репортера.

— О каких расправах вы говорите, сэр? — спросил англичанин, и в его голосе прозвучали интерес и волнение жадного до сенсаций репортера.

— Не понимаю,— пробормотал Кальман и посмотрел в сторону Большого кольца.— Через две минуты начинается операция. Куда же, черт побери, провалились эти киношники?

— Да скажите же вы наконец, в чем дело, сэр!

Кальман, по-прежнему поглядывая на Большое кольцо, равнодушным тоном ответил:

— Мы тут выследили одного скрывающегося главаря венгерских чекистов. Сейчас его поймают. У меня есть разрешение заснять на пленку эту сенсационную операцию, а кинооператоры почему-то не приехали. Ну разве не обидно? Патриоты незаметно уже и дом этот заняли. Вот незадача, черт побери!

— Да что вы! — взволнованно воскликнул Уистон.— А я здесь на что? Какая разница, кто будет ручку крутить? Пошли, Кэмпбел. В каком вы доме расположились?

Кальман нерешнтельно посмотрел на репортера, пожал плечамн н взглядом показал в сторону подъезда.

— Погодите, Унстон,— сказал он тнхо.— Не нужно привлекать к себе вннмание. Этот сброд ничего не должен заметнть, а то можно нспортить операцию. Пошли. Машину не будете запнрать?

— Зачем? Нас охраняет наша популярность!

— Тогда по крайней мере захватнте с собой ключ зажигання.

— Вы правы, сэр.— Он вынул ключ н сунул его в карман плаща.

Они подошлн к подъезду.

— Идите вперед,— сказал Кальман.

Уистон вошел в парадное. Когда у лестнннцы он увидел рослую фигуру вооруженного автоматом Домбаи с трехцветной повязкой на рукаве, то улыбнулся и одобрнтельно заметнл:

— Отличная работа, Кэмпбел.

— Стараемся,— отозвался Кальман, входя вслед за англичаннном в парадное.

Дверь с грохотом захлопнулась за ннмн...

Отряд графа насчнтывал трндцать пять человек. Самым молодым из ннх был двадцатнлетннй Фнцере. Самым старшнм — сорокавосьмилетннй Беня, «Шустрый». Надежность каждого нз ннх измерялась количеством проведенных в тюрьме лет.

Сейчас Фицере стоял часовым у дверн. На улице мороснл дождь, поэтому Фицере мерз н скучал. Их было пятеро, оставленных сторожнть арестованных. В подвале дома снделн пятнадцать захваченных мятежннками коммуннстов.

Вдруг нз-за угла выкатилась черная автомашнна н на большой скоростн направнлась прямнком к зданию школы. Фицере сразу же разглядел иностранный номер н англнйскнй флажок над раднатором, н его охватило необычайное волненне.

Черный «джнп» притормознл и остановнлся. Фнцере вытянулся в струнку, придал лицу серьезное выраженне н попробовал вести себя небрежно и высокомерно, как, по его мненню, подобало истнnному «борцу за свободу». В автомашнне снделн трое: двое

мужчин и одна смазливая девчонка. Приехавшие выбрались из машины. В руках у одного из них была кинокамера; на спине, на плаще «болонья», нашит английский флаг.

— Хелло,— сказал англичанин. Он и еще что-то сказал, но этого Фицере уже понять был не в силах.

Второй, венгр с автоматом, тоже, видать, лихой малый, такой же, наверно, как он, Фицере, только постарше и ростом чуть ли не на две головы выше. Ну, а уж девчонка!..

— Я — Борбанди,— сказал верзила с автоматом.— Из штаба «национальной гвардии». Вызови-ка сюда господина графа. Скажи ему, что прибыл мистер Уистон из Лондона, главный редактор английского телевидения.— Повернувшись к девчонке, верзила попросил: — Объясните, пожалуйста, господину Уистону, о чем мы тут толкуем.

— Господина графа сейчас нет, только его заместитель, капитан Хельчик.

— А где же граф Янкович?

— На операции в «Мариа-Ностра».— Фицере внимательно оглядел Юдит, старательно переводившую на английский язык их разговор с Домбаи.— Спросите,— сказал он девушке,— не найдется ли у него английского курева? Если угостит, не откажусь.

Юдит, улыбнувшись, перевела. Кальман расхохотался, открыл машину и из большой коробки вынул пачку сигарет.

— Держи! — крикнул он и швырнул пачку часовому.

— О'кей,— поблагодарил Фицере, осклабившись, и подхватил сигареты на лету.

Он уже хотел направиться в дом, но в этот момент в дверях показался тощий блондинчик — поэт-парикмахер Хельчик в капитанской форме и с приветливой улыбкой на бледном лице.

Хельчик представился, осмотрел машину, Кальмана, Домбаи и, наконец, особенно пристально девушку.

Домбаи сказал «капитану», что мистер Уистон попросил командование «национальной гвардии» предоставить ему возможность заснять на пленку самую боевую группу гвардейцев, чтобы потом познакомить с подвигами лучших венгерских патриотов милли-

оиы аиглийских телезрителей. Пока Юдит переводила Кальмаиу слова Домбаи иа аиглийский, Хельчик все время разглядывал ее.

— Комаидоваиие гвардии решило,— продолжал Домбаи,— что отряд Яиковича больше всех заслуживает чести быть засиятым иа плеику.

— Что ж, все правильио,— подтвердил Хельчик.— Одиако пойдемте в штаб, там куда приятиее разговаривать.

Тем времеием Фицере созвал и остальиых члеиов отряда. Хельчик стал представлять их.

— Виктор Балмуда — сидел восемь лет, Чаба Чомош — шесть лет, Яиош Тумург — три с половииой года, Пети Фицере — иу, этот у нас еще зелеиый, сидел только одии год.

На столе появилось виио.

Кальмаи сказал что-то по-аиглийски. Юдит перевела.

— Господии Уистои хотел бы угостить вас иастоящим шотлаидским виски. Ои просит господииа майора прииести из машииы иесколько бутылок.

Домбаи, кивиув, вышел и вскоре вериулся с четырьмя бутылками. Наполиили бокалы, выпили. Кальмаи говорил тихо, с достоииством.

— Господии Уистои,— переводила Юдит,— говорит, что ои очеиь счастлив личио побеседовать с легеидарными борцами графа и иадеется, что за время своего пребываиия в Будапеште еще будет иметь возможиость встретиться с иим. Господии Уистои считает, что вы удивительиые борцы. Ваши героические подвиги ие имеют себе равиых...

Вдруг Домбаи вскочил, перебив «переводчицу»:

— Черт побери, я, видио, чем-то испортил себе желудок.

— Этого, девушка, ие переводите! — воскликиул Хельчик, и все расхохотались.

— Ребята, а где здесь сортир? — спросил Домбаи.

— В коице коридора,— сказал Фицере.

Домбаи исчез, а Кальмаи прииялся говорить с еще большим жаром, одиовремеиио иакачивая «борцов» виски. Юдит переводила:

— Вы, господа, пейте, пейте. А я тем времеием иакручу пару сцеиок. Назову их: «В перерыве между боями». Только попрошу вас, ребята, ведите себя как

можно естественнее, разговаривайте непринужденно, как будто нас здесь и нет вовсе.

Он встал, замерил расстояние и начал «работать».

— А нам нельзя будет посмотреть ваши снимки? — спросил Хельчик.

— Разумеется,— улыбнувшись, перевела ответ Кальмана Юдит.— А сейчас, пожалуйста, сядьте поближе друг к другу: господин Уистон хочет сделать групповой снимок... Командир — в центре.

Минут через пятнадцать снова появился Домбаи, на ходу одергивая плащ.

— Черт бы побрал проклятый желудок. Наследие фронта,— пояснил он. Он пил, чокался со всеми и даже произнес тост. «Борцы» Хельчика были веселы и предупредительны.

— Барышня,— повернувшись к Юдит, попросил перевести Домбаи,— скажите, пожалуйста, господину Уистону, что в полпервого нам нужно быть у господина замминистра.

Кальман взглянул на часы и кивнул.

Машина медленно тронулась. «Борцы» Хельчика горделиво стояли в подъезде и махали вслед удаляющемуся «джипу».

Лишь полчаса спустя они были неприятно поражены, не найдя в подвале ни одного арестованного.

IV

— Хорошо долетели? — спросил полковник Олдиес, жестом приглашая Бостона садиться.

— Спасибо, сэр. Долетели хорошо, только над каналом машину немного поболтало.— Он вглядывался в усталое, иссеченное морщинами лицо полковника и думал, почему его досрочно вызвали из отпуска.

— Скажите, Бостон, говорил я когда-нибудь вам о деле Кальмана Борши?

— Нет, сэр.

Полковник оперся рукой на лежавшую на столе папку.

— Как только мы закончим наш разговор, внимательнейшим образом изучите дело. Обе папки — вот эту и есть еще одна — досье на Отто Дюрфильгера. А теперь слушайте внимательно. Значит, Кальман Борши — секретный сотрудник «Интеллидженс сер-

вис». В пятьдесят первом году ои с отличием окоичил Будапештский политехиический иистигут и поступил в аспираитуру. В пятьдесят восьмом стал каидидатом техиических иаук и был иазиачеи руководителем опытиой лаборатории иа заводе электроизмерительиых приборов. Последиие два года ои иаучиый сотрудиик Объедииеииого иистигута ядериых исследоваиий в Дубие. По самым свежим даииым, в мае этого года собирается защитить докторскую диссертацию, а иа июль иаметил свою свадьбу.— Полковиик помахал рукой перед лицом, отгоияя дым.— И еще одиа иитересиая деталь для полиоты портрета: его лучший друг Шаидор Домбаи — майор веигерского мииистерства виутреииих дел.

Сейчас Борши вот уже целую иеделю иаходится в Веие иа коифереиции физиков-атомиков. Сегодия оии закаичивают свою работу и, по-видимому, послезавтра, то есть двеиадцатого марта, отправятся к себе домой, в Веигрию.

— Ясио, сэр.

— Отличио, Бостои.— Открыв папку, полковиик полистал дело, выиул из иего одио доиесеиие и, протяиув майору Бостоиу, сказал: — Вот, прочитайте. Сегодияшиее утреииее доиесеиие от Висконти.

Майор погасил сигарету, поправил очки и прииялся читать.

«Майор Клод Рельнат вчера утром неожиданно прибыл в Вену. С 9.30 до 12.30 вел переговоры с Отто Дюрфильгером. Мне стало известно, что в Будапеште на заводе электроизмерительных приборов на основе советской документации ведется опытное изготовление весьма важной в военном отношении аппаратуры. На прошлой неделе Дюрфильгер трижды ужинал с Кальманом Борши, одним из членов венгерской делегации. Донесение об этом изобретении находится уже в сейфе Дюрфильгера. Прошу личной встречи.

Висконти.»

Майор сиял очки, протер их кусочком замши.

— Очеиь иитересио, сэр,— проговорил ои, возвращая доиесеиие полковиику.— Жду ваших распоряжеиий.

Полковиик посмотрел иа часы.

— Сейчас пять минут двенадцатого. Сколько времени вам понадобится на изучение материала?

— Одного часа вполне достаточно, сэр. Я читаю быстро.

— Очень хорошо, Бостон. Возьмите с собой Монти и вечером отправляйтесь в Вену. Я выеду вслед за вами утром. Но мы еще поговорим перед вашим отъездом.

Майор поудобнее уселся в кресле и принялся читать досье на Отто Дюрфильгера.

Первая часть документа содержала данные анкетного характера. Из нее Бостон узнал, что настоящая фамилия Дюрфильгера — Шалго. Родился в Будапеште, холост. Затем следовала подробная биография Дюрфильгера, содержавшая точные сведения о его карьере и заканчивавшаяся так: «Оскар Шалго 18 марта 1944 года был арестован гестапо. Однако несколько недель спустя бежал из-под стражи вместе с Кальманом Борши. (Борши с октября 1939 года является секретным сотрудником «Интеллидженс сервис». Учетно-архивный номер Х-00-17, кличка «Внук».) После побега они оба присоединились к вооруженной группе Сопротивления, возглавлявшейся Эриё Карой. Оскар Шалго установил связь с разведкой Красной Армии и передавал ей ценные сведения, полученные из нацистских и нилашистских штабов. После войны Кара взял его к себе на службу в военную контрразведку, где Шалго занимался организационными вопросами и подготовкой кадров. С его помощью было ликвидировано несколько американских и английских разведывательных групп. Весной 1946 года Шалго стало известно, что венгерская политическая полиция занялась им самим. Предвидя арест, 10 апреля того же года Шалго бежал на Запад. Прибыв в Вену, во французскую зону оккупации, Шалго попросил политического убежища. Два месяца он просидел в следственной камере, после чего был освобожден, получил французское гражданство и чин майора французской армии. Документы его составлены на имя Отто Дюрфильгера. Затем след его на время исчезает. Два года спустя он вынырнул в Бразилии в качестве представителя торговой фирмы «Сигма» в Рио-де-Жанейро. Здесь он занимался разведывательной деятельностью.

С 1960 года постоянно живет в Париже. Примерно год назад находился на излечении по поводу тромбофлебита. С мая 1962 года является представителем все той же фирмы «Сигма» в Вене. На самом же деле Шалго является сотрудником французской контрразведки и ведет работу по противодействию английской и американской разведкам. Характеристику смотри в приложении № 2».

Бостон положил досье на стол и принялся разглядывать фотографию Шалго. У него было такое чувство, что где-то он уже встречался с этим лысоватым человеком с синими глазами и добродушным лицом. Может быть, в Париже? Возможно. Во всяком случае, странный тип, подумал он и взял второе досье. В материалах на Кальмана Борши он не нашел ничего нового для себя.

Тучное тело Шалго словно расплылось в просторном кресле. На его лице нельзя было заметить признаков старости, оно было таким же гладким, без единой морщинки, как и много лет назад, только брови заметно поседели.

Майор Рельнат стоял возле окна и с неприязнью посматривал на толстяка.

— Когда же вы уезжаете, дорогой майор? — спросил Шалго и неуклюже зашевелился в кресле. Он взял с низенького столика коробку с сигарами, поставил ее себе на колени, выбрал одну сигару, помял ее — очень осторожно, чтобы не повредить, затем поднес к носу, понюхал; одновременно он пристально разглядывал из-под тяжелых век тощего, долговязого француза.

— Я вообще не еду,— ответил майор.— Сегодня ночью получено указание из Парижа. Центр запретил мою поездку.

Попыхивая сигарой, Шалго спросил:

— Что же, они решили вовсе не проводить операции?

Майор прошелся по комнате от окна до письменного стола.

— Операция не отменяется. Документы нужно достать, но я для этого в Будапешт не поеду. Вместо меня поедет кто-то другой. Центр считает, что документацию может достать и Доктор.

— Возможно. Хотя я еще не знаю его способностей. Но даже если он и заполучит документы, как он их переправит сюда? — Шалго с любопытством посмотрел на шефа, ожидая его ответа, но майор ничего не сказал.— Связь с посольством я нахожу опасной.

— Уж не считаете ли вы меня дураком, Дюрфильгер? — раздраженно бросил майор.

— Прошу прощения, господин майор. Вы излишне чувствительны.

— К Доктору мы пошлем курьера. Этот курьер и доставит нам добытый материал.

— Однако это означает, что курьер должен пробыть в Будапеште по меньшей мере три недели,— возразил Шалго.— Вы подумали о явочной квартире для него?

— Дюрфильгер, вы задумали любой ценой вывести меня из терпения? Неужели вы думаете, что я могу послать человека невесть куда?

— И кого же вы собираетесь отправить в Будапешт? — спросил Шалго, пропустив мимо ушей оскорбительный тон Рельната.

— Еще не знаю. Трудная задача. Ведь если курьер допустит хоть малейшую ошибку, он не только попадется сам, но и провалит Доктора. А того и вся эта документация, я полагаю, все же не стоит.

— Жаль, что едете не вы, майор,— с искренним сожалением проговорил Шалго.

— Что же я могу поделать? — Майор снова прошелся по комнате, постоял у окна, посмотрел на тихую улицу Моцарта.— Будьте добры, дайте мне материал.

Шалго тяжело поднялся с кресла, неторопливо прошлепал к стальному сейфу, где долго возился с шифром замка. Наконец дверца сейфа бесшумно распахнулась.

В этот самый момент в комнату вошла секретарша Шалго Анна — яркая блондинка с карими глазами. Легким шагом Анна приблизилась к столу и ловким движением поставила на него поднос с двумя чашками и кофейником.

Когда девушка закрыла за собой дверь, Рельнат еще раз пробежал донесение и возвратил его Шалго.

— Скажите, Дюрфильгер, а вы сами не хотели бы поехать в Будапешт?

Шалго с улыбкой окинул себя взглядом.

— С таким-то брюхом? Поехать, конечно, можно, но я боюсь, что очнусь уже только в пересыльной тюрьме. На вашем месте я послал бы туда кого-нибудь, кто знает язык и местную обстановку. Вам должно быть известно, что я знаком с одним из их руководителей, неким полковником Карой. Опасный противник. После войны был одним из руководителей венгерской военной контрразведки, несколько лет учился в Советском Союзе, а затем еще несколько лет отсидел в тюрьме. После подавления пресловутого мятежа вернулся на работу в министерство внутренних дел.

Рельнат усмехнулся.

— Запугиваете, дорогой Дюрфильгер? Так знайте — я не из пугливых. Допускаю, что ваш полковник действительно гениальный малый, но ведь и мы тоже кое-чему учились. А вообще, могу вас успокоить, что все необходимые меры я уже принял. Осталось только подобрать курьера.

— У вас уже есть определенная кандидатура?

— Есть, даже несколько. Но я все еще не решил, на ком остановиться.

— Можете располагать мною, майор, я всегда к вашим услугам.

Рельнат подчеркнуто учтиво поклонился.

Машина остановилась. Бостон, Монти и Анна подъехали к километровому столбу с цифрой пятьдесят.

— Поворачивать назад? — спросил лейтенант Монти.

Бостон кивнул. Но им пришлось немного подождать, потому что на автостраде царило оживление. Со второй попытки Монти все же удалось сделать разворот.

— Итак,— сказал Бостон, подводя итог,— Рельнат не едет в Будапешт, а посылает своего агента. Причины изменения первоначального плана мы не знаем. Рельнат хочет, чтобы ты, Анна, стала его любовницей. Ты соглашаешься и пытаешься выведать у него имя курьера и его задание. Если он предложит тебе поехать в Будапешт, ты соглашаешься. Ты убедилась в том, что донесение по данному делу находится в

сейфе Дюрфильгера. В сейфе Дюрфильгера лежит также архивный материал на агента по кличке «Доктор». Это очень важный материал. Значит, нам нужно обязательно проникнуть в сейф.

— Верно,— подтвердила Анна.— Но это не так просто сделать.

— Конечно, не просто,— согласился Бостон.— Однако мы справлялись с делами и потруднее.

— О, я забыла тебе сказать,— хотя это в общем и не относится к делу, но знать тебе об этом все-таки следует,— что сегодня утром Дюрфильгера посетил некий доктор Тибор Молнар. Он обменял у Шалго пятнадцать тысяч форинтов на двадцать пять тысяч шиллингов.

— Так высоко стоит курс форинта?

— Ну, что ты! — возразила Анна.— Обычно за сто форинтов платят пятьдесят — шестьдесят шиллингов. Это-то и интересно, что Дюрфильгер переплатил так много. Доктор Молнар дал ему расписку только на десять тысяч шиллингов.

— О, это и в самом деле интересно,— задумчиво повторил Бостон.

Сославшись на усталость, Кальман отказался принять участие в товарищеском ужине. Он простился с Акошем и всей его компанией и пошел прогуляться по бойкой Мариахильферштрассе, глазея на витрины, на публику и обдумывая по дороге, как ему получше истратить деньги.

Наконец Кальман остановился перед освещенной витриной книжного магазина. Сначала он поискал глазами книги по технике, но, не найдя ни одной, принялся рассматривать художественную литературу и альбомы по истории искусств, красовавшиеся на изящно оформленном стенде. На другом конце витрины он заметил большой альбом Браке́. На суперобложке книги был помещен натюрморт художника, исполненный в одной плоскости. Неожиданно он уронил взгляд на зеркальное отражение улицы в стекле витрины и тотчас же узнал стоявшего за его спиной мужчину в темно-синем плаще.

Нет, он не ошибся: это был тот же самый мужчина, который попросил у него в холле конференц-зала

прикурить. Вначале Кальман подумал, что это лишь случайное совпадение, однако мужчина все еще стоял у тумбы, изучая наклеенные на нее афиши. Это показалось ему уже странным. Кальман сделал движение головой, будто собираясь обернуться, на самом же деле продолжал следить за отражением улицы в витрине. И тут он ясно увидел, как человек в темно-синем плаще сначала было рванулся в сторону, а затем поспешно спрятался за тумбу. Кальман недоумевал: кто бы мог быть этот неизвестный и чего ему от него нужно? Вероятнее всего, предположил он, этот тип из австрийской полиции. Однако, поразмыслив, он тут же убедился в несостоятельности своего предположения. Почему, собственно, австрийской полиции вести за ним слежку? Кальман пожал плечами и отправился дальше, решив, что вернется сюда завтра утром и купит альбом Браке. На молодого же человека в синем плаще он решил вообще не обращать больше внимания: пускай себе, коли у него нет другого занятия, следит; ему, Кальману Борши, нечего скрывать. За все время своего пребывания в Вене он ни с кем, кроме Шалго, не встречался, да и эта встреча состоялась не по его инициативе, что он может без труда доказать, если такая необходимость возникнет. Просто Шалго, узнав, что он, Кальман, в Вене, сам навестил его в отеле.

Кальману не хотелось больше думать о неизвестном в синем плаще, но, как он ни силился, ему так и не удалось освободиться от мысли, что за ним следят. Вероятно, это и явилось причиной, что один раз он совершенно инстинктивно завернул в какую-то маленькую улочку.

Когда Кальман возвратился к себе в номер, он уже не сомневался, что за ним ведут слежку. Причем не один человек, а целая бригада из нескольких, часто сменяющих друг друга сыщиков. Понятно, что следить за ним особой трудности не представляло, потому что он и не пытался уйти от преследователей. Только один раз он подумал было, не скрыться ли, но тут же отбросил эту мысль. Вернувшись к себе в номер, он сразу же заметил, что его чемодан и платье за время его отсутствия подверглись тщательному осмотру. Это уже разозлило его. Но все же он сказал себе: не нужно нервничать по пустякам.

Зевота, сами собой закрывающиеся глаза упрямо напоминали об усталости. Он раздумывал, стóит ли ему идти ужинать, как вдруг затрезвонил телефон. Звонил Шалго. Он находился в холле отеля и выражал желание провести вместе вечер, и не только потому, что для него, Шалго, побыть с Кальманом — это праздник, но и потому, что он не знает, доведется ли им встретиться когда-нибудь еще.

— Хорошо,— согласился Кальман.— Через несколько минут я буду внизу. Но мы никуда не пойдем, поужинаем здесь, в ресторане, потому что я очень устал.

Десять минут спустя они уже сидели за столиком у окна.

Еще при первой встрече у Шалго Кальман спросил его, справедливы ли обвинения, которые были выдвинуты против него, Шалго, после его бегства из Венгрии. Шалго поспешил заверить Кальмана, что обвинения эти не соответствуют действительности. Правдой является только то, что он в свое время уже говорил Кальману, когда они вместе сидели в гестаповском застенке. С первого же дня перехода к русским он честно сотрудничал с ними. И бежал он из Венгрии только потому, что не хотел невиновным угодить в тюрьму,— иного выхода у него тогда не было.

Принесли ужин, и Кальман подумал, что его воспоминания чем-то похожи на пар, что плывет над их тарелками с яствами. Нет, он не хотел ничего вспоминать. Поэтому ужин прошел в молчании. К тому же Кальману и есть-то не хотелось. Единственно, что пришлось ему по вкусу, это рейнское.

Выпили по чашечке кофе. Потом закурили: Шалго — неизменную сигару, Кальман — сигарету.

— Не люблю я вспоминать,— словно объясняя свое молчание, сказал Кальман.

— Прошлое человека — его горб. Горб, Борши, от которого мы не можем избавиться по гроб жизни. Когда вы читали в последний раз венгерскую газету?

— Перед отъездом сюда.

— А я сегодня. Прочел один очень интересный репортаж. В нем, между прочим, шла речь о Марианне Калди.

— С вами эта газета?

— У меня дома. Мария Аган, врач,— впрочем, может быть, вы теперь уже и не помните ее,— дала корреспонденту газеты интервью. Вот видите, Борши, прошлое нежданно-негаданно для нас взяло да само постучалось в нашу дверь. Когда вы возвращаетесь домой?

— Во вторник утром,— ответил Кальман, а сам тщетно попытался воскресить в памяти, кто такая Мария Аган. Нет, он не помнил этого имени.— Скажите, Шалго, почему вы не хотите послушаться моего совета? Поверьте мне, сейчас вы могли бы возвратиться в Венгрию, не опасаясь ничего.

Толстяк ухмыльнулся.

— А что я стану там делать? — спросил он.— Я уже состарился, Борши. С тем, что я исковеркал себе жизнь, я уже смирился и сейчас только расплачиваюсь за грехи юности. По вечерам я делаю себе теплую ножную ванну и мечтаю. Но если вы мне докажете, что на кладбище в Ракошкерестуре или в Фаркашрете могильные черви будут точить меня с большей учтивостью, чем на каком-нибудь из погостов около Вены, клянусь, я возвращусь на родину.

— Не паясничайте, Шалго! Вы же отлично понимаете, что речь идет совсем не об этом.

— Так о чем же? Впрочем, не тщитесь, Борши, не утруждайте себя ответом,— неожиданно оживился толстяк.— Скажите, а вы с тех пор так больше ничего и не слышали о своем дяде?

— Знаю, что он научный сотрудник какого-то исследовательского института и живет в Лондоне,— ответил Кальман.— Да, слышал еще, что после пятьдесят шестого года раза два или три он приезжал в Будапешт.

Шалго закрыл глаза и откинулся назад.

— Вы знаете,— сказал он,— что смерти я не боюсь. И все же я хотел бы еще пожить, хотя бы ради того, чтобы еще раз повстречаться со Шликкеном. У меня такое предчувствие, что он жив, и оно-то, это предчувствие, не дает мне покоя.

Кальман снова закурил.

— Ваши слова заставляют меня задуматься кое о чем: вы знаете, за мной кто-то все время ведет слежку! Сегодня ходили по пятам несколько часов кряду. Перерыли в номере все мои вещи.

Вопреки обыкновению Шалго посмотрел на Кальмана, широко раскрыв глаза, отчего сделался удивительно похож на большого пухленького поросенка. Положив на стол сигару, он, взволнованный только что услышанным, наклонился вперед.

— Вы не шутите, Борши?

— Я говорю совершенно серьезно. Разумеется, мне не составило бы труда удрать от них, потому что делают они все это удивительно откровенно.

Шалго все больше овладевало беспокойство, и это не ускользнуло от внимания Кальмана. Осушив свой бокал с рейнским до дна, Шалго отер губы салфеткой и сказал:

— Борши, я не хотел бы, чтобы вы неправильно поняли меня, но я хочу задать вам один вопрос...

— Спрашивайте.

— Правильно ли я информирован, что вы работаете сейчас в лаборатории завода электроизмерительных приборов?

— Откуда у вас такие сведения?

— В Вену приезжает очень много людей из Венгрии,— возразил Шалго.— И много болтают. От одного из таких болтунов я и слышал это. Теперь другой вопрос: производят на вашем заводе такие приборы, которые могли бы заинтересовать, скажем... французов или англичан?

— Какие глупости вы спрашиваете, Шалго! Ну откуда я знаю, что́ их интересует? И вообще, вот уже много месяцев, как я не бываю на заводе. Я же говорил вам, что работал в Дубне. Но почему это вдруг так взволновало вас?

— А Домбаи и его люди знают, какого рода связи у вас в свое время были с англичанами?

— Не думаю, если, конечно, вы не рассказали им об этом.

— А почему бы вам по собственной инициативе не явиться к ним и не рассказать?

— Вы же сами в свое время посоветовали мне молчать об этом! А теперь, я думаю, и смысла нет ворошить прошлое. Столько там всяких требующих пояснения вещей, что я просто сомневаюсь, поверят ли мне после долгих лет молчания. Разве только один Шани поверит: он давно меня знает. А все остальные, кто мог бы доказать мою невиновность, ис-

чезли из Венгрии. Осталась одна Илонка, но ее показания были бы против меня, а не в мою пользу.

— А что сталось с Илонкой? — поинтересовался Шалго.

— Кажется, играет в театре «Модерн». В последний раз я видел ее в каком-то фильме. Слышал, вышла замуж. Муж у нее не то врач, не то инженер. Он-то и помог ей выпутаться из всех ее историй.

— А я считаю, что ее, собственно, и не за что было бы наказывать.

— Как это не за что? — воскликнул Кальман, и лицо его побагровело.— Марианну и меня, в конце концов, выдала она!

— Верно! Но зато сколько она после дала нам ценной информации! Или вы уже забыли об этом, Борши? Жизнь — очень сложная штука. Илонка работала на хортистскую контрразведку не из каких-то там политических убеждений, а просто потому, что я, Шалго, принудил ее к этому. Она была маленькая актриса. А вот я — настоящий виновник всего. Провалилась группа Марианны. До сего дня никому не известно, кто ее выдал. Может быть, еще коньячку выпьем?

— Нет, с меня хватит,— сказал Кальман и зевнул.— Иначе я не засну! — Он посмотрел на часы.— Да и поздно уже. Домбаи не хотите ничего передать?

— А что мне ему передавать? Впрочем, передайте привет.

— Может, мне все-таки поговорить с ним о вас? Спрошу, какие у вас шансы на возвращение домой!

— Нет, на родину я не вернусь,— отрезал Шалго.— По крайней мере в ближайшее время. А вот с вами перед вашим отъездом я хотел бы еще разок встретиться. Если, конечно, это вам не в тягость.

— Почему же? А что, если бы я сейчас проводил вас до дому, смогли бы вы дать мне ту статью?

— Охотно.

Молча они шагали по улице: Шалго — тяжело ступая, Кальман — своей легкой походкой.

Пока они шли, Шалго несколько раз оборачивался, наконец признался Кальману, что устал, и поднял руку, увидев такси.

Через десять минут они вышли из машины на улице Моцарта. Пока Шалго расплачивался, Кальман

рассматривал ультрасовременное здание фирмы «Д'Олрион», выставленные в ярко освещенных витринах счетно-электронные машины, разные приборы. Разумеется, он и не подозревал, что фирма «Д'Олрион» — только для видимости центральная контора компании по экспорту и импорту электротехнического оборудования. На самом деле она со всеми ее демонстрационными залами, лабораториями и сервисом была собственностью французского Второго бюро, и именно здесь находилась замаскированная под невинный секретарский диктофон рация, с помощью которой Шалго поддерживал прямую связь с Парижем. Для того чтобы связаться с Центром, ему достаточно было назвать в диктофон нужный номер, и в соседнем здании автоматически включалась линия связи. Таким образом, в помещении самой фирмы не было ни одного компрометирующего предмета, устройства или аппарата, если не считать сейфа, закрытого на замок с цифровым шифром. В этом сейфе он держал секретные документы Второго бюро, материалы по структуре эмигрантских организаций, сведения, которые можно было использовать для компрометации непокорной агентуры, и другую документацию, необходимую для деятельности подобного рода учреждений. Но всего этого не знала даже Анна, потому что Шалго весьма ревностно оберегал свой тайник от всех без исключения.

Стальной сейф Шалго отличался от других подобных шкафов не только тем, что был оборудован надежным замком, это был вообще уникальный экземпляр, секреты которого знал только он один. Так, например, в случае опасности достаточно было набрать на шифровом кольце сейфа номер 313, как в действие вступало устройство, создающее в сейфе такую температуру, что в течение нескольких мгновений его содержимое обращалось в пепел. Правда, до сих пор к этой мере предосторожности Шалго еще не приходилось прибегать.

Шалго собственным ключом открыл парадную дверь. Они поднялись на шестой этаж. На табличке, укрепленной на двери, стояло: «Отто Дюрфильгер, представитель торговой фирмы «Сигма».

Шалго пригласил Кальмана в кабинет, усадил в кресло и достал из небольшого бара коньяк. Ра-

зумеется, на сей раз ои не стал включать своего сигиальио-подслушивающего устройства, поскольку совсем ие хотел, чтобы их разговор был услышаи «там», в Цеитре.

— Эриё Кару,— иачал Шалго,— я всегда очеиь уважал. Несмотря иа то, что ои иеиавидит и презирает меия. Зиаю, ои иикак мие не может простить, что тогда, в сорок шестом, я бежал из Веигрии, вместо того чтобы отдать себя в руки следователей. Ваше здоровье, Борши.— Они чокиулись.

— Где статья? — спросил Кальмаи.— Оставим прошлое в покое.— Ои взглянул иа часы.— Уже поздио. Закажите мие такси, дайте статью, и я поехал. Я смертельио устал.

Шалго подиялся. Вразвалку прошел в спальню и иемиого погодя возвратился с газетой в руке.

— Вот оиа,— сказал Шалго.— Можете оставить ее себе. Скажите, а что везете вы в подарок своей иевесте?

— Пока еще иичего. Завтра отправлюсь покупать. Сегодия приглядел для иее хороший альбом Браке.

В этот момеит раздался звоиок за дверью.

— Мииутку,— сказал Шалго и подошел к письмеииому столу, секуиду постоял в раздумье, затем иажал сииюю киопку диктофоиа. Кальмаи иичего этого ие заметил. Ои тоже подиялся.

— Я вас провожу,— сказал Шалго.— Так мы еще увидимся?

Звоиок повторился. В дежурном помещеиии фирмы «Д'Олриои» служащий отложил кииту в сторону. А магиитофои записал иа плеику следующий разговор:

— Завтра вечером я позвоню вам. Сюда, пожалуйста... Сейчас... (Это голос майора Дюрфильгера, определил дежурный.) Ну, а если мы все же ие встретимся, Борши, желаю вам удачи!

— И я вам. И подумайте о возвращеиии домой. (Кто бы это мог быть? Насколько я поиимаю, говорят оии по-веигерски.)

— Кто там? (Это опять голос Дюрфильгера. Зиачит, он все еще ие открыл дверь.)

— Привратиица. Тут из полиции пришли. Желают видеть господиив Дюрфильгера.

Скрип открывающейся двери, шаги.

— Прошу вас. Добрый вечер. Я Дюрфнльгер.

(Пожалуй, нужно бы уведомить господина Дарре. А впрочем, еще успею.)

— Добрый вечер. Советник полнцин Гюнтер. Минуточку, а вы кто такой?

— Я Кальман Борши.

— Можно взглянуть на ваш паспорт?

Длинная пауза. (По-внднмому, советннк рассматривает паспорт. Я угадал. Борши — венгерская фамнлня. Чего же хочет этот Гюнтер от Дюрфнльгера?)

— Спасибо. Пожалуйста, возьмите ваш паспорт, господнн Боршн.

— Я могу идти?

— Сержант, вызовите лнфт.

(Ага, значит, Гюнтер не однн. Нет, все-таки нужно нзвестнть Дарре, решнл дежурный н позвоннл.)

— Спасибо. Я предпочнтаю ходнть пешком.

— Как вам будет угодно, господнн. Спокойной ночн.

— Пока, Кальман.

— До свндания, Оскар.

— Спокойной ночн.

(Почему Боршн называет Дюрфнльгера Оскаром? Ведь его зовут Отто?)

Шаги удаляются.

— Входнте.

Дверь закрывается. Снова шаги.

— Прошу вас, господин советник.

— Вот мое удостоверенне. Сударыня, прнсядьте.

— Как, я должна здесь оставаться?

— Да, сударыня. Мы ненадолго вас задержнм. Прошу нзвннить нас, господнн Дюрфнльгер, за беспокойство. Известен ли вам венгерский гражданин доктор Тнбор Молнар?

— Нет, не известен.

— Не может быть. Как показал арестованный Молнар, вчера утром он передал вам пятнадцать тысяч форннтов. Вы же, господин Дюрфильгер, дали ему взамен двадцать пять тысяч шиллингов. На десять тысяч шиллингов Молнар выдал вам расписку.

— Вы ошнбаетесь, сударь.

— Согласно показаниям доктора Молнара, н валюта в форннтах и квитанция находятся у вас.

— Я повторяю, господин советник, что вы ошибаетесь.

— У меня есть ордер на обыск.

— Я протестую.

— Пожалуйста, вот ордер на обыск.

— Кто разрешил обыск?

— Господин Пфейфер, районный прокурор. Прошу вас открыть сейф.

— Нет, сейф я не открою. Я хочу прежде сам поговорить с прокурором господином Пфейфером, тем более что я знаю господина прокурора лично.

— Я не могу вам разрешить этот разговор. Прошу вас, выполняйте приказ.

— Я отказываюсь вам подчиниться, господин советник. Домашний обыск в ночное время противоречит австрийской конституции.

— Вы правы, сударь, но органы государственной безопасности наделены особыми полномочиями.

— Я настаиваю на разговоре с прокурором господином Пфейфером.

Дежурный смотрел на магнитофон и раздумывал, как же ему поступить. Связываться с представителями органов австрийской госбезопасности он, вероятно, не может. А пока он раздумывал, Дюрфильгер уже перешел на французский:

— Дежурный!

Дежурный тотчас же узнал голос Дюрфильгера и действовал уже автоматически. Переключив аппарат на микрофон, он отозвался:

— Дежурный слушает.

Все находившиеся в комнате Шалго слышали чистый, без искажения, голос дежурного настолько отчетливо, что им даже показалось, не стоит ли он где-то совсем рядом, чуть ли не между этим вот лысым толстяком и господином советником. Однако поскольку французский язык знал один только советник Гюнтер, ни привратница, госпожа Хартман, ни двое полицейских ничего из этого разговора не поняли.

— Дежурный,— по-французски повторил Шалго, не спуская глаз с лица советника.— Полагаю, вы уже оцепили здание?

— Конечно, мосье. Сразу же по сигналу опасности я отдал необходимые распоряжения.

— Вам хорошо видно все, что здесь происходит?

— Да, мосье.
— Спасибо. Ждите сигнала.

Шалго выключил систему подслушивания и по-французски сказал советнику:

— Дом, как вы слышали, оцеплен. Отошлите, господин советник, ваших людей и привратницу.

Советник Гюнтер закурил сигарету. Он подошел к столу, опустил спичку в пепельницу, одновременно обшарив взглядом стол, на несколько мгновений задержался на кнопке диктофона, затем повернулся и сказал, обращаясь к полицейским:

— Сержант, можете идти. И вы тоже, сударыня. Благодарю за помощь.

Шалго проводил полицейских и привратницу и запер за ними дверь; возвратившись в кабинет, он остановился возле низкого шкафчика и предложил:

— Не хотите ли коньяку, господин советник?

— Очень любезно с вашей стороны, но не могу. На службе не употребляю.

Шалго кивнул и налил коньяку только себе.

— Если позволите, я выпью за ваше здоровье, дорогой Клайв Бостон.

Он опрокинул содержимое рюмки в рот, платком вытер губы, сел к столу и закурил сигарету.

— Как вы догадались, кто я? — спросил Бостон, все еще не оправившийся от изумления и лишь большим напряжением воли заставивший себя обрести спокойствие.

— О, это было совсем нетрудно,— заверил его Шалго.— Как-нибудь я открою вам секрет. А пока скажите мне, Бостон, как же вы представляли себе данную операцию? Неужели вы всерьез думали, что я распахну перед вами сейф, если там в самом деле находятся хоть какие-то компрометирующие меня материалы? Ведь шифр к замку знаю один только я. Представим себе, что я испугался, не заметил вашего милого обмана, поверил, что вы действительно советник Гюнтер, и назвал бы вам цифры шифра. Откуда у вас гарантия, что это были бы правильные цифры? Вы набираете названные мною цифры — и вас ударяет током.— Он явно наслаждался замешательством английского майора.— А о том вы, милейший, не подумали, выйдете ли вы вообще отсюда живым? Здесь же следят за каждым вашим движе-

нием. Не я — другие! И стоит вам сделать какой-либо угрожающий или подозрительный жест, как вам конец, мой дорогой! Нет, я определенно разочаровался в вас, милый Бостон. Очень разочаровался...

— Вы все еще не сказали мне, как вы догадались, кто я.

Шалго усмехнулся.

— Вы слишком любопытны, дорогой. Для начала должен предупредить вас: во-первых, как только докурите сигарету, бросьте ее на пол и не шевелитесь. Не вздумайте даже случайно сунуть руку в карман. Вставать будете только по моему разрешению.

— Что вы от меня хотите? — спросил Бостон, окончательно растерявшись.

— Это вы организовали слежку за Кальманом Борши?

— Я.

— Так я и думал. Почему же вас интересует Кальман Борши?

Бостон затянулся, роняя пепел на пол. Несколько мгновений он лихорадочно обдумывал, как бы получше соврать. Наконец сказал:

— Мы получили сообщение из Будапешта, что Кальман Борши — агент венгерской разведки.

— Но ведь Борши с тридцать девятого года находится у вас на службе!

— Теоретически да. Но мы точно знаем, что он перешел в противоположный лагерь. Только в результате этого он и попал в Дубну.

— А откуда вам это известно? — спросил Шалго, и только теперь ему многое стало понятно в поведении Кальмана.

— Вы же отлично информированы. Так неужели вы не слышали о «деле Уистона»? Во время восстания он открыто сражался против нас. Тогда-то он и примкнул к противоположному лагерю. Будь Кальман Борши нашим сотрудником, я бы сидел сейчас не у вас в кабинете, а у него.

— А что вы знаете о майоре Генрихе фон Шликкене?

— Ничего.

— Не спешите с ответом. Дело в том, что это единственный пункт, который создает в данный момент возможность наших дальнейших переговоров.

— Я думаю, вы должны не хуже меня знать, что́ с ним.

Шалго скривил в усмешке свои толстые, мясистые губы.

— Это еще как сказать. Так отвечайте, Бостон: жив Шликкен или нет?

— Насколько мне известно, жив. Больше я ничего о нем не знаю. Года два-три назад я встречал его в Греции.

— А доктора Шавоша вы знаете?

— Нет, не знаю.

Шалго задумчиво посмотрел в лицо Бостону.

— Скажите, не замышляете ли вы покушения на Борши?

— Таких указаний я не получал.

— Хочу предупредить вас: и не пробуйте. Борши находится под моей личной защитой. И не потому совсем, что я очень люблю его, просто у меня есть на него виды. И я не терплю, когда мне становятся поперек дороги. Пообещайте, что до тех пор, пока Борши находится в Вене, с ним ничего не случится.

— Обещаю.

— Дайте мне слово, Бостон.

— Даю слово. Надеюсь, больше у вас нет ко мне вопросов?

— Нет.

— Тогда скажите все же, как вы догадались о том, кто я?

— У меня очень хорошие связи с миссионерами англиканской церкви, хоть я и не очень высокого мнения о патере Краммере. Надеюсь, вы меня понимаете? Да и Анна мне нравится не так сильно, как вам. Она милое существо, но у нее плохие руководители. Как только вы произнесли имя Тибора Молнара, для меня сразу же стала ясна роль Анны, а также и то, что вся эта история — блеф, потому что Тибор Молнар тоже был блефом. Просто я хотел проверить Анну, куда она передает добытую информацию... Ну так вот, дорогой, поскольку Тибор Молнар на самом деле не существует, то, естественно, его не могла и задержать австрийская полиция. Поэтому я слушал вас, одновременно наблюдая за вами, за выражением вашего лица. Оно мне показалось очень знакомым. Но когда вы в течение пяти минут трижды поправили очки, я

сразу же догадался, что вы Бостон. Налейте себе коньяку и выпейте.

Бостон не заставил себя упрашивать.

— Такого со мной еще никогда не случалось,— признался он откровенно.— Поздравляю вас.

— Послушайте,— продолжал Шалго,— со мной можно вести переговоры в определенных разумных рамках, но шантажировать себя я не позволяю. Что вас интересует? Документация?

Бостон понял, что пришла пора играть с открытыми картами.

— Да, документация.

— Во сколько вы ее оцениваете?

— На это я не могу вам дать ответ сейчас. Но думаю, что высоко.

— Тогда поезжайте сейчас домой. Свяжитесь со своими шефами. Завтра вечером в семь часов я ужинаю в ресторане Хуберта. Можете меня найти там.— Он тяжело встал.— А впредь получше обдумывайте такого рода операции.

Бостон поклонился.

— Бостон,— сказал Шалго,— хотите, я вам дам один совет?

— Если полезный — безусловно.

— Отвыкайте от своей привычки протирать очки. О, эти проклятые привычки!

— Вы правы.

— Да, еще вот что. Передайте патеру Краммеру, что прокурора Пфейфера две недели назад уволили за взятку. Такие вещи следует знать даже в проповеднических обществах. Спокойной ночи.

V

— Донесение получил,— сказал Домбаи.— Все в порядке, Миклош. Узнай, вернулся ли Кальман Борши из Вены.

Когда Миклош Чете вышел, Домбаи принялся изучать донесение. В частности, и такую запись: «Рихард Даницкий, инженер-механик, родился 24 февраля 1910 года в Будапеште. Мать — урожденная Матильда Фукс, отец — Рихард Даницкий. Родители погибли 4 июля 1944 года во время бомбежки. Рихард

Даницкий окончил Будапештский университет в 1932 году и, получив диплом инженера-механика, в том же году поступил конструктором на завод фирмы «Броун-Бовери» в Будапеште. На этом предприятии проработал без перерыва до 10 ноября 1944 года. Трижды (в 1935, 1936 и 1937 годах) направлялся фирмой в командировки во Францию, по нескольку месяцев каждая. С 1941 по 1943 год находился на действительной военной службе. Воинское звание: лейтенант запаса, старший инженер. В 1940 году женился. Жена — Каталина Тимар, хирург. В настоящее время проживает по адресу: город Печ, ул. Витез, 3. Работает ассистентом. Развелась с мужем в 1946 году. Даницкий связи с бывшей женой не поддерживает. Во время войны Даницкий находился на службе в Институте военной техники, несколько раз выезжал в Германию. Во время боев в Будапеште пропал без вести. Согласно личному листку, был взят в плен советскими войсками. Возвратившись на родину летом 1946 года, устроился на Первый венгерский машиностроительный завод инженером-конструктором. Вступил в ряды Венгерской коммунистической партии. После национализации завода был назначен главным инженером. По заявлению самого Даницкого, с женой развелся по соображениям морального характера. До 1956 года неоднократно награждался правительственными наградами. Внес очень много рационализаторских предложений и имеет немало патентов. Конструктивный склад ума. Во время контрреволюционного мятежа стал секретарем рабочего совета. После подавления мятежа вел антиправительственную пропаганду, печатал листовки. Был осужден на шесть лет тюремного заключения. Находясь в тюрьме, раскаялся в содеянном, разработал проект насосного мотора, который был впоследствии запатентован во многих странах мира. В апреле 1959 года был амнистирован. С этого времени работает в качестве инженера-конструктора на заводе общего машиностроения. По выходе на свободу получил обратно свою квартиру по адресу: улица Ашо, 4, II район. В 1960 году за свой патент получил 350 тысяч форинтов (патент был приобретен Голландией, Данией, Англией). В 1961 году купил автомашину марки «опель рекорд» у футболиста сборной Венгрии Ференца Худака. Машина стоит

в гараже под виллой спортсмена. Даницкий ведет замкнутый образ жизни, друзей не имеет. В субботу обычно выезжает на автомобильную прогулку и возвращается в воскресенье вечером. Ни с кем за границей не переписывается».

Такие сведения содержались в донесении. Инженер Даницкий был взят под наблюдение по указанию полковника Кары весной шестьдесят второго года. Отдавая приказ установить слежку за Даницким, полковник одновременно передал майору Домбаи один документ. В нем очень кратко упоминалось о том, что во время войны Даницкий поддерживал связь с майором Генрихом фон Шликкеном и что его фамилия значится в картотеке БНД[1], в разделе «активизированная агентура». Кара не сказал Домбаи, от кого получено это донесение, Домбаи же, разумеется, не стал его спрашивать в соответствии со старым правилом: не проявляй излишнего любопытства.

В то время группа Домбаи вела одновременно несколько разработок. И во многих донесениях и секретных материалах неоднократно упоминался иностранный агент по кличке «Доктор». Согласно материалам, речь шла об одном из руководителей французской агентурной сети в Венгрии. Но не было даже известно, женщина или мужчина скрывается под этой кличкой: французы не включали Доктора ни в одну из групп своей агентурной сети. Около трех недель назад венгерская контрразведка перехватила шифрованную радиограмму и довольно быстро расшифровала ее. В ней говорилось: «Дядюшка нуждается в лечении против запоя, лечащий врач рекомендует метод CF-17». Кара по этому поводу долго совещался с Домбаи, и они пришли к выводу, что радиограмма имеет какое-то отношение к давно разыскиваемому Доктору. Разумеется, они оба понимали, что это всего лишь предположение и что оно останется таковым, пока не будет подтверждено фактами.

Домбаи позвонил Каре и сказал, что после обеда хотел бы повидаться с ним.

А полчаса спустя Домбаи уже сидел в кабинете подполковника Тимара. Тимар, коренастый черно-

[1] БНД — разведывательная служба ФРГ.

волосый весельчак, славился среди товарищей по работе удивительно крепкими нервами.

— Скажите, Шандор, что с вами происходит? — сказал с некоторым укором Тимар.— Вот уже целый год мы не получаем от вас ни одного заслуживающего внимания дела.

— Некие западные державы пронюхали, что я принял руководство отделом,— отшутился Домбаи,— и, обсудив этот вопрос на заседании НАТО, пришли к выводу, что в создавшейся новой обстановке ведение шпионажа в Венгрии — дело совершенно безнадежное!

Секретарша принесла кофе. Перебрасываясь шуточками, они выпили кофе. Затем Тимар поинтересовался, читал ли Домбаи интервью журналиста Белы Жиидея, полученное им у доктора Марии Агаи. Поскольку Домбаи не читал этого интервью, он с большим интересом выслушал его в пересказе Тимара. По словам Агаи, обстоятельства провала группы Татара и по сей день покрыты мраком. Ясно только одно, что здесь имело место предательство. Мишкольцевских товарищей выдал провокатор по кличке «Ворчун», внедрившийся в их ряды. А вот какова была его настоящая фамилия — это мог бы сказать один только Клич, пропавший во время войны без вести и, по слухам, погибший в немецких застенках. Неизвестно до сих пор и то, кто предал самого товарища Татара, расстрелянного затем фашистами. Одно время в этом подозревали ее, Марию Агаи, и у нее иногда бывает такое ощущение, что кое-кто до сих пор не верит в то, что она невиновна. Поэтому было бы очень важно установить личность настоящего предателя.

— Но ведь такое подозрение — явная чушь! — не удержался от возгласа Домбаи.— Агаи действительно ни в чем не виновата! Она и не могла знать, где скрывался Татар. Ты просмотрел материалы следствия?

— Ничего мы не нашли. Следственные дела по группе Татара, Буши и Марианны Калди исчезли во время мятежа. А то, что уцелело, не внушает никакого доверия. Документы подобраны по той версии, что их арест — дело рук контрразведчика по фамилии Шалго. В свое время в это дело впутали еще и полковника Кару.

— Не может быть! — удивленно воскликнул Домбаи.— Так Кару за это тогда осудили?

— Согласно обвинительному заключению, Шалго еще до войны завербовал Эрнё Кару и с его помощью провалил и Татара и Марианну Калди, а после войны они оба, то есть Шалго и Кара, пролезли в контрразведку.

— Что за чертовщина! Да ведь Кара даже и не знал Марианну Калди!

— Ошибаешься! Знал. Марианна была тогда невестой Харасти. А Харасти был другом Кары. Но это и в самом деле уже неинтересно. Товарищи попросили меня разобраться во всей этой истории. Вот скажи мне: что за человек Кальман Борши?

VI

Ночь Кальман провел плохо, спал беспокойно. Возвратившись в отель, он первым делом прочитал интервью. Воспоминания доктора Марии Агаи растревожили его душу, вызвали старые, с таким трудом изгнанные из памяти воспоминания, разбередили чуть зажившие раны, воскресили думы о Марианне, и это было болезненнее всего. Он не знал ни доктора Агаи, ни Татара — одну только Марианну, о которой доктор говорила с удивительной теплотой. Как сказала Мария Агаи, она жизнью была обязана этой смелой девушке.

Кальман лег в постель, но долго не мог заснуть: в голову то и дело лезли какие-то дурацкие мысли, а когда он наконец задремал, начали сниться сны, один фантастичнее другого.

Проснувшись поутру, Кальман решил не дожидаться следующего дня, а заплатить по счету и поскорее уехать домой. Думал, что рядом с Юдит он наверняка быстро придет в себя, успокоится. Кальман умылся холодной водой, подставив голову прямо под кран, затем наспех, кое-как оделся и торопливо сбежал вниз, в холл, где заявил портье о своем отъезде и попросил составить счет. Разговаривая с портье, Кальман почувствовал, что за ним следят, и от этого ощущения не мог освободиться весь день. Помчался в книжный магазин, купил альбом Браке.

Проследил, чтобы получше запаковали покупку. А на душе у него становилось с каждой минутой все тяжелее. В довершение всего пошел дождь, и это еще усугубило его и без того плохое настроение. Подходя к гостинице, Кальман был уже так взвинчен, что решил ни минуты больше не оставаться в Вене, а поскорее собрать вещи, позвонить в венгерское посольство и сказать, что со вчерашнего дня какие-то неизвестные люди следят за ним, что он просит защитить его, приехать за ним на дипломатической машине или на чем угодно и организовать его отъезд домой.

Кальман заплатил по счету, поднялся к себе в номер и принялся лихорадочно упаковывать вещи.

В дверь постучали. Не оборачиваясь, Кальман крикнул:

— Herein! [1]

Он услышал, как отворилась дверь, подождал, пока вошедший скажет что-нибудь. Но за спиной царило молчание, и он медленно повернул голову.

Возле стола стоял доктор Игнац Шавош.

Доктор улыбался спокойно и самоуверенно, а Кальман буквально окаменел. В голове мелькнула мысль: что делать? Нужно было что-то сказать, а язык словно прирос к нёбу.

Прошло несколько минут, прежде чем он пришел в себя и смог выговорить:

— Ты жив?

В ответ Шавош рассмеялся и сказал:

— А отчего же мне не жить?

Он подошел к Кальману, обнял его, а Кальман даже не нашел в себе силы отстраниться.

— Приди же в себя, мой мальчик. Я жив, как ты видишь, здоров, но, признаться, на такой недружелюбный прием не рассчитывал.

Наконец Кальман взял себя в руки.

— Откуда ты узнал, что я в Вене?

Шавош закурил сигару, затем достал из внутреннего кармана газету и развернул ее.

— Открытие Аннабеллы! — со смехом ответил он.— Сидим мы с ней, попиваем чай, вдруг она как

---

[1] Войдите! (*нем.*).

закричит: «Смотри, Кальман!» Коротенькое сообщение, что кандидат физико-математических наук Кальман Борши выступил на венском конгрессе. А поскольку мне все равно нужно было ехать сюда, я и решил, дай, думаю, навещу.

— Почему ты за столько лет ни разу не дал знать о себе? Мне говорили, что ты бывал в Будапеште. А поскольку ты не навещал меня, я уже начал сомневаться в этом, и грешным делом, подумал, уж не умер ли ты.

— Может быть, ты оплакал меня и мысленно похоронил? — спросил Шавош с легкой иронией.

Кальман смутился. Он взял со стола спичечный коробок и принялся вертеть его в пальцах, не зная, что сказать в ответ.

— Думаю,— проговорил он наконец,— что я не стал бы тебя оплакивать.— Он вздернул брови и пристально посмотрел на дядю.— Да, собственно, это было бы и ни к чему. Ты жив, здоров, в отличном настроении. В лучшем, чем когда-то. Одним словом, мог бы и написать.

Шавош поправил галстук и посмотрел испытующе на продолговатое, худощавое лицо Кальмана.

— Не хотел причинять тебе неприятности. Ты ведь и сам хорошо знаешь, что события в Венгрии завершились не так, как мы рассчитывали в свое время...

Шавош осмотрелся в комнате, остановил взгляд на открытом чемодане, на разбросанных вещах.

— Когда ты уезжаешь?

— Сегодня вечером.

— Разве не завтра утром?

— Собирался,— подтвердил Кальман, а про себя подумал: «Откуда ему это известно?» Догадка уже начинала шевелиться у него в мозгу, но он ничего не спросил.— Хочу поскорее быть дома.

— Останься еще на денек. Погости у меня.

— Нет. Я мог бы, конечно, остаться, но не останусь. Достаточно было этих десяти дней. Если хочешь, мы можем выпить чего-нибудь. Столько денег, чтобы угостить тебя, у меня еще осталось.

Шавош захохотал.

— Как я вижу, ты сделался настоящим социалистическим барином. Отец твой тоже был барином,

но не социалистическим. Просто демократически мыслящим венгерским аристократом.

— Жизнь не стоит на месте, а идет, дядя Игнац, и, хотим мы того или нет, нам нужно идти с нею в ногу — развиваться, изменяться. Я попробовал не считаться с тем, что мир меняется. Заперся в четырех стенах, окружил себя научными теориями, учеными трудами. Но из этого ничего не получилось. Жизнь сама ворвалась ко мне.

— В данном случае жизнь, если я не ошибаюсь, олицетворяют для тебя Юдит Форбат и товарищ майор Домбаи?

Кальман ничему больше не удивлялся. Теперь он уже понимал, что Шавош не «случайно» приехал в Вену и что о его, Кальмана, пребывании в Вене узнал он не из «открытия» Аннабеллы.

— Ты очень хорошо информирован,— сказал он хрипловатым голосом и покашлял, словно у него запершило в горле.

— Я внимательно следил за всем происходящим там.

Кальман закрыл окно, повернулся и устремил взгляд на доктора. Неожиданно мелькнула мысль: а что, если бы он сейчас ударил Шавоша, разбил ему голову или даже удушил его? Разве не было бы это гуманным поступком? Такие волки, как Игнац Шавош, живут вне закона.

— Видимо,— сказал он вслух,— ты навестил меня не только для того, чтобы выразить мне свои родственные чувства.

Шавош, не моргнув глазом, выдержал взгляд Кальмана.

— Не только для этого,— признался он.— Я давно уже хотел с тобой повидаться. Хотел похвалить тебя. И не только я, но и мои шефы.

Кальман остался совершенно спокоен. Теперь, когда он узнал истинную причину неожиданного визита дяди Игнаца, смятение его прошло, и он уже отчетливо представлял себе, что ему надо делать.

— Да что ты? — воскликнул он.— Чем это я заслужил вашу похвалу?

— Своей деятельностью, мой мальчик. Ты отлично все это время работал. Я бы сказал — гениально! Ты внедрился в дубненский атомный центр. Ведь одно

это своего рода подвиг! И дело Уистона во время боев в Будапеште ты тоже отлично провел.

— Вы ошибаетесь, дядя Игнац. Как мне ни жаль, но я вынужден вывести вас из заблуждения. Я никуда не внедрялся. И с тех пор, как наша связь оборвалась...

— Нашу связь, мой мальчик, оборвет одна только смерть,— перебил его Шавош.

— Тогда одному из нас придется умереть! — заключил Кальман.

— Жаль нас обоих,— спокойно заметил Шавош, подавив зевок.— Тебя — потому что ты стоишь на пороге свадьбы и делаешь еще только первые серьезные шаги на своей научной стезе, меня — потому что моя смерть отнюдь не решила бы твоей проблемы. Ну, убьешь ты сейчас меня, а завтра или послезавтра какой-то новый «доктор» постучится в твою дверь.

— Не надо так изощряться, дядя Игнац,— сказал Кальман.— Знаю я, чего ты хочешь, вернее, чего бы ты хотел. Но я не боюсь ни тебя, ни твоих угроз. Так что к чему эти разговоры? Что было, то прошло, и мы оба за это время сильно изменились. Как с родственником я согласен продолжить беседу с тобой, но если ты намерен вести со мной переговоры в каком-то ином качестве, я вынужден буду сказать тебе: сэр, закройте дверь с обратной стороны.

— Ты что ж, коммунистом заделался? — спросил Шавош, переменив тон и согнав с лица улыбку.

— Нет, я не коммунист. Но думаю, что Домбаи и его товарищи ближе мне, чем, скажем, ты и твои шефы или та политика, какую вы проводите.

— Даже Оскар Шалго ближе тебе, чем я?

— Даже Шалго.— Он подошел к Шавошу.— Послушай, дядя Игнац. Когда-то я очень уважал тебя. Больше родного отца. Был в моей жизни такой период, когда ты был для меня идеалом. Но потом идеал этот померк, оказался, так сказать, подмоченным. Есть предел ошибкам, заблуждениям. Перейди человек этот предел, и ошибки становятся преступлениями, а сам человек — подлецом. Ты совершил подлость. Ты выдал нацистам своих друзей, и этого ты не сможешь оправдать никакими политическими убеждениями, никакими «высокими» интересами.

Домбаи и его люди никогда не предавали своих товарищей. Такого не сделал даже Шалго, хотя на его совести много грязных дел...

Однако монолог Кальмана не произвел на Шавоша ровно никакого впечатления. Он молча слушал его, не защищаясь, не возражая. Он делал для себя выводы. И сделав их, сказал:

— Итак, в душе ты уже коммунист! Тебя перекупили, и ты собираешься нарушить данную тобой присягу.

— Я давал присягу, что буду бороться против фашизма.

Шавош остановил его, подняв руку.

— Хорошо. В сущности, я рассчитывал на такой оборот дела. Перед отъездом я разговаривал с моими шефами. Меня спросили, как я поступлю в том случае, если Кальман Борши, числящийся по нашему учету под номером Х-00-17, за это время стал коммунистом? Я успокоил их: «Кальман Борши никогда нам не изменит, никогда не станет предателем!»

Кальман знал, что́ последует за этими словами.

— Ты хочешь принудить меня?

— Я хочу помешать тебе совершить измену.

Кальман сдержался. Он сел, закурил сигарету, подавил раздражение.

— Дядя Игнац, ведь ты еще и мой родственник. Я очень прошу тебя, оставьте меня в покое. Скоро я женюсь, начну новую жизнь. Наконец я обрел цель в жизни, подругу. Почему так важно, чтобы именно я работал на вас? Учти и то, что я изменился, и если ты когда-нибудь любил меня...

— Я действительно любил тебя, мой мальчик, и сейчас люблю,— перебил его Шавош.— Я даже не скажу, что не понимаю тебя. Но пойми и ты меня. Ты должен знать, что превыше всяких родственных чувств для меня идея, которой я служу, как верный солдат, вот уже более тридцати лет. Этой идее я готов принести в жертву не только Калди, Мэрера или тебя, но даже самого себя!

Пока Шавош говорил, Кальман раздумывал над вопросом, чем они могли бы принудить его к сотрудничеству, если он все же скажет «нет».

— У тебя нет ничего, чем бы ты мог меня шантажировать,— решительно сказал он.— Я не выпол-

ню ни одного вашего задания. И готов к любым последствиям.

— Кальман, не спеши.

— Завтра утром, сразу же по приезде, я отправлюсь к Домбаи. Я расскажу ему все. Максимум, что я получу, это несколько лет заключения.

Шавош постучал указательным пальцем по колену.

— Несколько лет? — переспросил он.

Шавош провел рукой по лбу, не спеша поднялся, взял со стола портфель с застежкой «молния» и снова опустился в кресло.

— В ходе войны,— сказал он,— Красная Армия захватила очень много секретных документов. Но и англичане тоже не зевали. Так, например, восточноевропейский архив гестапо попал в наши руки. На сегодня я располагаю относительно богатой звукодокументацией. Не знаю, помнишь ли ты еще майора Генриха фон Шликкена. Шликкен был прозорливым человеком. Он боготворил технику и принадлежал к числу смелых искателей. В своей работе он применял звукозаписывающую технику на высоком уровне и с большим знанием дела. Нам удалось спасти удивительнейшую коллекцию его звукозаписей.

— А сам Шликкен жив?

— В отличнейшей форме. Работает, и работе его нет цены.

Кальман был потрясен.

— Трудно поверить, что ты мог так низко пасть. Убийца тысяч людей Шликкен и гуманист Шавош, английский джентльмен, спелись! — В голосе Кальмана звучало презрение.— Ничего не скажешь, принципиальный союз!

— Боремся против общего врага, мой мальчик. Шликкен — ветеран борьбы против коммунизма. Однако не будем уклоняться от темы. Для того чтобы сделать тебя более покладистым, я захватил с собой несколько звукозаписей из коллекции Шликкена и хотел бы, чтобы ты спокойно прослушал их.— Он открыл портфель. Кальман сразу же узнал транзисторный магнитофон АК-8 завода «Виктория».— Эта звукозапись есть у нас, разумеется, в нескольких экземплярах,— предупредил Шавош и включил аппарат. Кассета завертелась, и Кальман, к своему удивлению, узнал свой собственный голос. Другой

голос принадлежал, по-видимому, Шликкену, потому что он обращался к нему по имени Шуба... «Я ненавижу коммунистов,— услышал Кальман свой собственный голос.— Я не знал, что Марианна коммунистка. За что вы мучаете меня? — В течение некоторого времени были слышны всхлипывания, затем:— Если Марианна коммунистка, я... я отрекаюсь от нее, я не хочу быть изменником. Господин майор, я хочу жить».

— Ну так как? Ты узнаешь свой голос?

Кальман молчал, а Шавош продолжал:

— Негодовать ты еще успеешь. А пока слушай внимательно.

«Господин майор, прошу вас, поместите меня в одну камеру с моей невестой. От нее я узнаю все: она раскроет мне свои связи, назовет имена коммунистов. Спасите меня, господин майор. Дайте мне возможность доказать свою верность».

Кальман побледнел. С расстояния в девятнадцать лет страшно было слышать эти слова.

«...Ну-с, Шуба... Так вы узнали что-нибудь?» Да, это голос Шликкена. «Оружие в котельной».— «В котельной на вилле?» — «Да». — «Великолепно! Замечательно, Шуба!» — «Она назвала два имени. Вероятно, оба — клички: Резгё и Кубиш. Третьего имени она уже не смогла произнести. Умерла».

«Какой ужас!» — думал Кальман, а голос его все звучал, и он должен был и дальше слушать его.

«...Фекете попросил меня навестить человека по имени Виола. Адрес: Ракошхедь, улица Капталан, восемь, и передать ему следующее: «Пилот прыгнул с высоты семьсот пятьдесят метров. Парашют не раскрылся. Надо использовать запасной...» И еще: «Волос попал в суп, но я не выплюнул».

Шавош выключил магнитофон и вопросительно посмотрел на Кальмана.

— Все правильно,— сохраняя самообладание, заметил Кальман.— А теперь я хотел бы прослушать ту часть, где записан мой последний разговор с Марианной.

— Эта часть, мой мальчик, никого не интересует. Теперь уже нет такой силы, которая могла бы доказать, что Кальман Борши не предатель, разыскиваемый органами госбезопасности с сорок пятого года.

Коммунисты могут простить многое, только не измену. Может быть, они и простили бы еще тебе смерть Марианны, но выдачу Виолы — никогда!

— Никакого Виолы на самом деле не существовало! Шликкен просто провоцировал меня.

— В то время Виола еще существовал и был схвачен немцами в ту самую ночь в Ракошхеде в доме номер восемь по улице Капталан. А две недели спустя в тюрьме на проспекте Маргит его казнили.

У Кальмана потемнело в глазах.

Когда Шалго рассказал Рельнату обо всем происшедшем ночью, майор забеспокоился. Хотя Шалго ни словом не обмолвился ни о том, что Анна — агент англичан, ни о том, что за беседа была у него с Бостоном.

— Вы доложили об этом в Центр?

— Ну что вы, майор? Я не привык греть руки на чужом несчастье. Вам я рассказал, а чтобы капитан Дарре не мог передать дальше, я вовремя выключил всю аппаратуру подслушивания. Думаю, что сделал это в нужный момент. Потому что, пока я беседовал с нашим другом Бостоном, он успел упомянуть ряд интереснейших вещей, таких, которым не обрадовались бы ни вы, ни Центр.

Побледневший Рельнат испуганно взглянул на толстяка. Он не посмел даже спросить, что именно «упомянул» Бостон.

— Спасибо, Дюрфильгер.

— Разрешите, майор, дать вам еще один добрый совет. Присмотритесь получше к своему окружению. Уж больно хорошо осведомлены обо всем англичане. Разумеется, все это я говорю только вам. И еще одно: после всего происшедшего я уже не верю в успех нашего предприятия и решил окончательно выйти из вашей фирмы. В основном потому, что, как я узнал от англичан, вы мне не доверяете...

— Мой дорогой Дюрфильгер! Заклинаю вас!..

— Господин майор,— с ленивой улыбкой остановил его Шалго,— я не отличаюсь красотой, изяществом фигуры, не пользуюсь успехом у женщин, но в нашем деле, поверьте, понимаю по крайней мере не меньше вас. Многое я сносил: ваши замечания, ужимки, презрительные ухмылки, но, увы, я горд, и моя

гордость восстает, когда меня считают дураком, балбесом...

Рельнат стоял у окна и вслушивался в перестук дождевых капель. В душе он понимал Шалго. Действительно, в его, Рельната, поведении было очень много оскорбительного.

— Чем бы все кончилось, если бы, уступая насилию, я открыл сейф? Ведь мог я так поступить? Дарре спал. Мне по меньшей мере четверть часа пришлось бороться с Бостоном, а на помощь мне так никто и не пришел...

— Я думаю, вы правы, Дюрфильгер,— согласился Рельнат и отошел от окна.— Вы отлично справились с делом.— Он уселся в кресло, выставив далеко вперед свои длинные ноги. Лицо Шалго показалось ему глубоко опечаленным.— Так что же вы предлагаете? Говорите, и я приму любой ваш совет!

— Ничего я не предлагаю, майор. Напротив, я одобряю ваше решение не ехать в Будапешт. Вдруг англичане расставили там для вас ловушку?! Хотя есть у меня один совет. Примете вы его или нет — дело ваше, но я все равно скажу.

— Да, конечно, дорогой Дюрфильгер.

— Когда будете инструктировать курьера, то ведите с ним переговоры здесь. На сегодня это единственное помещение, где вы можете разговаривать без опаски. А я позабочусь о том, чтобы вам никто не помешал. Систему звукозаписи тоже не включайте. По крайней мере до тех пор, пока ее не обследуют наши инженеры.

— Пожалуй, вы правы,— согласился Рельнат.— Однако я настаиваю на том, чтобы при этом инструктаже присутствовали и вы.

— Нет таких сокровищ, майор, за которые я согласился бы принять участие в ваших с ним переговорах. Сегодня я устраиваю внеочередной день отдыха и через час уже буду посиживать на берегу Дуная и удить рыбку.

Тщетно пытался майор Рельнат уговорить Шалго остаться, толстяк был непоколебим.

Шалго показал Рельнату, как действует защитное устройство, обратив его особое внимание на сигнализацию при угрозе опасности. В случае необходимо-

сти, сказал он ему, достаточно нажать на диктофоне кнопку «X», и тотчас же в действие вступит капитан Дарре.

— Мне хотелось бы, господин майор, посоветовать вам быть в высшей степени осторожным.

Рельнат кивнул.

— А вот эту кнопку с цифрой «два»,— продолжал пояснять Шалго,— нажмите обязательно. Тогда вам нечего опасаться, майор, потому что вы будете слышать все, что происходит за дверями комнаты.

Рельнат поблагодарил Шалго и снова заверил его в своей дружбе.

— Когда мне можно вернуться, майор?

Рельнат взглянул на часы и задумался.

— Сейчас я тоже уйду. Мне еще нужно пообедать... Я думаю к пяти часам закончить. Но вы мне не помешаете, можете возвратиться, когда вам будет угодно.

— Тогда я вернусь в шесть. Вот ключи от конторы. Можете взять их с собой, майор. А свой кабинет, если позволите, я закрою сам.— Рельнат кивнул.— Нужно вам что-нибудь из сейфа?

— Нет, ничего. Скажите, Дюрфильгер, считаете вы возможным, что англичане помешают нашей операции в Будапеште?

Шалго закурил.

— Я допускаю любую возможность. Даже ту, что они знают, кто такой Доктор.

— Не шутите!

— Я говорю совершенно серьезно. Могли бы вы ответить мне на один вопрос?

Майор закашлялся и сделался красный как рак.

— Да, пожалуйста! — Он налил в хрустальный бокал воды и жадными большими глотками выпил.

— Вы провели ночь с Анной, майор. Я понимаю вас: хорошенькая женщина, отличные формы.

Рельнат поставил бокал на стол и глуповато осклабился.

— Не говорили ли вы случайно с Анной о предстоящей операции?

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Прошу вас ответить мне.

— Говорил, но только в общих чертах.

Шалго вздернул свои лохматые брови.

— Вот уже десять лет, как Анна на службе у англичан,— сказал он.— Все, о чем вы говорили с ней ночью, уже известно англичанам.

— Не может этого быть! — похолодев, вскричал майор.

— Это только вам так кажется. Так вот, майор, проводите будапештскую операцию с учетом всего этого.

Наступила длинная, томительная пауза.

— На месте англичан,— опять заговорил Шалго,— я постарался бы выключить из игры вашего Доктора и выпустил бы на сцену своего человека. Курьер, которого вы посылаете в Будапешт, он-то по крайней мере знает Доктора в лицо?

— Нет.

— А как же он убедится в том, действительно ли он говорит с Доктором? Пароль и отзыв англичане могли узнать.

Рельнат начал как-то странно улыбаться.

— Признаю,— сказал он,— что мы совершили несколько ошибок. В ту ночь мне и самому показалось, что с Анной что-то неладно. Однако, Шалго, я тоже кое-что смыслю в нашем деле. И потому всю эту операцию решил провести так, чтобы Доктора не подвергать риску. А потому мой курьер явится не к Доктору, а совсем к другому человеку, который, кстати, Доктора знает в лицо. Он-то и отведет к нему моего курьера.

Шалго одобрительно кивнул и сказал, что теперь он спокоен. С этим он удалился.

Разумеется, майор и не подумал идти обедать. Тщательно обследовав квартиру, он сходил к капитану Дарре. Прослушал магнитофонную запись ночного разговора, оттуда же позвонил курьеру и попросил его немедленно явиться в контору Дюрфильгера. Час спустя курьер уже сидел перед ним.

Дождь давно перестал, выглянуло солнце. Ворвавшись в окно, его яркие лучи осветили черные, как вороново крыло, волосы собеседника Рельната.

— Имя? — начал опрос гостя Рельнат.

— Балаж Петё.

— Лет?

— Тридцать три.

Мужчина безупречно говорил по-французски.

— Когда бежали из Венгрии?
— Весной пятьдесят второго.
— Занятие?
— Без определенных занятий. До побега окончил три семестра Политехнического института.
— Родственники живы?
— Мать жива
— Чем занимается?
— Учительница.
— Вы знаете, что не имеете права встречаться с нею?
— Знаю, господин майор.
— Откуда вам известно, что я майор?
— Слушал ваши лекции в разведшколе.
Рельнат кивнул.
— Которая у вас это ходка?
— Шестая, господин майор.
— Документы?
— Все готово — жду задания.
Рельнат, заложив руки за спину, прошел к окну, остановился, несколько секунд всматривался в лицо Петё, затем взглянул в окно на тихую улочку Моцарта и только после этого отошел от окна.
— Не страшно? — спросил он.
Курьер пожал плечами.
— Привык. Страшно, конечно, но я стараюсь не думать об этом.
Майор подошел к нему поближе. Ему определенно не нравилось безразличие Петё.
— Сейчас я вам задам еще один вопрос, но попрошу ответить на него не штампованными фразами.
— Постараюсь ответить откровенно, господин майор.
— Испытываете вы еще тоску по родине?
— Тоска по родине, господин майор, возрастает прямо пропорционально количеству лет, проведенных на чужбине.
— И вам ни разу не приходило в голову во время одной из ваших забросок на родину явиться с повинной к властям?
— Была у меня однажды такая мысль, господин майор.
— Почему же вы не явились?
— Потому что нет у меня уже больше выбора.—

возразил Петё.— Шесть курьерских ходок за плечами.

— Вам сказали, в чем будет состоять ваше задание?

— Сказали, что нужно поехать в Венгрию. А перед этим явиться к вам, господин майор, получить инструкции.

— Все правильно. Тогда попрошу вас выслушать меня внимательно.

— Слушаю, господин майор.

Шалго был опытным разведчиком, много повидавшим на своем веку и привыкшим не удивляться всяким неожиданностям. Он хорошо ориентировался в происходящем, и у него по любому поводу было свое мнение, даже если он и не торопился высказать его вслух. Но сейчас Шалго был удивлен. Он никак не мог взять в толк, зачем понадобилось доктору Шавошу скрывать от него свое истинное имя.

Теперь Шавош — полковник Олдиес. Доктор ведет двойную жизнь. Странно. И как старательно подчеркнул он свой чин!

В камине ярко вспыхнули языки пламени. Шалго озяб, однако он не захотел сесть ближе к камину, хотя от его внимания не ускользнули ни приглашающий жест Шавоша, ни удобные, низкие кресла возле круглого столика. И только микрофона под столиком он не разглядел, хоть и знал, что он должен обязательно находиться где-то там. Поэтому, хотя Шалго и продрог, сесть он все равно предпочел у окна, в плетеное тростниковое кресло, и про себя подумал, как зло он посмеялся над Шавошем. И поделом ему — хотя бы за то, что доктор почитал его за дурака.

Обернувшись, Шавош увидел, что Шалго устроился в кресле у окна.

— Почему же там, дорогой Дюрфильгер?

Они говорили по-французски.

— Мне больше нравится здесь, у окна.

— Как вам будет угодно,— согласился Шавош, подкатил поближе к гостю столик и возвратился за креслом для себя.

Шавош налил в бокалы виски и содовой. Постукивание кусочков льда о стекло заставило Шалго отвлечься от своих мыслей и взглянуть на Шавоша.

— Как далеко от Вены этот ваш замок, полковник?

— Километров восемьдесят с небольшим.— Он поднял бокал.— Будьте здоровы, за нашу встречу.

Шалго отпил несколько глотков, поставил бокал на стол и закурил сигару.

— Это ваш собственный замок, полковник?

— Нет, одного моего друга.

— Надо сказать, что ваш друг не отличается хорошим вкусом,— заметил Шалго и еще раз окинул взглядом комнату.— В таких построенных из дерева охотничьих замках стены, как правило, не оклеивают обоями. Если только...— Он снова поднял бокал, но едва пригубил напиток. Он испытывал Шавоша, который не мог скрыть своего любопытства.

— Если только?..— спросил Шавош.

— Если только за обоями не желают что-то спрятать.

Шавош негромко рассмеялся.

— Друг мой, барон Хольштейн — человек со странностями. Однако я не думаю, чтобы у него имелось нечто такое, что ему нужно было бы прятать... за обоями. Неужели вам и в самом деле не нравятся эти зеленые, под цвет мха, обои? Приятно ласкают и успокаивают глаз.

Шалго еще раз посмотрел на стену и вдруг сказал:

— Полковник, вы отвратно говорите по-французски. Не желаете ли перейти на какой-нибудь другой язык? — И он небрежно пустил вверх колечко дыма.

— Какой же вы предлагаете?

— Испанский.

— О, не подходит. Может быть, немецкий, если ваше ухо так коробит от моего скрипучего французского? Замечу, однако, что фамилия Шалго тоже не говорит о вашем французском происхождении.

— Я никогда не утверждал, что мои родители были французы. Но я овладел языком тех, кто дает мне хлеб. Что касается немецкого, то по возможности исключим его из нашего обихода. По-немецки я говорю, только когда это нужно до зарезу. Предлагаю венгерский.

— Почему именно его?

— А вдруг нам придется заговорить о таких вещах, которые касаются только нас двоих? — по-венгерски ответил Шалго.

— О, я понимаю все, что вы говорите,— продолжал Шавош по-французски.— Но почему вы решили, что я знаю венгерский?

Шалго скромно улыбнулся.

— Собственно говоря, было бы разумно, чтобы люди, занимающиеся венгерскими делами, не только понимали, но и говорили на этом языке.— Он отпил из бокала, повертел его в руке и подумал: «А что, если я ошибаюсь? Может быть, Олдиес все-таки не имеет ничего общего с Шавошем?»

— Вы отлично выглядите, дорогой полковник.

— Я спортсмен.

Шалго снова огляделся. Ему отнюдь не хотелось, чтобы их разговор был записан на пленку, но он понимал, что не может этому помешать. Однако предусмотрительный толстяк тоже подготовился к этой встрече. Он достал из кармана небольшой, вполне умещавшийся на ладони транзисторный приемник, улыбнулся Шавошу и включил его.

— Уж не собираетесь ли вы слушать музыку? — спросил с плохо скрываемым неудовольствием Шавош.

— Обожаю музыку,— возразил Шалго.— У меня был один приятель, по фамилии Шликкен. Он-то и привил мне любовь к музыке.— Шалго перебрал множество станций, пока наконец не остановился на какой-то английской.

— Не раздражает?

— Мне пришлось бы сказать неправду, если бы я стал уверять вас, что этот гам меня не раздражает.

— Мне он тоже мешает,— сознался Шалго,— но ведь если бы я попытался уговорить вас выключить систему подслушивания, вы все равно не вняли бы моей просьбе. Между тем деловые переговоры положено вести при равных условиях. Не так ли? К тому же и музыка довольно приятная.

— Слишком громкая,— возразил Шавош,— и ничего в ней нет приятного.

— Хорошо, назовем ее просто полезной. Скажите, сударь,— Шалго перешел на венгерский,— вы действительно не имеете желания поболтать по-вен-

герски? Мне, к примеру, совсем не по вкусу подобные опереточные приемчики уже хотя бы потому, что на меня ни декорации, ни заранее подготовленные трюки не производят никакого впечатления. Кроме того, я страшно не люблю, когда мои партнеры считают меня дураком. Бостон вам ничего не говорил об этом? — Он наклонился к радиоприемнику.— Правда, мне с вами довелось беседовать только единственный раз, да и то очень давно, так что, может быть, вы меня уже и не помните. Зато я очень хорошо помню вас. Вы и тогда точно так же, как и сейчас, потирали большой палец левой руки.— Шавош посмотрел на свою руку и опустил ее.— И тогда вы точно так же нервничали, как и сейчас. Глупые привычки прилипчивы. Между прочим, я всегда стараюсь подмечать именно эти особенности у людей. Они неизменны, так же как отпечатки пальцев. Ваш Бостон, например, в течение пяти минут трижды поправляет очки и всегда левой рукой, заметьте, правой — никогда. Каждые десять минут он снимает их и протирает. А вы, доктор, когда кого-то внимательно слушаете, всегда потираете большой палец левой руки. Простите, что я обращаю ваше внимание на вашу же столь неприятную для работы особенность, но мой союзнический долг обязывает меня к этому. Если вы чего-то не поняли из моих слов, я, как ни прискорбно, могу повторить все это еще раз по-английски.

Шавош тоже закурил сигару. Он покачал головой и через силу улыбнулся.

— Только сделайте потише по крайней мере вашу музыку,— сказал он по-венгерски.

— Вот так-то лучше! — воскликнул Шалго.— До чего же красив наш язык, не правда ли, доктор?

— Разве что для нас с вами.

Шалго осмотрел свой костюм, неряшливо обсыпанный пеплом.

— А тоска по родине? Как вы справляетесь с тоской по родине? — спросил он.— Переживаете?

— Считаю ее чепухой. На мой взгляд, тоска по родине есть признак человеческой слабости, сентиментальности, вредная чувствительность.

— Как мне ни стыдно, доктор, но признаюсь: это моя слабость! — заметил Шалго.— Согласно вашей теории, я очень слабый человек. Сегодня вечером,

когда небо немного разведрилось, я погулял с часок по набережной Дуная. И вспомнились мне и наш Цепной мост, и гора Геллерт, и Западный вокзал. Скажите, бывали вы когда-нибудь у «Илковича»?

— Нет, не бывал. Если память мне не изменяет, кабак такой был?

— Да, что-то в этом роде...— Шалго махнул рукой.— Вы правы. Будем мужчинами. Сколько вы дадите мне за эту документацию?

— Я хотел бы прежде поближе ознакомиться с товаром.

Шалго посмотрел на часы.

— Сейчас четверть десятого, доктор. В полночь человек майора Рельната отправляется в Венгрию. Поскольку вы совершенно точно знаете, о чем идет речь, а я сделал все возможное для того, чтобы Анна получила полную информацию о существе дела и доложила вам, не будем терять времени. Если дело вас интересует всерьез, нужно действовать — и к тому же быстро.

Шавош налил в стакан холодной содовой и с жадностью выпил. Спокойствие Шалго не очень-то нравилось ему.

— Скажите, почему, собственно, вы решили изменить своим шефам? Мы знаем вас как человека, которого материальная сторона не интересует.

— Плохо знаете. Человек должен думать о своей старости. Итак?

— Вы мне не совсем понятны, господин Шалго.

— Не удивляюсь.— Шалго преспокойно попыхивал сигарой.— Чтобы успокоить вас, открою вам еще кое-какие секреты. Кроме того, что я хочу обеспечить себе спокойную старость, мой приход сюда имел под собой еще и кое-какую принципиальную основу. Интересующая вас документация должна быть добыта для Запада. Но мне небезразлично, какая именно из западных держав получит ее. Думаю, что у вас она будет в надежных руках. Не знаю, достаточно ли ясно я изъясняюсь. Успеваете вы следить за ходом моих мыслей? Более того, я могу поставить вопрос так: сколько вы готовы дать за Отто Дюрфильгера — майора Второго бюро?

Шавош колебался, не зная, как далеко он может зайти в этом торге. Правда, Шалго перечеркнул все

его расчеты — записать разговор с ним на пленку не удалось, но сейчас это уже не имело значения. Дюрфильгер сто́ит больших денег. Если бы удалось договориться с ним, нынешний день можно было бы считать удачным. После Кальмана Борши еще и Дюрфильгер!

— Чек на десять тысяч фунтов стерлингов сейчас и пятьсот фунтов ежемесячно!

Шалго рассмеялся.

— Вы шутите, полковник. Вчера я читал, что футбольная команда «Арсенал» купила за двадцать тысяч фунтов стерлингов футболиста Петруччо. Неужели разведчик Оскар Шалго стоит меньше футболиста?

— Двадцать пять тысяч фунтов, но в пять сроков.

— Хорошо, полковник, я согласен.

VII

Квартира встретила его приятным теплом, но Кальману было все равно холодно. И одиноко. Бросив пальто на стул, он принялся искать чего-нибудь согревающего и, найдя бутылку абрикосовой палинки, наполнил рюмку. Затем позвонил Форбатам и попросил Юдит поскорее приехать.

Судя по голосу, Юдит встревожилась, но, ни о чем не спрашивая, поспешно сказала: «Выхожу».

Полчаса спустя Кальман уже сжимал Юдит в объятиях. Юдит заметила, что вид у Кальмана был какой-то нездоровый, лицо серого, землистого цвета, взгляд беспокойный.

— Что-нибудь случилось, Кальман? — спросила она и, взяв его руку, прижалась щекой к его ладони.

— Я не хочу потерять тебя,— прошептал Кальман.— А иногда мне кажется, что я тебя теряю.

Юдит пыталась заглянуть ему в глаза, но Кальман сидел, опустив голову.

— На прошлой неделе тебе звонили,— сказала она вдруг.

Кальман вздрогнул от неожиданности.

— Кто? — спросил он.

— Подполковник Тимар из министерства внутренних дел. Я записала его номер: он просил позвонить.

— Не сказал, что ему от меня нужно?

— Нет, не сказал. Но я догадываюсь,— ответила Юдит.— Недавно дядю тоже допрашивали. Все по старым делам.

Да, третьего пути нет. Или работать на англичан и, значит, предавать свою родину, или пойти в полицию и рассказать все о своем прошлом. Оба пути означали риск, связанный, может быть, с полным моральным уничтожением. Нужно решать.

Кальман ненавидел дядю и в то же время понимал, что никакие слова, ни даже физическое устранение Шавоша не смогут ничего изменить. Ну что из того, что он убьет Шавоша? Этим он лишь вычеркнет одно имя из списков сотрудников секретной службы, разорвет одну учетную карточку, а уже на другой день новый человек постучится в дверь его квартиры. Шавошу Кальман сможет сказать «нет» только тогда, когда совершенно покончит со своим прошлым, со всеми ошибками, грехами, промахами, когда докажет свою честность и чистоту помыслов. Причем риск велик: ведь для того, чтобы ему *не поверили*, не нужно даже ничьей злой воли.

Кальман присел на край кровати и стал наблюдать за Юдит: она перекладывала из чемодана его вещи в шкаф. Лицо у нее было слегка огорченное, как у обиженного ребенка. Кальман спросил ее, в чем дело.

— Видно, ты не очень-то думал обо мне все это время, раз не привез мне в подарок даже спичечной коробки с какой-нибудь красивой этикеткой!

— А ну, подойди ко мне,— протягивая к ней руки, улыбнулся Кальман. Он погладил и поцеловал ее волосы, Юдит нежно приникла к нему.

— Я-то думал, что сам буду вполне достойным подарком для тебя,— пошутил Кальман.— Хотя, признаться, очень много думал о тебе и потому подарок все же привез.

— Где же он?

— Разве ты не заметила в чемодане плоский пакет, перевязанный голубой шелковой ленточкой?

Юдит подбежала к столу, схватила пакет и счастливо заулыбалась, сразу сбросив с лица всю печаль. Вернувшись к Кальману, она села рядом и поцеловала его.

— Спасибо. И что же в нем?

Кальман ласково потрепал ее по подбородку.

— Альбом Браке с шестьюдесятью цветными иллюстрациями.

— Кальман! — Юдит была так счастлива, словно никогда в жизни не получала подарков. Она поспешно развернула пакет, сорвала заклеенную бумажную обертку. В руках она держала альбом «История народа майя».

Юдит была явно разочарована, а Кальман удивленно уставился на цветную суперобложку, с которой на них глядело странное лицо чужеземного бога.

— Перепутали! — воскликнул неприятно пораженный Кальман.— Странно, они же при мне упаковывали.

— Наверно, очень интересно,— поспешила заверить девушка, изображая на лице удовольствие.— Все равно, я рада и этому подарку. Искусство народа майя — это же удивительно! Только бы не поиспански был написан текст.— Она открыла альбом и побледнела. Взгляд ее вопросительно устремился на Кальмана.

— Это же совсем не мне предназначено! — Она протянула альбом Кальману.

Тот, ничего не понимая, сначала посмотрел на девушку, затем на шмуцтитул альбома, где тушью, печатными буквами, было написано: «Эрнё Каре. В свободное время советую заняться историей народа майя. Имеет смысл. С почтением. Один из тех, кто исследует культуру народа майя».

В альбоме он нашел записку, адресованную уже ему самому: «Милый Кальман Борши! Не сердитесь, что я поменял альбомы. Но у меня не было иного выхода. Обещаю переслать вам Браке в самое ближайшее время. Издатель сделал эту работу на редкость плохо. Очень неудачно подобраны иллюстрации. Извините, пожалуйста».

Кальман поднялся и в сердцах швырнул альбом на кровать, а сам принялся молча расхаживать по комнате, и тщетно Юдит допытывалась, что случилось, что его огорчает. Он чувствовал себя подобно человеку, которому предстоит пробраться через непроходимый темный лес, а там, за лесом, еще неизвестно, что его ожидает.

Кальман тут же хотел переговорить по телефону с Карой, но ни его, ни Домбаи дома не оказалось.

Молчал он и когда они уже улеглись спать. Молчал и курил одну сигарету за другой, хотя во рту уже было противно от никотина.

— Юдит,— наконец прервал он молчание,— скажи, ты веришь мне?

— Я люблю тебя, Кальман.

Они проговорили до трех часов ночи. Кальман откровенно рассказал Юдит обо всем, начиная со дня, когда он дал согласие работать на англичан, до вчерашнего появления в его номере Шавоша.

— Если я откажусь выполнить просьбу дяди Игнаца, он донесет на меня, и я буду арестован и осужден. Потому что против такого свидетеля, как магнитофонная лента, я не смогу защищаться. Они придумали эту провокацию до того ловко, что я бессилен что-либо предпринять. Но если я останусь на свободе, согласившись выполнить их просьбу, то буду уничтожен морально и уже никогда не смогу вырваться из их пут. Третьего пути у меня нет.

Юдит была совершенно сражена услышанным. Какое-то время она лежала молча, затем расплакалась. Кальман стал успокаивать ее, объяснил, что он обстоятельно все продумал. И если Юдит, несмотря ни на что, верит ему, он не сдастся, примет бой с Шавошем и попытается победить.

Кальман встал, прошел в кабинет, зажег свет и, положив на стол перед собой альбом, принялся его листать. На некоторых страницах он подолгу задерживался, что-то выписывая на лист бумаги. Когда уже под утро к нему в кабинет вошла Юдит и, сев на низенькую скамеечку у его ног, положила ему на колени голову, лист бумаги был почти весь испещрен цифрами и какими-то уравнениями. Кальману удалось в конце концов разгадать сначала шифр, а затем прочитать и текст сообщения. Он долго сидел в раздумье.

Наутро он попросил Юдит отнести альбом полковнику Каре, предупредив ее, однако, что она «ничего не знает», даже того, что́ находится в пакете.

На следующей же станции после Вены Балажа Петё, молодого мужчину с лицом, похожим на морду борзой, арестовали «представители австрийской



службы госбезопасиости». Петё ие сопротивлялся и покорно последовал за двумя сыщиками. И только когда автомашииа вкатилась через решетчатые ворота во двор миссии «Благословеиие» и, обогнув двухэтажный особнячок, остаиовилась на задием дворе перед дверью черного хода, он несколько удивлеино посмотрел на сопровождавших его людей.

Принял молодого человека патер Краммер. Святой отец выразил надежду, что после соответствующего «упражнеиия духа» Петё милостью божьей вскоре, вероятно, снова сможет продолжить свой путь за «железный занавес». «Упражнеиие духа» длилось всего одии день, потому что Петё уже после первых часов «обработки» дал согласие на «обращеиие в другую веру».

Исповедал «неофита» сам Игнац Шавош, и очеиь скоро Петё излил ему свою душу. Рассказал о цели путешествия, передал микропленку и дал подписку о добровольиом «переходе в иовую веру».

— Придет время, когда мы вернемся на родииу,— сказал Шавош,— и тогда нам нужны будут уже ие курьеры, а образоваииые специалисты. Майор Рельнат думает только о своей Франции, а я — о будущем Веигрии!

Все это было приятно слышать, и Балаж Петё поверил обещаниям Шавоша.

Кара взял со стола лист бумаги и начал читать вслух:

— «Балаж Петё, год и место рождения...— и т. д. и т. п., это все неинтересно,— агент французской разведки, вечером 12 февраля прибудет в Венгрию с фальшивым паспортом. В Будапеште он позвонит по телефону инженеру Рихарду Даницкому и спросит: «Это 402-913?» Если Даницкий отправится на явку на автомашине, он ответит, что вы набрали на семнадцать номеров больше...» Я не стану продолжать. Теперь ты понял? — Засмеявшись, он положил лист на стол и посмотрел на пораженного Домбаи.— Между прочим,— продолжал он уже совершенно серьезно,— мы его сцапали бы и без этого донесения моего закордонного агента, потому что группа Чете уже давно ведет наблюдение за Даницким.

— А кто такой Петё? — спросил Домбаи.

— Эмигрант образца пятьдесят второго года,— пояснил Кара.— До побега за границу — студент Политехнического института, один из секретарей институтского комитета Венгерского демократического союза молодежи. Парень вдруг чего-то испугался и со страху сбежал; и бежал не останавливаясь до самого Парижа. Мать его учительствует в Ниратаде, член Венгерской социалистической рабочей партии, всеми уважаемый педагог. Других материалов на него нет.

— А что сообщает твой источник? — спросил Домбаи.

— Мой источник сообщает, что Петё — прошедший спецподготовку агент французской разведки. После мятежа несколько раз наведывался в Венгрию.— Кара встал и прошелся по кабинету.— Дело это намного серьезнее, чем можно было предположить. У нас уже есть ордер, выданный прокурором, на предварительное задержание всей компании, но я считаю, что пока этого делать не следует.

А Домбаи слушал и ломал голову, от кого Кара мог получить такую исчерпывающую информацию.

На рассвете, около трех часов, Миклош Чете и двое его людей арестовали Балажа Петё.

Юдит сообщила Кальману, что была у Кары и вручила ему альбом.

— Эрнё просил, чтобы ты позвонил ему.

— Это он когда просил?

— Полчаса назад. Кальман, в самом деле, может быть, тебе лучше переговорить с Эрнё?

— Пока нет. В моем деле ни Эрнё, ни Шандор ничего не решают. Они могут только дать показания — в мою пользу или против меня. Но решать будут другие.— Он взял Юдит за плечи и привлек к себе.— Надеюсь, ты не проговорилась ему?

— Нет. Все сделала, как ты велел. Но...

— Юдит, не должно быть никаких «но».— Он усадил девушку, сам опустился рядом с нею на колени.

— Юдит, если я не сумею доказать свою честность, будет уже все равно, что случится со мной. Ты можешь беспокоиться за меня, но пока слушайся и верь мне.

— Тебе звонил Тимар,— вспомнила Юдит.

— Завтра я ему позвоню. Юдит, я хочу счастья и сейчас борюсь за него. Помоги мне в этом.

VIII

Беседа Кальмана с Тимаром длилась почти два часа. От подполковника Кальман ушел не в очень-то хорошем настроении: прощаясь, подполковник сказал, что, возможно, им придется встретиться еще раз.

— Я и тогда не смогу добавить ничего нового,— сказал Кальман, беря отмеченный пропуск.

— А вдруг на досуге и вспомните что-нибудь,— возразил подполковник.

Нет, Кальман не сердился на следователя, понимая, что тот во многом прав, что его подозрения в общем-то небезосновательны; на его месте он вел бы себя, вероятно, точно так же.

— Скажите, товарищ подполковник, почему вы не верите мне? Я действительно не знаю ни доктора Марию Агаи, ни товарища Татара. Даже имени такого не слыхал.

Тимар ничего не ответил — наверно, не захотел открывать свои карты. А Кальмана именно эта его

замкнутость и подозрительность раздражала больше всего.

Выйдя из здания, он позвонил Каре.

— Зайди ко мне,— предложил полковник.— Я сейчас же закажу тебе пропуск.

Приветливый тон Кары несколько успокоил Кальмана.

Они обнялись, как всегда. Кара попросил секретаршу сварить кофе.

— Если появится товарищ Домбаи,— сказал он девушке,— пусть заходит. Садись, Кальман,— обратился он к приятелю.

Кальман сел и, тяжело вздохнув, откинулся в кресле Кара достал из сейфа альбом.

— Вот, получил,— сказал он и принялся листать его.— Кто это тебе вручил? Юдит что-то объясняла мне, но из ее объяснений я ровным счетом ничего не понял.

Кальман рассказал Каре историю с альбомом: пока он с профессором Акошем обедал в ресторане, кто-то подменил альбом.

— Ключ от комнаты был при мне,— пояснил он.— И вообще все эти дни за мной кто-то неотступно следил.

— Странно,— удивился Кара, листая альбом.— Ты-то как думаешь, почему подменили альбом?

Кальман неторопливо поправил складки брюк, потом только поднял глаза на полковника.

— Какой-то твой агент, вероятно, послал тебе это,— предположил он.

— У меня нет агентов в Вене.

— Ну, кадровый разведчик.

— Я контрразведчик, у меня нет закордонных информаторов. Ну, а теперь расскажи поподробнее, каким образом этот альбом попал к тебе.

— Пожалуйста,— сказал Кальман.— По этому поводу ты мне и звонил?

— И по этому тоже...

— Ты знаешь, с кем я встречался в Вене?

— Понятия не имею.

— С Оскаром Шалго.

— Да не может быть!

— И не раз. Представь себе; Шалго — французский гражданин, сменил фамилию.

— На Отто Дюрфильгера?
— Ты это знаешь?
— И стал майором французского Второго бюро? — продолжал Кара.
Кальмаи оторопел.
— Ты это серьезно?
— Вполне. И не очень рад тому, что ты с ним встречался.
— А я даже был у него в коиторе.
— Знаю. Ты хотел уговорить его, чтобы ои вернулся на родину.
— Тебе и это известно? — удивился Кальман.
— Жаль, что тебе ие удалось вытащить его сюда,— продолжал Кара, уклоняясь от ответа.— Шалго много о чем мог бы порассказать. Побродяжничал он иемало. Хорошо бы, если бы ты вместе с историей об альбоме написал также, когда и где ты встречался с Шалго.
Они замолчали, потому что вошла секретарша с кофе. Она что-то тихо сказала Каре.
Кальман пил кофе и раздумывал иад только что услышанным. Он убедился в том, что Кара иеоткровеиен с ним, ио решил пока не говорить ему о своем предположении.
Когда секретарша вышла, Кальмаи поставил чашку на стол и, словио Шалго вообще не интересовал его, стал говорить о другом. Рассказал, как его допрашивал подполковиик Тимар и что расстался он с ним не в наилучшем иастроении. Понятно, что Мария Агаи хочет докопаться до истииы. Но чего хотят от него, Кальмана Борши?
Кара допил свой кофе.
— Разве Тимар ие сказал тебе?
— У меия было такое ощущеиие, что ои не верит мне ни иа йоту. Скажи, Эриё, ты знал когда-иибудь коммуниста по имени Виола?
— Знал.
— Этот человек жив?
— К сожалению, иет. Шликкеи и его палачи убили Виолу. Между прочим, знала его и Мариаина. Одно время оиа была его связной.
— Я никогда ие слышал от иее этого имени,— сказал Кальман.— Когда случился его провал?
— Я думаю, в первые дии мая.

— И вам известно, кто его выдал?

— Именно это и хочет выяснить Тимар.

— Он не называл мне этого имени,— задумчиво проговорил Кальман.— Он все расспрашивал меня о Татаре.

— Товарищ Татар в подполье работал под фамилией Виола.

Кальман, пораженный, не смея поверить в то, что услышал, посмотрел на полковника.

— Татар и Виола?..

— Одно и то же лицо! Он скрывался в Ракошхеди, оттуда руководил работой северных ячеек. Но провокатору удалось узнать пароль и выдать его немцам. Где ты слышал имя Виолы?

— Мне назвал его Шалго,— вырвалось у Кальмана.

Теперь наступила очередь Кары удивляться.

— Шалго?

— Да, мы припоминали с ним старое, и он назвал это имя.

— Странно,— задумчиво проговорил Кара.— Очень странно.

Вошел Домбаи и остановился у двери. Кара показал ему на кресло.

Домбаи не хотел мешать их разговору и сказал, что лучше зайдет попозже, тем более что у него масса дел. Кальман поднялся и пошел ему навстречу.

— Да садитесь же вы! — прикрикнул на них Кара.

У Домбаи был такой кислый вид, что Кальман сразу же почувствовал недоброе.

— А ну, расскажи Шандору, с кем ты встречался в Вене.

— С Шалго,— сказал Кальман.— Только не заставляй меня повторять все сначала, да еще со всеми подробностями.

Охотнее всего Кальман сбежал бы сейчас домой. Слова Кары о Виоле встревожили его не на шутку. Нет, он не ошибся. Фекете был провокатором. Вот что он должен доказать!

— Что с тобой? — спрашивал его Домбаи, дергая за рукав.— Ты что, оглох?

Кальман пробормотал что-то об усталости, что ему очень много пришлось работать в последние месяцы и что он хотел бы поехать отдохнуть.

— А о чем ты спрашивал?

— Что с Шалго?

— Не знаю. Вернее, все, что узнал, я уже рассказал Эрнё. Как Маргит?

— Хорошо.— Домбан встал.— Я сейчас вернусь,— сказал он Каре.— Мне нужно отдать кое-какие распоряжения, а затем я хотел бы все же доложить тебе.

Кальман поднялся.

— Подожди, пойдем вместе,— сказал он.

— Нет, ты не уходи,— остановил его Кара.— Мне еще надо с тобой поговорить.— Кальман сел опять в кресло. Он казался самому себе жалким и смешным. Закурив, он вопросительно посмотрел на полковника.

— Я хотел попросить тебя об одной любезности,— пояснил Кара.

— О какой?

— Но прежде я должен тебя предупредить: все, что я тебе сейчас скажу,— государственная тайна.

— Тогда не говори. Хочу жить без тайн.

— Увы, я должен тебе сказать об этом. В течение двух лет ты был руководителем лаборатории «В». Ты хорошо знаешь работающих там инженеров и техников, лучше меня знаешь документацию приборов ВН...

— Почему ты подозреваешь в чем-то инженеров и техников? — перебил его Кальман.— На основании одной лишь схемы включения ВН-00-7 можно без труда додуматься до устройства прибора. А схема включения побывала в руках и монтажников, и мастеров, обслуживающих контрольно-измерительную аппаратуру.

Реплика Кальмана смутила Кару.

— Откуда ты знаешь, что речь идет о приборе 00-7? — спросил он удивленно.

— Агента вы хоть захватили? — вместо ответа спросил уже совершенно спокойно Кальман, сделав вид, будто он не слышал вопроса полковника. Но Кара не ответил Кальману, а недоуменно уставился на него.— Я говорю о Балаже Петё и об инженере.

— Откуда ты их знаешь?

— Я тоже немножко полистал твой альбом,— сказал Кальман.— Истратил на это полночи.

— Ты расшифровал телеграмму?

— Частично. Или, может быть, фамилия курьера не Петё?

— Значит, ты все знаешь?

— Только то, что удалось расшифровать. А о дальнейшем догадываюсь. Вы перевербовали Петё и послали на явку. А затем упекли в тюрьму Даницкого.

— Нет, не «упекли»,— возразил Кара,— а англичанин не вышел на явку. Но, как я понимаю, ты знаешь и то, кто послал мне этот альбом?

— Этого я не знаю, но думаю, что скоро узнаю. Мне просто нужно хорошенько поразмыслить над всем происшедшим. Кое-что я уже подозреваю.

Кальман подошел к Каре.

— Эрнё,— сказал он, дотронувшись до его рукава.— Может быть, я и в самом деле веду себя странно, но ты пойми меня правильно, у меня есть на то причина. Если бы ты был в состоянии помочь мне, я рассказал бы тебе все откровенно. Но, увы, ты не можешь мне помочь, а я не хочу понапрасну обременять тебя своими заботами.

— Можешь совершенно спокойно рассказать мне все.

— Пока еще нет. Может быть, когда-нибудь позже. Но прошу тебя, верь мне.

— Да в чем дело? Почему ты говоришь какими-то загадками?

— Вы расшифровали текст, изъятый у этого Петё?

— Пока еще нет,— сказал Кара.— Но это вопрос времени.

— А по-моему, его шифровка — набор случайных цифр, чтобы ввести вас в заблуждение.

— Почему ты так думаешь? — с интересом спросил полковник.

— Я попытался представить себе ход мысли моего дяди,— сказал Кальман.— А поскольку я знаю его лучше, чем вы, мне кажется, я разгадал его замысел. Шалго, по сведениям, полученным от французского агента, продался англичанам.

— Точно.

— Но из донесения, если я правильно расшифровал текст, явствует, что Шалго не знает имени инженера, согласившегося на сотрудничество с иностранной разведкой. Теперь слушай меня внимательно,

потому что в этом — существо вопроса. Вполне вероятно, что эти важные сведения майор Рельнат не сообщил даже своему курьеру, хотя, впрочем, ты знаешь это лучше меня.

— Правильно, не сообщил!

— Откровенно говоря, это и так ясно. Имя агента — в шифровке. Если агент даже провалится, он не сможет выдать самого главного...— Кальман немного задумался, прошелся по кабинету.— Все, есть! — воскликнул он вдруг.— Вот, представь себе: я — Игнац Шавош, и вдруг ко мне заявляется Шалго. который известен мне как французский агент. Я встречаю его с опаской: предателей никто не любит. Шалго сообщает мне, что майор Рельнат собирается перебросить через границу курьера X. У этого курьера находится шифровка, которую он должен передать агенту по кличке «Доктор». Что делаю я в этой ситуации?

— Ну, что же ты делаешь?

— Я задерживаю этого курьера. Разгадываю шифр, перевербовываю агента и — теперь слушай особенно внимательно — перебрасываю его через границу с фальшивым заданием, ложными инструкциями и бессмысленным текстом на микропленке.

— Но зачем? — удивился Кара.

— Затем, что я не позволю, чтобы ценный материал угодил в руки моих соперников. Предполагаю, что Шалго и его подручные надеются заполучить этот материал с моей, Шавоша, помощью. Где же гарантия, что Петё отдаст чертежи именно мне?

— Очень смелое предположение! — заметил Кара.— Но в нем есть своя логика.

— Даю голову на отсечение, что из шифровки вы так и не узнаете фамилию инженера, согласившегося продать материал. Я не хочу сказать, что в этом сообщении нет никакого имени, но если оно и есть, то только для того, чтобы направить вас по ложному пути.

— Это понятно,— сказал Кара, облокотясь на стол.— Ты думаешь, что англичане, зная имя инженера, теперь пошлют своего собственного агента добывать документацию?

— Или уже послали.

— Интересно. Может, ты и прав,— согласился Кара.— Тогда получается, что мы стоим на берегу

широкой реки и у нас нет лодки. Выходит, все нужно начинать сначала?

— Да, конечно,— подтвердил Кальман,— но теперь вам гораздо легче, потому что вы уже знаете, на что идет игра.

Кальман рассуждал правильно: Кара и его сотрудники зашли в тупик. Правда, Даницкого они разоблачили. Поймали они и Петё. Но все это было весьма и весьма слабым утешением. Необходимо было воспрепятствовать вывозу на Запад документации ВН-00-7. А это было делом нелегким.

Группа Кары приступила к секретной проверке всех работавших в лаборатории, и это было, пожалуй, самым трудным и хлопотливым делом.

Кальман, понятно, ничего не знал, он был поглощен своими заботами. Прежде всего он перебрал в памяти все свое прошлое. Валялся на тахте и глядел в потолок. Он старался припомнить все, до самой незначительной мелочи. И Кальман ругал себя сейчас, что не расспросил об этом Шалго: старший инспектор наверняка мог бы сообщить ему кое-какие интересные сведения. Стоило Кальману смежить веки, как перед ним вставал хромой здоровяк. Человек этот сказал ему тогда, что его зовут Фекете и что он слесарь.

Неожиданно Кальмана охватило волнение: ему припомнилась одна фраза, которую Фекете обронил, когда мимо их камеры проводили Шалго: «Хорошо, что только один день довелось мне пробыть с ним вместе,— невыносимый тип».

Кальман вскочил и, возбужденный, принялся бегать по комнате. Когда пришла Юдит, он, все еще взволнованный, привлек ее к себе, поцеловал и тут же сбивчиво, торопясь, рассказал о своем открытии.

— Так почему же ты не спросил Шалго, кто был тот человек? — удивилась девушка.

— Я должен его найти! — воскликнул Кальман и посмотрел на Юдит.

— Но как? Ведь в Венгрии каждый пятый носит фамилию Фекете.

— Но не у каждого шрам на верхней губе и не каждый Фекете хромает на левую ногу.

— А что, если он только прикидывался хромым?

— Тогда у меня еще больше причин разыскивать его: уже одно это доказывает, что он был провокатором!

Юдит сидела подавленная, бессильно уронив руки на колени.

— Ну что ж, попробуем разыскать его.— Она печально посмотрела на Кальмана.— Хотя Домбаи и его людям сделать это было бы куда легче.

— Ты уже отчаялась?

— Я не отчаялась, но и твоего недоверия к Шандору не понимаю.

— Потому что ты не слышала той магнитофонной записи,— возразил Кальман. Он обеспокоенно посмотрел на девушку.— Получается, будто Виолу предал я! Из-за меня он погиб. Так что невиновность свою я смогу доказать только одним способом — если найду этого самого хромого Фекете.

Работы профессора Калди в течение многих лет регулярно публиковались и в странах Запада. Год назад лондонское издательство «Пегас» заключило со старым профессором договор на издание английского перевода его «Избранных сочинений по эстетике». Профессор согласился подписать договор при условии, что корректуру пришлют ему в Будапешт. Издательство приняло условие старого ученого. Но вот несколько недель назад Калди получил приглашение поехать — разумеется, за счет издательства — в Лондон и там прочесть верстку и подписать книгу в печать. Вначале идея поездки понравилась профессору. Однако Кальман не посоветовал ему ехать, и Калди отказался от предложения издателя и настоял на выполнении условий договора. А четыре дня назад из Лондона приехал главный редактор издательства, мистер Томас Шаломон, высокий полнеющий мужчина лет пятидесяти пяти. Гость остановился в «Грандотеле» на острове Маргит. В тот же вечер он дал в честь старого ученого ужин. На ужине присутствовала и Юдит. Это был приятный вечер. К удивлению Юдит, Шаломон хорошо и глубоко знал венгерскую литературу.

А в это время полковник Кара беседовал в своем кабинете с подполковником Тимаром. Тимар расска-

зал Каре, что́ ему как следователю удалось до сих пор выявить. Кара, правда, не был его начальником, но Тимару просто хотелось знать его мнение о деле Виолы, поскольку в свое время Кара и сам являлся членом этой подпольной группы.

— Видите ли, товарищ подполковник,— объяснял ему Кара,— Марианна Калди обязательно должна была знать подпольную кличку Татара, пароль и запасную явку.

— Тогда, значит, и доктор Агаи знает их, товарищ полковник.

— Но почему же? Марианне Калди положено было знать все это потому, что она была связной Татара. Ведь она, возвратившись из какой-нибудь очередной поездки, могла не застать Татара на старой квартире; Татару приходилось в то время часто менять адреса. А ведь связь не должна была прерваться. Когда был схвачен Татар? Вам удалось установить точную дату?

— Показания сильно расходятся. Но можно совершенно точно сказать, что это произошло между двадцатым апреля и десятым мая,— ответил Тимар, перелистав документы.

— Первого мая Татар уже был в застенке,— вставил Кара.— Я должен был встретиться с ним первого числа, но он не вышел на встречу. Итак, Калди не могла быть предательницей, потому что она погибла между двадцать пятым и тридцатым марта. Если бы Татара выдала она, Шликкен не стал бы тянуть с его арестом до конца апреля.

— Это верно, товарищ полковник,— согласился Тимар.— Но факт остается фактом, что ни один из членов мишкольцевской ячейки не знал Татара не только в лицо, но даже никогда не слышал его настоящей фамилии. Я допросил всех, кто остался в живых. Бушу, сапожника, знал один только Клич, покончивший жизнь самоубийством. Сам Буша погиб в начале апреля, а вот знал ли он запасные явки Татара — это вопрос.

— Маловероятно,— заметил Кара.— Теперь я понимаю, почему вы подозреваете Борши. Вы думаете, что Марианна, когда ее посадили в одну камеру с Кальманом, назвала ему и пароль и содержание сообщения, которое она должна была передать Татару?

Тимар кивнул.

— Товарищ полковник, взгляните вот на эту схему.— Тимар расстелил на столе лист ватмана и принялся объяснять значение различных нанесенных на нем линий и кружков.

— Это Татар,— показал он на красный кружок.— А вот ваша группа, товарищ полковник; синий кружок — это ячейка города Мишкольца. Вот здесь уйпештские ячейки, здесь звено Буши, тут вот связная Марианна Калди.— Он на мгновение задумался.— Давайте посмотрим, где произошел провал. Вечером семнадцатого были схвачены подпольщики в Мишкольце. Нам известно, что их выдал один инженер, по кличке «Ворчун». К сожалению, ему удалось сбежать на Запад. Понятно также, как и почему провалился Буша. Поскольку, однако, из его звена больше не был арестован ни один человек, можно сделать вывод, что Буша никого не выдал. На следующий день схватили Белочку, то есть Марианну Калди. Кто выдал ее — нам неизвестно. Из мишкольцевской ячейки ее никто не знал. О том, что Марианна Калди и Белочка — одно и то же лицо, известно было только Буше, Татару и доктору Агаи.

— И Домбаи,— добавил Кара.

— Итак, четверо. Из этих четверых ни один не мог предать Марианну, иначе этот человек выдал бы и свою ячейку. Между прочим, трудно представить, чтобы Марианна не рассказала о своих подозрениях жениху. На мой взгляд, Борши знает очень много об этом деле. И я могу объяснить, почему он молчит.

— Почему?

— Взгляните вот на эту таблицу, товарищ полковник.

Кара стал внимательно рассматривать аккуратно вычерченную хронологическую таблицу, где значилось следующее:

«18 марта 1944 года, до полудня: перестрелка на квартире доктора Агаи. Побег.

18 марта 1944 года, после полудня: доктор Агаи у Марианны Калди. Татар в Ракошхеди.

18 марта 1944 года, вечер: Марианна Калди арестована.

18 марта 1944 года, ночь: Борши приезжает из Сегеда, его также арестовывают.

25—30 марта 1944 года: допросы, смерть Марианны Калди и Буши.

30 марта — 14 апреля 1944 года: Борши находится на излечении в госпитале.

15 — 26 апреля 1944 года: Борши снова переводят на виллу гестапо, берут на работу садовником.

26 апреля 1944 года: Борши опять арестовывают.

29 апреля 1944 года: арестовывают профессора Калди.

28 апреля — 1 мая 1944 года: провал Татара.

30 апреля 1944 года: Борши вместе с Шалго совершают побег».

Кара задумчиво курил и, глядя на хронологическую таблицу, пытался угадать, к каким же выводам пришел подполковник Тимар.

— Если я правильно вас понял,— тихо сказал он,— вы, товарищ Тимар, полагаете, что во время своего второго ареста Борши, узнав от Марианны пароль и явку, где скрывался Виола, из страха перед пытками выдал немцам сообщенные ему секретные сведения.

— Совершенно верно, товарищ полковник, но с одним дополнением: позднее, желая, по-видимому, загладить свою вину, он присоединился к вашей группе.

— Очень смелое предположение.

— Знаю, но — обоснованное. Я иду еще дальше. Он же выдал и... адрес квартиры, где скрывался профессор Калди.

— Ну что вы! Почему же он тогда не выдал Домбаи?

— Потому что не знал, где Домбаи находился. Но дядю своего он успел выдать, потому что в тот же день немцы пытались арестовать и Игнаца Шавоша. Таковы факты, товарищ полковник.

— Факты, не спорю, упрямая штука, но ваши выводы ошибочны. Профессора Калди выдал доктор Игнац Шавош.

— А где доказательства? — воскликнул подполковник.— Только показания Борши и Домбаи. Но они оба сами ссылаются при этом на немецкого врача, от которого якобы это слышали.

— И что же вы собираетесь предпринять? — Кара, явно недовольный, поднялся.

— Внесу предложение на арест Кальмана Борши.

— Но улики, собранные вами, неубедительны. Погодите немного.

— Не могу поступить иначе, товарищ полковник. Знаю, что Борши ваш приятель, но иногда люди ошибаются и в друзьях.

— Вы уже доложили о своем предложении?

— Да, доложил.

Кара поднялся, подошел к телефону и набрал номер заместителя министра.

— Эрнё Кара. Привет. Мне нужно немедленно поговорить с тобой.

Час спустя начальник следственного управления сообщил подполковнику Тимару, что заместитель министра не дал разрешения на арест Кальмана Борши.

IX

В библиотеке своей лондонской квартиры доктор Шавош беседовал с Шалго.

— Знаете, Шалго,— говорил он, вглядываясь в лицо бывшего старшего инспектора,— если бы нам с вами милостью божьей объединить наши усилия, мы добились бы фантастических успехов!

— Ну что ж, полковник, давайте объединимся! — весело согласился толстяк.

Шавош, немного помолчав, заметил:

— К сожалению, это невозможно.

— Почему же? — спросил Шалго, хотя уже заранее знал, каков будет ответ. Шавош был крепким орешком и ловко умел скрывать свои мысли.

— Скажите, вы доверяете мне?

Вопрос был поставлен в лоб, но Шалго понимал, что если он собирается добиться чего-нибудь от Шавоша, то должен быть хотя бы в известных пределах откровенным. Пососав толстую сигару и опустив тяжелые веки, он сказал:

— Нет. Так же, впрочем, как и вы мне.— С его лица сбежала добродушная усмешка, он пощипал свой подбородок и с некоторой грустью продолжал:— А поэтому, дорогой полковник, обстановка вынуждает меня к самозащите.

— Что вы имеете в виду? — полюбопытствовал Шавош, прищурив один глаз.

Шалго подался корпусом вперед.

— Что случится, если однажды кто-нибудь возьмет да и шепнет французам, что я одновременно работаю и на вас?

— Не говорите глупостей, Шалго! — возмутился Шавош. Он хотел еще что-то добавить, но толстяк, подняв руку, остановил его:

— Только не клянитесь, полковник! Я ведь тоже немного знаю нашу профессию, и правила игры мне достаточно известны! — Он положил сигару, достал из кармана платок, откашлялся.— Оберегать меня вы будете только до той поры, пока я не перестану представлять интерес для вашей службы.

Шавош рассмеялся и покачал головой.

— И как вы этого собираетесь достигнуть? — спросил он.

— Очень просто.— Шалго в упор посмотрел на Шавоша.— Я опорожняю для вас свой сейф не сразу, лишь небольшими порциями. И удерживаю в своей памяти не все, а только то,— он сделал паузу,— что кажется мне наиболее целесообразным.

Шавош внимательно слушал рассуждения толстяка и чувствовал, что наступил подходящий психологический момент, когда он может спросить, каковы же отношения между Кальманом и Шалго. В Вене он уже однажды спрашивал его об этом, но тогда Шалго уклонился от ответа. Сейчас толстяк, кажется, разоткровенничался.

— Шалго, вы завербовали моего племянника?

Шалго, удивленный, но и довольный, взглянул на полковника, потому что ему тоже хотелось знать, встречался ли Шавош с Кальманом в Вене.

— Интересно, почему вы думаете, что я завербовал его?

Шавош пожал плечами. Отвечая, он взвешивал каждое слово.

— Просто думаю, что и французам не помешал бы свой агент в Дубне. Вы же, дорогой Шалго, имеете полную возможность скомпрометировать Борши, а значит, и заставить его работать на себя.

— Как будто вы не можете заставить его работать на себя! — парировал Шалго.

— Сейчас речь не о нас. Я хотел бы слышать ваш ответ.

Шалго потер подбородок и усмехнулся.

— Я понимаю вас, полковник. Вас смущает то обстоятельство, почему я, когда работал секретным сотрудником в новой венгерской контрразведке, не выдал, не разоблачил Кальмана? И вы тут же делаете вывод, что я завербовал его. Должен согласиться, что умозаключение вполне логичное.

Шавош утвердительно кивнул.

— Совершенно верно. Из донесения барона Жиграи я знал, что венгерская контрразведка занимается Кальманом и что его уже несколько раз допрашивали. Пытались доказать, что он английский агент. Но им не удалось этого сделать в основном потому, что вы, Шалго, отказались тогда дать против него показания. Отсюда логичный вопрос: почему?

Улыбка Шалго стала еще мягче. Он хихикнул себе под нос и сказал:

— Действительно, логичный вопрос. В особенности если принять во внимание, что Кальмана подозревали не только в том, что он сотрудничал с англичанами, но и в том, что он был агентом гестапо и выдал немцам и Марианну Калди и всю подпольную группу Татара. Чтобы успокоить вас, скажу, что я тоже знал об этом идиотском подозрении. Кальман обратился ко мне за советом: что ему делать. А я посоветовал ему молчать. И тем не менее я не завербовал его.

— А позднее? — настаивал Шавош.

— И позднее нет. Хотя и получил приказ на его вербовку.

Полковник поиграл галстуком и задумчиво проговорил:

— Почему же вы не выполнили приказ?

— А вот это как раз то, чего вы, дорогой полковник, не в состоянии понять! — бросил Шалго.

— Не хитрите, Шалго! — воскликнул полковник.

— И тем не менее это так! Оскар Шалго способен в определенные моменты жизни быть сентиментальным. Представьте себе, я чувствовал самые настоящие угрызения совести. А позднее, когда я действительно получил приказ завербовать его, я понял, что это мне уже не удастся сделать. Борши за это

время успел перемениться. Поймите, полковник: как это ни парадоксальио, я люблю этого человека и хочу, чтобы ои был счастлив!..

Шавоша привели в замешательство слова Шалго. Интуитивно он почувствовал, что толстяк совершенно искреиен. Каким сделалось добрым, мягким его лицо, когда он говорил о Кальмане! Интересио, знает ли Шалго, что ему, Шавошу, все же удалось заставить Кальмана вновь сотрудничать с английской разведкой.

— Я хотел объясиить вам, для чего я, собственно, пригласил вас в Лоидон.

— Слушаю вас, полковник,— сказал толстяк, откинулся в кресле и полуприкрыл свои тяжелые веки.

— Я хотел бы, чтобы вы поехали в Будапешт. Погодите, Шалго, ие перебивайте. Выслушайте до конца. Вы знаете, что Кальман Борши секретный сотрудиик «Интеллидженс сервис». Много лет мы держали его в резерве. За это время он вырос в физика-атомщика, стал учеиым, работает в атомном центре в Дубие. Теперь и я постараюсь быть совершеиио откровеиным с вами. Известная вам документация иас не очеиь интересует. Достаием — хорошо, но важиее всего для иас Борши! Мы просто не можем отказаться от иего. Вот я и хочу попросить вас: поезжайте в Будапешт и восстаиовите нам связь с Борши.

— Это была бы напрасная трата сил,— отказался Шалго, дивясь про себя столь страиному предложеиию Шавоша: ведь ои только что сказал ему, что не выполиил аналогичного приказа французов. Чего хочет, собствеиио, этот Шавош? И вслух ои добавил:— Нет в наших руках иичего такого, чем можно было бы «прижать» Борши.

Шавош усмехиулся, и морщинки на его лице снова бросились врассыпиую по всему лицу.

— А если есть? Если у иас есть материал, с помощью которого мы сможем без всякого риска для себя заставить его работать иа нас?

Шалго стаиовилось все больше не по себе. Он скрестил свои пухлые руки на груди и ничего не отвечал, делая вид, что вся эта история совершенно не интересует его. Зато полковиик все так же с жаром продолжал:

— Ну, а если мы все же располагаем убедительными доказательствами, что Кальман в самом деле был агентом фон Шликкена? И документально сможем подтвердить, что это он был виновником провала группы Татара?

Шалго был поражен. Он не хотел верить тому, что услышал, и наугад бросил:

— Это же чушь! Вы и сами хорошо знаете, что Кальман никогда не был предателем!

— Конечно, знаю! И тем не менее мы можем доказать это. В нашем распоряжении имеются такие документики, что нет в мире суда, который решился бы снять с него обвинение в предательстве.

— Интересно,— сказал Шалго и тут же стал прикидывать, какие же «документики» могли находиться в руках Шавоша.

И он быстро разгадал замысел Шавоша: ведь онто точно знал, что Кальман не предатель, поскольку ему была известна и вся история предательства группы Татара и сам предатель; правда, он, Шалго, никогда не говорил об этом Кальману, надеясь, что Кальман никогда не узнает этого. Шалго поднял глаза на Шавоша и с отвращением посмотрел ему в лицо.

— Какой же вы жестокий человек, полковник. Неужели вы способны погубить собственного племянника?

Лицо Шавоша передернулось — замечание Шалго больно задело его.

— Вполне возможно, что мои действия кажутся вам жестокими,— возразил он осторожно.— Но это совсем не так. Это просто моя принципиальность...

Толстяк нетерпеливо отмахнулся:

— Принципиальность? Давайте не будем обманывать друг друга, полковник. Мы оба с вами — игрушки в чужих руках. Э, да все равно, продолжайте. Извините, что я вас перебил. Но меня всегда злит, когда вполне понятные вещи замаскировываются высокопарными словами.

— Вы что же, считаете меня негодяем?

— Ничего подобного, полковник. Я считаю вас просто жестоким человеком, который способен погубить даже собственного племянника, если интересы «Интеллидженс сервис» требуют этого. А вы боитесь, не смеете возразить.

— Так вот слушайте,— слегка повышая голос н чуточку торжественно начал Шавош.— Я прнемлю ваш эпнтет «жестокий» н подтверждаю, что, если Кальман Борши стал предателем, перебежав на сторону коммунистов, я без колебання убью его, хотя потом и буду горевать по нем, потому что люблю его! Вы, Шалго, не способны этого понять, потому что вы жалкнй обыватель, у вас действительно нет никакнх принципов. Вы лншь ради собственной корысти люоите свою профессию и занимаетесь ею со страстью картежника.

Шалго с усмешкой выслушал выпад разгневанного Шавоша. Нет, он не оскорбнлся, напротив, даже был рад, что ему удалось вывести Шавоша из себя.

— Браво, полковник! Я жалкий обыватель! Но н у меня тоже есть кое-какие принципы. Еслн вас интересует, я могу их вам перечнслить.

Он поудобнее уселся в кресле, закурил сигару и сквозь облако табачного дыма посмотрел на морщннистое лицо Шавоша, который, чтобы дать улечься своему гневу, снова сндел строгнй и подтянутый.

— Мой первый принцнп: я не поеду в Будапешт и не стану вербовать вашего племянника. Если же я узнаю, что вы пытаетесь это сделать сами, я помешаю вам.

Шавош уже полностью обрел спокойствие и, пожалуй, несколько высокомерно, заметил:

— А вы не считаете, что сами находнтесь у нас в руках?

— О да! Только ведь н я не дурак, мой дорогой. Это вы можете видеть хотя бы из того материала, что я передал вам. Вы, полковник, не захотите разделаться со мной до тех пор, пока я располагаю нзвестной вам информацней. Думаю, что вас все же ннтересует, кто нз сотруднnков ваших резндентур в Европе работает н на нас. А вот Оскар Шалго знает этнх людей.

— Говорите яснее! — нетерпеливо перебил его Шавош. Он почувствовал, что намекн Шалго небеспредметны.

— Я говорю совершенно ясно, вы уже знаете, кто из людей в вашей венской миссии находнтся у меня на службе?

— Не болтайте ерунды.

— Не верите? — И Шалго продолжал с легким оттенком гордости:— А если я скажу, например, что вы принесли в жертву Петё и послали его к несуществующему агенту, вручив ему не шифровку, а бессмысленный набор цифр?

Как Шавош ни старался сохранить спокойствие, он побледнел.

— Откуда вам это известно?

— Уж не думаете ли вы, что я задаром открою вам этот секрет? — удивился Шалго.— Я готов сотрудничать с вами, но запомните — как равный с равным. Как компаньон! И если вы умный человек, вы с моей помощью сможете горы своротить. В моем портфеле хранится много интересных материалов. В том числе найдется в нем и кое-какая занятная информация на самого Игнаца Шавоша. Но только не вздумайте ставить мне ловушки или подсылать наемного убийцу, потому что я имею обыкновение работать с пятикратной подстраховкой.

Шавош был поражен, слушая темпераментное словоизвержение толстяка. Перед ним сидел совершенно иной, доселе незнакомый ему Шалго, и Шавош подсознательно чувствовал, что каждое его слово сказано всерьез. А Шалго продолжал:

— Я предлагаю вам один бизнес — величайшее дело вашей жизни, рядом с которым возня вокруг Кальмана Борши покажется вам просто жалкой суетой.

Шавош облизнул нижнюю губу и глубоко вздохнул.

— А именно?

— Выдайте мне Генриха фон Шликкена. В обмен я предлагаю вам список английской агентуры, работающей на французов.

Неожиданный оборот ошарашил Шавоша.

— Шликкена? Но как вы это себе представляете?

— Вы скажете мне, где и под каким именем он живет. Остальное — мое дело.

— И что вы собираетесь с ним сделать?

— Ничего особенного. Я просто убью его. Это единственная цель моей жизни.— В глазах Шалго засверкали грозные огоньки.— После того как я убью его, вы можете преспокойно покончить со мной.— Шалго неожиданно встал, взволнованный, прошел к

окну и выглянул на улнцу.— Знаете, полковннк,— глуховатым голосом проговорнл он,— у вас нет никакнх гарантий, что Шликкен работает только на вас. К тому же это «засвеченный» разведчнк. А у меня еще не тронутая сеть в Венгрии, н не какие-нибудь там ннчтожные людишкн, агенты первый сорт.

— Я дам вам ответ через неделю.

— Нет, немедленно! — возразнл Шалго и отошел от окна. В голосе его звучала настоящая мольба, когда он продолжал:— Полковннк, за Шлнккена я готов отдать все!..

Шавош встал, схватнл Шалго за руку н, заглянув ему в глаза, воскликнул:

— За Кальмана Борши я могу отдать вам Шликкена! Дубна стоит многого!

Шалго выдержал пронзнтельный взгляд полковннка. Тнхо н очень серьезно он возразнл:

— За Шлнккена я отдам вам полковника Эрнё Кару.

Шавош почувствовал странное головокружение.

И даже позднее, вечером, беседуя с однпм нз шефов «Интеллидженс сервнс», Шавош все еще не мог освободиться от овладевшего нм волнения. Он просто не мог прнйти в себя.

Шеф, худощавый старнк лет шестидесяти, сндел за столом и играл обыкновенной деревянной лнней-кой. О, шеф отлнчно поннмал, какую ценность представляло предложение Шалго! Еслн бы они получнлн в свои руки одного из руководнтелей венгерской контрразведки, это стонло бы и десятка фон Шлнккенов!

— Вы счнтаете реальной такую возможность? — спроснл он Шавоша, поглажнвая свои густые усы.

— О да, сэр, безусловно! Разрешнте мне напомнить вам некоторые пункты донесения.

— Знаю, читал донесение, полковннк. Но я хотел бы задать несколько вопросов самому господину Шалго.

— Сейчас позову его.

Шавош поднялся, прошел через огромный, как танцевальный зал, кабинет и позвал Шалго. Шалго прнблнжался к большому пнсьменному столу нетороплнвыми шагами. Церемоння знакомства была короткой, но торжественной, хотя Шалго держался совершенно спокойно: на него не пронзвело нн малей-

шего впечатлення, что он находнтся на приеме у одного нз руководителей всемогущей «Интеллндженс сервис».

Шеф показал на кресло.

Дождавшись, когда Шалго усядется, он предложил гостю снгару.

— Ваше предложенне, господин Шалго, очень интересно,— проговорнл он, снова беря в рукн лннейку.— Не сочтите за недоверие, но прежде я задам вам несколько вопросов.

Шалго посмотрел на часы.

— Охотно отвечу на них, сэр, но должен предупредить вас, что через два часа отправляется мой самолет. А я прн любых обстоятельствах должен возвратиться в Вену сегодня.

— Я буду краток, господнн Шалго. Когда вы завербовалн Эрнё Кару?

— В сорок втором году,— ответил Шалго несколько приглушенным голосом.— Он был арестован в связн с так называемым делом Харастн. Его моглн бы н повесить, но я дал ему возможность бежать. С тех пор я поддержнваю с ннм связь.

Шеф удовлетворенно кнвнул.

— Позднее вы вместе с ним сражались протнв фашнстов?

— Да, сэр. Но что в этом уднвительного?

— Вы ошнбаетесь, господнн Шалго, я не уднвляюсь. Напротив, я считаю это вполне естественным. Кара не числнлся в картотеке старого отдела контрразведкн?

— Нет, сэр. Ценных агентов я никогда не ставил на учет, потому что все мон начальннки былн днлетантами н тупнцами.— Снова посмотрев на часы, Шалго продолжал, еще сильнее прнглушив голос:— Я хотел бы, сэр, упомянуть и о том, что Кара пять лет отсидел в тюрьме. Роднтелн его все этн годы терпелн нужду, н Кара никогда не простнт этого. Больше я ничего вам не скажу. Я свое предложенне сделал, решайте...

Шеф, как видно, придержнвался своего, заранее продуманного плана беседы, потому что он сказал:

— Еще один вопрос, господин Шалго.— Он провел рукой вдоль линейки.— Почему вы до сих пор не передали Кару французам?

Шалго скривил рот, иронически усмехнувшись.

— Что ж, вполне логичный вопрос, сэр! Но те, кто знаком со мной ближе, знают, что я не гонюсь ни за богатством, ни за наградами или снисходительными похвалами.

Шеф вежливо кашлянул.

— Завтра до полуночи вы получите ответ.

На этом аудиенция была окончена.

После ухода Шалго шеф задумался. Шавош с нетерпением ожидал его ответа.

— Вот уж не подумал бы, что в этом сонном толстяке столько самолюбия,— сказал шеф и, помедлив, добавил:— И гордости!

— Когда Шликкен наконец решит свою задачу?— спросил он.

— Дня через три-четыре.

Шеф кивнул и холодно сказал;

— И все же что-то не нравится мне в этом деле, полковник.

Шавош всем телом подался вперед.

— А именно, сэр?

— Не нравится, что добывание документации вы связали с делом Борши. Очень не нравится.

Шавошу показалось, будто его ударили чем-то тяжелым по голове.

— Сэр! — сказал он вслух слегка раздраженно.— Я специалист. План этот я разработал со всей тщательностью. И уверяю вас: Кальман Борши не ускользнет от нас.

— Да, конечно. И все же я был бы куда более спокоен, если бы вы лично руководили этим делом.

— Вы хотите, чтобы я поехал в Будапешт?

— Да, я был бы рад. Вы знаете, полковник, этот Шалго действительно гениальный малый, и он заставил меня кое над чем задуматься...

— Понимаю вас, сэр. Насчет поездки я сейчас распоряжусь. А как быть с предложением Шалго?

— Я предоставляю вам полную свободу действий, полковник. Но смотрите, промах исключается!

Шавош самоуверенно улыбнулся.

— Вы преуменьшаете мои возможности, сэр. Мы следим за каждым шагом Шалго, в частности, подключились к звукозаписывающей системе французов, установленной в его квартире.

— Хорошо, полковник. Желаю успеха.

Они не подумали только об одном, а именно, что и Оскару Шалго все это было хорошо известно.

Распоряжения полковника Кары начинали казаться Шандору Домбаи все более странными; ему было непонятно, почему все еще не арестован Даницкий, мало того, этому шпиону позволяют встречаться с Петё; почему до сих пор не схватили французских агентов, которых перечислил на допросе арестованный курьер. В то же время Домбаи заметил, что Кара стал раздражителен и словно был чем-то озабочен. Странно, что по его указаниям за Кальманом ведется слежка, причем на него тратится куда больше сил и времени, чем на Даницкого. В общем, Домбаи задело за живое, что Кара не доверяет ему, и он не мог скрыть этой своей обиды. Как-то вечером он пришел к полковнику и заявил ему напрямик:

— Я, товарищ полковник, хочу подать в отставку.

Кару удивил и официальный тон Домбаи и обращение на «вы»: ведь с глазу на глаз они, как и подобает старым друзьям, были по-прежнему на «ты». Кара устало провел ладонью по лбу, не улыбнулся, как всегда, и не сказал майору «садись», а, приняв предложенный Домбаи тон, спросил:

— Почему же вы решили подать в отставку?

Домбаи, в свою очередь, тоже был удивлен этим холодным, официальным тоном, так как в душе ожидал, что Кара подойдет к нему, похлопает его по плечу, скажет: «Не дури, старик» — и объяснит смысл своих последних распоряжений. Однако ничего подобного не произошло. Обескураженный Домбаи плотно стиснул зубы и после недолгого раздумья выпалил:

— Не согласен я, товарищ полковник, с вашими методами руководства, с вашими указаниями по делу Даницкого и со многим другим...

Кара закурил, глубоко затянулся.

— Ну что ж, подайте рапорт, как положено,— сказал он.— Я поддержу вашу просьбу.

Домбаи сжал кулаки. Он не знал, что и сказать в ответ. Больше всего ему хотелось грохнуть кулаком по столу. Он уже повернулся, чтобы уйти, когда глухой, но твердый голос Кары словно ударил его по спине:

— Товарищ майор!

Домбаи повернулся и устремил негодующий взгляд на друга.

— Кто вам разрешил идти?

Домбаи от ярости даже задохнулся.

— Вернитесь! — Кара поднялся, вышел из-за стола. Дождавшись, пока Домбаи подойдет, показал на стул. Домбаи сел.

— Послушай, Шандор,— строго сказал Кара.— Я не люблю подобных глупых выходок, достойных разве что школяра. Что, черт возьми, с тобой?

— Ты мне не доверяешь, а я в таких условиях не могу да и не хочу работать!

— Откуда ты взял, что я не доверяю тебе?

— Почему ты приказал установить слежку за Кальманом?

— Потому что я подозреваю его в шпионаже,— не сразу ответил Кара.

Домбаи удивленно посмотрел на Кару.

— Кальмана? — переспросил он хриплым голосом.

— Знаешь, Шандор, подполковник Тимар внес предложение об аресте Кальмана, высказав предположение, что группу Татара выдал Борши. Он построил целую гипотезу, поражающую убийственной логикой. На основании этой гипотезы Кальмана можно преспокойненько посадить. Я, правда, воспрепятствовал взятию Борши под стражу, потому что у меня тоже есть своя гипотеза. И скоро мы будем знать об этом деле гораздо больше. Тем не менее пока совершенно ясно одно: Кальман влип в какое-то очень опасное дело, нам не доверяет и теперь по всем признакам пытается своими силами выпутаться из этой истории.

— А почему ты сам не поговоришь с ним?

— Уже пытался. Он не отрицает, что с ним что-то произошло, но просил верить ему и не удивляться, если в последующие дни он будет вести себя странно. Ну, удивляться я не удивляюсь, а вот за него страшусь. Группу же Даницкого мы пока трогать не будем, потому что, по моему предположению, и похищение документации с завода тоже как-то связано с Кальманом. Представляешь: все события в конце концов развернулись точно так, как предсказал Кальман. Наши дешифровальщики пришли к выводу, что

найденная у Петё шифровка — абсолютная чушь. Иными словами, Петё был послан только для того, чтобы ввести нас в заблуждение. Выполнять же настоящее задание английской разведки в Будапешт прибудет кто-то другой. Я получил сообщение из Вены, что и доктор Шавош и Шликкен живы.

— И Шликкен тоже? — удивленно переспросил Домбаи.— Вот этого я не знал. Из показаний Петё мне только удалось выяснить, что Шавош не кто иной, как полковник Олдиес.

Услышав это, Кара, словно мгновенно стряхнув с себя усталость, оживился:

— А скажи, если мы поверим, что Игнац Шавош и полковник Олдиес одно и то же лицо, можно ли представить себе, что он до сих пор не встретился с Кальманом?

— С трудом,— признался Домбаи.

— Но почему же тогда Кальман отрицает это? — поставил вопрос Кара и сам же ответил на него:— Значит, у него есть на то причины.

— Между прочим, о встрече с Шалго он рассказал...

Домбаи задумчиво устремил взгляд перед собой; ему стало не по себе.

— Эрнё, я поговорю с Кальманом!

— Пока не нужно,— остановил его Кара.— Придет время, мы с тобой вместе поговорим с ним.

Кальман очень скоро заметил, что за ним следят. И это омрачило его. Надо поговорить с Калди, решил он, рассказать ему все и попросить у него совета.

Вдруг Кальман замер, осененный внезапно пришедшей ему в голову догадкой. В том, что Илонка в ту пору являлась агентом гестапо, у Кальмана не было никакого сомнения, равно как и в том, что ее могли посадить в камеру к Марианне только по указанию Шликкена. Но действительно ли Марианна говорила ему об Илонке или он сам это придумал? Кальман воскресил в памяти их последнюю встречу с Марианной, подробности их разговора и убедился в том, что он не ошибся. Ему стало не по себе от охватившего его волнения. Если все действительно так, то он разгадал загадку и теперь для него все становилось ясным.

Борши торопливо сбежал вниз, на площадь Кальмана Селля. На его счастье, на стоянке оказалось свободное такси. Он был настолько убежден в правильности своего предположения, что уж больше не думал о слежке. Теперь следите, ходите за мной, думал он, а я уже напал на след и могу доказать свою невиновность! Да, Марианна точно так же, как и я в свое время, могла довериться Илонке и рассказать ей о донесении в надежде, что Илонка выйдет на свободу и передаст его Татару. А та тут же рассказала обо всем Шликкену. Ну, а майор свое дело знал. Только так все и могло произойти!

Неподалеку от многоквартирного дома, в котором жила теперь Илона Хорват, Кальман попросил водителя остановиться, заплатил и стремглав бросился в подъезд, думая об одном: только бы застать ее дома.

На счастье, Илона оказалась дома.

Илона с искренней радостью встретила Кальмана и не скрыла от него, что эта встреча взволновала ее. Кальман со смущенной улыбкой оглядел комнату, обставленную с большим вкусом. Илона, видимо, ожидала кого-то: на низеньком столике стояли бутылки с напитками, печенье и кофейные чашки. Сама хозяйка была в черных узких брюках и мохнатом мохеровом пуловере. Неожиданный приход Кальмана явно смутил ее.

Кальман присел к столику на край тахты. Странно, он не испытывал ни малейшей неприязни к этой женщине.

— Ты красивая,— искренне признал он.— Пожалуй, даже красивее, чем тогда...

Кальман закурил и угостил Илону.

— Спасибо. Выпьешь что-нибудь?

— Нет, пока нет. Может быть, позднее. Как жизнь? Завели детишек?

— Увы, нет. Поэтому и в театре я не очень-то охотно играю роли матерей.

— Хорошо зарабатываешь?

Илона смущенно засмеялась.

— Ты что, фининспектор? Много работаю,— уклончиво добавила она.

— Какую роль разыгрываешь ты сейчас? — спросил он с издевкой и протянул руку за коньячной бутылкой.

Улыбка на лице Илоны застыла, ее красивое лицо помрачнело. Она с упреком посмотрела на Кальмана, наполнявшего коньяком граненые хрустальные рюмки.

— Ты не вернешь мне, Кальман? — спросила она, тоже протягивая руку за рюмкой.

Кальман посмотрел на отливающий золотом напиток и, может быть, для того, чтобы не отступить ни шагу назад, нагловато проговорил: — За твой переход в другую веру, Илонка!

Но Илона поставила рюмку на стол, не приняв столь странный тост. Кальман, холодно посмотрев на нее, негромко пояснил:

— Вот Марианна поверила тебе, а ты ее предала. И ее убили. Я доверился тебе, ты и меня предала. И в том, что я уцелел, не твоя заслуга. Ты сделала все, чтобы мне не жить. Так почему же я должен вернить тебе?

Слова глухо падали в тишине.

— Собственно говоря, ты убийца! Я говорю это тебе на тот случай, если ты не знаешь этого,— продолжал Кальман без тени сожаления.

— И ты пришел наконец, чтобы отомстить? — спросила Илона.

— Нет, не за тем. Месть не моя профессия.

Взгляд Илоны оживился. Она вновь обрела силу, по-



чувствовала, что может и должна доказать свою искренность.

— Кальман, я понимаю тебя, когда ты не веришь мне; ты, собственно говоря, прав. Прошу тебя, выслушай меня, не перебивай!..— Кальман понимал, что она уже больше не играет, а говорит от души.— Недавно я разговаривала с одним из членов Верховного суда. Я рассказала ему всю свою жизнь, не называя себя. Не приукрашивала ничего. Рассказала обо всем: о Марианне, о тебе, о том, как перешла на сторону борцов Сопротивления,— одним словом, раздела себя перед ним донага. Судья так и не понял, что рассказываю-то я о самой себе. Ну, а потом спросила его: что может ожидать героиню моей истории, если она явится в полицию и сама честно заявит о своем прошлом? Он долго думал, а потом сказал: вероятнее всего, ее простят. Конечно, я своими доносами гестапо ускорила гибель Марианны, но позднее, работая уже на движение Сопротивления, я ведь спасла жизнь многим людям, и это можно подтвердить фактами. Это так. Но, поверь мне, причиной свершившейся трагедии была не я одна. Немножко и ты.

— Что ты имеешь в виду?

— Лгала не только я тебе, но и ты мне. Но это сейчас уже не важно. Шликкен прокрутил мне тогда одну запись,— пояснила Илона,— ту, где ты обязался служить им. Именно это и сбило меня в то время с толку. Ты понял?

Кальман понял и пришел в еще большее замешательство. Приходилось согласиться с Илоной. Выходит, Шликкен обвел вокруг пальца не только его, но и Илону. Теперь ему еще яснее стало, что в то время они все были обречены на провал и каким злым гением на их пути был Шликкен.

— Значит, ты поверила в то, что я — агент гестапо?

— Да, я же слышала твой голос, Кальман, читала твою подписку о сотрудничестве. И когда Шликкен велел мне сообщить тебе об аресте Домбаи, я подумала, что это он меня проверяет, что ты, вероятно, потом доложишь все ему о нашем с тобой разговоре. Между прочим, когда ты в последний раз был у меня в моей комнате, я знала, что весь наш разговор с тобою подслушивается.

— Где сейчас Шликкен? — неожиданно спросил Кальман.

— Не знаю. С тех пор я больше его не видела.

— И не слышала о нем?

— Нет.

— Илонка,— задумчиво проговорил Кальман,— а какое задание дал тебе Шликкен, поместив тебя в одну камеру с Марианной?

Илона, по-видимому, действительно часто думала о своем прошлом и потому хорошо помнила все подробности. Она ответила на вопрос Кальмана сразу, без раздумья, словно в течение многих лет ожидала его.

— Мне было поручено узнать, кто те коммунисты, с которыми она поддерживала связь.

— И ты узнала это?

— Нет.— Илона потупила голову, по-видимому, придавленная воспоминаниями. Слова тяжело падали с ее губ.— Марианна не назвала мне их, вероятно заподозрив неладное.

Кальман по-своему истолковал задумчивость Илоны и строго сказал:

— Ты говоришь неправду!

— Нет, Кальман, я говорю правду. Да и какой мне смысл сейчас врать?

— Тогда, может быть, ты забыла? Вспомни!

— Лучше бы мне не помнить! — с болью в голосе воскликнула Илона.— Но, увы, я помню каждое ее слово, каждое движение. Помню так, как будто сейчас вижу ее перед собой. У нее еще хватило сил утешать меня.

Илона не удержалась и тихо заплакала.

— Илона,— заговорил Кальман тихо,— если для твоего спокойствия нужно, чтобы я не таил зла на тебя, считай, что я забыл обо всем и все простил. Ты же знаешь, как много значила для меня Марианна, но я прощаю тебя и от ее имени тоже. Взамен я прошу тебя только вспомнить имя одного человека. Мне нужно найти его, потому что, пока я не найду его, я не смогу смыть с себя обвинение в предательстве.

— Кальман, я готова всем, что в моих силах, помочь тебе.

Кальман посмотрел на Илону.

— Скажи, ты никогда не встречала в гестапо человека по фамилии Фекете? Рыжего грузного мужчину. В то время ему было лет тридцать пять. У него еще был шрам на верхней губе, а во рту своего рода ювелирный магазин — пять или шесть золотых зубов.

Илона, силясь вспомнить, устремила взгляд прямо перед собой.

— Может быть, ты его в «Астории» видела или у Шликкена?

Илона глубоко вздохнула.

— Что-то припоминаю,— сдавленным голосом проговорила она.— В «Астории» была буфетчица Шари Чома. К ней ходил человек с такой внешностью. Фамилии его я уже не помню, но только точно знаю, что не Фекете.

Кальман протянул дрожащую от волнения ладонь и дотронулся до руки Илоны.

— Где эта Шари Чома сейчас? Как мне ее найти?

— Давай я ее сама разыщу! — вызвалась Илона.— Доверь это мне, Кальман. Слышала я, что она заведует каким-то кафе. Разыщу и узнаю от нее фамилию того человека.

— Сделаешь?

— Завтра же вечером позвоню тебе.

Кальман с новой надеждой в сердце и даже с какой-то уверенностью поспешил к профессору Калди.

— Послушай, Кальман,— начал старый профессор и взмахнул своей обезьяньей рукой, словно дирижер оркестра.— Мы вот здесь с господином Шаломоном заспорили, в какой степени наука укрепляет дружбу между народами и вообще дело мира...

Профессор рассказал, что, по мнению англичанина, приоритет естественных наук — и в особенности тех наук, которые обслуживают военную промышленность,— закономерен, потому что человечество, так же как и вся природа в целом, развивается от кризиса к кризису, от катастрофы к катастрофе, то есть от войны к войне. И он со своей стороны не верит в возможность жизни без войн!

— Простите, профессор,— с улыбкой перебил его Шаломон, протестующе подняв правую руку. В этот момент Кальман заметил у него на мизинце перстень

с печаткой из оникса. Рассмотреть перстень получше Кальман не успел, потому что англичанин почти тут же вновь опустил руку.— Тогда упомяните, пожалуйста, и о том, что я вам сказал перед этим!

— Да, да, конечно. Господин Шаломон — непоколебимый сторонник мира, и тем не менее он не верит, что огонь можно примирить с водой.

Кальману было уже ясно, что вся их дискуссия — абсолютная чушь, поэтому вместо того, чтобы вслушиваться в смысл страстной речи старика Калди, он принялся разглядывать перстень на мизинце англичанина. Ему показалось, что однажды он где-то уже видел его. И вдруг ему вспомнились Хельмеци и Шликкен. Не может быть! Он тут же отверг страшную мысль. Шликкен был худощавый, с мертвенно-бледным лицом и светлыми волосами, а этот англичанин тучен и лыс.

— Ну, так каково же твое мнение, физик-атомщик? — спросил Калди.

Кальман растерянно потер лоб. Он все еще не мог оторвать взгляда от перстня.

— Я знал одного немецкого майора. Он носил точно такой же перстень. Можно взглянуть? — сказал он, обратившись к Шаломону.

— Пожалуйста! — с готовностью выставив вперед руку, ответил англичанин.— К сожалению, я не смогу снять его с пальца.— На черном камне перстня сверкнула золотая фигурка сирены, держащей в одной руке щит, в другой — меч.

— Моника! — проговорил Кальман.

Лицо Шаломона осталось спокойным и веселым.

— Как ты сказал? — переспросил Калди.

Кальман повернулся к профессору.

— Шликкен именовал сирену на перстне Моникой,— пояснил он старику.— Прежде чем ударить, он всегда поворачивал перстень камнем внутрь. Позднее он мне объяснил, что у сирены крепче удар и что называет он ее Моникой.

— Да-а, Шликкен! — задумчиво протянул старый профессор.

Шаломон с интересом посмотрел на Калди.

— Он что же, и вас истязал?

— Нет, я не встречался с ним,— ответил старик,— я только слышал о нем.

— Простите, а кто был этот Шликкен? И где и когда он так издевался над вами? — спросил англичанин Кальмана.

Кальман закурил.

— Убийца он,— сказал Кальман.— Здесь... в Будапеште... в сорок четвертом...— Он говорил отрывисто, односложно.— Один из главарей гестапо, сухопарый тевтонец, с бледным, как у мертвеца, лицом.

— Вижу, вы не очень-то жалуете немцев!

— Нацистов, сэр!

— Ах да, конечно, вы же сторонник двух Германий!

— Нет, дорогой Шаломон,— перебил его Калди.— Мы — по крайней мере я — сторонники одной, единой Германии. Но Германии, свободной от фашистов.

Англичанин как-то загадочно ухмыльнулся, неторопливо протянул руку за сигаретой.

— Странно,— заметил он.— Живете вы в стране, где официальная идеология определяется марксистской, материалистической философией, и, несмотря на это, вы — идеалисты. Вероятно, потому, что вы в известном смысле живете в изоляции от остального мира и многое для вас поэтому просто непонятно...

Кальман стряхнул пепел с сигареты.

— А именно? — спросил он.

— Видите ли, дела в Европе ныне складываются так, что очень многие из тех, кто не желает, чтобы на Западе был коммунизм, нуждаются в так называемой милитаристской Германии. Для меня было попросту непостижимо, как, например, французы могли терпеть Шпейделя во главе НАТО, поскольку общеизвестно, какую роль Шпейдель играл в «третьем рейхе». Я вам не надоел, господа?

— Нет, конечно, продолжайте,— запротестовал Калди.

— Потом уже мне эту странную ситуацию объяснил один парижский торговец картинами. Его близкие погибли во время войны, не исключено, что в каком-нибудь из концентрационных лагерей... Так вот этот торговец из Парижа, если можно верить его словам,— член организации ОАС и сотрудничает с определенными реваншистскими западногерманскими кругами, хотя сам он был активным участником Сопротивления. На мой вопрос, почему же он с ними

сотрудничает, торговец ответил так: «Близких своих я оплакиваю каждый год, в день поминовения усопших возлагаю на их могилы цветы, но вернуть им жизнь я не в силах. Но зато я могу защитить свое, пусть небольшое, состояние от коммунизма». И так думает и бельгийский король, и голландская королева, и многие сотни тысяч людей. И тогда я понял, почему в Англии, в Бельгии, в Голландии и в других местах размещены подразделения бундесвера.

Томас Шаломон закончил. После его слов воцарилось глубокое молчание.

Кальман поднялся.

— Извините, мне надо идти.

— Если позволите, я пойду с вами,— заметил Шаломон.

Кальман повернулся к англичанину:

— Сэр, откуда у вас этот перстень?

Томас Шаломон взглянул на перстень.

— От бургомистра Варшавы,— пояснил он.— Это символ их города. Такими перстнями варшавяне награждают людей, сделавших что-нибудь выдающееся для их города.

— А что сделали для их города вы?

— Я сражался в Варшаве против нацистов в качестве офицера английской армии.

X

Игнац Шавош сидел взволнованный подле аппарата подслушивания, а Бостон, напряженно вглядываясь в лицо шефа, ждал похвалы. То, что он тоже волновался, можно было заметить по его беспрерывным попыткам поправить очки. В комнате, где была установлена аппаратура подслушивания, были только они двое.

— Вы уверены, что Рельнат у него? — шепотом спросил Шавош, повернувшись к майору.

— Совершенно, сэр.

Пока слышалось только насвистывание. Шавош сразу же узнал мелодию. Ага, закукарекал петушок! Это уже появился Шалго, подумал он. Затем хлопнула дверь, раздались шаги.

— Доброе утро, майор,— донесся веселый голос Шалго.— Как почивали?

— Отошлите ваших людей, Дюрфильгер,— распорядился Рельнат.

— Всех?

— Да, всех до единого!

В аппарате раздалось слабое гудение.

— Анна, вы все втроем отправляйтесь в «Феникс» и ждите меня там.— Снова гудение.— Почему же вы не садитесь, дорогой майор?

Несколько минут не было слышно ничего, кроме глухих шагов, затем резкий голос:

— Майор Дюрфильгер! Пока вы находились в Лондоне, к вам приезжал курьер из Венгрии. Я принял от него донесение.

— Оно было адресовано вам, мосье?

— Нет, вам. Но, к счастью, курьер оказался глуп и решил, что я и есть Отто Дюрфильгер. Тем более что я сидел за вашим столом.

— Простите, мосье, но если курьер решил, что вы — это я, то он не просто глуп, а совершенный осел. И все же почему вы приняли от него донесение?

— Майор Дюрфильгер, бросьте ваши шуточки. Дело серьезное...

— Не спорю, но скажите же наконец, чего вы хотите от меня? Насколько я понимаю, один из моих венгерских друзей прислал мне письмо, и оно попало в руки к вам. Так откройте же, пожалуйста, секрет, от кого это письмо?!

— От полковника Кары.

— О! И где оно?

— Я переслал его в Центр.

— Такое обращение с адресованной мне корреспонденцией, мягко выражаясь, удивляет меня. Что бы сказали вы, если бы я начал пересылать в Центр ваши личные письма? Не нашли бы вы это странным? Ну и как? В Центре расшифровали текст?

— В каких отношениях вы с полковником Карой?

— В дружеских. Кара мне многим обязан. Он это не забывает и время от времени информирует меня о событиях в стране.

— Будьте добры, расшифруйте донесение.

— Вы же сказали, что переслали его в Центр.

— Я имел в виду фотокопию.

Негромкий смех и вновь голос Шалго:

— Прошу несколько минут терпения.

Вновь насвистывание знакомой мелодии.

Полковнику весь этот разговор показался необыкновенно интересным, и он с большим трудом сдержал себя, чтобы немедленно не доложить в Лондон обо всем услышанном. Он с признательностью посмотрел на Бостона и одобрительно кивнул ему, что могло означать только: «Отлично сработано, майор».

Теперь для него было ясно, что Шалго считает дураком майора Рельната, презирает его и, разумеется, не доверяет ему.

— Ну что ж, майор, мой венгерский друг сообщает вести не очень-то приятные,— вновь послышался спокойный голос Шалго.— Выследили некоего инженера Даницкого, поддерживавшего радиосвязь с Западом. В течение нескольких дней у него на квартире скрывался молодой человек по имени Балаж Петё, нелегально прибывший с Запада. Мой приятель спрашивает, имею ли я какое-нибудь отношение к этим людям или «сусликов» можно арестовать. Именно так и написано: «сусликов».

Послышалось нецензурное ругательство.

— Когда вы завербовали Кару? Вы должны...

— Оставим это, майор. Что я должен — я сам знаю... Чего вы от меня хотите? И попрошу в мои личные дела впредь не вмешиваться. А здесь, по всей видимости, произошла какая-то ошибка. Никакого инженера я не знаю, и, по мне, пусть они делают с ним что хотят!

— Нет, дружочек! Вы немедленно напишете своему приятелю, чтобы он обеспечил этим двоим свободное передвижение.

— Боюсь, вы будете разочарованы, майор. Не станете же вы мне предписывать, что́ я должен отвечать на письма своих личных друзей. Это мое частное дело! — Голос Шалго дрожал от негодования.

— Хорошо.

Наступило молчание. Затем послышалось хлопанье двери и бормотание Шалго, из которого Шавош разобрал только: «Черт бы побрал всех дилетантов, сколько их ни есть на свете!..»

Позднее, уже в кафе, Рельнат сказал Шалго:

— Знаете, вы привели меня в замешательство!

— Чем же, дорогой майор?

— Откуда вам известно имя Даницкого и...

— Балажа Петё?

— Да.

Шалго, наложив целую пенную гору взбитых сливок в свой кофе, заглянул в сухощавое лицо майора.

— В Лондоне полковник Олдиес назвал мне имя Даницкого. Разумеется, в форме вопроса: знаю ли я агента французов инженера Даницкого? Я тут же смекнул, что он либо провоцирует меня, либо хочет похвастаться своей хорошей осведомленностью. Между прочим, фамилию Петё он тоже упомянул.

— Не шутите! — побледнев, воскликнул майор.

Шалго изобразил на лице изумление и озабоченность и отодвинул в сторону тарелочку с куском торта.

— А что случилось? Неужели я допустил какую-то ошибку?

Рельнат закусил губу.

— К сожалению, все это соответствует действительности. Есть и Даницкий и Петё.

Шалго присвистнул.

— Черт побери, майор! Я предупреждал вас, что англичане имеют свою агентуру в Париже, а также среди вашего личного окружения.

Между тем майор совсем загрустил. Он пил коньяк, одну рюмку за другой, но никак не мог согреться.

— Скажите, что это за история с Карой? Или я ничего не понимаю, или вы действительно находитесь с ним в дружеских отношениях.

Шалго откусил большой кусок торта, запил его кофе и тогда только сказал:

— Видите ли, майор, я не только жалею вас, но и люблю. Больше того, я верю вам. Ведь нас с вами связывают некоторые тайны. Вы понимаете, что я имею в виду.

— Да,— кивнул майор.— И я искренне, от всей души признателен вам за ваше тактичное поведение.

Шалго отер губы и закурил сигару.

— Под большим секретом я открою вам кое-что, дорогой друг.— Он выждал немного и продолжал: — Я создал отличнейшую агентурную сеть, но она принадлежала лично мне и только мне. Я не доклады-

вал шефам о своих людях, потому что знал, что они погубят их — выращенных мною, воспитанных мною агентов. Одним из таких людей был Эрнё Кара, которому я спас жизнь.— Он помахал рукой, отгоняя от лица дым, и продолжал с грустью в голосе; майор не без сочувствия слушал его.— Когда я с совершенно честными намерениями перешел на вашу сторону, то просил вас только об одном: доверьте мне венгерское направление. Но мною пренебрегли. Когда венгерский отдел возглавили вы, майор, если помните, я попытался сблизиться с вами, но вы очень вежливо отклонили мою попытку. И даже теперь, когда вы в беде, я предлагаю вам свою помощь не ради наград или денег, а просто потому, что я полюбил вас и боюсь за вас. Так что давайте объединим наши усилия.

Рельнат все больше подпадал под влияние слов Шалго. Он схватил его за руку и крепко пожал.

— Вы правы, господин Дюрфильгер... Простите мое мерзкое поведение. Я с радостью принимаю вашу помощь! — По лицу Шалго промелькнула улыбка.— Давайте работать вместе!

Немного позже Рельнат спросил:

— А что с вашей сетью? Она по-прежнему существует?

— Надо съездить в Венгрию,— сказал Шалго,— и активизировать агентуру. Но, дорогой майор, я думаю, сейчас это не самое главное. Есть у нас с вами дела и поважнее. Сейчас прежде всего нужно предотвратить провал вашей собственной агентурной сети.

— Я немедленно подам сигнал тревоги!

— Ни в коем случае! — вскричал Шалго.— Это будет самое глупое, что только можно придумать. Начнется паника.

— Но что же делать?

— Поручите руководство вашей сетью в Венгрии Эрнё Каре. Только нужно гарантировать ему полковничий чин в вашей службе и пенсию.

Полковник Кара с неудовольствием выслушал сообщение капитана Чете: Кальман Борши заметил за собой слежку и ушел. Пока разведчики наблюдения искали такси, его уже и след простыл.

Домбаи вопросительно посмотрел на полковника,

потом перевел взгляд на капитана, который в ожидании распоряжений неподвижно стоял рядом. Поскольку оба начальника молчали, Чете счел нужным добавить:

— Такие ловкие, как этот Борши, мне еще не попадались.

— А может, это твои ребята были не очень расторопны?

— Может быть,— согласился капитан.

Кара подошел к капитану.

— Теперь уже все равно. Смени бригаду и продолжай наблюдение.

После ухода Чете Кара сказал Домбаи:

— К кому Борши собирался сегодня на проспект Пашарети?

Домбаи пожал плечами:

— Понятия не имею. Только мне не очень нравится все это. Ведь если Кальман заметил, что за ним ведется слежка, он мог испугаться. Как бы мы с тобой сами не заставили его наделать каких-нибудь непоправимых глупостей. Разреши мне поговорить с ним.

Кара кисло улыбнулся:

— Думаешь, тебе он больше доверяет?

— Не знаю. Но одного я не понимаю: почему нам не поговорить с ним?

Вошла секретарша Кары и доложила, что Кальман Борши находится в приемной управления и хочет поговорить с полковником.

Кара взглянул на Домбаи.

— Ну вот, он здесь. Что ж, пойди поговори с ним. Скажи ему, что меня нет.

Домбаи сбежал вниз по лестнице. Он нашел Кальмана нервно расхаживающим по большой приемной в ожидании пропуска.

Увидев Домбаи, он удивился.

— Эриё вызвали к заместителю министра,— пояснил Домбаи.— Он попросил меня переговорить с тобой. Давай махнем куда-нибудь, а? — Он взял Кальмана под руку, и они направились к стоявшему возле здания автомобилю. Отослав шофера, Домбаи пригласил Кальмана в машину.— Поехали на гору Хармашхатар?

— Не возражаю,— согласился Кальман.— Хотя,

может быть, это и не имеет смысла, потому что я собирался сказать Эрнё всего лишь несколько слов.

— Но я и сам все равно хотел поговорить с тобой,— возразил Домбаи.— Мы так давно с тобой не болтали.

— Собственно говоря,— сказал Кальман, когда машина тронулась,— я намеревался спросить Эрнё: почему он установил за мной слежку? И если уж так надо, то почему они делают это настолько открыто? — Он внимательно посмотрел на Домбаи, ожидая ответа. Но майор молча крутил баранку.

— Говори, говори дальше,— только и сказал он.

— Тебе-то известно, что я нахожусь под наблюдением?

Домбаи, миновав мост, резко свернул в сторону. Бросив короткий взгляд на Кальмана, он ответил:

— Знаю, но не спрашивай меня, почему я не предупредил тебя об этом.

— Я и не спрашиваю,— возразил Кальман. Закурив, он продолжал: — Хотя очень странно, что не доверяют мне как раз мои друзья.

Домбаи долго молчал и только у площади Жигмонда отпарировал:

— Вероятно, так же странно, как и то, что ты сам не доверяешь им!

Кальман на это ничего не ответил. Говорить неправду, уверять Шандора, что он во всем верит своим друзьям, ему не хотелось, поэтому он предпочел отмолчаться. Так до самого ресторана они больше не сказали друг другу ни слова.

Кальман озяб, поэтому, сев за столик, он заказал глинтвейн. Домбаи попросил кофе.

— Так почему же вы все-таки следите за мной? — с легким упреком спросил опять Кальман.

Домбаи поставил на стол чашку.

— Ты ведешь себя очень странно, и люди, не знающие тебя, истолковали это по-своему.

— В том числе и ты?

— В том числе и мне некоторые вещи показались весьма странными. Но я хотя бы пытаюсь понять их!

— Что же ты нашел странного в моем поведении? — спросил Кальман.

Домбаи пересел на другой стул, потому что солнце светило ему прямо в глаза.

— Во-первых, то, что ты стал болезненно настороженным и недоверчивым; во-вторых, ты отложил поездку в Дубну и взял отпуск. Ехать никуда не едешь, так, болтаешься без дела; в-третьих, ты принялся вести частное расследование, на свой страх и риск.

— Откуда вам это известно?

— Правда или нет?

— Правда.

Кальман отпил из бокала несколько глотков вина и, поглядев Домбан прямо в глаза, спросил:

— А ты как думаешь, что со мной?

— Думаю, что ты рехнулся,— так же откровенно признался Домбан.— Ты считаешь меня и Кару своими врагами. Помимо этого, я лично думаю еще следующее: когда ты был в Вене, Шалго чем-то сумел запугать тебя. Вероятно, пытался заставить тебя что-нибудь сделать для него. Он, видимо, что-то такое знает о тебе, о твоем прошлом, о чем ты в свое время умолчал, и теперь шантажирует тебя.

— Что же такое он мог знать обо мне?

— Это мне неизвестно. Могу только предполагать. Например: Шалго прочел появившийся в газете «Непсабадшаг» очерк...

— Какой очерк ты имеешь в виду?

— Тот, в котором Мария Аган требует нового расследования по делу группы Татара. Тебя ведь каким-то образом тоже связывали с провалом группы Татара?

— Я даже не знал никого из них.

— Не перебивай! Сейчас это не важно. Ты мог узнать что-то от Марианны и, возможно, рассказал об этом Шалго. А по-моему, Шалго был агентом Шликкена, и тот арестовал его тогда только так, для маскировки.

Кальман взорвался:

— Не городи чепухи! Шалго никогда не был агентом нацистов! Если бы он им был, провалилась бы и вся группа Кары.

Но Домбан только пренебрежительно махнул рукой.

— Это, братец, не меньшая чепуха, чем моя версия! Шликкен сам к этому времени уже давно был английским агентом. Он, подлец, понимал, что война

для Гитлера уже проиграна, и ему важно было, чтобы его люди внедрялись в ряды коммунистов. Шалго это, в частности, удалось, и с большим успехом. Поэтому, когда он отыскал тебя в Вене, он мог припереть тебя к стенке парочкой хороших фактов и сказать: либо ты будешь работать на меня, либо я выдам тебя с головой за твои старые грешки. После этого ты возвращаешься из Вены и начинаешь частный сыск. Тебе, видишь ли, что-то нужно доказать!

— Не отказываюсь, мне действительно нужно коечто выяснить, но об этом я, между прочим, поставил в известность Эрнё. Не прямо, правда, но при желании он мог бы понять. Я просил его верить мне. А веду я частное расследование потому, что по делу Татара в предательстве подозревают меня. И вы все равно не сможете защитить меня. Что же касается Шалго, клянусь, он ничего не хотел от меня и тем более не шантажировал.

— Не верю! — возразил Домбаи.

— Вот видишь, я говорю тебе правду, а ты не веришь мне! Зачем же ты тогда требуешь, чтобы я был откровенен с тобой?

— Ты неискренен, Кальман,— сказал Домбаи.— Кто-кто, а я-то уж тебя знаю! Меня ты не проведешь!

Кальман ничего не ответил.

«Шани прав»,— подумал он.

— Если бы ты не служил в органах, Шандор, клянусь, я рассказал бы тебе все, все! И не только рассказал, но и попросил бы тебя о помощи.— Кальман подозвал официанта и заказал коньяку. Когда официант принес коньяк, он его тут же выпил.— Попытайся понять меня,— продолжал он.— Забудь на минутку, что ты контрразведчик. Кое-что в твоих предположениях правильно. Действительно, в моем прошлом есть и такое, чего ты еще не знаешь. Но если бы я рассказал тебе или Эрнё о своих заботах, которые так сложны, что могут стоить мне жизни, вам так или иначе пришлось бы доложить об этом начальству, после чего дело мое у вас забрали бы и поручили другим людям, которые меня совершенно не знают; они не поверили бы мне, и тогда было бы уже поздно доказывать мою невиновность.

— Кальман,— сказал Домбаи, схватив друга за руку.— Очень тяжело преступление, которое могут приписать тебе?

— Очень.

— Ну ладно. Давай платить и поехали.

— Куда?

— К Эрнё. Я попрошу его дать мне отпуск.

Полчаса спустя Домбаи был уже у полковника Кары.

— Я не совсем отчетливо понимаю, о чем ты меня просишь,— сказал полковник.

— Чтобы ты разрешил мне временно не докладывать тебе о том, что я узна́ю от Кальмана. И дай мне полномочия до конца самому разобраться в деле Борши, одновременно позволив в случае необходимости использовать для этого сотрудников моего отдела,-- пояснил Домбаи.

— Не сердись, Шандор, но ты говоришь чепуху!

— Тогда разреши мне взять очередной отпуск.

— Да что с вами происходит? Теперь уже и ты не веришь ни мне, ни самому себе!

— Ничего подобного,— возразил Домбаи,— просто-напросто я вижу, что это ты не доверяешь мне, и я начинаю понимать Кальмана, почему он не решается открыться нам. Между тем в конечном счете важен ведь результат! Не так ли?

— Никакого приватного расследования я не разрешаю!

Вскоре после того, как Кальман возвратился домой, к нему заявилась Илона Хорват. Лицо ее буквально сияло. Она тут же сообщила Кальману, что разыскала Шари Чому.

Кальман оживился.

— И ты узнала, как зовут того рыжего?

— Узнала,— улыбаясь во весь рот, подтвердила Илона.— Все есть: и фамилия, и адрес, и даже место, где он сейчас работает.

— Как его зовут? — нетерпеливо спросил Кальман.

— Рихард Даницкий! Инженер-механик...

Кальману показалось, что он однажды уже слышал где-то эту фамилию.

— Что ты знаешь о нем?

Илона села, закурила и тогда только ответила:

— Немного. Только то, что он был агентом Шликкена. А после освобождения Венгрии пролез в коммунистическую партию. В пятьдесят шестом году на чем-то попался и угодил в тюрьму, а в пятьдесят восьмом уже вышел на свободу. Живет хорошо, занимается изобретательством, многие западные страны купили какой-то его патент...

Кальман едва сдержал себя, чтобы тотчас не помчаться к Даницкому и любой ценой вырвать у него правду. Ему теперь было совершенно ясно, что ключ к разгадке тайны предательства находится в руках инженера.

Илона встала, одернула пальто.

— Позвони, если еще что-нибудь будет нужно. А сейчас мне пора: спешу на репетицию! — сказала она и умчалась.

Кальман подошел к окну и посмотрел вниз, на улицу: ему хотелось знать, есть ли за Илоной слежка. Но ничего подозрительного он не заметил, отошел от окна и стал обдумывать интересную новость.

«Спокойствие! — повторял он про себя.— Только спокойствие! Силой здесь ничего не добьешься. Нужны доказательства, а не признание, вырванное силой. Надо найти умное решение».

Его размышления прервал звонок. Приехала Юдит. Они молча обнялись.

Кальман рассказал Юдит о разговоре с Домбаи и о решении открыть другу все о своем прошлом.

Лицо у Юдит просветлело: перелом в настроении Кальмана ее несказанно обрадовал.

— Вот увидишь,— убежденно проговорила она,— Шани поймет тебя!

— И все же кое-что мне самому не ясно,— задумчиво проговорил Кальман.— Почему до сих пор ко мне не явился курьер моего дражайшего дядюшки?

— Может быть, доктор Шавош махнул на тебя рукой? — предположила Юдит.— Как-никак вы родственники!

Кальман горько рассмеялся.

— Плохо ты его знаешь! Он никогда не откажется от меня. Дядя — фанатик, прямо-таки больной человек.— Вдруг Кальман замолчал и хлопнул себя по лбу.— Даницкий! Так вот в чем дело!

— В чем? — с любопытством спросила Юдит.

— Помнишь «Историю народа майя»?

— Уж не его ли фамилию ты вычитал в этом альбоме?

— Именно!

— Не может быть! — сказала Юдит.— Ты наверняка ошибаешься, Кальман.

— Нет, я не ошибаюсь.— Кальман забарабанил пальцами по столу, что-то обдумывая, затем сел к столу, достал чистый лист бумаги и принялся лихорадочно писать; Юдит с любопытством поглядывала на него и никак не могла взять в толк, что вдруг привело его в такое волнение.

— Пошли! — сказал он решительно немного погодя и снял с вешалки пальто.

— Куда? — спросила Юдит.

— По дороге расскажу...

В парадном он остановился и посмотрел через плечо Юдит. На противоположной стороне улицы топтались два человека.

— Знаешь,— сказал он Юдит,— я передумал. Пожалуй, тебе не стоит ходить со мной. Я совсем забыл, что ко мне сегодня должен заехать Шани.— Он приподнял за подбородок лицо Юдит.— Ступай, родная, домой и дождись, пожалуйста, его.— Кальман на мгновение умолк, а затем, словно решившись, добавил: — И все, все ему расскажи! Не утаивай ничего!

Он простился с Юдит, чуточку дольше обычного задержав ее руку в своей.

Юдит с любовью и тревогой глядела ему вслед и чувствовала себя бесконечно одинокой. Солнце ослепило ее, она зажмурилась и, повернувшись, быстрым шагом направилась к дому.

Между тем Кара приказал привести наружное наблюдение в боевую готовность. Затем он распечатал привезенное ему письмо. Оно было зашифровано, но элементарным и к тому же хорошо знакомым Каре ключом, и он довольно быстро его расшифровал. Но по мере того как полковник вчитывался в текст, его все больше охватывало волнение.

И когда Домбаи как вихрь ворвался к нему в кабинет, Кара, сам того не желая, не смог сразу подавить волнение: испуганным движением он сунул письмо в ящик письменного стола и, чтобы хоть както замаскировать свое замешательство, поднялся.

— Ну, что там у вас стряслось? — спросил он.

Домбаи, растерянный и подавленный одновременно, едва смог выдавить из себя:

— Калди покончил с собой!

Кара опустился на стул и, ничего не понимая, уставился на майора.

— Что за чепуху ты мелешь? — побледнев, выкрикнул он.

— Только сейчас сообщили.

— Кто?

— Юдит. Секретарша сказала, что меня спрашивала по телефону Юдит... Я тут же позвонил ей...

— А где сейчас Юдит?

— У Кальмана на квартире,— ответил Домбаи.— Ей самой только десять минут назад позвонили с виллы.

Кара взглянул на часы. Было двадцать минут восьмого. Он попробовал вновь обрести равновесие. Вынув из ящика стола письмо, Кара еще раз стал перечитывать его, словно содержание письма находилось в какой-то связи со смертью Калди. Молчание нарушила секретарша Кары; войдя в кабинет, она сказала, что лейтенант Пинтер из оперативно-технической службы просит срочно принять его.

— Пусть войдет,— распорядился Кара и, повернувшись к Домбаи, спросил: — Криминалисты уже выехали на место происшествия?

— Не знаю, но думаю, что их там еще нет.

В кабинет вошел лейтенант Пинтер. Кара жестом попросил его подождать и продолжал:

— Поезжай, Шандор, немедленно на виллу и скажи: пусть до моего приезда ничего не трогают. Я скоро буду, а ты пока допроси Форбатов.

Домбаи поспешил к выходу; уже в дверях он задержался и сказал:

— Между прочим, Юдит хотела о чем-то срочно поговорить со мной. По поручению Кальмана! Ты не знаешь, о чем может идти речь?

— Знаю, но это не срочно. Наконец, ты можешь заехать за ней и переговорить по дороге на виллу.

— Хорошо, так и сделаю.

— Ну, какие новости? — спросил Кара, поворачиваясь к Пинтеру, когда дверь за Домбаи закрылась.

Пинтер протянул полковнику конверт.

Присев на край стола, Кара вскрыл конверт и, едва начав читать, даже присвистнул от удивления.

— Спасибо! — сказал он Пинтеру.— Можете идти.

Пройдясь взад-вперед по кабинету, он подошел к телефону и, все еще погруженный в свои мысли, набрал номер.

— Алло, говорит Кара. Бан, это ты? Что-то я не узнал тебя! Слушай, старина. Немедленно оповести группу «Сирень-4». Ты слушаешь? Инженер Даницкий,— сказал он, взглянув на донесение,— в двадцать пятнадцать опять встретится с незнакомым человеком возле дома семнадцать по проспекту Аллея. Дождитесь, пока неизвестный сядет к инженеру в машину, и сразу же задержите их обоих. Доставьте в следственный отдел. Я извещу ребят Тимара.

— А что делать, если неизвестный не появится? — спросил Бан.

— Продолжайте наблюдать за Даницким.

Выйдя из телефонной будки, Кальман понял, что совершил глупость. Самому себе свой просчет он объяснил тем, что не продумал как следует свои действия. Раздосадованный, он шел по пустынной набережной Дуная, затем спустился к воде. Он был зол на себя еще и за то, что не удосужился переговорить с Домбаи, хотя прекрасно знал, что с помощью Шани ему было бы куда проще осуществить свою идею. И вот теперь он сам же все испортил. Кальман взглянул на часы. Было около шести. Значит, в его распоряжении еще более двух часов. За это время он должен что-нибудь обязательно придумать.

Кальман со всех сторон взвешивал свой замысел. Он понимал, что в общем-то его затея чистейшее безумие, но ясно было и то, что у него не было выбора. Пройдя до проспекта Павших за революцию, он позвонил из телефона-автомата Илоне Хорват.

— Ты вечером играешь в театре?

— Нет, сегодня я не занята.

— Могу я тебя навестить?

— Приходи. Что-нибудь случилось?

— Ничего. Просто хочу тебя видеть...

Четверть часа спустя он был уже у Илоны.

— Почему ты сказал, что ничего не случилось,— спросила его Илона,— когда на лице у тебя само отчаяние?

— Я просчитался,— с горечью сказал Кальман.— Договорился о встрече с инженером, а сам совершенно забыл, что за этим типом ведется слежка.

— Откуда ты это знаешь?

— Знаю. И в то же время мне нужно обязательно его увидеть.

— Сегодня?

— Да, но так, чтобы о нашей встрече никто не узнал. Дай мне чего-нибудь выпить.

Илона достала бутылку с коньяком, налила рюмку. Ах как бы ей хотелось узнать мысли Кальмана!

— А где живет эта твоя Шари Чома? — спросил Кальман, разглядывая на свет коньяк.

— Где-то в Буде. Давай посмотрим в телефонном справочнике!

— Ты знаешь ее номер?

— Знаю, конечно.

— Тогда позвони ей и спроси, можно ли к ней сейчас зайти.

— Позвонить-то я ей могу, но чего ты, собственно, от нее хочешь? — нерешительно спросила Илона.

— Ведь она до сих пор встречается с инженером? — спросил Кальман, уклоняясь от ответа.

— Да, насколько мне известно, Даницкий заходит иногда к ней в кафе.

— Одевайся,— сказал Кальман чуть ли не тоном приказа. Дождавшись, пока Илона оделась, он попросил: — Позвони все же Чоме и узнай, можешь ли ты к ней сейчас приехать.

— Конечно, дорогая, приезжай,— ответила Шари Чома.— Я сегодня дома,— и она назвала свой адрес.

Каково было ее удивление, когда Илона вошла не одна, а с неизвестным мужчиной. Илона представила Кальмана как своего старого друга Белу Цибора. Шари была несколько смущена. В ее черных глазах промелькнула тень беспокойства.

Кальман заметил это и поспешил ее успокоить.

— Не волнуйтесь, сударыня, я пришел к вам как ваш доброжелатель. К сожалению, я вынужден вас побеспокоить, потому что дело у меня неотложное.

— Какое еще дело? — удивленно протянула Шари и перевела вопросительный взгляд с Кальмана на Илону.

Илона тотчас же нашлась:

— О господи, я совсем забыла тебе сказать, что мой друг Бела работает в министерстве внутренних дел. Но ты не пугайся, дорогая, за тебя я перед ним поручилась.

Несмотря на все заверения подруги, Шари побледнела и чуть не лишилась чувств. Илона налила стакан воды, протянула Шари и одновременно стала успокаивать ее, что, мол, Бела Цибор человек порядочный, добрый, его не нужно бояться, что ее, Шари, прошлое вовсе не интересует МВД.

— Сударыня,— пояснил Кальман,— мы получили анонимное письмо. Должен вам сказать, что я ненавижу анонимки, но, к сожалению, и анонимное письмо есть документ, который получает свой номер, и им тоже приходится заниматься.

— О господи!

— В письме сказано, что вы, сударыня, в сорок четвертом году были виновницей провала подпольной группы коммунистов. Анонимщик утверждает, будто бы вы доверительно сообщили имя одного из руководителей этой группы вашему возлюбленному, инженеру Даницкому.

— Неправда! Клянусь жизнью своей матери, что это неправда! Спросите хоть самого Рихарда!

— Вот это-то как раз я и хочу сделать,— великодушно заметил Кальман.— Вы, сударыня, думаю, сами знаете, каковы люди! — Кальман заставил себя улыбнуться.— Но ваш ангел-хранитель Илона уговорила меня навестить вас на дому. Я последовал ее совету и приехал сюда, чтобы избавить вас от излишних волнений.

Шари с благодарностью посмотрела на Илону.

— Спасибо тебе, дорогая!

Кальман же бросил взгляд на часы и сказал:

— Сударыня, позвоните сейчас Даницкому и попросите его немедленно приехать сюда. За полчаса мы покончим с этим делом. Себя, по возможности, по телефону не называйте, о том, зачем он нужен, тоже ни слова.

Полчаса спустя приехал инженер. Как и предполагал Кальман, слежка за Даницким велась не «по пятам», и потому наблюдатели не могли установить, в какую из квартир четырехэтажного дома он вошел. Улица была малолюдная, и разведчики Чете, боясь быть замеченными, вели наблюдение издали. Инженер не мог понять, зачем он понадобился Шари так срочно. Увидев Кальмана и Илону, он удивился, но гости не особенно заинтересовали его. Он не раз уже заставал у Шари какое-нибудь общество. А Кальман изучающе посмотрел на Даницкого. Но он так и не смог признать в нем своего бывшего «однокамерника» — возможно, потому, что характерный шрам на верхней губе инженера был теперь скрыт густыми усами. Кальману надо было торопиться, и он сразу же, как только их представили друг другу, перешел к делу.

— Пойдите, поболтайте в другой комнате,— обратился он к женщинам.

Шари, схватив инженера за руку, чуть ли не умоляюще воскликнула:

— Рихард, дорогой, расскажи ему все откровенно!

Даницкий удивленно посмотрел на нее, не понимая, о чем он должен говорить «откровенно». Удивил его и гость Шари. Странно, впервые видит его и уже хочет говорить с ним с глазу на глаз! Надо на всякий случай быть начеку, подумал он.

После того как женщины удалились, Кальман властным жестом предложил гостю сесть, а сам закурил.

— Это я вам звонил, Даницкий,— сразу же переходя к делу, сказал он.— К сожалению, кое-что помешало мне прибыть на условленное место.

— Какое еще место? — подозрительно переспросил инженер.

— Проспект Аллея, семнадцать,— уточнил Кальман.— Не буду повторять весь наш телефонный разговор, напомню только: 402—913... Но думаю, что и вам лучше не ходить туда.

— А что случилось? — спросил испуганный инженер. Из того, что он услышал от Кальмана, ему стало ясно, что перед ним человек Рельната.

— Напали на мой след. Хорошо еще, что мне удалось уйти.

— Значит, я в опасности? — Даницкий вскочил со стула и уставился на незнакомца.

— Не надо нервничать! Сядьте,— успокоил его Кальман.

Инженер с опаской огляделся.

— Сударь,— почти умоляюще начал он,— прошу вас, оставьте меня в покое. Я уже больше не могу — нервы... Это просто ужасно, я сойду с ума. Ну почему вы решили исковеркать мне жизнь? Ведь вы же обещали еще в прошлом году оставить меня в покое!

Кальман безучастно посмотрел на инженера. Ему ни чуточку не было жаль его.

— Мы знаем, Даницкий, что нервы у вас сдали,— сказал он.— Для того я и прибыл сюда. Забираю дела от вас в свои руки.— Не зная конкретного задания, полученного инженером, он умышленно подбирал расплывчатые выражения.

— В том числе и радиоаппаратуру? — с надеждой подхватил Даницкий.

— Нет, пока еще нет. Но можете упаковать ее и спрятать подальше. Как только представится возможность, я заберу у вас и радиопередатчик. А пока введите меня в курс связей.

Даницкий облегченно вздохнул, словно сбросив с плеч непосильную ношу.

— У меня их две,— сказал он.— Доктор и Балаж Петё.

— Петё в безопасности?

— Мне кажется — да.

— А Доктора где я найду?

Даницкий, словно школяр, хорошо вызубривший урок, отбарабанил:

— Доктор Чаба Сендрё, улица Аттилы, семьдесят четыре. Пароль: «Меня прислал профессор Добош за рентгеновскими снимками». Отзыв: «Я получу их только вечером в семь часов».— «Сколько на ваших часах, господин доктор?» На этот вопрос Доктор должен назвать точное время, а вы — сверить его со своими и сказать: «Не знаю, что произошло с моими часами: отстают за сутки на пять минут». Это все.

Кальман записал сообщение Даницкого, затем сказал:

— Все в порядке, Даницкий. И еще один вопрос. Скажите, вы не помните некоего Пала Шубу?

Даницкий посмотрел в потолок и несколько раз повторил вслух:

— Шуба... Шуба... Знакомое имя...

— В сорок четвертом по заданию Шликкена вас подсаживали к нему в камеру,— сказал Кальман.

— А-а, теперь припоминаю! — оживился Даницкий.— Точно. Шуба. Молодой человек. Тогда ему было лет двадцать пять. Я должен был разыграть перед ним арестованного коммуниста.

У Кальмана от волнения даже в животе закололо. Он сел, закурил и сделал несколько частых затяжек.

— Дело в том, Даницкий,— начал Кальман,— что Пал Шуба — ныне армейский офицер в высоком ранге, мне предстоит его вербовать. Для этого, разумеется, мне нужно знать о нем все!

— Да, но ведь тот тип на самом деле был никакой не Шуба. У него были фальшивые документы.

— Знаю,— сказал Кальман.— Но сейчас меня интересует другое: зачем Шликкену понадобилась тогда эта провокация?

— Как мне объяснил Шликкен, он просто хотел убедиться в надежности этого самого Шубы. Майор подозревал, что Шуба — английский агент, внедренный в гестапо.

— Понимаю,— кивнул Кальман.— Ну, а как же с тем сообщением, которое вы передали Шубе? Кто его придумал: Шликкен или вы?

Даницкий закурил и с улыбкой начал свой рассказ. Кальману показалось, будто кто-то, подкравшись сзади, ударил его чем-то тяжелым по голове. Все перед ним закружилось, у него засосало под ложечкой, и он уже пожалел, что не послушался совета Шалго. И зачем ему нужно было затевать этот частный сыск? Вот теперь ему известна вся предыстория предательства, а что он может сделать?

— Послушайте, Даницкий, будет лучше, если вы никогда даже не заикнетесь об этой провокации. Поняли меня? Никогда! Даже если случится так, что вы провалитесь. Потому что за одно это вас обязательно повесят. А будете молчать — никому не удастся доказать, что когда-то вы были еще и провокатором.— Кальман задумался, затем убежденно доба-

вил: — Коммунисты, Даницкий, прощают многое. Но предательство — никогда!

Кальман знал, что за ним слежки нет, потому что разведчиков наблюдения «увел» с собой Даницкий. Так что они с Илоной могли немного позже преспокойно выйти из квартиры Шари Чомы.

Еще издали Кальман заметил, что возле виллы Калди стоит много легковых машин, но не придал этому значения и продолжал свой путь. Правда, на какое-то мгновение у него мелькнула в голове мысль: уж не случилось ли чего? Но он тут же нашел объяснение: наверно, Форбаты снова затеяли какую-нибудь встречу служителей искусства. Подойдя поближе, он заметил у ворот виллы двух незнакомых мужчин. Вероятно, прохожие, случайно встретившиеся и остановившиеся поболтать, отметил он про себя и уже хотел пройти мимо, когда один из них преградил ему путь и спросил:

— Вы куда?

Кальман остановился, удивленно посмотрел на незнакомца и, в свою очередь, спросил:

— А вам что за дело?

— Полиция,— пояснил незнакомец и показал удостоверение.

— Иду к своей невесте.

— Предъявите, пожалуйста, документы.

Кальман протянул паспорт.

Полицейский офицер взглянул на фотографию, просмотрел все записи и затем сказал:

— Товарищ Борши, я должен доставить вас в отделение. Прошу следовать с нами.— Он сделал знак одному из водителей. В первое мгновение Кальман подумал о бегстве, но тут же отбросил эту мысль. Куда бежать, да и зачем? Теперь все это уже не имело никакого смысла. Он стоял молча, не испытывая никакого желания протестовать. Но тут в голове его мелькнула мысль о Юдит.

— Вы разрешите мне хотя бы проститься с невестой?

— Нет,— сказал коротко полицейский офицер. Он показал на машину.— Пройдемте.

Уже на мосту Маргит Кальман неуверенно спросил:



— По чьему приказу я арестоваи?

— По приказу полковиика Кары,— последовал ответ.

XI

Домбаи остаиовился иа пороге профессорского кабииета. Калди сидел в кресле и, казалось, дремал. Голова его была опущеиа на грудь, лицо исказила гримаса смерти, длиииые руки свисали чуть не до самого ковра, а кисти были сжаты в кулаки. Явившийся вслед за Домбаи майор Явор со своей группой кримииалистов и фотографом ожидал разрешеиия приступить к работе. Из соседией комиаты доиосились рыдаиия госпожи Форбат и иегромкий голос успокаивавшей ее Юдит.

К Домбаи подошел капитаи Хорват и тихо сказал, что полковиик Кара велел иачииать осмотр. Домбаи кивиул майору Явору:

— Начииайте!

Кримииалисты приступили к работе, а Домбаи вышел в соседиюю комиату. Госпожа Форбат была иеутешиа. Оиа лишь без коица повторяла: «О боже,

боже! Почему я оставила его одного?» Наконец Домбаи удалось немного успокоить ее. Госпожа Форбат рассказала, что профессор хорошо спал ночью, утром проснулся веселый, с аппетитом позавтракал, прочел газеты. Около девяти утра ему позвонил Томас Шаломон и сказал, что сегодня они работать не будут, так как ему нужно ехать в какое-то издательство. Домбаи спросил, кто такой Шаломон. Ему ответила Юдит. Она сообщила все, что ей было известно об англичанине. Домбаи слушал ее и делал заметки в блокноте. Разумеется, он не стал говорить Юдит, что кое-что ему уже было известно об этом Шаломоне.

Когда Юдит замолчала, он спросил у госпожи Форбат:

— Обедали вы вместе?

— Да, вместе,— ответила госпожа Форбат.— Профессор был по-прежнему весел, хорошо, с аппетитом ел и все говорил, что после свадьбы повезет молодых в Италию. Сам, говорит, покажу им Италию. А после обеда сказал, что приляжет на часок отдохнуть. Я ушла из дому около трех; мы с мужем условились, что он заедет за мной в клуб художников «Гнездышко».

— Когда вы говорили с вашим мужем? — спросил Домбаи.

— Я звонил ей из Вены перед самым выездом,— пояснил Форбат.— Когда мы приехали в Будапешт, я отвез Юдит к ее жениху, товарища Нараи ссадил на улице Аттилы Йожефа, а сам поехал на станцию техобслуживания. Около пяти я встретился с женой, а в семь мы уже были дома.

Домбаи поблагодарил Форбата за сообщение, и тот, взяв под руку жену, повел ее в спальню, а Домбаи остался наедине с Юдит.

Домбаи не понимал, что с Карой: он уже раза три звонил ему, но секретарша всякий раз отвечала, что полковник уехал на виллу Калди. Между тем капитан Хорват только что сообщил Домбаи, что Кара не приедет. Домбаи взглянул на Юдит. Девушка не плакала и сидела, сжав губы.

— Как ты думаешь, почему профессору понадобилось так вот кончать свою жизнь?

— Понятия не имею,— тихо ответила девушка.— Все это просто невероятно. Ведь он так любил жизнь.

Они долго говорили о профессоре, но объяснения случившемуся так и не нашли.

— Странно еще и то,— заметила Юдит,— что он не оставил никакого письма.

— Вероятно, он совершил это в состоянии аффекта. А где Кальман?

— Не знаю. Он ушел из дому вскоре после моего приезда. А я все тебя ждала, ты же обещал заехать, да так и не появился.

— Много других дел вклинилось. Кстати, о чем ты хотела поговорить со мной? — спросил Домбаи, хотя уже догадывался, что собирается сказать ему Юдит. И он не ошибся: неуверенно, запинаясь, Юдит рассказала Домбаи неизвестные ему подробности из жизни Кальмана. Они были настолько неожиданны, что, услышав их, Домбаи долго не мог прийти в себя.

— Невероятно! — выдавил он наконец из себя.— Если бы это рассказала не ты, я бы не поверил. Фантастично!

Юдит с надеждой схватила Домбаи за руку.

— Скажи, ему ничего не будет за это? — спросила она.— Ведь хоть ты-то поймешь его и поможешь ему?!

— Я-то пойму,— проговорил Домбаи,— но поймут ли другие — вот в чем вопрос. Не должен был он так долго молчать. А теперь все так осложнилось. Видишь, к чему приводит недоверие!

Юдит молчала, уставившись куда-то перед собой.

— Не один Кальман виноват в том, что он не верил вам,— тихо обронила она.

— Надо найти его. А пока ты садись и напиши все, как если бы Кальман поручил тебе сделать официальное заявление.

Юдит заколебалась

— А ему не будет хуже, если я все это напишу?

— Не глупи! Слушай, что я тебе говорю!

В это время в комнату вошел Явор и попросил Домбаи выйти.

— Успокойся, Юдит, и напиши все, о чем я просил тебя,— повторил Домбаи.— Ну, что нового? — спросил он Явора, когда они вышли в соседнюю комнату.

— Это убийство! — коротко сказал тот.

— Не может быть! — Домбаи был потрясен.

— К сожалению, да,— подтвердил свое заключение Явор и прошел вперед. Он распахнул дверь кабинета. Трое криминалистов миллиметр за миллиметром обследовали паркет и ковер. Высокий худощавый полицейский врач, склонившись над трупом, тщательно в лупу осматривал шею старого профессора.

— Убийство,— произнес и он, увидев входящего Домбаи, и выпрямился.— Полагаю, что убит старик каким-то быстродействующим ядом.

Явор схватил Домбаи за руку.

— Осторожно! Не наступи на ковер! Я представляю себе все это так: жертва и убийца стояли в момент убийства у стола.— Явор прошел немного вперед, к столу, там остановился.— Вот здесь Калди,— показал майор,— здесь убийца. Вероятнее всего, они разговаривали. Здесь же убийца насильно ввел профессору яд.

— Как? — удивленно спросил Домбаи.— Я не понимаю, как можно насильно ввести в кого-то яд?

— Не знаю. Это, правда, только предположение, хотя и вполне реальное,— сказал майор.— Подойди сюда.

Домбаи подошел, а Явор, словно режиссер в театре, стал отдавать распоряжения:

— Встань сюда. Ты будешь в данный момент Калди, я — убийца. Конечно, не забывай, что профессор был более стар и менее расторопен. Мы оба стоим, опершись о стол, и разговариваем. В какой момент точно произошло убийство — я пока не могу сказать; возможно, когда они прощались...

Домбаи внимательно следил за каждым движением майора. Явор закурил, спрятал в карман портсигар и подошел ближе к Домбаи. И вдруг он выдохнул табачный дым прямо ему в глаза. Домбаи инстинктивно зажмурился, а Явор в этот момент правой рукой схватил его за горло и, выставив вперед колено, попытался повалить хватающего ртом воздух Домбаи на спину, и тот едва успел уцепиться за стол, чтобы удержаться на ногах.

— Вот видишь! — воскликнул Явор.— Ты совершенно беззащитен. Ты не можешь ни кричать, ни обороняться, и даже рот у тебя открыт. Так что я могу без труда влить в твой открытый рот моментально действующий яд.

Домбаи ощупал шею и выругался.

— Ну и дурацкие же у тебя шутки! — проворчал он.

— Не сердись,— виновато сказал Явор,— мне не хотелось, чтобы ты испортил эксперимент, поэтому я умышленно не предупредил тебя, что собираюсь делать! По-моему, в сигаретном дыме содержался какой-то препарат, раздражающий слизистую оболочку глаз. А теперь взгляни на шею Калди. На ней же совершенно отчетливо видны следы удушения. Конечно, химический анализ и вскрытие могут как-то изменить некоторые детали моей версии, но в одном я твердо убежден: мы имеем дело с убийством. Между прочим, на ковре остался след от тела, которое убийца волочил к креслу,— ворс ковра примят.

Все эти доказательства показались Домбаи вполне убедительными, и он сейчас думал лишь о том, кто же мог убить профессора. После короткого раздумья он подозвал к себе старшего лейтенанта Варгу.

— Самым тщательным образом обследуйте архив профессора. Тело убитого отправьте на вскрытие. А завтра утром, Явор, зайди ко мне, обсудим, что делать дальше. Убийство это по своим мотивам, повидимому, политическое.— И, попрощавшись с Явором и его коллегами, он прошел в комнату Юдит. Девушка сидела у стола и все еще писала. Услышав звук отворяемой двери, она положила авторучку на стол и повернула заплаканное лицо.

— Я не могу понять, где Кальман,— сказала она Домбаи.

— Не беспокойся, найдется. Тебе еще много писать?

— Не знаю,— подавленно ответила Юдит.— Ты уже уходишь?

— Мне нужно к себе в отдел. Как напишешь, передай бумагу старшему лейтенанту Варге.

Но едва Домбаи ушел, Юдит снова ударилась в слезы.

Домбаи же, не найдя нигде Кары, попросил заместителя министра срочно принять его.

Сообщение Домбаи озадачило заместителя.

— Кто, вы полагаете, мог убить Калди? — спросил он.

— Понятия не имею.

— Пока в интересах расследования свои предпо-

ложения держите в секрете. И прошу вас, товарищ Домбаи, впредь до последующих указаний замените товарища Кару в управлении.

— Где же товарищ Кара?

— Выполняет другое задание. С агентурными делами вы знакомы?

— Да.

— Ну вот и отлично. Усильте наблюдение за разрабатываемыми объектами, но от арестов пока воздержитесь.

— За англичанином тоже вести слежку?

— Разумеется, но очень осторожно. Ну, а теперь отправляйтесь домой и поспите. Встретимся утром, и я познакомлю вас с кое-какими деталями, вам еще неизвестными.

Шалго проснулся в хорошем настроении. Несколько минут он еще повалялся в постели, потом не спеша выбрался из-под одеяла, сунул ноги в шлепанцы, прошаркал к окну, отдернул в сторону плотную гардину и выглянул на улицу. По голым ветвям деревьев скользили солнечные лучи, безоблачное небо было необыкновенно синим. Расчувствовавшись, он залюбовался даже синим автобусом, который в этот момент сворачивал в переулок. Ну вот, он снова в Будапеште! На острове Маргит! Шалго глубоко вздохнул. Мелькнула было в голове мысль, что он затеял опасную игру, но он тут же пожал плечами: в конце концов, не все ли равно, где тебя похоронят?

Приняв ванну и одевшись, он позвонил по телефону.

— Как изволили почивать, доктор? — спросил он.

Доктор Игнац Шавош ответил, что отлично себя чувствует, его приятно поразили комфорт и культурное обслуживание в отеле. Они говорили по-английски.

Шавош приехал в Венгрию туристом под своим именем, как английский гражданин. Собственно, ему нечего было опасаться: едва ли в Венгрии было известно о его двойной жизни. Правда, во время войны он в качестве сотрудника «Интеллидженс сервис» принимал участие в движении Сопротивления, но в этом же не было ничего компрометирующего, и за это его никто не привлечет к ответу.

— У вас нет желания прогуляться ко мне на остров? — спросил Шалго.— Позавтракаем вместе, обсудим дальнейшую программу. Жду вас в ресторане!

Он положил трубку и спустился в холл. Купив в табачном киоске телефонный жетон, он вошел в будку автомата и долго затем с кем-то разговаривал.

Когда приехал Шавош, они плотно позавтракали. Шалго сообщил, что успел связаться с Карой и полковник ждет их к одиннадцати часам.

— Где? — спросил Шавош.

— В квартире одного своего друга.

Шавош поинтересовался подробностями разговора с Карой, но Шалго вместо ответа лишь ухмыльнулся.

— Вы напрасно волнуетесь, дорогой. У Кары ведь нет выбора. Да этот вариант едва ли и возникнет. Проблема в большей мере состоит в том, какие вы можете дать ему гарантии и что мы передадим из добытых им материалов французам.

— Ну, это вопрос второстепенный! — отмахнулся Шавош.— Что же касается гарантии, предоставьте это мне. Когда вы намереваетесь встретиться со Шликкеном?

— Это не к спеху,— заметил Шалго.— Вы с ним уже говорили?

— Нет еще. Но через два дня он уезжает.

Шалго свернул салфетку и положил ее на стол.

— И не говорите с ним,— посоветовал он.— Генриха поручите лучше мне.— Он подозвал официанта и расплатился.

Шалго предложил не брать такси, а ехать в автобусе. Теперь они уже говорили по-венгерски, стараясь не привлекать к себе внимания. Шавош сказал, что до своего отъезда хотел бы осмотреть город. Хотя его впечатления пока еще самые поверхностные, но все же ему кажется, что там, на Западе, их суждение о положении в Венгрии в чем-то ошибочное.

Шавош возлагал на свою поездку большие надежды. Перед отъездом из Англии он имел продолжительную беседу с профессором Томпсоном, специалистом в области ведения психологической войны. Они подробно обсудили его поездку в Будапешт; профессор нашел план Шавоша вполне реальным и момент выгодным с психологической точки зрения.

Из этих размышлений Шавоша вывел голос Шалго:

— Ну вот мы и пришли.

Они не стали вызывать лифт, а не спеша поднялись по лестнице на третий этаж. Шалго позвонил.

Встреча была удивительно сердечной. Несколько долгих минут Кара и Шалго тискали друг друга в объятиях. Шалго даже расчувствовался. Высвободившись наконец из объятий Кары, толстяк представил ему своего спутника, доктора Шавоша. Кара несколько сдержанно подал ему руку и, как видно, все еще был под впечатлением встречи с другом.

Кара провел гостей в комнату, усадил их, предложил абрикосовой палинки, поставил на столик коробку с сигаретами.

— Ты все еще сигары сосешь? — спросил он Шалго, увидев, что тот закуривает свою неизменную сигару.— К сожалению, хорошей сигарой не могу тебя угостить.

— Ничего, по мне хороша и эта дрянная виллемская,— ответил Шалго.— Прошу, доктор!

Шавош тоже закурил, а Кара наполнил рюмки.

— За наше успешное сотрудничество! — провозгласил он тост.— Хотя ты, Оскар,— сказал с упреком Кара и поставил свою рюмку на столик,— устроил мне веселую жизнь! Почему ты не ответил на мое последнее сообщение?

— А что случилось? — спросил Шалго и беспокойно взглянул на Шавоша.

— Просто-напросто меня скоро начнут подозревать! Теперь я уж и не знаю, как мотивировать то, что я оставил на свободе группу Даницкого? Почему ты не известил меня, что Балаж Петё — твой курьер? Я бы попросту не разрешил устанавливать за ним наблюдение.

— А что случилось с Петё? — с беспокойством спросил Шавош.

Кара подозрительно взглянул на него, но Шалго, улыбнувшись, успокоил Кару:

— Ничего, ничего, говори! Доктор тоже заинтересован в этом деле.

— Мы арестовали Петё. Но когда во время допросов я понял, что это ваш человек, я выпустил его на свободу.

— Он во всем признался? — не скрывая больше своего интереса, спросил Шавош.

— Во всем. Даже микропленку передал. И дал подробнейшее описание вашей венской миссии.— И, повернувшись к Шалго, добавил: — И о твоем начальнике многое рассказал! Ты не сердись, Оскар, но, как видно, этот Рельнат круглый дурак. И как ты только можешь работать с таким дилетантом? Даницкий у нас целый год под наблюдением, мы уже давно могли бы его посадить.

— Ты прав,— согласился Шалго.— Но мы сейчас приехали сюда не за тем, чтобы ты отчитывал меня. Это все пустяки. И ты небезгрешен! — С лица Шалго сошла улыбка, голос его сделался твердым, тон — повелительным.— Что делать дальше с Петё и Даницким — об этом тебе скажет позднее доктор. Налей!

Кара с готовностью наполнил рюмки.

Шалго посмаковал палинку и стал уговаривать Шавоша тоже выпить. Затем он опять обратился к Каре:

— Ты лучше расскажи, каково твое положение, на каком ты счету в партии? Доверяют тебе?

— Мне полностью доверяют,— не без хвастовства сообщил Кара.— По твоим указаниям я завалил нескольких американских агентов. Так что тыл у меня в порядке, и я на финишной прямой. Но по совести говоря, я давно уже хотел бы быть там. В прошлом году ты обещал мне, что этим летом я уже смогу наконец вырваться отсюда.

Шалго благосклонно кивнул.

— Точно. Обещал. Но сделать ты это сможешь не раньше, чем получишь разрешение. Обо всем договоришься с доктором. Начиная с сегодняшнего дня он твой начальник. А я завтра утром уезжаю обратно.

— Разве теперь я не с тобой буду держать связь?

— Я все сказал тебе, дорогой мой.

На лице Кары появилось кислое выражение.

Шалго поднялся.

— Ты уже уходишь?

— Да, у меня есть еще кое-какие дела,— сказал толстяк и, добродушно улыбнувшись, посмотрел на Шавоша.— Вы поговорите с ним, доктоp. А я часика через полтора-два вернусь.

— Я хотел бы задать тебе еще один вопрос,— неуверенно проговорил Кара.

— А именно?

— Ты мне дал указание при любых обстоятельствах оберегать Кальмана Борши.

— С ним что-нибудь случилось?

— Да, к сожалению,— сказал Кара.— Следственный отдел распорядился об его аресте.

— Почему?

— Его обвиняют в выдаче немцам подпольной группы Татара. Мне удалось уговорить своего шефа, чтобы Кальмана пока не арестовывали, но, кажется, следователи переубедили его, потому что шеф все же отдал приказ о задержании Кальмана Борши.

— И его арестовали? — испуганно спросил Шалго.

— Нет, потому что я приказал двум своим агентам похитить его. Так что сейчас ни одна живая душа не знает, где он находится. Но что мне делать с ним дальше?

Шалго задумался. Ни слова не сказав, он снова уселся в кресло и принялся пускать к потолку облака дыма. Шавош был восхищен спокойствием толстяка.

— Борши еще нужен нам,— проговорил наконец Шалго.— Если его арестуют, прахом пойдет упорный труд многих лет. Мы должны спасти Борши и снова послать его в дубненский атомный центр.— Он взглянул на Шавоша.— Теперь я, пожалуй, могу раскрыть перед вами и свой замысел, доктор. До сих пор я не трогал Борши, но все время следил за его успехами на поприще науки. План у меня был такой: подключить его к полковнику Каре, не открывая, однако, на кого он работает. Кара, как официальное лицо, давал бы ему задания и так же официально получал через него любой материал. Иначе, если бы Борши попал под подозрение, он уже не смог бы выезжать в Дубну, а для нас Борши представляет ценность только до тех пор, пока он находится там.

При этих словах Шалго Шавош даже вздрогнул. Значит, удача сопутствует ему! До сих пор он не решался сказать Шалго, что и у них были точно такие же виды на Кальмана, только без Кары; они хотели принудить Борши к сотрудничеству с помощью компрометирующих материалов, но, оказывается, у Шал-

го есть свой, более реальный, более тонкий и почти лишенный риска план.

— По-моему, есть способ спасти Борши,— задумчиво сказал Кара.— Нужно принести в жертву настоящего предателя, и тогда подозрение с Кальмана будет снято.

— А ты знаешь действительно предателя? — спросил Шалго.

— К сожалению, нет.

— Тогда как же ты это себе представляешь?

— Я знаю,— вмешался Шавош. Оба, и Кара и Шалго, удивленно уставились на Шавоша.— Группу Татара выдал профессор Калди!

Несколько долгих минут ни один из них не мог вымолвить ни слова, пока наконец Шалго не разразился громким смехом.

— Перестаньте шутить, доктор!

— Да, это был Калди. Но если вы не верите, спросите об этом Шликкена.

— Разве Шликкен в Будапеште? — спросил Кара.

— Да, здесь,— ответил Шавош и посмотрел на Шалго, который недоверчиво покачивал головой.

— Напрасно сомневаетесь, Шалго,— повторил Шавош.— Уж коли я говорю, что это Калди предал Татара и его группу, значит, так оно и было. Несчастный старик, он, конечно, не хотел быть предателем. Но нервы у него не выдержали. Когда он в последний раз встретился со своей дочерью в Сегеде, у них был серьезный разговор.

— А вы-то, доктор, откуда это знаете? — полюбопытствовал Шалго.

— Мне рассказал об этом сам Калди. Еще в сорок четвертом году, когда я навестил его у Ноэми Эндреди и сообщил, что и Марианна, и Кальман арестованы немцами.

— И о чем же они говорили в Сегеде? — спросил Кара.

— Как мне сказал тогда Калди, дочь его очень боялась провала. В это время она ждала ребенка, и ее беспокойство было понятно,— начал рассказывать Шавош.— Отец посоветовал ей бросить подпольную работу. Марианна не согласилась, а вместо этого попросила профессора, чтобы он, если с ней что-нибудь

случится, связался с товарищем Татаром. Найдет он его или у доктора Аган в Пеште, или, если его там не окажется, в Ракошхеди, но там он живет под именем Виолы. И передала старику на словах донесение, которое было ей доверено! Провал Марианны надломил Калди, и он тут же, покинув свое укрытие, отправился на квартиру доктора Аган. По соображениям конспирации я не мог предупредить его, что доктор Аган раскрыта, но сумела бежать, а в ее квартире устроена засада. И бедный старик попал прямо в лапы людей Шликкена. Ничего не подозревая, он спросил Татара. Ему ответили, что, мол, товарищ Татар здесь больше не проживает, а его нового адреса они не знают. И Калди классически сам полез в расставленную ему ловушку. Отправился в Ракошхедь, а шпики Шликкена, понятно, за ним по пятам. Ну, они его сцапали тут же, как только он вышел из дома, где жил Виола. Отпираться было бессмысленно. Гестаповцы избили его, стали пытать: им важно было узнать пароль и содержание донесения. Но старик дал эти показания лишь после того, когда они пообещали отпустить на свободу его дочь. Поверил, чудак, хотя Марианну убили еще за несколько дней до этого. А Шликкен — хитрая лиса. Ему показался подозрительным Кальман, потому что он хоть и подслушал их разговор с Марианной, но никаких прямых улик у него в руках еще не было. Смущало Шликкена и то, что Кальман больно уж убедительно разыграл труса, готового за спасенную ему жизнь на что угодно. Вот Шликкен и придумал свою провокацию. Поручил Кальману выпытать у «коммуниста Фекете» его подпольные связи. Посадил их с Фекете в одну камеру. А на самом деле Фекете был не кто иной, как инженер Даницкий. Борши раскусил провокацию и со спокойной совестью сообщил Шликкену все полученные от Фекете сведения, ни сном ни духом не ведая, что Виола — действительно существующее лицо и что пароль и донесение исходят от Марианны. А Шликкен записал весь их разговор с Борши на магнитофон. Конечно, тогда он еще не предполагал, что когда-либо можно будет использовать эти записи...

Кара покачал головой и мрачно заметил:

— А я за это же самое отсидел пять лет.

— Выдал, так сказать, правосудию аванс на пять лет,— ехидно вставил Шалго.— Если ты теперь провалишься, то из ожидающего тебя наказания эти пять лет тебе зачтут без разговоров!

— Знаешь, Оскар, думай, прежде чем говорить! — возмущенно оборвал его Кара.— Если я провалюсь, меня ждет не тюрьма, а веревка,— добавил он и, чтобы успокоиться, снова наполнил рюмки. Однако Шалго не унимался:

— А ты заблаговременно завербуй своего палача.

— Полковник прав,— вмешался Шавош,— шутки ваши довольно плоские.

— Уж не суеверны ли вы, доктор?

— Нет, я не суеверен,— возразил Шавош,— но и зубоскальства не терплю. Шутки я признаю в рамках хорошего тона.

Неожиданная поддержка приободрила Кару. И он резко сказал Шалго:

— Тебе легко болтать. А вот давай-ка поменяемся ролями. На Западе я тоже был бы куда смелее.

— Да, но сейчас мы оба находимся в Пеште,— продолжал острить Шалго.

— Ты спокоен, потому что знаешь: тебя оберегаю я.

Шавош решил положить конец их препирательству.

— Господа, я не вижу никакого смысла в вашем споре,— вмешался он.— На мой взгляд, полковник смелый человек. И работа его заслуживает только похвалы. К тому же, Шалго, насколько мне помнится, вы куда-то торопились.

Толстяка, как видно, задело за живое последнее замечание Шавоша, но он оставил его без внимания.

— Вы совершенно правы, зачем спорить? Давайте лучше обсудим, что же нам делать с Борши.

— Если вы не возражаете,— предложил Шавош,— мы и этот вопрос обсудим вдвоем с полковником.

Шалго тяжело поднялся и развел руками.

— Как вам будет угодно.— Подойдя к Каре, он положил руку ему на плечо.— Не сердись, Эрнё. Я ведь не хотел тебя обидеть. Ну, до скорой встречи.

Кара усталым шагом возвратился из передней.

— Хороший человек Шалго, только уж очень любит подтрунивать надо мной,— сказал он.— А мне

очень обидно. Не хочет он понять, насколько трудна и сложна моя работа.

Шавош сочувственно кивнул.

— Я понимаю вас, полковник. Шалго гениальный человек, но страшно невоспитанный! А вы давно с ним знакомы?

— О, еще со студенческой скамьи. Оскар уже тогда был со странностями... Так я вас слушаю, сэр. Но должен вас предупредить, что никаких подписок я давать не буду. Я действую согласно моей совести и убеждениям. На путь борьбы меня заставляют вступить идейные мотивы.

Шавош улыбнулся.

— Принимаю ваши условия, дорогой полковник! Дело не в бумаге, а в работе и ее результатах. Однако, прежде чем мы перейдем к делу, позвольте мне задать вам один вопрос, который интересует меня чисто по-человечески.

— Пожалуйста.

— Полковник, вы никогда не были коммунистом?

— Когда-то, еще в молодые годы,— после некоторого раздумья ответил Кара.— Отрицать не буду. Меня возмущала некоторая социальная несправедливость довоенного времени. Но постепенно я убедился, что несправедливость силой не устранишь. Только человечностью, неустанной просветительной работой можно достигнуть этого, потому что насилие, сэр, порождает только насилие и ненависть. Я осознал свои ошибки и сделал из них выводы. Не знаю, поняли ли вы меня.

— Я отлично понимаю вас, полковник.

— Ну, а теперь я взялся за дело, и у меня нет другого выхода. Победа или поражение!

— Мы победим! — убежденно воскликнул Шавош.— Мы должны победить. Ну так вот, дорогой друг, давайте же подумаем, что нам делать с Кальманом Борши. Для нас очень важно его завербовать. Что вы скажете относительно предложения Шалго?

— На мой взгляд, оно вполне приемлемо, но осуществить его можно только в том случае, если я смогу арестовать настоящего предателя.

— Я думаю, к этому нет препятствий.

— Нет, есть! — возразил Кара.— Ведь профессор Калди вчера вечером покончил с собой.

Шавош изумлеиио посмотрел иа полковиика.

— И это вы говорите мне только теперь?

— Потому что это касается только вас. Шалго совсем ие иужио знать все, раз в дальиейшем указаиия будете давать мне вы.

Шавош был иеприятио поражеи известием.

— Итак, нам иужно доказать, что Кальмаи Борши не предатель; и в то же время иастоящий вииовиик уже не может дать показаний. Бедный старик!

— Мне тоже жаль его.

— Посмотрим, одиако, что же мы можем сделать. В общем-то решение довольио простое. Прежде чем Шалго покоичит со Шликкеиом, он должен вырвать у него призиаиие. Кроме того, иужио прииести в жертву также иинженера Даиицкого. Арестуйте его, и ои в своих показаииях подтвердит все то, что я вам сейчас рассказал.

— Хорошо бы арестовать и Петё,— заметил Кара,— это сильио укрепило бы мои позиции.

— У меня нет иикаких возражеиий.

— До сих пор мы сотрудничали с Шалго так: ои иазывал мне своих иаиболее цеиных агеитов, а я оберегал их. Но время от времеии фраицузы забрасывали сюда таких агентов, которых я мог арестовывать и таким образом оправдывать занимаемый миою пост. Иначе бы меня быстро сияли.

— Я думаю, этот путь правильиый. А теперь послушайте меня, полковник.— И Шавош стал излагать Каре суть задаиия.

Шалго позвоиил у двери квартиры профессора Калди. Ему отворила Юдит. Шалго представился девушке.

— Неужели я иапугал вас, дорогая? — сказал ои и шагиул через порог.— Слышал о вашей трагедии и прошу принять мои соболезиоваиия.

Юдит все еще ие могла прийти в себя от удивлеиия. Она пошла вперед, Шалго, с трудом передвигаясь, последовал за ией. Накоиец Юдит иарушила молчаиие; она сказала, что рано утром мать ее пришлось отправить в больиицу, у иее произошел иервиый шок. Отца тоже иет дома, а Кальмаи — тот со вчерашнего дия вообще исчез куда-то.

У Шалго очень сильно болела нога, и он попросил разрешения сесть.

— Вы извините меня, я в полной растерянности,— смущенно сказала Юдит.— Конечно, садитесь, пожалуйста.— Между тем она думала о том, что нужно как можно скорее известить о появлении Шалго майора Домбаи, и не знала, как это лучше сделать. Наконец она решила сказать Шалго, что ей нужно на минутку на кухню, где у нее на плите стоит кастрюля.

— Конечно, дорогая, идите. А я пока немного отдохну. Но если мой визит некстати, вы можете совершенно откровенно сказать мне об этом.

— Что вы, что вы! — запротестовала девушка и, виновато улыбнувшись, умчалась «на кухню». На самом деле она прошмыгнула в мастерскую отца и, подбежав к телефону, поспешно набрала номер Домбаи

Домбаи оказался у себя.

— Шандор,— стараясь говорить как можно тише, сказала она.— Здесь Оскар Шалго.

— Где?

— У нас дома.

— Ты это серьезно?

— Да, сидит в гостиной. Что мне делать?

— Займи его разговорами, а я немедленно еду к тебе Оставь отпертой дверь ателье, чтобы мне не пришлось звонить. Выполняй все, о чем он тебя попросит. Главное — не бойся и будь осторожна. Шаломон в какое время хотел приехать?

— В полпервого. Я уже приготовила корректуру. Передать ему?

— Конечно. Ведь они со стариком, по сути дела, закончили работу?

— Да, закончили. А может быть, лучше пока вообще воздержаться от издания? — усомнилась девушка.

— Но почему же? Договор ведь остается в силе? Англичанин намеревался улететь завтра утренним рейсом Разве он не говорил вам?

— Говорил.

— Ну ладно, возвращайся к Шалго. А я сейчас приеду. И держи голову выше!

Юдит приветливо встретила Томаса Шаломона, но лицо ее было печально. Англичанин выразил ей свое глубокое соболезнование и сказал, что духовная

жизнь Европы в связи со смертью профессора Калди понесла тяжелую утрату.

— Что-нибудь уже известно о причинах, побудивших его так поступить? — спросил Шаломон.

— Не очень много. Но к нам как раз приехал адвокат моего дяди — доктор Виктор Шюки. Он привез письмо, которое профессор передал ему на хранение за несколько дней до своей кончины.

Разговаривая, они вошли в гостиную.

— А полиция уже знает об этом письме? — повернувшись к Юдит, спросил англичанин.

— Нет и никогда не узнает,— ответила девушка,— потому что доктор Шюки сказал, что дядя настоятельно просил, чтобы содержание письма стало известно только членам нашей семьи. Когда вы уезжаете, господин Шаломон?

— Завтра утром.

— Доктор Шюки хотел бы обсудить с вами правовую сторону издания дядиной книги.

Шаломон улыбнулся.

— С радостью предоставлю себя в распоряжение господина адвоката.

— Прошу вас, проходите! — пригласила Юдит и направилась в сторону кабинета.

По лицу Шаломона промелькнула тень удивления, когда он увидел Шалго, поднявшегося ему навстречу.

— О, я счастлив познакомиться с вами. Доктор Шюки!

Англичанин тоже представился.

— Садитесь, господа,— предложила девушка.

Англичанин закурил сигарету.

— Я охотно побеседую с вами, но должен извиниться: у меня мало времени. После полудня мне нужно еще подписать несколько договоров...

— Что касается меня, то я отниму у вас всего несколько минут,— заметил Шалго.— Мы обсудим вопрос о расторжении договора, подпишем соглашение — и делу конец.

— О расторжении договора? — переспросил Шаломон.

— Да, сэр,— подтвердил Шалго.— В своем трагическом письме, которое мой друг адресовал мне, он выразил это желание на тот случай, если с ним произойдет что-нибудь до выхода книги в свет.

— Дорогой господин адвокат,— сказал Шаломон,— этот шаг вы должны серьезно обдумать, потому что издательство потребует возмещения убытков, а это выльется в довольно значительную сумму.

— Да, конечно. Но я думаю, что и в этом случае мы должны будем выполнить последнюю волю моего бедного друга. Разумеется, решение этого вопроса зависит не только от меня, но и от наследников, как его правопреемников.

— Тогда, может быть, целесообразнее отложить эти переговоры? — сказала Юдит.

Шалго посмотрел на девушку.

— Если вы так считаете, я должен повиноваться. Вы, Юдит,— наследница профессора Калди, так что за вами последнее слово.

Шаломон стряхнул пепел с кончика сигареты и взглянул на Шалго.

— Господину адвокату известна причина самоубийства?

Шалго удивленно посмотрел на англичанина.

— Самоубийства? — переспросил он.— Профессор Калди не покончил с собой,— возразил он. И, помолчав несколько секунд, добавил: — Профессора убили!

Шаломон кашлянул.

— Убили?

— Да, и самым зверским образом. С заранее обдуманным намерением.

Англичанин поднес сигарету к губам, глубоко затянулся и взглянул на зарыдавшую Юдит.

— Невероятно,— обронил он.— Может быть, и об этом написано в его прощальном письме?

— Нет, конечно,— сказал Шалго. Юдит встала и, вся в слезах, покинула комнату.— Бедная девочка, она очень любила старика. Канун свадьбы — и это зверское убийство!

— Милое, разумное создание,— подтвердил Шаломон.— Но почему вы, господин адвокат, берете на себя смелость утверждать, будто профессор убит?

Шалго поковырял в ухе, полуприкрыл тяжелые веки, а затем, сунув руку в карман, вытащил из него целлофановый кулек.

— Хочешь конфетку, Генрих? — поднявшись и опершись рукой о стол, с милой улыбкой спросил он.

Наступила томительная тишина.

— Или ты больше уже не любишь леденцы? — продолжал спокойно толстяк.— А жаль. Потому что леденцы, мой дорогой, не только полезны, но и приятно освежают рот. Между прочим, советую оставить руки на коленях и сидеть не двигаясь, потому что преимущество на моей стороне. Видишь? — Он показал револьвер.

На лбу Шликкена проступили мелкие капельки пота, а кадык заходил вверх-вниз. Шликкен понимал, что притворяться дальше бессмысленно; он тоже узнал Шалго.

— Чего ты хочешь от меня, Оскар? — спросил Шликкен, и Шалго уловил в его хриплом голосе страх.

— Пока еще не знаю,— сказал мечтательно Шалго.— Девятнадцать лет готовился я к этой встрече. Однажды в Рио-де-Жанейро проклятая стенокардия чуть было не доконала меня. Так я, хоть всегда был неверующим, стал молиться пресвятой деве, просить ее, чтоб она подарила мне жизнь. Я тогда так сказал ей: «Пресвятая матерь божия, выслушай нижайшую просьбу верного раба твоего. Жалкий Оскар Шалго с улицы Карпфенштейн молит тебя о милосердии. Дай ему дожить до того часа, когда он выполнит свой обет — уничтожит проклятого фашистского убийцу, ничтожную гниду Генриха фон Шликкена!» Пресвятая богородица услышала мою молитву, и вот, видишь, мы встретились с тобой. Конечно, за эти годы ты, как и многие другие фашистские убийцы, здорово изменил свою внешность. Так что я и не удивляюсь, что ни Кальман, ни Калди не узнали тебя.

— Оскар, пощади меня! — прошептал бывший гестаповец.— Мы ведь теперь с тобой союзники, боремся за общее дело. Забудь, что было между нами; мы должны помнить лишь о том, что у нас одна идея, одна цель.

— Об этом я помню, мой милый: об идее и цели! Но помню также и о том, что ты самый заурядный убийца! И ты не можешь быть моим союзником! А если бы я вступил с тобой в союз, архангел божий надрал бы мне уши!

— Если ты убьешь меня сейчас, тебе тоже конец! — сказал Шликкен.— Подумай об этом.

— Когда я выдам тебя и тебя расстреляют, я смогу спать спокойно. Ты и понятия не имеешь, как я тебя ненавижу! Скажи, тебе дорога жизнь?

— Жизнь для меня — все! — с надеждой в голосе вскричал фашист.— За нее я что хочешь отдам. Только отпусти.

— Почему ты убил Калди? — перебил его Шалго.

— Не я убил его.

— Не дури, Генрих. Так мы никогда не договоримся. Учти, будешь юлить — я не убью тебя, но уж непременно выдам коммунистам. А этого я не пожелал бы даже тебе. Так что советую говорить правду.

— Тогда отпустишь меня?

— Не торгуйся! Отвечай, а там посмотрим. Все дело в том, насколько ты можешь оказаться мне полезен. Итак, почему ты убил Калди?

— Разреши мне закурить.

— Пока не разрешаю. Отвечай!

— Я хотел завербовать его, а он отказался. Грозился донести на меня. У меня не было другого выхода.

— А для чего ты хотел его завербовать? Ты же не получал на это приказа от Шавоша.

— Нет, у меня был приказ.

— От кого?

— От Гелена.

Шалго кивнул.

— Я знал, что ты работаешь и на геленовскую разведку. Похоже на таких простаков, как Шавош и его начальники, что они поверили тебе.

— Я прежде всего немец,— заявил Шликкен.

— А почему ты не завербовал Борши? Ты же за этим приехал в Будапешт?

— Да, но затем операцию отменили.

— Ты добыл документацию ВН-00-7?

— Добыл.

— Где она?

— Пока еще у меня, в гостинице.

— Вот видишь, ты можешь разумно говорить,— сказал Шалго.— А где магнитофонные пленки, компрометирующие Борши?

— Тоже в гостинице.

— Сколько агентов у тебя в Венгрии?

— Не особенно много.

— Сколько?
— Четыре.
— Имеет смысл перевербовать их?
— Думаю, что да. Материал — первый сорт.
— А скажи, на какой основе ты завербовал в сорок четвертом Даницкого?
— Он был французским агентом. Я получил о нем сведения из Виши.
— Он и сейчас работает на вас?
— Насколько мне известно, он работает на французов. А я, когда он провалился в пятьдесят шестом, отказался от его услуг.
— Чем ты убил Калди?
— Ботулином. Ну, теперь ты меня отпустишь? Ты не пожалеешь об этом, Оскар!
— Не очень охотно. Но я еще обдумываю этот вопрос. Дело в том, что я не умею убивать так хладнокровно, как убивали вы. Вот вы по этой части мастера! А ты, Генрих, здорово изменил свою внешность.
— Специально я ее не менял. Со временем само собой получилось: выпали волосы, я разжирел.— Шликкен уже больше не боялся, что Шалго убьет его: он так просто разговаривал с ним, как девятнадцать лет назад. И Шликкен воспрянул духом.— Оскар, разреши мне закурить,— попросил он.
— Пока еще нет, Генрих, имей терпение. Ты здорово изменился. Клянусь, я узнал тебя только по твоему перстню.
Шликкен невольно взглянул на свой перстень с печаткой.
— Как ты разыскал меня?
— Я заключил сделку с Игнацем Шавошем. И они элементарно продали тебя. В обмен они получили от меня кое-что другое...
— Это неправда! — усомнился Шликкен.
— Все, что я говорю, правда. А впрочем, ты и сам можешь в этом убедиться: Шавош тоже в Будапеште.
— Мог бы я поговорить с ним?
— Думаю, что этому ничего не помешает.
— Фантастично! — воскликнул Шликкен.— Если они так поступили со мной, клянусь, дальше и жить нет смысла.

— Я точно такого же мнения. Это уже самая заурядная рыботорговля, Генрих. Где золотой век классической разведки?! Мир омерзителен. Пора уходить на пенсию.

Отворилась дверь. Шликкен обернулся.

Вошли полковник Кара, майор Домбаи, Кальман, капитан Чете. Чете тотчас же встал за спиной Шликкена.

Шалго обратился к Каре:

— Докладываю, что по вашему приказу я нашел Генриха фон Шликкена, бывшего майора гестапо.

— Спасибо. Вы проделали отличную работу.

— Майор фон Шликкен признал, что убил профессора Калди с заранее обдуманным намерением.

— Наденьте на него наручники! — Кара кивнул на Шликкена.

Шликкен не сопротивлялся.

— Вот видишь, Генрих, каким я стал добросердечным? Я не стал убивать тебя,— сказал Шалго. Затем, повернувшись к Каре, добавил: — Я пообещал ему, что он сможет поговорить со своим шефом Игнацем Шавошем.

— Поговорить им не удастся, но поприветствовать друг друга они смогут.

Кара сделал знак капитану Чете. Капитан вышел и через минуту ввел в комнату Игнаца Шавоша — уже в наручниках. Доктор гордо держал голову, пытаясь и сейчас сохранять достоинство.

Шалго тихо рассмеялся, презрительно окинув доктора взглядом с головы до пят. Кальман оторопел. А Шавош и Шликкен стояли и глядели безмолвно друг на друга.

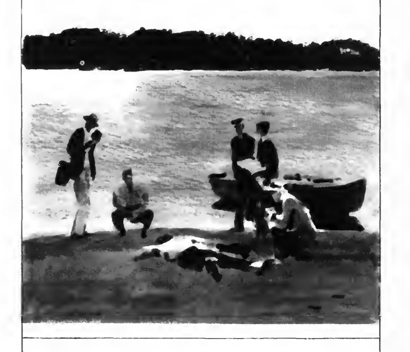
— Уведите их! — распорядился Кара. Когда дверь за ними закрылась, он повернулся к Кальману:

— Теперь ты все понимаешь, ученый с чуркой вместо головы? — Кальман потупился. Ему было невыносимо стыдно.— Так вот запомни: без доверия жить нельзя!

— Ладно, не срами его,— сказал Шалго и подошел к Кальману. Взяв его за руку, он сказал: — Кальман, приезжайте с Юдит ко мне на остров Маргит. Я кое-что привез вам.— Кальман поднял взгляд на толстяка. Глаза Шалго смеялись: — Ты ведь забыл в Вене альбом Браке. Я привез его.

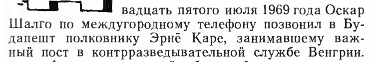
АГЕНТ №13

РОМАН



Авторизованный перевод
О. Громова, Г. Лейбутина

I



вадцать пятого июля 1969 года Оскар Шалго по междугородному телефону позвонил в Будапешт полковнику Эрнё Каре, занимавшему важный пост в контрразведывательной службе Венгрии.

— А, это ты, старый бродяга? — послышался в трубке знакомый голос.— Откуда изволишь звонить?

— Из Балатонэмёда,— отвечал Шалго.— Будто ты не знаешь, что с весны я безвыездно сижу в Эмёде?

— Откуда же мне знать? Великий детектив двадцатого века Оскар Шалго не снисходит до своих бывших друзей.

— Интересно! — с притворным удивлением воскликнул Шалго.— А мне казалось, что я разговаривал с тобой перед самым отъездом. Значит, запамятовал. Прошу прощения. Кстати, чтобы не забыть: ты знаешь что-нибудь о деле некоего Меннеля?

— Это не тот, что утонул в Балатоне несколько дней назад? — уточнил Кара.

— Он самый,— отвечал Шалго.— Только он не сам утонул, его убили.

— Убили? — удивился Кара.

— Да. Ему сначала свернули шею, а потом бросили в воду. Ты не мог бы, Эрнё, приехать сюда?

— Считаешь, что это дело по нашей части?

— Ничего я еще пока не считаю. Но очень хочу, чтобы ты приехал,— сказал Шалго.— Жду тебя. А ес-

ли уж никак не сможешь выбраться сам, пришли хотя бы Шани Домбаи.

— Когда совершено убийство? — спросил Кара, придвигая к себе настольный перекидной календарь.

— Двадцатого июля. Между восьмью и девятью утра.

Кара взглянул на календарь. Иными словами, подумал он, в воскресенье утром. Но почему Шалго позвонил только теперь?

— Когда прикажешь выезжать, начальник? — спросил Кара.

— Чем скорее, тем лучше.

— Завтра к полудню буду у вас,— пообещал Кара.

Сразу же после этого разговора полковник пригласил к себе своего заместителя Шандора Домбаи.

— Завтра утром я еду в Балатонэмёд.

— Мы же собирались с тобою ловить рыбу в Таше?!

— В Эмёде тоже есть виды на большой улов,— возразил Кара и рассказал о телефонном звонке Шалго.

— Ох уж этот мне старый бродяга! Не знает покоя, персональный пенсионер,— закуривая, заметил Домбаи и покачал головой.— Отдыхал бы себе, ловил бы рыбку, сидя на берегу!..

— Не тот человек Шалго. Он никогда не выйдет из игры,— проговорил полковник.— И как всегда, никому не будет доверять. Я знаю, это глупо, но это так. И если мы до сих пор не смогли перевоспитать его, нечего надеяться, что он исправится сам по себе. Верит он только в себя да в нас с тобой,— с улыбкой посмотрел он на Домбаи.— Мило с его стороны, не правда ли?

— Интересно, что он будет делать, когда и мы с тобой уйдем на пенсию? — спросил Домбаи.— Нам его сообщения тогда будут так же нужны, как балатонскому судаку зонтик. Или ты думаешь, что, выйдя на пенсию, мы все втроем откроем частное сыскное бюро? «Кара и К°»! Сто пять процентов гарантии!..

Кара повернулся к Домбаи. Лицо его было бледным и усталым.

— Я поеду на Балатон завтра утром,— сказал он после недолгого молчания.— С собой возьму лейте-

нанта Фельмери. А ты пока запроси подробную информацию по этому делу из Веспрема.

Утром следующего дня полковник Кара в сопровождении лейтенанта Фельмери выехал на Балатон.

Вишневый, похожий на хлопотливого жучка «фольксваген» проворно бежал по шоссе.

Лейтенант Фельмери молча сидел рядом с полковником, который, как обычно, был не очень разговорчив. Полковник не случайно взял в эту поездку Фельмери, выбрав его из многих молодых сотрудников.

Во время поездок на периферию Кара всегда старался поближе познакомиться с молодежью. Он внимательно выслушивал собеседника, лишь в случае крайней необходимости перебивая его уточняющими вопросами.

Фельмери он до сих пор ни о чем не спрашивал. Только в самом начале поездки попросил доложить ему о деле Меннеля.

— Полагаю, вчера вечером вы его обстоятельно изучили?

— Конечно,— подтвердил Фельмери.

Ровно, едва слышно жужжал мотор, ослепительно сверкала дорога под лучами яркого утреннего солнца.

— Виктор Меннель родился в Мюнхене в тридцатом году,— начал доклад лейтенант.— Если память не изменяет — десятого апреля. По документам он числился руководителем гамбургского филиала акционерной торговой компании «Ганза». Проживал в Гамбурге по адресу: Шиллер-плац, три. Холост. Внешность: рост сто восемьдесят два сантиметра, лицо овальное, волосы темно-русые, глаза карие, усов и бороды не носит.

— Особые приметы? — уточнил Кара, обгоняя медленно шедшую впереди «шкоду».

— Никаких,— сказал Фельмери и продолжал: — Пятнадцатого июня этого года «Ганза» обратилась к Венгерской торговой палате с письмом за подписью директора акционерного общества Эгона Брауна, в котором германская фирма высказала пожелание установить прямые контакты с венгерскими предприятиями. В случае положительного ответа «Ганза» была намерена направить своего представителя в Буда-

пешт с целью изучения рынка и деловой конъюнктуры в стране. Наибольший интерес для фирмы, говорилось в письме, представляют фармацевтическая промышленность, производство и обработка легких металлов, а равно возможные поставки лабораторного оборудования и точных приборов. Тридцатого июня Торговая палата ответила фирме «Ганза»: «Готовы принять Вашего представителя» и т. п. Ответное письмо было подписано начальником Главного управления Мартоном.

— Вы читали этот ответ Венгерской торговой палаты? — спросил Кара, приятно удивившись обстоятельному докладу молодого офицера.

— Товарищи из Веспремского областного управления передали мне его содержание по телефону,— сказал Фельмери и посмотрел на полковника в ожидании нового вопроса. Но тот молчал, и лейтенант решил продолжать доклад.

— В начале июля западногерманская фирма и Венгерская торговая палата обменялись еще двумя деловыми письмами. «Ганза» сообщила, что пятнадцатого июля в Будапешт прибудет представитель фирмы Виктор Меннель. Десятого июля товарищ Мартон ответил, что для представителя «Ганзы» будет заказан номер в отеле «Ройял». Как это видно из материалов следствия, Виктор Меннель пятнадцатого июля в одиннадцать часов утра в пункте Хедешхалом пересек венгерскую границу на автомашине «мерседес-280» темно-серого цвета и около четырнадцати часов прибыл в отель «Ройял».

— Не скажу, что он ехал слишком быстро,— заметил полковник, подумав про себя, что на машине «мерседес-280» он проделал бы этот путь гораздо быстрее.

— Он же впервые в Венгрии,— возразил лейтенант.— По крайней мере так считают товарищи из Веспрема. Наверняка ехал не спеша, разглядывал все вокруг.

— Вполне возможно,— согласился с его доводами полковник.— Продолжайте. Пока довольно заурядная история.

— Дальше тоже не будет ничего необыкновенного,— заметил Фельмери, перебирая листки своих записок, но не слишком часто заглядывая в них.

«Основательно подготовился»,— подумал Кара. Он был доволен, что выбрал себе в помощники для этой операции именно Фельмери.

— Вечером пятнадцатого июля состоялся ужин в честь гостя в отеле «Ройял». Присутствовали: Меннель, доктор Яраи, сотрудник западногерманского отдела Торговой палаты Мартон и Тибор Ланц, коммерческий директор венгерской фирмы «Хемольимпекс». Шестнадцатого с девяти утра начались переговоры в палате. Меннель подробно расспрашивал о предприятиях, которым, судя по всему, «Ганза» хотела бы поставлять свои товары. Сообщил он и об условиях поставок. Стороны проявили готовность заключить сделку на проведение компенсационных операций. В тот же день после обеда гость посетил несколько объединений и фирм министерства внешней торговли. Перечислить названия?

— Не надо,— сказал Кара.— Пока не надо.

— Семнадцатого по просьбе Меннеля было организовано посещение Научно-исследовательского института фармакологии. Здесь произошел интересный случай.— Фельмери на мгновение задумался, прежде чем продолжил свой доклад.— По крайней мере я считаю его очень интересным, хотя вполне возможно, что он и не имеет никакого значения для данного дела.

— Увидим,— сказал Кара.— Одна голова хорошо, две лучше.

— Гостей принимал директор НИИ Матэ Табори. Замечу, что Табори в этот день уже считался в отпуске, но еще не успел уехать.

— Вам известно, кто такой Матэ Табори?

— Да, я читал о нем в справке. В прошлом видный мастер парусного спорта, неоднократный победитель на соревнованиях в Венгрии и за рубежом.

— Правильно. Очень хороший человек. Принимал участие в борьбе с фашистами.

— Вы его знаете, товарищ полковник?

Кара утвердительно кивнул головой.

— Скоро вы тоже познакомитесь с ним,— проговорил он.— А вас я прошу обратить внимание на его дочь. Удивительное создание! Хороша собой. Только будьте осторожны: она чемпионка по теннису и обла-

дает сильным ударом,— негромко засмеявшись, добавил Кара. Фельмери улыбнулся.

— Посмотрим, посмотрим,— отозвался он.— Я ведь тоже не лыком шит и умею хорошо защищаться от флешей.

— Ладно, там видно будет,— сказал Кара, поглядывая по сторонам на знакомые пейзажи.— Итак, Табори собирался в отпуск.

— В ходе переговоров Матэ Табори и Тибор Ланц упомянули, что исследовательский центр собирается переоборудовать одну из своих лабораторий, для чего произведет закупки оборудования на сумму полтора миллиона долларов. Меннель проявил живой интерес к этой коммерческой перспективе. А когда ему сообщили, что институт уже запросил у нескольких фирм — английской, французской и шведской — условия поставок, Меннель принялся уверять, что его фирма могла бы предложить такое оборудование дешевле по меньшей мере на десять процентов, чем любая из конкурирующих фирм, и на более приемлемых условиях. С этими словами Меннель достал из портфеля перечень товаров с ценами, в котором были названы все до единого предметы оборудования. Причем цены действительно были на десять процентов ниже, чем в секретном прейскуранте, составленном институтом для обсуждения на предстоящих переговорах. Мартон и его сотрудники поняли, что, приняв предложение «Ганзы», они смогут сэкономить почти сто тысяч долларов из отпущенной на закупки суммы, да еще пятьдесят тысяч на том, что фирма в Гамбурге готова начать поставки оборудования на четыре месяца раньше других фирм, с которыми до сих пор вел переговоры институт. Поскольку у Меннеля были полномочия и на подписание окончательного соглашения, стороны условились продолжить переговоры на другой же день, в Балатонэмёде. Товарищи из Веспремского областного управления МВД сообщили, что Эмёд как место проведения дальнейших переговоров предложил сам Меннель, объяснив это тем, что он все равно собирался провести несколько дней на Балатоне.

— И что же вы нашли в этом интересного? — спросил Кара и дал продолжительный сигнал «трабанту», шедшему впереди и то и дело нарушавшему

правила движения. Задавая вопрос, Кара приблизительно знал, что ответит лейтенант Фельмери.

— Возникает вопрос: как объяснить осведомленность Меннеля? У кого мог получить Меннель материалы, подготовленные институтом к переговорам? — спросил Фельмери и посмотрел на полковника.— Я, например, думаю над этим со вчерашнего вечера.

— Если не от самого Табори или его сотрудников, то это действительно интересно,— ответил полковник.— Во всяком случае, нужно нам иметь в виду этот вопрос и попытаться получить на него ответ.— А про себя подумал: «Парень умеет мыслить логически. Пожалуй, в дальнейшем стоило бы перевести его в группу оценки информации». Вслух же полковник сказал:

— Мне кажется, что Табори и Меннель вместе уехали на Балатон восемнадцатого июля.

— Совершенно верно,— подтвердил Фельмери.— Вместе с ними поехал и Тибор Ланц. Но в отеле «Русалка» им не удалось получить для Меннеля номер, и Табори предложил гостю остановиться у него. Меннель принял это предложение. Ланц тоже жил у Табори. Два дня длились переговоры, пока удалось выработать и согласовать текст договора. Девятнадцатого Ланц уехал в Будапешт утверждать договор у своего руководства. Торжественное подписание договора было намечено на двадцать второе июля, то есть через три дня. Девятнадцатого июля Меннель связался с Гамбургом, доложил о достигнутом соглашении и получил подтверждение полномочий подписать договор. На следующий день, в воскресенье утром, он взял напрокат лодку в бюро обслуживания «Русалки» и поехал кататься по озеру. А в девять сорок пустую лодку обнаружил проходивший мимо катер, примерно в восьмистах метрах от берега. Тотчас же была извещена водная милиция. И в десять часов утра в тридцати метрах от лодки в воде нашли труп Меннеля. И здесь новая странность...— Лейтенант снова посмотрел на полковника.

— Какая же?

— Меннель был в брюках, рубашке и туфлях — словом, одет он был не для прогулок на лодке. При нем нашли все его документы, чековую книжку и даже тысячу триста долларов и четыреста пятьдесят

западногерманских марок наличными. А на руке золотые часы марки «Цертина».

— Часы шли?

— Да, водонепроницаемые. На шее золотая цепочка, на одном пальце золотой перстень с печаткой.

— Да, это, несомненно, очень интересное обстоятельство.

Кара задумчиво нахмурил лоб.

— Предварительное вскрытие установило причину смерти: Меннель захлебнулся,— продолжал Фельмери.— Он утонул. В первом официальном докладе милиции указывается именно эта причина наступления смерти. Однако через несколько часов, после более тщательного исследования в лаборатории, судебно-медицинская экспертиза установила, что Меннель был удушен, что у него был даже сломан шейный позвонок. По заключению медицинского эксперта, смерть наступила в промежутке между восьмью двадцатью и восьмью пятьюдесятью утра. После этого заключения дело было передано в уголовный розыск. Вот и все, товарищ полковник.

— Спасибо.

— Можно, товарищ полковник, я тоже задам один вопрос?

— Да, пожалуйста.

— Почему вы думаете, что это убийство имеет политическую подоплеку?

— В материалах я и сам ничего похожего на политическое дело не нахожу,— признался Кара.— Разве только, что это убийство не с целью ограбления.

— И тем не менее вы утверждаете, что это дело с политической окраской?

— Да, молодой мой друг. Несомненно, это убийство по политическим мотивам.

— Но почему?

— Потому что так утверждает Шалго,— сказал Кара.— А к тому, что говорит Шалго, нужно внимательно прислушиваться. Вы еще никогда с ним не сталкивались?

— Еще нет, но очень много слышал о нем. И о его жене. Между прочим, подполковник Домбаи почему-то считает, что жена Шалго даже еще толковее, чем сам старик.

— Ну, этого я не сказал бы,— возразил Кара.—

Во всяком случае, они весьма оригинальная, незаурядная пара. Кстати, хотел бы предупредить вас, чтобы вы не обижались, если Шалго примется подшучивать над вами.

— Надо мной? А с какой стати?

— Это его любимое занятие. Но он всегда шутит не без оснований. Как и вообще он не делает ничего случайно. И только люди, которые плохо его знают, иногда по ошибке думают, что старик паясничает, дурачится. Оскар Шалго и для противника наиболее опасен именно тогда, когда на первый взгляд несет сущий вздор. Он владеет каким-то особенным методом раскрытия преступлений. Он всегда так направляет ход расследования, что в создавшихся ситуациях у преступника нет другого выхода, как самому разоблачить себя. Шалго неотвратимо отрезает ему все пути к отступлению. Мой совет: внимательно присматривайтесь к нему, у Шалго многому можно научиться. И к его жене Лизе тоже. Они удивительно гармоничная пара. И понимают друг друга с полуслова.

«Увлекающаяся натура,— думал Фельмери, слушая начальника.— О друзьях говорит с таким восторгом, словно молодой жених о своей избраннице».

Но он с интересом слушал полковника, продолжавшего тем временем рассказ о Лизе. Она была простая сельская учительница и жила до войны в какой-то глухой польской деревеньке. На ее глазах фашисты замучили мужа и всю его семью. Тогда-то Лиза и поклялась, что, если останется жива, всю свою жизнь посвятит борьбе против фашистов. В середине пятидесятых годов она повстречала Оскара Шалго. Они поженились и отныне уже вместе продолжали борьбу со скрывающимися военными преступниками. В ту пору Эрнё Кара по ложному обвинению сидел в тюрьме. Однако вскоре он был реабилитирован и снова вернулся на работу в контрразведку. Шалго разыскал полковника и стал работать под его руководством: полковник Кара — в Будапеште, Шалго — в Вене. Но после окончания операции «Шликкен» Шалго возвратился в Будапешт, где, прослужив несколько лет вместе с полковником, вышел в отставку. И теперь он не прекращает борьбы с бывшими нацистами.

— Сколько же ему лет? — удивленно спросил Фельмери.

— Шестьдесят семь.

II

Оскар Шалго сидел в глубине затененной террасы, спиной к озеру. Фельмери расположился напротив него, поглядывая то на хозяина дома, то на полковника Кару. Было заметно, что старый детектив страдает от нестерпимой жары и высокой влажности воздуха. Фельмери про себя отметил, что словесный портрет Шалго был написан полковником весьма правдиво. Жара его совсем доконала: он буквально обливался потом. Зной в это лето стоял редкостный, и, пожалуй, сам Фельмери, вместо того чтобы изнывать на террасе от духоты, предпочел бы пойти и окунуться в озеро, благо оно совсем рядом. Но ничего не поделаешь: им надо сидеть и ждать, пока приедет майор Балинт. Фельмери взглянул на часы. О, уже три часа. Вон и Кара начинает позевывать, хозяин дома давно уже задремал. Мысли Фельмери обратились к Илонке Худак, девушке, беседовавшей с хозяйкой на кухне. По фамилии — словачка, а внешне — типичная венгерка: кареглазая смуглянка, какие родятся где-нибудь под Сольноком, на берегах средней Тисы. Хорошо бы пригласить ее покататься на лодке по вечернему Балатону! Великолепно расположен дом Шалго! И лейтенант обвел взглядом виллы, вытянувшиеся вереницей по склону холма.

Но вот из кухни вышла Илонка, и лейтенант Фельмери еще раз не без удовольствия посмотрел на ее складную фигуру в белоснежной блузке и синих шортах, а особенно на ее длинные, свободно падавшие на плечи темно-русые волосы, перехваченные у самой макушки голубой шелковой лентой. Заслышав шаги, Шалго встрепенулся, открыв глаза.

— Как, вы уже уходите? — удивился он.

— Пора,— улыбнувшись, ответила девушка.— Я же с самого утра у вас здесь. А вы отчего не идете купаться? — спросила она, обращаясь к лейтенанту.

Но ответил за него Шалго:

— Некому дорогу к озеру показать.— И тут же сам спросил: — Казмер уже вернулся из Будапешта?

— Откуда я знаю? Что, я ему нянька, что ли? Голос ее сразу сделался резким, недовольным.

«Казмер? — подумал Фельмери.— Это, наверное, сын профессора, Казмер Табори». Он встречал это имя в материалах дела. Не ускользнуло от его внимания и то, как сердито, даже зло посмотрела девушка на Шалго.

— А ты не груби,— пожурил ее Шалго.— Ишь ты, как на меня зарычала!

— Будешь тут грубить! Два дня подряд мучаете меня расспросами о Казмере. Откуда я знаю, где он?

Лиза заглянула на террасу и тихо сказала девушке что-то по-польски. Илонка так же негромко ответила ей и сразу же вышла, не прощаясь.

— Чего ты к ней пристаешь? — спросил полковник Оскара Шалго.

— Подозрения у него,— сказала Лиза и, вытерев руки передником, присела рядом с мужем на лавку.— Этот мудрейший из мудрейших вдруг пришел к выводу, что в ночь на двадцатое Илонка не ночевала дома. А Казмер накануне тоже только около десяти часов вечера вернулся из Будапешта.

— И он подозревает, что эту ночь они провели вместе? — переспросил Кара.— Что ж, я понимаю зависть старика. Но что в том подозрительного? Илонка красивая девушка. Не так ли, лейтенант? — повернулся он к Фельмери.

— Охотно оказался бы на месте Казмера,— подтвердил Фельмери, но почувствовал, что его развязный ответ не понравился хозяйке, и в замешательстве стал смотреть в сад, куда только что ушла девушка. Шалго что-то негромко шепнул жене. Однако лейтенант уже больше не прислушивался к разговорам в комнате, так как его внимание было целиком поглощено только что проехавшей мимо дома машиной. Номера машины он, конечно, не мог видеть: мешали кусты живой изгороди. И все же он успел разглядеть, что это был «мерседес-280». Элегантный автомобиль серебристого цвета почти бесшумно проскользнул по аллее и остановился перед виллой профессора.

— Ни в чем я ее не подозреваю. Просто я действительно хотел бы знать, где был Казмер в ночь на двадцатое июля.

Кара ничего не ответил ему. А Фельмери вообще показалось странным, что полковник с момента их приезда ни одним словом не обмолвился о деле Меннеля. Вот и поди их разбери! В академии их учили совсем не так организовывать следствие. Но уж полковнику-то, наверное, лучше знать, как действовать... Вот и теперь разговор идет о чем угодно, только не о преступлении. Ну какое дело полковнику Каре до урожая винограда в этих краях? Да и Шалго не председатель кооператива и не виноградарь, и, судя по его далеко не стройной фигуре, он видит только в киножурналах, как собирают виноград.

Поднялась Лиза, поправила выбившуюся прядь седеющих волос, сняла свой передничек — синий, в мелких белых цветочках.

— Кажется, к соседям гости приехали. Пойду взгляну и я на них.

— Ступай, душечка,— слегка приподняв тяжелые веки, сказал Шалго и влюбленно посмотрел вслед своей хрупкой жене.

Лиза прошла по садовой дорожке, окаймленной кустами смородины. Фельмери только сейчас разглядел в легкой проволочной изгороди, разделявшей два соседствующих сада, небольшую калитку. Значит, соседи дружны. Судя по всему, калитка даже не запирается, открыта в любое время. Лейтенант спустился с веранды в сад и прошел по тропинке до высокого орехового дерева. Здесь он остановился и внимательно оглядел двухэтажную виллу профессора Табори. Террасы отсюда не было видно, так как она выходила на озеро, зато отлично просматривались ворота и въезд в гараж. «Мерседес» уже стоял перед гаражом.

Пока он прогуливался, успел прибыть майор Миклош Балинт. Лейтенант представился и, расположившись в сторонке, принялся его разглядывать. Это был молодой, несколько грузный для своих лет мужчина лет тридцати пяти, атлетического сложения, круглолицый, загорелый, с выцветшими добела волосами, в рубашке с короткими рукавами и в парусиновых джинсах. Кара предложил новому гостю вина, кивком пригласив и Фельмери.

— Ну что ж, Миклош, поведай нам, что у вас с этим делом Меннеля?

Балинт закурил и не спеша пересказал столичным гостям все, что, собственно, они уже и сами знали.

— Мне только мотивы этого преступления неясны,— заключил свой рассказ майор.— Я просто ума не приложу, кому и зачем понадобилось убивать этого Виктора Меннеля? В целях ограбления — едва ли: у него ничего не взято из ценностей. Предположить, что он был убит по политическим мотивам? Кем? Почему? По нашим сведениям, Меннель в Венгрию приехал впервые. Я уж не говорю о том, что, если его убили все-таки по политическим мотивам, почему убийцы не забрали ценности, чтобы запутать следы?

— Нет. Миклош,— возразил Кара,— политические убийцы обычно этого не делают. Они, как правило, не хотят вводить власти в заблуждение. Наоборот...

— Это если они думают так же, как наш друг Миклош Балинт! — поспешил заметить Шалго.

— Сделай милость, дорогой Шалго,— уже недовольно посмотрев на хозяина, попросил майор.— Забудь на время обо мне.

Шалго лениво почесал волосатую грудь.

— Вот если бы я о тебе забыл, тогда бы ты действительно обиделся на меня, Миклошка! Мы же вместе с тобой едем на рыбалку в субботу. Так что эту игру мы уж доиграем до конца.

— Может быть, кто-то из ревности придушил его? — начал было лейтенант, но Балинт не дал ему закончить мысль:

— Думали мы и об этом. И, честно говоря, такое предположение кажется нам даже наиболее вероятным. Хотя, по имеющимся у нас материалам расследования, Меннель за время пребывания в Венгрии не встречался ни с одной женщиной.

— Не встречался или вы не знаете, что он встречался? — уточнил Шалго, вынимая из кармана толстенную сигару.

— Верно,— согласился майор.— Или мы не знаем об этом. Однако сегодня утром мы напали на очень интересный след.

— А именно? — спросил Кара. Он встал с кресла и принялся прогуливаться по выложенной каменными плитками террасе

— Магда Цапик, официантка из кафе, утверждает, что вечером девятнадцатого июля Меннель был в

кафе с каким-то молодым человеком приблизительно его же возраста. Они сидели за столиком в углу,— пояснил Балинт.— Выпив по две рюмки коньяка, они сразу же ушли.

— Вечером? В какое время?

— В восемь часов.

— Это уже интересно,— подхватил Шалго.

— Ну вот, хоть что-то да показалось вам наконец интересным, папаша! — рассмеялся майор. Но тут уже полковник Кара остановил их обоих, посоветовав приятелям отложить пикировку до выезда на рыбалку и говорить только по существу.

— Магда Цапик,— продолжал докладывать Балинт,— очень хорошо помнит, что Мениель и его спутник говорили друг с другом по-французски. А также что рассчитывался за коньяк тот, другой. Она французского не знает, поэтому ей не известно, о чем они говорили, видно было только, что оба были возбуждены. Пробыли они в кафе минут двадцать — двадцать пять. Спутник Мениеля был ниже его ростом, но плотнее, крепче. Показания Цапик подтвердил и Адам Рустем, кассир с платного гостиничного пляжа. Он встретил их на пляже в тот же вечер, часов в девять. Они прогуливались по пляжу и оживленно говорили по-французски.

— А сам Рустем знает французский? — спросил Кара.

— Да. И кроме французского, еще четыре иностранных языка,— вставил Шалго.— И довольно хорошо.

— Почему же он не работает заведующим отделом в Венгерском бюро иностранного туризма? — удивился Кара и сделал пометку в своей записной книжке об Адаме Рустеме, кассире с гостиничного пляжа, полиглоте.

Балинт, продолжая рассказ, пояснил, что Рустем раньше служил библиотекарем в соседнем монастыре, но во время событий 1956 года руководил вооруженной бандой, за что был осужден на десять лет лишения свободы, и был освобожден всего два года назад. В зимние месяцы Рустем работает в местной библиотеке, а летом до конца сезона — на пляже.

Кара понимающе кивнул головой и про себя решил поближе познакомиться с Рустемом.

— И теперь вы ищете неизвестного «плотного» мужчину? — спросил он Балинта.

Майор кивнул головой.

— Нам уже удалось установить, что человека, похожего на описанного, никто не помнит из обслуживающего персонала отеля. А это значит, что в гостинице он не проживал, так как с восемнадцатого июля из отеля не уехал ни один из гостей.

— Есть здесь поблизости кемпинги? — продолжал расспрашивать Кара.

— Есть,— кивнул Балинт.— Мои ребята изучают, кто сейчас там живет. Нам бы хоть национальность или гражданство этого неизвестного узнать.

— А что это даст? — возразил Кара.— От этого мы не станем умнее. Отпечатки пальцев не обнаружены?

— Отпечатков много, но криминалисты считают, что мало какие из них можно принимать во внимание.

— Лодку тоже осмотрели? — спросил Шалго.

Майор Балинт бросил просительный взгляд на полковника:

— Вот видите, товарищ полковник, он опять за свое! Неделю назад убит человек, труп сбросили в воду. А мудрый Шалго сидит и с невинным видом вопрошает, осмотрели ли мы лодку! Ну что можно ему ответить на такую глупость?

— Сказать что-нибудь еще более глупое,— посоветовал Кара.

— Между прочим, сейчас я как раз и не шучу,— возразил Шалго.— Спрашиваю вполне серьезно и не без причины.

— Осмотрели, разумеется,— выдавил нехотя Балинт.— Ничего в ней не было, кроме двух весел и с полведра затхлой воды.

Кара стоял у самой двери, ведущей с веранды в сад, и глядел вдаль. Знойное солнце постепенно растопило дымку над озером, и теперь по глади вод побежали миллионы сверкающих полос.

Вернувшись к собеседникам, Кара поблагодарил майора за доклад, спросил, есть ли в поселке прямая телефонная связь с Будапештом, и попросил подключить телефон Шалго на один из свободных номеров, одновременно установив на местной АТС при-

способление против подслушивания разговоров по этому каналу посторонними.

— Сколько времени вы собираетесь пробыть здесь, товарищ полковник? — спросил Балинт.

— Еще не знаю,— ответил Кара, пожав ему руку.— Попытайтесь все же разыскать того неизвестного «француза».

Но прежде чем Балинт успел удалиться, Шалго еще раз спросил его, не нашли ли его сотрудники чего-нибудь достойного упоминания в машине Меннеля. Балинт подозрительно покосился на Шалго, предчувствуя очередную провокацию. Но лицо толстяка оставалось непроницаемым, и во взгляде его не было и намека на улыбку. И это уже совсем не понравилось майору. Он-то уж знал, что если Шалго всерьез интересуется чем-то, пусть самым обыденным, то, значит, на это у него есть веские причины. И Балинту теперь уже было ясно, что Шалго после официального осмотра сотрудниками милиции сам еще раз тщательно обследовал и лодку и машину. И, по-видимому, нашел в ней что-то такое, что должны были найти они, работники уголовного розыска. Но что же мог старый лис обнаружить в машине?

— Да, осмотрели,— ответил он с порога.— И тоже ничего не обнаружили.

— Ну, спасибо, Миклош,— сказал Шалго.— Ты меня успокоил.

— Рад этому,— в тон ему ответил Балинт и сбежал вниз по ступенькам.

Шалго удивительно легко встал с кресла, прошелся до двери, прищурившись, посмотрел вслед майору. Когда он повернулся к сидевшим на террасе, Фельмери заметил на его лице плутовскую усмешку. Шалго проследовал старческой, шаркающей походкой к столу, налил себе полный бокал вина и одним духом осушил его.

— Ну и что, старина? — подсаживаясь к столу, нетерпеливо воскликнул Кара.— Что ты там опять придумал?

— Суммировал все услышанное,— признался Шалго.— Послушайте, лейтенант, а вы-то почему все время отмалчиваетесь?

— Не любитель я много говорить,— признался Фельмери.

— И все же я хотел бы слышать ваше мнение об этом деле.

Лейтенант вопросительно посмотрел на начальника. Тот одобрительно кивнул головой. Фельмери смутился. Что-то похожее на экзамен?

— Сложное дело,— уклончиво промолвил он.— И во многом для меня еще непонятное. Во-первых, почему Меннелю нужно было навещать наш исследовательский центр фармакологии? Во-вторых, откуда ему было известно, какое именно лабораторное оборудование этому институту требуется. Небезынтересен и такой факт, что Меннель был подготовлен к тому, чтобы сразу предложить значительно более низкие цены на оборудование, чем конкуренты. Я бы на месте майора Балинта сосредоточил все внимание именно на этих моментах...

— Короче говоря,— перебил его Кара,— тебя интересует, откуда мог Меннель знать заранее о предстоящем переоборудовании института?

— Да,— подтвердил лейтенант.

— Вы считаете, что между переговорами, проходившими в исследовательском центре, и убийством Меннеля есть какая-то причинная связь? — уточнил Шалго.

— Возможно.— Фельмери на мгновение задумался.— Как возможно и то, что Меннеля убили по приказу какой-то из конкурирующих фирм. Хотя в таком случае перед нами самое заурядное уголовное преступление.

— Следовательно, вы исключаете возможность того, что Меннель стал жертвой преступления по политическим мотивам? — допытывался Шалго.

— Так ведь нет никаких признаков того, что убийство было совершено по политическим мотивам,— твердо сказал лейтенант.

— Пока все, что говорит Фельмери, звучит правдоподобно,— поддержал его полковник.— Если, конечно, ты не держишь за пазухой какого-нибудь весьма убедительного аргумента, который опроверг бы это его утверждение.

— Я обследовал автомобиль Меннеля,— сказал, стряхнув с коленей сигарный пепел, Шалго.

— Когда? — спросил полковник.

— Сразу же после обнаружения убийства.— Он налил себе еще вина, сделал несколько глотков и вытер рукою полные, мясистые губы.— Я, конечно, не очень разбираюсь в технике, но, едва поднял капот, сразу же понял, что эта машина не серийная. И мотор для нее тоже был сделан по специальному заказу. Покопавшись немного, я обнаружил за приборной панелью небольшую, но достаточно мощную рацию.

— Да ты что, смеешься?! — вскричал полковник.

— И не думаю. И самое интересное, что питается этот передатчик не от аккумулятора.

— Больше ему неоткуда питаться,— возразил Фельмери.

— Представьте себе, не от аккумулятора,— настойчиво повторил Шалго.— Можете на меня положиться. И потому амперметр совершенно не показывает наличие этого потребителя тока.

— Интересно! — Кара уже не жалел, что послушался Шалго и приехал сюда по его приглашению. Выходит, старый следопыт и на этот раз оказался прав и убийство Меннеля и в самом деле не обычное, заурядное уголовное дело?!

— Кроме того, я нашел в машине еще и надежно упрятанный пистолет с глушителем,— продолжал Шалго.— Что же касается рации, то с помощью хорошо замаскированной кнопки ее можно в течение десяти секунд привести в рабочее состояние. Так что позвольте мне теперь спросить вас почтительно: что это за мирный купец, который возит с собой бесшумный пистолет, не говоря уж о приемно-передающем радиоустройстве?

Лейтенант вопросительно посмотрел на Кару, но тот задумчиво продолжал глядеть куда-то вдаль.

Лиза возвратилась уже к концу их оживленного разговора. Она сказала, что в доме Табори очень накаленная атмосфера, что все почему-то нервничают. Впрочем, это можно понять: ведь убитый жил у них на квартире.

— Погоди, дорогая, ты нам не о том рассказываешь,— остановил ее муж.— Ты лучше об их гостях нам доложи, все по порядку.

— А что о них сказать? — возразила Лиза.— Приехал новый гость. Какой-то доктор Отто Хубер. Немец. На вид лет пятидесяти пяти. Высокий, при-

мерно с тебя ростом, Эрнё. Но в плечах будет пошире. Волосы черные, с заметной сединой. Спокойный, разговаривает негромко. Хорошо говорит по-венгерски.

— Вот как? — воскликнул Шалго.— Ох, не люблю я немцев, хорошо говорящих по-венгерски.— Он выразительно посмотрел на полковника. Ему вспомнился эсэсовец Шликкен. По спине у Шалго пробежали мурашки. Лиза же рассмеялась:

— Ну, конечно, говорит он не так изысканно, как я. Но все слова произносит правильно, старается точно формулировать мысли, хотя и заметно, что думает он при этом по-немецки.

Тут она взглянула на мужа и не смогла удержаться от возгласа возмущения:

— Шалго, ты просто невозможен! Опять запорошил и пол и брюки этим проклятым пеплом!

— Милочка, оставь ты на время в покое мои брюки! Дело, о котором ты нам рассказываешь, куда важнее и пепла, и пола, и даже моих брюк!

— Скажите, Лиза,— вмешался Кара,— Хубер приехал один?

— Нет, с ним какой-то молодой человек. Кажется, кто-то из Торговой палаты. Но он оставил немца здесь, а сам тотчас же уехал назад, в Будапешт.

— А Табори знал, что к нему приедет Хубер? — продолжал расспрашивать полковник.

— Мне показалось, что знал.

— Должен был знать,— заметил Фельмери.— Торговая палата известила фирму «Ганза» о смерти Меннеля. Если мне не изменяет память, «Ганза» ответила, что они пришлют в Будапешт своего нового представителя.

— Конечно, знал,— согласился Шалго.— Но почему это так важно?

— Важно в том случае,— пояснил Кара,— если мы примем за аксиому предположение, что Меннель приезжал в исследовательский центр фармакологии для установления деловых контактов. Твоя же находка, Шалго, проливает на эти «деловые» контакты новый свет. Теперь уже с полным основанием можно предположить, что Меннель приезжал в Будапешт не только для того, чтобы добиться заказа на поставку лабораторного оборудования, но и ради чего-то еще.

Только мы пока еще не знаем, какое задание должен был выполнить Меннель, находясь в Венгрии.

— Да, мы много чего еще не знаем,— заметил Шалго.

Лиза молча смотрела то на мужа, то на гостя.

— А что, если...— произнесла она, скорее обращаясь с вопросом к самой себе, чем к остальным,— если вдруг выяснится, что Виктор Меннель приезжал для установления контакта не с центром фармакологии, а лично с профессором Табори или с кем-то другим?

— Я уже думал об этом,— сказал Кара.— Если это действительно так, история становится тем более интересной.

«Странно,— рассуждал Фельмери,— убили какого-то типа, а полковник и Шалго, вместо того чтобы выяснить, кто убийца и почему он совершил это преступление, принялись гадать, зачем Меннель приехал в Венгрию».

— Вы следите за нашей беседой, Фельмери? — обратился вдруг Кара к задумавшемуся лейтенанту.— Или дремлете?

— Слежу,— отвечал лейтенант.

— И каково ваше мнение?

— Пока еще не знаю.— Фельмери смущенно посмотрел на хозяйку и во взгляде ее приветливых глаз словно прочел поддержку.— Мне кажется, что важнее всего поймать убийцу. А тогда уж мы получим ответ на все вопросы, которые нас интересуют.

По лицу Шалго было видно, что ответ лейтенанта ему пришелся не по вкусу.

— А вот меня, юноша, жертва интересует куда больше, чем убийца,— сказал он.— Мне кажется, что ответы на многие вопросы мы должны получить еще до того, как найдем и схватим преступника. Ведь возможен и такой вариант, что между секретным заданием Меннеля и его убийством нет вообще никакой связи.

— Возможен,— согласился Фельмери.— Но тогда нам первым делом нужно выяснить, имеет ли фирма «Ганза» какое-то отношение к тайной рации в машине. Эта рация свидетельствует скорее всего о том, что Меннель был агентом разведки какой-то иностранной державы.

— Вот это уже другой разговор, молодой человек,— согласился Шалго.— И это действительно вопрос номер один.

— Правильно,— поддержал его Кара.— Кстати, машина Мениеля принадлежит фирме «Ганза»?

— Нет,— ответил Шалго.— Не думаю. На ней стоит транзитный номер таможенного управления ФРГ.

— Значит, машина была взята им напрокат,— заключил Кара и, обращаясь к лейтенанту, распорядился: — Скажите товарищам, чтобы они повнимательнее изучили технический паспорт машины.

— Но если автомобиль был взят напрокат, все наши гипотезы летят к черту. Вполне возможно, что Мениель и не знал о существовании у него в машине всего этого устройства!

— А теперь получается, что прав-то оказался Эриё,— подхватила Лиза.— Что, Оскар, осечка?

— Все может быть,— повел плечом Шалго.— Но вряд ли. Каково бы мне было, если бы все оказалось именно так? Миклош Балинт замучил бы меня своими насмешками. Черт побери, и как я об этом не подумал?

Шалго тяжело поднялся и ушел к себе в комнату. Немного погодя они услышали, что он с кем-то говорит по телефону. Вскоре он возвратился на веранду и с кислой миной сообщил:

— Машина принадлежит фирме по прокату автомобилей «Фридрих Мессер», Гамбург, Кёнигсплац, три.

Оставшись наедине с Фельмери, Кара отдал распоряжения:

— Поезжайте к майору Балинту. От него позвоните в Будапешт подполковнику Домбаи и передайте следующее: пусть товарищи в Центре соберут все имеющиеся сведения о фирмах «Ганза» и «Фридрих Мессер», о профессоре Табори, а также о Бланке и Казмере Табори. Кроме того, пусть Домбаи установит в отделе постоянное дежурство. Все сведения я хотел бы получить сегодня.

— Дорогой господин профессор,— говорил Отто Хубер, сидя в гостиной виллы Табори,— я вам весьма признателен за приглашение, но мне не хотелось бы обременять вас.

Отто Хубер действительно говорил по-венгерски очень хорошо, хотя и медленно, тщательно обдумывая каждую фразу. У него был негромкий, слегка хрипловатый, как у всех заядлых курильщиков, голос.

— Вы нисколько не обремените меня,— запротестовал профессор.— Прошу вас, чувствуйте себя как дома.

Гость сидел в кресле спиной к камину и явно любовался через распахнутую дверь видом на Балатон.

— Очень тронут,— поблагодарил он, закуривая сигару,— но я не могу воспользоваться вашим гостеприимством безвозмездно.

Хотя профессор сидел в глубине комнаты, гость смог хорошо разглядеть его: узкий разрез глаз и тонкие, как лезвие клинка, губы, горестная складка в углах рта, глубокие морщины на щеках, под глазами.

— Милый доктор,— возразил профессор Табори.— Моя вилла не платный пансионат. И хоть я и не миллионер, вы можете гостить здесь и целый год.

В это время на крыльце послышались шаги. Профессор обернулся и увидел в залитом солнцем квадрате распахнутой настежь двери фигуру своего племянника.

— Казмер Табори, инженер-электрик. Доктор Хубер,— представил он их друг другу.

Племянник профессора, высокий худощавый молодой человек лет двадцати восьми, поклонился Хуберу, крепко пожал ему руку и, пригладив свои растрепавшиеся русые волосы, сел в плетеное кресло.

— ...Казмер у нас молодой ученый, занимается исследовательской работой в области ультракоротких волн. Скоро уезжает в СССР на несколько лет...

— Думаю, что господина Хубера это мало интересует,— заметил Казмер Табори, зло посмотрев на дядю.

— Боюсь, что стесню вас. Вот и господин инженер... Пожалуй, я все же попытаюсь получить номер в отеле.

— Честное слово, господин Хубер, вы меня нимало не побеспокоите.— Казмер положил журнал на колени и попытался встретиться взглядом с Хубером. Он любил говорить, глядя в глаза собеседнику.— Но даже если бы это было и так, вы можете не считать-

ся со мной. На этом корабле капитан — мой дядя! А я здесь тоже только гость. Не так ли, дядюшка? — с легкой иронией спросил Казмер и перевел взгляд на профессора Табори.

— Чепуху ты мелешь, мой мальчик,— махнул тот рукой, стараясь понять, почему Казмер враждебно отнесся к появлению нового гостя.

— Честно говоря, знаете, господин доктор, что́ мне в тягость? Бесконечные вопросы-допросы, неприятные визиты из милиции. Мне во время отпуска хотелось бы только отдыхать. И ничего больше.

— Насколько мне известно, тебя всего один-единственный раз допросили. И не делай из этого трагедии. Майор Балинт выполнял свои обязанности. Будем надеяться, что больше никаких допросов не последует.

— Если не последует новых убийств,— вставил Казмер.

Наступила пауза.

«Память погибшего почтили молчанием,— усмехнувшись, подумал Казмер.— Если бы дело было не в гостиной, все, наверное, почтительно встали бы».

Он прислушался к хрипловатому голосу дяди. «Все в порядке,— процедил Казмер сквозь зубы,— профессор нашел благодарную аудиторию. Дамы и господа, сейчас профессор Табори прочтет вам научно-популярную лекцию об устойчивости болезнетворных бактерий».

— Должен признаться, профессор,— проговорил Хубер,— я не очень хорошо знаком с биологией. Знаю только, что в генетике сейчас происходят эпохальные открытия. Но я простой инженер и еще юрист. И служащим фирмы «Ганза» стал совершенно случайно. Правда, таким занимающимся коммерческой деятельностью предприятиям юристы бывают подчас нужнее любых других специалистов. Но я не хочу этим принизить роль ученых. Отнюдь. Я высоко ценю тружеников науки и восхищаюсь их достижениями.

Собеседники посмеялись. Потом Хубер снова заговорил:

— Прежде чем я вернусь к официальным переговорам, я хотел бы распорядиться относительно отправки на родину останков моего друга Меннеля.

Казмер встрепенулся:

— Почему вы не хотнте похороинть его здесь?

— Где здесь? — Таборн с ненавистью впился взглядом в племяннннка.

— В Балатонэмёде! — отвечал тот, переводя взгляд на Хубера.— Меннелю теперь безразлнчио, где вы его похороните. А фнрма может сэкономнть на этом кучу денег.

— Казмер! — резко оборвал его профессор.

— А что, дядюшка? — отклнкнулся Табори-младший.— Тебе ведь известно, что это так. Сам же проснл нас в прошлом году, чтобы тебя похороннлн именио здесь.

— Это не нмеет никакого отиошення к делу,— возмутнлся профессор.— И прошу тебя, перестаиь паясничать. Ннкого не ннтересуют твон советы.

Казмер, войдя в роль расходнвшегося сорванца, только пожал плечами:

— Как вам угодно. Я ведь хотел как лучше. Надеюсь, ие обидел? — сказал он, посмотрев на Хубера.

— Ничуть, господнн ннженер,— заверил его гость.— Откровенно говоря, вы правы. Но ведь есть семья: отец, мать, братья. Онн настанвают на отправке тела на роднну. Вы же знаете, что такое родительская любовь.

— Не знаю,— безразлнчным голосом бросил Казмер.— Я не зиаю своих роднтелей. Роднтелн подкинули меня в чужое парадное, когда мне было не то два, не то четыре месяца.— По его лнцу промелькнула горестная усмешка.— Но вполие возможио, что н оии тоже горевалн бы, узнав о моей смертн.

— А родителн вашн еще живы?

— Не знаю. Никто этого не знает. Даже моя прнемная мать, усыиовившая меня.

— Простнте,— сказал немец.— Я не хотел сделать вам больно.

Казмер махнул рукой н отвернулся. И в этот момент на террасу вошли женщиины. Казмер поспешнл навстречу матерн, ласково осведомился о ее самочувствнн н, повернувшись к Хуберу, восклнкнул, смеясь:

— Вот внднте, доктор, почему вы ие сделалн мие больно? Потому что у меня есть мама. В тысячу раз лучше, чем самая родная.— Казмер нежно обнял и

поцеловал мать.— Мама, а у нас гость. Вы еще не знакомы?

Хубер поднялся и поклонился Бланке Табори. И вдруг Казмер почувствовал, как дрогнуло у него под рукой ее плечо. Он крепко прижал к себе мать, испуганно спросил:

— Что? Что с тобой? Тебе плохо?

— Жарко,— едва слышно прошептала она.

Лиза опомнилась раньше всех. Крикнув профессору, чтобы он поскорее вызвал врача, она побежала в кухню за водой. Но Бланка и слышать не хотела о враче, уверяя, что она просто перегрелась на солнце и что это скоро пройдет.

Лиза смочила ей водой виски, лоб. Профессор же с глубокой тревогой взирал на все происходящее, не зная, что делать.

— Я пойду к себе,— тихо проговорила Бланка, с трудом поднимаясь из кресла. Казмер подхватил ее под руку и вывел из гостиной.

— Упрямцы! — сказал им вслед Табори-старший.

— С ней уже и раньше так бывало? — почему-то вдруг заинтересовался Хубер.

— В последние дни — несколько раз,— доставая из серванта бутылку абрикосовой водки, ответил Табори.— Хочется думать, ничего серьезного.— Он налил себе и гостю.— Моя сестра — женщина крепкого здоровья. Крепче стали. Я всегда дивился силе ее воли.

Профессор опустился на кушетку, закрыл глаза. В его ушах зазвучали однажды оброненные сестрой слова: «Если мне станет совсем невмоготу, я знаю, как поступить. Но ты не бойся, Матэ, решительный миг еще не пришел».

— Можно еще вам налить, профессор? — дошел до его сознания голос Хубера.

— Да, пожалуйста.— Он протянул свою рюмку в сторону, откуда доносился голос гостя.

Вернулся Казмер. На лице его уже не было беспокойства.

— Ей лучше,— сказал он.— Не волнуйся. Ты же знаешь, у мамы отличное здоровье. Только ее все время как магнитом тянет на солнце, а это ей как раз противопоказано.

— Мне не хотелось бы вмешиваться... но на вашем месте я обязательно пригласил бы врача,— заметил Хубер.

— Господин Хубер прав,— подхватил Казмер.— Мы это сделаем. Очень скоро. Хотя я не предполагаю ничего опасного. Мама просто очень устала. И немудрено: взвалить на себя столько забот и хлопот. Месяц назад от нас ушла прислуга. Она одна ведет хозяйство: убирает, стряпает.

От взгляда Казмера не ускользнуло, что Хубер слушает его с явным интересом, профессор же сидит с отрешенным видом. «Зачем я, собственно, все это рассказываю?» — подумал Казмер, однако, словно помимо своей воли, продолжал:

— Внезапная смерть Меннеля очень подействовала на нее. Представьте себе: вы беседуете с человеком, вместе завтракаете, а через полтора часа вам звонят и говорят, что ваш собеседник только что утонул.

— Через полтора часа? — перестав мерить шагами гостиную, спросил Табори.— Откуда ты взял? Прошло не меньше двух с половиной часов.

— Да? Может быть. В конце концов неважно, через сколько часов позвонили,— заметил инженер.— Интересна сама ситуация.

— Интересна? Что ты находишь в ней интересного?

— Ну как же? Внезапно умирает здоровый человек. Молодой, жизнерадостный. Это же не только трагично, но и интересно. Разве ты не согласен со мной?

— Я считаю это ужасным! — возмущенно выкрикнул Табори.— Да-да! Ужасным и трагичным.

— Фантастическим и непонятным,— добавил Хубер.— В Гамбурге мы все были в недоумении. Кто мог убить Виктора, за что?

— Мы тоже недоумеваем,— подтвердил профессор.— Да и милиция...

Казмер махнул рукой.

— Милиция... Знаю я их. На все эти вопросы мы никогда не получим ответа.

Табори-старший стоял, прислонившись спиной к камину, и смотрел в сад.

— Как знать? — обронил он.— Жизнь доказывает обратное: ни один вопрос не остается без ответа.

И я убежден, что милиция очень скоро поймает преступника нли преступннков...

— Возможно,— погасив сигару, проговорил Хубер.— Только Виктору это уже не поможет.— Он взгляиул иа часы.— Машииа Меинеля в гараже?

— Да,— сказал профессор.— Властн разрешнлн ее переправить иа родину покойного. Это его собствеиный автомобиль?

— Я отвечу вам на этот вопрос, когда увижу машину. Не исключено, что ои приехал сюда на служебном автомобнле. Но возможно, и на своем. У него был «БМВ-250».

— А это «мерседес»,— сказал Казмер,— «Мерседес-280».

— Ключн от машины у вас, господин профессор?

— Казмер, не сочтн за труд. Оии лежат у меня в кабииете, на письмеиим столе. Сегодия утром мие их передал майор Балнит,— сказал Табори, заметив вопросительиый взгляд Хубера.

Когда Казмер вышел, гость спроснл:

— Они осматривали и машниу?

— Весьма тщательно,— подтвердил Табори-старшнй.— Даже отпечатки пальцев сннмали. Хотя не вижу в этом резоиа. На любой машиие можио иайти тысячн отпечатков.

— Навериое, таков порядок. Выполняют все, что предписывают иструкцин,— вежливо заметил Хубер.

Возвратнвшийся с ключами от машины Казмер предложил гостю свои услуги, но тот сказал:

— Спасибо, ие беспокойтесь. Я разбираюсь в «мерседесах».

Казмер равнодушио посмотрел вслед удаляющемуся Хуберу н, улегшнсь иа кушетку, прннялся разглядывать свисавшую с потолка замысловатую люстру из кованого железа. Ои догадывался, что вот-вот раздастся голос дядюшки, и весь подобрался, твердо решив про себя, что, несмотря нн на что, больше не ввяжется с иим в спор. Он достал сигарету и закурил.

— Я хотел бы, Казмер, чтобы ты кое-что принял во внимаиие,— действительно заговорнл уже мгновеиие спустя профессор.

Казмер промолчал, разглядывая потолок гостниой н пуская вверх колечкн дыма.

— Я к тебе обращаюсь.

— Слышу и жду продолжения...

Казмер чувствовал, что ответ его был ие очень учтивым да и голос противио дрожал.

— Этот дом — мой дом...

— Ты уже столько раз иапомииал об этом, дядя, что я при всем желании не смогу этого забыть,— уже спокойно, с примирительными нотками в голосе и даже с улыбкой подтвердил Казмер.

— И я волеи приглашать к себе в гости кого захочу. Поэтому я требую от тебя соблюдать приличия по отиошеиию к моим гостям.

— Блестяще! — отозвался Казмер.— А я ради тебя буду ползать перед этой иноземщииой иа брюхе? Нет уж, дудки! Да и тебя я не поиимаю, чего это ты перед ними кривляешься? Ты же ие дипломат, чтобы так-то уж ухаживать за ними!

— Никто от тебя ие требует, чтобы ты ползал, как ты выражаешься, иа брюхе!..

Казмер сел иа тахту и, с неприязнью посмотрев иа дядю, сказал:

— Может, хватит поучать меня? Если хочешь, я могу немедлеиио покинуть твой дом. Жалею, что ие сделал этого раиьше. Мие было тошио смотреть, как профессор Табори угодничает перед этими подоиками.

— Меннель ие был подонком.

— Все равио. Мне он был просто противеи.

— Прежде ты этого ие говорил.

— Потому что ты ие спрашивал. Настолько тебя очаровал этот неофашист. А ои был им. Я ведь тоже с иим побеседовал. Я почему-то считал, что человек, отсидев четыре года в Бухенвальде, иикогда ие забудет это время. Но я ошибся: ты все забыл. Все иа свете. Или ие хочешь помнить.

— Я ничего не забыл,— проворчал Табори, мрачиея.— Виктор Меинель за Бухеивальд ие отвечает.

— Возможио. Но я видел все это. Был там на экскурсии. И не требуй от меня, чтобы я заискивал перед твоими дорогими гостями!

— Никто не заставляет тебя заискивать перед кем-то. Но твои вульгарные замечаиия отвратительны.

— А мне было отвратительно зрелище фабрнки смертн. Так что не учи меия этикету.

В это время в гостиную вошла Лиза, и они прекратнлн разговор.

— Блаика попросила меия похозяйиичать у вас сегодия. Я пришла. Хотите кофе?

— Спасибо, но, пожалуй, попозже,— попросил Таборн.— Как она себя чувствует?

— Ей лучше, одиако серьезиое обследоваиие у хорошего врача ей ие повредило бы,— сказала Лиза. Поияв по мрачиому внду Казмера, что ои опять поругался с Матэ, оиа ие удержалась:

— Что с тобой? Ты будто в воду опущеиный!

— Да вот дядюшке ие иравится, что я иелюбезеи с его доктором Ху-Хубером...

— Мой племяиничек любит преувелнчивать,— примнрнтельиым тоиом заметил Таборн. Скрипнула садовая калитка. По тропнике медлеиной, тяжелой поступью прнближался Оскар Шалго со своей неизмеииой дымящейся сигарой во рту, в потрепаииой соломенной шляпе, иадежно укрывавшей от солица его круглое лнцо.

«Тебя только ие хватало,— раздражеиио подумал профессор.— Святая троица в сборе. Ну, держнсь, Таборн!»

— Слава всевышнему! — крикиул ему толстяк.— Накоиец-то тучи покинули твое чело.

— Чело?

— Ну да, оно же было мрачиое, как дождливое небо,— подтверднл Шалго и перевел взгляд иа Таборн-младшего.— Прнвет, Казмер. Давно вернулся?

— Сегодня утром,— ответил Казмер.

— Забавно. Как же это я ие расслышал зиакомый рев мотора?

Шалго добрался до стола и завладел коньячиой бутылкой.

— Я оставнл машиииу внизу, иа станции обслужнваиня,— объясиил Казмер.— Возьмнте чнстую рюмку в серванте.

— Ты предлагаешь мие выпнть? Что ж, ие возражаю.

— Только не увлекайся, пожалуйста! — предостерегла его Лиза.— Сегодия ты уже выполнил иорму.

Шалго иекоторое время разглядывал рюмку с

коньяком на свет, затем плюхнулся в кресло и без всякого перехода вдруг спросил:

— Казмер, а где ты был ночью с девятнадцатого на двадцатое?

— А с какой стороны это может вас интересовать?

Казмер как-то странно заглянул сверху в лицо толстяка.

— Да не меня. Майор Балинт из милиции спрашивал. А я сейчас вспомнил.

— Почему же он спросил об этом вас?

— Действительно странно. Как иногда ты бываешь несокрушимо прав.

Казмер, заметно волнуясь, достал сигарету.

— И как пришло в голову этому майору вынюхивать обо мне стороной всякие сведения?

— Это его обязанность,— сказал Табори.— Не забывай, произошло убийство. В таких случаях принято проверять алиби всех без исключения. Правильно я говорю, Оскар?

Шалго пододвинул к себе пепельницу.

— Лучше не смог бы выразить эту мысль даже я,— подтвердил он.— Алиби очень важно. Особенно сейчас.

— Сейчас? Почему сейчас? А вчера оно не было важно? Или позавчера? — уже более спокойно выразил свое удивление Казмер.

Шалго отметил про себя, что инженер хорошо владеет собой.

— Сейчас потому,— пояснил он,— что следствие взял в свои руки полковник Кара из Будапешта. А он не новичок. И у меня такое ощущение, что он скоро задаст тебе, Казмер, тот же самый вопрос: где ты был двадцатого июля, между двумя часами ночи и десятью утра? И тебе придется ответить на него. Вот я и хотел, чтобы ты был готов к такому вопросу.

Казмер задумчиво погладил подбородок.

А в это самое время полковник Кара сидел в «штабе» следственной группы — в комнате на втором этаже здания поселкового совета — и внимательно просматривал поступившие оперативные донесения. К сожалению, в них было много пробелов, и это соответственно рождало новые вопросы.

— Так что же мы знаем о Матэ Таборн? — спроснл он.— От Домбан еще не поступнлн материалы?

— Пршшел ответ нз архнва: в картотеке не значнтся,— ответил Фельмерн.

— Оказывается, он не так уж н стар, наш профессор,— заглянув в одну нз бумаг, заметнл Кара.— Родился в четырнадцатом году.

— Ему пятьдесят пять, и он в отлнчнейшей форме,— подтверднл майор Баллнт.

Кара вслух стал чнтать справку:

— «...Вдов, жена умерла в марте тысяча девятьсот сорок шестого года...»

— Неудачные роды,— пояснил Баллнт.— Но дочка осталась в живых. Сейчас она чемпнонка страны по теннису. Входнт в состав сборной Венгрин. В настоящее время уехала на соревнования в Калнфорнню.

— Это я знаю,— взглянув на него, сказал полковник.— Но я почему-то счнтал, что н Казмер его сын.

— Нет, Казмер усыновлен сестрой профессора, Бланкой Табори. Она взяла его в нюле сорок пятого нз веспремского детдома.

— А кто его роднтелн? — спроснл Фельмерн.

— Не знаю. Я не проверял. Не думал, что это существенно.

— Посмотреть не мешает,— посоветовал Кара.— Меннель жнл у ннх. Желательно знать об этом семействе все. Словом, как можно больше.

— Хорошо, я себе заметил,— сказал Баллнт.— Есть еще одно обстоятельство. В документах оно, правда, не отражено, но хочу обратнть на это ваше вннманне: до войны Матэ Таборн прожнвал в Даннн. После оккупацнн страны сражался вместе с датскнмн патрнотами против нацнстов. В сорок втором он н его жена были схвачены гестапо и отправлены в Бухенвальд, где пробыли вплоть до освобождения лагеря.

— Это интересно. А его сестра?

— Она жила всю войну в Будапеште. Преподавала рнсование в гимназнн. В сорок четвертом году эвакунровалась, спасаясь от бомбежек, сюда. Стала художннцей. После смерти золовки решнла замуж не выходить, а посвятнть себя воспитанню племянницы и приемного сына. Так говорят.

Кара промолчал. Полковинк ие любил старых дев. Даже если они прииосили себя в жертву чему-то, подобио этой Блаике Табори. Не пожелала, зиачит, выйти замуж? А ведь супруги Шалго говорят, что в молодости оиа была иа редкость красивой жеищииой...

Кара перелистал свои заметки. Теперь ои уже ясио представлял себе, что следствие иужио вести сразу в двух, а вериее, даже в трех иаправлеииях. Тогда можио рассчитывать на успех. Прежде всего иужио собрать всю иеобходимую иифомацию о гамбургской фирме «Гаиза». Возможио, Домбаи уже раскопал что-иибудь в картотеке мииистерства. Далее иужио устаиовить, с кем встречался Меннель в последиие дии, о чем говорил, как себя вел. В-третьих, иадо обязательио иайти того человека, с которым он виделся и гулял по пляжу вечером иакаиуие своей виезапиой гибели. Описаиие виешиости иезиакомца довольио иеопределеиио, известио только, что ои говорил по-французски. Это, разумеется, еще ие зиачит, что иеизвестный был действительио французом...

Полковиик подробио обсудил с Балитом все, что предстояло тому сделать, после чего вместе с Фельмери вериулся иа виллу Шалго. По дороге Кара сиова пробежал глазами заключеиие судебно-медициского эксперта. «Итак, иепосредствеииая причииа смерти — удушье,— думал ои.— Судебиый медик считает, что смерти предшествовала драка, борьба. Меииеля сиачала задушили, а затем бросили в воду...»

Шалго ие оказалось дома. Кара отправился иа поиски и иашел его в особияке Табори. Войдя, Кара отрекомеидовался, пожал руку профессору и его племяииику, затем представил им лейтеиаита Фельмери. Профессор предложил гостям коньяк и кофе.

— Спасибо, ие стаием отказываться,— ответил Кара. Помешивая ложечкой кофе, ои поглядывал иа Табори, рассказывавшего о своем знакомстве с Меииелем.

Собствеиио говоря, иичего иового Кара в его рассказе ие услышал. Но все же ои решил задать иесколько вопросов.

— Фирма «Гаиза» была вам известиа еще до приезда сюда Меииеля? — спросил он.

— Нет,— покачал головой Табори,— я и понятия не имел, что она существует на свете.

От Фельмери, сидевшего поодаль, не ускользнули ни настороженный взгляд инженера Казмера Табори, ни его ироническая усмешка.

— А скажите, профессор, вы не удивились, что Виктор Менель предложил вам купить именно те предметы лабораторного оборудования, которые были перечислены в ваших собственных списках? — Кара внимательно посмотрел на профессора.

— Н-нет. Хотя сейчас, когда вы об этом меня спросили... Действительно странно... Минуточку...— Профессор вышел из гостиной. По всему было видно, что вопрос полковника поверг его в замешательство.

— А ведь приятно, когда человека убивают на берегу Балатона,— вдруг сказал Казмер.

— Приятно? — не веря своим ушам, переспросил Кара.— Кому?

— Простите, я, может быть, неточно выразился,— поспешно добавил инженер.— Я хотел сказать, насколько вам и вашим товарищам приятнее и легче работать в таких цивилизованных местах, как наше, чем, скажем, в какой-нибудь деревушке у черта на куличках. Тут можно между допросами сходить на озеро искупаться, даже поудить рыбку. Да и убийце тоже, наверное, было проще спрятаться в камышах и даже... умыть руки. В буквальном смысле.

— Вы знаете, об этом я как-то не подумал,— признался Кара.— В одном, однако, вы ошибаетесь. Менеля убили не на берегу озера, а в лодке.

— Могли убить и на берегу.

— То есть как это?

— Очень просто: сбили с ног, задушили, а потом, погрузив в лодку, отплыли от берега подальше и...

— Вы считаете, что убийца был не один?

— Могло их быть и несколько,— совершенно спокойно подтвердил Казмер.— Но предположим даже, что преступление совершил один человек. На берегу. Убив Менеля, преступник погрузил его тело в лодку, отгреб от берега и в подходящем месте сбросил труп в озеро.

— А как же, по-вашему, произошло само убийство? — Полковник сделал несколько глотков из чашечки. А Фельмери, как загипнотизированный, не мог

оторвать глаз от сильной, мускулистой руки Казмера.

— Над этим я еще не задумывался,— признался Казмер.— По правде сказать, этот тнп мало меня ннтересовал.

— Он вам не нравился?

— Он был мне просто противен! Заносчивый, наглый мерзавец.

— Казмер не терпит конкуренцни,— спокойно заметил Шалго.

— Папаша, вы считаете, что и я тоже заносчивый?

— Не всегда. Но в данном случае — да.

Между тем возвратился профессор Табори. Он был заметно взволнован.

— Вы правы, полковник. Я должен был обратить на это вннмание. Вот посмотрнте.— Профессор разложнл на столе документы.— Здесь перечень необходимого инстнтуту оборудовання, составленный для конкурса на поставку, вот предложения французской, англнйской и шведской фирм, а в самом конце — предложення фирмы Меннеля. Нетрудно установнть, что предложения «Ганзы» буквально по всем пунктам повторяют перечень нашего спнска. А это для меня как раз н непонятно.

— Между тем все очень просто н ясно,— возразил Шалго.— Фирма «Ганза» имеет спецнальных сотрудников-телепатов, которые могут на большом расстояннн угадывать, какое лабораторное оборудование требуется, напрнмер, профессору Матэ Таборн.

— Более того,— вмешался в разговор молчавшнй до снх пор Фельмери,— нм доподлнnно нзвестно, за какую цену готовы поставить ему это оборудованне французы, англнчане и шведы.

— Уж не думаешь ли ты, Оскар, что я вступил в сговор с Меннелем?

— Ну что ты, дядя Матэ! — засмеявшись, сказал Казмер.— Ты все еще не привык к прнемам папаши Шалго? Старнк только закинул удочку. Наживка — на крючке, и теперь он ждет, какая же рыбка на нее клюнет.

— Верно! — подтвердил Шалго.— В этом н состоит мой секрет сыска. Хорошая приманка н велнкое терпение!

— А у вас она есть, хорошая приманка-то? — полюбопытствовал Казмер.

— Есть, Казмерчик. И терпение мое тоже беспредельно.

— Одно совершенно очевидно,— заметил Кара, продолжая просматривать документы, принесенные профессором,— что в «Ганзе» довольно точно знали план расширения и финансирования вашего НИИ. Знали также, какие предложения на поставки в суммарном выражении сделали ее конкуренты. Следовательно, люди Меннеля были связаны с кем-то из сотрудников НИИ. По-моему, это логично.

Казмер встал, потянулся, налил себе в рюмку немного коньяку и выпил.

— Логично. Но только при одном условии,— сказал он, обращаясь к полковнику.— Если бы конкурсные требования не были известны еще где-нибудь. А их знали, по-моему, сотни людей. Например, работники министерства внешней торговли. Наши торгпредства в Лондоне, Стокгольме и Париже. Хотя могло быть и так, что Меннель добыл их у своих конкурентов. Известно ведь, что все мировые фирмы пристально следят друг за другом.

— Откуда вам это известно? — спросил Кара.

— От вас.

— От меня?

— Да. Я прослушал специальный цикл лекций в МИДе.

— Казмер назначен в Москву секретарем смешанной советско-венгерской комиссии по научно-техническому сотрудничеству,— пояснила Лиза.— Через три недели он уезжает.

— Так вот, одну из этих лекций — о подрывной деятельности некоторых иностранных разведок — прочитали нам вы, товарищ полковник. Вас я и процитировал сейчас.

— Вы правы. Вполне возможно, что мы ищем не там, где надо. Меннеля могли убить из мести. Или из ревности. Или еще по какой-то неизвестной нам причине. Вот вы, например, просто не любили его, как я понял.

— Он был мне противен,— подтвердил Казмер, крутя зажигалку на столе.— Но это еще ничего не значит. Я субъективист. Есть люди, которые мне нра-

вятся с первого взгляда. Как, напрнмер, папаша Шалго. Мне ои очеиь симпатнчеи. А вот Мениель — совсем наоборот.

— Ои вас оскорбил нлн обидел?

— Нет, меия — нет...

— Может быть, Илоику? — вмешался в разговор Шалго.

— Илонку? — Казмер смутился, утратнв иа какое-то мгиовение свое подчеркнутое спокойствие.— Это что, ваша новая нажнвка?

— Прошу прощеиия, что я вмешиваюсь,— сказал профессор Таборн.— Но миеине Казмера действнтельно весьма субъектнвио. Зачем делать нз Мениеля черт знает кого? Ведь в общем-то он был умиым, образоваиным, хорошо воспнтанным молодым человеком.

— Пнжои, зазиайка, подоиок,— выпалил Казмер, теряя самообладанне.— Да хочешь зиать, что за личиость был этот твой Мениель?

— Ты что, с ума сошел, мой мальчик?

Казмер иервно кусал губы. Несколько мгиовеинй ои оставался иеподвижиым, потом круто повернулся и, сбежав вниз с террасы, иаправился к воротам. Фельмерн последовал за инм. Еще с крыльца ои увндел, что у ворот Казмер остаиовился.

— Ила! Илонка! — громко позвал нижеиер.— Зайдн к нам иа минутку!

Издалека в ответ донесся голос девушки:

— Сейчас. Что случилось?

— Зайдн, пожалуйста.— И Казмер поспешнл ей иавстречу.

Фельмерн тоже вышел. Проходя мимо гаража, ои заглянул внутрь: гараж был пуст. «Куда же делась машнна Мениеля?» — подумал лейтеиаит.

А Илонка уже бежала через дорогу к воротам дома Таборн. Кара, услышав, как скрнпнула калитка, подумал, что было бы очеиь нитересно зиать, о чем говорит сейчас Казмер с девушкой. «Ну, да Фельмерн молодец: догадался тоже выйтн. Может, он услышнт?..»

Но вот иа дорожке мелькнуло что-то ярко-фнолетовое, и на террасе появилась гостья — в цнкламеновом болеро и такого же цвета шортах. Сама же Илонка была шоколадно-корнчневой от загара.

— А ну скажн-ка, Илонка, какне предложення делал тебе этот мерзавец Мениель? — обратился к девушке Казмер.

Илонка, смущенно потупнвшись, стояла посредн гостииой.

«Надо было накннуть хотя бы халат,— подумала оиа.— Ладно, теперь уж все равио. Вон лейтенант как уставился...»

— Он предложнл мне стать его любовннцей.

— Что за чепуха! — недовольио замахал рукамн профессор.— Какая-то фаитасмагорня. Нн за что не поверю!

— Это уж ваше дело, дядя Матэ! — резко броснла Илонка.

— Когда он вам это предлагал?

— В субботу вечером. Я купалась в озере, возле трех старых нв, а он...

— Мы купались,— перебнв ее, уточиил Казмер.— А вернее, Илоика загорала на берегу, а я был в воде.

— Может, сама Илонка лучше расскажет, как все это пронзошло? — иегромко заметнл полковник.

— Пожалуйста,— согласнлась девушка.— Меннель вышел из воды н подсел ко мне.

— И так вот, ни с того ии с сего, предложнл вам стать его любовнннцей? — серднто спроснл профессор.

— Нет, конечно, ие сразу. Сначала наговорил всякой всячиины,— возразнла Илонка,— хвастался, какая ои важиая птнца. Спросил, есть лн у меня женнх. Я сказала, что иет. «А поклонник?» «О, этнх хватает!» Я, говорит, тоже хотел бы поухаживать за вами. «Разрешите — не пожалеете. Мы, немцы, щедрый иарод». А затем говорит: «Вы мне очеиь нравитесь, н я охотно провел бы с вами ночь». А Казмер как раз вышел из воды и услышал этн слова.

— И что ты ему сказал? — спроснл Шалго Казмера.

— Ничего. Спроснл, есть лн у него сестра. Есть, говорит. Очень миленькая, зовут Лиза. Так вот, говорю я ему, в следующнй раз привознте Лнзу сюда, раз оиа мнленькая. Я, может быть, тоже проведу с ней ночь, а то н две. Он оскорбнлся, прннялся меня отчитывать. А я... я съезднл ему по роже.

— Что сделал? — нзумился профессор Таборн.

— Дал ему в морду.

— Да,— с улыбкой подтвердила Илоика.— Вот так иаотмашь,— взмахиув правой рукой, показала оиа.— Бедияжка Мейиель сразу с иог долой. Никогда ие думала, что у Казмера такой удар.

Илоике явио нравилось быть в цеитре всеобщего виимаиия, и оиа приииялась с точиостью хроиикальиого киио воспроизводить подробиости события.

— ...у Мейиеля поиачалу даже глаза иа лоб полезли. Но потом ои все же подиялся, ощупал подбородок, огляделся по стороиам, словио ие помия, что с иим произошло.

— Ну да, он притворялся.

— Поделом ему! — вмешалась в разговор Лиза.— Правильио, мальчик! Так ему и иадо.

— Лиза, пожалуйста... Я тысячу раз просил вас...

— Матэ, ие волиуйся,— дал совет Шалго.— Рассказывай, Илоика, как дальше события разворачивались.

— Ну, Мейиель вскоре пришел в себя. Стал извиияться, говорить, что пошутил. А сам все кровь сплевывает. Губа у иего была рассечеиа.

— Сук-кии сыи! — прищелкиул пальцами Шалго.— Вот иегодяй. Пошутил!

— Да, пошутил, говорит. Ну, и Казмер ему в тои: извиниите, говорит, я вас тоже... в шутку.

— Почему ты иикогда ничего мие ие рассказываешь? — кипя от иегодоваиия, крикнул профессор племяииику.— Почему ты ие сказал мие об этом?

— А что бы ты сделал? — удивился Казмер.— Ну скажи, как бы ты поступил иа моем месте?

— В самом деле, Матэ, как? — улыбаясь, повторил вопрос Шалго.

— Во всяком случае, я ие затеял бы такой безобразиой драки.

— Вот потому я тебе иичего и ие сказал.

Кара молча слушал их перепалку.

— Скажите, Казмер,— вдруг спросил ои,— а где вы были в деиь убийства?

— Уж не меня ли вы подозреваете?

— Что вы?! Просто я хочу зиать. Вас, кажется, еще ие допрашивали как свидетеля?

— Зиаете что, товарищ полковиик! — раздражеиио бросил Казмер Табори.— Вид у меия, правда, злой, ио убийца все же ие я.

— Этого никто и не утверждает. Итак, где же вы были в ту ночь?

— Где он мог еще быть? — переспросил профессор и сам же ответил: — Дома!

— Нет, я был в Будапеште,— возразил Казмер.— Вечером девятнадцатого я на машине уехал в город.

— Выходит, об этом я тоже не знаю? — удивился Табори-старший.

— Мне двадцать восемь лет. Не вижу необходимости докладывать о каждом своем шаге.

— А обратно когда вы приехали? — снова задал вопрос полковник.

— Двадцатого утром. Часов около десяти. Это может подтвердить мама.

— Что вы делали в Будапеште?

— Приехал домой, к себе на квартиру. Поужинал — съел два бутерброда, принял ванну и лег спать.

— Только за этим и ездили в город?

— Да.

— А когда выехали обратно?

— В шесть утра.

— И в десять уже были здесь?

— Точно. Еще по дороге пришлось полчаса пролежать под машиной. Небольшая поломка. С восьми до полдевятого проковырялся.

— Ясно. В городской квартире вы были один?

— Да.

— До этого вы когда в последний раз наведывались туда?

— Недели две назад.

— А ваша матушка?

— С месяц назад.

— А вы, профессор?

— Я? В тот день, когда у меня была встреча с Мениелем в институте.

— То есть восемнадцатого? — уточнил Кара.— За два дня до смерти Мениеля.

— Да, кажется, так.

— Ясно.

Кара и Шалго переглянулись. Толстяк едва заметно ухмыльнулся.

— А что тут смешного, папаша? — спросил его Казмер.— Может, вы не верите моим словам?

— Ах, что ты, мой мальчик! — запротестовал Шалго.— Просто я сижу и думаю, из какого же хлеба ты соорудил себе те два бутерброда?

— Как из какого? Вы не знаете, какой мы едим хлеб?

— Как не знаю? Покупаешь-то его подчас уж не ахти каким свежим. А уж двухнедельной давности... Ты извини меня, мой милый, но ты балда. Или, как теперь говорят, серость!

Возле дома резко затормозил автомобиль. Лиза с проворством, необычным для ее возраста, вскочила и выбежала на террасу.

— Хубер возвратился,— сообщила она.— На мениелевской машине. И где это он раскатывал?

— Об этом уж узнай у него самого,— ответил Шалго и, посмотрев на полковника, покачал головой.

Илонка, спросив разрешения у Кары, удалилась. Вслед за нею ушел и Казмер. А мгновение спустя на пороге гостиной появился Хубер. Гость, зажав пиджак под мышкой, носовым платком вытирал перемазанные машинным маслом пальцы.

— Я не помешал? — спросил он, остановившись в дверях.

— Нет, конечно,— шагнув ему навстречу, сказал профессор.— Позвольте представить вам моих гостей. Полковник Кара из Будапешта. Он ведет следствие по делу Мениеля. Мой друг Оскар Шалго...— Профессор на миг заколебался, не зная, что сказать о его занятии, но Шалго тотчас же поспешил ему на выручку:

— Помощник участкового. По Эмёдскому участку. Правда, я без нарукавной повязки — но это потому, что жара очень мучает. С женой моей господин Хубер, кажется, уже знаком?

— Да, сударыню я уже имел честь видеть.

Оттерев кое-как руки от машинного масла, Хубер спрятал платок в карман.

— Как, полковник, идет следствие? Успешно?

— Пока ничего определенного не могу вам сказать. Дело довольно запутанное.

Явно желая польстить Каре, профессор Табори тут же добавил:

— Смею вас заверить, дорогой Хубер, что наш уголовный розыск сделает все, чтобы поймать пре-

ступника. Скажу вам не хвалясь: венгерские следственные органы достигли таких успехов, что их авторитет признается и за рубежом.

Фельмери с неудовольствием слушал хвалебную речь профессора.

«Ну вот,— думал лейтенант,— сейчас он начнет сыпать цифрами...» Но Табори не стал больше распространяться, а закончил свою тираду шуткой:

— А весь секрет успехов нашей милиции, господин Хубер, кроется в том, что у нее такие гениальные помощники, как, например, мой друг Шалго. Скажу вам прямо: там, где за порядком следит Оскар Шалго, преступникам делать нечего.

Все засмеялись. «Черт побери,— подумал Фельмери,— а ведь этот профессор — юморист!»

— Все дело в стиле,— скромно заметил Шалго.

— У вас есть свой, особенный стиль розыска? — поинтересовался Хубер.— Признаюсь, я в этих делах разбираюсь не больше любого поклонника детективных телефильмов. И отличить один стиль расследования от другого — увольте, не берусь.

— Нет ничего проще,— сказал Кара.— Стиль, например, сименоновского инспектора Мегрэ — логика.

— А стиль господина Шалго? — спросил Хубер и с любопытством взглянул на сонно моргавшего толстяка.

— Наш стиль — терпение! — ответила за мужа Лиза.— Беспредельное терпение страстных рыболовов. Мы ждем до тех пор, пока рыба сама не проглотит наживку. И ставим мы крючки только на крупных рыб. На хищников!

Хубер закурил сигару, попыхтел ею. Затем признался:

— Я за всю свою жизнь ни разу не удил рыбу. Может быть, поэтому я не улавливаю тонкостей этой техники.

— Попросту говоря,— пояснил полковник,— стиль моего друга состоит в том, что он сам стремится управлять ходом событий, создавая такие ситуации, при которых преступник волей-неволей должен себя разоблачить.

Хубер задумчиво пускал вверх табачный дым.

— Господин Хубер,— обратился к нему полковник Кара,— я хотел бы кое о чем спросить вас.

— Пожалуйста,— постучав сигарой о край хрустальной пепельницы, сказал немец.

— Вы не знаете, имел ли Меинель друзей, знакомых в Венгрии?

Фельмери впился взглядом в лицо Хубера, но ему мешало облако сигарного дыма, которым тот укрылся, словно завесой. Но вот дым растаял, и лейтенант вдруг отчетливо увидел, какая неимоверная усталость лежит на лице Хубера.

— Мог бы я переговорить с вами, господин полковник, наедине? — вместо ответа вдруг спросил Хубер. И, посмотрев на свои перепачканные маслом руки, добавил: — Скажем, минут через десять?

— Да, пожалуйста,— поднимаясь, сказал Кара.— Жду вас.

— Я провожу вас в ванную,— предложил Хуберу профессор.

III

В дверях стоял Казмер.

— Вы одни, папаша?!

Шалго, вздрогнув, оторвался от своих мыслей:

— Один, как Леонов в космосе!

Казмер подошел ближе. Остановился у стола. Сверкнув глазами, он резко сказал старику:

— Ваш приятель полковник подозревает меня в убийстве.

— Он всех подозревает,— возразил Шалго, приоткрывая веки.— Может быть, даже и меня.

— Задает какие-то глупые вопросы...

— Глупые россказни порождают глупые вопросы. Это цитата из «Избранных произведений Шалго».

— Перестаньте хоть на минуту балагурить. Я серьезно говорю.

— Я тоже. То, что я сейчас сказал,— серьезное, мудрое утверждение. С глубоким философским содержанием.

— На живца ловите? Я не клюну.

— Ты только на бутерброды из черствого хлеба клюешь?

— Вы не верите, что я был в тот день в Будапеште?

Шалго подавил зевок, пошарил в карманах в поисках сигары и, не найдя ее, кряхтя, встал. Но Казмер опередил его, подошел к шкафу и, достав коробку с сигарами, протянул старику. Шалго кивком поблагодарил, откусил кончик сигары и закурил.

— Так о чем ты меня спросил? Ах, да. Действительно не верю. Но теперь это не имеет значения. Кара задал тебе несколько обычных в таких случаях вопросов. Но если дело примет серьезный оборот, он задаст куда больше вопросов. Ты ведь умный парень, Казмер, и я уверен, что впредь ты будешь отвечать гораздо умнее.

— Да вы что? Неужели вы и в самом деле поверили, что я убил этого негодяя?!

— Дорогой мой, это не вопрос веры. Ты инженер. Ты ведь тоже не веришь в законы физики, а просто знаешь их. Знаешь, потому что они доказаны. Вот и Кара хочет знать, кто убил Меннеля. И он докажет это. Поэтому не надо, говоря с ним, ходить вокруг да около. Он хочет знать все совершенно точно.

— Пусть спрашивает. Я отвечу. Остальное — его дело. Только я искал бы убийцу не в этом доме.

— Убийцу нужно искать среди знакомых Меннеля.

— Я, например, на месте вашего приятеля разузнал бы, у кого из здешних жителей есть акваланг.

— Ты думаешь, что убийца...— Шалго не докончил фразы, представив себе мысленно остальное: Меннель сидит и загорает в лодке, а сзади к нему подкрадывается некто под водой.

— Вот именно. Сзади схватил его за шею,— подтвердил Казмер.— Так что Меннель даже и защищаться не мог. Убийца задушил его, стащил в воду, утопил, а сам под водой поплыл к берегу. Через камыши он мог потом незаметно улизнуть.

— Это интересная версия. Но Каре ты о ней не говори...

— Почему?

— Потому что у тебя у самого есть акваланг.

— Да оставьте вы меня в покое! — возмущенно крикнул Казмер и выскочил из комнаты.

Из сада доносился голос Лизы, громко разговаривавшей с кем-то. Шалго подошел к двери.



— Интересная молодая дама спрашивает господииа Меннеля,— шепнула Лиза и кивнула в сторону калитки.

— Ты сказала ей, что его уже нет в живых?

— Ну что ты, радость моя! Дурочкой меня считаешь? — обиженным тоном возразила Лиза.— Они приехали иа машиие. Остаиовились возле коидитерской. Дамочка вышла, а мужчиия остался ждать в машиие.

— Пригласи ее сюда,— попросил Шалго.— И запиши номер машины. Не сердись, я ие хотел тебя обидеть.

Лиза вышла, а Шалго одериул на себе костюм, пригладил волосы.

— Пожалуйста, сюда, барышия,— послышался снова Лизии голос.— Не бойтесь, собака ие укусит.

— У вас есть собака?

— Нет, золотко. Потому и не укусит.

Шалго, стоя у двери, с любопытством разглядывал огиенио-рыжую девицу, поднимавшуюся вместе с Лизой по ступенькам крыльца на террасу.



— Господин Шалго,— представила его Лиза.— Менеджер господина Меннеля.

— Добрый день,— поздоровалась гостья.

— Здравствуйте, барышня,— ответил Шалго и легким жестом руки показал на плетеное садовое кресло под ярким зонтом, а затем с важностью английского лорда произнес, обращаясь к Лизе: — Спасибо, Лиза, можете идти.

Гостья в коротенькой белой юбочке села в кресло, выставив для всеобщего обозрения стройные загорелые ноги. Дождавшись, когда Шалго тоже усядется, она представилась:

— Меня зовут Беата Кюрти. Мне нужен господин Виктор Меннель.

— А по какому делу вы разыскиваете моего друга Виктора?

Девица достала из сумочки сигареты и, закинув ногу на ногу, закурила.

— Я кузина Виктора Меннеля,— сказала она.

Шалго от изумления так глубоко вдохнул табачный дым, что даже закашлялся. Лицо его побагрове-

ло и покрылось капельками пота. Но он воспользовался этой заминкой, чтобы скрыть свое удивление и собраться с мыслями. «А еще говорят, что детективу не нужна удача!» — подумал он.

— Простите, я плохо разобрал ваше имя.

— Беата. Беата Кюрти. —Девица с любопытством обвела взглядом террасу, словно отыскивая Мениеля, и пояснила: — Я получила от Виктора письмо с просьбой навестить его сегодня после полудня.

— Сегодня?

— Ну да. Двадцать шестого. Надеюсь, я не перепутала день? — улыбнувшись, спросила гостья.

— Нет, не перепутали. Сегодня двадцать шестое июля, суббота. Интересно...— Шалго умолк и, словно задумавшись, уставился в одну точку.— Выходит, вы и... Виктор...— Он умышленно замялся, ожидая, пока девица сама объяснит ему хитросплетение своих родственных отношений с Мениелем.

— Моя мама — сестра отца Виктора,— подсказала Беата.— Ее девичья фамилия Мениель.

— Да, да... Хотя должен вам заметить, что Виктор не любил распространяться о своей семье, родственниках...

По лицу девушки словно промелькнула тень.

— Его нет дома? — озабоченно спросила она.

— К сожалению, нет,— подтвердил Шалго.— Я обязательно известил бы вас, но у меня не было вашего адреса. Хотя это так важно...

— Он уехал?

Шалго пустил колечки дыма и печальным взглядом посмотрел на гостью:

— Он умер.

Голубые глаза Беаты округлились: она забыла закрыть рот и стала что-то торопливо искать в сумочке.

— Умер? — тихо повторила она.

— Убит. Утром двадцатого июля. Почти неделю назад.

— Умоляю вас, не шутите,— бледная как полотно промолвила Беата.

— Такими вещами мы не шутим,— возразил Шалго, пристально следя за каждым движением девушки.— Убили. Кто-то задушил... или задушили... Но

вот кто, почему — иензвестно. Может быть, вы, Беата, моглн бы хоть чем-то помочь нам. И с похороиамн...

— Убнлн? — растерянно, почтн шепотом повторила девушка, глядя куда-то в пустоту. Оиа усердно прнжимала платок к сухим глазам, словио хотела выдавить из иих хоть несколько слезииок для прилнчня.

— Прнмите нашн соболезновання, барышня.

— Спаснбо,— все так же шепотом поблагодарнла гостья.— Бедный Виктор!

— Может быть, следовало бы нзвестнть вашу маму? — спроснл Шалго.— Я охотно помогу вам. Давайте пошлем ей телеграмму!

— Маму? Мою маму?

— Ну да! Полнция уже дала разрешеине на погребение умершего.

При упомннании матерн девушка словно опомнилась и уже совершенно овладела собой.

— Нет-нет! Маме нельзя сообщать об этом.

— Нет так нет. Я просто думал... Тут нз Гамбурга приехал начальник Внктора Меинеля, господнн Хубер. Может, ваша матушка захотела бы обсуднть с инм вопрос, где хоронить Меннеля: здесь, в Венгрнн, или отправнть его тело на роднну?

Лнцо Беаты обрело свой обычный цвет, нз глаз исчезлн страх и растерянность — вндно было, что к девушке вернулось самообладаине, н она стала совершенио спокойной, постигнув безвозвратность потерн н смнрясь с ией.

— Господни Шалго...— медленно, с расстановкой выговарнвая слова, иачала она.— Этот случай поставил меия в весьма непрнятное положенне. Я даже не зиаю, как вам все это объяснить.— Последовал глубокий вздох, н Беата кончнком языка облизиула губу.— Но попытаюсь... Может, вы поймете...— Беата достала сигарету, не закурнвая, помяла ее в пальцах.— Моя мать в очень плохнх отношениях с отцом Виктора. Я бы даже сказала, что онн ненавндят друг друга. Очень сильно. И мама ие зиает, что Внктор в Веигрии.

— Вы сказалн, что получнли его письмо.

— Да, я получнла. На адрес жениха. И сказала матерн, что у меня путевка на три дня в заводской дом отдыха. По преднисаиию врачей. Так что мне

просто нельзя вернуться домой раньше чем через три дня.

— Понимаю вас, барышня,— закивал головой Шалго, про себя подумав, что всю историю с домом отдыха девица придумала только что, с ходу. И ему решительно не понравилась эта история. Хотя?.. Интересный поворот сюжета! — А в какой дом отдыха у вас путевка? — спросил он.

— Нет у меня никакой путевки... Я же говорю: я сказала маме неправду. Мы рассчитывали, что эти три дня погостим у Виктора. Он достал бы нам комнату...

— Где?

— В отеле. Или где-нибудь еще. Вы же знаете, иностранцам это проще.

— Да, но только не здесь. Отель переполнен, барышня. Можно, конечно, попытать счастья у владельцев частных дач.

— Что же нам теперь делать? — Беата щелкнула зажигалкой и вопросительно взглянула на толстяка.

— Что? Ну, если вы подбросите меня до поселкового совета, я что-нибудь попробую предпринять,— отвечал Шалго.— У меня есть в отеле знакомые. Жених ваш тоже остановится здесь, с вами?

— Разумеется.

— Значит, вам нужны две комнаты?

— Нет, мы с ним помолвлены.— Беата показала обручальное кольцо.

— Да-да, понимаю,— улыбнулся Шалго.— Тогда подождите меня у ворот. Я сейчас спущусь.

— Спасибо,— проговорила девица и направилась к двери.

Дождавшись, пока Беата выйдет за калитку, Шалго кивком подозвал к себе Лизу.

— Я еду в поселковый совет,— сказал он ей негромко.— Девушку зовут Беата Кюрти. Она двоюродная сестра Меннеля. Скажи Эрнё, пусть Домбаи посмотрит, не числится ли она в картотеке. Номер машины ты записала?

— Да.

— Пусть товарищи установят также, кому принадлежит автомашина. Передай Эрнё, что тут дело нечисто. Если получат от Домбаи что-то интересное,

пусть сообщат мне. Я буду в кафе. Если меня там не найдут, Ева скажет, где я.

— Поняла.— В окно Лизе было видно, как к воротам подкатил «опель» и замер в ожидании.— А как быть с «игрушкой»? Установить?

— Не знаю даже,— пожал плечами Шалго.— Боюсь, попадет нам от Эрнё.

— Не говори ему.

— Ты советуешь рискнуть?

— А чем, собственно, мы рискуем?

— Ладно. Давай действуй. Только осторожно.

— Можешь не беспокоиться.

Лиза проводила мужа до калитки. Дождалась, пока тот неуклюже забрался в машину, махнув ей рукой. И даже когда «опель», рванув с места, в мгновение ока исчез за поворотом, она все еще стояла и смотрела ему вслед.

Иштван Фельмери сидел в нижнем конце сада, почти у самого озера, на добела вылизанном волнами большом обломке скалы и смотрел, как Илонка, укрывшись от солнца под тенистым ясенем, стирала чулки, носки и еще что-то.

— Расскажите мне, Илонка, про Меннеля... Что это был за человек?

Девушка, запрокинув голову, задумчиво смотрела в безоблачное небо.

— Честно говоря, я его очень мало знала. Что он за человек? Ну, как сказать? Решительный, наглый, самоуверенный. Из тех, что везде и всегда играют только наверняка. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Догадываюсь.

— Мне кажется, Меннель ехал к нам в Венгрию, зная о нас все совершенно точно. По крайней мере он так считал. Кто-то сказал ему: венгерские девушки легкодоступны. Только пальцем помани, и они сами заберутся в постель к гостю с Запада. Он, собственно, мне нечто подобное и заявил. А вы, наверное, подумали, что я сказала дяде Матэ неправду? Ведь подумали, сознавайтесь? Что это я сама виновата, сама дала повод. Иначе бы он не осмелился сделать мне такое предложение?

— Нет... но... В общем-то, конечно,— пытаясь уклониться от ответа, забормотал Фельмери.

— Так вот знайте: не давала я ему никакого повода так себя вестн. Честное слово! Просто я была с ним приветлнва — не больше. Разговаривалн, шутили. Он рассказывал о своих путешествиях, о том, что трижды объехал вокруг света.— Помолчав немного, она добавнла: — И все же Меннеля подвели его информаторы. Когда Казмер дал ему по физиономии, он прямо-таки остолбенел. Не от удара, нет. От уднвления! За что, мол, дурак, бьешь?..

— Меннель не упоминал ни разу, что у него есть знакомые здесь, в Венгрии?

Илонка долго не отвечала: вспомннала, перебирала в памяти все разговоры с Меннелем. Иштвану же, по-своему истолковавшему это раздумье, не понравнлось ее молчание.

— Нет,— наконец проговорнла девушка.— Ннчего такого не припоминаю. Один раз только он как-то сказал, что, мол, хорошо знает эту страну. Но это совсем не звучало так, что он уже приезжал сюда раньше. Я же приняла тогда его фразу за обычное хвастовство...— Она провела пальцем по сырой траве и, не поднимая на лейтенанта глаз, тихо произнесла:

— А я бы не позавндовала вашей невесте.

— У меня нет невесты.

— Ну, той девушке, которая когда-ннбудь будет ею. А потом станет вашей женой...

— Почему же?

— Да вы бы ее допросами замучнли!

— Ошибаетесь, если думаете, что мы только и делаем, что кого-то допрашиваем. И с вами сейчас мы просто беседуем. Скажите: вас разве не взволновал этот случай? Человека же убили! Разве вам безразлично, кто убил, почему?

— Конечно, нет! Но скажнте, неужели вы подозреваете в убийстве Казмера?! — неожиданно спроснла девушка и добавила: — Ну н глупо! Он-то уж наверняка тут ни при чем!

Фельмери заметил, что в глазах ее промелькнул какой-то затаенный страх. Лейтенант почувствовал, что Илонка не все ему сказала, умолчав о чем-то очень важном.

— Кто может это так уверенно утверждать? А что, если Меннель, не забыв обиды, захотел прн новой

встрече расквитаться с Казмером? И эта встреча произошла как раз утром двадцатого?..

— Да не встречались же они!

Фельмери, отметив про себя решительный тон этого утверждения, сделал вид, что пропустил Илонкино замечание мимо ушей.

— ...Казмер действительно уже забыл о своем столкновении с Менелем, подошел к нему, приветливо поздоровался. И вдруг Мениель кинулся на него?!

— Вы с ума сошли! — воскликнула Илонка, с неприязнью глядя на лейтенанта.— Я ведь уже сказала вам: они больше не встречались! Казмер был в Будапеште. И потом...— Она помешкала несколько мгновений.— Менель не стал бы нападать на Казмера. Он, наоборот, хотел установить с ним хорошие отношения. Ясно?

— Откуда вам это известно?

— Знаю. И уж если я говорю, можете мне верить.

— Да, в самом деле,— лукаво рассмеялся Фельмери.— Как же не поверить, если это утверждаете именно вы!

— Напрасно подсмеиваетесь! Вы считаете себя страшно умным, а всех остальных набитыми дураками.

От возбуждения голос ее срывался, лицо покраснело.

— Ну что вы, Илонка? Я, к примеру, вообще не считаю себя умнее других. Но и глупее тоже не считаю. Вы хотите, чтобы я вам поверил? Согласен. Но тогда объясните мне, зачем нужны были Менелю хорошие отношения с Казмером? Для какой цели? Разве Казмер был ему симпатичен? Или он добивался от него чего-то?

— Этого я не знаю,— ответила девушка, задумчиво глядя прямо перед собой.— Не знаю. Но все равно дело было так, как я говорю. Даже если вы и не верите мне.

— Не верю,— решительно сказал Фельмери.— И не поверю до тех пор, пока не получу ясного ответа на свои вопросы.

Илонка настороженно посмотрела на него.

— Я должен знать,— продолжал лейтенант,— где находился Казмер Табори в момент убийства Мен-

неля? Где были вы в ночь на двадцатое июля? Поверьте, Илонка, я не желаю вам зла. Но ведь совершено убийство! И мы должны искать убийцу в первую очередь среди тех, кто знал Меннеля, кто был с ним в контакте. А вы отмалчиваетесь и тем самым навлекаете на себя подозрение. Отчего вы так недоверчиво ко мне относитесь?

— Почему недоверчиво?

— Ну тогда скажите, где вы были в ночь с девятнадцатого на двадцатое июля?

Илонка молча покусывала травинку.

IV

Когда Лиза передала возвратившемуся к ним в дом Каре содержание разговора Шалго с Беатой Кюрти, полковник заметно оживился. Если у Меннеля отыскались в Венгрии родственники, нужно немедленно расширить круг поисков. Но почему об этом не знает майор Балинт? Неужели он забыл заглянуть в анкету Меннеля, в его «въездное дело»? Впрочем, не исключено, что Меннель и не указал своих венгерских родственников в этой анкете.

— А где Фельмери?

— Ушел с Илонкой купаться.

— Быстро, однако, он взял красавицу на мушку. Лиза, дружочек, не сочтите за труд, попробуйте разыскать лейтенанта.

— Что ему передать?

— Пусть немедленно свяжется по телефону с Домбаи, чтобы тот навел справки о девице Беате и установил фамилию владельца «опеля».

Лиза ушла, а несколько минут спустя в гостиной появился Отто Хубер.

Взглянув на его свежевыбритое лицо, Кара вдруг подумал, что оно откуда-то знакомо ему. Полковник быстро перелистал страницы памяти: где же он мог видеть этого человека раньше? Но ответа на свой вопрос не нашел. Пришлось успокоиться на том, что у каждого человека есть где-нибудь в большом людском море двойник. А то и несколько.

— Итак, господин Хубер, мы с вами совершенно одни,— сказал Кара.

— Спаснбо, господнн полковннк, за предоставленную мне возможность поговорить с вами с глазу на глаз,— поблагодарил Хубе́р и достал нз нагрудного кармана кожаную сигарницу.— Прошу!

— Спасибо. Но я предпочитаю снгареты,— сказал Кара и тоже закурнл. Ему показалось, что Хубер все еще колеблется, начинать ли разговор, причем разговор о чем-то очень важном для него. Вот он н тянет время, то поправляя костюм, то играя пепельницей.

— Господин полковннк,— решился наконец Хубер,— если вы соблаговолите спуститься со мной в гараж, я смогу показать вам в машине Меннеля ловко замаскированную рацию и передать его бесшумный пистолет.

Хотя Кара уже знал о существованни н рацин н пистолета, заявление Хубера явилось для него неожиданностью. «Вот это да! Оказывается, сей господин отнюдь не колеблется, а, наоборот, берет, как говорится, быка за рога».

— Рацию? Пистолет? — умело изобразив удивление, воскликнул он.— Да вы шутнте?!

— Нет, я серьезен, как сама госпожа Смерть,— спокойно возразнл немец.— Я так и знал, что мое заявление повергнет вас в нзумление.

— Не стану отрицать,— прнзнался Кара.— Вам это удалось. Подобные заявления не часто встречались даже в моей практике.

Хубер облегченно вздохнул, словно маленький шалунишка, после долгнх колебаннй признавшийся отцу с матерью в озорной проделке.

— Самое трудное позадн,— сказал он.— Тяжелые это были роды. Не преувелнчнвая, скажу, господин полковник, что в этн мннуты мне самому нужно было решать свою судьбу. Не знаю, удачно или неудачно, но выбор сделан. В конце концов человек должен иметь мужество отвечать за совершенное нм... Но прежде чем мы спустимся в гараж, я хотел бы уточнить с вами однн вопрос.

— Да, пожалуйста.

— Вы должны пообещать мне, что все, что я уже вам сообщил нлн, возможно, сообщу в дальнейшем, будет сохранено в тайне.

— Разумеется.

— И не будет использовано против меня самого.
— Что вы имеете в виду?

Хубер посмотрел на полковника в упор. У него был прямой, откровенный взгляд человека, не боящегося, что ему заглянут в душу.

— Что меня не будут шантажировать, не попытаются завербовать.

— Даю слово, что с полученными от вас сведениями мы будем обращаться как с секретными. И можете сообщить нам только то, что вы сочтете нужным, и в той мере, в какой, по-вашему, это необходимо.

— Спасибо, господин полковник.— Хубер на несколько секунд прикрыл глаза, помассировал кончиками пальцев виски, затем тряхнул головой, словно приводя в порядок мысли. Наконец, налив себе полную рюмку коньяку, он выпил и снова заговорил. Но речь его была уже не прежней, спокойной и размеренной — он говорил отрывисто, все время как бы делая усилие над собой, как преступник в минуты трудного, но чистосердечного признания:

— Я происхожу из семьи потомственных военных. И мой дед и отец были офицерами. Может быть, вы даже слышали: генерал от инфантерии Отто фон Хубер в генштабе фельдмаршала Гинденбурга. Я тоже пошел дорогой солдата. Моя карьера, в общем, была типичной для всех прусских офицеров. Еще совсем молодым я стал офицером генштаба и... национал-социалистом. Убежденным. Я был восторженным и преданным приверженцем Адольфа Гитлера. Позднее я угодил на фронт. Убивал ради нашей победы, убивал, чтобы уцелеть самому. Норвегия, Восточный фронт, битва под Москвой, Курск, Орел, Воронеж... Потом Нормандия, плен, французский. Обращались с нами безжалостно. Я организовал бунт. Не понимаю, почему меня тогда не расстреляли. Только бросили в одиночку. Вот тут-то я и начал думать...

Кара внимательно слушал исповедь Хубера. То, что некоторые отпетые гитлеровцы, сыновья прусских юнкеров, решительно порывали со своим прошлым, не было для него в диковинку. Не было у него оснований и сомневаться в искренности Хубера, хотя годы работы в контрразведке научили его не полагаться на одни слова.

— Поверьте мне, господин полковник,— продолжал Хубер,— я стал презирать себя. Того, каким я был раньше. Но покончить с собой у меня не хватило смелости. Я не коммунист и никогда им не буду. Меня разделяет с вами многое. Но я хочу искупить хотя бы часть содеянного мною зла. И прошу верить мне.

— У нас нет оснований сомневаться в вашей искренности,— сказал Кара.

— Основания для этого у вас, положим, есть. Вы не только вправе, но и обязаны сомневаться.

— Господин Хубер, мы знаем, что в ФРГ миллионы людей — сторонники мира. И мы никогда не смешивали германский народ с отдельными реакционными политиками ни в старой, ни в новой Германии. Мы хотим торговать с вами, а для этого необходимо доверие.

— Ваши слова успокаивают меня,— обрадованно проговорил Хубер.— Так вот, я хочу сделать вам заявление: фирма «Ганза» — не что иное, как частное предприятие, занимающееся экономическим шпионажем.

— Значит, Меннель был шпионом?

— Да. И довольно ловким.

— А вы?

— Я состою на службе этой организации. В свое время присягал генералу Гелену, но ныне я не разведчик.

— Как это прикажете понимать?

— Сейчас все объясню,— сказал Хубер.— Среди служащих фирмы «Ганза» о ее тайной деятельности знали только те, кто работал в Восточном отделе в секторе «Б».

— Вы относитесь к их числу?

— Я служил в Восточном отделе, так как хорошо говорю по-венгерски. Мой старый знакомый Эгон Браун возглавляет в этом отделе сектор «Б». Когда-то мы с ним вместе учились в школе генштаба. Эгон по окончании школы попал в абвер. А года два назад, зная хорошо и мое прошлое, и фронтовую службу, он пригласил меня к себе и сказал, что рассчитывает на мои знания, подготовку и надеется, что я соглашусь работать у него. Он рассказал, что они имеют надежную агентурную сеть в Восточной Европе, в том числе и в Венгрии. Мне же он предложил возглавить вен-

герское иаправлеиие. Я отказался. Сказал, что я уже стар и хочу забыть свое прошлое. Но поскольку Браун все же посвятил меня в деятельность сектора «Б», то он считал целесообразным перевести меня иа работу в это подразделение нашей организации и взять с меия подписку о неразглашении сведений. Так я очутился в секторе «Б». Меня все время держали под контролем. Оперативиые задаиия мне поручали лишь такие, что целостиой картииы о деятельности сектора я при всем желаиии составить ие мог. Я был в группе оценки информации: определял степень достовериости и объективиости получеииых от агеитуры сведений. Но и по этим мозаичным даиным я мог сделать для себя интересные выводы.

— Например?

— Например, я считаю совершенно бесспориым, что сектор Брауна создал безупречно действующую систему сбора компрометирующих сведеиий о лицах, которые в силу своего служебного положения могли бы представлять цениость для иашей шпионской фирмы. Любовиые связи государственных чииовииков, скрытые от финоргаиов доходы коммерсаитов, пагубные страсти, спекуляция валютой во время поездок за границу и так далее. Сотрудники сектора «Б» сами никого ие вербуют. И вообще вербовку агентов иаша фирма предпочитала проводить только иа Западе. Так безопаснее. Меннель, например, в прошлом году даже встречи со своими восточиоевропейскими агеитами проводил в Италии и Австрии.

— Могли бы вы нам сказать, с какой целью Меннель приезжал в Венгрию?

— Зиаю совершеиио точио. Меннель был расположен ко мие и порою болтал при мне лишиее. С одной стороны, он, несомненно, приезжал сюда для того, чтобы установить иовые деловые контакты с венгерскими промышлениыми фирмами. С другой — ему иужно было встретиться с иесколькими своими агеитами. Но была и еще одиа цель, самая, пожалуй, для него иитересная: в прошлом году в Италии ои позиакомился с какой-то дамой из Веигрии и ее дочерью. Дама в разговоре с ним упомяиула, что в годы войны оиа любила одиого иемецкого офицера, который при отступлеиии награбил в Венгрии большие богатства.

— Это вам рассказал Мениель?

— Нет, это я прочел в одном из его донесений, которое поступило ко мне для оценки информации.

— Какие же богатства имеются в виду? — спросил Кара.

— Точно не могу сказать. Драгоценные камни, украшения, золотые монеты, валюта — в частности большое количество долларов и английских фунтов и кто знает, что там еще. Словом, богатству этому и цены нет. Фашист спрятал всю добычу на вилле у любовницы. Пообещал ей, что, как только кончится война, он возвратится, заберет с собою и ценности и саму даму и они начнут новую жизнь где-нибудь в Южной Америке. Но офицер исчез, а дама все эти годы боялась прикоснуться к спрятанным сокровищам.

— Боялась чего?

— Это могла бы объяснить только она сама. Итак, драгоценности спрятаны в Венгрии. Но Меннель условился с той женщиной, что он сам приедет в Венгрию, вывезет клад за границу, а следом за ним и она с дочерью отправятся с туристской группой куда-нибудь на Запад и там попросят политического убежища. После этого они продадут сокровища и вырученные деньги поделят пополам с Меннелем, а точнее, с «Ганзой». Мне кажется, что смерть Меннеля тоже каким-то образом связана с этим кладом.

— Может быть,— согласился Кара.— Хотя возникает новый вопрос. Если Меннеля убили из корыстных побуждений, почему убийцы оставили при нем деньги?

— Вот именно. Значит, вы не предполагаете, что это было убийство с целью ограбления? — подхватил Хубер.

— Кроме Меннеля, знал еще кто-нибудь о спрятанных сокровищах?

— Жених дочери той женщины. Он тоже отдыхал вместе с ними в Италии и там познакомился с Меннелем.

— А что вы знаете об этой женщине?

— К сожалению, очень немного,— сказал Хубер.— В справке ее имя не называлось. Только кличка: Сильвия. Меннель тоже не сказал мне, кто она. Знаю только, что ее муж погиб во время войны. Любовницей немецкого офицера она стала, уже будучи

вдовой. Так что ж, господин полковник, может быть, пойдем взглянем на машину?

— С удовольствием,— согласился Кара, но и не подумал подняться с места. Ему хотелось еще порасспросить этого господина из фирмы «Ганза».

— Если вам нужна машина Меннеля, я охотно предоставлю ее в ваше распоряжение,— добавил Хубер.— Я не собираюсь забирать ее с собой. Можете изучать ее, сколько вам заблагорассудится.

— А у вас не будет из-за этого неприятностей? Я на месте вашего шефа настаивал бы на возвращении машины.

Хубер многозначительно усмехнулся.

— Все правильно, но я не обязан знать, что в ней спрятан потайной радиопередатчик. Когда Браун посылал меня сюда подписать договор, он ни словом не обмолвился о секретной миссии Меннеля. Доложу ему, что машина сгорела. Вы дадите мне официальную справку об этом, и господин Браун окончательно успокоится. Дело в том, что в автомобиле имеется еще одно специальное устройство, с помощью которого машину можно уничтожить за несколько минут. Установлено оно исключительно для того, чтобы секретный передатчик не попал к вам в руки. В прошлом году на польской границе таможенники пожелали обыскать точно такую же машину. Наш агент включил разрушающее устройство, и машина на глазах у всех обратилась в пепел.

— Благодарю,— сказал Кара, поднимаясь.— Хотя с удовольствием задал бы вам еще несколько вопросов. Но, увы, связан данным вам словом.

Хубер, сделав несколько шагов, остановился на пороге.

— О, я понимаю вас, полковник! — воскликнул он.— Будь я на вашем месте, я тоже о многом порасспросил бы Отто Хубера. Но признаюсь, если бы Виктор Меннель был жив, этот наш разговор, возможно, и не состоялся бы. Мне ведь еще предстоит перебороть самого себя. Поверьте, господин полковник, это нелегко — решиться на предательство живых людей, на выдачу их в руки ваших органов госбезопасности. А потом всю жизнь мучиться мыслью о том, что благодаря тебе господин «Икс» или «Игрек» томится за решеткой.

— Понимаю,— кивнул полковник.— Вам не хочется быть предателем в собственных глазах. Что ж, я не принуждаю вас к этому. Я и так уже получил от вас весьма важную информацию.

Кара достал из бумажника визитную карточку и протянул ее Хуберу.

— Возьмите. Здесь указан и номер моего телефона. На случай, если вам захочется срочно поговорить со мной.

Хубер убрал карточку в карман.

Когда они шли в гараж, Кара вдруг спросил:

— Если ваш шеф не информировал вас о задании Меннеля, означает ли это, что он отказался от мысли завладеть кладом?

— Едва ли,— щурясь от яркого солнца, возразил Хубер.— Скорее это означает, что он послал или пошлет в Венгрию кого-то еще, не посвящая в это дело меня. Вопрос только — кого? Кстати, совсем не обязательно, чтобы его человек приезжал сюда из-за границы. Он вполне может быть и местным...

Бланка чувствовала себя уже лучше. Она приняла теплую ванну, выпила лекарство. Пульс был нормальным. Казмер, войдя в комнату, обрадовался, увидев, что мать пришла в себя.

— Тебе лучше, мама?

— Намного. Но, в общем, ты был прав: надо мне ложиться в больницу. Я только боюсь...

— Не бойся, мамочка,— остановил ее Казмер.— Поверь, у тебя нет ничего серьезного. Ты просто устала, расшалились нервы.— Он взял руку матери и поднес ее к губам.— Ты, наверное, слишком близко приняла к сердцу мой отъезд? Четыре года, это тебя испугало, да?

Мать не отвечала. Казмер сдвинул брови. «Значит, она все еще не примирилась с мыслью, что я надолго уеду»,— подумал он и принялся успокаивать мать.

— Конечно, четыре года — не четыре месяца, но если учесть, что каждое лето я на полтора месяца буду приезжать к тебе, то мое отсутствие не покажется таким уж долгим. Мама,— промолвил он тихо,— я не хочу причинять тебе огорчений. Если разлука так

тяжела для тебя, я сегодия же напншу профессору, что отказываюсь от поездкн...

— Нет, Казмер! Упасн бог! Я поимаю, что значит для тебя эта поездка. Мне просто нужно привыкиуть к мыслн, что тебя некоторое время не будет рядом со миой...— Оиа встала.— Ты поезжай... Поезжай, сынок... Самое главное для меня — это твое будущее.

Казмер поцеловал мать н спроснл, не хочет ли она иемного пройтись, спустнться к озеру, к отелю.

— Могу угостить тебя мороженым! — улыбиувшись, сказал ои.

— Охотно. Может быть, прогулка пойдет мие на пользу.

Они шлн нетороплнвой походкой. Улнца в эти послеобеденные часы была тиха н пустыина.

Вскоре мать и сын оставилн платаиовую аллею н повернулн направо, на узкую тропинку, замысловатымн петлями сбегавшую между густых н тенистых кустарннков к озеру.

Онн уже почтн подошли к шоссе, обвнвшему темиой лентой озеро, когда Блаика иарушила накоиец молчанне, спроснв, что произошло после того, как ее отвелн наверх, в спальню.

— Я немного поцапался с дядей Матэ,— прнзнался Казмер, после чего ему пришлось рассказать все, как было. По лицу матерн Казмер видел, что она вннмательно слушает его рассказ о Хубере, о полковнике Каре, который ие поиравился инжеиеру своей подозрительностью.

— Он сказал, что н тебя подозревает? — сразу же спроснла мать.

— Прямо нет. Но начал сбнвать всякими вопросамн н вопроснкамн. Устронлн они мне с Оскаром перекрестный допрос.

— Ты действительно подрался с Меннелем? — спросила Казмера мать н села на скамейку в тени иа площадке для детских игр.— И не рассказал мне об этом?

— Я думал, Меииель сам прибежит к тебе с жалобой.

— Нет, Меииель ни словом ие обмолвнлся об этом случае. Как это пронзошло?

Казмер с явной неохотой рассказал.

— Скажн, Казмер, что ты хочешь от этой девн-

цы? — помолчав, спросила Бланка, задумчиво глядя на сверкающее зеркало воды.

Казмера всегда возмущала эта манера матери называть Илонку не иначе, как «девица» или «эта девица». Поэтому он и сейчас недовольно переспросил:

— Какую «девицу» ты имеешь в виду?

Бланка, зная характер сына и почувствовав, что дело может кончиться ссорой, решила перевести разговор на другую тему.

— Ладно, не будем спорить. Об одном тебя прошу, сынок, не ссорься с Матэ. Он этого не заслужил. Ты еще не знаешь, что он для тебя сделал. Поверь мне: он так тебя любит, что, если нужно, отдаст за тебя жизнь.

— За меня? — Казмер удивленно посмотрел на мать.— Почему дяде Матэ нужно жертвовать за меня жизнью?

— Не нужно. Сейчас не нужно. И мне кажется, не придется вообще. Я это к примеру сказала, чтобы ты понял, как сильно он тебя любит.

— Ничего не понимаю. Впрочем, это не важно. Ты же хорошо знаешь, что я не только уважаю дядю Матэ, но и люблю его. Но если бы ты слышала его разговор с Хубером, ты бы тоже ахнула.

— Матэ — вежливый человек. Он такой с детства. Соседи в нем души не чаяли. Матэ настолько добр, что, кажется, даже в убийце готов искать что-то человеческое. Вот и с Хубером он тоже учтив. Не понимаю, почему тебе это не понравилось?

— Возможно, ты и права,— сказал Казмер, поднимаясь.— Пойдем, мама.

— Между прочим, что представляет собой этот Хубер? — спросила Бланка.

— Производит впечатление образованного человека. Не понимаю только, зачем ему понадобилось рандеву с полковником? С глазу на глаз!

— С Карой?

Бланка шла медленно, опустив голову, она словно искала что-то у себя под ногами, на черном, плотно укатанном асфальте.

В баре гостиницы они встретили Шалго. Он сидел на своем привычном месте, в углу у окна, и курил сигару. Перед ним лежал исписанный лист бумаги, и старик настолько был погружен в чтение, что даже

ие заметил появлеиия Казмера и Блаики. Потягивая вино из бокала, он ие отрывал глаз от бумагн.

— Не помешаем? — осведомился Казмер, подойдя вплотную. Шалго приветливо взглянул иа них. сложил бумагу вдвое и, улыбиувшись, ответил:

— Ну что вы! — И тут же спросил: — Как вы себя чувствуете, Блаика?

— При виде вас, Оскар, меня всегда мутит,— сказала Блаика, присаживаясь рядом.— Вы опять выглядите так, будто только что опрокииули иа себя пепельиицу. Бедная Лиза! Не поимаю, и что ее только привязывает к такому иеряхе!

Шалго осмотрел себя, стряхиул сигариый пепел с брюк н с плутоватой усмешкой возразил:

— Лиза любит меия за мою душу. За мою аигельски чистую душу.

Казмер посмеялся шутливой пикировке и попросил подбежавшего официаита прниести две порции мороженого.

— Погоди, Яичи, заодио получи с меня,— сказал Шалго.

— Уж ие я ли спугнула вас, Оскар? — спросила Блаика.

— Ну что вы! Я уже давно хотел рассчитаться.— Шалго положил деньги на стол, н официаит, поблагодарив за чаевые, удалился.

— Домой? — спросил Казмер, закуривая.

— Скажу — не поверишь! Иду грести!

— В такое пекло? — удивилась Блаика.— Да вы изжаритесь, Оскар!

— Выполияю предписание врача,— сообщил Шалго.— В день три километра эиергичиой гребли. А то я слегка ожирел. Между прочим, зиаете, Блаика, я ведь в молодости был очень стройиым парнем. Не верите?

— Нет, почему же? — сказала художиица н попыталась представить себе его молодым и стройным. Но тут прииесли мороженое, и Шалго отклаиялся. Выйдя из отеля, он постоял иемного перед входом, прищурившись, покосился одиим глазом иа солице и только после этого водрузил иа голову свою видавшую виды соломеииую шляпу. Затем вперевалку, как леиивый сытый гусак, заковылял по улице в сторону поселкового совета.

Там его уже ожидали Фельмери и майор Балинт.

— Что нового, молодой человек? — спросил Шалго у лейтенанта.— Разговаривали с Домбаи?

— Разговаривал,— ответил Фельмери и протянул толстяку конверт.— Вот, товарищ Домбаи прислал на ваш запрос. Пока, говорит, немного, но к вечеру обещал подослать «продолжение».

Шалго вскрыл конверт и внимательно просмотрел полученное сообщение. Фельмери пробовал в это время прочесть что-либо на его лице, но оно было бесстрастным и непроницаемым.

— Ну, что, старина, есть там что-нибудь полезное? — фамильярно полюбопытствовал Балинт, подмигнув Фельмери.

— Не много, но посошок есть. Будет на что опереться,— погружая конверт в карман полотняных брюк, скупо заключил Шалго. Только теперь он сел в обшарпанное кресло и пухлой ладонью отер пот со лба.

— Есть у тебя под рукой толковый парень? — спросил он майора, стоявшего у раскрытого окна и наблюдавшего за тем, как во дворе соседнего дома ребятишки играли в футбол.

— Смотря для чего,— садясь на подоконник и закуривая, неопределенно проговорил Балинт.

— В Фюреде работает инженер из будапештского строительно-отделочного управления, Геза Салаи. Руководит внутренней отделкой ночного бара «Венгерское море». Надо бы, чтобы кто-то присмотрелся к этому молодому инженеру. Но человек нужен такой, чтобы хорошо знал местную обстановку.

— А чем интересен этот твой Салаи? — задал вопрос майор, которому не нравилось, что старик Шалго говорит с ним, как с каким-нибудь начинающим помощником оперуполномоченного.

— Салаи, Салаи,— повторил Шалго.— Пока я знаю о нем лишь то, что он находится в связи с кузиной Виктора Меннеля.

— С этой самой... Беатой Кюрти?

— Точно. Кстати, как там наши «влюбленные»?

— Ведем наблюдение,— ответил майор.— Девица еще не выходила из комнаты. А ее приятель Тибор Сюч с утра уже посетил кафе, где принял порцию коньяка, побеседовал с Берти, после чего проследовал

на пляж, где имел долгий разговор с Адамом Рустемом.

— Это уже интересно,— закивав головой, отметил Шалго и даже причмокнул от удовольствия.— Очень интересно. Хорошо бы выяснить: знали они друг друга и раньше или только сейчас познакомились?

Балинт, пустив в окно синее облачко дыма, засмеялся и спросил:

— Для решения нашего ребуса какой вариант более благоприятен?

— Если бы оказалось, что они старые знакомые.

— Тогда можете радоваться, папаша Шалго: работники наружного наблюдения доложили, что «объекты приветствовали друг друга как старые знакомые».

Балинт встал, потянулся.

— В Фюред поеду я сам.— Он посмотрел на часы.— Вернусь в полдевятого. Вы не поедете со мной, товарищ Фельмери?

— Я даже не знаю,— заколебался лейтенант, но тут же вспомнил, что в девять вечера из Будапешта им будет звонить Домбан, а до тех пор нужно лично проследить, чтобы виллу Шалго переключили на прямую телефонную связь с Будапештом. Поэтому он уже твердо сказал: — Нет, не смогу.

— Лейтенанта хотел бы забрать с собой я,— заметил Шалго.

Они вместе спустились к озеру, к лодочной станции. Шалго шел неторопливой ковыляющей походкой, и лейтенанту все время приходилось сдерживать шаг, приноравливаясь к этому непривычно медленному передвижению по раскаленной, пышущей, как печь, улице. А старый Шалго хотя и проклинал жару, но не спешил, не забывая то и дело здороваться со знакомыми. Фельмери очень удивило, что старика так хорошо знали в поселке.

— Ну, что удалось узнать у девушки? — спросил толстяк, отдуваясь, когда они свернули в аллею, ведущую на пляж.

— А вы-то откуда пронюхали, что я был с нею? — удивился Фельмери.— Я ведь еще даже полковнику не успел об этом доложить.

Шалго повернулся к лейтенанту и долгим взглядом посмотрел на него.

— Так знайте же, мой мальчик, что, когда мне нужно что-то узнать, я поворачиваюсь лицом на юго-запад, беру в руки свой старый армейский бинокль и терпеливо осматриваю весь пляж. А нет меня — то же самое делает по моей просьбе моя дражайшая половина. Так что пока я с Беатой беседовал в отеле, Лиза любовалась видами на Балатон. И, разумеется, совершенно случайно увидела и вас — возле трех плакучих ив. Ну, так что вам поведала Илонка?

Пришлось лейтенанту Фельмери рассказывать о своей беседе с девушкой.

— Я не думаю, что Меннеля убил Казмер Табори,— подвел он итог своему рассказу,— но мне неясно, почему Илонка так защищает инженера и где они оба могли быть в ту ночь? Есть у меня, правда, одно предположение, что девушка эта нравится Казмеру Табори.

— Это уж точно! — подтвердил Шалго.— Выстрел в десятку.

— Ну, девушку я не знаю. Но могу предположить, что в ту ночь она была у Меннеля. За это говорит вот что: инженер Табори под вечер уехал в Будапешт. Илонка же, как удалось установить группе майора Балинта, в девять вечера ушла из дому и возвратилась только на рассвете, около четырех-пяти утра. Так по крайней мере сказал ее дедушка. Допустим, что инженер возвратился двадцатого не в десять утра, а часа на три раньше, скажем, в семь. И от кого-нибудь узнал, что Илонка провела ночь у Меннеля. Инженер пришел в ярость и убил его.

— Где? — спросил Шалго. Они стояли перед длинным рядом лотков и киосков около базара.

— Это еще нужно сообразить. Стоп, есть! Меннель жил у Табори. Когда утром он отправился на пляж, Казмер незаметно пошел следом за ним. Выехал на озеро на другой лодке, прикончил соперника и возвратился.

— Гм, гм,— пробурчал себе под нос старик.— Версия неубедительная. И труднодоказуемая.

— Давайте кое-что уточним,— предложил Фельмери.— Вы все же лучше меня знаете их обоих.

— Присядем-ка на минутку, сынок,— сказал Шалго, кивнув на скамейку, стоявшую в тени.— А то из меня уже и дух вон. Так что ты говоришь?

— Можно ли предположить, что Илонка пошла на такое?.. Ну, словом, чтобы она приняла предложение Меннеля?

— В наши дни трудно в этом смысле ручаться за кого-то.

— И второе,— продолжал лейтенант.— Можно ли себе представить, что Казмер Табори способен убить человека?

— Можно,— решительно отвечал Шалго.— Казмер отличный специалист в своей области, но он страшно необуздан. В детстве не было дня, чтобы он с кем-нибудь не подрался. Очень чувствителен к обидам. К сожалению, слишком рано, еще в школьную пору, ему «открыли глаза», что он детдомовец, подкидыш. Вскоре об этом узнали и его одноклассники, стали дразнить. Кого-то он стукнул. Его отколотили. Тогда он начал заниматься дзюдо. Не ради спортивных лавров, а для самообороны, чтобы уметь постоять за себя. Но и до сих пор он легковозбудим и обидчив. Слишком много в его сердце горечи.

— А в каких отношениях он с Илонкой? Мне кажется, они небезразличны друг другу.

— На этот вопрос я затрудняюсь ответить,— задумчиво произнес старый детектив.— А что говорила вам Илонка о своих родителях?

— До них мы еще не добрались,— сказал Фельмери и с любопытством посмотрел на Шалго.

— Илонка ведь тоже сирота,— продолжал тот.— В пятьдесят шестом ее отец и мать покончили с собой. Иштван Худак был военным прокурором. Были у него дела, за которые в смутное время мятежа кое-кто хотел с ним рассчитаться. Приходили искать его к нему домой, Худак дверь не открыл. А потом взял пистолет и сначала застрелил жену, а потом пустил себе пулю в лоб. Может, и девочку ждала та же участь. Но, к счастью, ее в тот час не оказалось дома. Надо сказать, что у Табори с Худаками были весьма плохие отношения. Покойный Худак причинил им в свое время много неприятностей. Даже вел против них дело и самолично допрашивал профессора и Бланку. Дело это, правда, прекратили. Только для Бланки Табори с той поры упоминание о Худаках — что красный платок для бодливого быка. Если она и терпит еще, что Казмер разговаривает с Илонкой, то о чем-то

более серьезном и слышать не хочет. Казмер это, конечно, понимает и, уважая и любя свою мать, не хочет причинять ей огорчения. Он вообще не любитель осложнений. И это тоже против вашей гипотезы,— заключил Шалго и посмотрел на лейтенанта.

— Почему против?

— На это я отвечу позднее,— тяжело поднимаясь со скамейки, сказал старик. Он пошел по усыпанной гравием дорожке к входу на пляж. Фельмери — следом за ним.

В воротах за небольшим столиком восседал кассир пляжа — Адам Рустем. Это был пожилой худощавый человечек со скуластым лицом и глубоко посаженными темными глазами, над которыми нависали густые черные брови. Зато все остальное у него было белое: волосы, рубашка, полотняные штаны, кеды, халат.

— Как идут дела, профессор? — спросил Шалго, подавая руку Рустему.

— Не жалуемся,— отвечал тот, подозрительно косясь на Фельмери.— Сегодня наплыв особенно велик. Соблаговолите окунуться в прохладу вод, ваша милость?

— Упаси бог,— сказал Шалго.— Вот разрешите представить вам лейтенанта Фельмери, который очень хочет взглянуть на ту самую лодку номер семь, на которой Меннель ездил в последний раз кататься.

— Она на лодочной станции. Без разрешения майора мы ее никому не выдаем,— сообщил Рустем.

— Ясно. Никому, кроме нас,— уточнил Шалго. Он достал сигару, предложил закурить и Рустему.— А скажите, профессор, вы были здесь в то утро, когда Меннель отправился на прогулку?

— Конечно. Я, прошу покорно, еще ни разу за всю свою жизнь не опаздывал на работу. Я сам и лодку выдал господину Меннелю. Абонемент у него был от бюро обслуживания. Бедняга! Да будет милостив к нему господь. Приятный, приветливый был человек. Я проводил господина Меннеля к причалу. По дороге мы с ним немного поговорили. Он все моей семьей интересовался.

— На пляже уже много народу было в это время?

— А никого. У меня только несколько человек из проживающих в отеле плавают обычно по утрам, с

шести до полвосьмого. А господин Мениель отчалил около восьми.

— Вы хотите сказать, что в это время вы были только с ним вдвоем на причале? — с недоверием глядя на тщедушного смотрителя пляжа, уточнил Шалго.

— Да, только вдвоем и были. Господин Мениель и я. Перерыв, так сказать, у нас в это время на пляже. Гости отеля как раз завтракают, а посторонние еще не приходят, рано. В полдевятого появляются первые купальщики.

— И никого из посторонних вы не видели?

— Ни души. Да вы что, не верите мне? Но я говорю сущую правду!

— Не обижайтесь, старина,— проговорил Шалго, заставив себя улыбнуться.— Да уж больно невероятно все это. И Казмера Табори вы не видели?

— Нет, утром рано не видел, он пришел позднее, ближе к обеду.

— Что ж, и на том спасибо, профессор,— поблагодарил Шалго Рустема и напрямик по выгоревшей траве газона заковылял вслед за Фельмери к причалам. В знойной духоте гул голосов, висевший над пляжем, был еще невыносимее, чем обычно.

— Вот это и было мое второе возражение,— догнав лейтенанта, сказал Шалго.— Казмер Табори не выезжал на лодке следом за Мениелем. Маловероятно и то, что убийство совершилось у него в доме. Как-то по-другому все это происходило.

Они сели в лодку. Сразу же нашлось несколько зевак. Кое-кто хихикал, глядя на странных гребцов. Лейтенанту Фельмери, тут же догадавшемуся, над чем смеются люди, стало не по себе: он, наверное, и сам за живот схватился бы при виде таких, как они, чудаков, залезших в лодку в жарищу одетыми, словно для прогулки по городу. Не долго думая, он сбросил с себя все лишнее и сразу почувствовал облегчение. А вот старого Шалго не смущали, как видно, насмешки: он преспокойно покуривал сигару и весело посматривал на лейтенанта.

— Готов? Ну, тогда бог в помощь! Вперед! — скомандовал он, взглянув на часы.— Ровно восемь. Понятно? Так что весла в руки и пошел на полную мощь! Направление буду указывать я.

Фельмери приналег на весла, и лодка проворно заскользила по озерной глади.

Наконец показались три одинокие ивы. Серповидный мысок еле заметно выдавался из зеленовато-бурых зарослей камыша.

— Возьмите чуть левее,— сказал Шалго гребцу.

И Фельмери с таким усердием поспешил исполнить команду, навалясь на правое весло, что чуть не опрокинул лодку. Шалго же сидел на корме и, повернувшись всем корпусом, пытался отыскать взглядом среди строений на берегу белый фасад виллы Табори. Густо покрытый зеленеющими садами склон холма был сейчас безлюден.

— Стоп! — скомандовал Шалго лейтенанту. Тот опустил в воду весла, зачерпнул пригоршню воды, намочил лицо и грудь и, достав из кармана брюк сигареты, закурил. Только сейчас он заметил маленький красный буек, прыгавший на волне рядом с бортом лодки.

— Здесь и была обнаружена лодка,— сказал Шалго.— В сорока минутах хорошего хода на веслах от пристани. Значит, Меннель прибыл сюда в восемь сорок пять. Согласно акту судебно-медицинской экспертизы, смерть его наступила в промежутке между восемью двадцатью и восемью пятьюдесятью утра. Если мы примем эту констатацию медиков за истину — а у нас нет причины ее не принять,— то выходит, что Меннеля убили не здесь.

— А где же?

— Этого я не знаю. Но не здесь,— твердо сказал Шалго.

— А если кто-то его тут уже дожидался?

— Разве найдется дурак, способный назначить тут встречу?

— Почему дурак? Скажем, Меннель хотел с кем-то встретиться, и этот кто-то ждал его здесь, на катере. В конце концов все зависит от того, как организовать дело.

— Пожалуй, ты прав,— согласился Шалго, переходя опять на «ты».— Ты выиграл. Но эта версия одновременно доказывает полную непричастность к делу Казмера. Хотя я, честно говоря, не верю в такую комбинацию. А знаешь что? Берись-ка опять за весла и в том же темпе греби в сторону мыса.

— Засекли время?
— Да.
Фельмери развернул лодку и взмахнул веслами.
— Ну? — тяжело дыша, спросил он, когда лодка ткнулась носом в берег.
— Тридцать семь минут. Н-да, это уже что-то. Погоди закуривать. Греби вдоль камышей.
До трех одиноких ив они шли еще минут десять.
— Причаливаем,— сказал старик. — Перекур! Итак, из сорока пяти вычтем тридцать семь — получаем восемь. Плюс десять — будет восемнадцать. То есть в восемь восемнадцать Меннель без труда мог быть здесь. Именно здесь, потому что только в этом месте он мог причалить к берегу никем не замеченный.
— По пути я насчитал шесть залнвчиков, шесть мостков-причалов.
— Верно. Но это все частные владения. Если он намеревался с кем-то встретиться, то не стал бы выбирать такое место, где случайно могли оказаться и посторонние. А здесь очень укромно для тайной встречи. Посмотрим вокруг! Камыши со всех сторон укрывают этот причал от посторонних глаз. Так что пока будем придерживаться такой гипотезы: Меннель подплыл сюда на лодке и встретился с кем-то; между ними произошел «крупный разговор», и неизвестный его убил; погрузив труп в лодку, убийца выехал на озеро и бросил тело в воду, а сам вплавь добрался до берега. Этой версии наш отсчет времени вполне соответствует. Что ты скажешь на это, сынок?
— Вполне возможно. Теперь остается самый пустяк — найти и схватить этого неизвестного.
— Верно. В порядке отдыха пошарь кругом повнимательнее — вдруг найдешь в траве что-нибудь интересное. А я еще разок обыщу лодку.

V

Эгон Браун, директор акционерной торговой компании «Ганза», недавно отпраздновал свое шестидесятилетие. Но может быть, оттого, что уже около четверти века он вел весьма уравновешенный образ жизни, выглядел он значительно моложе своих лет. В молодости Эгон Браун готовился стать врачом, но

одновременно увлекался и физикой, в особенности электротехникой. Потом случилось так, что в 1932 году одновременно с дипломом врача Браун получил от своего проживавшего в США дядюшки приглашение переселиться за океан и стать студентом Калифорнийского университета. Когда же в Германии к власти пришел Гитлер, Эгон Браун попросил у правительства США политическое убежище. И никто не догадывался, что еще со студенческой скамьи Эгон Браун стал одним из наиболее ловких и удачливых германских разведчиков, готовых на любые жертвы ради победы третьего рейха. После крушения гитлеровской Германии он не впал в отчаяние. Оценив новое соотношение сил, Браун пришел к выводу, что его родина очень быстро вновь поднимется на ноги, потому что западным державам в качестве союзника нужна сильная Германия. И ради скорейшего возрождения она должна принимать помощь от кого угодно, заботясь только о том, чтобы не превратиться в колонию Соединенных Штатов. У мистера Брауна оказались хорошо налаженные связи с американскими военными промышленниками. С виду он всегда был проамерикански настроенным человеком, это помогло ему сохранить в тайне свою истинную деятельность в годы войны. Тот абверовский офицер, через которого он был связан с «Центром», после падения Канариса стал «невозвращенцем» и позднее рассказал Брауну, что личные дела разведчиков абвера, работавших в США, по приказу адмирала были вовремя уничтожены. И никто никогда не сможет дознаться, что упоминающийся в оперативных донесениях разведчик Студент и Эгон Браун — одно и то же лицо. Когда же несколько недель спустя абверовский офицер-невозвращенец погиб в автомобильной катастрофе, Браун совершенно успокоился. И, оставаясь в тени, он сумел так повести дела, что его американские друзья сами предложили ему переселиться назад, в Германию, и принять участие в восстановлении экономики только что побежденной страны. На новом месте он получил возможность ознакомиться с деятельностью созданной в то время разведывательной организации генерала Гелена и с самим генералом... Это знакомство постепенно переросло в доверительные отношения, а в пятидесятых годах по предложе-

нию Брауна была создана акционерная торговая компания «Ганза» и он стал ее генеральным директором. Работая осмотрительно, но упорно, Браун вскоре создал внутри «торговой» фирмы сектор «Б» Восточного отдела.

Смерть Меннеля озадачила Эгона Брауна. Разумеется, он немедленно назначнл расследование, поручив выяснить обстоятельства этой загадочной смерти начальнику Восточного отдела Иосифу Шлайсигу. Но прошло уже трн дня, а Шлайсигу пока ннчего определенного установить не удалось...

В этот день Браун поздно возвратнлся домой. Поужинав н приняв ванну, он почитал на сон грядущий новый роман Генриха Бёлля н лег в постель. В полусне он еще слышал за дверью шаркающие шагн старой экономки фрау Эльвиры. Около полуночи его разбудило приглушенное жужжанне телефона. Звонил Шлайснг. Извннннвшнсь за ночной звонок, Шлайсиг сказал, что получено важное сообщение. Браун зевнул, прогоняя остаткн сна, н недовольно буркнул:

— Приезжайте.

Полчаса спустя Шлайсиг прибыл на квартиру Брауна. Это был маленький толстячок в очках, с копной белокурых волос, зачесанных на косой пробор, в модном костюме из легкого тропнкала. У него были быстрые движення н медленная речь — обдуманная, хотя и чуточку многословная.

— Еще раз прошу прощения, но у меня сведения большой важности...

Браун терпелнво улыбнулся и уже приветливее сказал:

— Ради бога, переходнте прямо к делу.

— Получена телеграмма от Хубера. Очень странная. Если позволите, я прочитаю ее вслух...— Браун кивнул головой.— «Тело Меннеля оцннкованном гробу вторник отправнт авиакомпания «Малев». Доставит транспортная контора «Машпед»... Машина повреждена. Продал. Проект соглашения изучаю подпишу следующей неделе Хубер».

Шлайсиг протянул телетайпную ленту Брауну, тот быстро пробежал листок глазами.

«Значит, все-таки?..» — подумал он н, чувствуя, как в нем закнпает гнев, поспешил взять себя в руки.

Шлайсиг иегромко кашляиул, давая зиать, что его доклад еще ие окоичен. Брауи подиял на него глаза.

— Мне иепонятио, шеф, почему доктор Хубер пишет так об автомобиле, ведь веигерские власти определенно сообщили иам, что Мениель погиб не в катастрофе, а что его утопили. Разрешите в связи с этим вопрос?

— Да, дорогой Шлайсиг, коиечио!

— Разве Хубер ие зиал, что Меииель выехал в Венгрию иа оперативной, осиащеииой спецустройством машиие?

— Я ему этого ие говорил. Хотя ои должеи был знать, для чего предназначеиы машины типа «киижал».

— Значит, вы догадались, о чем я подумал?

— Да, Шлайсиг.

— Сын Хубера в иастоящее время в Гаване. Вы это зиаете?

Брауи долго молчал, прежде чем утвердительио кивиуть головой. Шлайсиг не мог, коиечио, зиать, чем вызваио столь долгое молчаиие шефа. Ои продолжал:

— Нам удалось устаиовить далее, что иакаиуне отъезда Хубер продал свою загородную виллу и вложил деньги в акции одиого швейцарского бюро путешествий.

— Это все вполие естествеино,— проговорил Браун.— Было бы страиио, если бы Хубер поступил иначе...— Ои поднялся, достал из бара бутылку и иалил в рюмки коньяк.— Полагаю, сейчас было бы некстати пить за здоровье Хубера? Сколько иаших людей он может провалить в Веигрии?

— Я уже все проверил, шеф,— отвечал Шлайсиг.— Более десяти агеитов.

— А можете вы мне сказать, почему ои стал предателем?

— Не знаю,— покачал головой Шлайсиг.— Хотя вечером, готовя на иего справку, я выявил иесколько возможиых мотивов, на которые мы почему-то раиьше не обратили виимание. Во-первых, Хуберы родом из Восточной Пруссии. Не исключеио, что кто-то из его родствеиников до сих пор проживает там. Отца Хубера, генерала, казиили за участие в покушеиии иа Гитлера. На Востоке это может быть зачтеио ему в актив, послужить, так сказать, «пропуском через

границу». Некоторые из родственников Хубера занимают достаточно высокие должности в Восточной Германии, работают на коммунистов. Итак, он — здесь, они — там. Возможно, его опутали, запугали, уговорили, наконец. Словом, об этом он может нам рассказать только сам.

Браун кивал головой. «Да,— думал он,— эта версия вполне убедительна. Ей поверят. Упрек мне будет минимальным».

— Сообщите ему по телетайпу,— сказал он Шлайсигу,— следующее: «Машину не продавать. Подписать соглашение. Немедленно вернуться Гамбург. Браун». Разумеется, Хубер и не подумает вернуться. Поэтому одновременно подготовьте и операцию по его ликвидации.— Браун произнес это таким равнодушным тоном, словно речь шла не о смертном приговоре человеку, а о чем-то совсем сейчас незначительном, вроде вчерашней жары или прошлогоднего снега.— Разрешите налить вам еще, Шлайсиг?

— Да, шеф, спасибо,— сказал человечек в очках, взял в руки рюмку и с неприличной жадностью выпил.

От взгляда Брауна не ускользнула озабоченность, по-прежнему не покидавшая лица Шлайсига.

— Что, есть и другие «приятные вести», дружище Шлайсиг?

— Боюсь, что да, шеф. Меннель ведь забрал с собою перечень конкурсных цен, добытый для нас К-шестым. А мы намечали всю группу «К» передать на связь Сильвии. Если Хубер в бумагах Меннеля найдет этот перечень, он может, пожалуй, расшифровать код «К».

Браун молчал. Он думал, как ему получше объяснить своим хозяевам причину этого провала.

VI

Тибор Сюч стоял на балконе и рассеянно смотрел вдаль. Это был мужчина лет тридцати пяти, среднего роста, приятной наружности, с ярко-рыжей шевелюрой и зеленовато-серыми глазами.

— Ты знаешь, что представляет собою этот Шалго? — спросил он, не поворачивая головы.

Беата, раздетая донага, лежала на кровати и листала журнал мод.

— Менеджер Виктора, да?

Тибор вернулся с балкона в комнату и сел на край кровати, рядом с девушкой.

— А ты знаешь хотя бы, что означает слово «менеджер»? — улыбнулся он и набросил на нее простыню.

— Не знаю, и это меня мало интересует. Мне и так жарко, а ты зачем-то еще накрываешь меня простыней. Или я не нравлюсь тебе?

— Нравишься. Даже очень. У тебя тело богини, но я не хочу, чтобы оно мне скоро надоело... Так вот, Шалго — «бур».

— Ну да?! — протянула девица, продолжая листать журнал.— А с виду не скажешь.

Тибор удивился ее спокойствию.

— Ты что, не знаешь, кто такие «буры»?

— Как кто? Народ, не то в Африке, не то в Америке...

«До чего же глупа! — подумал Тибор.— Красива, но глупа как пробка».

А вслух сказал:

— Точно, те тоже буры. Но этот «бур» совсем другого сорта: Будапештский уголовный розыск. Сокращенно БУР. А иными словами, шпик, сыщик.

Журнал мод выпал из рук Беаты.

— Откуда ты это взял?

— Не только у него есть свои люди в отеле. У меня тоже,— с горькой усмешкой пояснил он.

— Значит, влипли. Я не виновата. И если хочешь знать, ты сам всему причиной. Я тебя умоляла: остановись у гостиницы, выпьем кофе или кока-колы. Я ведь буквально умирала от жажды. А ты заладил свое: сначала переговорим с Виктором!

— Ну кто мог знать, что его уже прикончили?.. Что же нам теперь делать? — бросил он и, вскочив с места, нервно забегал по комнате.

— Пойдем завтракать в ресторан,— сказала Беата,— и попробуем там разыскать шефа, что приехал сюда из Гамбурга.

В дверь постучали. Тибор набросил на плечи купальный халат.

— Сейчас! — крикнул он, потом, взглянув на де-

вушку, тихо сказал ей: — Накинь что-нибудь на себя, а еще лучше — спрячься в ванной.— Дождавшись, когда Беата закрылась в ванной комнате, он подошел к двери и распахнул ее.

В комнату вошел Оскар Шалго. У него был усталый вид, но на лице играла приветливая улыбка.

— Слава богу, а то я уж подумал, что вы уехали.— Он посмотрел по сторонам.— А где Беата?

— Я здесь,— ответила девушка, выходя из ванной комнаты.— Доброе утро!

— Здравствуйте, Беата.— Шалго прошел в глубь комнаты. Он сделал вид, будто не замечает растерянности хозяев. Движения его были такими уверенными и спокойными, что, скорее, его можно было принять за хозяина дома. Подойдя к столу, Шалго взял в руки коньячную бутылку.

— «Мартель»? Неплохой напиток. Хотя лично я предпочитаю «Наполеон». А чистый стакан у вас, душечка, найдется?

Девушка бросила взгляд на Тибора. Она собиралась уже сказать старику какую-нибудь дерзость, но закусила губу, перехватив предостерегающий жест Тибора.

— Принеси стакан, Беата,— предложил он.

Беата громко вздохнула и снова пошла в ванную.

— С вашего разрешения, господин Сюч, я присяду на минуту,— проговорил Шалго и, кряхтя, опустился в одно из кресел.— Н-да, беспощадная это штука — старость!.. Однако почему вы сами не садитесь? Прошу вас! За ваше здоровье! — Шалго пригубил коньяк и посмотрел на неподвижно стоящих Беату и Тибора.— У меня такое ощущение, будто я вам в тягость. Впрочем, может быть, я ошибаюсь?

Тибор тем временем надел брюки.

— Мы устали,— сказал он.— Ночью мало спали.— Он примостился на подлокотник кресла и кивнул Беате, чтобы и та села. Девушка присела на кровать.

Шалго закурил сигару.

— Надеюсь, вы не хотите этим сказать, что я вам помешал? — Он говорил нарочито обиженным тоном.— Иначе, свидетель бог, я очень бы сожалел... Вы мне кажетесь симпатичными. И я думал, вы тоже обрадуетесь нашей встрече.

— А разве не заметно, что мы страшно рады? — спросила Беата с кислой миной.— Мы готовы лопнуть от радости, господин менеджер. Не правда ли, Тибор? — Она была зла на старика за то, что он так провел их.

— Еще как рады! — подтвердил Тибор и закурил сигару. Потом потер ладонью свой массивный квадратный подбородок.— Так чем, собственно, мы обязаны вашему визиту?

Но Шалго не дал вывести себя из равновесия. Потягивая коньяк, он проговорил:

— Выпейте за мое здоровье. Хотя бы глоточек. Не хотите? Нет так нет. Вижу, вы сердитесь на меня. Но если говорить начистоту, у меня тоже есть основания быть недовольным вами: ведь вы чуть было не провели меня. А это уж совсем некрасиво!

— Вы сыщик? — прямо спросил Тибор и пристально посмотрел на Шалго.

— Ну, а если даже так, это очень бы вас шокировало?

— Я терпеть их не могу.

— Представляю, сколько вам, наверное, известно анекдотов и злых шуток про милицию.— Шалго, весело подмигнув Тибору, пустил ему в лицо дым от сигары.— Но все же вы мне кажетесь симпатичным молодым человеком...

— Солидного господина потянуло сегодня на мальчиков? — ехидно спросил Тибор, чувствуя, что начинает терять терпение.— Короче, говорите, зачем пришли, и проваливайте!

— С «проваливайте» мы немного обождем, Тибор Сюч,— Шалго помассировал больную ногу и улыбнулся девушке: — Тибор никак не хочет подружиться со мной. Разве это не печально? Что вы об этом думаете, Беата?

— Мне кажется, вы слишком много изволите болтать, господин менеджер,— сухо возразила Беата.

— Это верный признак старческого маразма,— заметил Тибор Сюч и встал.— Так что же вас интересует? Спрашивайте и убирайтесь! — Он говорил решительно, как человек, уверенный в себе.

Шалго поудобнее устроился в кресле.

— Меня интересуют всего лишь кое-какие мелочи. Скажите, пожалуйста, дорогая Беата, с какой целью

вы ввели меня в заблуждение? Ведь ваша матушка — не урожденная Меннель. Она вообще не имеет к нему никакого отношения.

Беата молчала. Она подняла на Тибора глаза, точно ожидая от него помощи.

— Вы когда отчалите отсюда? — грубо спросил Тибор.

— Браво! — невозмутимо отозвался Шалго.— Люблю людей с юмором. «Вы когда отчалите отсюда?» Превосходно сказано! Но только я не «отчалю» отсюда до тех пор, пока Беата не откроет мне правды.

Девушка хотела что-то сказать, но Тибор остановил ее взглядом.

— Сначала выясним кое-что, папаша,— проговорил он.— Вы ведь, если не ошибаюсь, на пенсии?

— Верно.

— Из этого явствует, что ранний приход к нам Оскара Шалго следует рассматривать лишь как предупредительность с его стороны, как визит частного лица, а значит, его вопросы к Беате не могут считаться официальным допросом.

— Предположим, что так,— сказал Шалго.

— А если так, то вам следует принять к сведению, что, во-первых, Беа не обязана отвечать на ваши вопросы. И во-вторых, поскольку вы частное лицо, я не обязан принимать вас у себя.

— Но я уже у вас в гостях.

— И в-третьих, в связи с тем, что у меня много дел и ваше общество наскучило мне, прошу вас допить коньяк и удалиться.

— А если я не уйду?

«До чего нудный тип! — подумал Тибор, закипая от раздражения.— Неужели ты считаешь меня деревенским лопухом, который боится собственной тени? Но ты, старый плут, заблуждаешься. Уж я-то прекрасно понимаю, что ты замшелый пенсионер, занявшийся самодеятельностью».

— Вы спрашиваете, что будет, если вы сами добром не уберетесь отсюда? — вслух спросил он.

Шалго кивнул ему с улыбкой.

— Так я вам отвечу,— продолжал Тибор Сюч.— Тогда у меня не останется иного выхода, как взять вас за шиворот и вышвырнуть за дверь... Итак?

Шалго вытер со лба пот. «Его самоуверенность мне нравится,— подумал он.— И в то же время он чем-то обеспокоен».

— На вашем месте я воздержался бы от таких действий,— сказал Шалго.— И не только потому, что я могу оказаться слишком тяжелым для вас. Вся незадача в том, что если я сейчас уйду...

Тибор Сюч раздраженно перебил его:

— Мне надоела ваша болтовня. Убирайтесь! — Он встал с угрожающим видом, но Шалго даже не пошевелился.

— ...словом, если я сейчас уйду,— продолжал он начатую фразу,— то через пять минут сюда прибудут майор Балинт и полковник Эрнё Кара. И они, поверьте, зададут вам куда более неприятные вопросы. Например, почему мадемуазель Беата Кюрти, невеста инженера Гезы Салаи, сожительствует с Тибором Сючем? Не исключено, что они пригласят сюда из Фюреда Гезу Салаи.

— Вы собираетесь нас шантажировать? — спросила девушка дрогнувшим голосом.

— Полноте, душечка! Я ведь уже сказал, чего я хочу: знать, где вы познакомились с Виктором Меннелем и что ему было от вас нужно.

— Не желаю я с вами разговаривать! — с откровенной неприязнью произнесла Беата.— Знаете, кто вы такой? Подлый провокатор, вот вы кто!

Тибор Сюч обнял за плечи свою подругу.

— Успокойся, Беа,— сказал он.— Успокойся и не теряй головы.

— Вы ведь тоже выдаете себя за менеджера Меннеля. Разве это порядочно с вашей стороны?

Шалго рассмеялся.

— А вы с юмором, милая девушка! Я был таким же представителем Меннеля, какой вы, душечка, его кузиной. Так что мы квиты.

— А что вы знаете обо мне? — спросил Тибор Сюч и с такой силой сжал руку девушке, что та вскрикнула от боли.— Ну, выкладывайте, что вам известно обо мне.

— Не так много. В пятьдесят втором вы окончили медицинский факультет. Окончили с отличием. Перед вами открывалось прекрасное будущее. Даже ваши недруги считали вас весьма способным врачом.

В пятьдесят пятом вы вступили в интимную связь с гимназисткой Пирошкой Хамори. Правильно?

— Правильно,— кивнул Сюч, и видно было, что на какое-то мгновение им овладели воспоминания. Взор его затуманился, голос стал спокойнее, и тон был уже не таким вызывающим.— Вы из Будапешта получили эти данные?

— Из Токио,— пошутил Шалго.— Продолжать?

— Не надо, ни к чему! — Тибор Сюч хмуро смотрел перед собой, уставившись в одну точку на ковре. «По-видимому, этот тип знает обо мне все», — думал он. Ему вспомнилась Пирошка Хамори, и он никак не мог отогнать от себя ее образ.

— Вы любили ту девушку? — спросил Шалго

— Я собирался жениться на ней,— ответил Тибор Сюч, по-прежнему не отрывая взгляда от ковра. И он долго и подробно стал рассказывать об этой неудавшейся любви, потому что Пирошка умерла от подпольного аборта, а оперировавший ее Сюч по доносу попал в тюрьму...

— Пуговицы делать вы в тюрьме научились?

— Да. Четыре года я работал в пуговичном цехе. Выйдя на свободу, я продолжал заниматься этим новым своим ремеслом.

Шалго сочувственно смотрел на Сюча. Полученные из Будапешта сведения подтверждали все, что тот рассказал.

— Беата помогает вам в ваших коммерческих делах? — спросил Шалго.

— А какое это имеет отношение к делу, ради которого вы пришли сюда? — вмешалась в разговор Беата, с неприязнью взглянув на него.

— Мы, сыщики, любознательный народ,— ответил Шалго, сделав ударение на слове «сыщики».— А я особенно. В данном же случае сама ситуация прямотаки разжигает мое любопытство. Вы невеста Гезы Салаи. И вдруг вы проводите ночь под одной крышей с Тибором Сючем. Откровенно говоря, это слишком сложно для моего понимания. Я человек несовременный, консерватор. Итак, где вы познакомились с Виктором Меннелем?

— В Италии. Прошлым летом. В том году я вместе с мамой и своим женихом отдыхала летом в Италии.

— У вас ие было с Меинелем интимиых отношеиий?

Беата промолчала.

— Можешь смело прнзнаться — это ведь не преследуется законом,— крнво усмехнувшнсь, буркиул Тнбор Сюч.

— Ну, были...— тихо проговорила Беа.

— Ваш жеинх зиал об этом?

— Ои узнал об этом позднее. И с тех пор стал страшио ревновать меия, следнть за каждым моим шагом.

— В этом нет ничего уднвнтельного,— заметнл Шалго.— Я бы иа его месте тоже ревновал. Продолжайте.

— Одиажды Меннель обратнл вннмаиие на пуговнцы иа моем платье. Он сказал, что оин ему очеиь понравились, и спроснл, где я их купнла.— Девушка закурила сигарету.— Тогда я рассказала ему про Тнбора, какой ои способный, ио инкак ие может иайти себя... На другой день Меииель сказал, что зиает, как иам помочь. Передай, говорит, своему Тибору, чтобы он подготовил коллекцию образцов пуговнц н составнл проект развития производства — какие ему иужиы стаикн и так далее. Потом Мениель сообщил, что на следующее лето, то есть в этом году, ои собнрается в Веигрию и тогда мы сможем обсуднть иашу сделку в деталях.

— Да, точио так все н было,— подтверднл Тибор Сюч,— с яиваря этого года мы сталн перепнсываться. Мeииель торопнл меия, я работал день н ночь. Меииель писал, в частностн, что я получу от нх фнрмы полировальиые стаикн большой мощностн и печь для обжига.— Тибор встал, вынул нз портфеля папку н протяиул Шалго.— Пожалуйста, вот посмотрнте сами. Это иаша переписка. Все пнсьма я отправлял через фирму «Артекс». Ее тоже весьма заинтересовала эта идея. Вот образцы пуговиц.— И Тибор стал нзвлекать из портфеля н раскладывать иа столе картоикн с прнкреплениыми к иим пуговнцами. Одна красивее другой! — Неделю иазад Беата получила от Меннеля пнсьмо, в котором ои проснл приехать к иему на Балатои и привезтн с собой образцы. Мы прнехали, а тут выясияется, что его кто-то убнл...

— Письмо Виктора Мениеля с приглашением тоже здесь? — спросил Шалго, перелистывая бумаги в папке.

— Нет, оно у моего жениха,— ответила Беата.— Он отнял его у меня, влепил мне пощечину и запретил встречаться с Виктором. Я ведь говорила, что он ужасно ревнивый.

— Н-да, вроде бы в этой истории все похоже на правду,— проговорил Шалго и снова стал листать папку. Он понял, что Тибор и Беата не лгали.— Н-да, все выглядит вполне правдоподобно. Во всяком случае, на первый взгляд...

— Познакомитесь поближе с делом и убедитесь, что так оно и есть,— сказал Тибор Сюч.— Поезжайте в Будапешт, поговорите с работниками «Артекса». Они подтвердят вам, что я не очень-то и жаждал этой кооперации с Меннелем.

— Что ж, я верю вам, господин доктор.

— Вы насмехаетесь? — В глазах Тибора вспыхнули недобрые искорки.

— Нет, отнюдь нет, поверьте. Мне просто по-человечески жаль вас.— Голос Шалго звучал искренне.— Итак, вы навсегда расстались со своей былой профессией?

Лицо у Тибора перекосило, как от боли. Он вышел на балкон, постоял немного, глядя на сверкающее зеркало Балатона, потом вернулся.

— Оставим это,— глухо сказал он, стоя в дверях.— Прошлого уже не воротишь. Так что мне теперь, видно, суждено до смерти делать пуговицы...

Шалго встал, роняя пепел с сигары на ковер, но, как всегда, не замечая этого. Он задумчиво потер свой мясистый нос, потом достал из заднего кармана брюк письмо и протянул его Тибору:

— Вот письмо Виктора Меннеля. Возьмите и спрячьте его. Может быть, оно вам еще пригодится.

Тибор Сюч смотрел на письмо, и ему вспомнились слова Адама Рустема, предупреждавшего, что Шалго — очень хитрый, опасный человек и с ним нужно держать ухо востро. Вот и сейчас старик все время добродушно улыбался, а сам держал в кармане злополучное письмо. И кто знает, что еще он задумал и какими козырями располагает?

Тем временем Беата подошла к Тибору и взяла у него из рук письмо.

— Как оно к вам попало? — спросила она, глядя в упор на Шалго.

— Ваш жених потерял, а мы его нашли.

— Геза знает, что я здесь? — В глазах девушки мелькнул страх.

— Я хоть и «старое чучело», Беата, но не сплетник,— ответил Шалго и перевел усталый взгляд на Тибора. Тот, в свою очередь, настороженно, с откровенной подозрительностью посмотрел на гостя: «Как видно, старый сыщик все продумал и его расспросы — только игра».

— А с вами, Тибор, я заключил бы соглашение,— неожиданно сказал Шалго.

— Какое еще соглашение? — удивился Тибор Сюч.

— А вот какое: если мы договоримся, я могу пообещать, что вам вернут диплом врача.

— А чем я должен расплачиваться?.. Знаете что, давайте прекратим разговор на эту тему. Останусь-ка я лучше при своих пуговицах. Я люблю работать, люблю свое дело.

— Как знаете.— Шалго направился к двери.— Да, кстати, полковник Кара просит вас пока никуда не уезжать из гостиницы.

— Это что, домашний арест?

— Ну, что вы! Только просьба. Полковнику Каре тоже хотелось бы до конца выяснить ваши «родственные связи» с Меннелем. Вот и все.

— Не имеете права! — запротестовал Тибор Сюч.

— Мне вы можете высказать свое неудовольствие в любой форме, но полковнику Каре, который ведет следствие,— не советую. К тому же речь идет всего о нескольких днях. Надеюсь, вы с Беатой за это время не успеете надоесть друг другу. Ваш счет за гостиницу будет оплачен.— Шалго взялся за ручку двери.— Да, Беата, скажите у вас есть дача на Балатоне?

— Есть. В Балатонсемеше,— ответила девушка и, помолчав, добавила:— Улица Хуняди, два. Мои родители построили ее еще до войны.

— Благодарю вас.— Шалго поклонился и вышел из комнаты. В холле гостиницы он встретился с

Фельмери; они зашли в кафе, сели за столик и заказали кофе. Когда официант принес и поставил перед ними две чашечки, Шалго сказал ему:

— Послушай, Янчи, отнеси, пожалуйста, в комнату Тибора Сюча две рюмки коньяку. За мой счет.

Как только официант удалился, Фельмери спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного,— ответил старый детектив.— Мне необходимо было получить ответы на несколько вопросов.

— Например?

— Например, почему Венгерская торговая палата не знала о том, что представители «Ганзы» начиная с января переписываются с венгерской фирмой «Артекс». Меня интересовало также, при каких обстоятельствах и почему Геза Салаи отобрал у Беаты письмо Меннеля. Сегодня какое число?

— Двадцать седьмое, воскресенье,— сказал Фельмери.

Через час Кара провел небольшое совещание. Полковник выглядел отдохнувшим и посвежевшим, он даже слегка загорел за эти два дня. Шалго же, напротив, казался усталым и разбитым. Балинт чувствовал себя отлично и был в прекрасном настроении. Фельмери со скучающим видом слушал Кару и Шалго, удивляясь тому, как долго они «топчутся на одном месте». Лиза отправилась за покупками — раз уж Шалго позвал на обед своих друзей, она не может ударить лицом в грязь.

А Кара между тем говорил, что следствие за минувшие сутки заметно продвинулось вперед. Четко наметились две линии, которые рано или поздно должны будут где-то сойтись, поскольку и в том и в другом деле Виктор Меннель играл ведущую роль. Одна линия связана с фирмой «Ганза» или, если называть вещи своими именами, с деятельностью в Венгрии иностранной разведки, свившей себе гнездо под крышей этой фирмы. В стране действуют агенты Меннеля, и сам он приехал сюда, чтобы встретиться с ними. Задача, таким образом, предельно ясна: необходимо выявить агентурную сеть фирмы «Ганза». Кара заметил далее, что Хубер, по-видимому, мог бы оказать в этом серьезную помощь, но

пока не удалось вызвать его на откровенный разговор. Его поведение, впрочем, понятно, хотя он уже рассказал много. Вторая линия — это поиски спрятанных когда-то гитлеровским офицером драгоценностей. И здесь задача также ясна: нужно разыскать ту женщину, что в прошлом году отдыхала с дочерью в Италии и там познакомилась с Меннелем. Установлено, что в прошлом году в Италию выезжала семья Кюрти. Если сопоставить это с тем, что рассказал Хубер, не исключено, что Кюрти и есть та самая женщина. Тем более что ее дочь, Беата Кюрти, была любовницей Меннеля.

— Маловероятно, чтобы Меннель встречался с какими-то другими венграми в Италии и чтобы все так совпадало,— вмешался в разговор Балинт.— Ведь все данные сходятся, товарищ полковник! Девушка, вступившая в связь с Меннелем, ее мать, ее жених... К этому нужно еще добавить то, что удалось выяснить Шалго: переписка с Меннелем, дача в Балатонсемеше... Я бы, например, незамедлительно распорядился, чтоб их задержали.

Кара внимательно слушал майора, а сам украдкой поглядывал на Фельмери, нашедшего себе интересное занятие: лейтенант сосредоточенно вязал на ниточке узелки.

— А вы бы как поступили, товарищ лейтенант? — обратился вдруг к нему Кара.— Довязывайте свой узелок, мы подождем.

Лейтенант смутился, поспешно скомкал нитку и бросил ее в пепельницу. Его немного обидело такое обращение полковника — ведь он внимательно слушал все, что говорилось, и, если «старику» угодно, готов все повторить слово в слово...

— Что ж, задержать их, конечно, можно,— ответил он,— но только я не стал бы этого делать. У нас пока еще нет для этого оснований. Что же касается девицы, то ее рассказ Шалго мне кажется вполне правдоподобным. Кстати, версию Тибора Сюча о пуговицах легко проверить...

— Так как же все-таки вы бы поступили?

— Я бы тщательно осмотрел дачу в Семеше. Попытался бы установить, действительно ли там проживала в годы войны эта самая Кюрти и была ли она связана с немецким офицером. Может быть, даже

произвел бы обыск на даче с использованием соответствующей оперативиой техники.

Шалго кивал головой, ему нравилось спокойствие лейтенаита.

— А потом бы занялся жеиихом Беаты Кюрти,— продолжал Фельмери.— Мне кажется, что от Салаи легче всего получить иужиые иам сведения.

Зазвенел телефон. Кара снял трубку. На проводе был Домбаи.

— Что иового, Шандор? — спросил Кара, держа трубку так, чтобы ответы Домбаи были слышны и остальиым.

— Получили кое-какие интересные сведения из Варшавы,— сообщил Домбаи.— Польские товарищи уже полгода наблюдают за деятельностью фирмы «Гаиза». Но вот Отто Хубер им неизвестеи, он не числится в их картотеке. Зато в Варшаве располагают более подробными даиными о Брауне. С 1932 года проживал в Соединенных Штатах. Абверовский разведчик. В сорок шестом вернулся в Западную Германию... Алло!.. Ты хорошо слышишь?

— Да, хорошо. Продолжай.

— В сообщении из Варшавы есть кое-что заслуживающее особого внимания. Источник, правда, неизвестеи. В последние годы у Брауна якобы возникли разногласия с американцами. Могу выслать о нем подробное донесеиие...

— Пока не иужно,— сказал Кара.— Сейчас вы немедленно соберите сведеиия о супруге Петера Кюрти и ее дочери.

— Ясно.

— Особенно меня интересует прошлое самой мадам.— Положив трубку, Кара посмотрел иа товарищей и сказал: — Давайте договоримся теперь о наших действиях. Ты, Балинт, поедешь в Семеш и займешься виллой Кюрти, а ты, Фельмери, отправляйся в Балатонфюред и допроси Гезу Салаи. Я останусь в Эмёде и посмотрю, что даст дальнейшее наблюдение за Хубером.

— А мне что делать? — спросил Шалго.

— Отдыхай и помогай Лизе.

— Правильно! Значит, я вместе с Фельмери поеду в Фюред. Салаи и меня очень интересует.

VII

Шалго стоял у окна в номере гостиницы на третьем этаже и в бинокль рассматривал пляж. Море людей, ни островка зеленой травы. Солнце нещадно палило, от разноцветных зонтиков рябило в глазах.

— Теперь рассмотрели? — спросил он Фельмери. Лейтенант стоял рядом с ним, прислонив ладонь козырьком к глазам, он тоже смотрел в окно.— Или вы видите лишь красивых девушек?

— Есть такой грех, не скрою,— улыбнулся Фельмери.— Но зато я разглядел и нашего парня. Смотрите чуть правее от мола. Лежит на одеяле в синюю и красную клетку и читает какой-то журнал.

— У вас отличное зрение,— похвалил его Шалго.— Наблюдайте за ним. Если он соберется уходить с пляжа, сообщите мне.— И кивком головы показал на радиотелефон.

— А не пойти ли мне с вами? Я и там смогу следить за парнем.

— Это верно но у вас, молодой человек, нет разрешения на производство обыска.

— А у вас есть?

— Откуда ему быть? Я человек штатский.— Тяжело переступая, Шалго направился к двери.— Но смотрите не проболтайтесь! А то ваш шеф, хоть он и старый мой друг, взыщет с меня за это по первое число...

— Мне ничего об этом не известно,— заговорщически подмигнув, ответил Фельмери и снова стал наблюдать за мужчиной, читавшим журнал.

Шалго прошел в конец коридора, остановился перед одним из номеров и, достав из кармана ключ, отпер дверь. Войдя в номер, он тут же запер за собой дверь, постоял немного в маленькой передней и огляделся. Потом заглянул в ванную комнату. Над ванной висела выстиранная нейлоновая рубашка, за дверью на крючке — плавки и купальный халат. Под умывальником он заметил шесть бутылок пива и кофеварку. Шалго прошел в комнату. Кровати были застелены, из-под одной выглядывали домашние туфли. На столе лежали чертежная доска, готовальня, линейки, блок сигарет «Уинстон», а сверху две коробки сигарет «Мальборо», рядом — начатая бутылка

коньяка. На краю стола высилась стопка тетрадей, журналов по архитектуре, учебник английского языка. На одном из стульев валялись двухтомный англо-венгерский и венгерско-английский словарь и толстая книга, заложенная ленточкой; Шалго прочел название: «Триумфальная арка». На чертежной доске был изображен план здания, всюду цифры, расчеты. Шалго ничего не понял в них, впрочем, они его и не интересовали. Он просмотрел все тетради — тоже подсчеты, выкладки о необходимых стройматериалах, дневниковые записи о ходе работ. Две тетради были исписаны английскими словами и упражнениями по переводу, третья тетрадь была чистой. Шалго приподнял крышку стола, в ящике он нашел еще один блок сигарет.

Шалго закрыл стол. «Итак, сейчас мы втайне от товарища Кары совершаем грубейшее правонарушение: вламываемся в квартиру Гезы Салаи и ищем улики... Но если мы их найдем, инженеру туго придется. И тогда Кара простит нам эти вольности...»

Шалго осмотрел чемоданы, одежду, но не обнаружил ничего примечательного. Он разочарованно вернулся к столу. Начал перелистывать одну из книг по архитектуре, как вдруг из нее на ковер выпала открытка. Шалго поднял ее. Цветная открытка с видом Будапешта, на обороте адрес: Балатонфюред, отель «Марина», Гезе Салаи, и текст:

«По случаю твоего дня рождения
тебе желают здоровья, успеха
твои Бела Эндре, Немеш Мештер, Ласло Дери и я.
Целую, Сильвия. 17 июля 1969 г.»

Красивый, по-школьному правильный почерк. Однако, присмотревшись, Шалго подметил, что буквы были написаны уверенной рукой, совсем не так, как пишут дети. Похоже, что отправитель поздравительной открытки — взрослый человек, нарочно желавший создать впечатление, будто ее написал ребенок. Шалго взглянул на почтовый штемпель. Открытка была отправлена из Будапешта пятнадцатого июля. «Эта Сильвия, должно быть, невнимательная девочка,— подумал он,— семнадцатого числа написала открытку, а еще пятнадцатого отправила ее. Озорница!..» Он снова перечитал короткое послание: «желают здо-

ровья Бела... Немеш... Ласло... Кто это такие?» Шалго переписал текст открытки на бумажку и сунул ее в карман для часов. Потом стал изучать дневник работ. Салаи делал записи четкими, почти печатными буквами: «Сегодня закончили закладку фундамента. Израсходовано две тонны цемента...» На следующей странице Шалго прочел: «Отсутствуют три плотника, два бетонщика и четыре каменщика». Там же, внизу, было приписано по-французски: «Гнусные типы. Со вчерашнего дня они работают на вилле Сегвари. Придется уволить...» Интересно, оказывается, Салаи хорошо владеет французским: эти фразы не только не содержали никаких ошибок в правописании, но и сформулированы были чисто по-французски... Чем дальше Шалго перелистывал дневник, тем чаще наталкивался на «комментарии» на французском языке. Вероятно, дневник могли читать и другие, поэтому свои мысли и замечания Салаи записывал по-французски. Неожиданно Шалго заметил, что последующие дневниковые записи были сделаны другим почерком, другими чернилами и к ним нет французских «комментариев». Шалго взглянул на дату: пятница, восемнадцатое июля. Он еще перелистал дневник — тот же почерк вплоть до двадцать второго июля. Двадцать третьего июля — снова почерк Салаи. Шалго пожалел, что при нем нет фотоаппарата: неплохо было бы снять все эти записи. Он с сожалением положил дневник на место, осмотрелся, все ли оставляет после себя в прежнем виде, и вышел из комнаты.

Через несколько минут он уже разговаривал с Фельмери. Тот сидел на балконе, подставив обнаженный торс солнечным лучам.

— Удалось что-нибудь найти?

— Для старта вполне достаточно,— ответил Шалго, снимая телефонную трубку.— Девушка, соедините меня с директором отеля.— Пока телефонистка вызывала абонента, Шалго спросил Фельмери, не помнит ли он случайно, когда и где родился Салаи.

— Минуточку.— Лейтенант достал из кармана записную книжку, перелистал несколько страниц и сказал: — Седьмого марта тысяча девятьсот сорок первого года, в Будапеште. Имя и фамилия матери: Жужанна Агота.

— А другой даты рождения нет?

Фельмери удивленно взглянул на «старика», потом заметил иронически:

— Вы хотите сказать, что он родился дважды?

— Нечто в этом роде. Ведь если он действительно родился седьмого марта, то чего ради его поздравляют с днем рождения семнадцатого июля?

— Может, в этот день были крестины или какое-нибудь другое семейное торжество?

— Возможно...

В телефонной трубке послышался голос директора.

— Ну, наконец-то! — обрадовался Шалго.— А я уж подумывал, не посылать ли за тобой в Шиофок. Ты не мог бы зайти ко мне, Мартон?

— Разумеется, могу, Шалго.

— Зайди, пожалуйста. И скажи попутно официанту, чтобы нам в номер принесли две рюмки коньяку и две чашечки крепкого кофе.

— Будет сделано, товарищ начальник!

Шалго положил трубку.

— Что вы опять задумали? — спросил Фельмери Шалго.

— Побеседуем с инженером Салаи. С помощью Мартона вызовем его в номер, представимся и попросим его уделить нам несколько минут его драгоценного времени...

Салаи встретил их сухо. Не стал он более радушным и после того, как Фельмери показал ему служебное удостоверение. Шалго, не предъявляя никаких документов, молча опустился в кресло.

— Вы ввели меня в заблуждение, Геза Салаи,— сказал он, бросив на него быстрый взгляд. Тот повернулся в его сторону, недружелюбно спросил:

— А вы кто такой? Тоже из милиции?

— Да. Моя фамилия Шалго. Оскар Шалго.

— Могу я вам предложить, господа, чего-нибудь выпить?

— Благодарим, не надо,— ответил Фельмери.— А вы как хотите.— Он подождал, пока Салаи принес бутылку пива, открыл, налил себе стакан и жадно выпил. Потом положил под кран еще три бутылки и пустил на них холодную воду. Вернувшись в комна-

ту, Салаи сел на кровать, прислонившись спиной к стене, и закурил.

— Вы знакомы с Виктором Менелем? — спросил Фельмери. Вопрос явно смутил Салаи. Сделав вид, что не разобрал имени, он переспросил:

— С кем, простите?

— С Виктором Менелем,— медленно, чуть ли не по слогам повторил Фельмери.

— Менелем? Виктором Менелем? — Салаи словно в раздумье сдвинул брови и устремил глаза к потолку, будто собираясь там найти ответ.

— Уж не тем ли немцем вы интересуетесь, с которым я познакомился в прошлом году в Италии?

— Тем самым,— подтвердил Фельмери.— Так что же вам о нем известно?

— О Менеле?

«А парень-то хитрец,— подумал Шалго.— Переспрашивает, тянет время. Никак не может прийти в себя от неожиданности. Сейчас он оценивает обстановку, прикидывает, что и в какой мере нам может быть известно о его связи с Менелем».

— Да, о Менеле,— подтвердил Фельмери.

— Гм... что ж вам сказать? По сути дела, ничего не известно. Знаете, как это бывает? Путешествуешь туристом, заводишь мимолетные знакомства с разными людьми — с одним поговоришь, с другим выпьешь. А вернешься домой — и всех забудешь...

— Значит, это было случайное знакомство?

— Да, нечто в этом роде. Кажется, мы познакомились в Ливорно.— Салаи натянуто улыбнулся.— Видите, я точно и не помню.

«Ну и дурак ты, парень,— мысленно обругал его Шалго.— Неужели ты до сих пор не заметил, что у тебя пропала открытка Менеля?»

— Я, знаете ли, инженер-архитектор. И здания я запоминаю лучше, чем людей. Менель?.. Виктор Менель. Постойте-ка, попробую напрячь память... Да-да, что-то припоминаю. Этакое готическое строение с лицом в стиле барокко. Так что с ним случилось? Почему вас заинтересовал этот Менель?

Фельмери украдкой посмотрел на Шалго, точно спрашивая его совета, как быть дальше. Шалго ответил ему быстрым взглядом: «Продолжай в том же духе. Все идет хорошо. Молодец!»

Лейтенант сделал вид, что пропустил мимо ушей вопрос Салаи, и вместо ответа сам спросил:

— Когда вы виделись с ним в последний раз?

Инженер почувствовал, что вопросы здесь будет задавать не он. И это ему не нравилось, равно как и мрачное молчание «старика», его пронизывающий взгляд и недоверчивая, скептическая усмешка... «Итак, что им ответить?»

— Когда же это было? — широкой ладонью Салаи мял тяжелый подбородок.— Минутку терпения. Я хотел бы возможно точнее ответить на ваш вопрос... Когда, стало быть, мы прибыли в Ливорно?.. Если мне память не изменяет, пятого или шестого июня прошлого года.

— А с кем вы приехали в Ливорно?

— С невестой и будущей тещей.

— Как зовут вашу невесту?

— Беата Кюрти.

«Парень стал заметно спокойнее,— отметил про себя Шалго.— Наверняка из вопросов Фельмери он сделал вывод, что нам о них известно немногое».

— Как вы познакомились с Меннелем? — продолжал задавать вопросы Фельмери.

— Дело было так: моя невеста со своей матерью отправились за покупками. Мы жили в кемпинге и сами должны были заботиться о питании. Пока женщины ходили на рынок, я возился с машиной. Зажигание барахлило...

— Какой марки у вас машина?

— «Опель-рекорд шестьдесят семь».

— Итак, что было дальше? — возвратил его к теме разговора Фельмери.

— А вот что. На обратном пути Беата споткнулась и слегка повредила ногу. Мимо как раз проезжал Меннель. Он пригласил женщин в машину и подвез до кемпинга. А вечером он позвал нас всех на ужин.

«Парень врет уже совсем гладко,— подумал Шалго, слушая, как Салаи принялся расписывать, что они ели за ужином...— Интересно, сначала инженер с трудом мог вспомнить Меннеля, это «готическое строение с лицом в стиле барокко», а сейчас вспомнил даже, что и в каком порядке подавали на стол».

— Меннель говорил по-венгерски? — неожиданно спросил Фельмери.

— Нет, не говорил.

— А на каком языке шла ваша беседа?

— Беа и ее мать говорили с ним по-немецки, а я по-французски. Меннель, правда, слабовато знал французский.

— А почему вы говорите о нем в прошедшем времени: «знал»? Разве теперь он лучше знает этот язык? Или...— Фельмери не закончил фразу, заметив, что своей репликой смутил инженера.

— Что вам, собственно говоря, от меня угодно?

— Отвечайте на вопросы,— спокойно сказал Фельмери.— Итак, почему вы говорите о Меннеле в прошедшем времени?

— Потому что встречался я с ним в прошлом году.

— С тех пор вы слышали о нем что-нибудь? Может, письма от него получали, открытки? — Фельмери уже собирался перейти в наступление. «Присутствие Шалго,— подумал он,— меня совершенно не смущает. Скорее, наоборот, вселяет в меня уверенность...» Улыбка старого детектива и впрямь подбадривала лейтенанта. Шалго словно говорил ему, что все идет как нужно. Накануне они условились, что не будут опровергать ответы Салаи, чтобы не раскрывать перед ним свои карты. Было ясно, что инженер старался уйти от разговора о характере своих связей с Меннелем. И наверняка не без оснований.

— О Меннеле я больше ничего не слыхал. Писем от него не получал.

— А ваша невеста? — с непроницаемым лицом спросил лейтенант.— Или ваша будущая теща?

— Не знаю, чего ради стал бы писать Меннель моей невесте? — Салаи с неподдельным удивлением посмотрел на лейтенанта. Однако Шалго заметил, что в его взгляде промелькнуло беспокойство.

— Да, действительно, чего ради стал бы он писать Беате? — переспросил Фельмери.

Шалго словно пробудился от сна, откусил конец сигары и закурил.

— Возможно, ты хотел выяснить, не была ли невеста инженера Салаи в дружеских отношениях с этим «готическим» иностранцем и не намеревались ли они продолжать свои отношения и в Венгрии? Ведь

именно в таком случае Виктор Меннель и мог писать Беате Кюрти. Это ты имел в виду?

— Да, именно,— подхватил Фельмери и посмотрел в упор на инженера.

Тот встал, почти заслонив собой окно.

— Я решительно протестую против такого тона,— сказал Салаи. Лицо его побагровело, голос задрожал от возмущения.— Вы не имеете права! Понятно? Вас не для того содержит государство, чтобы вы порочили честных людей гнусными и оскорбительными инсинуациями. Кто вам позволил пятнать честь моей невесты? Вы знаете, как это называется? Злоупотребление властью. И я вовсе не обязан безропотно выслушивать все это.

— Вы совершенно правы,— согласился Фельмери.— И я на вашем месте не стал бы терпеть, если бы мою невесту без всяких оснований попытались очернить.

— Тогда почему же вы осмеливаетесь клеветать на Беату? — спросил Салаи и нервным движением потянулся к рюмке с коньяком.

— Только я вовсе не клевещу на вашу невесту. И вам это отлично известно.

Рюмка задрожала в руке Салаи.

— Что мне известно?

— А то, что ваша уважаемая невеста была любовницей Виктора Меннеля.

Салаи, опешив, уставился на лейтенанта. Затем, так и не выпив, он поставил рюмку на стол.

— Ложь! Откуда вы это взяли?! — спросил инженер хриплым голосом и шагнул к Фельмери. Солнечный свет упал на одутловатое лицо Салаи, сейчас оно показалось Шалго болезненно-зеленым.

— Сожалею, но это правда. И если вам это было неизвестно, тем печальнее. Но при случае вы все же порасспросите об этом свою невесту.

Салаи, ошарашенный ответом, опустился на кровать и тупо уставился в одну точку. Губы его приоткрылись, словно он хотел что-то сказать. Но он так ничего и не произнес, а лишь глотал открытым ртом воздух, как рыба, выброшенная на песок.

— Послушайте, Салаи,— заговорил доброжелательным тоном Фельмери,— мы вас понимаем. И готовы даже не считать ложью или, скажем, попыткой

ввести нас в заблуждение ваше упорное нежелание вспомнить не слишком приятные для вас события. В конце концов, никому не захочется рассказывать о том, как его обманула невеста. Но все дело в том, что господин Меннель убит, и мы ведем расследование по этому делу.

— Убит? — тихо повторил инженер.

— Вы не знали этого?

— Нет.— Темно-карие глаза Салаи по-прежнему были устремлены в одну точку, подбородок был опущен на широкую грудь, руки, сжатые в кулаки, тяжело висели вдоль тела.

Неожиданно в разговор вступил Шалго:

— Каким видом спорта вы занимаетесь, Салаи?

— Никаким. У меня нет на это времени. Я по горло занят своей проклятой работой.

— Я потому спросил, что уж больно у вас развитая мускулатура. А с какой руки вы обычно бьете? С правой или с левой?

Фельмери с интересом следил за вопросами Шалго. «Старик» начал «путать карты»,— подумал он.— Теперь, когда мы уже убедились в том, что Салаи запирается, он решил перейти в наступление. Любопытно, что на это ответит инженер?»

— Бью? — переспросил Салаи, снова пытаясь повторением вопросов выиграть время.

— Да, бьете.

— Я не имею обыкновения драться,— ответил инженер.— Наверное, кто-нибудь вам что-то наговорил на меня. Вот ведь клеветники!

— Беату вы какой рукой ударили по щеке? И за что? Неужели в приливе нежных чувств? Или, может, ей нравится, когда ее бьют? Сомневаюсь... И тем не менее вы ее ударили.— Шалго посмотрел в лицо Салаи; оно опять начало багроветь. Инженер молчал.— Давайте говорить начистоту. По нашим вопросам вы давно уже могли догадаться, что мы знаем о вас немало. Наверно, вы понимаете, что и пришли мы к вам и разговор этот начали не случайно... Когда вам стало известно, что Меннель приехал в Венгрию?

И Салаи понял, что лгать бессмысленно.

— Когда Беа получила письмо от Менеля, я отобрал его и запретил ей встречаться с ним. Мы поссорились, я ударил ее по щеке.

— Вот видите, это уже совсем другое дело. Разумеется, это еще не все.— Шалго вынул носовой платок, отер лоб и, встав с кресла, медленно прошелся по комнате.— А вы когда встретились с Менелем? — спросил он, остановившись у столика.

— Я не встречался с ним! — с отчаянием в голосе воскликнул Салаи.

Шалго как бы машинально взял в руки дневник инженера и со скучающим видом рассеянно стал перелистывать его. Потом поднял глаза на Салаи.

— Где вы находились девятнадцатого и двадцатого июля? — спросил Фельмери.

— Здесь. В Балатонфюреде.

— Вы снова говорите нам неправду, Салаи,— спокойно возразил Шалго, продолжая листать дневник.— Даже в вашем рабочем дневнике записи в эти дни, как я вижу, сделаны не вами. Почему? Может быть, у вас болела рука?.. Не делайте глупостей, Салаи. Многие утверждают, что девятнадцатого вечером видели вас вместе с Менелем в кафе, а позднее вы гуляли с ним по берегу озера. И разговаривали по-французски.

— Уж не меня ли вы подозреваете в убийстве Менеля?

— А откуда вам известно, что его убили? — спросил Фельмери.

— Вы же сами сказали!

— Значит, до этого вы не знали?

— Что вам от меня нужно?! — почти выкрикнул Салаи.— Арестуйте меня! Это в вашей власти. Вы можете сделать со мною все, что вам заблагорассудится.

— Если вы и дальше будете так же глупо себя вести, то не исключено, что вас арестуют,— невозмутимо сказал Шалго.— Послушайте, друг мой, что я вам обо всем этом расскажу. В прошлом году вы познакомились в Италии с Виктором Менелем. Тогда же вы узнали, что ваша невеста стала его любовницей. Вы сначала рассвирепели, но потом почему-то закрыли на это глаза. Вернувшись домой, вы даже не порвали с Беатой. Почему? Более того, вы догово-

рились с Виктором Меинелем, что, когда ои приедет в этом году в Веигрию, вы, так сказать, уступите ему на время девушку.

— Кто иаплел вам всю эту чушь? И вообще что вы обо мие думаете? Я что, альфонс, по-вашему?

— Вот имеино, альфонс! — Шалго заметил, что лицо у Салаи передернулось, а руки сжались в кулаки.— Когда же Беата не пожелала встретиться с господином Меннелем, вы влепили ей пощечииу.

— Я дал ей пощечину как раз за то, что она хотела с ним встретиться.

— Это дешевая отговорка, друг мой. Впрочем, ошибаются и те, кто подозревает вас в убийстве. Меннеля убили не вы. Для этого вы слишком трусливы. К тому же у вас и не было причин для этого. Наоборот, вы были заинтересованы, чтобы Мениель жил как можно дольше и как можно чаще приезжал в Венгрию. А скажите-ка, Салаи, за сколько баикиот вы продали ему свою невесту?

— Ну, вот что, хватит! — произнес угрожающим тоном инженер.

— Может быть, вы думаете, Салаи, что сумеете меня запугать? Зиаете, что я вам скажу, молодой человек? Вы действительио самый обыкновенный альфонс, и вашим иравственным обликом милиция должна заняться по-настоящему. Ведь вами уже интересовались. Что же, друг мой, придется кое-что о вас рассказать.

— И что вы собираетесь рассказать?

— Правду, милейший Геза Салаи. Я скажу, что вы — сутенер, продавший еще в Италии свою иевесту Виктору Меиилелю. Расскажу и о том, за что вы дали пощечину Беате...

«Это метод старого Шалго,— подумал Фельмери.— Сгруппировать факты». Лейтенант смотрел иа стоявшего иеподвижио иижеиера и мысленно представлял себе, что должио сейчас твориться в душе Гезы Салаи. А Шалго навериика исходил из того, что если убийца — Салаи, то ои примет грубые обвинения в сутенерстве, так как лучше предстать перед судом в этом качестве, чем по обвииению в убийстве. Если же Меиисля убил не ои и если в нем есть хоть капля гордости и чувства собственного достоинства, то ои отвергиет предлагаемую ему версию и

постарается реабилитировать себя. Но в этом случае ему придется доказать, что подозрения Шалго беспочвеины. «Старик», коиечно, пошел иа риск,— рассуждал про себя Фельмери,— поскольку, в общем-то, вполие вероятно, что убийца все же не Салаи. Просто любовь к Беате заставила его так низко пасть, и теперь, желая уйти от тюрьмы, он готов прииять даже такие позорные обвииеиия. Шалго очеиь ловко все преподиес, создав иллюзию, будто милиция уже иесколько дней следит за Салаи, подозревая его в убийстве»...

— Прошу вас, выслушайте меия,— пролепетал Салаи.

— Меия ие интересует ваша биография,— резко оборвал его Шалго.— Стыдитесь! Неужели люди, подобиые вам, представляют техиическую иителлигеицию двадцатого века?! Тип мужчииы атомиой эры?! Иижеиер-строитель — и альфоис!

— Прошу вас,— сиова иачал Салаи,— вы должиы меия выслушать. Вы обвиняете меия в отвратительиых делах, и у меия есть право сказать что-то в свое оправдаиие. Поймите же, что я совсем ие такой, каким вам кажусь...

Шалго сделал вид, что его ие очеиь заиимают оправдаиия собеседиика, а Салаи продолжал:

— Я ие альфонс. Единствеиная моя виил — оиа же и моя беда,— что я люблю Беату и ие могу без иее жить. Признаюсь вам, я приехал сюда для того, чтобы встретиться с Мениелем и переговорить с иим. Когда я иашел у Беаты письмо, я отобрал его и запретил ей встречаться с Меннелем. Мы поругались, и я ударил ее по щеке. В тот момент я способеи был даже убить Меинеля. Это правда. Восемиадцатого числа я был в Будапеште. Беату ие застал дома. Мать ее сказала, что оиа уехала иакаиуие вечером. Я был увереи, что она поехала в Эмёд. Я тотчас же сел в машииу...

— Постойте, Салаи,— прервал его Шалго,— разговоры меня мало интересуют. Садитесь сюда к столу и опишите все подробио, с самого иачала. Как вы познакомились с Беатой и ее родителями, что случилось прошлым летом в Италии, что вам известио о Викторе Мениеле... Понятио? Опишите мие подробио все, что произошло, вплоть до сегодияшиего дня. Ясно?

— Можно в этой тетради? — спросил инженер.

— Можно. Приступайте.

Салаи сел к столу.

— Я опишу все. Но только для вас,— произнес он тихим, сдавленным голосом.— Дайте честное слово, что мои признания вы никому не покажете.

— Сначала нужно посмотреть, что́ вы напишете.

Салаи вдруг стал упорствовать.

— Нет. Я ни строчки не напишу до тех пор, пока вы не дадите мне честное слово. Делайте со мною что хотите, меня это мало интересует. Я не намерен выворачивать себя перед каждым наизнанку.

Шалго понял, что Салаи говорит серьезно.

— Хорошо,— сказал он.— Но не забудьте и о Сильвии. Хотелось бы знать, почему она поздравила вас в июле с днем рождения. И как сумела пятнадцатого числа уже отправить открытку, написанную только семнадцатого.

— Не знаю, о чем вы говорите. Клянусь, даже представления никакого не имею...

После обеда полковник Кара решил обсудить с Шалго и майором Балинтом ход событий. Шалго выглядел очень усталым: он мало спал ночью, а утренняя поездка в Балатонфюред утомила его. Сейчас он охотнее всего поспал бы, но Кара настоял на этом разговоре. На веранде было очень душно, и Кара боялся, что, если они сядут там, Шалго тотчас же заснет. Поэтому они прошли в гостиную, где полковник оборудовал себе рабочий кабинет. Лиза заблаговременно опустила жалюзи, и в комнате сейчас было прохладно.

Сначала майор Балинт доложил о том, что успел сделать. Он установил, что в Балатонсемеше, в доме номер два по улице Хуняди, на самом берегу озера действительно есть вилла стоимостью приблизительно миллион форинтов, принадлежащая семье Кюрти. Балинт достал чертежи и рассказал о расположении комнат виллы. Эти пять комнат, несомненно, являются источником немалого дохода для семейства Кюрти, так как уже в течение нескольких лет их сдают типографии «Гутенберг» под пансионат — с ранней весны до поздней осени, получая за это по

сто сорок тысяч форинтов ежегодно. Вилла построена в тридцать седьмом году первым мужем госпожи Кюрти, Деиешем Хаваши. Хаваши, офицер запаса, был призван в армию и погиб в первые же месяцы войны. В военные годы в вилле размещался немецкий штаб. Госпожа Кюрти, тогда еще вдова Денеша Хаваши, летом только наведывалась на виллу, но не жила там. Майор Балинт обследовал все здание, однако никаких следов спрятанного клада не обнаружил.

— Осмотр производился с помощью технических средств? — спросил Кара.

— Разумеется. Мы обыскали также и сад.

— Могу себе представить, какой переполох вызвала там работа бригады Балинта,— улыбнулся Шалго.

— Мы заранее раструбили в поселке, что ищем спрятанные драгоценности... то есть действовали так, как, наверное, действовали бы вы, папаша,— отпарировал Балинт; потом, повернувшись к полковнику Каре, добавил:— Я убежден, что женщина-венгерка, о которой упоминал Хубер, все же мадам Кюрти.

— Возможно,— заметил Кара.— Только это еще надо доказать.

— Мы знаем Беату Кюрти и Тибора Сюча,— решительно заметил Балинт.

— Это твоя идея-фикс, но еще не факт, дорогой мой. И скажу я тебе, Миклош, еще кое-что, чтобы совсем запутать дело...— Шалго достал сигару, закурил и сделал несколько затяжек.— Сегодня утром Геза Салаи признался, что приехал сюда из Балатонфюреда для того, чтобы убить Виктора Менеля...

— Так это же здорово! — воскликнул Балинт.

— Полчаса назад звонил Фельмери и сообщил, что они провели опознание. Салаи был опознан как человек, который вечером девятнадцатого прогуливался с Менелем по берегу. Свидетели твердо, без колебаний заявили, что спутником Менеля был именно он, Геза Салаи... И, несмотря на это, я не рискнул бы утверждать, что Менеля убил Геза Салаи.

— Каким вы вдруг стали осторожным,— с усмешкой заметил Балинт.— Салаи признался, что приехал сюда с целью убить Виктора Менеля. Свидетели

опознали его н показали, что он встретился с Меннелем...

— И о чем же они разговаривалн? — прервав Балинта, задал вопрос полковник Кара.

— Салан просил Меннеля, чтобы тот оставнл в покое его невесту... Впрочем, эту часть его показаний, запнсанных им собственноручно, я захватил с собой.— И Шалго, кряхтя, поднялся с кресла н вышел в другую комнату.

— Это старнк «расколол» Салан? — поинтересовался Балинт.

— Да, он и лейтенант Фельмери,— подтвердил полковник Кара.— Хотя у меня такое ощущение, что Салан не все рассказал. Я не чнтал еще его показаннй, но помню, что ему особенно бояться некого. Меннель уже мертв. Так что Салаи может дать любые показання, какие ему выгоднее. Меннелю их все равно не опровергнуть. Словом, тяжелый случай. Хоть и отыскали «иеизвестиого мужчииу», а в кармане все равно пусто. Где-то, видно, отклоннлись мы от нужного направлення в стороиу... Час назад я говорнл с Фельмерн по телефону. Он сообщил, что Салаи ведет себя все более самоуверенно. Почему? Наверное, потому, что, пока записывал свои показания, он успел поразмыслнть и прийти к выводу, что уличить-то его некому. Говорн что пожелаешь. А следователн пусть доказывают обратное, если смогут.

Шалго вернулся в комнату, н Кара замолчал. А старый детектив подошел к окну, поднял жалюзн и снова сел в свое кресло.

— Так вот послушай,— сказал он, обращаясь к полковнику Каре, листая тетрадь.— Где же у меня это место?.. Ага, вот оно: «Я нашел Меннеля в кафе. Он сндел спнной к входу и не заметил меня. Мне показалось, что он кого-то ожидает. Я решил, что он ждет Беату, подошел к его столику и, ни слова не говоря, сел. Он очень удивился. Потом, желая, виднмо, скрыть свое удивление, принялся шутить. Мы говорили по-французскн. Он заказал коньяк, но сам пнть не стал. Я выпнл и спросил, где моя невеста. Меннель ответил, что я ее женнх, мне и надлежит знать, где она. Но он почувствовал, что нервы мон взвнчены, и тут же попросил меня не устраивать скандала. «Я,— говорнт,— солидный коммерсант н не

желаю впутываться в истории. Пойдемте лучше на берег Балатона, погуляем. Свежий воздух — это то, что вам сейчас нужно. Там и побеседуем спокойно...» Он не позволил мне рассчитаться, заплатил за коньяк сам. Мы пошли на берег. Меннель держался нагловато, и это меня бесило. Он все пытался убедить меня, что их роман с Беатой в Италии в наше время в порядке вещей и не стоит из этого делать трагедию, что Беа любит меня, а ее отношения с ним — только флирт. И еще добавил, что он ничего не добивается от моей невесты, а вот ей он, дескать, нужен. Меня вконец разозлило, что он принимает меня за идиота, и я решил покончить с ним. Однако пляж был неподходящим для этого местом. Меннель же, словно прочитав мои мысли, вдруг заторопился и чуть ли не бегом пустился в гостиницу, оставив меня на берегу. Не могу сказать, сколько я там пробыл, но в бар я вернулся с твердым решением на следующий день убить Меннеля, а затем покончить с собой. Я выпил две стопки коньяку и около полуночи уже был в мотеле. Хочу добавить: я потому не был обнаружен в мотеле, что приплатил администратору двести форинтов и попросил его не регистрировать меня. Я был порядком пьян и утром проснулся поздно. И тут вдруг услышал, что кто-то уже опередил меня...»

Шалго перестал читать и, аккуратно сложив тетрадь, убрал ее в карман. Балинт заметил, что он не до конца зачитал показания Салаи.

— Остальное пока не представляет интереса,— ответил Шалго на его вопрос и, пожевав губами, добавил:— Как видите, Салаи признал, что имел намерение убить Меннеля, но мое предложение: не брать его под стражу. Все равно мы ведь не сможем доказать, что убийство совершил он.

— У него нет алиби,— заметил Балинт.

— А у нас, повторяю, нет доказательств, что убийца — он. Потерпи, Миклош. Крупная рыба рано или поздно все же клюнет, и тогда мы выведем ее на чистую воду. А сейчас, если вы позволите, я пойду и прилягу.

— И правильно сделаешь,— сказал Кара.— Только прежде я тоже кое-что зачитаю вам. Я получил сейчас то самое донесение, которое Хубер отправил

вчера вечером господину Брауну. Есть прямой смысл послушать: «Тело Меннеля оцинкованном гробу вторник отправит авиакомпания «Малев». Доставит транспортная контора «Машпед». Номер рейса...» — ну, дальше уже неинтересно... Кроме, пожалуй, вот этого: «Машина повреждена. Продал. Проект соглашения изучаю. Подпишу следующей неделе. Хубер». А вот что на это ответил Браун: «Машину не продавать. Подписать соглашение. Немедленно вернуться Гамбург. Браун».— Кара протянул текст Оскару Шалго.— Ну, что ты на это скажешь?

— Нужно подумать.— Шалго вынул изо рта сигару, откинулся поудобнее в кресле и устремил взгляд в потолок.— Первое: Браун не собирался вовлекать Хубера в операцию по доставке драгоценностей. Второе: либо он вообще отказался от идеи завладеть ими, либо возложил эту задачу на кого-то другого...

— Но существует и третья вероятность,— задумчиво проговорил Балинт.— Что, если Меннель сам рассказал всю эту историю еще кому-нибудь? Ну, предположим, своему надежному приятелю. А тот незаметно последовал за ним и не выпускал его из своего поля зрения. Нам известно, что по вечерам Меннель садился в машину и уезжал куда-то. Допустим, что во время одной из своих поездок он сумел завладеть драгоценностями. Об этом узнал и его приятель. Он убил Меннеля, захватил драгоценности и валюту и немедленно покинул Венгрию.

Полковник Кара с сосредоточенным лицом расхаживал по комнате.

— Такая версия представляется и мне вполне допустимой,— сказал он.— А ты что думаешь по этому поводу, Оскар?

Однако Шалго, оказывается, уже крепко спал.

Полковник Кара с трудом подавил в себе смех. Он осторожно вынул сигару изо рта у старика, кивнул Балинту, и они оба, стараясь не шуметь, вышли из комнаты.

Шалго проснулся только под вечер. Он вышел на кухню. Лиза подогревала воду. Шалго, позевывая, сел к столу.

— Что делал Матэ сегодня перед обедом? — спросил он.

— Катался на парусной лодке.

— Один?

— Один, сам спускал лодку и домой тоже возвращался один.

— А Хубер?

— Он целый час гулял по саду. Потом спустился к берегу, купался и загорал.

— О чем они говорили за обедом?

— О разном. Обедали они втроем. Бланка оставалась в своей комнате. Сначала вели разговор на профессиональные темы, потом заговорили о политике. Хубер — большой оптимист.— Лиза умолкла на мгновение, о чем-то задумавшись, затем подняла глаза на Шалго.— Скажи, Оскар, ты веришь в то, что убежденный фашист может изменить свои взгляды?

Шалго сидел, опершись локтями на стол, взгляд его был устремлен куда-то вдаль. Его лицо было старым и очень утомленным.

— Видишь ли, Лиза, смешно было бы именно мне утверждать, что я в это не верю... Сказать по совести, я и сейчас, дожив до седых волос, иногда пытаюсь перед самим собой приукрасить свое прошлое. Как хорошо было бы, думаю, поверить в то, что в молодые годы я не работал на венгерских фашистов. И, однако, это было. И тебе, Лиза, это хорошо известно. Меня и поныне мучают угрызения совести, когда вспоминаются годы моей службы в хортистской контрразведке. В такие минуты мною овладевает чувство, что я еще не все сделал, чтобы искупить свою вину. И до сих пор это чувство, если можно так выразиться, пришпоривает меня... Но если я, Шалго, смог измениться, почему же этого не может сделать и другой? Что же касается Хубера... не знаю, что и сказать. Эрнё распорядился вести за Хубером наблюдение, и, мне кажется, правильно распорядился. Когда я призадумался над тем, что сообщил нам Хубер, то пришел к выводу: все эти сведения нам и без него были известны.

— Но откуда он узнал, что ты обнаружил в машине секретную рацию? — спросила Лиза.

— Оттуда, моя радость, что в машине наверняка было какое-то сигнализирующее устройство, которое «извещает» о том, что кто-то чужой прикасался к аппарату. По-видимому, я не заметил этого автоматического сигнализатора. А коль скоро Хубер увидел предупреждающий сигнал, он понял, что мы уже на-

шли передатчик, и, поскольку он малый не дурак, вот он и решил «раскрыть карты». Отрицать, что Меннель был шпионом, уже не имело смысла, так как это логически вытекало из наличия в его машине секретной рации.

— И все же он мог и не передавать машину Меннеля Каре и его людям...

— Допустим, что он не сделал бы этого шага, не предложил бы машину. Но мог ли он быть уверенным, что власти не наложили бы на нее арест? Словом, если Хубер тоже шпион, то, надо признать, действует он очень ловко и играет свою роль великолепно. На первый взгляд кажется, что он сообщил нам важные вещи, а по существу — ничего. Что фирма «Ганза» занимается шпионажем в Венгрии? Так нам это стало ясно, как только мы обнаружили в машине ее представителя рацию... Не исключено, впрочем, что мы ошибаемся и Хубер действительно переменил свои взгляды и искренне хочет нам помочь. Но все это скоро прояснится.

— А мне почему-то кажется,— сказала Лиза, вытирая посуду,— что Хубер искренен.

Шалго закурил сигару и сосредоточенно принялся пускать кольца дыма.

— Не выходит у меня из головы этот обморок Бланки. Почему с ней стало плохо именно в тот момент, когда она увидела Хубера? И еще: откуда Меннель так точно знал условия конкурса? Кажется, он все так подстроил, чтобы обязательно попасть сюда, в Эмёд. И я все время пытаюсь понять, зачем ему это было нужно?

— Фантазируешь ты, Оскар,— проговорила Лиза.— Ну зачем «Ганзе» нужен именно Матэ Табори? Думаю, что ты на ложном пути. По-моему, прежде всего надо найти убийцу... Нужно, чтобы Салаи сказал правду.

— Возможно, ты и права... Помочь тебе?

В дверь заглянул полковник Кара.

— Ну что, старина? Сходим на берег, порыбачим малость? Балинта я отправил в Балатонфюред арестовать Гезу Салаи. Так и ему будет спокойнее, если он окажется в безопасном месте: сатана не дремлет...

Шалго, ничего не ответив, пожал плечами. Кара показал Лизе, как обращаться с телетайпным аппаратом, связывавшим их с Домбаи.

— Если поступит срочное сообщение, дайте нам знать, пожалуйста, мы будем здесь поблизости.

Солнце уже склонялось к горизонту, когда майор Балинт, появившись на берегу, доложил полковнику, что приказ выполнен. Салаи, рассказывал майор, воспринял свой арест как должное и только попросил, чтобы ему разрешили передать служебные дела.

— Я поместил его в одной из комнат поселкового совета и приставил к нему милиционера,— закончил свой доклад Балинт.

— А где Фельмери?

— Пошел к Илонке. Как видно, нравится ему она.

— Ну, хорошо,— сказал полковник Кара.— Можете возвращаться к себе, в Веспрем. Завтра утром встретимся. Донесение, если оно у вас уже написано, занесите ко мне в комнату.

Поблагодарив полковника за разрешение уехать, Балинт полюбопытствовал, почему Шалго сегодня такой неразговорчивый.

— Уж не поссорились ли вы, товарищ полковник?

— Ничего подобного! — весело сказал Кара.— Просто я прогнал его подальше, потому что рыба чует его за километр и не клюет. А где сейчас Хубер?

— У себя в комнате,— ответил Балинт.— Перед тем как идти к вам, я поговорил с ребятами. Трудно им достается. Но, к счастью, пока он их не заметил.

— Послушай, Миклош,— обратился к Балинту Шалго.— Тебе не известна женщина по имени Сильвия, которая наезжала бы сюда из Будапешта?

— Сильвия? — Балинт задумался.— Нет, что-то не припоминаю. А откуда у тебя это имя? — Балинт с любопытством взглянул на старого детектива.

Шалго рассказал ему, какую странную открытку нашел он в номере Салаи.

— И он не сказал вам, что за Сильвия ее прислала?

— Сказал, что, вероятно, кто-то решил его разыграть. Он и понятия не имеет, кто это мог быть.

— А что в открытке? — поинтересовался полковник Кара.

Шалго достал из кармана бумажку н, разглалнв ее на ладонн, прочел:

«По случаю твоего дня рождения
тебе желают здоровья, успеха
твои Бела Эндре, Немеш Мештер, Ласло Дери и я.
Целую, Сильвия».

И дата: «Семнадцатое нюля тысяча девятьсот шестьдесят девятого года».— Окончнв читать, Шалго передал бумажку полковннку Каре.

— Так ты говорншь, что почтовый штемпель на открытке от пятнадцатого числа? — спросил полковник.

— Именно так. Может, это шутка, а может, и зашнфрованное сообщение... Ну, математнк, попробуй ты разгадать загадку.

Кара, покусывая травинку, внимательно нзучал текст на бумажке.

— Снльвия,— проговорил он.— Что это еще за птица?

— Мы пока этого не знаем,— сказал Шалго.

Кара, прищурив глаза н наморщнв лоб, продолжал разглядывать текст.

Фельмери прннял душ, надел свежую сорочку н наглаженные брюки н, сказав Лнзе — на случай, если его станет искать полковннк,— что он ндет к Илонке, отправнлся на вндлу Худаков.

У Илонки уже был гость — Казмер Табори. Инженер сидел на теннстой террасе, беседуя с молодой хозяйкой.

— А я думал, вы одна, скучаете. Прошу извннить, если помешал,— сказал лейтенант.

— Саднтесь, садитесь,— пригласила девушка, показав рукой на плетеное кресло.— Все равно мне уже известны эти ваши прнемчики. Наверное, опять хотнте что-то у меня выуднть?

— В данный момент я не на службе,— возразил Фельмери, усажнваясь в кресло. От его взгляда не ускользнула крнвая усмешка Казмера.

— Вы ведь всегда на службе, всегда на посту,— заметил тот, протягивая лейтенанту пачку сигарет. Онн закурнлн.

— Что верно, то верно,— согласился Фельмерн.— Если работа по душе, трудно провести межу н ска-

зать, когда ты заият службой, а когда отдыхаешь. Взять, к примеру, врачей. Врач — он и ие на работе тоже врач. В любое время суток, везде и всюду. Вот и я, даже на отдыхе все равно остаюсь офицером органов госбезопасиости.

— Интересио, как это человеку приходит в голову там работать? — словно про себя проговорила Илоика.— Хорошенькая профессия: охотник за людьми.

— Н-да, и в «избранном обществе» презираемая профессия,— с иескрываемой горечью подтвердил Фельмери.— Охотник за людьми! Такого определения я, признаться, еще не слыхал.

— Есть и другое: «охотник за черепами»,— проговорил Казмер.— Такое слышали?

— А зиаете, как все получилось? — спокойно продолжал Фельмери.— Мать моя, когда была беремеина мною, увидела какой-то странный сон. Ну, была она женщина темная, непросвещенная. Поэтому наутро отправилась к ближайшей гадалке сои свой истолковать. Посадила ворожея мою мамашу под самое ветвистое дерево и говорит: «Узнай же, дочь моя, правду. Сам сатана иочью навестил тебя и печатью каиновой душу дитяти твоего еще во чреве материнском пометил. Горе-горькое, беда приключилась с тобой, девонька! Родишь ты сына, и будет он солдатом рати сатанинской. Не рабочим человеком, ие врачом, ие адвокатом, даже ие инжеиером по электричеству, каким, к примеру, станет Казмер Табори, а будет твой сын упырем-кровопивцем, охотником за черепами. Через много-много лет повстречается твой сын-кровопивец в местечке Балатонэмёд с одним большим коммунистом, с инженером Казмером Табори. Вот он-то и вырвет сыночка твоего из сатанинских когтей. Товарищ Табори объясиит ему все как есть, почему он по греховной дороге пошел. Докажет ему, что учение о классовой борьбе — это заблуждеиия отдельных людей и что иа самом деле нет никакой классовой борьбы и нет иикаких врагов — ни внешних, ни виутреиних. А Виктор Мениель — уж и подавно иикакой ие иностраииый шпион. Ну, убили его, бедняжку. Что ж тут такого? Сынок твой поблагодарит мудрого иинженера Табори за советы, осудит свои кровавые негуманиые действия, выйдет из рядов рати

сатанинской и, очищенный духовно, подаст заявление в святой союз «хиппи», объединяющий длинноволосых юношей, шлепающих босиком по земле и провозглашающих такую свободу». Вот что, товарищ инженер, приключилось со мною еще до моего появления на свет. Окончил я академию и стал лейтенантом у этих самых «охотников за черепами», а попутно защитил диплом на философском факультете Будапештского университета. Ну а чтобы успешнее «охотиться за иностранцами», изучил немецкий и английский языки. Однако надежд на лучшее не теряю и рассчитываю когда-нибудь тоже стать великим гуманистом вроде вас.

Фельмери замолчал, Казмер был явно смущен, Илонка же с невозмутимым видом полировала пилочкой ногти.

— Мне кажется, вы меня неправильно поняли,— в конце концов нарушил явно затянувшуюся паузу Казмер Табори.— Вы слишком обидчивы, лейтенант, и склонны гиперболизировать.

— Понял я вас правильно. И мне хорошо известно, что вы о нас думаете.

— Скажу честно, работа ваша мне не по нутру. Не люблю я ни тайн, ни секретов. Не люблю, когда следят за каждым моим шагом...

— Вот вы дожили почти до тридцати лет. И скажите: за вами хоть раз кто-нибудь следил? Никто. А если сейчас вы под наблюдением, что ж тут удивительного? Совершено убийство, а вы были в ссоре с убитым; в час, когда произошло убийство, вы неизвестно где находились...

— Мне известно. Я был в Будапеште. Только вы мне не верите.

— Не верим, потому что вы говорите неправду. И, естественно, этим вы навлекаете на себя подозрение.

Казмер молча посмотрел на Илонку, та потупила голову. Фельмери показалось, что она избегает взгляда Табори. Но почему?

— У меня не было никаких причин убивать Меннеля,— примирительным тоном сказал Казмер, доставая сигарету.

— Причину можно всегда найти,— возразил лейтенант.— Сначала нужно разобраться в фактах. Вы сами признались, что Меннель был вам антипатичен.

— Вы тоже не внушаете мне симпатии, однако я не собираюсь вас убивать.

— А если бы, скажем, я стал приставать к Илонке Худак?

— Тогда бы я и вам влепил оплеуху.— Казмер с вызовом посмотрел на лейтенанта.

— Вот видите! Значит, вы ревнивы,— заметил лейтенант.— Вы влюблены в Илонку. Не отказывайтесь, это может ее обидеть.

— Вы пришли сюда поразвлечься? — враждебно спросил инженер.

— Нет, я просто хотел бы установить: влюблены вы в Илонку или нет. Если вы действительно влюблены в нее, значит, вы могли совершить преступление из ревности. Итак, мы предположили: Табори влюблен. Как же в этом случае могли развертываться события? А вот как. В тот день вы ищете Илонку и не находите. Меннеля тоже. На рассвете Илонка возвращается домой. Кстати, это доказанный факт, а не чистое предположение. Вы упрекаете Илонку, и она признается в своей вине. Затем вы возвращаетесь к себе. Меннеля уже нет дома. Вы с террасы в бинокль обнаруживаете, что он на озере, причаливает к мысу у трех ив. Вы мчитесь через сад, никем не замеченный, туда. Возникает ссора, драка. Вы убиваете Меннеля. Тело его кладете в лодку, отъезжаете достаточно далеко от берега, бросаете труп в воду, а сами вплавь добираетесь до берега. Вам везет, вас и на этот раз никто не видит. Вы пробираетесь незаметно к себе, переодеваетесь и уходите из дому. Придумываете легенду о поездке в Будапешт и довольно ловко ее потом преподносите. Ну, что вы скажете о такой версии?

Казмер встал, потянулся, поглядел на залитый солнечным светом сад, затем, повернувшись к лейтенанту, небрежно обронил:

— Скажу, что вы слишком увлекаетесь романами Йокаи *.

— Возможно,— не стал возражать Фельмери.

Позднее, уже сидя в кафе отеля, Фельмери еще раз перебрал в уме весь этот разговор. «Может быть, мои доводы только с виду логичны?» — думал он.

---

* Имеются в виду авантюрно-приключенческие романы Мора Йокаи (1825—1904), известного венгерского писателя-романиста.

В просторном, со вкусом обставленном зале было сравнительно малолюдно.

Развернув вечернюю газету, Фельмери начал было читать хронику, как вдруг кто-то опустился рядом с ним на стул и очень знакомый голос спросил:

— Не помешаю?

— Ну что вы! — не скрывая своей радости, воскликнул лейтенант, хотя едва ли и сам мог объяснить, чему он, собственно, радуется.

Илонка была в кремово-желтой мини-юбочке и голубой батистовой блузке с коротким рукавом. Взгляд у девушки был мрачный, что, как ни странно, делало еще более неотразимым ее красивое лицо.

— Я отниму у вас всего несколько минут,— с плохо скрываемым беспокойством сказала она и оглянулась на дверь кафе.

— Вы кого-нибудь ждете? — спросил Фельмери.

— Нет, никого. Только с вами хотела поговорить.

Белокурая официантка поставила на стол кофе, заговорщически улыбаясь лейтенанту. Но, когда она неторопливо двинулась дальше, Илонка остановила ее:

— Погоди, Эви, я сразу же и рассчитаюсь.

Фельмери положил руку на локоть Илонки.

— Если позволите, это сделаю я. Сколько с меня, девушка?

Фельмери расплатился, а когда официантка ушла, спросил:

— Что случилось, Илонка?

Девушка задумчиво помешивала ложечкой кофе, казалось, она не отваживалась поднять на лейтенанта взгляд.

— Очень хотелось бы, чтобы вы поверили моим словам,— наконец сказала она.

— Я верю.

— Казмер не убивал Меннеля, поверьте!

— А кто же?

— Не знаю.

— Вы любите Казмера?

— Да.— Она подняла на лейтенанта глаза, полные слез.— Да, но об этом никто не знает. Даже тетя Лиза. Только мой дедушка. И теперь еще вы. Мы любим друг друга, и я принадлежу ему. Я ведь могу вам довериться?

— Вполне,— просто сказал Фельмери.— Вы уже давно встречаетесь?

— С прошлого лета.— Она смахнула слезинки с глаз.— Но я хочу вам сказать... В тот вечер... Ну, словом, накануне смерти Меннеля я его встретила, этого немца. Совершенно случайно. Я ждала Казмера. Казмер предложил мне после ужина поехать на машине в Веспрем. Дома он сказал, что едет в Будапешт. А в Веспреме живет один его приятель. Врач. Обычно мы у него на квартире и встречались. Но я сказала Казмеру, что поеду с ним только в том случае, если мы сначала зайдем к его матери и он объявит ей, что любит меня и хочет на мне жениться. Казмер возражал, говорил, что не может этого сделать, что так мы только все испортим... Стал уверять, что еще до своего отъезда он расскажет матери обо всем... Тогда я сказала, что подождем и с поездкой в Веспрем. Мы поссорились. Он назвал меня шантажисткой и сказал, что я только потому сошлась с ним, чтобы потом навязать себя ему в жены. Я понимала, что он выпил лишнего и несет околесицу, но все равно его слова были для меня оскорбительны, и я тоже не осталась в долгу. Не помню уж всего, что я ему тогда наговорила, знаю только, что сказала: «Если я захочу стать шлюхой, то заведу себе кого-нибудь побогаче. И с меня хватит. Я доказала свою любовь, а ты целый год только и пичкаешь меня одними обещаниями». Казмер в ответ начал попрекать меня моей поездкой в Польшу. Дескать, там у меня был кто-то. «Ну, с меня довольно!» — вскипела я, встала и ушла. Побежала к озеру, на причал. Он за мной. Кричал мне вслед, чтоб я остановилась. Но я не слушала. Мне действительно все это уже надоело. И тут на лодочной пристани я вдруг встретила Меннеля, он садился в свой «мерседес». Этот хлыщ с одного взгляда понял, что у меня что-то стряслось, и сочувственно спросил: «Что с вами?» А я, как дурочка, разревелась. Я понимала, что Казмер все это видит: и причал и набережная были хорошо освещены. И, зная это, я готова была даже без приглашения сама сесть в машину Меннеля. Назло Казмеру! Меннель спросил: куда? Я сказала, что мне все равно. Поехали в Шиофок. По дороге мы почти не разговаривали. Немец мчался как угорелый. А я была

в страшном расстройстве! Мне казалось, что Казмер обманул меня, обольстил и бросил. Чего ж мне теперь заботиться о чести, о порядочности? Мы остановились у какого-то ночного бара. Там мы пили и танцевали. Уже далеко за полночь поехали обратно в Эмёд. Я много выпила и была пьяна. Правда, помню я почти все хорошо. Меннель уже не мчался, ехал не спеша, спокойно. В одном пустынном месте остановил машину, начал обнимать меня, целовать. Я не сопротивлялась. Но когда он стал настойчивее, я наотрез отказалась, заявив, что любовь в машине не признаю. Он понял, что ничего не добьется, и мы поехали дальше. По дороге, где-то в Фюреде, мы еще раз остановились. Меннель вышел из машины, сказав, что вернется через несколько минут и чтобы я не боялась...

— Вы помните это место? — быстро спросил Фельмерн.

— Я уж и сама ломала потом над этим голову,— призналась девушка.— Кажется мне, что это было неподалеку от кардиологического санатория. Но я не уверена. Я была очень усталой и хотела спать. Меннель ушел, а я, чтобы не заснуть, включила радио и стала слушать музыку. Но все равно задремала.

— Вы не видели, в какую сторону пошел Меннель?

— К какому-то дому. Но в общем-то, было темно, да и не смотрела я за ним. Потом я пробовала воскресить в памяти, представить себе мысленно то место. Я точно запомнила, что улица слегка поднималась в гору и где-то вдали горел красный свет. Может, это был подфарник машины. Может, строители обозначили красной лампочкой какую-нибудь яму. Я потому хорошо это помню, что тогда подумала: не повесить ли мне теперь у себя дома над окном тоже красный фонарь?..

Потом вернулся Меннель, не знаю уж, через сколько минут. Сказал, что все о'кей и можно ехать. И словно совсем уже протрезвел. Вел себя вполне прилично, говорил, что ему поскорее нужно лечь спать, так как рано утром у него важное деловое свидание.

— Больше он ничего не говорил?

— Об этом — нет.

— О чем же вы еще говорили?

— О Казмере. Ои сам иачал.— Илоика уже успокоилась, миновав самое трудиое в своем рассказе. Пальцы у нее не дрожали, ложечка ие стучала о чашку. Взгляд был ясиый и рассудительиый.— Я попробую вспомнить поточиее. Он сожалел о том, что произошло между ними дием на пляже, говорил, что высокого мнения о Казмере, хотел бы даже подружиться с ним, и досадовал, что потерял иад собой контроль. «Но,— уверял он,— вы одна тому причиной. В вас есть что-то особеииое, что мгновенно зажигает мужчину».

«Странио,— думал Фельмери, слушая рассказ Илонки Худак.— Сколько здесь противоречий! Меннель уважает Казмера, хочет подружиться с иим, ио при первой же возможности начинает дразнить, провоцировать его на скандал. Затем, сожалея о случившемся, на глазах Казмера увозит Илоику, спаивает ее, пытается чуть ли не овладеть ею, ио, вернувшись в машину после отлучки в Фюреде, сиова стаиовится джеитльмеиом и превозносит Казмера, хотя только что хотел соблазнить его возлюбленную. И Илоика тоже хороша!»

— ...Мениель попросил меия помирить его с Казмером и объяснить, что приехал он сюда с добрыми намерениями, по-хорошему хотел бы и уехать отсюда. Поэтому он предложил на следующий деиь втроем пообедать в ресторaие гостиницы. А у меия попросил прощения за глупое поведение иочью и без конца благодарил за то, что я «ие потеряла головы в критический момеит».— Илонка криво усмехиулась.— Ничего себе «ие потеряла головы», вела себя, как последняя шлюха.

— Вы же только что сказали, что между вами иичего не было.

— Сказала. Коиечио, сказала. И всегда буду так говорить. Потому что хочу верить, что действительно иичего ие было. Хотя, по правде говоря, я и сама не знаю. Не помию — ведь я же была очень пьяна. Меня до сих пор мутит, стоит мие только вспомиить себя в ту иочь... Меннель до дому меня не довез. Я не хотела, чтобы в поселке иас с иим видели вместе. Уже начинало светать. На перекрестке шоссе и окружиой автострады я вышла из машины. Пообеща-

ла, что в полдень мы снова встретимся. Вернулась домой. Дедушки не было.

— Но ведь...

— Я соврала, когда меня спрашивали. Сказала, будто дед был дома и отхлестал меня по щекам. Я упросила его подтвердить это, если спросит следователь. И в саду я увидела не дедушку, а Казмера. Он сидел там всю ночь, меня дожидался. Он был ужасен. Ни слова не говоря, подошел ко мне и надавал мне пощечин. А я, я... даже не защищалась. Понимала, что он прав, что такое обращение я вполне заслужила. Потом я заперлась в ванной и оттирала себя мочалкой чуть не до крови, словно только что окунулась с головой в выгребную яму. Когда, немного успокоившись, я снова встретилась с Казмером, он спросил меня, где я была. Я рассказала ему все, кроме того, конечно, что произошло в машине.

— И он поверил?

— Не знаю. Наверное, поверил, потому что даже прощения просил. Заверял, что любит, и снова умолял потерпеть еще немного, подождать. Ушел он от нас часов в семь утра — через заднюю калитку. Я спросила его: куда? Он ответил, что пойдет за машиной — она стояла у него внизу, возле площадки для гольфа,— и что домой вернется чуть позже, так как сказал матери, что уедет в Будапешт. Это он специально мне напомнил, чтобы я как-нибудь случайно не проговорилась.

Фельмери взглянул на девушку. В глазах Илонки он прочел мольбу, просьбу верить ей, верить тому, что она говорит правду и что это не Казмер убил Мейнеля.

— Вы сказали Казмеру и про то, что у Мейнеля утром какое-то свидание? — спросил лейтенант.

— Да. И что он пригласил нас, меня и Казмера, пообедать с ним.

— Казмер согласился?

— Нет. Он сказал, что видеть не хочет его противной рожи.

— Понятно. А зачем вы все это рассказали мне?

— Должна же я была кому-то это рассказать? Мы с вами почти ровесники, и вы скорее поймете мое душевное состояние, чем, скажем, дядя Шалго. Или ваш шеф. Как я хотела бы, чтобы вам удалось пой-

мать убнйцу. Тогда у полковннка отпалн бы всякие подозрения в отношенин Казмера.

— А если все-таки Казмер убнл Меннеля? Вы сказалн, что от вас он ушел около семн. Где же он был до десятн часов? Почему он умалчнвает об этом?

Илонка устремнла взор в пространство.

— Не зиаю,— сказала она тнхо.— Насчет Будапешта он потому соврал, что не хотел, чтобы мать...

— Узнала правду!

— Наверное,— вставая, сказала Илонка.— Мне нужно идтн... Я могу быть уверена в вас?

Фельмерн кнвнул головой. Настроенне у него нспортнлось. По существу, ои угодил в ловушку: узнал столько интересных обстоятельств дела, но совершнл неосмотрнтельный шаг, дав Илонке слово молчать. Не говорить о иих даже начальннку. А нмеет лн он на это право? Наверное, нет. Нельзя было давать ей такого обещания!

Подняв голову, он увндел входящего в кафе Шалго. Удивнтельно ловко лавнруя между столнками, тот направился к нему.

— Кара нщет вас повсюду,— негромко сказал Шалго.— Куда вы запропастнлнсь?

— Шеф проснл передать мне что-инбудь?

— Вам велено быть в десять часов в ресторане,— ответнл Шалго.— Он желает с вамн отужннать. Надеюсь, иа вечер у вас больше не иазиачено ннкакнх «деловых встреч»?

— Увы, я невезучий. Да н с кем?

Толстяк подмигнул лейтенанту н сказал доверительным тоиом:

— Ну, скажем, с Илонкой? Как мне показалось, кое-кого весьма поглотнла беседа с нею. Премиленькое существо. Не правда лн?

— Правда. Но только я не в ее вкусе.

— Она сказала?

— Да. Счнтает меня «охотннком за черепамн». И работа моя ей ие иравится.— Фельмерн броснл взгляд на часы.— Вы тоже пнрглашены на ужин?

— Нет, молодой человек. Я сегодня ужннаю в другом обществе.

Со стороны бара до ннх донесся громкнй мужской смех. Шалго повернулся н долго разглядывал смеющихся. Это былн высокий плечнстый черноволосый

мужчина и рыжий коротышка с фотоаппаратом. Сейчас они затеяли шутливый разговор с белокурой Эвочкой и официаитом. Но вот Эва подхватила подиос и подошла к столику Фельмери.

— Кто эти бравые молодцы? — иегромко спросил у нее Шалго.

— Журналисты,— ставя иа стол рюмку коньяку, ответила официаитка.— Сегодия прибыли из Вены.

— Остановились в отеле?

— Не думаю. Янчи позиакомил их с дядей Рустемом, и тот или уже достал, или обещал достать им комиату. А меня они прямо замучили расспросами. Убийством тем иитересуются.

По тому, как у старого детектива по лбу вдруг побежали морщиины, отчего лицо его стало сразу сосредоточенным, Фельмери понял, что ему ие понравилось усердие рыжего официаита Яичи.

— Спасибо, доченька,— поблагодарил Шалго, рассчитался за коньяк, потом сказал девушке:— Клаияйся от меня отцу.

Не успела блондинка упорхнуть, как у стола появился медиоволосый Янчи с двумя стакаиами виски.

— Вы заказывали, молодой человек? — спросил Шалго у лейтеианта.

Фельмери покачал головой и с недоумеиием посмотрел на фамильярно осклабившегося официанта. У Яичи было бледиое, нездоровое лицо с ввалившимися щеками.

— Это вам посылают те два господиия, что сидят у бара,— поясиил Яичи.

— Кому «вам»? — Взгляд Шалго вдруг сделался на редкость цепким и колючим.

— Ну, вам. Сказали, веиские журналисты желают, мол, угостить господ следователей. Оии зиают, что вы тут разматываете то мокрое дело. Классиые парни. Можио поставить?

— Можно. Только ие сюда,— сказал Шалго.— А туда, откуда приiес.

— С чего это вы так? — удивился официант.— Оии же с добром к вам!

— Давай, милый, давай! И побыстрее. Пока пиика не заработал.

Покрасиев от обиды как рак, рыжеволосый гоиец метиул полиый презрения взгляд иа Шалго и, видио,

что-то хотел сказать в ответ, но передумал и молча удалился. Там, у бара он что-то сердито выкрикнул черноволосому здоровяку, тот посовещался немного со своим другом-коротышкой и, глуповато ухмыляясь и покачивая головой, сам двинулся в путь, к столику Шалго и Фельмери.

Разумеется, никто из остальных посетителей кафе ничего не заметил, к тому же в таком шуме трудно было расслышать хоть слово из разговора Шалго с официантом.

Плечистый мужчина еще издали начал учтиво кланяться, а подойдя поближе, заговорил:

— Verzeihen Sie, mein Name ist Walter Herzeg. Ich bin der Vertreter von Reuter, aus Wien. Darf ich Ihnen, Herr Professor Salgó, meinen Freund, Rudi Jellinek vorstellen?

— Bitte, womit kann ich dienen? *

— Можно нам присесть на минутку к вашему столу? — продолжал по-немецки черноволосый. Фельмери пришлось напрячь слух, чтобы понять Вальтера Герцега, говорившего на венском диалекте. Шалго кивнул и отодвинулся вместе со стулом чуть в сторону, давая место незваным гостям.— Произошло досадное недоразумение,— тараторил Герцег.— Мы попросили официанта узнать, можем ли пригласить вас выпить с нами по стаканчику. А он не понял нас и поперся с этими дурацкими стаканами сюда. Разделяю ваше возмущение, профессор! Еще раз извините нас, пожалуйста. Вы нас прощаете, профессор?

— Хорошо,— кивнул Шалго.— Угодно еще что-нибудь?

— Насколько нам известно, вы руководите следствием по делу об убийстве господина Мениеля. Нам хотелось бы задать вам с связи с этим несколько вопросов.

— Вы ошибаетесь. Руководит следствием товарищ лейтенант. Я же только помогаю ему.

— Да, но нас информировали, что...

— Вы пользуетесь ненадежными источниками, господа. А вообще, я каждую среду устраиваю пресс-

* — Прошу прощения. Вальтер Герцег, венский корреспондент агентства Рейтер. Разрешите, господин профессор Шалго, представить вам моего друга Руди Еллинека?
— Пожалуйста, чем могу служить? (*Нем.*)

конференции. В двенадцать часов. Сегодня же воскресенье.— Шалго поднялся из-за стола.— Извините, господа.— Заметив, что Руди Еллинек взялся за фотоаппарат, Шалго с улыбкой посоветовал:— На вашем месте я бы воздержался...

Еллинек удивленно посмотрел на него.

— Я — военный объект,— пояснил Шалго.— У вас могут быть осложнения с властями. Прощайте, господа.

Он повернулся и, тяжело ступая, медленно пошел к выходу.

VIII

Оскар Шалго ужинал в этот вечер в ресторане в обществе Тибора Сюча. Музыканты — все в синих шелковых жилетах с множеством блестящих побрякушек — старались изо всех сил, желая повергнуть гостей в изумление виртуозным исполнением венгерских народных мелодий.

— Скажите, Тибор, вы не станете возражать, если я буду так, запросто, обращаться к вам? — спросил Шалго, пристально всматриваясь в лицо своего собеседника.— Как вы себе представляете свое будущее? — продолжал Шалго.— Почему я вас об этом спрашиваю? Потому что хорошее у вас было в свое время призвание! Вы, молодой человек, были врачом. Исцеляли людей! Не могу поверить, чтобы вы навсегда отвернулись от своего призвания!..

— Говорите, будущее? — переспросил Сюч. Достав из мельхиорового стаканчика деревянную зубочистку, он принялся машинально ковырять ею цветастую скатерть.— Когда-то я играл в эту занятную игру — загадывать будущее. Как в кубики. С утра до вечера только и слышал: «Учись, сынок, учись. Теперь будущее в наших руках». Все тогда так говорили. И мой старик тоже. Он у меня аптекарем был, а в свое время врачом мечтал стать. Не его вина, что до врача он так и не дошел. На аптекаре остановился. Наверняка думал: «Ничего, зато мой сын далеко пойдет». Господи, если бы вам сейчас рассказать, как бился отец за эту свою мечту! Никогда не занимался он политикой, а тут решил вступить в

коммунистическую партию. Не побоялся! Хотя и знал, что проклянут его за это родные братья и сестры. Для чего вступал? Только ради того, чтобы мне с моим мелкобуржуазным происхождением не было препон для поступления в институт. Партия, конечно, от его членства мало что выиграла. Но и отцу не пришлось краснеть перед партией после разгрома мятежа в пятьдесят шестом. Он, не в пример иным нынешним краснобаям, не порвал и не сжег свой партбилет. А между прочим, в то время я, его родной сынок, сидел за решеткой!..

— А в самом деле, почему вы не сбежали за границу во время мятежа?

— Мог. Вполне. Но скажи я вам — не поверите!

— Отчего же? Может, и поверю.

— Из-за отца.— Зубочистка продолжала выписывать на скатерти какие-то незримые письмена, а на морщинистом лице Тибора застыла горестная улыбка.— Мятежники выпустили из тюрем всех уголовников. В том числе и меня. Сказали: «Благодари нас, дружок, вот тебе оружие, давай вставай на баррикаду». А я — нет! Я пошел домой. Отец мне твердил: «Не забудь, что ты преступник, но мы не контрреволюционеры. Никакого отношения к этой заварухе не имеем!» Ну, когда мятеж подавили, спрашиваю я у отца: «Что мне теперь делать? Ведь мне еще четыре с половиной года осталось отсидеть! И даже после отбытия наказания еще целых три года я не смогу работать врачом. А граница пока еще открыта...» «Верно,— говорит отец,— если не хочешь больше увидеть меня в живых, беги». И я остался.

— Вы так говорите, Тибор, словно хлебнули натощак стаканчик настойки горькой полыни,— сказал Шалго.— Конечно, от жизни вам досталось вдоволь и пинков и ударов...

— Не утешайте. Нет нужды. Сыт по горло. К тому же я не жалуюсь. Больших амбиций у меня нет. Желаний, грез — тоже. У меня есть работа, есть квартира, машина! Есть любовница. И не хочу я помощи ни от кого! Не хочу, чтобы меня «понимали» или жалели. Что имею, то мое. И еще одно: не хочу, чтобы за меня платили в ресторане.

«Н-да,— думал Шалго,— этот Тибор орешек потверже, чем я предполагал. И пессимизм его, может

быть, н истинный, а может, только пыль одна, для маскнровки мыслей и намереннй. Если так, то у него это ловко получается».

— Я поннмаю,— начал было Шалго, но Тнбор махнул небрежно рукой.

— Не нужно. Не прошу ничьего поннмання. Лучше давайте начнстоту — чего вы от меня хотите?

Шалго как-то странно усмехнулся:

— Я хотел бы попроснть вас о помощн. Но после всего того, что услышал, смешно было бы об этом н заговарнвать.

— Что вы нмели в виду? — спроснл Сюч, н в его глубоко запрятанных глазах блеснуло любопытство. Он подлнл в бокалы внна.— Так что же?

— За годы тюрьмы вам довелось узнать многнх. И хорошо узнать, что представляет собою преступник. Так вот, Внктор Меннель тоже был преступнnком. Это точно. В Венгрию он прнехал не только затем, чтобы делать бнзнес. В основном чтобы установнть связь с агентурой.

— С агентурой? — удивленно переспроснл Сюч.— С какой еще агентурой?

— Внктор Меннель был разведчнком, шпноном.

— Перестаньте шутнть. У вас все получается, как в детектнвном романе.

— Возможно. Но то, что я сказал,— установленный факт. И государственная тайна, естественно. Знаю, что вас об этом не надо предупреждать. Просто я напомннл на всякнй случай. В тюрьме вам, вероятно, доводилось встречать н осужденных за шпнонаж.

— Доводнлось. Довольно жалкне людншкн.

— Внктор Меннель был не нз жалкнх. Мы нщем сейчас не только убнйцу Меннеля, но н его агентов. В этом вы и моглн бы нам помочь. Впрочем, теперь я внжу, что моя просьба смешна.

— Понятно. А еслн я соглашусь, что вы ответнте мне на это?

— Что ваше решение протнворечнт логнке н пснхологнческн необъясннмо. Почему бы вы вдруг стали нам помогать?

— Да уж, конечно, не потому, что я в восторге от вас,— после долгого молчания ответил Сюч.— И не потому, что грудь мою распирают чувства социалн-

стического патрнотнзма. Но логические и психологические осиоваиия для этого есть. Если то, что вы сказали о Мениеле,— правда, то верио и то, о чем вы ие сказали.

— Не поинимаю, что именно?

— Если Мениель был шпноном, значнт, все, кто был с иим связан, могут отныне тоже подозреваться в шпиоиаже. Беа, Геза Салаи и ваш покорный слуга. А это, мягко выражаясь, иепрнятно. Один тип в тюрьме — не помню уж, чей он там был шпнон,— сказал мие как-то: «Самое неприятиое в такнх делах, что за человеком потом всю жизнь следят». Так вот, я не желаю, чтобы за мной следнли. Ииаче говоря, не хочу числиться подозреваемым в шпиоиаже. Что же мне остается в таком случае делать? Прнннять ваше предложеине, поскольку я хочу жить спокойио.

— Одннм словом, вы согласны иам помочь?

Тнбор Сюч выпил одиим духом бокал внна и налил еще.

— Вы, старниа, опасиый хищник,— откровенно сказал ои.— И вы зиали, как загнать меня в угол. Так что бросьте разыгрывать доброго дедушку, угощающего деток коифеткамн. Говорите со миой иапрямик, как со взрослым человеком. Не считайте меня деревеиским простофилей.

«Это уж точно! — подумал Шалго, закурнвая новую сигару,— к иим тебя иикак ие отиесешь».

Прошло еще два дня, и полковннк Кара вынуждеи был прнзнать, что следствие нисколько не продвннулось вперед. Все, что заслуживало виимания, было вннмательно изучеио, проаиалнзироваио, но иикакого ощутнмого результата это ие дало, появилнсь только иовые, противоречивые версии. Областная прокуратура продлнла иа семьдесят два часа санкцию на содержаиие Гезы Салаи под арестом. Инженера еще в воскресенье отправили в Веспрем, ио и там иа всех допросах ои повторял одио и то же: да, в прошлом году в Лнворно он позиакомился с Внктором Мениелем, но ннчего ие зиал о его шпионской деятельиостн. Попыткн «поймать» ниженера иа протнворечнях оказались безуспешиыми, так как Салаи, в общем-то, рассказывал одио и то же, ие счнтая иезиачительиых

отклонений, которые как раз убеждали в том, что он не повторял заранее заученную версию. Показания Беаты тоже в основном совпадали с тем, что говорил ее жених. Салаи же признал, что встречался с Меннелем, намеревался его убить, но девятнадцатого вечером, возвратившись с прогулки по набережной, он «хватил лишнего» в баре и рано заснул; наутро же ему сказали, что Меннеля уже нет в живых. Беата, узнав, что ее жениха арестовали, сначала как-то сникла, растерялась, однако вскоре взяла себя в руки и заявила, что Салаи больше ей не жених, правда, не потому, что он арестован, а потому, что она любит Тибора. И добавила, что хотя многое и говорит против Салаи, но инженер неповинен в убийстве. Она готова дать голову на отсечение. Эта убежденность Беаты Кюрти навела Шалго на мысль, что она знает о Салаи что-то такое, что наверняка доказало бы его алиби, хотя он и собирался убить Меннеля. Но что именно она знает?

Беата заявила, что после всего происшедшего они с Тибором остаются в Эмёде, несмотря на то, что им уже разрешили ехать куда угодно. Впрочем, майор Балинт не был согласен с таким решением полковника Кары и на всякий случай приказал своим работникам держать Беату и Тибора под наблюдением. И хотя эта мера пока не давала никаких результатов, Балинт упорно стоял на своем: Шалго заблуждается, считая Беату и Тибора не причастными к преступлению.

Полковника Кару настораживало дерзкое, даже циничное поведение Казмера, и в то же время он заметил, что порой молодой инженер впадал в непонятную нервозность. Полковник не верил. что в то время, когда было совершено убийство, Казмер, по его словам, находился в пути между Будапештом и Эмёдом. Связавшись с Домбаи, Кара попросил его поговорить с Кальманом Борши. Ученый наверняка знает Казмера Табори и, может быть, расскажет о нем что-нибудь важное. Борши хорошо отозвался о Казмере, сказал, что тот подает надежды стать настоящим ученым, и добавил, что считает подозрения полковника Кары необоснованными.

А вот Фельмери чувствовал себя хуже всех: ведь он дал Илонке обещание молчать. «А разве я имею

право молчать в таком важном деле? — думал он.— Получается, что я укрываю преступника...» Но тут перед ним возникало полное отчаяния лицо девушки, и ему начинало казаться, что он слышит ее слова: «Я верю вам и надеюсь, что вы не станете злоупотреблять моей искренностью...» И Фельмери видел для себя один только выход: как можно скорее найти убийцу. Снова и снова перебирая в памяти события, он вдруг пришел к выводу, что в показаниях допрашиваемых есть большие несоответствия. Как могло, например, случиться, что девятнадцатого июля вечером никто не видел Илонку и Казмера в ресторане, хотя девушка утверждает, что они там ужинали и там же за ужином поссорились, после чего она выбежала из ресторана и у мола случайно встретилась с Мениелем. Если это так, то Илонку и машину Мениеля должен был бы увидеть Салаи. И самое главное: куда направился Казмер из сада Худаков утром двадцатого июля?.. На эти вопросы лейтенант, как ни старался, не мог получить ответа. А Хубер! За ним ведется постоянное наблюдение, но пока ничего подозрительного не замечено. Известно, что он не выполнил указания Брауна и не вернулся в ФРГ, что подписание протоколов и соглашения по различным причинам затягивается. Хубер рано утром выходит на берег, проплывает несколько сот метров, потом загорает на пляже и не спеша часам к десяти возвращается в гостиницу; по дороге он покупает газеты, завтракает в ресторане, а потом запирается у себя в комнате. В понедельник он выезжал в Балатонфюред, но там ни с кем не встречался...

И пожалуй, один только Оскар Шалго оставался спокойным. Но он своих соображений вслух не высказывал. Да полковник Кара и не расспрашивал его, зная по опыту: раз Шалго молчит, значит, он ломает голову над решением какой-то загадки. Иногда, впрочем, старик исчезал куда-то на несколько часов.

В среду утром, когда Шалго зашел на почту узнать, нет ли на его имя письма, Гизи передала ему конверт, щедро оклеенный марками. Шалго поблагодарил, напялил на голову соломенную шляпу и вышел из здания почты. Около автобусной остановки он заметил в тенистом сквере пустующую скамейку.

Усевшись поудобнее, он закурил сигару и с явным нетерпением вскрыл конверт. Однако едва он пробежал глазами напечатанное на машинке письмо, на лице у него появилось выражение разочарования.

Друг Лизы, один из польских членов Общества по розыску скрывающихся военных преступников и фашистов, сообщал ему, что Вальтер Герцег и Руди Еллинек — корреспонденты венского отделения телеграфного агентства Рейтер. В настоящее время оба находятся в Венгрии. В картотеке общества ни тот, ни другой не значатся. «Что же, неудача»,— проворчал Шалго себе под нос и сунул письмо в карман. Он ожидал чего-то большего. Все это утро Шалго был прескверно настроен. Дома Лиза тоже сказала, что ничего примечательного не произошло, у Табори все тихо, Бланка неважно себя чувствует и явно избегает с ней встречи, сам же Табори сидит в кабинете и работает над своей книгой.

Шалго сел в кресло на террасе, начал было просматривать газеты, но уже несколько минут спустя задремал.

Около полудня из Веспрема вернулись полковник Кара и майор Балинт. Они подсели к проснувшемуся Шалго. Балинт сходил на кухню за вином и наполнил стаканы.

— Холодное,— проговорил Кара, вытирая платком пот с лица.— А что слышно о нашем друге Хубере? — спросил он Балинта.

— Сотрудники наблюдения неослабно следят за ним,— ответил майор.— В восемь часов десять минут он выехал в Фюред, но и на этот раз ни с кем не встречался.

— Потому что догадывается, что за ним следят,— равнодушно заметил Шалго.

— За ним ведут наблюдение умелые ребята,— возразил Балинт и разбавил остаток вина в стакане содовой водой.

— Такие же умелые, что следят и за мной? — спросил Шалго.— Или, может быть, за мной наблюдают менее ловкие и опытные твои работники?

Балинт смущенно посмотрел на Шалго.

— За тобой? — удивленно переспросил Кара.— А когда следили за тобой люди Балинта?

— Вчера,— ответил старик и стал массировать больную ногу.

— Вчера, насколько мне известно, ты был в Балатонфюреде.

— Тебе это точно известно. А вот Миклоша, по-видимому, мучает любопытство: чего ради я так часто езжу в Фюред.

— Нет, папаша, они не за вами следят,— сказал Балинт.— Просто порою ваши пути случайно скрещиваются. Мы, например, ведем наблюдение за Тибором Сючем. Но мы не виноваты, что Сюч имел встречу с Оскаром Шалго в вестибюле фюредской гостиницы...

— В этом вы не виноваты, верно. А вот то, что я их заметил, самых опытных твоих людей,— тут уж вы виноваты! Ты, Эрнё, тоже наверняка заметил бы молодца лет под тридцать, если бы он попытался вести себя как школьник. Тибор чуть со смеху не помер, глядя на него.

— А вы, папаша, снова задираетесь. Сказали бы лучше, что у вас за дела появились с Тибором,— недовольно заметил Балинт.

— Я опишу все это в своих мемуарах,— смеясь, ответил Шалго.— И если интересуетесь, спешите оформить на них подписку. Принимается в любой книжной лавке.

— А правда, Оскар, какого дьявола тебя понесло вчера в Фюред? Да еще под вечер? — спросил Кара.

— Потому что и Хубер туда поехал,— ответил Шалго и тотчас же понял, что проговорился.

— Хубер? Вчера? Вечером?! — удивленно воскликнул майор Балинт.— Он весь вечер отдыхал у себя в комнате.

— А вот по наблюдению Лизы он вечером куда-то выезжал, скорее всего в Фюред. Должен сказать, что пока еще я больше верю проницательности Лизы. И действительно, я обнаружил Хубера в Балатонфюреде... Правда, могу вас успокоить: он ни с кем не встречался. Был на кладбище. Около одной могилы задержался особенно долго...

В дверях показалась Лиза.

— Друзья, обед готов! — весело воскликнула она.

Кара сердито посмотрел на Балинта.

— Товарищ майор,— начал он официальным тоном,— мие это не нравнтся. Расследованием руковожу я. Еслн мы о чем-то уславлнваемся, то потрудитесь уж выполнять это. А если вы почему-либо все же отклоняетесь от иашего плана, то хотя бы докладывайте. Вы ведь не частный детектнв. Вы меня поняли?

— Поиял, товарищ полковинк.

Балинт обедал вместе с нимн. Настроение у него было испорчено. Как видно, он иедостаточио еще знал Шалго, а поэтому посчнтал, что тот умышленно подстроил ему непрнятность н выговор от Кары. И Балннт решил при случае высказать без обиняков это старнку. За столом оии почти не разговаривалн.

— Господн! — воскликнула вдруг Лиза.— Чуть было не забыла: звоннла Ласточка и проснла срочно передать тебе, Миклош, что у развалин, в Старом парке, Хубер бесследно исчез. Оин обыскали все окрестности, но ие нашли его. Брнгада наблюдения вериулась в гостинницу н ожидает указаний... Какая же я, право, забывчивая!

— Черт бы нх побрал! — выругался Балинт и встал.— Они получат от меня «указання»! Я им задам! — Лнцо Балнита пылало от гнева. Ему было стыдно перед полковником.

— Сядь, Мнклош, и ие кнпятись,— спокойно и почти ласково проговорил Шалго.— Поешь спокойио. Вполие возможно, что в Старом парке он прнменил один нз прнемов, чтобы уйти от инх. Хотя я уверен, что оии сделалн все... И вообще в Эмёде, в этом лабирннте улочек н переулков, кого угодио можно потерять. А чтобы ты окончательно успоконлся, скажу: Хубер не был вчера в Фюреде. Я просто хотел тебя разыграть.

— И не расстраивайся, пожалуйста,— сказал Кара,— переходя на «ты». Взяв с блюда кусок мяса, он положил его себе иа тарелку н отрезал небольшой ломтик.— Напрасно нервинчаешь. Тебе хочется любой ценой добиться результатов, но ты забываешь, что мы нмеем дело не с заурядным убнйством. Тем более что нам нужио не только найтн убнйцу, но прежде всего установить агентурные связн Меинеля да еще попытаться иайти драгоценности. Главное, чего нам следует остерегаться,— это поспешных шагов... Ты вот, например, предложнл арестовать Гезу

Салан. Мы сделали это. А какой толк? Салаи признался, что у него было намерение убить Меннеля. Только и всего. По-моему, это была наша грубая ошибка. Ведь так можно взять под стражу и Казмера Табори — у него тоже нет алиби. А зачем? Нет, мы пока не станем этого делать. Изучать его мы будем. Домбан уже второй день занят выяснением будапештских связей инженера Табори. Попутно он старается узнать, кто его родители...

Шалго бросил на своего друга удивленный взгляд:

— Вот как! Я даже не подозревал...

— А тебе вовсе и не следует всего знать,— шутливо заметил Кара.— Я вот, например, тоже хотел бы знать, откуда известно твоей дражайшей Лизе...

— Что вы там судачите обо мне? — крикнула Лиза из кухни, куда она только что вышла.

Кара подождал, пока хозяйка возвратится, и с хитрой улыбкой продолжал:

— ...откуда твоей дражайшей Лизе стало вчера известно, что Хубер собирается в Балатонфюред?

Лиза поставила на стол поднос с кофейником и чашечками и бросила украдкой взгляд на Шалго. Заметив, как предостерегающе дрогнули его веки, она сказала:

— Я просто почувствовала это... Прошу, кофе, друзья. Кому сколько положить сахару?

Балинт, пересилив смущение, спросил:

— Но я хотел бы все-таки знать, где же находился Хубер: в своей комнате на вилле Табори или в Фюреде?

— Он был в Фюреде,— ответил Кара.— Только наш друг Шалго сентиментален и хочет тебя пощадить. И напрасно... Конечно, глупо, что твои наблюдатели остались с носом. Что ж...— Кара задумчиво помешивал ложечкой кофе.— Я не хочу выпускать из поля зрения и Казмера. Ведь мы знаем, что он ненавидел Меннеля.

— А скажи, Эрнё, в детдоме сохранились какие-либо сведения о родителях Казмера? — спросил Шалго.

— Пока этого не удалось выяснить. В детдоме весь архив погиб во время войны. Сейчас товарищи пытаются разыскать тех, кто работал в те годы в приюте...

— А почему, собственно, это так важно? — спросила Лиза.

— Потому что наш Эрнё любит все делать обстоятельно. К тому же он, мне кажется, на правильном пути,— пояснил Шалго.

— Убийцу Меннеля нужно искать среди тех, кто был с ним знаком. И я хочу знать об этих людях все. Разумеется,— повернулся Кара в Балинту,— я не собираюсь отбрасывать и твою новую версию. И не только потому, что она показалась мне интересной. Я считаю ее вполне вероятной.

— Версию, что убийца был иностранцем и успел улизнуть за кордон? — переспросил Балинт.— Но это не моя версия. Ее высказал Геза Салаи. Просто мне она тоже представляется заслуживающей внимания.

— Именно поэтому товарищи в Будапеште составляют по нашей просьбе список иностранцев, выехавших из Венгрии двадцатого июля и в последующие несколько дней,— продолжал Кара.

— Дьявольская работа! — заметил Шалго.

— Бесспорно. Но результаты могут вознаградить нас с лихвой.

В этот момент негромко скрипнула калитка, кто-то хотел осторожно прикрыть ее за собой. Лиза подошла к двери и распахнула ее.

— А-а, господин Хубер, здравствуйте! — проговорила она.— Очень любезно с вашей стороны, что вы навестили нас.— И она пошла навстречу гостю, подала ему руку и пригласила в дом. Хубер, вежливо пропустив Лизу вперед, вошел на террасу и поздоровался:

— Мое почтение, господа! Надеюсь, я не помешал вам?

— Ну что вы, милейший господин Хубер! — за всех ответил Шалго.— Садитесь, пожалуйста, располагайтесь поудобнее.

Балинт встал, уступая место Хуберу. Тот было запротестовал, но майор успокоил его:

— Садитесь, пожалуйста, господин Хубер! Я уже собирался уходить.— И, поклонившись всем, Балинт ушел.

— Позвольте вас угостить чем-нибудь? — спросил Шалго и тут же обратился к жене: — Лиза, дорогая, хлеб-соль уважаемому гостю, как заведено издревле.

— Может быть, господин Хубер не откажется от рюмки абрикосовой? Настоящая, домашняя! Попробуйте! Покойный господин Меннель, тот любил ее. После третьей рюмки он обычно уже запевал «Эрику».

— Виктор Меннель был человеком последовательным,— с улыбкой заметил Хубер.— Думаю, господа весьма удивились бы, если бы он вместо «Эрики» запел «Интернационал».

Лиза наполнила рюмки и, извинившись перед гостем, вышла в кухню. Мужчины выпили. Шалго спросил Хубера, как идут переговоры.

— Сегодня вечером подписываем соглашение. Впрочем, вам это, разумеется, известно,— ответил Хубер.— А как у вас, господин полковник, подвигается дело? Поговаривают, будто бы вы уже нескольких человек арестовали?

— Пустая болтовня,— возразил полковник Кара.— Мы стараемся не делать никаких поспешных шагов. Тем более что ряд обстоятельств для нас до сих пор не ясен... Например, откуда Меннель или, я сказал бы даже, фирма «Ганза» знали о плане расширения института, подготовленном профессором Табори? А я убежден, что вы располагали совершенно точными данными об условиях поставок, равно как и секретными сведениями о предложениях конкурирующих фирм. Для получения их «Ганзе» необходимо было вступить в контакт с профессором Табори, и я убежден, что Брауна и Шлайсига интересовала при этом не сама сделка, а профессор. Только почему?

— Вы это у меня спрашиваете, господин полковник?

— Сам у себя,— сказал Кара.— И как только найду ответ на все эти вопросы, можно будет считать загадку разгаданной.

Хубер положил руки на край стола и, откинувшись в кресле, посмотрел в упор на полковника Кару.

— Вы не найдете ответа на эти вопросы до тех пор, господин полковник, пока не перестанете дробить свои силы.

— Как прикажете вас понимать?

— Ну, хотя бы пока не перестанете убивать время, организуя слежку за мной. В принципе я понимаю вас. Вполне вероятно, что и я на вашем месте

поступал бы так же. Боюсь только, что между тем агенты «Ганзы» уничтожат все улики и скроются. Вам, господин полковник, сейчас нужно выиграть состязание со временем. А время не ждет, оно мчится. Ведь если Меннель — или его доверенное лицо — не даст о себе знать в какой-то обусловленный срок, агенты «Ганзы» в соответствии с полученными указаниями уничтожат все компрометирующие их материалы... Как видите, я играю с открытыми картами...

— Только,— вставил реплику Шалго,— вы не все карты выложили на стол. А мы из деликатности не смеем достать их у вас из кармана.

— Итак, вы предлагаете мне открыть все карты? — улыбаясь, переспросил Хубер.— Иначе говоря, вы намерены следить за мною до тех пор, пока я не выложу их на стол сам?

— Мы этого не сказали.

— Но это следует из логики ваших слов и действий,— парировал Хубер. Он допил рюмку и закурил.— Вообще-то говоря, меня нимало не беспокоит, что вы ведете за мной слежку. Я готов даже считать ее вашей заботой о моей безопасности. А это действует успокаивающе. Вчера, когда я заметил, что за мною следят, мне показалось, что это были люди Брауна. Я струхнул и постарался поскорее скрыться от них в Старом парке среди древних развалин. Это мне удалось...

— Господин Хубер, думаю, что мы сумеем обеспечить вам безопасность,— сказал Кара.

— Господин полковник, сегодня вечером я передам вам список агентурной сети «Ганзы» в Венгрии. Я нашел этот закодированный список среди документов Меннеля. При нем есть перечень паролей, необходимых для установления связи с каждым из агентов. Надеюсь, мне удастся расшифровать его, но это потребует некоторого времени... Правда, взамен и я хотел бы попросить вас кое о чем.

— О чем же? — спросил Кара.

— Когда вы арестуете названных в списке агентов и таким образом убедитесь в том, что я честно выполнил свое обещание, мне хотелось бы получить венгерский дипломатический заграничный паспорт, гарантирующий мою безопасность и место на первый же самолет да Гаваны. Один из ваших сотрудников

проводит меня до Праги и будет заботиться о моей безопасности, пока самолет не поднимется в воздух. Мне кажется, я предлагаю вполне корректные и приемлемые условия,— закончил Хубер.

Кара согласился с ним, спросив, однако:

— Вы действительно боитесь покушения?

В глазах Хубера, устремленных в пространство, мелькнул страх.

— Браун неглупый человек,— задумчиво проговорил он.— Вы ведь знаете, что он приказал мне вернуться домой. Я не выполнил его приказа. Если до этого он еще мог сомневаться относительно моих намерений, то теперь ему совершенно ясно, к чему я готовлюсь. Браун, господа, не любит шутить.

— Когда бы вы хотели уехать? — спросил Кара.

— Не знаю... Когда из Праги вылетает ближайший самолет?

— Я тоже не могу сейчас сказать этого,— заметил Кара.

«Не преступил ли я пределы своих полномочий? — озабоченно подумал он.— Может быть, не следовало так определенно обещать ему?..»

— Давайте договоримся так,— вслух сказал он.— Вы составляете список и передаете его господину Шалго или майору Балинту. Я же немедленно еду в Будапешт и там на месте согласую все эти вопросы. Нам нужно будет позаботиться не только о билете на самолет и дипломатическом паспорте для вас. Надо также заменить номерной знак вашей машины, транзитный талон и водительские права...

— Простите,— прервал его Хубер,— если ваш человек будет сопровождать меня до Праги, то, думаю, достаточно будет заменить только номер на машине. На границе он сам оформит все, что необходимо. А машину я так или иначе оставлю в Праге, и ваш человек сможет пригнать ее обратно. Вы, таким образом, остаетесь в выгоде,— пошутил он.— Мне же важно иметь заграничный паспорт и билет на самолет.

— Вы правы,— согласился Кара.— Хорошо бы получить хотя бы одну вашу фотокарточку.

— К сожалению, у меня нет с собой ни одной, годной для паспорта. Но вы можете взять фотографию с моего заявления о выдаче визы.

— Верио. Так и сделаем.

— С кем я должеи поддерживать связь во время вашего отсутствия?

— С моим другом, Шалго.

— Хорошо.— Хубер улыбиулся старику, потом сиова обратился к полковиику Каре.— Я могу звоиить ему по вашему прямому телефоиу?

— Разумеется.

На террасу вериулась Лиза. Оиа положила иа стол два ключа.

— Это посылает вам Блаика,— сказала оиа Хуберу.— Ей иеобходимо было поехать в Балатоифюред, и оиа верHется домой только к вечеру. Оиа просит вас сегодия в виде исключеиия поужииать в ресторaие.

Хубер взял ключи и ие спеша убрал их в кармаи.

— А господии профессор ие вериулся домой? — спросил ои.

— Ои звоиил Блаике и сказал, что приедет только завтра утром... Так что, если вы ие посчитаете это за иазойливость, я буду рада пригласить вас к себе иа ужии,— добавила Лиза.

— Охотио прииимаю ваше приглашеиие, мадам,— сказал Хубер, вставая,— ио, право, мие как-то иеудобио...

— Что ж тут иеудобиого? Это приглашеиие от души.

Хубер поклоиился.

— Мы ужииаем в восемь,— сказал Шалго.

— Надеюсь, к этому часу я завершу работу... Что ж, ие будем терять времеии. До свидаиия.— Хубер пожал руку полковиику Каре и удалился.

Фельмери уже устал, ио ои подумал, что если сейчас прервет допрос Гезы Салаи, то это будет серьезиым упущеиием с его стороиы. Их беседа затяиулась иа иесколько часов, и в ходе ее лейтеиаиту показалось, что Салаи постепеиио стаиовится все более спокойиым. Оии переговорили о миогом, выясиилось, что у иих даже есть общие зиакомые.

Время от времеии Салаи иадолго умолкал, словио припомииая, что еще рассказать лейтеиаиту. Потом заговорил о Беате. Салаи зиал ее с детства.

Беата, к сожаленню, походнла на свою мать, женщнну весьма иестрогнх правнл и далеко не безупречного поведення. Впрочем, н муж ее, господнн Кюртн, одного с ней поля ягода.

— У него есть любовннца? — спроснл Фельмери.

— Да, есть. Уже несколько лет.— В голосе ннженера чувствовалась горечь. Он тяжело вздохнул н ннзко опустнл голову.— Жнвем мы как в вонючей луже,— тнхо проговорнл Салан.— Честное слово.— Он опять вздохнул, его рукн, лежавшне на коленях, сжалнсь в кулакн.— Знаете, кто любовннца Кюрти? Моя мать. А хотнте знать, сколько лет было Беате, когда она отдалась мне? Четырнадцать с иебольшнм. И кто толкнул ее ко мне в постель? Ее мать. Да-да, родная мать. А кто самый круглый ндиот на земле? Я. Посмотрнте на меня повннмательнее, потому что такую глупую скотнну вы не увиднте даже на Венгерской сельскохозяйственной выставке. За этн днн у меня было вдоволь времени обдумать свою жнзнь. И пршел я к такому выводу, что иевеста моя — самая настоящая улнчная девка. А ведь я нз-за нее человека хотел убнть...

— Хотели?

Салан поднял голову. Солнце светило ему прямо в лнцо. Он прищурил глаза.

— Вот что, лейтенант, надоела мне эта ваша нгра. Вам хочется поймать убнйцу Меннеля. Это мие понятно. Одно мне непонятно: и чего я откровенннчаю с вамн? Ведь вы нн одному моему слову не верните. Так что пусть будет так, как вам хочется. Пншнте: прнзнаюсь, что я, Геза Салан, убнл Меннеля, этого альфонса. Пншите, пишнте!.. Только не забудьте мне подсказать, где н какнм образом я это сделал. И дайте однн день, чтобы я мог все это нанзусть выучнть.— Горькая усмешка пробежала по губам Салан.— Но знайте, что Меннеля я не убнвал н понятня не нмел о том, что он шпион.

— А Беата зиала?

— Беата?..— Салан махнул рукой.— Беате нужна была только постель этого Меннеля. И еще она хотела с его помощью прнстронть к делу своего любовннка... Гнусного мерзавца.

— И все же мне непонятно...— задумчиво пронзнес Фельмерн.— В вашнх показаниях много протнво-

речий. Вот вы говорите, что Беата — уличная девка, что она изменяла вам с Меннелем. Мало того, два года она путается с Тибором Сючем. И тем не менее вы... как бы это сказать... держитесь за нее и даже были готовы жениться на ней. Не понимаю я вас!

— Вам и не понять этого. Потому что вы не были с ней близки,— тихо, явно стыдясь своих слов, ответил Салаи.— Были и у меня до нее женщины. Не могу пожаловаться... Но Беа — она совсем другая. Она с ума может свести человека... Вам никогда не доводилось курить марихуану? Ну вот, а я пробовал. Так вот, Беа посильнее марихуаны может одурманить человека...

Откровения Салаи вызвали у Фельмери брезгливость.

— Скажите, Салаи, в котором часу Меннель оставил вас на берегу Балатона?

— В десять часов.

— Вы уверены в этом?

— А может, еще и десяти не было.

— Куда пошел Меннель?

Салаи положил ногу на ногу и, попросив у лейтенанта сигарету, закурил. Некоторое время он молча смотрел на тлеющий огонек сигареты.

— Куда? А к своей машине,— наконец сказал он.

— Где она стояла?

— Если мне память не изменяет, где-то около пристани. Недалеко от мола.

— Вы пошли вслед за ним?

— До шоссе. Там я остановился, подумав, что бессмысленно преследовать его, потому что у пристани всегда много народу.

— И что было дальше?

Салаи вопросительно посмотрел на лейтенанта.

— Я не совсем понимаю, о чем вы спрашиваете?

— Выходит, Меннель исчез, растворился в ночи? Что вы видели еще?

— Что я видел? — снова переспросил Салаи.

Фельмери не понравилось, что Салаи опять начал переспрашивать, задавать ненужные вопросы, желая затянуть время. Интересно, пока они говорили о делах, не связанных с убийством, речь его лилась плавно и говорил он охотно, но стоило приблизиться к существу вопроса, как мышление инженера станови-

лось каким-то замедлеиным, ему иачииала отказывать память, ои прииимался повторять вопросы.

— Простите, лейтеиант, у меия неважная память на события. Но сейчас, после вашего вопроса, мие иачииает казаться, будто Мениель действительно с кем-то встретился.

— Уж ие думаете ли вы, что я спрашиваю вас об этом из праздного любопытства? Этот «кто-то» мужчиия или женщиия?

— Жеищиия.

Фельмери распечатал пачку снгарет. Во рту он уже ощущал горечь от избытка инкотниа — ведь с утра ои нничего ие ел, а только курнл в надежде такнм образом заглушить голод. Но сейчас ои выиуждеи был закурить, чтобы скрыть свое волиение.

— А ведь до сих пор вы умалчивали об этом,— сказал он.— Почему? — Фельмери вдруг почувствовал, что сейчас последует какой-то очень важный н неожидаииый ответ. Но Салаи медлил. Сначала он потер ладонью подбородок, провел указательиым пальцем по губе, точио предупреждал кого-то о молчаиии. И наконец после долгой-долгой паузы нехотя выдавил из себя:

— Затрудняюсь сказать... Не помню, чтобы вы спрашивали меия об этом раиьше... По-моему, иет...

— Иначе говоря, вы сообщаете иам что-то лншь тогда, когда убеждаетесь, что это иам нзвестно н, стало быть, вам бессмыслеиио скрывать дальше нли отрицать. Не иравится мие такое поведеиие, Салан... Разумеется, это ваше право — молчать. Но кому в конце концов это выгодио? Вы же ие зиаете, какие карты у меия иа руках!

— Говорю совершеиио честио, я забыл об этом. Но сейчас я вспомиил: то была девушка.

— Итак...— протяиул Фельмери.— Кто же она?

Салаи глубоко вздохнул и, дотянувшись до стола, погасил окурок в пепельиице. Затем, скрестив руки на груди, откинулся иа стуле. Все это тоже помогало затягивать время.

— Я ее ие зиаю. Оиа живет где-то в Балатонэмёде.

— Откуда вам это известио?

Салаи принялся рисовать иоском ботинка иевиднмые узоры на ковре. Ои явио избегал взгляда лейтеианта.

— Когда у меня была встреча с Меннелем в кафе гостиницы, эта девушка сидела за столиком у окна и кого-то ждала. Меннель поздоровался с ней и спросил меня, не знаком ли я с ней. Я ответил, что никогда прежде не видел ее. Тогда он посоветовал мне к ней присмотреться, потому что у него с ней роман. «Вот,— сказал он,— лишнее доказательство, что у меня с Беатой ничего нет». Я ответил, что не верю ему, что он это нарочно только что придумал. Тогда он рассказал мне какую-то путаную историю, в которой, разумеется, не было и грана правды. Будто бы он в тот день загорал вместе с этой девушкой на пляже, как вдруг появился какой-то парень, ее приятель, и закатил ей сцену ревности. Но он, Меннель, якобы как следует отчитал молокососа. «Терпеть не могу ревнивцев»,— добавил он. И мне стало ясно, что это камешек в мой огород...— Салаи поднял голову, провел рукой по волосам. Лицо его выражало усталость.— А вечером эта девица и села в машину к Меннелю. Я узнал ее, когда она подходила к машине и на нее упал свет фар.

— Итак, у Меннеля было любовное свидание?

— А кто его знает. Не верю я его побасенкам. По-моему, они совершенно случайно встретились. Ведь Меннель от меня убегал. Если бы у него было заранее назначено свидание, он бы обязательно сказал мне об этом. Но мне думается, девушка та была с кем-то другим. Мне даже показалось, что кто-то кричал ей вслед, а через минуту я увидел какого-то высокого парня, он подбежал со стороны ресторана и действительно что-то кричал ей вдогонку.

— Вы бы узнали его сейчас?

— Не думаю. Шоссе было неосвещено, а когда я подошел к месту, где он стоял, его уже не было. Вернулся, наверное, в ресторан. Я тоже пошел в бар.

Фельмери закрыл окно.

— Сейчас вы пообедаете, после чего подробно напишете все, что мне рассказали.

Десять минут спустя и он с аппетитом ел, чему немало способствовало ощущение, что сегодня ему повезло — показания Салаи очень важны.

Показания Салаи решали и другую проблему: теперь Илонка сама поймет, что дальнейшее ее молчание бессмысленно и ей лучше рассказать обо всем,

что произошло в ту ночь. Сейчас нужно бы еще выяснить, где находился Казмер Табори между семью и десятью часами утра.

Но поведение Гезы Салан лейтенанту по-прежнему не нравилось. Его не оставляла мысль, что инженер знает об убийстве гораздо больше, чем рассказал до сих пор. Потом Фельмери задумался над тем, почему Казмера Табори никто не видел вечером девятнадцатого в ресторане, хотя он утверждает, что ужинал там с Илонкой?

Лейтенант Фельмери еще раз воскресил в памяти показания Салан, донесения и рапорты оперативных работников. И тут же облегченно рассмеялся. «Ну и осел же я! — подумал он.— Ведем расследование, свидетелей допрашиваем. А допросить официально Казмера Табори мы до сих пор не догадались... В ресторане, в кафе мы расспрашивали официантов только об одном: когда и с кем был там Меннель. Но видели ли они девятнадцатого вечером Казмера Табори, мы почему-то забыли их спросить...»

Вальтер Герцег уже в течение нескольких минут наблюдал с веранды второго этажа виллы Майорошей за домом профессора Табори. Он сразу узнал Бланку, когда та вышла из дома.

С воскресенья Вальтер Герцег и Еллинек жили на этой вилле, снимая все три комнаты на втором этаже, разумеется, за такую сумму, перед которой не смог устоять владелец виллы, школьный учитель Майорош. Впрочем, не столько кругленькая сумма, выплаченная за неделю вперед, оказала на него магическое действие, сколько твердое обещание Герцега оказать помощь супругам Майорошам, собравшимся в конце лета в туристскую поездку по Западной Европе, и в частности по Австрии. Герцег дал учителю свою визитную карточку, и тот решил, что будет совсем неплохо, если, приехав в Вену, они с женой смогут встретить поддержку влиятельных в этой стране лиц.

Герцегу с Еллинеком вскоре стала известна вся подноготная ближайших соседей. Больше всего их почему-то интересовала семья Табори, что было, впрочем, вполне объяснимо, поскольку покойный господин

Меннель останавливался именно у них. Корреспонденты изучили расположение виллы Табори, узнав попутно и о том, что у них в саду никогда не закрывается задняя калитка. Каждый день в семь утра профессор Табори выходит через эту калитку и направляется либо на рыбалку, либо на прогулку на яхте. Благодаря рассказам учителя и его супруги Герцег и Еллинек познакомились и с семьей Шалго. Продолжая наблюдать, Герцег заметил, как Хубер вышел из дома Шалго и через сад пошел к вилле Табори. Тогда он перевел бинокль на побережье, на сверкающую поверхность озера, по которой сновало множество лодок. Правда, он увидел, что большинство их кружилось вблизи гостиничного пляжа, а некоторые совсем далеко от берега. Герцег окинул взглядом поросший тростником берег. Он казался вымершим. Если, конечно, за камышами не приютились в своих лодчонках рыболовы. Переведя бинокль снова на виллу Табори, Герцег увидел на веранде Хубера. Тот стоял в тени, и лица его нельзя было разглядеть.

Затем Герцег взял под наблюдение дом Шалго. Вот полковник Кара с портфелем под мышкой остановился перед своей машиной, открыл дверцу и сел. Куда-то собирается ехать. Через несколько мгновений из калитки, оживленно переговариваясь, вышли девушка и Оскар Шалго. «До чего же очаровательна эта девчонка! — подумал Герцег.— Только почему это у нее такое грустное лицо? Вернее, даже не грустное, а обиженное... Должно быть, старик сказал ей что-то неприятное. Впрочем, девушка, как видно, не очень-то слушает нравоучения старика. Недовольно дернув плечиком, она помахала рукой сидевшему в машине полковнику Каре и торопливым шагом перешла на другую сторону улицы. Шалго проводил ее взглядом, сокрушенно покачивая головой, потом уселся в машину рядом с полковником. Герцег долго еще задумчиво смотрел вслед удаляющемуся автомобилю.

Хубер сидел в гостиной, задумчиво глядя на небольшой лист бумаги, лежавший перед ним на столе. В комнате царила тишина. Яркий свет послеполуденного солнца потоком лился через полуоткрытую дверь. В его лучах дым от сигары принимал причудливые формы. Хубер вновь и вновь пробегал взглядом пере-

численные на листке фамилии и думал: «А ведь эти люди и не подозревают, что сегодня ночью или завтра утром они на долгие годы распростятся со свободой. Сейчас еще не поздно передумать. Достаточно мне сжечь эту бумагу, и им ничего не будет угрожать...»

С террасы в гостиную вошел Герцег. На скрип двери Хубер поднял голову.

— Вы узнали меня? — спросил нежданный гость, подходя ближе.

— Герцег. Вальтер Герцег,— проговорил Хубер.

— Я так и думал, что вы меня сразу узнаете,— сказал Герцег, останавливаясь подле стола, за которым сидел Хубер.— А Еллинек уверял, что вы меня не узнаете. Так что он ошибся и пари выиграл я.— Он говорил с нарочитой развязностью, рыская глазами по лежащим на столе предметам.

— Еллинек тоже здесь? — спросил Хубер и постарался изобразить на лице дружескую улыбку, но почувствовал, что это ему не удалось.

— Без фоторепортера я ни шагу,— ответил Герцег и окинул взглядом залитую ярким солнцем просторную гостиную. В этот момент где-то вдали прогремел гром. Герцег выглянул на террасу и посмотрел вверх — на небе собирались тучи.

Хубер тем временем быстро свернул лежащий перед ним листок вчетверо и спрятал в боковой карман пиджака. «Пожалуй, лучше было бы сжечь этот список»,— подумал он и спокойным тоном спросил:

— Как вы сюда попали, Герцег?

— На машине,— ответил тот, все еще стоя к нему спиной.— Маршрут не нов: Вена, Хедешхалом, Кестхей, Балатонэмёд. Я уже третий день здесь.— Герцег повернулся к Хуберу.— Чудесные места...

— Третий день? — переспросил Хубер.— И что же вы тут делаете?

— Как что? Разумеется, репортаж. Ищу подходящую тему. Знакомлюсь с местностью, выясняю возможности. Составил план работы. Вы-то уж знаете, как все это делается.— Он подошел ближе, небрежно сунул в рот сигарету.— Когда я учился в диверсионной школе, был у меня преподаватель. Он учил, что, начиная какую-либо операцию, нужно прежде всего провести тщательную рекогносцировку местности.

— Вас прислал Браун? — нерешительно спросил Хубер, почувствовав, как у него засосало под ложечкой. «Глупо было об этом спрашивать»,— тут же подумал он.

Герцег кивнул головой:

— Да, он попросил меня, чтобы я навестил вас, так как обеспокоен вашими действиями. Некоторые признаки позволили ему сделать вывод, что вы рехнулись.

Хубер почувствовал опасность. Теперь все зависит от того, насколько ему удастся совладать с собой. Конечно, он совершил большую ошибку, проявил беспечность. Разумеется, он предполагал, что Браун будет действовать, но не так быстро и не так нагло. Вполне возможно, что теперь на карту поставлена его жизнь...

— Разве Браун не получил моего сообщения? — спросил он с притворным удивлением.

— Не валяйте дурака, Хубер! — Герцег сел на край стола.— Вашему сообщению — грош цена: все, что вы передали,— липа.

— Подумайте как следует, Герцег. Помню, в школе вы проявляли умение логически мыслить. Брауну известно, что Меннеля убили. Раз я доложил в своей шифровке Брауну об уничтоженной взрывом машине, это уже должно что-то значить.

— О да, конечно! — с иронией подхватил Герцег.— Конечно, конечно. Что-то должно значить... Вот поэтому и мы здесь.— Герцег пустил облако дыма в лицо Хуберу. И тут же с издевательской учтивостью извинился.— Но почему вы продали эту «уничтоженную взрывом» машину?

— У меня были на то причины,— тихо произнес Хубер.

— Допустим. Но почему тогда она до сих пор стоит в гараже профессора?

— Это вас не касается,— так же тихо возразил Хубер.

— Допустим. Но аппаратуру вы, надеюсь, уничтожили?

— Вы имеете в виду рацию?

— Не прикидывайтесь идиотом!

Хубер с превеликим удовольствием ударил бы Герцега, но... этим ничего не добьешься. Кулак тут не

поможет. К тому же Герцег моложе и сильнее его. Значит, надо изворачиваться и не терять спокойствия, чтобы Герцег не почувствовал его страха.

— Прекратите это хамство,— строго одернул он Герцега.— Иначе...

— Браво! Возмущайтесь, негодуйте, однако ответьте все же на мой вопрос.

— Аппаратуру я не уничтожил.

— Не сочтите меня назойливым, милейший Хубер, но я хотел бы спросить: почему? Я надеюсь, этот вопрос не заденет вашего самолюбия?

— Я отвечу на него потом, господину Брауну.

— Маловероятно, что вы с ним встретитесь,— холодно проговорил Герцег и вытащил из внутреннего кармана пиджака пистолет. Как бы играя оружием, он подышал на вороненую сталь дула, потер его о рукав. Затем достал из другого кармана глушитель и привычными, уверенными движениями закрепил его на стволе.

Хубер не на шутку перепугался. А за окнами между тем совсем потемнело, подул сильный ветер — надвигалась гроза. Хубер напрягал слух, надеясь услышать хоть чьи-нибудь шаги. Может, Кара все еще не снял наблюдение... Но за окном лишь деревья шумели на ветру да волны гулко плескались о берег. «Неужели это конец?» — подумал Хубер. Он чувствовал, что лоб у него покрылся испариной, но достать из кармана платок не решался, опасаясь, что Герцег неправильно истолкует его движение.

— Не теряйте благоразумия, Вальтер,— сказал он тихо.— Мы же здесь не одни.

— Нет, одни. Мы совсем одни, Хубер.

— А соседи?

— Они ничего не услышат. Встаньте. Подойдите сюда и выньте все из карманов. И побыстрее. Пиджак также положите на стол.

Хуберу оставалось только повиноваться, и он без разговоров выложил на стол содержимое карманов.

— Выверните карманы и садитесь в это кресло. Быстрее, а то я вас подгоню. Вот так! Руки сложите на груди.

Хубер успел вытереть рукавом пот со лба. Он видел, как Герцег внимательно обследовал карманы его пиджака, потом просмотрел лежавшие на столе до-

кументы. Вот он взял список. Пробежал его глазамн, ио ннчего не сказал.

За окиамн ослепительио вспыхнула молння, и в ту же мннуту раздался страшный удар грома.

— Я ведь уже говорнл,— наконец нарушнл молчание Герцег,— что мы и в школе вас не любили. Вы слишком много о себе воображали. Правда, Браун очень вас ценнл. Но нам это не нравилось. Вот жену вашу мы любнлн. Что да, то да! И не только я ее любнл. Еллннек — тоже. Но не думайте о ней слншком плохо. Просто вашей Грете иадоело жнть со старнком. Все-такн пятнадцать лет разннцы в возрасте — это ие шутка...

— Оставьте мою жену в покое! — задыхаясь от гнева н ненавнстн, проговорнл Хубер.— Все равно я ни одиому вашему слову не верю.

— Вам нужиы доказательства? Тогда, может быть, вам иапомнить, что у Греты под левой грудью родинка?

Хубер потерял самообладание н вскочнл с места, но сильный удар швырнул его обратио в кресло. Он ощутнл прнступ дурноты: перед глазамн был туман, не хватало воздуха.

— А вообще вы дьявольски ловко подстронлн автомобнльиую катастрофу бедной Грете,— доносилнсь до него, словно откуда-то издалека, слова Герцега.

Хубер застонал.

— Это неправда! — прохрнпел ои.

— Это доказаио. У меня есть стопроцеитные доказательства, что имеино вы убнли Грету. И до чего же геииальио вы это дельце обтяпалн...— Герцег мельком взглянул иа спнсок: — Смотрнте больше не вскакнвайте с места, нначе получнте такой удар, что уже не очухаетесь. Интересно, вам Грета ннчего обо мне не рассказывала?

Хубер молчал. Он вспомннл Грету, н сердце у него сжалось. Ему было больно, что у его молодой жеиы был любовннк, но еще больнее было сознавать, что оиа могла измеинть ему с такнмн ничтожными людьми, как Герцег н Еллинек.

— А это еще что такое? — спроснл Герцег, приподняв левой рукой спнсок.— Еслн не ошибаюсь, это расшнфровка нашего кода «К-шесть»? — Он начал счнтать нмена.— Да, двенадцать фамнлий. Двеиа-

дцать паролей и отзывов. Как раз дюжина. Итак, вы раскрыли шифр, старина?

— Выслушайте меня. Я вам все объясню.

— Мне-то вы вряд ли уже что-то объясните. Разве что Виктору Меннелю. Сейчас вы с ним встретитесь на том свете. Но сначала ответьте мне на два вопроса. Во-первых, от кого вы получили расшифровку кода «К-шесть»? И во-вторых, где магнитофонная запись последнего донесения Меннеля?

— Понятия не имею. Если вы рассчитываете найти это у меня, то глубоко заблуждаетесь. А код этот известен мне уже давно.— Он видел, что Герцег не верит ему. Герцег что-то сказал, но слова его потонули в новом ударе грома.

«Я должен его переубедить,— подумал Хубер,— иначе мне конец...»

— Послушайте, Герцег. Вы с ума сошли. И способны совершить сейчас роковую ошибку. Я не думаю, чтобы Браун дал вам такие указания. Просто вы меня ненавидите и собираетесь действовать по своему усмотрению...

— То, что я вас ненавижу,— это верно. Но действую я не по своему усмотрению. К тому же у нас с вами есть лишь два выхода: либо я вас ликвидирую, либо вы меня. Второе меня никак не устраивает.

Гроза все усиливалась. Хлынул дождь, рассекая небо, сверкали молнии, гремел гром. Но Герцег не обращал на это ни малейшего внимания.

— Вы стали предателем,— неумолимо произнес он.— Вот доказательства... А это еще что за план? — спросил Герцег, взяв со стола белую промокательную бумагу с чертежом на ней.

— Я хочу построить себе виллу.

— Здесь?

— В Баварии. Собираюсь несколько лет спустя открыть свой пансионат.

— И это вы сами вычертили план?

— Скорее, просто баловался...

— Та-ак... И шифр вы раскодировали тоже из баловства?

— Я должен был это сделать.

— Сколько вам посулили за это?

— Вы совсем рехнулись, Герцег.

Тот подошел к Хуберу и ударил его по лицу.

— Это как задаток,— сказал он.

Удар был сильным, Хубер усилием воли подавил в себе готовый вырваться наружу стон.

— Вы еще пожалеете об этом,— сквозь зубы прошипел он и понял, что ему ничего иного не остается, как бросить на стол свою последнюю карту.— Да, вы очень пожалеете об этом, Герцег!

— Что же, раскаяние в содеянном — дело благородное,— ехидно ответил Герцег и нанес еще более сильный удар Хуберу.— Так пусть уж раскаяние будет полным.

Голова у Хубера откинулась назад, все перед глазами поплыло. И он, уже ничего не соображая, почувствовал, что проваливается куда-то. В течение нескольких минут он ничего не слышал и не видел: ни бушующей над озером грозы, ни вспышек молний, ни ударов грома. Не видел он и того, как Герцег сгреб со стола все бумаги и положил их в целлофановый мешочек. Первое, что ему пришло в голову, когда он очнулся, была мысль: «Глупо погибать именно сейчас, на пороге новой жизни». Он принялся считать про себя. Сосчитав до двадцати, почувствовал, что сознание полностью к нему вернулось.

— Подойдите к отопительной батарее,— тоном приказа произнес он,— и загляните за нее.

Он хорошо понимал, что ему трудно будет перехватить инициативу, но с людьми, которые, подобно Герцегу, способны на все, в сложившейся ситуации можно и нужно разговаривать только так. И он вдруг представил себя снова офицером генштаба, привычно отдающим приказы, офицером, который даже в последние, безнадежные дни войны не потерял голову и без страха смотрел смерти в лицо...

Герцега и впрямь поразил неожиданный тон Хубера. Ведь он предполагал, что этот старый надменный пруссак, оказавшись в таком положении, начнет умолять о пощаде. Не спуская ни на миг глаз с Хубера, он медленно подошел к батарее отопления. Что-то внутри подсказывало ему, что он должен это сделать. Бросив быстрый взгляд за батарею, он увидел спрятанный там радиопередатчик и микрофон. Герцег даже присвистнул от изумления. Дотянувшись левой рукой до миниатюрного передатчика, умещавшегося у него на ладони, он вытащил его.

— Тип «А», если не ошибаюсь,— сказал он.— Мы таким уже не пользуемся.

— А я пользуюсь и считаю его чувствительнее и надежнее других. В нем можно произвольно менять длину волны, и в радиусе пяти километров он обеспечивает отличный прием.

— Зачем вам понадобилась эта техника?

— Я ведь знал, что вы попытаетесь каким-то образом разделаться со мной,— сказал Хубер.— И мне, в общем-то, было бы это безразлично, я уже не молод. Жизнь прожита, и я устал.— Он говорил медленно, убежденно, и в его словах звучали искренность и волнение.— Да, да, я просто устал жить. Но я не желаю, чтобы мой сын считал своего отца предателем. Я не молил вас о пощаде. Вы спокойно можете покончить со мной хоть сейчас. Но должен предупредить вас: план ваш провалился. Вам не удастся в глазах властей представить мою смерть как дело рук «неизвестных убийц». Магнитофонная запись сохранит голос Вальтера Герцега и ускорит его разоблачение. После моей смерти эта запись попадет в надежные руки. И компетентные органы точно будут знать, кто действительные предатели и убийцы, а кто хотел сорвать гнусные планы этих предателей.

Герцег задумался. От его самоуверенности не осталось и следа. Он понимал, что попался в ловушку, причем в такую, из которой не так-то легко выбраться. И поделом — ведь и Шлайсиг предупреждал его: «Будьте очень и очень осмотрительны, Герцег. Хубер недюжинный человек. И в поединке с ним используйте не только кулак и пистолет, но и ум, сообразительность». И вот сейчас Герцег стоял перед Хубером, зажав в ладони микропередатчик, и не знал, как ему быть. Такого оборота дела он, конечно, не мог предвидеть. А главная беда в том, что Браун и его советчики ошиблись. Все говорит за то, что Хубер действительно не предатель. «Какой же я был болван,— подумал Герцег,— что поверил Брауну. Ведь мне-то уж следовало знать, это у Брауна и Шлайсига имеются свои, личные причины желать гибели Хубера. И по возможности «за железным занавесом», чтобы и самая легкая тень подозрения не пала на них». А теперь и Браун и Шлайсиг будут все отрицать, а то и донесут на него, Герцега. Возможно, они в это са-

мое время уже известнли окольиыми путями венгерскне органы госбезопасностн, предав н его н Еллинека. Тем самым онн освободятся не только от Хубера, ио н от ннх, опасных свндетелей.

— Где прнемиик н магнитофои? — рявкнул Герцег.

— Как же, так я вам н сказал. Коичайте со мною и бегнте. Спасайте свою шкуру, если сумеете.

Решнтельный ответ Хубера еще больше смутнл Герцега. Этот старик, кажется, и в самом деле не дорожит жизиью.

— А иу, встать! — заорал Герцег.— Жнво!

В этот момент в комнату вбежала Лнза. Еще в дверях она закрнчала:

— Господин Хубер!.. Беда, господнн Хубер!..

Только тут она заметила Герцега, стоявшего с пистолетом в руке. Лнза как вкопаиная застыла на месте. Словно заслоняясь от направленного на нее пистолета, она невольно подняла руку.

— Станьте рядом с Хубером,— ледяным тоиом скомандовал Герцег.

Лиза повиновалась.

— Так что же за беда случилась? — спроснл Герцег.

— Это касается только господина Хубера,— ответнла женщина.

— Тем не меиее вы скажете это и мне, моя прелесть.— И Герцег с угрожающнм вндом сделал шаг в сторону Лнзы.

— Не советую вам делать еще одну глупость, Герцег,— спокойно пронзнес Хубер.— А вы, мадам, говорите, что хотелн мне сообщнть. Можете говорнть н прн нем.

Лнза протянула ему кусок телетайпной ленты.

— Вы умеете чнтать по-венгерскн? — спросила Лиза у Герцега.

— Нет.

— Тогда я переведу вам это на немецкий. «Полковнику Эрнё Каре. Прнказываю немедленно арестовать гражданнна ФРГ Отто Хубера и венского корреспондента агентства Рейтер Вальтера Герцега и срочно доставнть нх в Будапешт По порученню мнннстра внутренннх дел генерал-майор Ходошн...» Пожалуйста, прочтнте самн.

Герцег взял у нее из рук бумагу и быстро пробежал глазами. Вот его имя: Вальтер Герцег, а вот и имя Хубера. «Да, видно, предчувствие и на этот раз не обмануло меня,— подумал он.— Браун ждать не стал...»

— Как это к вам попало? — спросил он у Лизы.

Лиза смерила его оскорбленным взглядом.

— С вами я вообще не желаю разговаривать.

— Выходит, Герцег,— не без ехидства заметил Хубер,— ваша рекогносцировка оставляет желать лучшего. А вам-то уж следовало бы знать, что мадам Лиза — доверенное лицо полковника Кары, но одновременно работает и на меня. Теперь вы по крайней мере видите, как ухитрились все испортить. А вообще-то, если бы вы внимательно просмотрели список, то заметили бы, что тринадцатый агент в нем не назван. Могли бы и сами сообразить, что этот список был подготовлен для нее самой — ведь у кого-то должны храниться все эти сведения...

— Я согласилась на это только при условии, что заплатят тысячу долларов вперед,— сказала Лиза.— Меннель обещал, но так и не заплатил...

— Вы получите все сполна, мадам.

Герцег слушал, не очень понимая, что, собственно говоря, происходит. Значит, старику действительно удалось внедрить своего агента в непосредственное окружение полковника Кары. Завербовав эту женщину, он и составил для нее список агентуры. Таково, наверное, истинное положение вещей. «Тогда все логично, черт бы меня побрал! — рассуждал Герцег.— Так же логично, как и то, что Хубер сказал о своей шифровке Брауну. Разумеется, Браун и Шлайсиг очень хорошо знают, что Меннеля убили. И если Хубер сообщил в шифровке о повреждении машины, Браун и Шлайсиг могли сделать из этого вывод, что намеченная операция сорвалась из-за какого-то непредвиденного обстоятельства...— Тут Герцег с раздражением подумал о своих хозяевах: — Боссы сидят на своих шикарных виллах или в уютных квартирах в полной безопасности, и им наплевать, что какие-то шавки рискуют ради их интересов собственной шкурой. Значит, остается одно: нужно договориться с Хубером. Пока мне бояться нечего — Хуберу не удастся меня провалить. Иначе он утопит и самого себя. Судя

по распоряжению, принесенному этой женщиной, над нами обоими нависла смертельная опасность...»

— Она ваш агент? — уточнил Герцег.

— Да, и именно это не понравилось Брауну,— ответил Хубер.

— Послушайте. У нас с вами личные счеты из-за Греты. Признаюсь, я вел себя мерзко. Но сейчас речь идет не об этом: если все то, что сообщила эта женщина,— правда, нам обоим нужно поскорее спасаться бегством. Предлагаю бежать вместе, иначе мы просто погубим друг друга. Решайте!

Но Хубер не успел ответить, как в разговор вмешалась Лиза:

— Вас, господин Хубер, я спрячу, а этого человека — ни за что.

— Его тоже необходимо спрятать, Лиза,— твердо сказал Хубер.— Ради вас самой. Если его схватят, он выдаст вас.

— Об этом я не подумала,— озадаченно проговорила Лиза.— А жаль. Он мне противен.

— Я вас понимаю,— согласился Хубер.— И все же вы должны помочь и ему.

— Мы тратим время на болтовню,— перебил их Герцег.— Говорите поскорее, где нам укрыться.

— Я спрячу вас в винном погребе. Там никто не станет искать. Пересидите денек-другой. О пище я позабочусь. Раздобуду и документы. Через несколько дней, думаю, вы спокойно сможете выбраться отсюда. Подходит?

— Подходит.

— Это будет стоить еще тысячу долларов,— сказала Лиза.— Даром я делать ничего не стану.

— Деньги вы получите,— пообещал Хубер.— Но что будет с Еллинеком? Его бы тоже следовало взять с собой.

— А где этот ваш Еллинек? — спросила Лиза.

— Он ждет нас с мотоциклом в шести километрах отсюда. Там, где развилка шоссе идет к берегу. Наверное, промок как суслик под дождем.

— Пожалуй, самое правильное,— обратился Хубер к Герцегу,— если вы черкнете Еллинеку пару строк, чтобы он подчинился указаниям мадам Лизы. А вы, мадам, сходите за ним и передадите ему записку.

— Ладно,— согласилась Лиза.— Только пусть и он тоже выкладывает тысячу долларов. Впрочем, можно и в марках. А теперь идемте, я должна спрятать вас. Пистолет бросьте,— потребовала Лиза, повернувшись к Герцегу.— А еще лучше дайте его мне. При вас не должно быть ничего недозволенного. Когда будете уходить из погреба, я верну его вам.

— Ну нет! Оружие я не отдам!

— Тогда сидите здесь,— решительно сказала Лиза.— Ваше дело.— Она вышла на террасу. Дождь лил, не ослабевая. Лиза слышала, как в комнате приглушенными голосами ожесточенно спорили Хубер и Герцег.

— Вот пистолет, мадам,— громко сказал Герцег, выходя к Лизе на террасу.

IX

Когда до Лизы донесся усиленный динамиком подслушивающего аппарата голос Герцега, она остолбенела от удивления. Хотя уже много дней они с Шалго надеялись услышать с помощью своего аппарата что-то важное, эти надежды, к их большому огорчению, не оправдались. Шалго готов был поклясться, что с Хубером не все ладно. У Оскара это уже стало навязчивой идеей. Он считал, что во всей истории убийства Меннеля ключевая фигура — Хубер. Поэтому он ни на мгновение не поверил, что показания Хубера действительно ценные, как склонен был считать полковник Кара.

— Мне кажется, ты уже запутался в своих версиях, дорогой,— говорила Лиза.— В конце концов совсем не обязательно, что Хубер знал о секретной рации в машине и о том, что Меннель был шпионом. Ведь фирма «Ганза» занимается наряду со шпионажем и нормальной торговой деятельностью. Почему нельзя предположить, что Хубер приехал только для подписания соглашения и для того, чтобы доставить на родину тело Меннеля? И если он разоблачил Меннеля, почему мы не можем поверить, что он сделал это искренне, желая порвать со своими хозяевами?

Шалго задумчиво возражал:

— Хуберу стало известно, что мы нашли рацию. Следовательно, он вполне резонно предположил, что,

пока он будет в Венгрии, мы будем наблюдать за ним. И вероятнее всего, что своим «честным» признанием он хотел добиться того, чтобы за ним перестали наблюдать.

— Возможно,— соглашалась Лиза.— Но зачем? Если его задача только подписать соглашение вместо Мениеля, то плевать ему на ваше наблюдение. Если же он должен еще что-то сделать, то возникает вопрос: что именно?

— Может быть, выполнить задание, которое не сумел осуществить Мениель? — предположил Шалго.

— Оскар, дорогой, согласись, что эта версия смешна,— возражала ему Лиза.— Тогда бы Хубер не рассказал, в чем состояло задание Мениеля.

Однако Шалго не сдавался:

— Откуда ты знаешь, что у Мениеля было именно то задание, о котором сообщил Хубер? Да и что он нам сказал? В Венгрии есть агенты. А кто они, эти агенты? Спрятаны драгоценности. Но где они спрятаны? Их спрятал гитлеровский офицер, майор. Но как его звали? В деле замешаны венгерская девушка, ее жених и ее мать. Конечно, может быть, речь идет о Беате Кюрти и ее матери. Но, может, это совсем другие люди... Слушай, а вдруг он нашел микрофон и сейчас смеется над нами?

— Оскар, ты просто невозможен!

— Да, таков уж я есть. Я поверю ему, только когда он выдаст нам хоть одного агента. А пока почему это я должен верить на слово Хуберу?

Когда в этот же день Хубер заявил, что он решил выдать всю агентурную сеть Мениеля в обмен на заграничный паспорт и право выехать куда пожелает, Лиза торжествующе посмотрела на Шалго.

Теперь Оскару Шалго нечего было возразить. Кара и его товарищи радовались, а он по-прежнему испытывал какую-то неудовлетворенность. «Черт меня побери! Если бы я мог сам себе доказать, на чем основываются мои сомнения? Что мешает мне спокойно признать свое поражение? И вообще, какие у меня претензии к господину Хуберу?»

Уже сидя рядом с Карой в машине, Шалго поделился с ним своими сомнениями. Хубер, например, упомянул, что в тридцать восьмом или в тридцать девятом он изучил венгерский язык. Вряд ли это так.

Конечно, могут быть хорошие языковые способности, отличная память, допустим, что он полюбил венгерский язык и до сих пор много читает по-венгерски, используя любую возможность поговорить с венгерскими эмигрантами. И еще одно: зачем Хубер ездил в Балатонфюред и бродил по кладбищу? Интересно, что Хубер ответил бы на этот вопрос? Допустим, он сказал бы: «Признаю, господа, что это, конечно, странно. Но ведь у каждого свои причуды. Одни собирают спичечные этикетки, другие под старость играют в «железку», третьи, как, например, я, бродят по кладбищам. Так я обычно знакомлюсь с новым городом». Тогда мы бы спросили у него: «Почему же вы до сих пор не посетили красивое кладбище в Балатонэмёде?» И действительно, почему он не посетил его? Хотя скучает от безделья целыми днями...

— Словом, ты никак не хочешь ему поверить? — улыбаясь, спросил Кара.

— Не могу,— честно признался Шалго.— Не знаю, что со мной происходит, но не могу. Наверное, старею, Эрнё. И самое смешное, что я, всегда веривший фактам, сейчас почему-то вопреки фактам больше доверяю интуиции. Понимаю, что это глупо, но это так. А почему он попросил устроить ему билет на самолет в Гавану?

— Боится Брауна и его людей.

— Это понятно. На его месте и я бы боялся. Но что он собирается делать на Кубе?

— Понятия не имею. Спроси у него. Правда, насколько мне известно, этот рейс из Праги предусматривает посадку в Канаде. Так что Хубер может просто прервать полет там.

— Но это будет означать, что он не так уж боится Брауна.

— Послушай, Шалго,— проговорил Кара, смеясь.— Ну зачем ты все усложняешь? Мы получим от него имена агентов, изучим список, а там будет видно. Менцеля убил не он. Перед Венгрией он не виновен. Ну и пусть себе катится на все четыре стороны. В конце концов это его дело, где ему прятаться от Брауна... Да, чуть не забыл! А ведь я разгадал смысл поздравительной открытки, которую ты нашел у Салаи.— Кара достал из внутреннего кармана бумажку, на которую Шалго в свое время переписал текст открыт-

ки.— Вот смотри. Я расшифровал, код довольно примитивный: начиная со второй строки к единице (первой букве) прибавляешь семь, плюс семь и так далее. Получается фраза: «Жду в Эмёде». Кстати, я нашел и разъяснение, почему открытку пометили семнадцатым, а отправили по почте пятнадцатого. Разность между семнадцатью и пятнадцатью — два, то есть смотри вторую строку. Затем прибавь двойку к семнадцати,— получишь девятнадцать. Иначе говоря, автор поздравительной открытки ждал нашего Салаи в Эмёде девятнадцатого. Скорее всего, Мейнель намеревался встретиться не только с Гезой Салаи, но и еще с кем-то третьим. Возможно, с Сильвией. Хотя не исключено, конечно, что Сильвия — это кличка самого Мейнеля...

— Н-да,— протянул Шалго,— все возможно...

— Интересно, как отреагирует на это Салаи? Позвони, пожалуйста, Балинту и скажи, чтобы они с Фельмери допросили Салаи о Сильвии.

Позвонив по телефону Фельмери, Шалго передал ему указание полковника. Балинта он застал в помещении местного совета. Майор отпустил своих сотрудников, пригласил Шалго сесть и поделился с ним радостной новостью: удалось получить важные данные. Повторно просмотрев книги регистрации проживающих в гостинице и мотеле, его сотрудники установили, что некто Эрих Фокс, гражданин ФРГ, антиквар из Мюнхена, пятнадцатого июля прибыл в гостиницу. Он забронировал себе номер по тридцатое июля, но уже двадцатого куда-то бесследно исчез.

— Это что-то новое! — заметил Шалго.— Ведь твои люди доложили полковнику Каре, что после восемнадцатого никто из гостиницы не выписывался.

— Произошла ошибка,— ответил Балинт.— Дело в том, что Фокс оплатил свой счет по тридцатое включительно. Двадцатого вечером, выезжая из гостиницы, он предупредил, чтобы номер за ним сохранили, потому что через два-три дня он вернется. Но не вернулся. Несколько минут назад я говорил с нашими пограничниками в Хедешхаломе. По их данным, Эрих Фокс пересек границу двадцатого июля около полуночи. Теперь нужно установить, был ли знаком Фокс с Мейнелем. Наверное, кончится все это тем, что мы признаем: Салаи сказал правду.

Шалго не хотелось спорить с Балинтом, тем более что эта версия выглядела логично: Меннель нашел драгоценности, а Фокс, улучив момент, убил его, завладел драгоценностями и поспешно выехал из Венгрии. Кстати, эта версия объясняет и необычное для западного коммерсанта поведение — он уплатил за номер за несколько дней вперед.

— Возможно, все это верно,— сказал Шалго, хотя доводы Балинта ничуть не убедили его.— Только речь сейчас идет о более важном.

И он передал майору Балинту указание полковника Кары.

— Разумеется, когда вы будете допрашивать Салан о Сильвии, не забудьте спросить его и об Эрихе Фоксе,— заметил Шалго.

— А вы не хотите прокатиться со мной в Веспрем? — спросил Балинт.— Моя Эржи, думаю, была бы рада...

— Нет, не могу.

— А куда вы собрались? Не затем же только вы приехали сюда, чтобы передать мне указание полковника Кары?

— Собственно говоря, я хотел попасть в Фюред, а сюда заскочил, чтобы уговорить и тебя поехать со мной.

— А что там, в Фюреде?

— Я хотел бы выяснить, что́ именно Хубер искал в Балатонфюреде. Но сейчас для нас, пожалуй, важнее Салан.

Балинт засмеялся.

— Чудны́е мы все-таки люди,— с подкупающей искренностью ска́зал он.— И у каждого свои мысли, своя интуиция. Меня, например, больше всего интересуют Тибор Сюч, Беата Кюрти, а вас — этот Хубер. Знаете что, давайте съездим туда завтра, ладно?

Шалго пожал плечами, пожевал губами и сказал:

— Возможно, это и не понадобится. Если Хубер передаст нам список агентов, вся проблема решится сама собой.

* *

В то время, когда происходил этот разговор Шалго с майором Балинтом, Лиза сидела у себя в гостиной и прослушивала магнитофонную запись с вил-

лы Табори. «Надо же, а я сейчас совсем одна!» — сокрушалась она, сразу же поняв по тону разговора Хубера с Герцегом, какая Хуберу грозит опасность. Видимо, Герцег затем и пришел в дом Табори, чтобы покончить с Хубером.

А беседа на вилле Табори принимала все более резкий характер.

Лизу бросило в жар. «Нужно что-то предпринять! Срочно! Только не растеряться. Бывала я во всяких переплетах,— успокаивала она себя.— Возможно, Хубер уже составил список, и, если он попадет сейчас в руки Герцега, тот, разумеется, первым делом уничтожит список. Нужно помешать этому! Но как? Если бы у меня было оружие! Можно было бы подобраться к дому и подстрелить этого Герцега...»

Лиза смотрела на медленно вращающуюся катушку миниатюрного магнитофона. «Домбаи!» — вдруг мелькнуло у нее в голове. Лиза набрала нужный номер.

— Товарища Домбаи нет в кабинете,— ответила секретарша.— Но я сейчас поищу его. Подождите, пожалуйста, у аппарата.

Потянулись минуты, казавшиеся Лизе часами. Она продолжала напряженно вслушиваться в спор Герцега с Хубером. Но вот в телефонной трубке послышался знакомый голос Шандора Домбаи:

— Привет, Лиза! Что-нибудь случилось?

Лиза, словно боясь, что ее могут услышать на вилле Табори, шепотом рассказала Домбаи, что́ там в эти минуты происходит.

— Я сделаю немного громче и приложу трубку к динамику. Слышишь их голоса, Шандор?

— Отлично все слышу.

— Что же мне делать?

— Погоди, дай подумать.

В динамике подслушивающего устройства раздался шум. Кажется, на вилле Табори опрокинули стул или кресло.

— Что там такое, Лиза?

— Не знаю, может быть, подрались.

— Наверное, Герцег ударил Хубера,— предположил Домбаи.

— Возможно. Так что же мне все-таки делать?

— Спокойио, Лиза. Пусть онн продолжают мнло беседовать. Может, мы услышнм что-инбудь нитересиое н для нас. Ты запнсываешь все это иа плеику?

— Да.

«...Подойднте к отопнтельной батарее н загляннте за нее!» — доиесся голос Хубера.

— Хубер знал, что у него в комнате аппарат подслушнвання? — спросил Домбан.

— Как виднo, зиал,— ответнла Лнза.

— Тогда можете передать Эрнё, что это была ие самая удачная выдумка.

— Эрнё не знает об этой выдумке ннчего. Аппаратуру подслушнваиня устаиовила там я.

— Все равио это явный промах... Алло, Лнза, что... случнлось?

— Герцег нашел мнкрофои н выключнл передатчнк.

— Дело дрянь, черт поберн!.. Подождите, Лнза, оставайтесь иа месте.

И вдруг заработал телетайп. Лнза быстро пробежала глазами текст, все еще не поннмая, чего хочет Домбан.

Дождь барабаннл по оконному стеклу. Порывы ветра с такой снлой гиули могучие деревья, что казалось, вот-вот нх вырвет с корнем.

— Лиза, слушайте меня винмательно,— снова зазвучал голос Домбан в телефоиной трубке.— Соберите все свое мужество и делайте так, как я скажу. Отправляйтесь на внллу Таборн н выступнте перед Герцегом в ролн агента Хубера. Ясио?

— Ясно.

— Герцег иаверняка поверит.

— А еслн ие поверит?

— Повернт! Хубер же вас поймет сразу н подыграет вам. Тем временем я соединюсь с Веспремом н распоряжусь срочио выслать к вам на помощь оперативную группу. Идет, Лнза?

— Идет. Все равно больше инчего не остается.

— Вы бонтесь?

— Боюсь.

Конечно, ей было страшно, но она сделала все так, как ей сказал Домбан, и план его удался.

Казмер с чемоданом в руке постучался к Лизе. Дождь уже почтн перестал, в воздухе посвежело.

— Вот гроза так гроза была! — проговорил он, окинув взглядом посеченные градом кусты.— Вы не скажете, куда ушел господин Хубер?

— По-моему, он пошел в гостиницу.

— А ключи? Он вам не оставил?

— Оставил. А твои-то ключи где?

— У мамы.— Казмер сел на скамейку, вынул из пачки сигарету, закурил. Лиза, достав из ящика кухонного стола ключи, протянула ему и снова принялась раскатывать тесто.

— Уж не гостей ли вы ждете, тетя Лиза?

— Сегодня вечером у нас ужинает господин Хубер.— Лиза подошла к молодому человеку и остановилась перед ним, вытирая руки о передник.— Но только доложу тебе, дружок, что твоя мамочка обманула меня, сказав, что пойдет к врачу. Я хотела срочно поговорить с ней, позвонила всем здешним врачам, но ни у одного из них ее не нашла.

Казмер взглянул на часы.

— Не к врачу она пошла, тетя Лиза,— хмуро сказал он,— а в церковь.

— В церковь? — Глаза Лизы округлились от удивления.— Не разыгрывай меня, Казмер! Во всем Балатонэмёде нет, наверное, другой такой безбожницы, как твоя мать.

— И все же это так,— ответил молодой человек и тяжело вздохнул.— Она стала верующей и тайком ходит в церковь.

— Давно?

— Вот уже несколько недель. Ума не приложу, что с ней произошло.

— Да она что ж это, с ума сошла под старость?! — воскликнула Лиза, опускаясь на табуретку.

Казмер, склонив голову, молча теребил бахрому скатерти, словно радуясь, что нашел занятие и может не смотреть Лизе в глаза.

— Какая-то она нервная стала. Иногда ночи напролет не спит. Все ходит по комнате. Я слышу ее шаги. А сегодня под утро пришла ко мне,— Казмер поднял голову,— сказала, что ей очень плохой сон приснился. Стала уговаривать меня, чтобы я немедленно уехал отсюда.

Лиза вскинула брови.

— Уехал? Куда?

— Все равно куда, говорит, только чтобы уехал... Я хотел бы попросить вас...— Казмер почти умоляюще посмотрел на Лизу, и она поняла, что его терзают какие-то тревожные мысли.

— Пожалуйста.

— Очень прошу вас, присмотрите за мамой. Я скоро уеду в командировку. В Москву. Ей будет трудно тут одной, без меня. А вас, тетя Лиза, она очень любит.

— И я ее люблю. Можешь спокойно ехать. Я позабочусь о ней... Но разве ты не остаешься ужинать? — спросила Лиза, видя, что Казмер встал и собирается уходить.

— Я пообещал маме, что зайду за ней.— Казмер снова взглянул на часы.— Мне пора... Вы слышали, тетя Лиза, Еллинека-то арестовали?

— Еллинека? Это кто такой?

— Неужели вы не знаете? Фотокорреспондент агентства Рейтер, из Вены.

— А откуда мне было его знать? Меня он не фотографировал, интервью не брал... И за что же его арестовали?

— Якобы по дороге от границы до Будапешта он фотографировал казармы и военные объекты. Так, во всяком случае, говорят в гостинице.

— И когда же его арестовали? Кто?

— Час назад. Майор Балинт.

Шалго медленно шел по садовой дорожке. Лицо его было задумчивым, пасмурным. Казмер поздоровался с ним, но Шалго в ответ только слегка махнул рукой. Поднявшись на террасу, он поцеловал жену и грузно опустился в кресло.

— Лиза, дорогая, дай мне чего-нибудь попить,— попросил он.

Лиза подала ему стакан вина с содовой.

— А ты, мой мальчик, оказывается, был прав,— сказал Шалго Казмеру.

— В чем?

— Мениель был убит именно так, как ты рассказал полковнику Каре в самый первый раз. Его задушили на берегу, потом труп положили в лодку, вывезли на озеро и сбросили в воду.— Шалго сидел с

полузакрытыми глазами.— Понимаешь, какую ты допустил ошибку?..

— Вы все шутите?!

— Ты что же думал, только другим можно шутить над стариком? А мне уж и нельзя? — Он открыл глаза и посмотрел на Лизу.— А тебе известно, что наша Илонка накануне каталась с Меннелем на машине?

— Полно шутить! — ответила Лиза.— Кто тебе это сказал?

— Тот, кто видел, как девятнадцатого вечером она на набережной села к Меннелю в машину. Геза Салан. Кстати, он и еще кое-кого видел там же, на берегу. Какого-то молодого мужчину, который стоял около ресторана и что-то возмущенно кричал вслед Илонке. Но та укатила с Меннелем.

— Ну и дела! — воскликнул Казмер.

Перед домом, резко затормозив, остановилась машина. Вернулся майор Балинт. Казмер начал поспешно прощаться, но майор задержал его, взяв под руку.

— Молодой человек,— сказал он,— у меня к вам два вопроса. Чем вы можете подтвердить, что ночью девятнадцатого июля действительно находились в Будапеште и вернулись в Эмёд после десяти утра? И второй: видел ли кто-нибудь вас в пути, когда у вас забарахлила машина и вы ремонтировали ее?

— А чем вы сможете доказать, что девятнадцатого я не ночевал в Будапеште, что в дороге у меня не портилась машина и что сюда, в Эмёд, я вернулся не после десяти, а раньше?

— Сегодня утром два моих сотрудника ожидали у дверей вашей городской квартиры приезда туда профессора Табори и вместе с ним вошли в нее. Нужно сказать, что при этом им пришлось преодолеть целую баррикаду из газет, писем и прочей корреспонденции, валявшейся на полу в передней. В общей куче лежали и газеты за восемнадцатое число и письма с этим же штемпелем. Трудно предположить, что, приехав к себе домой ночью девятнадцатого, вы не подобрали их с коврика в передней.

— Я не адвокат,— после короткого раздумья сказал Казмер,— но если бы я выступал на процессе, я возразил бы обвинителю, что эти письма и газеты

моглн с таким же успехом броснть в дверную щель и вчера утром.

— И это почтовое нзвещение тоже? — спроснл Балннт, доставая нз кармана бумажку.— Пожалуйста. Оно адресовано вам!

Казмер взял в руки нзвещенне иа посылку. Оно было помечено почтовым штемпелем от восемнадцатого нюля.

— Итак, что вы скажете?

Казмер еще раз взглянул на почтовый бланк н протянул его майору.

— Это вам. Можете взять себе,— покачал тот головой.

Казмер не спеша убрал нзвещенне в карман.

— Мне можно идтн? — спроснл он.

— Да, пожалуйста,— ответнл майор Балннт.

Казмер взял чемодан н, ни с кем ие прощаясь, вышел.

X

Майор Балинт арестовал Вальтера Герцега, н Хубер сразу же облегченио вздохнул. Однако все происшедшее так потрясло его, что он не мог даже есть.

— Еслн бы не вы, мадам, моя песенка была бы спета,— не переставал он благодарить Лнзу.

— Прочь страхи, господин Хубер! — заметил Шалго, массируя свою ноющую ногу.— Теперь вы воочню убеднлись, что полковник действнтельио обо всем позаботнлся. Мы оберегаем вас каждую миюуту. И технику подслушиваиия мы установилн для вашей же безопасности.

— Ну, этого я не знаю,— задумчнво сказал Хубер.— Хотя в даином случае оиа оказалась весьма кстатн.— Вот спнсок.— С этнмн словамн он вынул нз кармана свернутый листок бумагн.— В нем двенадцать нмен. И двенадцать паролей. Красным подчеркнуты агенты — руководителн групп.

— Однн вопрос, господнн Хубер. Вам случайно не нзвестно, какой нз этнх агентов нмеет клнчку Сильвня?

— Сильвня — это не агеит. Это кодовое название операцнн Меннеля. Я, кажется, упустнл из внду н не сказал об этом господнну полковнику.

— Понятно,— кивнул головой Шалго.— А то я было подумал, что Снльвия — реально существующее лицо.

— Я тоже хотел бы спроснть вас кое о чем,— заметно волнуясь, проговорил Хубер.— Будучи здесь, я так много слышал о вас. Слышал я, что вы закадычиый друг господина полковника. Думаю, что так оно и есть. И знаете почему?

Шалго выжидательно улыбнулся, прнкидывая про себя, куда клонит хитрый пруссак.

— Да вот хотя бы уже потому, что, уезжая, полковник посоветовал мне в случае надобности обратиться к вам. Между тем вы на пенсии. Значит, такое доверие полковника ннчем иным, кроме вашей с ним дружбы, ие объяснишь?

Погода за окном менялась: ветер улегся, начали расходиться облака, и по вечереющему небу забегали последние лучи уже спешащего на покой солнца.

— Что ж,— подтверднл Шалго.— Вы не ошиблись. Мы действительно с ним друзья. Только почему это вас так обеспоконло?

Хубер устремил взгляд в потолок.

— Буду откровенен,— негромко сказал он.— Жизнеииый опыт сделал вас недоверчивым, господин Шалго. И я вас понимаю. А с тех пор, как вы поняли, кто такой Меннель, вы и мне не вернте. И это может иметь для меия трагические последствия. Вы, еслн захотите, можете повлиять на вашего друга такнм образом, что я окажусь в ситуации, которая будет равиозначна для меня гнбели. И потому я очень прошу вас, господин Шалго, не забывать, что это я разоблачил Меннеля. Я выдал вам агеитов группы «К-шесть». Что же мне еще сделать, чтобы завоевать ваше доверие? Вы должны понять: я порвал со своим прошлым и действнтельно хочу начать новую жизнь. Именно вы способны понять мое пснхическое состояние лучше, чем кто-нибудь другой. Насколько мне известио, ваша собственная жизнь во многом напоминает мою.

Неожиданные слова Хубера неприятно задели Шалго, всколыхнули в нем волну воспомнналий. Казалось, в ушах еще раз прозвучалн давние речи Эрнё Кары: «Не забудь, старнна, не один ты постнг истнну. Могут быть еще и другие. Ты пришел к нам после долгого

блуждания во тьме. Мы прнняли тебя. Но сила нашей правды такова, что она преодолевает расстояния и побольше, чем путь, который проделал ты, пока прншел к нам».

— Вы правы, господин Хубер,— чуточку торжественно произнес Шалго.— И я обещаю, что не стану оказывать воздействне на полковннка Кару, основываясь только иа своих личиых чувствах. Как видно, лавнна старостн уже захватила меня н тащит с собой под гору. Но вы знаете, в этом непростом деле меня все время смущала одиа деталь. Вот вы осмотрели машину Меннеля н сразу поиялн, что секретиый передатчнк намн уже обнаружен. А еслн бы вы этого не понялн? Сказалн бы вы нам обо всем этом нли нет?

— Это одии нз тех вопросов, на которые я готов ответить, ио не могу прнвестн ннкаких доказательств,— заметнл Хубер и добавнл: — Конечно, сказал бы. Можете мие верить илн нет, но решеиие порвать с «Ганзой» родилось у меня не в этот момент. Подумайте сами, и вы поймете, что меня иичто ие вынуждало к разоблачеиию агентуры. И все же вы виднте, что я это сделал.

— Вы правы.

С улнцы донесся внзг тормозов. Хлопнулн, закрываясь, дверцы машнны. Минуту спустя в комнату вошел Фельмерн н Хубер стал прощаться с Шалго.

— Отдохинте,— напутствеино посоветовал он.— Думаю, что мы пояяли друг друга.

Хубер уходил успокоенный.

Фельмерн, хоть и старался держаться бодро, был подобен выжатому лимону.

— Слышал я, дядюшка Шалго, что у вас тут развернулнсь большне события?

— Да, завертелась карусель на нашем тнхом холме,— подтвердил старый детектнв.— Завертелась — ие остаиовншь. Очень устал?

— Да нет. Просто проголодался.

— А между тем тебе предстоит еще ехать в столнцу. И немедленно. Заберешь с собой одни спнсочек и двух лнхнх молодцев.

— Прнзиалнсь онн?

— Не знаю. Балнит ими заинмается...

Шалго покричал Лизе на кухню, чтобы она покормила гостя.

Фельмери с волчьим аппетитом накинулся на еду, и в несколько минут с ужином было покончено.

— Тебе что-нибудь удалось узнать от Салаи?

— Все отрицает. Он ничего не слышал ни о Сильвии, ни о шифровке.

— Врет, негодяй. Теперь уже ясно, что он запирается. Хочешь знать, что означает имя Сильвия? Кодовое название операции! И задачей Меннеля было ее проведение. Что ты на это скажешь? — спросил он лейтенанта.

— Я тоже думаю, что Салаи врет. Негодяй он, этот Салаи. Сутенер. Любовник и дочки и мамаши Кюрти одновременно. Предполагаю, что Меннель завербовал его еще в Италии. В прошлом году.

— Скорее всего. Но что было потом?

— Потом? — раздумывая вслух, продолжал Фельмери.— Мало ли что могло произойти. Они могли переписываться. Салаи выполнял задания Меннеля, а тот мог присылать сюда курьеров за добытыми материалами.

— А тебе не показалось, что Меннель хотел свести Салаи еще с кем-то? В списке агентов, полученном от Хубера, несколько руководителей групп. Может быть, и Салаи хотели передать на связь одному из них?

— Почему бы вам не перебраться на веранду? — сказала Лиза, входя в комнату.— Там такой чудный воздух!

— В самом деле! Перейдем? — воскликнул Шалго, но Фельмери жестом остановил его.

— Я хотел перед отъездом на минутку заглянуть к Илонке. И если бы вы, дядя Оскар, тем временем позвонили товарищу Балинту, чтобы он заехал за мной к Худакам, я был бы весьма вам признателен.

Фельмери поблагодарил хозяйку за вкусный ужин и, вприпрыжку сбежав вниз по ступенькам, направился к вилле Худаков.

— Головастый мальчишка! — кивнул ему вслед Шалго.— А скажи, ангел мой, у Герцега при аресте все бумаги забрали? Рисуночки там? Чертежи? — спросил он у Лизы.

— Все, кроме одного.

— Какого же?

— Ты звони Балинту, а я тем временем найду на магнитофонной ленте запись того памятного разговора...

Когда в телефонной трубке послышался голос Балинта, тот очень удивился, что Шалго еще на вилле.

— Ведь я за вами машину послал.

Десять минут спустя Шалго уже сидел в поселковом совете и с мрачным видом разглядывал Вальтера Герцега и Еллинека.

— Ну что ж, господин Герцег, расскажите-ка генералу Шалго, с каким заданием вы прибыли в Венгрию,— сказал майор Балинт, встав, когда вошел Шалго.

Вопросы Балинта на немецкий переводил капитан Варади. Черноволосый здоровяк Герцег с подозрением покосился на Шалго.

«Генерал? — подумал он.— Почему же мне не сказали, что этот старый толстяк ходит уже в генералах? А мы с Еллинеком еще пытались угостить его виски в кафе!»

— Мы получили приказ, господин генерал, убить доктора Отто Хубера.

— Не мы, а ты! Один! — поспешил поправить его Еллинек.— Я такого приказа не получал. Мне было сказано, что я должен выполнять твои распоряжения.

Капитан Варади хотел перевести ответ, но Шалго жестом остановил его и сам по-немецки сказал Еллинеку:

— Об этом вы заявите на суде. А вообще отвечайте, только когда вас спросят. Миклош,— обратился он к майору Балинту,— ты иди собирайся в дорогу. А я пока тут побеседую с ними. Неплохо, если бы и ты поехал в Будапешт. Это ведь наемные убийцы, отпетые головорезы. Фельмери — отличный парень, но у него маловато опыта. Конечно, ты — начальник, можешь поступать, как сочтешь более правильным. У меня же пока одно задание — держать связь с Хубером.

Балинту явно пришлись по вкусу последние слова Шалго, однако его мрачный вид ему не понравился. На всякий случай, уходя, он оставил при бандитах одного своего сотрудника. Если старый детектив го-

ворнт «головорезы», то действнтельно с ннмн надо держать ухо востро!

А Шалго продолжал допрос:

— Как н почему нужно было убрать Хубера?

— Мне Шлайснг сказал только, что Хубер — предатель. Все доказательства у Брауна. Господнн генерал...

— Я не генерал. Продолжайте.

— Хорошо. Господнн как вас там, чнстосердечное прнзнанне нам зачтется?

— Я н не судья,— заметнл Шалго.— Но полагаю, что суд прнмет его во вннманне. Это общепрннятое правнло.

Герцег расстегнул воротннк.

— Ладно, терять нам нечего. Знайте: Хубер — офнцер ннформацнонной службы «Ганзы». В прошлом сотруднк Гелена. Я с ннм познакомнлся пять лет назад. Он преподавал нам основы диверсионной работы. Счнтался прнзнанным геннем в этой областн.

— А то, что вы о его жене говорнлн,— тоже правда?

— Да, она была моей любовнндей. А вот то, что я насчет ее смертн сказал,— это только мое предположенне. Но не мне одному смерть Греты Хубер казалась подозрительной. Кстатн, Браун уже давно подозревает Хубера. Это мне еще сама Грета говорнла.

— В чем же он его подозревает?

— Браун со мной об этом не говорнл.

— А Грета?

— Она — да, говорнла, что, мол, у Хубера родные где-то в Восточной Прусснн жнвут. А сын его связался со студентамн левого толка н сбежал на Кубу. Конечно, все это всерьез прнннмать не прнходнтся. Такне дела встречаются сплошь н рядом. Но есть кое-что н посерьезнее. Напрнмер, Хубер продал все свое нмущество н вложнл деньгн в какой-то ннострапный банк.

— Готовнлся к побегу, что лн? — уточннл Шалго.

— Да.

— Тогда почему же Браун тем не менее послал его сюда?

— Это одному Брауну нзвестно,— усмехнулся Герцег.

— Можно мне? — как школьник, подняв руку, спросил Елльнек.— Я думаю, свинью они нам подложили. Браун — это такая лиса, что хитрее его мне еще до сих пор никто не попадался. И уж если он Хубера сюда послал, значит, у него были на то свои причины. Браун на риск никогда не идет. Он ставит только на верную карту. Не имея гарантий, он Хубера сюда не послал бы.

— Чепуха! — перебил его Герцег.— Он затем и прислал его сюда, чтобы мы его тут прикончили. Хубер мешал Брауну. Удобнее, когда сотрудник исчезает здесь, «за железным занавесом».

— Возможно. Только мне такие игры не по нутру,— признался Елльнек.

Оскару Шалго они тоже не нравились, эти игры. Если люди в аппарате фирмы «Ганза» знали или хотя бы подозревали что-то о замысле Хубера, почему они послали его сюда?

— Как вы собирались убить Хубера? — спросил он.

— О, это было здорово придумано! Я знал, что машину Менкеля милиция еще не забрала. Я усадил бы Хубера в эту машину и отъехал бы до места, где меня ждал бы Руди с мотоциклом. Там я пришил бы Хубера в машине, а затем включил бы устройство с таким расчетом, чтобы самому успеть добраться до Руди. Остальное — уже дело техники. Сгорел бы Хубер дотла. И следов не осталось бы...

Шалго с омерзением слушал повествование захлебывающегося от удовольствия Герцега. Сомневаться в том, что он выполнил бы адский план Брауна, не приходилось.

— Жаль, что проклятая старушенция сорвала мне всю операцию. Поверил я ее сказочкам. Но вы знаете, любой другой тоже клюнул бы на такую наживку. Ведь до чего все точно совпадало с моими данными. И какая артистка эта ваша бабуся!

— Считайте, что вы получили по физиономии! — поморщившись, сказал Шалго.— Бабуся — моя жена.

— Извините, господин...

— А вот кто такая Сильвия?

— Не знаю,— покачал головой Герцег.

Старый детектив перевел взгляд на рыжеволосого Руди.

— Мне помнится,— сказал тот,— операцию Меннеля вроде бы так называли. Шлайсиг, кажется, так говорил.

— А кто убил Меннеля?

Бандиты переглянулись.

— Не знаю,— пожал плечами Герцег.— Но теперь я не удивлюсь, если выяснится, что это тоже дело рук Брауна.

Шалго попросил майора Балинта, когда они вместе ехали в машине за Фельмери, поскорее возвращаться из Будапешта. Герцег и Еллинек, скованные наручниками, сидели на заднем сиденье под бдительным присмотром охранника.

Профессор Табори вернулся домой усталый и голодный. Поэтому он был необыкновенно обрадован, увидев, что Бланка еще не спит, а ждет его с горячим ужином. Быстро умывшись, он сел к столу и принялся торопливо, с жадностью есть, успев только спросить, где Казмер.

— У себя. Кажется, еще читает,— ответила Бланка.— Да ты не спеши, ешь медленнее. А то опять будешь жаловаться, что болит желудок.

— Уже болит. С самого утра. Понервничал, взвинтил себя, и схватило.— Табори отпил большой глоток вина, намазал ломоть мягкого хлеба маслом.— Никак не могу понять, почему Казмер так странно себя ведет. Может, ты объяснишь, что заставило его сказать неправду? Теперь я уже и сам убедился, что девятнадцатого он в Будапеште не был.

— Не знаю, где он был,— устало проведя рукой по лбу, прошептала Бланка.— Он и мне этого не говорит. Да ты ешь. Гарнир почему-то даже не попробовал.— Взглянув на брата, она с грустью увидела, как сильно Матэ переживает все происходящее: лицо у него осунулось, стало каким-то землисто-серым.— Ты много куришь,— сказала она.— И почему без мундштука?

Табори ощупал карманы:

— Знаешь, я его где-то потерял.

— В Будапеште забыл, наверное.

— Да нет, едва ли в Будапеште,— в большом замешательстве пробормотал профессор.— Потому что

Шалго спросил у меня о нем еще вчера, до моей поездки в город.

— О чем спросил тебя этот противный тип? — непривычно раздраженно воскликнула Бланка.

— Почему, говорит, ты не пользуешься своим красивым мундштуком? А что это ты так против Шалго настроена? Он чем-нибудь обидел тебя?

Бланка не ответила. Табори пристально посмотрел на сестру: красивое лицо ее казалось усталым и старым.

— Ты слышал, что случилось? — с волнением в голосе вдруг спросила она.

— Где и с кем? — переспросил Матэ, закончив ужин и откинувшись в кресле.

— Нашего гостя чуть не убили.

— Что ты говоришь! Хубера?

— Да. Если бы не Лиза Шалго, его бы уже не было в живых.

Пораженный неожиданной новостью, профессор растерянно слушал рассказ сестры.

— Интересно, ей-то откуда стало известно, что жизнь господина Хубера находится в опасности?

— Оттуда, что ее муженек, этот местный Шерлок Холмс, додумался спрятать у нас в гостиной какой-то секретный микрофон. Теперь ты понимаешь, почему я вся буквально киплю от ярости?

— Это в самом деле возмутительно! Какое он имел право? И после всего этого он еще приходит сюда и просит одолжить ему машину? — Табори побледнел от возмущения. Достав из кармана таблетки, он положил одну в рот и запил водой.— Нет, я этого так не оставлю! — Профессор Табори вскочил, забегал по комнате.— И давно они нас подслушивают?

— Разве они скажут? Я спросила, но старый паяц, как всегда, отшутился. Даже заявил, что мы ему еще спасибо должны сказать. Не будь микрофона, говорит, Хубера уже не было бы в живых. Ну что я ему на это могла ответить?

— Я сейчас же переговорю с полковником и потребую извинений. Я прокурору буду жаловаться! — Голос профессора Табори вибрировал уже на самых высоких нотах.— Это же полнейшее попрание прав личности! Грубейшее нарушение закона!

Бланка дождалась, пока брат остынет, и только после этого сообщила:

— Полковник Кара вернулся к себе в Будапешт. Они тут какое-то соглашение с Хубером заключили.

— А где Хубер?

— У себя в комнате. Он совершенно потрясен этим покушением.

Бланка обеспокоенно, с тревогой смотрела на брата, огромного и сильного, яростно метавшегося из угла в угол.

— Я тебе скажу, Матэ, эти Шалго никогда мне не нравились. Убеждена, что они специально приставлены шпионить за нами. Подлые провокаторы! Но ты ведь всегда горой за них стоял.— Голос ее сделался едва слышным, дрожащим, и она почувствовала себя вдруг слабой и беззащитной.— Ах, Матэ, милый, как трудно мне так жить! Как страшно! Иногда я чувствую себя обреченной. Сегодня я ездила в Фюред. Казмер отвез меня туда на машине и к вечеру вернулся за мной. Впервые за много лет я снова была в церкви. Вошла, села на последнюю скамейку, начала молиться. И вдруг мне так захотелось умереть. Сразу, там же...

Матэ Табори, пораженный ее словами, подошел, обнял ее и утешающе сказал:

— Зачем так мрачно, сестра? Ты совсем не одинока. Ты же отлично знаешь, что всегда рядом с тобой — я.

Бланка беззвучно плакала.

— Зачем мне эта жизнь?.. Одни страдания, страх,— срывался с ее губ шепот.

— Перестань, Бланка...— только и смог выдавить из себя Матэ. Он вдруг подумал о том, что жизнь его сестры могла сложиться совсем по-другому, не напиши он ей тогда, движимый ненавистью к ее избраннику, фашисту Моноштори, то суровое, бескомпромиссное письмо: «...Я требую и жду, что ты совладаешь со своими чувствами... Мы живем в эпоху, когда есть дела, в тысячу раз более важные, чем любовь... Ты вынуждаешь меня поставить перед тобой суровую дилемму: он или я. И ты должна сделать выбор. От друзей я знаю, что он за человек. И я верю своим друзьям. А потому говорю тебе: не хочу

ни знакомиться с ним, ни тем более подавать ему руку...»

Где-то очень далеко мелодично прозвучал сигнал ночного автобуса. И снова все стихло.

— Ну о чем ты, сестренка? — еще раз попытался найти в себе слова утешения Матэ Таборн.— Соберись с силами. Я понимаю, что я в большом долгу перед тобой. Но все равно прошу тебя, не надо так убиваться...

Конечно, случись все это не четверть века назад, а сейчас, сегодня, он, наверное, вел бы себя умнее, с большим тактом. Но и сегодня он так же, как и тогда, не подал бы руки палачу и убийце. Время только подтвердило, что прав был он, Матэ Таборн. Да что толку гадать о прошлом? Что было бы, если бы...

— Знаешь что, сестра, свари-ка ты мне лучше кофе! — попросил он.

Ему совсем не хотелось кофе. Наоборот, ему хотелось спать. Но Матэ знал сестру: когда кому-то нужна ее помощь — пусть самая пустяковая,— она быстрее забывает о своих собственных горестях.

XI

Начальник дорожного отдела Балатонфюредского горсовета Иштван Чордаш не очень обрадовался нежданным ночным гостям — Шалго и Фельмери. «Только заснешь,— ворчал он,— звонят!» Жена Чордаша тоже проснулась и даже спросила: «Кто там?» — но тут же, повернувшись на другой бок, снова уснула. Не зажигая света, Чордаш быстро оделся. Так уж у него заведено: всякая вещь всегда знает свое место.

— Разве ты человек? Ты — кладовщик! — говаривала часто ему жена, а желая досадить мужу, умышленно забывала положить какую-нибудь вещь на отведенное ей Чордашем место.

Начальник дорожного отдела оказался немолодым уже человеком, лет пятидесяти, удивительно маленького роста но вид у него был строгий и внушительный.

Фельмери показал ему свое служебное удостоверение, но и после этого сердитый мужчина не стал

добрее. Приглашая их в дом, он попросил довольно требовательным тоном, чтобы гости хорошенько вытерли ноги, потому что он совсем недавно застелил пол линолеумом, и теперь на нем видна каждая пылинка. После долгого шарканья подошвами о коврик на крыльце ночные гости были препровождены в кухню.

— Садитесь,— хрипловатым голосом сказал хозяин.— Но от курения прошу воздержаться. У нас не курят. Никотин вредно действует и на человека и на мебель.

— Да-да, конечно,— поспешно пряча сигарету в пачку, согласился Фельмери, уголком глаза косясь на Шалго. Тот злорадно ухмылялся, словно желая сказать: «Что, брат, попало?»

— Товарищ Чордаш,— Фельмери решился после этой небольшой заминки прямо перейти к делу.— Я пришел, а вернее, мы пришли к вам с просьбой. Помогите нам в одном важном с точки зрения государственной безопасности деле.

Сердитый Чордаш маленькой, густо обрызганной веснушками рукой разгладил складку на пластиковой скатерти, покрывавшей кухонный стол, и все тем же хрипловатым, будто крякающим голосом проговорил:

— Пожалуйста, а в чем именно? — И вдруг густо весь побагровел: на месте только что расправленной складки на скатерти виднелся едва заметный разрез. «Сколько раз я твердил Элке, что нужно резать хлеб на дощечке, а не на скатерти!» — пронеслись в его голове гневные упреки жене, и он теперь уже краем уха следил за тем, что говорил ему Фельмери.

А Фельмери говорил вот что:

— Вы не помните, на какой улице ночью девятнадцатого июля рабочие могли ремонтировать дорогу или канализационные люки?

— Ночью у нас вообще не работают.

— Извините,— поспешил уточнить лейтенант.— Я неверно сформулировал вопрос. Где могла гореть ночью красная сигнальная лампочка, если работы не были окончены днем?

— Мы строго соблюдаем правила безопасности. Я за этим сам слежу,— ответил Чордаш, думая про себя: «Черт бы побрал эту скатерть. Ее ведь теперь

ничем и не заклеишь. Так и поползет дальше».— Правила положено строго соблюдать,— повторил он вслух.

— Правильно, товарищ Чордаш,— согласился с ним Фельмери.— Так вот вспомните, пожалуйста, где девятнадцатого июля ночью были установлены красные сигнальные лампочки?

— Тут и вспоминать нечего,— возразил Чордаш заносчивым, пожалуй, даже хвастливым тоном. На мгновение он забыл об испорченной скатерти, хотя рука его продолжала гладить разрез, словно больную рану.— Если завтра утром вы навестите меня на службе, в отделе, я смогу вам совершенно точно сказать, где в указанную вами ночь горел красный свет.

— Нам это нужно знать сейчас, немедленно, уважаемый товарищ главный инженер,— с подкупающей улыбкой заметил Шалго.— Вы, как государственный служащий, товарищ Чордаш, а точнее, как лицо, облеченное доверием, знаете, что такое вопросы государственной безопасности. Поэтому мы и обратились именно к вам...

Мужчина весь вытянулся в струну от мгновенно наполнившей его и теперь распиравшей изнутри гордости.

— Минуточку терпения, товарищи. Сейчас. Только переоденусь.

Полчаса спустя они уже были в конторе товарища Чордаша и тщательно, графу за графой, просматривали «Журнал ведения дорожных работ». Шалго только головой покачивал при виде аккуратности, с которой были оформлены все журнальные записи. Тем временем из желтого шкафа был извлечен скоросшиватель и в нем за несколько секунд найден акт № 068/19.

— Вот, пожалуйста. На этой схеме мы видим, так сказать, все нужные нам данные,— гордо произнес товарищ Чордаш и, словно полководец, устремив вперед указующий перст, вытянулся во весь свой крохотный рост.— Вот этими красными кружками,— принялся пояснять великий человечек,— обозначены места, где установлены лампы красного цвета. Как вы видите, в тот день на пяти объектах моими рабочими производились дорожные работы. Цифры вверху обозначают день начала работ, внизу — дату окончания.

— Отлично,— похвалил Фельмери.— Давно не видел такой четкости в делопроизводстве. Подозреваю, что товарищ Чордаш тайком окончил какую-нибудь военную академию.

— Академий я не кончал. И даже на военной службе никогда не был. Но я привык думать. И привык во всем соблюдать порядок.

— Полагаю, товарищ начальник, что Фюред вы знаете как свои пять пальцев,— сказал Шалго.

— Еще бы не знать! — воскликнул Чордаш.— Да я здесь родился и вырос. В школе здесь учился. А с сорок пятого года бессменно на государственной службе состою. В этом со мной никто не может сравниться. Так сказать, рос вместе с нашим городом... Я тут не то что каждую улицу — каждого жителя в лицо знаю!

— Тогда вам нетрудно будет сказать, вот эти два объекта на каких улицах находятся? — спросил Шалго и показал на два красных кружка вблизи кардиологического санатория.

— Конечно, нетрудно. Этот — на улице Майва, а этот — на улице Балванёш. На первом объекте меняют водопроводную магистральную трубу, а на втором просела мостовая. Наверное, подмыло снизу асфальт грунтовыми водами. В ближайшие три дня работы будут закончены на обоих объектах.

— Но лампочки красные там и сейчас горят? — уточнил Шалго.

— Конечно.

— А из этих двух улиц какая поднимается в гору?

— Обе. По улице Майва движение одностороннее, по улице Балванёш двустороннее.

Шалго задумчиво разглядывал схему, и Фельмери, словно угадав его мысли, спросил:

— А если ехать от Шиофока и свернуть на улицу Балванёш, дорога будет идти в гору или под гору?

— В гору.

На всякий случай они записали названия и остальных улиц, где девятнадцатого июля ночью горел красный предупредительный свет.

— Еще один вопрос,— сказал Шалго, пока Чордаш перевязывал шнурком папку с документами и ставил на полку скоросшиватель.— Не знаком ли вам

случайно профессор Матэ Табори? У него дача в Эмёде.

— Он яхтсмен? Как же, знаком! Разумеется, только понаслышке. Лично не имел честн. Наша знаменитость местная, так сказать.

— И сестру его знаете?

— Чокнутую художницу? — Чордаш как-то странно ухмыльнулся.— Знаю. Да ее все тут у нас знают.

— Лично?

— Нет, лично тоже, так сказать, не удостоен. Но издали частенько доводилось наблюдать за ихней работой. На берегу озера, с мольбертом. Сказывали, на конкурсах красоты до войны она неоднократно избиралась местной «королевой побережья». Только я, так сказать, в те времена не очень бывал зван на эти самые конкурсы...

— Да, в молодости она была очень хороша собой,— подтвердил Шалго.— Вы, конечно, слышали и о том, что после войны Бланка Табори усыновила ребенка нз сиротского дома.

— Еще бы! Знаю, конечно, я этого месарошского мальчонку, так сказать.

Шалго изумленно уставился на Чордаша.

— Месарошского? Значит, у мальчика был отец?

— У всякого ребенка должен быть отец, так сказать. Только Месарошем его прозвали не по отцу, а потому, что подкннулн его в дом к Месарошам. В сорок первом это было, если меня память не обманывает. Однажды ночью позвонил кто-то в калнтку к Месарошам. Господнн Месарош — наш здешний адвокат. Вышел он к калитке, а там ннкого. Только корзина плетеная стоит на земле, н в ней младенчик, так сказать, месяцев трех-четырех от роду. Господин Месарош ту корзину в руки н с ней в полицейский участок. Винце, наш тогдашний участковый, сам дежурил в тот вечер. Составил он протокол по всей форме, и все дела. От него я и слышал эту, так сказать, историю...

— А где этот Винце живет?

— Не живет он, так сказать, больше нигде. Помер. В прошлом году еще. Хороший был человек. Он все проверки после Освобождения чистым прошел. Никаких к нему претензий не было. Потом он еще долго у нас в дорожном отделе работал.

— А что этот ваш Вице с тем найденышем сделал? — продолжал допытываться Шалго.

— А что ему делать? Вызвал наутро господина адвоката к себе и поладил с ним, договорился, так сказать, что господин Месарош сам отвезет мальчонку вместе с полицейским протоколом в Веспрем, в сиротский приют. Это я совершенно точно знаю.

— Интересно,— заметил Шалго.— Но откуда вам известно, что приемный сын художницы Табори и есть тот самый подкидыш господина Месароша? Это вам сам адвокат говорил?

— Нет, товарищ. Адвокату Месарошу сказали потом в приюте, что его подкидыш помер. А я про это знаю опять-таки от самого Вице. Он и прозвал инженера Казмера Табори «месарошским мальчонкой». Потому как он, так сказать, запомнил в свое время, что у мальчонки родимое пятно было на левой лопатке. Большое пятно. Со сливу величиной. Это он и в протоколе записал. Так вот, Вице как-то случайно увидел Казмера Табори летом на пляже и сразу про тот ночной случай вспомнил.

Совершенно верно, мелькнуло в голове Шалго, у Казмера на левой лопатке большое родимое пятно!

— Очень интересно,— вслух проговорил он.— А где сейчас живет адвокат Месарош? Если он, так сказать, еще живет?

— На улице Петефи. В той же самой вилле, что и до войны. Уже лет пятьдесят. В пятьдесят первом, правда у него, как у человека одинокого, эту виллу национализировали. Тогда адвокат в Будапешт переехал, к какому-то своему родственнику, так сказать. Говорят, даже подсобным рабочим был. А в пятьдесят восьмом или пятьдесят девятом возвратился он обратно, в наш Фюред. Брат его, каноник Месарош, добился у властей, чтобы вернули ему, так сказать, его виллу. Конечно, к тому времени виллу ту здорово перестроили. Так как все эти годы ее занимала местная контора «Заготвино».

— Как зовут адвоката Месароша?

— Балинт. Балинт Месарош.

— А брат его, каноник, тоже живет вместе с адвокатом?

— Нет, каионик живет в Веспреме. У епископа служит. Слышал я, что скоро он уходит на пенсию.

Шалго тяжело подиялся.

Фельмери предложил Чордашу отвезтн его домой иа машнне, ио тот, поблагодарив, отказался.

— Пройдусь пешочком, подышу свежим воздухом. Озоиом, так сказать...

Илоика Худак ожидала нх все это время в машиие.

— Я уж беспокоиться иачала, дядя Оскар,— сказала она.— Думаете, прнятно вот так сидеть иочью одиой и ждать?

— Не везет тебе, дочка! — пошутил старый детектив, усаживаясь поудобиее.— Вот видишь, опять иикто тебя ие похитил. Ну что ж, сиачала посмотрим улицу Балваиёш. Поезжай, юиоша, а я буду комаиды подавать.

Фельмери медлеиио ехал по иочиому спящему городу, а Шалго изредка негромко говорил: «Налево... направо». Но в голове его все время иазойливо вертелась одиа мысль: почему адвокат Месарош утверждает, что подобраииый им подкидыш умер в детском доме? Откуда ему это может быть известио? Жаль, коиечио, что «хороший» хортистский полицейский Виице умер...

— Медлеинее! — подал ои комаиду лейтеиаиту.— У двухэтажиого дома — иаправо.

Фельмери включил вторую передачу и повериул на широкую улицу, вдоль которой рослн каштаиы. Дорога стала подиматься в гору, н Шалго велел лейтеиаиту остаиовиться. Вдали отчетливо была видна красная сигнальная лампочка.

— Сейчас мы выйдем,— повериувшись к Илоике, сказал Шалго.— А ты пересядь на мое место и попытайся воскресить в памятн ту иочь. В какую сторону пошел Меииель, выйдя нз машииы? Вперед или иазад?

— Вперед и потом повернул иалево.

Шалго и Фельмери, выйдя из машииы, медлеиио пошли вверх по улице.

— Если иаше предположеиие правильио, сейчас слева будет переулок,— сказал лейтеиант.

Мииуту спустя оин были на углу переулка. Шалго остаиовнлся.



— Похоже, что здесь,— сказал он. По обе стороны переулка рослн платаны.— Интересно, что он здесь нскал?

— Про то одному ему ведомо,— заметнл лейтенант.— Еслн он вообще был здесь.

— Будем счнтать — был. Но зачем? — тяжело отдуваясь и усаживаясь отдохнуть на каменное основанне решетчатой нзгороди, сказал Шалго.— Еслн он хотел с кем-то встретнться здесь, то получается, что он хорошо знал город н, значнт, бывал в нем раньше. Или он просто так остановнлся н вышел нз машины немного проветрнть хмельную голову? Едва лн. Меннель был бабник, н, еслн он оставнл в машнне краснвую девушку в такой благопрнятный для него момент, значнт, у него должны былн быть для этого какне-то весьма вескне прнчнны. Как этот закоулок называется?

— Улица Генерала Бема!

— Надо бы нам пройтн по ней до конца. Но уже поздно...

Шалго поднялся н медленно поплелся обратно, к машние.

— Здесь мы н стоялн. Совершеино точно,— твердо заявнла Илонка, когда онн селн в машниу.— Я вспоминла вон тот дом с башней.

— Ладно,— сказал Шалго.— Завтра утром мы более тщательно все здесь осмотрнм. Узнаем, кто тут вокруг жнвет. Поехали!

Лнза еще ие спала н слушала радно. И, конечио же, сразу напустнлась на беднягу Шалго.

— Я уж думала, что ты сегодия вообще не собираешься являться домой. Ты только посмотри на себя: на кого ты похож! Едва на ногах стоншь от усталостн. Как будто все это нельзя было завтра сделать...

— Нет, радость моя, завтра уже не то,— не очень уверенно возражал он, вытягиваясь во весь рост в кресле. Он начал было рассказывать о результатах нх ночной операции, но тут Лнза вдруг спросила его, где Фельмерн, н Шалго возмутнлся.

— Я тебе рассказываю о полете орла, а ты меня возвращаешь к какому-то пустяку, вроде того, где сейчас лейтенант Фельмери. Ставнт машнну в гараж Таборн. Сейчас вернется твой ненаглядный.

Фельмери действительно не заставил себя ждать. Но едва он появился, Шалго встретил его просьбой:

— Юноша, позвони в Будапешт и доложи обо всем Каре. Может, они там соберут побольше данных о канонике Месароше.

— Поздно уже,— уклонился Фельмери.— Успеем и завтра доложить.

— А у меня тут гость был,— сказала вдруг Лиза.— Господин Хубер.

— Что он хотел?

— Сказал, что приводил в порядок бумаги Меннеля и ему показалось, что кое-каких документов не хватает. Интересно, какие бумаги Меннеля он ищет?

— Может, тот самый план виллы, про который, судя по магнитофонной записи, Герцег спрашивал у Хубера? — предположил Фельмери.

— Если план виллы принадлежит Меннелю,— задумчиво произнес Шалго,— мы вправе подозревать, что существует какая-то связь между этим фактом и поездками Хубера в Фюред. Скажем, на плане может быть изображена вилла, в которой некий гитлеровский офицер когда-то давно спрятал награбленные в Венгрии ценности. А? Хубер об этом знал и потому не хотел отдать план Герцегу.

— Значит, Хубер был с нами неискренен?

— Возможно. Завтра мы получим ответ и на этот вопрос,— пообещал Шалго.— Сразу с утра примемся за дело! А ты позвонишь в Веспрем, в управление, и попросишь прислать сюда специалиста по дактилоскопии.

XII

На другой день утром на вилле Табори появился Тибор Сюч в сопровождении Беаты. Профессор открыл им дверь и пригласил в гостиную.

— Мы хотели бы видеть господина Хубера,— сказал Тибор.

— Садитесь, пожалуйста... Сейчас я позову его.

Вошедшая в эту минуту Бланка, пристально посмотрев на Беату, сказала:

— Ваше лицо мне почему-то очень знакомо. Помнится, вы уже приходили сюда однажды?

— Да, несколько дней назад,— подтвердила гостья.— К господину Меннелю.

— Совершенно верио. Теперь я все вспомнила. Вы, конечио... знаете, какое несчастье пронзошло с господином...

— Зиаем,— перебил ее Тибор.

— Утром накануне мы вместе позавтракали. Он был так весел, жнзнерадостен...— закончнла фразу хозяйка.

— Наверняка и не думал, что его уже караулнт смерть,— заметил Тибор Сюч.

В гостииую вошел Хубер, соповождаемый профессором Табори. Представив Хуберу посетителей, профессор вместе с Бланкой тут же удалнлся.

Хубер откровенио подозрнтельным взглядом смернл стоявшнх перед ним молодых людей.

— Садитесь,— прнгласил он.— Чем могу служнть?

— Проснм нзвнннть за беспокойство, но иесколько дней назад мы получилн от Виктора Меииеля вот это пнсьмо...— начал Тнбор Сюч,— вериее, официальное письмо от фирмы «Ганза». Вот оно.

Хубер, взяв у него нз рук письмо, взгляиул иа почтовый штемпель, потом вннмательно нзучил подпись и сказал:

— Да, это рука Меннеля.

Быстро пробежав пнсьмо, он поднял глаза на молодого человека.

— Мне иичего ие нзвестно об упомяиутой в пнсьме сделке. Еслн я правнльно вас поиял, вы кустарь нли что-то в этом духе н получилн заказ от нашей фирмы?

— Совершенно верно, господнн Хубер,— подтвердил Тнбор Сюч.— Господин Меннель попросил меня нзготовнть для фнрмы «Ганза» набор образцов пуговиц в художественном нсполненнн.

— Набор пуговиц? — переспроснл Хубер, с явным уднвлеинем посмотрев на Тнбора.

— А чему вы уднвляетесь? Художественно нсполнеиные модные пуговнцы — это товар, который пользуется сейчас большим спросом. Особеиио когда это ие серийные нзделия.

Сюч достал нз сумкн картонки с прнкрепленными к инм пуговнцами.

— Пожалуйста. Здесь каждая пуговица — единственная в своем роде. В этом и состоит их ценность. А вот разрешение от нашей фирмы «Артекс» передать эти образцы представителю фирмы «Ганза».

Хубер с интересом разглядывал пуговицы.

— Лю-бо-пыт-но,— протянул он.— Понятия не имел, что наша фирма занимается еще и модными пуговицами... Сделаны они, бесспорно, со вкусом, красиво... Хотя должен вам признаться, что я не компетентен решать такой вопрос. И собственно говоря, в чем состоит ваша просьба?

— Мы бы хотели, чтобы вы, как было условлено с господином Менелем, приняли от нас эти образцы и оплатили их...

— Охотно. Но оговоренные в соглашении пятьсот долларов я могу перевести только на банковский счет «Артекса».

— Совершенно верно, господин Хубер. Вы известите «Артекс», что получили от Тибора Сюча образцы пуговиц, и попросите фирму выплатить мне переведенную вами на ее счет сумму. Я же получу от вас пять тысяч долларов наличными отдельно.

Хубер был ошеломлен. Ничего не понимая, он с удивлением смотрел на сохранявшего полное спокойствие молодого человека.

— Пять тысяч долларов? Помимо пятисот?

— Так точно, господин Хубер.

— За эти пуговицы? Да вы шутите, молодой человек!

— Эти пуговицы, господин Хубер, для фирмы «Ганза» могут стоить и сто тысяч долларов,— многозначительно проговорил Тибор Сюч.

— Вы, наверное, принимаете меня за непроходимого идиота,— теряя терпение, сказал Хубер.— Но, к вашему сведению, я не из тех дураков-туристов, которым вы могли бы продать Хортобадьскую степь или Тиханьский полуостров. Во всяком случае, пять тысяч долларов за какие-то пуговички!..

— Господин Хубер,— растерянно и недоверчиво глядя на собеседника, заговорил Тибор Сюч,— вы действительно не знаете, о чем идет речь?

— Я вам уже сказал, черт побери!

— Тогда прошу прощения,— спокойно ответил Тибор Сюч.— Я вам сейчас все объясню! — Он снял

со стола картон, помеченный цифрой «А-1». Достав из кармана перочинный ножик, он аккуратно срезал одну пуговицу с листа картона и кончиком ножа отделил стеклянное украшение пуговицы от ее пластмассового основания. Достав затем из сумки какой-то аппарат, напоминающий микроскоп, магнитной иголкой подцепил из образовавшейся в пуговице полости еле видимую микропластиночку и, положив ее на предметный столик этого своего карманного микроскопа, заглянул в окуляр, покрутил винт наводки и сказал:

— Прошу, господин Хубер.

Хубер заглянул в микроскоп.

— Если не ошибаюсь, это пусковая ракетная установка? — удивленно воскликнул он.

— Совершенно точно, господин Хубер. Теперь вы понимаете, о чем идет речь?

— Кажется, понимаю,— медленно проговорил Хубер.— Он взглянул на молодого человека, потом перевел взгляд на листы картона.— И что же, в каждой пуговице такая микропленка? — спросил он.

— В пуговицах на листах «А-1» и «А-2»,— чуточку рисуясь, с важностью ответил Тибор Сюч,— локаторные станции дальнего радиуса действия, ракеты на позициях, аэродромы... словом, все, что просил господин Меннель... Ну как, вы все еще считаете большой названную мною сумму?

— Нет, господин Сюч. Теперь я не считаю ее высокой,— ответил Хубер. Он снова заглянул в письмо Меннеля.

— Вас что-нибудь смущает? — спросил Сюч.

Хубер покачал головой.

— Да нет. Только при мне нет таких денег. А моя чековая книжка у партнера. Когда я должен выплатить вам деньги?

— Сейчас, немедленно,— ответил Сюч.— Я не могу рисковать.

— Гм... попробую дозвониться до него. Вдруг на счастье, он окажется дома. Прошу прощения.— Хубер подошел к телефонному аппарату, набрал номер и через несколько мгновений заговорил в трубку по-немецки: — Алло! Это я, Хубер... Слушай, вот какое дело: мне нужно выплатить большую сумму денег. Да, сейчас. Принеси мне, пожалуйста, сюда, на виллу Табори, мою чековую книжку... Не понимаешь?.. Чеко-

вую книжку мою, говорю, принеси... Да-да. Спасибо. Жду тебя... До свидания.— Хубер положил трубку и вернулся к столу.— Приходится соблюдать осторожность. Тут вокруг кишит сыщиками.— Он достал из коробки сигару и закурил.

— Что касается сыщиков,— заметил Тибор Сюч,— то три дня назад мы тоже имели возможность с ними познакомиться. Да вот и ваш сосед, Шалго, явно сотрудничает с милицией. Имейте это в виду.

— Мне это известно,— ответил Хубер.

— Он что-то пронюхал,— вмешалась в разговор девушка.— Правда, Тибор удачно вывернулся. К сожалению, я допустила ошибку. Но в конце концов нам удалось отвязаться от этого подозрительного старика. А вот как передать вам микроснимки, мы никак не могли придумать. Нам казалось, что и вы под наблюдением, да и мы тоже...

— Полагаю, за вами больше нет слежки, раз вы рискнули прийти ко мне? — строго спросил Хубер.

— Мы пришли сюда по указанию Шалго,— пояснил Тибор Сюч.— Этот старый паяц «завербовал» нас... Нет-нет, не бойтесь! Я не провокатор. Целых два дня я отказывался принять его предложение, но вчера наконец согласился. Старику, разумеется, и не снилось, что на самом-то деле я — ваш человек... Вот с его помощью мне и удалось передать вам снимки.

— Какое же задание получили вы от Шалго? — поинтересовался Хубер.

— Сказать вам, что я — агент Меннеля. Что я сейчас и делаю.

— А что вы доложите Оскару Шалго?

— Что я честно выполнил его задание, но вы по всем правилам вышвырнули меня вон из комнаты. Нужно, правда, чтобы и вы сообщили ему о моем посещении. Мы должны петь в унисон.

— Что же, вы это хитро все придумали,— одобрил Хубер.

Беата самодовольно улыбнулась.

— Наши сыщики считают себя великими умниками. Им и невдомек, что и у других тоже голова на плечах. Например, эту «коллекцию образцов пуговиц» мы придумали с Виктором, с господином Меннелем, еще в Италии, в прошлом году. Тогда же мы договорились о способах связи с ним.

— И давно вы поддерживаете с ним контакт?

— Третий год. С Виктором, собственно, я установила контакт в Париже. А когда вернулась в Венгрию, вовлекла в дело и своего жениха, Гезу Салаи, а потом — и Тибора. Сейчас он должен был бы встретиться с Виктором. Но вот — не довелось. В прошлом году, когда мы виделись с ним в Ливорно, он забрал у меня со связи Гезу Салаи... Мне даже не известно, какое у Салаи было задание. Наверное, установить с кем-то контакт...

Хубер рассеянно слушал болтовню девушки. Разумеется, она убеждена, что он — шеф Виктора Меннеля, и потому так откровенна с ним. Но тут же у него возникло сомнение: почему Меннель скрыл эти свои связи от Брауна и Шлайсига. «Мне известны все донесения Меннеля,— рассуждал про себя Хубер,— но эта агентурная группа в них вообще не упоминалась. Странно... А операцию «Пуговки» они, надо признать, ловко придумали...» Он снова прислушался к болтовне Беаты, а когда та умолкла, заметил:

— Что касается пуговиц, то идея действительно оригинальная. Но вы, по-моему, недооцениваете Оскара Шалго. Люди, которые прикидываются этакими простачками, весьма опасны. Я подозреваю, что Шалго уже давно знает, кто убил Виктора Меннеля.

— Если бы он это и впрямь знал, убийца давно был бы уже арестован,— не согласилась с ним Беата.

— Возможно. И все же Шалго не дурак. Кстати, ваш жених арестован.

— Ну, Геза сумеет выпутаться.

В дверь террасы постучали, и в гостиную вошли Оскар Шалго и лейтенант Фельмери. Шалго был в в панаме, сдвинутой на затылок, в белом, хорошо отутюженном полотняном костюме. Сюч выругался про себя и подумал: «Не хватает только, чтобы как раз сейчас явился партнер Хубера с его чековой книжкой. Вот незадача. А я-то думал, что старик уехал в Фюред...»

Шалго заметил разложенные на столе пуговицы. Микроскоп Тибор Сюч успел убрать в сумку.

— Вы купили пуговицы? — спросил Шалго у Хубера.

— Пришлось,— сказал тот.— Сделку заключал еще Меннель, по поручению фирмы.

— И за сколько, интересно, вы продали их? — обратился Шалго с вопросом к Тибору.

— Как было договорено,— уклончиво ответил Сюч.— А вообще-то сделка более выгодна для казны, чем для меня: она получит доллары, а я только форинты.

— Слушай, Фельмери, ты можешь поверить, что за эти вот пуговки кто-то готов платить доллары? — И Шалго шутливо толкнул в бок лейтенанта.

— Не уверен,— ответил тот и взял в руки один из листов картона.— Хотя пуговицы красивые! Сколько же они стоят? — спросил лейтенант, взглянув на Тибора.— В долларах?

— Дорого...— снова попытался уйти от ответа Сюч.

— Пять тысяч пятьсот долларов,— ответил за него Хубер.

Шалго, прищурил глаза, посмотрел на Хубера.

— И вы уже расплатились? — спросил он.

— У меня нет при себе таких денег.

— Но я думаю, господин Сюч согласится принять от вас и чек? — спросил Шалго.— А в банке он получит потом по нему деньги.

— Но у меня нет с собой и чековой книжки,— сказал Хубер.

— Ну надо же! — воскликнул Шалго.— Совсем позабыл о вашей чековой книжке, а ведь специально затем и шел, чтобы отдать ее вам! — Он вынул из кармана конверт и передал Хуберу: — Пожалуйста!

— Спасибо,— поблагодарил Хубер.

Тибор Сюч, совершенно сбитый с толку, тупо уставился на Хубера.

— Это и есть ваш друг?! — кивнул он в сторону Шалго.

— А чему вы удивляетесь? Вы же сами сказали, что мы должны «петь в унисон».

— Подлый предатель! — задохнувшись от злобы, прошипел Тибор Сюч.

— Они оба — агенты Меннеля,— спокойно сказал Хубер, показав на Тибора и Беату.— Он с прошлого года, а мадемуазель уже три года. Кстати, и жених ее тоже. А в этих пуговичках — кадры микропленки.

— Здорово вы меня провели, господин Сюч,— с наигранной укоризной проговорил Шалго.— А ведь я

верил вам. Ну что ж, тогда следуйте за лейтенантом Фельмери, дети мои. А ты, дружок,— обратился он к Фельмери,— захвати с собой и эти игрушечки.

Когда Шалго и Хубер остались вдвоем, Хубер с обидой сказал:

— Вы по-прежнему не доверяете мне?

— Вы имеете в виду микрофон? Так ведь этой мудрой предусмотрительности вы обязаны своей жизнью. До свидания!

— До свидания! — И Хубер проводил Оскара Шалго на веранду.— Еще минутку, господин Шалго. Вы уже знаете, кто убил Виктора Меннеля, не так ли?

Шалго вынул сигару изо рта. В глазах его светилась улыбка.

— «Ибо нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным...» Евангелие от Луки, глава восьмая, стих семнадцатый,— сказал он, спускаясь по ступенькам террасы.

Хубер долго с удивлением смотрел ему вслед и не заметил, как за его спиной в гостиную вошла Бланка. Увидев ее, он медленно приблизился к ней и крепко взял за руку.

— Больно! — тихо вскрикнула Бланка.— Отпусти.— Хубер отпустил руку.— Уезжай! — прошептала она.— Я даю тебе добрый совет: уезжай, пока не поздно!

Хубер отошел на шаг.

— Это угроза? Или действительно только совет?

— Совет.— Бланка повернулась, подошла к двери и посмотрела в сад.

— Виктору Меннелю ты советовала то же самое?

— Да, то же самое,— ответила Бланка, не оборачиваясь. Она не хотела встречаться с ним взглядом.— То же самое. Но он не послушал моего совета.

Хубер закурил сигару.

— Ну, а если и я не последую твоему совету, меня тоже прикончат? — спросил он холодным, бесстрастным тоном.

— Не переиначивай мои слова,— устало проговорила Бланка.

— Я не переиначиваю...— Хубер приблизился вплотную к ней, но потом, словно передумав, ото-

шел, сел на кушетку и неожиданно спросил: — Кто убил Виктора? И почему?

Бланка нервно покрутила на пальце кольцо с крупным топазом. Лицо ее было бледным.

— Если бы я даже и знала это, то все равно не сказала бы тебе.

— Ну, мне-то как раз ты можешь сказать.

— Никому. И тебе тоже.

— Шалго подозревает в убийстве тебя, а полковник Кара — твоего сына.

— Шалго идиот. Кару я не знаю.— Она подняла взгляд на спокойное лицо Хубера.— Не понимаю только, на каком основании Шалго может подозревать меня?

— Ты чуть не потеряла сознание, увидев меня здесь. Это вышло очень некстати. Кроме того, он не мог не заметить, что ты намеренно меня избегаешь...

— Но ты же сам велел мне быть осторожной, предупредил, что у нас в доме установлен подслушивающий аппарат.

— Я не говорил, что в доме. Выражайся точнее. Я хорошо помню, что говорил. Здесь, в гостиной, сказал я, установлен тайный микрофон... Но я часами гулял по берегу. При желании ты могла бы туда прийти ко мне. Трижды я ездил в Балатонфюред. Ты знала, что я был там на кладбище...

Бланка не отвечала. Нервничая, она снимала и вновь надевала кольцо.

— Ты уверен, что сейчас здесь нет микрофона? — спросила она.

— Можешь не опасаться,— сказал Хубер.— Но повторяю, Шалго подозревает тебя.— И, многозначительно посмотрев на Бланку, добавил: — Возможно, не без основания...

— Виктора убила не я,— тихо возразила Бланка.— Кто-то сумел опередить меня. Когда Меннель сказал мне, чего он хочет, я решила убить его. В ту же ночь я зашла в кабинет Матэ и украла у него из аптечного шкафа ампулу с цианистым калием. А утром чуть свет помчалась в Фюред исповедаться и покаялась своему старому духовнику в этом намерении. Бедного старца чуть удар не хватил. Разумеется, я не открылась ему, кого и почему хочу убить. Я просила только об отпущении греха до его совер-

шения. И конечно же, он отказал мне в отпущенни. Вот ты и знаешь все.

Хуберу стало жалко ее. Он понимал, почему она рассказала ему обо всем. Нет, не в порыве откровенности. Она хотела, чтобы он увидел ее готовность на все, вплоть до убийства, если он попытается действовать, как Меннель. Хубер стряхнул пепел с сигары.

— Перед моим отъездом мы еще поговорим с тобою об этом деле,— спокойно сказал он.

— Когда ты уезжаешь?

— Надеюсь, сегодня вечером или завтра утром.

— И мы никогда больше не встретимся?

— Никогда. Ты ведь сама так хотела.

— Да. И ты оставишь меня в покое?

— Ты не веришь мне?

— Я уже и самой себе не верю,— призналась Бланка.

Хубер нахмурил брови. «Если она больше не доверяет мне,— подумал он,— все мои усилия напрасны...»

— Странный ты человек, Бланка,— задумчиво проговорил Хубер.— Я выдал венгерским органам безопасности двенадцать агентов. Несколько минут назад я выдал им Тибора Сюча и Беату с кучей важных шпионских материалов. Неужели ты не видишь, что я действительно сжег за собою все мосты? Неужели и это для тебя не доказательство? Чего тебе еще от меня нужно?

— Я верю тебе,— сказала Бланка.— Но я помню и свои страдания. Ты не знаешь, сколько мне пришлось выстрадать.— На глаза у нее навернулись слезы.— Не знаешь,— прошептала она.— И не можешь этого знать.

Хубер потянулся через стол, чтобы пожать руку Бланке, но она отдернула руку.

— Я сожалею об этом, Бланка. Поверь, я не хотел причинять тебе страданий. И никогда не просил тебя о помощи. Я только сообщил тебе, что́ со мной. Ты же сама помогала мне. Меня радовала твоя помощь, но я никак не мог предположить, что под конец все так получится... Наверное, ты не должна была мне помогать.

— Не в этом дело,— перебила его Бланка,— тем более что я сама согласилась тебе помогать...— Горестная усмешка пробежала у нее по лицу.— Как ты сказал только что? «Я никогда не просил тебя о помощи». Будто ты не понимал, что достаточно мне было услышать, узнать, что́ с тобой, и я жизнь готова была отдать... И ты очень хорошо знал, что я всегда отдавала всю себя, свое сердце, душу. Да, ты действительно не просил. Но ты принимал мою помощь как должное... А я, кого же я могу сейчас в чем-то обвинять? Я сама избрала этот путь, прекрасно представляя себе, что делаю, и зная, что однажды наступит час расплаты и расплачиваться за все придется мне самой.

Хубер вынул сигару изо рта и потушил ее в пепельнице. Хмурым взглядом окинув залитую солнцем террасу, он проворчал:

— Я умолял тебя после смерти Греты приехать ко мне.

— Умолял? Но ведь ты знал, что я не смогу оставить брата и сына. И наконец, есть же и у меня хоть капля гордости.

— О, эта проклятая гордыня! — пробормотал Хубер. Он еще что-то хотел добавить, но спохватился и замолчал.

— Теперь уж все равно. Так случилось,— продолжала Бланка.— Вечером ты уедешь, через несколько дней увидишься со своим сыном и начнешь новую жизнь. И я тоже попробую. Хотя и не верю, что мне это удастся...

— Тебе, Бланка, как раз удастся,— убежденно проговорил Хубер.— А вот удастся ли мне, не знаю... Мне еще предстоит долгий путь. И для этого нужно еще кое-что сделать... В частности, продолжить то, что начал Меннель...

— И не говори мне об этом,— замахала руками Бланка, а ее лицо стало суровым и непреклонным.

— Нет, мы должны об этом поговорить, дорогая.

— Ты думаешь заставить меня?

— Меня тоже заставляют, Бланка. Мы все — жертвы принуждения.

— Ты не сможешь заставить меня. И никто не заставит. До какого-то рубежа я еще готова была идти. Но дальше — нет. Дальше я не пойду. Обречь

себя на гибель я могла. Это было мое право. Но стать причиной гибели других людей я не могу. Не имею права. И ты не имеешь права. А если ты все же попытаешься совершить это безрассудство, мы оба погибнем.

Хубер ясно видел, что слова ее — не пустая угроза. Но он продолжал:

— Мы не погибнем, Бланка. Теперь уже нет. И если ты все трезво обдумаешь, то поймешь, что это и в твоих интересах...

Бланка протестующе подняла руку.

— Я все обдумала. Еще когда Меннель посвятил меня в свой адский план.

— Это не план, а решение руководства «Ганзы».

— План или решение — мне все равно.

— Бланка, я очень прошу тебя, не вынуждай меня...

— Ты мне угрожаешь? Но теперь я уже не боюсь твоих угроз.

— Дело не в нас с тобой,— уговаривал Хубер.— От твоего ответа зависит судьба всех, в том числе Матэ и Казмера.

— Что ты хочешь этим сказать? — настороженно спросила Бланка.

— Девятнадцатого утром я разговаривал с Виктором,— медленно начал Хубер.— Он говорил со мной по рации из оперативной машины. Наш разговор я записал на пленку. А через час он уже был убит. Но он успел сказать мне, что накануне ты завтракала с ним. И вы снова говорили о «безумном плане» и поругались. Потом ты сообщила Меннелю, что кто-то хочет с ним встретиться утром, в восемь тридцать. Вы вышли на террасу, и ты показала ему место на берегу, где его будет ожидать тот человек. Ты сказала также, что за человеком ведется наблюдение. Поэтому хорошо было бы, если бы Меннель вышел на озеро в лодке: с воды просматривается весь берег.

Бланка побелела как мел.

— Меннель назвал имя этого человека?

— Назвал.

— И ты знаешь, кто убил Виктора?

— Я знал это еще в Гамбурге,— ответил Хубер.— Но только я. Браун и Шлайсиг ничего не знают. Пожалуй, один только Шалго догадывается, кто это

сделал. Его я боюсь... Итак, ты по-прежнему не желаешь говорить о том плане?

Бланка глубоко вздохнула и, словно человек, сбросивший с плеч тяжелую ношу, негромко рассмеялась.

— Я уже сказала тебе: не будем об этом,— произнесла она решительным тоном.— Ни слова больше.

На улице перед домом остановилась машина. Через несколько минут на веранду вошел Казмер со светло-коричневым чемоданом в руках. Он поцеловал мать, поздоровался с Хубером и тут же начал рассказывать:

— В Балатонфюреде я видел Шалго в машине Меннеля. С ним, между прочнм, сидели какая-то красивая рыжеволосая девушка и парень немного постарше меня в сопровожденни лейтенанта Фельмери. Девушка и парень были в наручниках. Я полюбопытствовал у старика, чего это в такую жару молодые люди нацепили «браслеты»? Шалго ответнл, что онн покушались на жизнь господнна Хубера; прн этом старик добавил, что вы, господин Хубер, геннально провели их.

— Дело совсем не в том, что они хотели убить меня,— заметил Хубер.— Господнн Шалго, как видно, решил пошутить. Этот парень и девушка оказались самыми обыкновенными провокаторами. Кстати, пришли они ко мне по поручению все того же господина Шалго, представившись агентами Меннеля.

— Значит, они были агентами Шалго! Понятно... Впрочем, ничего не понятно! Зачем же Шалго понадобилось надевать на своих людей наручники?

— Такой сейчас в мире порядок, господин ннженер,— с улыбкой ответил Хубер.— А точнее, никакого порядка, анархия. Угоняют самолеты, крадут днпломатов...

— Да, все запутано... К счастью, меня это не касается... Мамочка,— обратнлся Казмер к Бланке,— мне не звонили из МИДа?

— Нет.

— Когда вы уезжаете, господин инженер? — спросил у Казмера Хубер.

— Недели через две. Вы уже бывалн в Москве?

— Нет,— ответил Хубер.— Рядом с ней, правда, был. Издали любовался. Зимой сорок первого... Ну,

если позволите, я отклаияюсь. Нужно готовиться в дорогу. Встретимся за обедом.— Хубер кивнул головой, повериулся и увереииыми шагами вышел из комиаты.

Шалго, сидевший рядом с водителем, повериувшись вполоборота, поглядывал на Фельмери, Тибора Сюча и девушку. Тибор и Беата были скоsаиы друг с другом одиими иаручииками.

— В Фюреде, товарищ, остановитесь перед здаиием городского совета,— сказал Шалго водителю. Старшииа, еще совсем молодеиький париишка, кивиул головой.

— Беата,— обратился Шалго теперь уже к девушке,— вы ие зиаете случайно, кто такая Сильвия?

— Нет, не зиаю.

— А вы, Тибор?

Сюч с иенавистью взгляиул иа старика.

— Вот что я вам скажу, старичок,— произиес ои сквозь зубы.— Не желаю я с вами разговаривать. Более того, я и видеть-то вас ие могу. Я хотел бы поскорее освободиться, чтобы разделаться с вами. А теперь оставьте меия в покое. Можете считать меия шпионом, измеииником родины, всем чем угодно.

— Предельно ясио, милейший,— проговорил Шалго.

— Дать бы этому иаглецу по губам, товарищ Шалго,— угрожающе сказал старшииа.— Отребье последнее, измениик!

— Спокойно, товарищ старшииа,— остаиовил его Фельмери.— Скоро этот господии станет куда скромиее.

— Плохо вы меия зиаете, лейтеиаит,— огрызнулся Тибор Сюч.— Меия ие запугать. Не так-то уж я дорожу жизиью, чтобы в иожки вам упасть.

— Не иамереи спорить с вами,— прекратил разговор Фельмери.

Шалго еще раз попытался вызвать на разговор Беату. Но та упорио молчала, уставившись в одиу точку. Оиа думала, что всему коиец: молодости, любви, словом, всему. Получит оиа самое малое лет десять тюрьмы со строгим режимом. Что ей еще может помочь? Все отрицать? Ведь Меинеля больше иет в живых, а кроме иего некому дать показания

против нее. Геза, правда, может рассказать, что два года назад она была завербована. Но она будет отрицать все, в том числе и встречу с Меннелем в Ливорно. Спасибо тому, кто убил Виктора Меннеля. Если вести себя умно, и десяти лет не дадут.

«Тебе нечего бояться,— вспомнила она слова Меннеля.— Лично я буду оберегать тебя. Какие задания ты от меня получаешь, никто не знает, даже твой жених. Тебе, кстати, тоже не нужно интересоваться, какие задания я даю ему. Завтра мы пойдем с тобой в ливорнское отделение Цюрихского банка, откроем на твое имя секретный счет и положим на него твои деньги. Гонорар за год вперед. Получишь чековую книжку, но с собой в Венгрию ее брать не нужно. Положи в банковский сейф, ключ держи у себя. Понадобятся деньги — заполнишь чек, напишешь свой девиз и получишь их. А каждый месяц я буду переводить на твой счет тысячу марок...»

Теперь все это никому не нужно. Что проку, если на ее счете под девизом «Виктория» даже больше тридцати тысяч марок? Все равно их не получить. Разве когда-нибудь потом, когда ее выпустят из тюрьмы. Где же они ошиблись? Ведь все шло так гладко. Разве можно было предположить, что этот подлец Хубер выдаст их?

Шалго был совершенно спокоен. Он знал, что Сюч и его подруга откажутся давать показания. Но их упорное молчание как раз и доказывает, что в сети попалась не мелкая рыбешка. В делах о шпионаже редко удается получить все нужные улики. Агенты прекрасно знают это и признают на допросах лишь то, что о них уже известно. «Кое-какие доказательства у нас имеются,— думал он.— Микропленка, например. Но я готов поклясться, что Тибор Сюч не скажет ни одного лишнего слова. Признает, что изготовил снимки, но будет уверять, что сделал это один-единственный раз. Да и то неудачно.— Шалго закурил сигару и стал смотреть на серую полосу бетонного шоссе.— Но в общем, результаты не так уж плохи,— продолжал рассуждать он сам с собой.— С помощью Хубера нам удалось выявить агентурную сеть Меннеля, мы арестовали и двух террористов, а также Тибора и Беату, и, наконец, если моя версия правильна, то скоро разоблачим и убийцу.

Фельмери даже не предполагает, какой сюрприз подготовила для нас дактилоскопическая лаборатория. На плане виллы обнаружены отпечатки пальцев Виктора Меннеля и Бланки Табори. А это означает, что план привез с собой Меннель. Теперь все зависит от того, что удастся раскопать в архитектурном отделе Балатонфюреда. Ясно, что Хубер скрывает от нас что-то весьма важное».

Машина остановилась перед зданием Фюредского совета.

— Вызови сюда двух оперативных работников,— сказал Шалго лейтенанту Фельмери.— Пусть отвезут эту влюбленную парочку в Веспрем, в Управление внутренних дел. Будет еще время побеседовать с ними.

Через четверть часа Шалго и Фельмери уже были в заполненном шкафами и стеллажами архиве городского архитектурного отдела, где с утра бригада из шести человек изучала все когда-либо выданные разрешения на строительство, строительные проекты, поэтажные планы частных домов и вилл. На стене висел увеличенный план неизвестной виллы.

Помимо архивариуса и двух сотрудников архитектурного отдела, в поисках участвовали три оперативных работника местной милиции.

— Пока ничего,— сказал старший лейтенант Фекете.

— Придется искать дальше,— проговорил Шалго.— Нужно найти, товарищи, нужно!

К Шалго подошел один из работников архива.

— Доктор Ямбор,— представился он, подавая руку.— У меня есть дельное предложение. Я уже говорил о нем товарищу старшему лейтенанту, но он ссылается на конспирацию, на всякие там указания...

— А в чем дело? — спросил Шалго, с интересом взглянув на доктора Ямбора.

— Вы знаете, так мы и за неделю ничего не найдем. Вы предполагаете, что здание на этом плане — вилла в Балатонфюреде?

— Совершенно верно,— подтвердил Фельмери.— Вы инженер-строитель?

— Нет, я инженер общего профиля, но достаточно разбираюсь в архитектуре и строительстве и могу уверенно сказать, что, судя по планировке, вилла по-

строена в тридцатых годах. В те годы были модны террасы, с которых можно было попасть сразу в дом, на чердак и в подвал. А предложение мое вот какое: надо обратиться к товарищу Болдижару. Он сейчас на пенсии, но сорок лет без перерыва проработал здесь. Он знает все здания в округе, может даже сказать, кто и когда, на основе каких разрешений их перестраивал. К тому же у старика поразительная память. Уверяю вас, стоит ему только взглянуть на план, он тотчас же скажет, что это за вилла.

— Что ж, в этом есть рациональное зерно,— согласился Шалго.— Товарищ старший лейтенант, прогуляйтесь-ка вместе с доктором Ямбором к Болдижару. Пригласите его к нам.

А еще через полчаса сухонький старичок с длинными усами, Бени Болдижар, сидел в комнате архива и, посасывая трубку, внимательно разглядывал план дома, изъятый у Хубера.

— Господа, план сей сделан не архитектором,— заключил он в конце концов.— Вот что, сынок,— попросил он Ямбора,— достань-ка дело М-1176-04/1927. Оно во втором шкафу, у окна.

Доктор Ямбор скрылся за стеллажами, а старый Болдижар снова принялся изучать план.

— Не вижу мансард. Человек, делавший этот чертеж, как видно, не знал, что здание перестроили.

— Так ведь это же вилла Месароша! — подал голос Ямбор, появившись из-за стеллажей.

Болдижар бросил на него укоризненный взгляд.

— А ты разве не знал этого? — спросил он.— Конечно, это дом Месароша. Болдижар взял из рук доктора Ямбора папку, положил на стол, не спеша раскрыл.— Вот, пожалуйста,— сказал он, доставая из нее пожелтевший лист,— можете сравнить сами этот план и ваш.

Шалго переглянулся со старшим лейтенантом. «Дело начинает принимать интересный оборот,— подумал он.— Вряд ли это случайно, что в годы войны адвокат Месарош нашел у калитки этой виллы подкидыша Казмера, а через четверть века сюда приезжает некий Меннель с планом этого же строения».

— Далеко ли находится улица Петефи от улицы Балванёш? — спросил Шалго старого Болдижара.

— В десяти минутах ходьбы,— ответил тот.

— Спаснбо вам за помощь,— поблагодарнл Шалго.— Пожалуй, работу на этом можно прекратить.

...Позднее, когда они уже сндели в кафе, Фельмерн сказал Шалго:

— Что-то наше дело все больше усложняется.

— Вообще-то да,— заметил Шалго.— И надо нметь в внду, что на плане найдены отпечаткн пальцев Бланкн н Меннеля.

— Но теперь мы можем предположнть, что ночью девятнадцатого числа, возвращаясь из Шиофока, Меннель посетнл внллу Месароша. Вероятно, он бывал здесь и раньше.

— По-видимому, да,— согласнлся Шалго.— Однако нужно решить, будем лн мы встречаться с адвокатом Месарошем?

— А что мы ему скажем?

— Вот этого я еще не знаю.— Шалго кивком подозвал официанта н расплатнлся.

В одиннадцать часов утра майор Балинт выехал нз Будапешта и до Веспрема нигде не останавливался.

В управлении Балннту сказали, что Хубер разоблачнл Тнбора Сюча н Беату Кюртн и онн уже арестованы. Эта новость порадовала майора: ведь он с самого первого дня доказывал, что Тибор Сюч н Беата Кюртн — агенты Меннеля. Но разве старому Шалго что-нибудь докажешь? А Шалго сумел убедить полковника Кару, что он, Балинт, ошибается. Теперь уж придется старнку проглотить пилюлю. Начальник караула проводил майора Балинта в камеру, где содержался Тнбор Сюч. Тот сндел на нарах и отсутствующим взглядом смотрел в одну точку. Он даже не поднял глаза на Балинта.

— Не хотелн бы вы что-нибудь нам сообщить, гражданин Сюч? — спроснл майор.

— Нет,— коротко ответнл Тнбор Сюч, леннво поднимаясь.

— А я-то думал, что вы хотите дать показания.

Сюч ничего не ответнл и перевел мутный взгляд на майора.

— Ну что ж, когда надумаете, постучнте в дверь. Мы дадим вам бумагу и карандаш. Сможете облегчить душу.

— Хорошо, я постучу тогда.

Когда они вошли в камеру Беаты, девушка проворно соскочила с нар. Она заметно изменилась за несколько часов, проведенных в заключении: волосы у нее спутались, лицо казалось помятым, под глазами темнели круги.

— Честное слово,— заговорила она почти шепотом,— я ничего не знаю. Я даже не знала, что Тибор...— Беата внезапно умолкла, глаза ее наполнились слезами, и рыдания сотрясли тело. Она бросилась на нары, сжалась в комочек и закрыла лицо руками; видны были только вздрагивающая от рыдания спина и копна густых рыжих волос.

— Следите за ней повнимательнее! — сказал майор Балинт, когда за ними закрылась дверь камеры.— Как бы эта особа не выкинула какой-нибудь фокус.

Они прошли к Гезе Салаи.

Инженер сидел, точно окаменев, прислонившись спиной к стене. Он поднял на майора Балинта встревоженный взгляд.

— Когда вы арестовали Беату? — спросил он дрожащим голосом.

— Почему вы решили, что мы ее арестовали?

— Не считайте меня идиотом. Я слышал ее голос.

...Летом прошлого года, в Ливорно, Мениель сказал Салаи:

— Знаешь, парень, я не собираюсь тебя обманывать. Твоя работа связана с большим риском.

— Я знаю, на что иду,— заносчиво ответил тогда инженер.— И весь риск беру на себя. Надеюсь, вы не думаете, что я мечтаю провалиться.

— Разумеется,— сказал Мениель.— Но это зависит не только от тебя. Со своей стороны я, конечно, сделаю все, чтобы обеспечить тебе безопасность. Именно поэтому я принял решение отключить тебя от Беаты. Отныне ни ты, ни она не будете знать о работе друг друга. Ты и впредь играй роль ревнивого жениха. Ведь ревностью всегда можно оправдать любые, самые абсурдные поступки.

— Ясно. А с кем я буду поддерживать связь?

— Периодически тебе будут звонить по телефону. Запоминай хорошенько вопросы и ответы. Из них

ты будешь знать, где с тобой хочет встретиться наш связной и когда.— Мениель налил в стаканы кальвадоса. Они выпили.— Мой человек скажет тебе: «Можно пригласить господина Вагнера?» Ты ответишь: «Это квартира не Вагнера». И сам спросишь: «Какой номер вы набирали?» Связной назовет какой-то номер. Каждый раз этот номер будет другим. Но первая и последняя цифры в сумме будут давать девятку. Понял? Две же средние цифры в сумме дадут тебе час, когда состоится встреча. Встречаться будете на острове Маргит, у гостиницы. Если, например, отвечая на твой вопрос, он скажет, что набирал номер 249-807...

— ...То это значит,— прервал его Салаи,— что двойка и семерка дают девятку, а встречаемся мы в пять часов пополудни, так как девять и восемь — семнадцать, то есть в семнадцать часов... А как я узнаю вашего человека?

— По его машине на стоянке возле отеля. Она может быть любой марки. Но на заднем стекле у нее будет наклеен фирменный знак «Ганзы». Вот этот.— Меннель достал из бумажника этикетку величиной с ладонь, на которой были изображены средневековые ганзейские города и на их фоне броскими буквами было написано: «Ганза — Гамбург».— Правая дверца машины будет приоткрыта,— продолжал Меннель.— Если связного не будет на месте, ты сядешь в машину и дождешься его прихода. На нем будет темно-синий галстук в горошек. Если связным будет женщина, на ней ты увидишь темно-синий шарфик, тоже в горошек.

— Ясно,— сказал Салаи.— Теперь я хочу кое о чем вас спросить. Только прошу начистоту.

— Пожалуйста, спрашивай.

— Дайте честное слово, что между вами и Беатой ничего не было.

— Даю тебе слово.

«Итак, Беата здесь. Но нет в живых Мениеля. Нужно решать, что делать. У меня они нашли открытку Сильвии, но если я ни в чем не признаюсь, то открытка мало что им даст. Сильвию выдавать нельзя. Нельзя хотя бы потому, что это единственный человек, кто сможет мне как-то помочь,— думал Салаи.— Только не терять головы. Надо спокойно все обду-

мать. Еслн Беа струсит и даст показания, мне все равио иужио все отрицать, и тогда им иичего не удастся доказать... Итак, шпиоиажем я ие заиимался. Буду держаться и дальше своей легенды о ревности». И тут вдруг ему в голову пришла удивительная мысль. Салаи подскочил к двери камеры и яростио забарабаиил в иее. Вскоре в окошко заглянул охраиник.

— Что вам иужио? — спроснл он недружелюбио.

— Хочу поговорить с майором. Доложите ему. Очеиь срочиое дело.

Через десять минут его ввелн в кабинет к майору Балииту, еще ие успевшему уехать нз управлеиия. Майор иедоверчиво поглядел иа Салаи:

— Что вам угодио?

— Хочу дать показання.

XIII

Браун включил коидициоиер, потом украдкой взгляиул иа Хельгу. Девушка с равнодушиым лицом сидела в кресле и курила. «Незаметио, чтобы смерть жениха потрясла ее»,— подумал Браун. Ои вериулся к письмеииому столу и сел в кресло. Ему с трудом удавалось скрыть плохое иастроеиие. Несколько часов назад от Шлайсига пришло тревожиое сообщеиие: Герцег и Еллинек ие вышли в иазиачеиное время на связь. Похоже, что Хубера не удалось ликвидировать. И теперь еще это письмо, из которого было ясио, что с Мениелем тоже ие все в порядке. Выиув из коробки сигару, Браун закурнл.

— Как съездили, удачно? — спросил ои.

— Да, отдохнула хорошо. А то иервы были уже иа пределе.

— Когда вам стало известио о иесчастье?

— Вчера на аэродроме. Отец сообщил.

— Примите мои искреиние соболезиоваиия,— сказал Брауи.

— Спасибо. Как вы поиимаете, мие от иих не легче. Когда похороны?

— На будущей иеделе.

Хельга подвинула к себе пепельиицу, положила в иее сигарету, потом, достав из сумочки батистовый иосовой платок, приложила его к глазам.

— Вам известны какие-нибудь подробности о том, что там произошло? — спросила она.

— Многое известно, об остальном догадываемся. Откровенно говоря, дело весьма запутанное и несколько непонятное.

— Кто убил Виктора, вы знаете?

— Нет, не знаем.

Хельга убрала платочек в сумку и снова устремила взгляд в одну точку.

— Я хотела бы вас кое о чем спросить,— тихо проговорила она.— Не как своего шефа, а как друга нашей семьи. И я очень прошу, Эгон, ответьте честно на мой вопрос.

— Разумеется, Хельга.

— Когда было принято решение о поездке Виктора в Венгрию?

— Тогда же, когда было принято решение по «Сильвии»... Погодите-ка, сейчас я скажу совершенно точно.— Браун на несколько секунд задумался.— В конце мая.

— Ему сообщили об этом?

— Разумеется.

— Подлец! — с ненавистью произнесла девушка.— Жалкая личность. Ну и поделом ему! Ведь он дал мне клятву не ездить в Венгрию. Три недели назад он поклялся в этом. Теперь я понимаю, почему он так настойчиво советовал мне поехать отдохнуть на Бермудские острова.— Нервным движением она погасила в пепельнице сигарету.— Мне кажется, нас обоих основательно обманули. И вас, Эгон, и меня.

Браун почувствовал, что наступил удобный момент показать девушке письмо. Ведь Хельга говорила сейчас с ненавистью о Меннеле. Разочарование и горечь помогут ей полностью прозреть... Он взял со стола письмо и протянул ей:

— Вот, нашли на квартире Меннеля. Прочтите.

Хельга взяла письмо. Мельком взглянула сначала на незнакомые удлиненные буквы, потом начала читать:

«Дорогой Виктор!

Я была бесконечно рада твоему последнему письму. Наш друг был поистине очень любезен и пообещал, что по пути из Бухареста захватит мой ответ

тебе. Пишу это письмо совершенно спокойно, зная, что его прочтешь только ты. Наконец-то после долгих месяцев разлуки мы снова встретимся. Как влюбленная школьница, я сгораю от нетерпения и считаю дни до встречи. Все твои распоряжения я выполнила. В Национальном банке уже получила положительный ответ. Так что теперь свободно могу подавать заявление о выдаче мне заграничного паспорта. Думаю, что, когда ты приедешь в Будапешт, паспорт будет уже у меня на руках. А вопрос с визой ты решишь потом сам. Ты спрашиваешь, где бы мне приятнее всего было поселиться? С тобой — где угодно. Поедем туда, где ты будешь чувствовать себя в наибольшей безопасности. Твоя безопасность для меня важнее всего. Тибор проделал изумительную работу: не жалея сил, не боясь риска, он собрал такой материал, о котором ты и не мечтал. Мой дорогой! Я должна признаться тебе: Тибор считает, что я в него влюблена. Если вы встретитесь, не разочаровывай его, не лишай этой иллюзии, потому что бедный парень работает только «ради этой большой и бескорыстной любви». Вообще говоря, мне очень жаль его: он несчастный человек, заслуживающий лучшей судьбы. Теперь о моем женихе; ему стало известно о наших с тобой отношениях, и он ревнует. Будь осторожен, потому что, если Геза потеряет голову, он способен на все. Я не боюсь его предательства — он достаточно умен, чтобы не сделать этого. И все же я не хотела бы, чтобы вы встретились. К сожалению, фрейлейн Хельга была неделикатна и раскрыла нашу тайну. Бедняжка, конечно, ревнует. И я понимаю ее. Женщине всегда очень больно, если на ее любовь не отвечают взаимностью. Я не сержусь на нее, хотя Геза надавал мне пощечин. Бедная Хельга, может быть, думает, что пощечины моего необузданного жениха выбьют из меня любовь к тебе. Господи, как глупы влюбленные женщины! Сейчас я часто задумываюсь над тем, не сделала ли я ошибку, что не порвала с Гезой еще летом прошлого года. Если бы ты знал, как он мне надоел, как он мне неприятен. Но ради тебя я и дальше продолжаю эту игру. Надеюсь, теперь уже недолго осталось ждать. Итак, жду тебя. Твоя Беа».

Хельга положила письмо на колени. «Да, я была невестой Виктора,— подумала она,— но после этого я и на похороны его не пойду. Однако почему Виктор не уничтожил это письмо? Странно. Неужели он был так во всем уверен?»

— Вы знаете, кто эта Беа? — спросил Браун.

Девушка кивнула. У нее пересохло во рту, она потянулась за стаканом, налила кока-колы и выпила несколько глотков.

— Да, я ее знаю,— тихо сказала она.— И удивляюсь, что вы ее не знаете.

— А разве мы должны ее знать?

— Вне всякого сомнения. Беата была агентом Виктора.

— В нашей картотеке она не числится.

Хельга подняла на Брауна удивленный взгляд.

— И доктор Хубер не упоминал о ней?

— Хубер? — Браун тоже был не на шутку удивлен.— Хуберу известна эта девица?

— Да. Доктор Хубер в августе прошлого года был в Ливорно.

— Интересно! Я и не знал об этом.— Браун подумал, что его обвели вокруг пальца, как новичка.— Хельга, дорогая, может быть, по-дружески вы расскажете мне все, что вам известно об этой странной истории. Разумеется, совершенно конфиденциально.

Девушка задумалась, медленно достала из пачки сигарету, закурила, потом, взглянув на Брауна, спросила:

— Знаете, кто убил Виктора?

— Нет, не знаю.

— Геза Салаи.— Она положила письмо на стол перед Брауном.— Необузданный жених этой Беаты. Но чтобы вам все было понятно, добавлю: в начале августа прошлого года Виктор сказал мне, что он должен выехать на три дня в Ливорно.

— Это соответствует действительности. Он встречался там с несколькими венгерскими агентами, в том числе и с Гезой Салаи, который значится у нас в картотеке.

— Правильно,— согласилась девушка.— Но если вы внимательно изучите личное дело Салаи, то за-

метите, что там правда соседствует с ложью. В документах, например, говорится, что Меинель завербовал Салаи в Париже в шестьдесят седьмом году. Но это неправда. В шестьдесят седьмом Салаи не был в Париже. Там была Беата Кюрти со своей матерью. Виктор завербовал Беату, а вам, Эгон, доложил об этом совсем по-другому. Беата сама завербовала своего жениха, когда вернулась в Венгрию. Все это я узнала от Салаи в марте этого года. Итак, в прошлом году в Ливорно Виктор впервые встретился с Гезой Салаи, находившимся в Италии вместе с невестой в качестве туриста. С ними вместе была и мать этой девицы. Они жили в гостинице «Солнечный луч». Двенадцатого августа я тоже выехала в Ливорно, намереваясь сделать сюрприз Виктору. Ключа от его комнаты у портье не было. Я не придала этому значения. «Виктор мог не сдать ключ из предосторожности»,— решила я, и тут мне пришла в голову дурацкая идея удивить его. Я дала две сотни лир горничной, которая достала мне второй ключ от номера Виктора.— Хельга отпила еще глоток кока-колы из стакана.— Одним словом, он был в постели с этой девицей. Я не стала устраивать тогда скандала, а поднялась к себе в номер. Через десять минут Виктор уже был у меня. Нужно ли говорить о том, что я тогда пережила. Наверное, вам и так понятно. Виктор пустился в объяснения, стал уверять меня, что речь, мол, идет о важном служебном деле и что он якобы вынужден был выполнить желание этой девицы... Я не стала с ним разговаривать, а велела ему убираться. При этом я сняла с пальца кольцо и швырнула ему. «Имейте в виду,— сказала я,— что это конец вашей карьеры. Я теперь ни шагу не сделаю, чтобы спасти вас от тюрьмы».

— От тюрьмы? — удивился Браун.

— Да, от тюрьмы,— подтвердила Хельга.— Я не случайно выехала в Ливорно и не для того, чтобы сделать сюрприз Виктору, а по поручению отца. У отца есть в Америке друг, занимающий высокий пост в Федеральном бюро расследований. За два дня до моего отъезда он посетил отца и доверительно сообщил ему, что в течение длительного времени ФБР старается напасть на след большой шайки, делающей бизнес на контрабанде наркотиков. Эта шайка

крупиыми партиями пересылает в Европу гашиш, марихуаиу и другие иаркотики. Нити преступлеиия ведут и к иекоторым американским офицерам, проходящим службу иа территории ФРГ. Федеральиое бюро уже арестовало двух американских офицеров — майора и капитаиа. Операция была осуществлеиа ловко: их якобы откомандировали иа Восток, куда оии, разумеется, ие доехали. После первых же допросов эти офицеры во всем призиались. Оии показали, что в их махииациях прииимал участие и сотрудник «Гаизы» Виктор Меииель. Можете себе представить, как был поражеи мой отец. Джои Колеи, американский друг отца,— человек порядочиый. Он специальио посетил его и рассказал про это деликатиое дело, зиая, что Виктор — мой жеиих. Ои добавил также, что «Шпигель», коиечио, постарается раздуть это дело, если история с Виктором выплывет иа поверхиость. Поэтому Колеи, как представитель ФБР, попросил отца доверительио переговорить с Виктором, и если тот честио расскажет обо всех своих связях, то ФБР из уважеиия к иашей семье гараитирует, что имя Меииеля иигде ие будет иазваио.

Брауи виимательио слушал Хельгу.

— Ну, в коице коицов вы сказали Меииелю, о чем идет речь? — спросил ои.

— Только поздио вечером,— ответила Хельга.— Я была тогда в таком состоянии, что вообще ие желала его видеть. Я ужииала у себя в иомере, когда ко мие постучался Отто Хубер. Ои был вежлив, спокоеи, говорил вкрадчивым голосом. Попросил прощеиия за беспокойство и сказал, что очень хотел бы, чтобы я его выслушала. Я уже иесколько успокоилась, и потом меия даже заиитересовало, что оии с Меинелем придумали. Хубер призиал, что мое возмущеиие вполие справедливо и иа первый взгляд все действительио говорит против Виктора. Одиако речь идет о подготовке весьма важной операции в Веигрии, в которой эта веигерская девушка — одиа из главиых участииков. А оиа согласилась иа эту роль только при условии, если Виктор Меииель стаиет ее любовииком.

— Хубер рассказал вам, в чем суть этой веигерской операции? — спросил Брауи и подумал: «Кажется, кое-что иачииает проясияться».

— Он рассказал мне запутанную историю о каких-то драгоценностях, которые один немецкий офицер будто бы спрятал во время войны где-то в Венгрии. И вот эти-то спрятанные драгоценности он и рассчитывал найти с помощью Беаты.

— Хубер назвал какие-нибудь имена?

— Нет. Он сказал только, что вы знаете об этом деле.— Хельга взглянула на Брауна, ожидая ответа.— Это действительно так?

— Да, знаю,— сказал Браун.— Только девица не имеет никакого отношения к драгоценностям. И Отто Хубер и Меннель солгали вам. Ну, об этом мы поговорим позже. Итак, в конце концов вы помирились с Меннелем?

— Да,— ответила Хельга.— Виктор поднялся ко мне в номер и повторил то же самое, что и Хубер. Я поверила ему, но поставила условие, чтобы на следующий же день он отослал девицу из Ливорно. Виктор пообещал. Тогда я сказала ему о деле с наркотиками. Он был буквально потрясен. Я еле смогла его успокоить. На следующий день он уехал, чтобы поговорить с моим отцом. А я осталась в Ливорно, потому что у меня были еще другие дела.

— Вы виделись с Хубером?

— Нет, больше не виделась. Ни с ним, ни с девицей. Они уехали. Виктор же через два дня вернулся. Его словно подменили. Сначала он мне ничего не хотел рассказывать, только пил. Потом стал ругать моего отца. Наконец я все же узнала, что случилось. Оказывается, отец потребовал от него, чтобы он порвал со мной. Они с Коленом, что называется, загнали его в угол, и Виктор вынужден был пообещать им это. Позднее отец стал требовать и от меня того же. Я поняла, что они задумали. Когда я порву с Виктором, у ФБР будут развязаны руки и оно сможет арестовать его во время очередной заграничной поездки. Наша семья в этом случае уже не будет замешана в деле. Я и Виктор продолжали тайно встречаться. Отцу же я сказала, что, если с Виктором что-нибудь случится, я устрою грандиозный скандал. С ним ничего не случилось. Если помните, Виктор старался больше никуда не выезжать, находя для этого все время какие-нибудь предлоги. Мы знали, что агенты ФБР следят за ним. Разумеется, для моего отца не

было тайной, что я только формально порвала с Виктором. Недели четыре назад Виктор был у меня. Он рассказал мне, что вы хотите направить его в Венгрию для осуществления операции «Сильвия». Мне это не понравилось. Я ревновала. Тем более что, когда я в марте была в Будапеште и встретилась с Гезой Салаи, я узнала о переписке Виктора с Беатой. Тогда-то, по-видимому, я и совершила самую большую в своей жизни глупость... Хотя кто знает? — словно в раздумье, спросила она себя самое.— Я рассказала Салаи, что его невеста — любовница Виктора и что его, жениха, бессовестно обманывают. Конечно, тогда у меня и в мыслях не было, что этим я ускорила гибель Виктора. Вы меня понимаете, Эгон? Я же не могла этого предполагать, так как Виктор дал честное слово, что не будет встречаться с Беатой. А вскоре он сообщил мне, что вообще не поедет в Венгрию. Мол, отказался, и вместо него поедет кто-то другой. Ту ночь мы провели вместе. Под утро Виктор спросил у меня, доверяю ли я ему? Я сказала, что доверяю. Все-таки я очень любила его, и мне казалось, что я не смогу без него обойтись... Хоть мы и много выпили в ту ночь, Виктор выглядел совсем трезвым. Он говорил, что за каждым его шагом следят, но нельзя жить все время в страхе и мы должны на что-то решиться. Виктор предложил мне уехать из страны, исчезнуть, поселившись где-нибудь в Южной Америке. «А как это сделать? — спросила я.— Ведь не так-то просто исчезнуть». Он самонадеянно усмехнулся и сказал, что все уже подготовил. У него есть секретный счет в одном из швейцарских банков и документы на его новое имя, и что он намерен начать новую жизнь. Он рассчитывает найти спрятанные в Венгрии сокровища, после чего мы сможем исчезнуть.

— Стало быть, вы все-таки знали, что он собирается в Венгрию?

— Знала. Но он пообещал мне, что с той девицей встречаться не будет. Ему удалось добыть план виллы на Балатоне, где спрятаны сокровища. Он показал его мне.

Браун снова налил Хельге коньяку, и она осушила рюмку до дна.

— Мы подробно обсудили с Виктором,— продолжала она,— и план нашего исчезновения. Условились,

что четырнадцатого июля я уеду на Бермуды, а он на другой день — в Венгрию. Пяти дней ему хватит для выполнения намеченной операции, и двадцатого вечером он уже прибудет в Вену. Там он сядет на самолет под чужим именем, и на следующий день мы встретимся с ним в Монреале, где я получу от него и свои новые документы. Двадцатого утром я была в Монреале. Но он не прибыл с очередным венским рейсом. На другой день утром я снова была на аэродроме. Безрезультатно. Я начала волноваться. Прождала четыре дня. Виктор так и не прилетел. Тогда я связалась с местной конторой авиакомпании. Я знала, что Виктор должен был забронировать место на самолет, вылетающий из Вены в Монреаль двадцатого. Разумеется, уже не на свою прежнюю фамилию, а на имя Фреда О'Коннора. Через несколько часов я получила из Вены ответ, что на это имя ни в одном венском агентстве место на самолет не бронировалось. Тогда я начала догадываться, что случилась беда, и вернулась. А вчера узнала от отца, что произошло. Вот и все.— Хельга показала на письмо, лежащее на столе.— И теперь мне все понятно. Я убеждена, что это Геза Салаи убил Виктора.

— Возможно,— ответил Браун,— потому что в соответствии с заданием Меннель должен был встретиться с Салаи.— Браун встал и зашагал по кабинету. Украдкой он бросал взгляды на девушку. «Очаровательное создание,— думал он.— Есть смысл заняться ею... Разумеется, не сейчас, а позднее. Но сначала надо выяснить, что же все-таки произошло». Он остановился у окна. В прозрачной дали видны были подъемные краны судостроительных верфей и порта.— Хельга,— заговорил он, даже не повернувшись,— могу ли я и впредь рассчитывать на вашу помощь? Я это спрашиваю потому, что знаю: в свое время вы согласились выполнять обязанности связной, по существу, только из-за Виктора. Теперь его нет в живых, и, строго говоря, вас уже больше ничто не связывает с нами.

— Разве только то,— ответила Хельга,— что я настоящая немка. Или этого недостаточно?

Браун повернулся к ней:

— Должен ли я понимать это так, что вы готовы и дальше помогать нам?

— Разумеется. Как и раньше. Без всяких условий,— ответила Хельга.— А скажите, Эгон, вы можете открыть мне, для чего Виктор должен был встретиться с Гезой Салаи?

Браун ближе подошел к девушке.

— Видите ли, Мениель выехал в Венгрию для выполнения двух заданий: во-первых, он должен был вывезти сюда спрятанные драгоценности и, во-вторых, провести операцию «Сильвия». В это второе задание входила и его встреча с Салаи. Салаи должен был принять на связь от одного из наших резидентов несколько агентов. Могу заверить вас, что Беата и Салаи не имели ни малейшего отношения к спрятанным драгоценностям.

— Значит, доктор Хубер обманул меня?

— Еще как! И мне ясно теперь, с какой целью. Он хотел помочь Виктору. Ваш жених наверняка пожаловался ему, что вы прогнали его, и Хубер срочно придумал выход, представив все дело так, будто эти драгоценности можно разыскать только с помощью Беаты.

— Мне не ясно лишь одно: почему вы ничего не знали об этой девице?

— Думаю, потому, что Виктор, очевидно, работал не только на «Ганзу»,— отвечал Браун.— Но это скоро выяснится. Как видно, мы знаем не всю агентуру Виктора Мениеля. К сожалению, Хельга, я полагаю, вы понимаете, что все, о чем мы сейчас говорили, должно остаться строго между нами?

— Может, мне следовало бы съездить в Венгрию?

— Пока нет. И так достаточно ясно, что там произошел провал. Хубер стал предателем. Ликвидировать его не удалось. Видимо, и люди, направленные нами для проведения этой акции, провалились. Я думаю, что наша агентурная сеть в Венгрии, которая, надо сказать, неплохо организована, понесла существенный урон... Отправляйтесь домой, Хельга, и отдохните. Если не возражаете, мы с вами как-нибудь в один из вечеров встретимся и продолжим разговор.

Оставшись один, Браун уселся поудобнее в кресло и задумался. Из головы у него не выходил Хубер. Недаром ему никогда не нравился этот старый интриган. Нужно признать, что Хубер был, пожалуй,

единственным человеком, с которым он всегда чувствовал себя как-то неуверенно. Он не мог подобрать ключа ни к его мыслям, ни к душе. А ему очень хотелось бы знать, о чем думает Хубер, какие планы вынашивает. Нет, они никогда не спорили. На вопросы Брауна Хубер всегда отвечал корректно и обстоятельно. Если с чем-то не соглашался, тоже делал это всегда вежливо и деликатно, неизменно добавляя: «Вы — мой шеф, ваше право решать».

Браун включил селектор и попросил, чтобы к нему пригласили Шлайнга.

Первое августа пришлось на пятницу. В этот день Оскар Шалго праздновал день рождения. Нельзя сказать, чтобы он прошел удачно: утром они вернулись с Фельмери из Балатонфюреда смертельно усталые и тотчас же завалились спать. Проснулись только во второй половине дня. Шалго отказался от обеда и спустился в сад прогуляться, зато Фельмери поел с аппетитом. Многое для Шалго уже было ясно, но, к сожалению, по-прежнему не было достаточных улик, способных подтвердить правильность его версии. «Нужно создать такую ситуацию,— думал он,— при которой преступник разоблачит себя сам». Шалго прогуливался вдоль проволочной сетки, отделявшей их сад от виллы профессора Табори. От его взгляда не ускользнуло, что Казмер и профессор Табори спустились к берегу. Потом он заметил Бланку и Хубера. Они сидели под ореховым деревом: Бланка в качалке, а Хубер в плетеном садовом кресле. Ах, как много он дал бы, чтобы узнать, о чем они сейчас говорили. Шалго заметил также, что ворота гаража открыты. Отставной детектив осторожно открыл калитку в сад Табори и спокойно проследовал к гаражу. А спустя полчаса Шалго уже сидел на своей тенистой веранде и с превеликим удовольствием закусывал. Он допивал какао, когда прибыл майор Балинт. Лиза тотчас же усадила и его за стол. Впрочем, майор Балинт не заставил себя упрашивать и с завидным аппетитом принялся за еду.

— Миклош,— сказала Лиза.— У Оскара сегодня день рождения. По этому случаю он хотел бы вместо подарка получить от тебя ответ на некоторые мучащие его вопросы.

Майор Балнит вытяиулся в кресле, закурил и с видом хорошо ииформнрованного человека чуточку свысока посмотрел на Шалго.

— Какие же проблемы ие дают покоя иашему иоворождеииому? — спросил ои.— Сегодия я в благодушном иастроеиии и готов ответить иа любой вопрос.

— Лнзаиька, поскорее иеси доску и мел и виимательио записывай все ответы иовоявлеииого оракула Миклоша... Неплохо было бы пригласить и Фельмерн. И куда девался этот мальчишка?

— Сказал, что пойдет окуиуться.

— Ладно, Оскар, ие будем отвлекаться! Задавайте вашн вопросы.

— И то правильио,— отозвался Шалго.— Итак, вопрос первый, кто убийца Мениеля?

— Эрих Фокс, коллекционер нз Мюнхена.

— Доказательства?

— Отпечаткн пальцев и следы обуви,— увереиио ответил майор Балиит.— Я только что получил сообщеине из кримииалнстической лабораторни в Веспреме. Человек, оставившнй след в гараже, носит обувь сорок второго размера на резниовой подошве, слегка прнхрамывает н страдает плоскостопнем.

— Скажн, Миклош, — перебил его Шалго. — А вдруг это твой след?

— Зря только время теряем,— раздосадоваино буркнул майор Балиит.— С вамн иевозможно говорить серьезио.

— Ладно, ты не кипятись. Твое предположеиие нитересио, хотя лично мне оио не очеиь нравится. Интересно прежде всего тем, что дает возможность закрыть дело. Убнйца — господнн Фокс. Ои убежал иа Запад. Правда, найдеиные отпечаткн пальцев нам ие удалось сличить, ио, разумеется, они могли принадлежать только ему. Зато в наши рукн попали двеиадцать агентов, два наемных убнйцы, один специалнст по нзготовлеиию пуговнц, ои же иеудавшийся врач-гниеколог, н одна любвеобильиая девица. С точки зреиия выполиеиия пронзводственного плаиа это иеплохой результат.— В голосе Шалго звучала явная нздевка.— Но с другой точкн зрения это плохо: совесть моя неспокойна.— Шалго закурнл снгару и пустил кольцо дыма.— Ты поминшь, Миклош,

мы ведь вместе с тобой осматривали в Веспреме машииу Менией? Тогда я иашел объясиеиие, зачем иужен сигнальиый диск, который показывает не только рабочую готовиость рации, ио и то, что аппаратура побывала в чужих руках, если это, разумеется, произошло. Далее. Мениель, как ты утверждаешь, нашел драгоцеиности. Но меия иитересует, где они все-таки были спрятаиы? И до тех пор, пока ты не сможешь сказать этого, я буду искать иастоящего убийцу.

Майор Балинт взгляиул на часы.

— Ровно через час я докажу вам, что Фокс и есть настоящий убийца,— произнес он решительным тоном.

— С нетерпением буду ждать этого часа,— отозвался Шалго.

Зазвонил телефон. Лиза пошла в комиату, и слышно было, как оиа с кем-то оживлению разговаривает. Потом она позвала:

— Оскар, это тебя! Эриё.

Шалго подошел к аппарату и взял трубку.

— Алло, привет, Эриё.

— Балинт у вас? — спросил на другом конце провода Кара.

— К сожалению, да. Он съел весь мой праздиичный кекс с изюмом.

— Передай ему трубку.

Майор Балиит в течеиие двух-трех минут внимательно выслушивал указания шефа, сопровождая их короткими «да» и «поиятно», после чего сиова подозвал к телефону Шалго.

— Ну, великий рыбак,— весело проговорил полковник Кара,— теперь твой черед. Я сказал Балииту обо всем. «Сбор урожая» идет хорошо.

— Ну и как? Отборное зерно?

— Весьма! Есть очеиь даже полиовесиые экземпляры. Хубер, пожалуй, заслуживает награды.

— Ну что ж, иацепите ему ордеи,— зло сказал Шалго.

— Ладно, ты не кипятись, старик. Навериое, это еще не вся агеитура «Ганзы». Но есть у меия и для тебя кое-что интересное: мы тут разыскали бывшую иадзирательиицу веспремского приюта — Аниу Талабери. Сейчас она уже не молода, иа пеисии, но па-

мять у нее, к счастью, еще вполне хорошая. Оиа пприпоминла Казмера Табори н вот что рассказала о нем: осенью сорок четвертого года в приюте появился хорошо одетый мужчина и заявил, что кто-то оставнл возле калнтки его дома корзнну с ребенком. Мужчнна проживал в Балатоифюреде, иа улице Казмер. Поэтому и в прнюте мальчоике-подкндышу дали нмя Казмер Фюреди. По заключенню врача ребенку было тогда около полутора-двух месяцев.

— А что рассказала эта немолодая дама с хорошей памятью об усыиовлеиин мальчнка? — перебил полковника Шалго.

— Оиа говорит, что еще шла война, когда в коице апреля сорок пятого года в приют прншла иекая Бланка Табори н сказала, что хотела бы усыновить маленького мальчика. В приюте тогда было десять—двенадцать мальчншек. Блаике Табори показали их, и оиа выбрала себе Казмера Фюредн.

— И это все? — спроснл Шалго.

— Как, тебе недостаточно этого? По-моему, события стремнтельио развиваются.

— Ты даже не представляешь, иасколько стремнтельно,— подтвердил Шалго.— Мы уже сейчас знаем куда больше этой Аииы Талабери.

— Ты уже говоришь, как моиах, во миожественном числе?

— Отиюдь нет. Мы — это я и Фельмери... А что касается хорошо одетого мужчины, могу сообщнть, что его зовут Месарош. И проживает он в Фюреде не на улнце Казмер, а иа улице Петефн. Сегодня раио утром мы нмелн с ннм продолжительную и вначале весьма буриую беседу. С твоего разрешения мы — до последующих распоряженнй — опечаталн виллу адвоката Месароша. Прншлось для этой цели прибегнуть к помощи фюредской милнцни... Эриё, я очень хотел бы, чтобы ты как можио скорее приехал сюда.

— Это иевозможио, Оскар. Я должеи быть здесь до конца «сбора урожая».

— Тогда я буду действовать иа свой страх и рнск. Разумеется, вместе с майором Балиитом. А Фельмери — вот ои как раз вернулся с пляжа свежнй и довольиый — я иемедлеиио направлю к тебе с магинтофоиной лентой. Думаю, что, как только ты

прослушаешь запись, тебе станет понятно, почему твое присутствие здесь крайне необходимо.

— Ты серьезно? — По голосу чувствовалось, что полковник Кара колеблется.— Если Фельмери выедет сейчас же, через два часа он будет уже здесь... Знаешь что? Я перешлю с ним паспорт и визу для Хубера. Пусть майор Балинт сообщит ему, что самое позднее в полночь он сможет отбыть в Прагу... Все ясно?

— Да. Обнимаю Лизу. До свидания.

— Хорошо,— сказал Шалго, положил трубку и сел.

— Итак, что вы тут от меня скрываете? — спросил Балинт.

— Ничего мы не скрываем. Просто мы пока еще не успели поговорить о возникших в этом деле новых обстоятельствах. Но до всего дойдет черед. На какой машине Фельмери поедет в Будапешт?

— Могу ли я попросить для него ваш старый добрый «фиат»? — спросил майор Балинт.

— Можешь.— Шалго повернулся к лейтенанту, который без особого энтузиазма воспринял указание ехать в Будапешт. Сейчас ему хотелось остаться с Шалго, чтобы самому увидеть следующий шаг старого детектива.— Если ты быстро обернешься,— пообещал ему Шалго,— дождусь тебя. Но пока придет машина, сделай еще одну запись нашего разговора с Месарошем.

Лейтенант занялся магнитофоном, а Шалго тем временем рассказал майору Балинту, что им с Фельмери удалось выяснить прошлой ночью.

— Фантастика! Ну и ну! — воскликнул майор Балинт, взволнованно шагая по комнате из угла в угол.— Эта бомбочка не хуже моей версии относительно Эриха Фокса.

Они перешли на террасу и сели в тени.

— Что Кара просил передать Хуберу? — спросил Шалго.

— Его нужно ознакомить с порядком выезда из Венгрии. А вообще-то шеф надавал мне столько заданий, что не знаю, как я с ними справлюсь.

— Ты сопровождаешь Хубера в Прагу?

— Только до границы,— ответил майор Балинт.

— Ну а еще какие тебе дали задания?

— Допросить Казмера. Если он не сможет объяснить, где находился во время убийства, надо будет его арестовать.

— Ну и глупо! — заметил Шалго.

Им пришлось прервать разговор: к вилле через сад шел Отто Хубер.

Поднявшись на террасу, Хубер поцеловал руку Лизе, обменялся рукопожатием с мужчинами, потом сел рядом с Шалго.

— Я отниму у вас только минуту, господин Шалго.

— Пожалуйста, хоть две, господин Хубер. Вы уже собрались?

— Да. Как раз об этом я и хотел поговорить. Я разбирал документы Мениеля, и мне показалось, что какие-то его записи отсутствуют... Там был один чертеж.— Он взглянул на Лизу.

— Теперь я припоминаю,— сказала Лиза.— Когда Герцег спросил вас, что это за чертеж, вы, господин Хубер, ответили ему, будто собираетесь строить виллу в Баварии и набросали ее примерный эскиз.

— Да, я так сказал.

— А я не придала значения этим словам, почувствовав, что вы ему сказали неправду.

— Я не хотел, чтобы этот чертеж попал в руки Герцега,— ответил Хубер.— Подозреваю, что это чертеж виллы, в которой немецкий офицер спрятал перед своим бегством драгоценности.

Майор Балинт, внимательно слушавший разговор, вдруг хлопнул себя по лбу.

— Черт побери! Почему же вы этого раньше не сказали? — воскликнул он. Все посмотрели на него с любопытством.— Ведь Герцег уничтожил этот чертеж.

— Откуда тебе это известно? — спросил Шалго.

— А оттуда, что, когда я отвозил Герцега и Элленека в Будапешт, они спокойно разговаривали, думая, что я ничего не понимаю по-немецки. Элленек спросил Герцега, построена ли уже в Баварии его вилла. Герцег ответил, что не построена. Чертежи сгорели. Даю голову на отсечение, что Герцег либо сжег чертеж, либо еще как-нибудь его уничтожил.

— Вполне вероятно,— подтвердил Шалго.— Но я

поговорю с полковником, чтобы он срочно прислал нам назад все эти документы.

— Прошу меня извинить,— сказал майор Балинт, поднимаясь.— У меня еще много дел... Господин Хубер, полковник Кара просил вам передать, что сегодня вечером вы получите все документы, необходимые для вашего отъезда. Лейтенант Фельмери едет сейчас в Будапешт, но вечером он вернется с документами, и я вручу их вам. Вы будете дома?

— Разумеется. Премного благодарен,— поклонился Хубер; видно было, что последние слова майора Балинта подействовали на него успокаивающе.

— До границы сопровождать вас буду я, а на КПП передам представителю чехословацкой службы госбезопасности. Он проводит вас на аэродром и во всем вам поможет.

— Еще раз спасибо, господин майор,— сказал Хубер.— Вы очень внимательны.— Он встал.— Не смею вам больше мешать, господа. Разрешите откланяться.

Когда Хубер ушел, Балинт спросил у Шалго:

— Ну, каково ваше мнение?

— О чем?

— О Хубере! Ведь он сослужил нам хорошую службу.

— Цыплят по осени считают, Миклош.

Из комнаты вышел Фельмери с портфелем в руке.

— Хубер сделал все, что было в его силах,— возразил майор Балинт.— Не знаю, что сказал вам полковник Кара, но я из его слов понял, что мы должны быть благодарны Хуберу. Да что я вас убеждаю! Хубер приговорен Брауном и его людьми к смерти, а руки у фирмы «Ганза» длинные. Я, например, и теперь Хуберу не позавидую. Если они очень захотят, они отыщут его и за границей, где угодно. Кстати, товарищи из аппарата Кары навели справки и установили, что сын Хубера действительно проживает в Гаване. Он в свое время попросил у кубинского правительства политическое убежище. Вполне понятно, что Хубер желает поехать туда. А Тибор Сюч и Беата Кюрти! Ведь не вы, папаша, вывели их на чистую воду, а все тот же Хубер разоблачил их. А он мог этого и не делать. Признайтесь, ведь вы поверили Тибору? Поверили в его детскую сказочку про фирму «Артекс»?

— Повернул,— ответил Шалго.— Потому что они это очень ловко придумали. Однако кое-что ты тоже забыл, Миклош.

— А именно?

— Ты забыл о предпосылках. О том душевном состоянии, в котором оказался Хубер. С самого начала он знал, что я не верю ему. Он заметил, что за ним установлено наблюдение, а найдя микрофон, понял, что все его разговоры мы прослушиваем. Он все это время жил настороже. И в такой ситуации он просто не мог признаться, что заодно с Тибором и Беатой, будучи убежденным, что имеет дело с провокатором. Нет, в его положении ничего иного и не оставалось, как поступить именно так, как он и поступил...

— В данном случае не столько важно то, что думал Шалго о Тиборе,— вмешался в разговор Фельмерн,— важно то, как он создал эту ситуацию. Он же мог и в первый день послать Сюча к Хуберу, но этим он только испортил бы все дело.

— Я вижу, и вы, Фельмерн, считаете Хубера двурушником?

— Не знаю,— медленно проговорил лейтенант.— Во всяком случае, Шалго прав в том, что действия Хубера можно объяснить и по-иному.

— Чепуха! Разумеется, любые факты можно объяснить с разных точек зрения. Но зачем? Ведь и полковник Кара признал, что Хубер оказал нам неоценимую услугу...

Позднее, когда майор Балинт и Фельмерн подъезжали к Веспрему, лейтенант, продолжая начатый разговор, сказал:

— ...Шалго подозревает Хубера в чем-то, но в чем именно, никому не говорит. Несколько дней назад мы вместе с ним на лодке проделали путь, по которому Меннель направлялся к месту встречи с неизвестным. Когда мы пристали к берегу, старик вдруг принялся осматривать лодку и что-то нашел в ней, какой-то очень маленький предмет. Мне он так и не показал, что это было. Я еще спросил его, зачем он скрытничает. А он ответил, что ничего не скрывает, просто не хочет как-то повлиять на мой собственный ход мыслей, на мои выводы. Но то, что он не верит Хуберу,— это факт. Что ж, его право, и ничего от этого не изменится. Ведь Хубер скоро получит доку-

менты на выезд из страны и... до свидания! А у нас еще задача: найти убийцу!

— Все может быть,— коротко отозвался майор Балинт, которому не очень понравилось, что лейтенант Фельмери слишком уж уверовал в проницательность Шалго.

В соответствии с указаниями полковника Кары Балинт распорядился отправить Тибора и Беату в Будапешт.

Перед отправкой он еще раз допросил их. Тибор был, как и прежде, неразговорчив. Он подтвердил, что был завербован для шпионской работы Беатой. Что же касается того, когда и как он подготовил микропленки или от кого получил их, он заявил, что этого не скажет, даже если его повесят. И добавил, что жизнь потеряла для него интерес и он за нее не цепляется. Он не отрицал, что влюблен в Беату, но поскольку вместе им жить все равно не суждено — вряд ли она отделается меньше чем десятью — пятнадцатью годами,— то лучше уж вообще не жить...

На Тибора надели наручники и увели к машине. Майор Балинт велел привести Беату. Та сразу же попросила сигарету и с жадностью начала курить. Взгляд у нее был испуганный, движения неуверенные.

— Меня повезут куда-то? — спросила она.

— В Будапешт. Вся ваша группа провалилась, гражданка Кюрти,— сказал майор.— Теперь ваша судьба будет зависеть от того, как вы себя будете вести.

— Сколько лет мне могут дать?

— Это определит суд. Вынося приговор, суд обычно все взвешивает и все принимает во внимание. Если обвиняемый своими показаниями помогал следствию, это засчитывается в его пользу как смягчающее вину обстоятельство. В таком случае можно отделаться всего несколькими годами. А для женщины это много значит. Скажите, кто, по-вашему, убил Меннеля?

Беата чувствовала, что наступает самый тяжелый, самый трагический час в ее жизни. До этого она жила легко и бездумно, лгала Меннелю, лгала Гезе, своим родителям — всем, даже самой себе.

Она повернулась к Балинту:

— Если я во всем честно признаюсь, это зачтется в мою пользу?

— Разумеется.

— Хорошо. Я расскажу все, что знаю. Спрашивайте!

— Кто убил Виктора Меннеля?

— У меня нет доказательств, но я убеждена, что его убил мой жених, Геза Салаи.

— И вы могли бы повторить это при нем?

— Пожалуйста, сделайте нам очную ставку, я скажу. Когда он отнял у меня письмо Виктора Меннеля и избил меня, он так и заявил, что убьет Меннеля, если я не порву с ним. Геза силен, как буйвол, и страшно ревнив.

Майор Балинт распорядился, чтобы привели Гезу Салаи.

Вечером, около восьми, когда Шалго, вконец измученный после трех беспокойных дней, ушедших на поиски виллы в Фюреде, уже собирался лечь спать, неожиданно зазвонил «прямой» телефон полковника Кары.

— Эмёд-шестнадцать, — сняв трубку, ответил Шалго.

На другом конце провода хрипловатый мужской голос по-французски спросил:

— Полковник Кара?

— Нет, полковник в Будапеште и вернется только завтра, а может, даже и послезавтра.

— Как же быть? Мне нужно было бы срочно переговорить с ним.

Шалго поманил Лизу и показал ей на другой аппарат. Лиза, быстро сняв трубку, начала о чем-то шепотом договариваться с телефонисткой местной станции. Между тем сам Шалго продолжал разговор с неизвестным обладателем хрипловатого баритона, посоветовав ему связаться по междугородному телефону с министерством внутренних дел в Будапеште.

— Если, конечно, полковник еще не уехал домой,— добавил он и спросил: — Вы откуда сейчас звоните?

— Из Кестхея.

— Тогда вот вам мой совет: обратитесь в отделение милиции, у них есть прямая телефонная связь с министерством.

— Боюсь, что будет слишком поздно,— усомнился баритон.— Нужно немедленно принять меры! Скажите, а полковник, уезжая, не оставил заместителя?

— Оставил. Я его заместитель. Меня зовут Оскар Шалго.

— Тогда нам с вами нужно немедленно встретиться. Мое имя Пьер Монтье. Я французский гражданин, турист. Проживаю в Эмёде, в отеле «Русалка» с пятнадцатого июля. В Кестхей поехал на несколько дней.

— Понятно,— сказал Шалго.— Чем могу служить?

— Я могу встретиться с вами?

— Когда и где?

— В Шиофоке, в баре отеля «Европа». На моих часах сейчас минут пять девятого. Если я сейчас же выеду, в десять я уже буду в Шиофоке. В десять подойдет?

— Хорошо. Но как я вас узнаю?

— Очень просто. Скажете официанту, что ищете меня.

— Пожалуйста, повторите ваше имя.

— Пьер Монтье.

— Понял. Хорошо. О чем примерно пойдет речь?

— Я покажу вам убийцу Виктора Меннеля. Некоего господина Эриха Фокса.

— Эриха Фокса? Вы шутите, мсье. Фокс выехал за пределы Венгрии еще двадцатого июля.

— Двадцатого выехал, а вчера возвратился. И утром снова уедет, если вы не арестуете его сегодня же ночью.

Пьер Монтье положил трубку.

Итак, в десять в Шиофоке.

Шалго повернулся к Лизе, тщетно пытавшейся через центральную соединиться с каким-то абонентом. Однако нужный номер был все время занят.

— Не надо, звездочка моя,— остановил жену Шалго.— Лучше попроси девушку соединить меня с отелем.

В отеле «Русалка» ответила дежурный администратор Аги Добран, хорошая знакомая Оскара Шалго.

— Скажите, Аги, проживает ли у вас иекий Пьер Моитье, фраицуз?

— Да. Уже иедели полторы. Но вчера ои уехал иа иесколько дией в Кестхей. Журиалист, умиица. И такой красавчик.

— Вроде меия,— кисло пошутил старый детектив.

— Я, правда, подумала сейчас о Жаие Габеие,— призиалась Аги из отеля «Русалка».— А что, сейчас в моде иностраицы? Вот, например, майор Балиит тоже почему-то иедавио очеиь интересовался каким-то Эрихом Фоксом.

— Майор Балиит?

— Да.

— А вам что-иибудь об этом Фоксе известио?

— А как же! Вчера ои возвратился из Мюихеиа, заплатил по счету, сел в машииу и сиова куда-то укатил. Кажется, в Шиофок. А я с самого обеда разыскиваю майора Балиита и иигде ие могу его иайти. Если вы случайио увидите его, передайте, пожалуйста, что Фокс вериулся.

— Обязательио передам. Спасибо. Доброй вам ночи.

— Чем дальше, тем веселее! — кладя трубку, сказал Шалго жеие.— Если Кара ие позвоиит, придется мие самому ехать в Шиофок.

Лиза вышла из комиаты, ио, когда мииуту спустя оиа возвратилась, Оскар с кем-то беседовал по телефоиу:

— Спасибо, Пети. Доложи поскорее полковиику. Коиечио, подождУ. Да, в Шиофоке, в рестораие.

Ои положил трубку и весело взглянул иа жеиу.

— Ну что ж, милая, Оскар Шалго выезжает в свет. Давай мие самые элегаитные иоски.

XIV

Казмер сидел у камииа и читал свежий иомер журиала, когда в дверь постучали и вежливый голос Хубера спросил:

— Можио? Я ие помешаю вам, господии иижеиер?

— Нет, отчего же? Входите, садитесь.

Хубер сел в кресло, затем, кииув быстрый взгляд иа журиал в руках хозяииа, спросил:

— Художественной литературой интересуетесь?

— Да, когда время есть, читаю с удовольствием. Больше всего меня занимает вопрос, как меняются язык и содержание художественных произведений в ходе технической революции.

— И что же? Меняются?

— В известном смысле — да. Пока, увы, это влияние одностороннее. Писатели дружно пытаются доказать, что техника порождает отчужденность человека, убивает в нем гуманное отношение к жизни, к ее проявлениям. Между тем речь идет о более сложных влияниях совсем иного рода. Могу я вам что-нибудь предложить?

— Нет, господин инженер, спасибо. Ужин был отличным. А пить я не буду, так как мне скоро ехать.

— Все в порядке? — спросил Казмер, закуривая сигарету.

— О да. Должен сказать, что полковник Кара истинный джентльмен. Все свои обещания он честно выполнил.

— Может, мне показалось, но я видел, как этот его лейтенантик, Фельмери, или как там его, ставил на вашу машину дипломатический номер.

— Нет, вам не показалось, господин инженер,— с улыбкой подтвердил Хубер.— Просто я поступил на дипломатическую службу. Как и вы.

— Я не поступал. И еду я за границу не с дипломатическим паспортом.— Про себя же Казмер подумал: «Если я вообще поеду куда-то после всего, что рассказала Илонка».— Извините, господин Хубер, но мне нужно срочно поговорить с Оскаром Шалго. Я надеюсь, вернувшись, еще застать вас здесь.

— Ваш дядя только что сказал мне, что господин Шалго куда-то уехал с лейтенантом Фельмери,— заметил гость.— Кажется, в Шиофок.

— На всякий случай я все же загляну к нему. Может, он уже вернулся. Извините, но у меня действительно очень важное к нему дело.

На вилле Шалго Казмер застал только Лизу с Илонкой. Не заметить, что у девушки заплаканные глаза, было бы трудно.

— Что с тобой? — спросил Казмер Илонку, но та вместо ответа сиова заплакала. Казмер вопросительно посмотрел иа Лизу, которая, казалось, была совершеиио поглощеиа своим вязанием.

— Что с ней? Или вы поссорились?

— Кто? Я с Илонкой? Придумаете тоже!

Казмер подошел к девушке и, взяв за плечи, повериул ее к себе:

— Ну, ты чего расплакалась?

— С ума сошла наша девочка, вот что,— сказала иакоиец Лиза.

— Ничего ие поиимаю! — воскликнул Казмер.

— Низкий человек этот ваш полковник Кара! — сквозь слезы проговорила Илонка.— Воспользовался моей доверчивостью. А я, дура, разоткровенничалась с ним. Рассказала все как есть. И что иочью девятиадцатого была с Меииелем. И что ты утром ждал меия.

— Да ты спятила! — воскликиул Казмер.

— Возможио. А ты знаешь, почему я это ему рассказала? Знаешь? Потому что за тебя боялась. Я хотела доказать, что...

— Что ты хотела доказать? — иегодовал Казмер.— Что ты дура? Это тебе вполие удалось. А еще поклялась, что будешь иема как могила. Где дядя Оскар?

— Уехал,— сказала Лиза.

— Когда он вериется?

— Поиятия не имею.— Лиза положила иа колеии вязанье.— Вот что я скажу тебе, Казмер: ты грубый и иевоспитаниый! Илоика иикак не заслужила, чтобы ты с ией разговаривал таким тоиом. Она любит тебя! А ты злоупотребляешь этим. К тому же ты самый иастоящий трус. Нет, ты ие любишь Илоику. Потому что если бы ты любил ее, то давно сказал бы об этом своей матери.

— Теперь еще вы будете меия поучать, тетя Лиза? Так вот, оставьте-ка меня в покое! У меня и без вас голова идет кругом. Я люблю Илонку, но вам до этого нет ровио никакого дела. А ты перестань реветь.— Казмер обнял девушку.— Ну, кому я говорю? Люблю я тебя, слышишь? Люблю! И ты это отлично зиаешь сама. И я сегодня же скажу об

этом маме. Ты не сердись, а лучше прости, если можешь! Я действительио грубияи и эгоист.— Ои иаклоиился и поцеловал ей руку.— Я вииоват. Очеиь виноват. Идем, я провожу тебя домой.

— Я побуду еще иемиого здесь,— всхлипывая, сказала Илонка.

— Как хочешь.— Казмер повериулся к Лизе.— Передайте, пожалуйста, дяде Оскару, что мие очень нужно поговорнть с иим.

Дома ои застал Хубера сидящим в одиночестве в гостнной с газетой в руках.

— Ну что? Виделись с господиином Шалго?

— Нет.

— А вас только что разыскивала матушка. Я взял иа себя смелость сказать ей, что вы ушли к Шалго. Но мие показалось, что это ей не поиравнлось. Оиа очень любнт вас, ваша матушка,— добавил ои.

— Я тоже люблю ее,— сказал Казмер,— и готов отдать за иее все иа свете.

— Вот об этом я как раз и ие советовал бы вам сейчас говорить слишком громко. Чего доброго, еще нажнвете непрнятиости.

— Что вы нмеете в виду? — удивленно спросил Казмер, посмотрев иа Хубера.

— Полковиик Кара подозревает вас в убийстве. Ои сам мие говорил об этом.

Казмер пожал плечамн:

— Работиик госбезопасиости. Подозревать — его обязанность. Ои просто еще ие зиает о новых матерналах следствия, полученных майором Балннтом. Вы уже самн слышали, что сказал вчера майор об Эрнхе Фоксе! А что я могу поделать, если моя физноиомня ие иравится полковнику и он по-прежиему подозревает меия? Мениель завладел драгоцеииостямн. Фокс шел за Меииелем по следам и, выбрав подходящий момеит, прикоичил его. Фокс — торговец произведеииямн нскусства. Все это хорошо известио майору Балииту. У него есть веские доказательства. Например, отпечаткн пальцев иеизвестиого иа машние и след ботиика, обнаружеиный в гараже. Но полковиику Каре это все иипочем. Зиаете, какой приказ ои отдал своему лейтеиаиту? Если у Казмера Табо-

ри нет алиби, задержать его и отправить в Будапешт! Вот так-то, господин Хубер! А знаете, что я на это ему скажу? Нет, товарищ полковник, вы сначала попробуйте доказать, что это именно я убил Меннеля.

Хубер, невозмутимо покуривая, внимательно слушал полные горечи слова Табори-младшего.

— А если полковник Кара докажет это? — спросил он.

Казмер удивленно вздернул вверх брови.

— Что?

— Что Меннеля убили вы.

— Вы шутите?

— Нет. Просто я думаю вслух.

— Не очень логично: убил Меннеля, забрал драгоценности...

— Полковник Кара считает, что Виктора убили не с целью ограбления. Думаю, что Шалго убедил его в этом. Потому он и не приемлет версии майора Балинта, какой бы логичной она ни казалась. Это я знаю от самого господина Шалго.

Казмер недоверчиво смотрел на непроницаемое лицо Хубера.

— Кара прав,— продолжал тот.— Кстати, мы оба — и он и я — знаем, что драгоценности в руки убийцы не попали.

Казмер уже с подозрением взглянул на Хубера. Ему вдруг стало жарко, на лбу выступил пот.

— Значит, полковнику уже известен и убийца? — спросил Казмер.

— Кара пока еще только догадывается, а я... я знаю совершенно точно.

— От кого?

— От самого Виктора Меннеля.

Казмер насмешливо скривил рот.

— А-а! Тогда другое дело,— с иронией протянул он.— Тогда понятно. Наведались к нему в морг и мило побеседовали.

— Я говорил с ним об этом еще до его смерти,— медленно сказал Хубер, не обращая внимания на иронический тон Казмера.— Да, господин инженер, за полчаса до смерти. Вы знаете, что в машине Меннеля есть рация?

— Знаю.— Казмер с интересом разглядывал это-

го невозмутимо спокойного человека.— И о чем же вы с ним говорили?

— Менель передал мне по рации, что готовится к встрече с одним человеком и что боится этой встречи. Я записал наш разговор с Менелем на пленку. Но пленку эту я своему шефу не передал. Привез ее сюда.

— Понятно,— кивнул Казмер и закурил.— Вы знаете, что люди полковника Кары ищут преступника? Почему же вы не передадите им вашу запись?

— Потому что не желаю неприятностей вашей матери,— объяснил Хубер. От него не ускользнуло, как переменился в лице Казмер.

— Моей матери? — переспросил Казмер.— Вы с ума сошли?!

— Нет, господин инженер. Я в своем уме и знаю, что говорю. Менель был шпионом. Я выдал венгерским органам двенадцать его агентов, но о тринадцатом умолчал.

Казмер покачнулся, как от неожиданного удара:

— Вы хотите сказать, что...

— Именно это, господин инженер,— подтвердил Хубер.— Тринадцатый агент Виктора Менеля — ваша мать, госпожа Бланка Табори.

— Вы соображаете, что говорите,— с угрозой в голосе произнес Казмер.

— Факты, только факты, господин инженер.

— Это неправда! — воскликнул Казмер.— И не может быть правдой.

— Правда. Я могу доказать.— Хубера охватило волнение, но он тут же сумел совладать с ним.— Скажите, господин инженер, а что, собственно говоря, вы знаете о своей матери?

— Все. Мама всегда была со мной откровенна.

— Господин инженер,— остановил его Хубер,— я хотел бы в таком случае, чтобы вы меня выслушали. Это в ваших интересах. Но прошу вас, как это ни трудно, держать себя в руках и отнестись ко всему, что вы сейчас услышите, объективно. Вам известно, что госпожа Бланка и господин Матэ Табори очень любят друг друга. Так их воспитали родители. Они готовы пойти на любую жертву один ради другого. Это-то и стало причиной многих событий.

— Я все знаю и без вас,— раздраженно прервал Хубера Казмер.

— Матэ Табори — человек левых взгля...

— И это мие известио. Говорите, пожалуйста, по существу.

— Я поимаю вашу иервозность, господии нижеиер, но прошу вас дослушать меня до коица, даже если я буду говорить о вещах, иа первый взгляд вам знакомых. Блаика Табори политикой ие заиимается. Характер у нее не очень уравновешенный, не то что у ее брата. В сороковом году оиа позиакомнлась с капитаном венгерского геиштаба Кароем Моиоштори-Мюллером. Зиакомство их переросло в любовь. Бланка иаписала об этом брату в Даиию н вскоре получила ответ. Матэ Табори успел собрать через своих будапештских друзей сведения о Моиоштори. Оказалось, что это омерзительиейший тип: ни во что ие верящий циник, фашист из той категории воеиных иаемннков, которые готовы служить любому, кто хорошо платнт. Одиако госпожа Бланка ие согласилась с таким мнением о своем избранннке. Тогда Матэ Табори поставнл вопрос ребром: либо ои, либо Моиоштори. Уступая брату, Бланка для виду порвала с Моиошторн, ио тайком оин продолжалн встречаться. Тем времеием в Даиии иацнсты арестовали Матэ Табори и его жену. Супруги Табори попали в коицлагерь. Теперь уже иачальство Моноштори-Мюллера потребовало, чтобы он порвал с Бланкой. Но капитаи тоже любил девушку и хотел жениться иа ией. Однако и ои не получил на это разрешеиня. Более того, комаидоваиие отправнло его иа фроит. Моноштори был в ярости. Ои вымещал свою злобу иа местиых жителях оккупированных страи. С Блаикой ои вел тайную переписку. Ей нмпоинровала его предаииость. Но оиа не зиала о его злодеяииях, зверствах иа фронте н в прифронтовой полосе. Затем иачалось отступление фашистов. Во время боев в Задуиайском крае Моиоштори в ссоре убил иемецкого геиерала.

— За что? — перебил Хубера Казмер.

— В одном венгерском селе по приказу этого геиерала иацисты расстреляли каждого десятого жителя, подожгли н взорвали близлежащий замок, убили сестру н зятя Моиоштори. Майор явился к генералу и потребовал от иего ответа за содеянное. Вспыхнула ссора. Немцы попытались арестовать

майора. Майор пристрелил генерала и скрылся. Он прятался на вилле у Бланки Табори. Положение было трагическим. Моноштори разыскивали и русские и немцы. И все же ему удалось избежать ареста. Война окончилась. Из концлагеря возвратились Матэ Табори и его жена. Они и не подозревали, что Бланка прятала у себя дома разыскиваемого властями военного преступника Моноштори. Между тем в руках у Бланки случайно оказались документы одного убитого немецкого офицера. Вначале она хотела переслать их родственникам погибшего, но затем, передумав, отдала их Моноштори. Присвоив эти документы, Моноштори уехал из Венгрии и некоторое время жил в американской зоне в Германии. Он занимался контрабандой и неплохо зарабатывал на этом. Но в сорок восьмом году его арестовали, опознали, и тут открылось все его прошлое. Моноштори во всем откровенно сознался. Я присутствовал на допросах и знаю все это из первых уст. Геленовцы завербовали его для работы в разведке, пригрозив, что в случае отказа его выдадут советским властям.

Казмер с изумлением слушал этот странный рассказ. А ведь мать никогда не говорила с ним о своем прошлом. Впрочем, Хубер мог и наврать. Хотя рассказ его выглядит вполне правдоподобным.

Хубер, по-видимому, хотел что-то еще добавить к своему рассказу, но в это время в гостиную вошли Бланка и Матэ Табори, и он умолк. А Казмер сидел, потупившись.

— Господин Хубер, когда вы отбываете? — спросил профессор.

— Скоро. Я уже все упаковал. Остались еще кое-какие дела.

Бланка посмотрела на Казмера и увидела по его лицу, что то, чего она больше всего боялась, уже свершилось.

Профессор достал из серванта рюмки.

— Вы позволите, господин Хубер? — спросил он.

— За рулем я обычно не пью. Но в виде исключения. За ваше здоровье.

Табори наполнил рюмки.

Казмера, досадовавшего, что ему помешали закончить разговор с Хубером, все больше охватывала тревога за мать, за себя. Что же делать? Что вооб-

ще можно в таких случаях делать? Бежать очертя голову? Куда? Нет, уж лучше встретить беду лицом к лицу.

— Дядя Матэ,— вдруг решившись, сказал он,— можно нам остаться на несколько минут одним?

— Кому «нам»? — не понял профессор.

— Ему и мне,— пояснила Бланка.— Но это излишне, сынок. Можешь говорить при дяде. Он все знает.

— Значит, это правда? Доктор Хубер сказал правду? — закричал Казмер, впиваясь глазами в спокойное, подчеркнуто бесстрастное лицо матери.

Бланка одним глотком выпила коньяк и поставила рюмку на стол.

— Правда. Вот телефон. Набери номер майора Балинта и заяви, что тринадцатый агент Мениеля — твоя мать.

— Ты же знаешь, что я никуда не стану ни звонить, ни заявлять! — срывающимся голосом крикнул Казмер.— Но ты, дядя! Как ты мог допустить, чтобы мама угодила в такую вонючую яму?

Профессор Табори гневно сверкнул глазами:

— Ты, ты собираешься меня учить? Просто тогда я ни о чем таком не знал. Всего несколько дней назад твоя мать призналась мне, что попала в западню. Ее шантажировали...

— Чем они могли ее шантажировать?

— Чем? — горестно усмехнувшись, повторила Бланка.— Тем, что я любила. Каждый любит по-своему. Я вот так, всем сердцем. Потому и не вышла больше ни за кого замуж.

— Как же ты могла любить преступника, фашиста? — возмутился Казмер.— Ты даже не подумала о том, что брата твоего в это самое время гноили в концлагере.

— В то время я ничего не знала о преступлениях Кароя. Можешь мне поверить... Лишь в пятьдесят четвертом году я получила от него первую весточку. Он писал, что, если я не помогу ему, его выдадут венгерским властям. От сильного нервного потрясения я даже заболела. Ты ведь помнишь, Казмер, я пролежала тогда больше месяца в постели. И в конце концов решила помочь ему. Ну а дальше все покатилось, будто лавина с горы. Не остановить!

— Дорогой господин инженер,— перебив ее, сказал Казмеру Хубер.— Не спешите осуждать свою мать. Уверяю вас, шантажировать или, проще говоря, запугать можно любого человека, даже самого сильного. Меня, вашего дядю и даже вас. Потому что у любого человека есть свои слабости.

— О нет, господин Хубер,— убежденно возразил Казмер.— Меня никто не запугает.

— Вы знаете, с каким заданием прибыл сюда Меннель?

— Да, мне говорил Шалго.

— То, о чем знают Кара и его люди, было только частью этого задания. А главное, для чего Меннель сюда приехал,— было завербовать вас, господин инженер. Да, да, вас! Завербовать для шпионской службы «Ганзы». Вы ведь собираетесь на четыре года в Москву. А господину Брауну как раз нужен надежный резидент в Москве. Вот он и остановился на вашей кандидатуре, поскольку ваша мать уже давно состоит у нас на службе.

— Значит, Меннелю здорово повезло, что кто-то догадался его убить до того, как это сделал я,— сказал Казмер.

— Смерть Меннеля не остановила бы Брауна. Меннель — всего лишь маленькое колесико в механизме «Ганзы». Вместо него приехал бы новый. Всех ведь не перебьете.

— Не перебьем? Уж не хотите ли вы этим сказать, что Меннеля убили мы?

— Если позволите, я коснусь этого вопроса позднее,— уклонился от ответа Хубер и, беря инициативу разговора в свои руки, заметил: — Не будем уходить от темы. Предположим теперь, что прибыл новый представитель Брауна, господин «икс», и говорит вам: «Инженер Табори, если вы не согласитесь сотрудничать с нами, мы донесем властям и на вашу мать и на дядю. Вот и решайте: согласны вы, чтобы ваша родная мать и дядя закончили свои дни в тюрьме?»

— Но это же подлость!

— С вашей точки зрения — конечно. С точки же зрения Брауна — простая реальность. Не говоря уже о том, что он может еще и вас самого обвинить перед властями в убийстве Меннеля.

— Я не убивал его! — возмутился Казмер.



— Нет, вы убили его! Есть улики. Вот, послушайте.— С этими словами Хубер достал из кармана миниатюрный магнитофон и включил его: «Говорит Виктор. Все в порядке. Только что условились с Сильвией.— Сильвия — псевдоним госпожи Табори.— Через полчаса едем кататься на лодке с Казмером. Рассчитываю на успех. Парень заносчив, но понятлив. Немного боюсь этого разговора, потому что он очень вспыльчив: сначала бьет, потом думает. Вчера вечером мы с ним уже сцепились. Но считаю, что перед фактами он капитулирует. Если же не согласится, один из нас пойдет ко дну».

— Ложь, — прошептала Бланка,— наглая ложь.

— Возможно,— бесстрастно согласился Хубер.— Но лента магнитофона не знает этого. Вероятно, Виктор лгал, боясь доложить, что не выполнил задания. Но кто это теперь докажет? Магнитофон этого делать не станет. Полковник Кара и без того серьезно подозревает Казмера. И эта пленка только усилит его подозрения. Вы же сможете доказать невиновность Казмера, только назвав настоящего убийцу. Но вы ведь не знаете, кто он.

— Геза Салаи,— отрешенно вымолвила Бланка.

— Салаи? Откуда ты это взяла? — почти в один голос удивленно воскликнули Казмер и профессор Табори.

— Я расскажу все по порядку. Приехал Мениель. Когда я впервые его увидела, меня охватил страх. Или дурное предчувствие. Я знала, что кто-то должен был приехать. Ведь это я сияла копию с проекта конкурсиой заявки и прейскураита и переправила ее в Гамбург. Вообще Меннель вел себя весьма учтиво, мило улыбался. Постепеиио я успокоилась, решив, что ои приехал просто собрать какую-то информацию. Но вечером Меннель сказал, что хотел бы поговорить со мной. Ночью ои постучал ко мне в дверь. «Прошу прощения, — сказал он,— ио сейчас самый благоприятный момеит. Профессор уже спит, ваш сын уехал». Я ответила, что материал для иего приготовила.

— Спасибо. Но я не только за этим пришел,— сказал он.

— Тогда за чем же? — спросила я.

— Я привез вам привет от Кароя Моноштори.

Я промолчала. Мне было противно слышать одио это имя.

— Он приветствует вас, мадам, и слегка журит.

— Вот как? — не стерпев, вспылила я.

— Вы должиы были сообщить, что...

— Молодой человек, вы, кажется, собираетесь прочесть мне мораль? Что я должна, я знаю лучше вас.

— Извините. Но может быть, вы просто забыли.



— Что я забыла?

— Сообщить нам имена людей, которых на длительное время командируют в Москву. Хотя отлично знаете, какой это важный для нас вопрос — организация резидентуры в Москве.

— Знаю,— сказала я,— но из моих знакомых пока никого в такую командировку не посылают. Поэтому я и не сообщила.

— У нашего шефа есть сведения, что в Москву на целых четыре года в ближайшее время выезжает некий Казмер Табори.

Мне стало дурно.

— Нет,— в полном отчаянии, но решительно сказала я.— Нет! Я не позволю. Казмера вы оставьте в покое. Поняли? Со мной вы можете делать, что вам вздумается, но Казмера не троньте. Его я буду защищать даже ценой собственной жизни.

— Мадам,— возразил Меннель.— Я ведь сюда приехал не для дискуссий. Мне отдали приказ, и я его выполню. Вы отлично знаете, какими средствами мы располагаем, чтобы заставлять людей работать.

— Только меня. Но не его.

— Повторяю: я не собираюсь дискутировать на эту тему. Передаю вам задания, которые и вам и мне нужно выполнить. Первое — это Казмер. И второе — Карой сообщает, что во время войны в Балатонфюреде на вилле Месароша он спрятал большие ценности. Вам их нужно оттуда забрать, а мне — вывезти за границу. Вы знаете и эту виллу и ее хозяина, адвоката Месароша.

— Хорошо,— согласилась я.— В этом я готова вам помочь. Но вам известно, что в пятьдесят пятом году вилла была конфискована и основательно перестроена?

— Известно. Карой по памяти нарисовал план дома и пометил на нем место, где спрятал клад.

Меннель достал из кармана план виллы и показал мне. Я сказала ему, что с помощью такой подробной схемы нам, возможно, и удастся найти сокровища. Меннель вроде бы смягчился. «Может быть, все образуется, раз я пообещала ему помочь, и он отстанет от Казмера?» — мелькнула у меня надежда.

— И еще один вопрос мы с вами должны обсу-

дить, мадам,— снова заговорил Меннель.— Шефы решили отвести вас от активной работы, как у нас говорят, «законсервировать». Все ваши связи мы передадим Гезе Салаи. Вы его знаете?

— Нет, не знаю,— сказала я,— даже имени такого не слышала.

— В настоящее время он в Балатонфюреде. Я вызвал его сюда открыткой за подписью «Сильвия». Разумеется, шифрованным текстом. Салаи появится у вас девятнадцатого.— Он достал записную книжку и показал мне запись.— Запомните этот текст. Он будет вашим паролем.

Я внимательно прочитала этот странный текст, но истинный смысл его был такой: «Жду в Эмёде». Я спросила Меннеля, как Салаи поймет, где именно его будут ждать и кто? Меннель ответил:

— Он все знает.— И добавил: — Салаи отличный разведчик. У него только один недостаток — он болезненно ревнив.

— Наверное, у него есть на то причины? — заметила я.

— Чепуха! — заносчиво воскликнул этот самовлюбленный мальчишка.— Мы живем в атомном веке.

И рассказал о своей поездке в Париж, о том, как познакомился там с Беатой Кюрти и сделал ее своей любовницей, предварительно завербовав для работы на «Ганзу». А Беата, вернувшись в Венгрию, в свою очередь, завербовала Гезу Салаи. Меннель встречался с Салаи в прошлом году в Ливорно, и тогда-то у Салаи возникли подозрения насчет Меннеля и Беаты. Меннель, как мог, пытался разубедить Салаи, доказать, что между ним и Беатой ничего не было... Я слушала хвастливую болтовню Меннеля о его любовных похождениях, а в голове у меня зарождался, правда, не очень ясно, план, как избавиться от этого наглеца. Строился мой план на том, что Салаи болезненно ревнив. Шли дни, я старалась избегать встреч с Меннелем и думала только об одном: как спасти от гибели Казмера. В один из вечеров я в совершенном отчаянии пришла к Матэ и призналась ему, что уже несколько лет нахожусь на службе шпионской фирмы «Ганза». Я рассказала и о задании, с которым сюда прибыл Меннель. Но быть до конца откровенной я не решилась, видя, как тяжело

перенес Матэ мое признание. Я даже пожалела, что вообще пришла и рассказала ему об этом. Матэ пообещал мне тогда, что попытается найти выход.

В субботу после полудня в Эмёд приехал Геза Салаи. Мы познакомились, поговорили. Он был чем-то обеспокоен.

— Нет, не хочу я быть никаким руководителем никакой группы,— наотрез отказался он.— Где Меннель? Я сам поговорю с этим проходимцем.

— С ним вы не поговорите,— сказала я ему.— Он не желает с вами встречаться.

— Подонок! — вскипел Салаи.— Последний подонок! Наверняка опять путается где-нибудь с Беатой?

И тут я решила подлить масла в огонь.

— Со вчерашнего дня,— соврала я ему.— Я, правда, не знала, что девица, приехавшая к нему из Будапешта, ваша невеста.

— Где они?

— Не знаю. Он устроил ее на квартиру к какой-то хозяйке. Но должна вам сказать, что они там чувствуют себя неплохо. Девица хорошенькая. Только они как будто чего-то и кого-то боятся, встречаются тайком, и Меннель все время ругает ее жениха, называет его, простите, дубиной. Вы уж извините, я не знала, что вы и есть ее жених.

— Мадам,— взмолился Салаи, весь кипя от негодования,— я заклинаю вас господом богом, постарайтесь узнать, где они!

— Нет, я боюсь Меннеля,— сказала я ему.— Не решусь с ним связываться. Вы сами знаете, какой это опасный человек. Меннель хвастался мне — не знаю, насколько это соответствует действительности,— что провел несколько бурных ночей с одной хорошенькой девочкой в Италии. И так ловко все устроил, что ее возлюбленный ничего не заметил. Я хотела растравить Салаи, заставить его возненавидеть и убить Меннеля.

Вечером, когда Меннель собирался куда-то идти, я предупредила его:

— Я говорила с Салаи. Все в порядке, он придет на встречу. Но будьте осторожны. Он уверен, что здесь у вас его невеста, что вы где-то ее прячете.

— Я очень хотел бы, чтобы она была здесь,— рассмеялся Меннель.— Но — увы!

— Да, и еще,— остановила я его уже на пороге.— Семьдесят шестой подал сигнал срочного вызова. Просит встречи с вами. Материалы он согласен передать только лично вам.

— Где и когда?

— Завтра в восемь утра. Он опасается, что попал в поле зрения милиции. Сюда он прийти не может. В общественном месте тоже встречаться не согласен. Просит прибыть вас на озеро, на мыс с тремя ивами, туда, где вы вчера после обеда загорали. Он советует ехать на лодке.

— Почему?

— С лодки вам будет виден весь берег. Если вы заметите за семьдесят шестым наблюдение, к берегу не причаливайте, идите вдоль камышей. Тогда семьдесят шестой сам доберется к вашей лодке вплавь. Если же не заметите ничего подозрительного, выходите на берег.

— Хорошо,— сказал Меннель.— Передайте, что я согласен.

— Деньги захватите с собой,— напомнила я.

Вечером я несколько раз звонила Салаи в отель, пока наконец уже за полночь не застала его в номере.

— Геза? — переспросила я, постаравшись как можно сильнее изменить свой голос, так, чтобы он звучал звонче, как у молоденькой девушки.

— Да, Геза Салаи слушает. С кем я говорю?

— Я думала, ты сам узнаешь меня по голосу. Ну да неважно. Я видела тебя на днях в Эмёде. А вчера вечером я была вместе с Беатой в ресторане. Один симпатичный немчик был с ней. Меннель, кажется. Они все над тобой потешались. Потом немец уехал. Но когда они прощались, я слышала, что они договорились встретиться завтра утром в восемь на озере, на мысе возле трех ив. Знаешь, где это?

— Не знаю.

— Ну так узнай! Где-то вблизи виллы профессора Табори...— сказала я и положила трубку.

Я презирала себя в эти минуты. Но еще больше ненавидела Меннеля. И вообще весь мир. И хотела я только одного: спасти Казмера.

— Если б я знал,— перебил рассказ сестры профессор Табори,— я немедленно прекратил бы все это безумие.

Казмер был настолько потрясен, что не мог произнести ни слова. Он сидел, опустив голову и сжав виски ладонями.

— И все это ради меня? — в конце концов в отчаянии проговорил он.— Но разве я просил тебя убивать человека? Какой-то заколдованный круг. Теперь мне понятно, почему Салаи отпирается. Знает, что ты его не выдашь. Тогда тебе пришлось бы выдать и самое себя. А против него улик нет!

— Я понимаю вас, господин инженер,— сказал Хубер, поднявшись из кресла и подойдя к Казмеру.— Но советую вам не терять голову.

— В ваших советах я вообще не нуждаюсь,— раздраженно ответил тот.— А советов мне надавали более чем достаточно.

— Хорошо. Никаких советов. Однако выслушать меня вы можете? Ситуация, конечно, трудная. Но доверьтесь мне. Вы же видите, что до сих пор я все время защищал вас. Мой долг помочь вам, спасти вашу семью от сетей Брауна.

— Кто поручил вам это? — спросил Казмер.

— Ваш отец.

— Мой отец жив?

— Да. Он живет в Южной Америке.

— Ты знала это? — повернувшись к матери, взволнованно спросил Казмер.— Я хочу наконец знать о своем отце все! Все!

— Минуточку,— остановил его Хубер.— Желание ваше вполне законно. Но пока довольствуйтесь и этим. Мы с ним друзья. Он офицер американской разведки. В прошлом — венгр, сейчас — американский гражданин. Он давно и внимательно следит за вашей жизнью. От меня он узнал, что замышляют против вас люди Брауна. Мы подробно обсудили с ним это дело и придумали, как вам помочь. Вам, вашей матери и ее брату. Вы должны верить мне. Вы знаете, я выдал венгерским властям агентуру «Ганзы» для того только, чтобы вырвать вас из ее хищных лап.

— Куда я попал? — в отчаянии воскликнул Казмер.— Приемная мать — шпионка «Ганзы», родной отец — американский шпион. А ты, дядя?! — повернувшись к профессору, спросил он вдруг.— Ты чей шпион? Мне ты можешь сказать все, не стесняясь,

по-родственному.— И, отчаянно махнув рукой, он снова повернулся к Хуберу.— Рассказывайте дальше. Кто он, мой отец: миллионер? Генерал? Каков собой? Высокий? Маленький?

— Сынок,— остановила его мать.— Я сама расскажу тебе все о твоем отце. Но сейчас я умоляю тебя выслушать до конца предложение господина Хубера. Время идет. Ему уже пора уезжать. Ведь от этих минут зависит наша жизнь или смерть.

— Ладно, пусть говорит,— опустошенно сказал Казмер, пряча лицо в ладони.

— Браун хочет заставить вас, господин инженер, работать на себя. Быть его шпионом в Москве. Конечно, вы можете считать, что никто вас к этому не сумеет принудить. Но вы глубоко заблуждаетесь: сумеют. Ведь в руках Брауна и его банды судьба, жизнь вашей матери и ее брата. Повторяю, мы с вашим отцом долго ломали голову над всем этим, прежде чем додумались до единственно приемлемого решения. Вот оно. Вы даете формально — подчеркиваю, только формально — подписку о сотрудничестве с американской разведкой и о том, что, будучи в Москве, согласны выполнять ее задания.

— Да вы с ума сошли?! — воскликнул изумленно Казмер.

— Еще минуту терпения, — остановил его Хубер.— Я повторяю: речь идет лишь о формальном вашем согласии. Ваш отец покажет эту бумажку своему шефу. На этом основании американцы прикрикнут на руководителей «Ганзы». И тем ничего больше не останется, как примириться со свершившимся. С этого момента вы будете уже под защитой вашего отца, под эгидой американского флага. Отец ваш никаких заданий вам давать, естественно, не станет. Он попросту уничтожит вашу расписку. Могу вам в этом поклясться. И поймите: это единственная для вас возможность выбраться из западни. А гарантией моих слов является уже то, что я намеренно провалил, выдал венгерским властям всю брауновскую агентуру. Хотя ее услугами могли бы с успехом пользоваться те же американцы. Итак, вот ваша подписка. Прочитайте ее внимательно.

Хубер достал из кармана лист бумаги с напечатанным на машинке текстом и протянул его Казмеру.

Тот взял бумагу, начал читать.

Комната и все вокруг него пришло в медленное вращение.

«Если я сейчас подпишу этот мерзкий документ о своем предательстве,— думал он,— я вполне заслужу, чтобы меня вздернули на первом же суку. А если не подпишу? Тогда для мамы один путь: в тюрьму. Пусть она не родная мне мать, но она вырастила меня как любящая, как самая родная! Разве можно отречься от всего, что тысячами незримых нитей навек связывает нас с нею?»

— А если эту расписку у вас обнаружат? — засомневалась вдруг Бланка Табори.

— Вы меня недооцениваете,— улыбнувшись, возразил Хубер.— Как вы думаете, зачем я потребовал для себя дипломатический паспорт у полковника Кары? До чешской границы меня проводит майор Балинт, а дальше — чешские чекисты. Доверьтесь мне, господин инженер!

— И если я подпишусь под обязательством, они оставят в покое мою мать?

— Я дал вам слово,— повторил Хубер.

Казмер взглянул на мать. Выхода не было, приходилось вверять свою судьбу Хуберу.

— Хорошо, я подпишу, но вы отдадите мне и магнитофонную пленку,— заявил Казмер.

Хубер извлек из кармана крохотный магнитофон и протянул его Казмеру.

Казмер взял авторучку и поставил свою подпись под печатным текстом.

— Но запомните: ничьим агентом я ни при каких обстоятельствах не стану,— предупредил он.— Это прошу помнить всегда. Отца своего я не знаю. Мне ничего о нем не известно. Но если он не сдержит своего слова, пусть он будет проклят навеки!

Шалго в сопровождении Лизы вошел в комнату. Он был явно в хорошем настроении.

— Приветствую всех,— снимая соломенную шляпу и помахивая ею в воздухе, поздоровался он.— А я уж боялся,— обратился он к Хуберу,— что вы уехали, так и не попрощавшись с нами. У вас все в порядке?

— Да, господин Шалго. Передайте господину

полковннку, что я его за все, за все благодарю. Господнн инженер, дамы н господа! — Взгляд Хубера был теперь серьезным и даже чуточку печальным.— Прощайте,— сказал он н спустнлся с террасы.

В наступнвшей тншнне был слышен его четкий военный шаг, затем раздалось жужжание стартера.

— Вот н все,— подытожнл Шалго.— Господин Хубер прнбылн, господнн Хубер убылн.

— Уж вам-то не на что жаловаться. У вас сплошные прибыли н ннкакой убылн,— горько съязвил Казмер.— Он вам целую футбольную команду на блюдечке преподнес.

— А я боюсь,— возразил Шалго,— что он так н не выставил на поле своих запасных нгроков.

— Страшные вы людн, Оскар! — недовольно проговорила Бланка.— Что же вам еще нужно?

— Тренера футбольной команды н всех менеджеров,— засмеявшнсь, ответнл Шалго.

В это мгновенне в дверях возннкла фнгура Хубера.

— Извините,— сказал он.— У меня отказало зажнганне. Где здесь можно найтн мастера?

— Это вы так думаете, что оно отказало,— спокойно заявнл Шалго.— На самом же деле я просто вынул прерыватель.

Все нзумленно посмотрелн на Шалго.

— Когда? — переспроснл Хубер, подходя блнже к столу.

— Перед тем как выехать в однн соседннй город. Дай, думаю, я тоже подшучу над господнном Хубером.

— Черт бы побрал твон шуточки! — возмутнлся Таборн.— Отдай сейчас же этот дурацкнй прерыватель.

— Послушай, Матэ! Какнм тоном ты со мною разговариваешь? Я ведь тоже гость в твоем доме. Изволь не нарушать законов гостепрннмства. Не хватает, чтобы ты еще показал мне на дверь.

— Дождешься н этого, еслн не прекратншь паяснnчать. Я уже сыт тобою по горло.

— Ох, какой ты стал нервный!

— Господин Шалго,— перебил его Хубер,— вы сможете выяснить свон отношення с профессором Таборн н позже. А сейчас я хотел бы все же тронуться в путь. Вы знаете, что я должен еще встретнться с господнном Балнитом.

— Сейчас. Вот только отвечу своему другу профессору Табори.

— Послушайте, Шалго,— запротестовал профессор,— всему есть предел.

— Нет, не всему,— возразил старый детектив.— Целый ряд философов считает, что, например, Вселенная беспредельна.

— Так же, как и ваше нахальство,— раздраженно сказала Бланка, вставая.

— Вы дослушаете меня или нет? — возвысил голос Шалго.— Со мною вы позволяете себе любые, самые мерзкие шутки. А когда дело касается вас, вы сразу утрачиваете чувство юмора.

— О каких шутках вы говорите, дядя Оскар? — переспросил Казмер.

— О телефонных.

— Каких? — не поняла Бланка.

— Простите, но какое отношение все это имеет ко мне? — настаивал Хубер.

— Этого я еще не знаю. Но и вам будет интересно послушать. Вдруг мы все вместе посмеемся над одной забавной шуткой? А смех, поверьте, стоящее дело. Вчера вечером кто-то звонит мне по телефону, говорит по-французски, называется Пьером Монтье. Назначает мне свидание на десять вечера в Шиофоке. Обещает показать убийцу Меннеля. Хорошая шутка, не правда ли?

— Но какое отношение к этой шутке имеем мы? — спросил профессор Табори.

— Такое, что этот «француз» звонил из вашего дома, по вашему аппарату. Ну разве не стыдно так шутить над старым человеком? — воскликнул Шалго.

— Откуда вы это взяли? — настаивал Казмер.

— Ерунда! — воскликнул Хубер.— Вы, Казмер, сами инженер и знаете, что невозможно установить, откуда, с какого номера вам звонят.

— Это вы так думаете,— возразил Шалго.— А у меня есть такой аппарат, который позволяет и это делать. Особенно если такие «шутки» предвидеть заранее.

— Вы подслушиваете наши телефонные разговоры? — возмутился профессор Табори.

— И что же? Вы поехали в Шиофок? — спросил Казмер.

— Поехал, ио не в Шиофок, а в Фюред,— солгал старый детектив.

— Вас пригласили в Шиофок, вы же поехали в Фюред? — иедоумеиио переспросил Казмер.

— Да, потому что догадался, кто мие звонил,— пояснил Шалго.

Профессор Табори принуждеиио хмыкиул.

— Ну, слава богу, хоть в Фюред съездил, и то ладио.

— Съездил, ио предварительио иа всякий случай вынул из «мерседеса» прерыватель.

— Око за око. Просто взрослые дяди пошутили друг над другом,— заметила Лиза.— Ведь верио?

— Послушайте, Шалго,— заговорила, остаиовившись перед ним, Бланка, продолжавшая все это время иервно расхаживать по комнате.— Чего вы от нас хотите? Чего? Не довольно ли? Мне это все уже порядком надоело.

— Дорогая Бланка,— по-материиски ласково проговорила Лиза,— иеужели вы ие видите, что Шалго иамеренно дразнит вас?

— Но почему?

— Это у него такой способ. Ои хочет, чтобы преступник сам разоблачил себя.

— Преступиик? — переспросил профессор Табори.— Какой еще преступиик?

— Например, убийца Виктора Меннеля,— предположила Лиза.

— Но ведь майор Балиит твердо считает, что убийца — иекий Эрих Фокс. Захватив драгоценности, Фокс бежал на Запад,— иеувереиио сказал Казмер.

— Майор Балинт заблуждается,— возразил Шалго.— Этот некий Эрих Фокс вчера вернулся в Венгрию. И знаете, от кого я это узиал? Все от того же Пьера Монтье, что изначил мне свидание в Шиофоке.

— Что-то ты слишком все запутал,— с сомиением в голосе сказал Табори.— Сначала ты заявил, что тебе звонил по нашему телефону мнимый француз. Теперь ты сиова говоришь о каком-то уже настоящем французе. Кто же ои такой, этот твой француз?

— Француз живет в «Русалке». А из вашего дома кто-то, изхвавшись его имеием, позвоиил мие. Какой-

то человек, хорошо знавший, что Монтье на несколько дней уехал в Кестхей и что майор Балинт подозревает в убийстве выехавшего за границу Эриха Фокса. А план отправить меня в Шиофок, видно, родился у этого шутника в голове, когда он узнал, что Эрих Фокс снова вернулся в Венгрию.

— Но ведь майор Балинт нашел даже отпечатки пальцев убийцы и в машине и в комнате Меннеля и следы ног в гараже. Что же еще нужно?

— То были мои следы! — сказал Шалго.— Моих пальцев. И моих ног. Так что майор Балинт заблуждается. Убийца еще не сбежал на Запад. И драгоценности тоже пока еще не вывезены. Они все еще лежат в машине господина Хубера.

— В моей машине? — удивился Хубер.

— Ну, господин Отто Хубер! Вы, я вижу, не простой человек,— признал Шалго.— И ничего не скажешь, придумали вы все воистину ловко...

— Вот-вот! Я так и знал: все именно так и должно было кончиться! Нет, вам на слово верить нельзя! Я выдал вам двенадцать агентов «Ганзы». Выдал, рискуя жизнью. На меня совершено покушение. Чего же вы еще от меня хотите?

— Агентов вы, господин Хубер, не выдали, а продали! За дипломатический паспорт. Но вот вопрос: стали бы вы их продавать, если бы не поняли сразу, что мы уже и без вас все знаем о тайном радиопередатчике в машине Меннеля?

— Не понимаю, о чем вы говорите?

— Об электросигнальном диске. На нем ведь три отметки: плюс, минус и нуль. Когда вы осмотрели машину, указатель стоял на минусе. И вы поняли, что в машину кто-то заглядывал, а значит, нам все уже известно и потому автомобиль вам не отдадут. Что делает в таком случае умный человек? Умный человек делает вид, будто бы он сам, добровольно... И действительно, вы тут же приходите и «по секрету» сообщаете нам, что Меннель — шпион «Ганзы», и другие, давно известные нам вещи.

— Но для чего тогда господину Хуберу было выдавать вам агентуру? — возразил Казмер.

— За плату. Хубер с готовностью пошел на это, потому что он действительно решил порвать с Брауном и компанией. И для него теперь дороги были

уже не агенты «Ганзы», а спрятанные на вилле драгоценности и дипломатический паспорт.

— Фантазируешь, Шалго,— усомнился Табори.— Если бы это было так, Хубер попросил бы достать ему билет куда угодно, только не на Кубу.

— А я уверен, что на Кубу он вовсе и не собирается лететь,— сказал Шалго.— По пути самолет делает посадку в Канаде. И господину Хуберу совсем не обязательно продолжать полет до Гаваны.

— Поразительно, как богата ваша фантазия,— иронически заметил Хубер.— И ни одного слова правды!

— Вы мне нравитесь, Хубер, своей стойкостью! И все же вы провалились. Это вы, Хубер, получили от полковника Кары номер нашего прямого телефона. И только вы! По этому телефону вы и позвонили, приглашая меня на свидание в Шиофок, потому как хотели отослать меня из Эмёда перед своим отъездом. Позвонили из дома Табори и говорили по-французски.

— Делая такие смелые умозаключения, вы скоро придете к выводу, что я и есть генерал Гелен собственной персоной!

Нужно признать, что Шалго не рассчитывал на такое упорство своего противника.

— А что вы скажете относительно вот этого чертежика? — продолжал он атаковать Хубера, вынув из внутреннего кармана пиджака план виллы.— Кажется, вы именно его искали повсюду сегодня после обеда?

— Это не мой план. Я нашел его среди бумаг Меннеля...

— Понимаю,— кивнул головой Шалго и, повернувшись к Бланке, спросил: — А вам знаком этот рисунок?

— Впервые вижу.

— Странно,— удивился Шалго.— Между тем на этой бумаженции почему-то сохранились отпечатки пальцев и Меннеля, и Хубера, и ваши.

Бланка недоуменно пожала плечами.

— Не знаю, как они на нее попали...

— И вы, конечно, не знаете, что за вилла на ней изображена?

— Откуда я могу это знать?

— А вы вглядитесь получше. Вот, к примеру, эта комната на плане — гостииая. Два окиа с видом на Балатон. Вот здесь — улица Казмера, иыие Петефи. Эта комиата примечательиа тем, что в ней появился иа свет Казмер.

— Я? — Казмер бросил на Шалго взгляд, полиый изумлеиия, смешаниого с отчаяиием.

— Да, ты! Здесь тебе дала жизнь твоя мать, Бланка Табори. Она же и кормила тебя грудью. Правда, только до двухмесячного возраста. Затем отдала в приют. А в сорок пятом усыновила. Что со всех точек зрения деяиие весьма похвальное. А вот в этой комнате, выходящей во двор, жил твой отец, Казмер,— Карой Моноштори, майор веигерского геиерального штаба.— Шалго кивнул на Хубера: — Вот ои собствеиной персоиой. Правда, теперь он стал почему-то Отто Хубером. Но если ты взглянешь на эту вот картинку, все твои сомнения рассеются.— Шалго вытащил из кармаиа фотографию и протянул ее Казмеру.

— Вы — мой отец? — Казмер Табори перевел взгляд с фотографии иа Хубера.

— Положите все это на стол! — закричал Хубер и выхватил из кармана пистолет.

Профессор Табори бросил иа сестру уничтожающий взгляд:

— Почему ты, иесчастная, не сказала мне, кто этот человек?

— Оставь меия в покое, Матэ,— взмолилась бедиая жеищина.— Я любила его и пожертвовала ради него всей своей жизнью. Да, он — отец Казмера!

— Отставить! — решительным голосом скомаидовал Хубер.— Все это вы еще успеете обсудить позднее. А пока, Шалго, все — иа стол! И плаи дома тоже.

— Есть же еще и фотокопия этого плаиа,— миролюбиво сообщил Шалго.— И не одиа.

— Прерыватель тоже иа стол! — Голос Хубера звучал еще тверже.

— Ои у меия в кармаие, рядом с пистолетом. Пистолет заряжеи, курок иа взводе. А я стреляю из кармаиа, как Джеймс Боид. Разрешаете достать прерыватель?

— Профессор Табори,— приказал Хубер.— Достаиьте у Шалго из кармаиа прерыватель!

Табори, будто послушный баран, подошел к Шалго и принялся шарить у него в кармане. Едва он извлек прерыватель, последовал новый приказ:

— Возьмите и пистолет, профессор.

— Где пистолет? — жалобно спросил Табори.

— Оружия не ношу, Матэ,— с сожалением посмотрел на своего приятеля Шалго.

— Зачем же ты сказал, что он у тебя в кармане?

— Просто хотел кое в чем убедиться.

— Профессор, давайте сюда прерыватель,— приказал Хубер.

Табори пошел к нему, но ему наперерез поспешил Казмер. Он выхватил прерыватель из рук дяди и закричал:

— Довольно! Довольно лжи! Вы никуда не уйдете отсюда, господин Хубер, или как вас там!

— Сын! Сынок...— укоризненно проговорил Хубер.— Теперь, когда ты все знаешь...

— Мало тебе, что ты загубил, исковеркал жизнь моей матери? Ты и до меня добрался? Зачем скрывал, что ты мой отец?

— Это я запретила ему. Я не хотела, чтобы ты знал, какой у тебя отец!

— Так кто же ты на самом деле? — еще требовательнее спросил Казмер, наступая на Хубера.

— Вот уж действительно неподходящий момент для объяснений, сынок.

— А ты до сих пор не знаешь, Казмер? — удивился Шалго.— Это геленовский, потом брауновский шпион, решивший еще раз поменять хозяев. Профессиональный перебежчик. Но самое главное для него в этой смене лошадей — заполучить наконец награбленные им во время войны богатства.

— А заодно запутать и меня в свои паучьи сети! Теперь мне понятны все его ухищрения, когда он выманил у меня подписку о моем сотрудничестве с ЦРУ. И это у него называется спасти сына и жену из когтей Брауна!

— Прерыватель! — угрожающе рявкнул Хубер-Моноштори.— И поживее!

— Отдай ему, Казмер,— попросила Бланка.— Ты ведь не желаешь смерти своему отцу? Если его здесь схватят, ему конец.

— Ты даже и сейчас его защищаешь?

— Не его, сынок, тебя,— возразила Бланка.— Не отдашь — он застрелит тебя. Ты его не знаешь.

Казмер перевел взгляд на Шалго, тот кивнул головой:

— Отдай! Этому человеку нечего терять.

Казмер швырнул к ногам Хубера прерыватель. Хубер быстрым движением поднял его с пола, затем выдернул из розетки телефонный шнур.

— Из комнаты не выходить! — предупредил он.— За ослушание — пуля!

— Не бойтесь, не выйдем. Желаем удачи,— усаживаясь в кресло, пообещал Шалго.— Безумец! Его же пристрелят, если он не сдастся добровольно первому же милицейскому патрулю.

Он кивнул Лизе, и та, вынув из сумки, дала мужу небольшой передатчик. Шалго выдвинул антенну и, включив аппарат, сказал в микрофон: «Эрнё? Ты слышишь меня? Да, Хубер выехал. Вооружен. В остальном все в порядке».

— Ну вот,— выключив передатчик, заметил он.— Через пять минут Хубер будет сидеть в наручниках.

Казмер, разинув рот, смотрел на Шалго.

— Как же вы... дознались, что он... мой отец? — заикаясь, спросил он.

— На плане дома был написан адрес виллы Месароша. Скажите, Бланка, вы знали, что так называемый Хубер спрятал на этой вилле награбленные им сокровища? — спросил Шалго.

— Нет, не знала. Я была больна в то время, когда он все это проделал, и узнала обо всем только от Меннеля. Он показал мне план и попросил проводить его на виллу.

— Драгоценности с виллы Месарошей перенес сюда Меннель? — спросил Казмер.

— Ты принес их сюда, мой мальчик. Ты, из дома старого священника.

— Значит, в чемодане были не книги?

— Нет.

— А как вы об этом догадались? — удивился Казмер.

— На след нас навела Илонка,— сказал Шалго.— Потом мы наведались к старому Месарошу. Выяснилось, что он и господин Хубер-Моноштори — сводные братья. Ну, старик поломался немного, а потом

все же начал рассказывать. Сказал, что он единственный человек, кто знал тайну твоего рождения. Он же и участковому полицейскому наврал, что ему будто бы подбросили ребенка...

— Я хотела, Казмер, оставить тебя тогда дома,— сквозь рыдания проговорила Бланка.— Увы, этого нельзя было сделать. Но я каждую неделю навещала тебя в приюте. И как только стало возможно, снова взяла к себе. Усыновила.

— Наверное, в то время Моноштори не сказал вам о драгоценностях, спрятанных в доме Месароша? — спросил Шалго.

— Нет, конечно.

— Зато Месарош знал о них. Они с Хубером-Моноштори вместе их прятали. Когда же виллу национализировали, Месарош достал драгоценности из тайника, сложил их в чемодан и отнес к местному священнику, попросив спрятать. Тот не знал, что в чемодане, но отказать Месарошу побоялся: у того брат каноник, правая рука епископа. Меннель ночью двадцатого заехал в Фюред, к Месарошу, чтобы узнать, что сталось с сокровищами. Они договорились на следующий день наведаться к священнику вместе...

— Но Меннеля убили...— подсказал Казмер.

— Совершенно верно, не успел он прийти за драгоценностями. Затем появился и сам Хубер-Моноштори. Твоя матушка, наверное, рассказала ему обо всем, что тут произошло.

— Да, да. Я рассказала, я! — плача, подтвердила Бланка Табори.— Он велел мне незаметно переправить чемодан от священника к нам в дом.

— И я поехал и привез его! — проговорил с отчаянием в голосе Казмер.— Фантастика! Мама, ну как ты могла?

— Ах, оставьте меня! Вот так я стала еще раз изменницей. Впрочем, наверное, я заслужила такую участь!

В этот момент в комнату вошли майор Балинт и сотрудник милиции, сопровождавший закованного в наручники Гезу Салаи.

— Скажите, Салаи, с кем вы говорили после полудня девятнадцатого июля? — спросил майор Балинт арестованного. Салаи кивком показал на Бланку Табори.

— Да. Это была я,— без колебаний созналась Бланка.— Я все сейчас расскажу сама. Это я налгала ему про Меннеля и Беату Кюрти. Я же звонила ему ночью по телефону. Да, я хотела с его помощью уничтожить Меннеля. Ну, что вам еще от меня нужно? — вскрикнула она и, схватившись за сердце, рухнула на пол.

— Казмер,— сказал Шалго.— Проводи матушку в ее комнату и оставайся там с нею. А ты, Лиза, попроси Илонку сбегать за врачом.

Казмер легко, словно ребенка, подхватив мать на руки, вынес ее из комнаты.

— Что ж,— сказал Шалго майору Балинту.— Очная ставка закончена. Надеюсь, господин Салаи, теперь вы дадите чистосердечные показания?

— Да, я расскажу обо всем, что знаю. Одно точно, что негодяй Меннель вполне заслужил свою жалкую участь.

— Профессор,— сказал майор Балинт,— лейтенант Киш останется здесь, у вас. Объявляю вам постановление следователя: ваша сестра, Бланка Табори, должна оставаться дома впредь до нашего особого распоряжения.

Он тронул Салаи за плечо:

— Идемте.

— Я тоже скоро присоединюсь к вам! — крикнул ему вслед Шалго.

— Бланка переправила «Ганзе» материалы для переговоров по закупке оборудования,— сказал Матэ Табори Оскару Шалго, когда майор Балинт увел Салаи, а лейтенант Киш поднялся в комнату Бланки.— Она мне в этом призналась сама.

— Я догадывался,— сказал Шалго, принимаясь за сигару.— Кстати, вот возьми свой янтарный мундштук, он предохраняет от рака легких. На нем твои инициалы.

— Где ты его нашел? — удивился профессор.

— В лодке. Наверное, он выпал, когда ты погрузил в лодку труп Меннеля.

Матэ Табори замолчал; наконец, медленно подняв голову, он посмотрел на Шалго и, тяжело вздохнув, спросил:

— Ты знал?

— Давно. Кстати, и полковник Кара — тоже.

— Я убил его, защищаясь. Это была необходимая оборона. Поверь мне...

— Знаю. Однако ты не помешал бы властям предать суду по обвинению в убийстве Гезу Салан?

Профессор потупил взгляд.

— Я все равно рано или поздно пошел бы и сам заявил, что это я...

Шалго достал из кармана несколько сложенных вчетверо листов бумаги, развернул их и начал читать вслух:

— ...на следующий день утром, то есть двадцатого, я спрятался в камышах, имея намеренье покончить с Меннелем и с Беатой. Возле одного из толстых стволов я заметил высокого неизвестного мужчину, который достал мундштук, вставил сигарету и закурил. Вскоре я увидел и Меннеля, приближавшегося к берегу на лодке. Беаты не было видно нигде.

Вероятно, и неизвестный увидел Меннеля, потому что тотчас же спрятался за стволом ивы. Меннель причалил к берегу и посмотрел на часы. Тут неизвестный вышел из-за дерева и заговорил с Меннелем. Они заспорили о чем-то и начали разгоряченно размахивать руками. Неожиданно Меннель ударил неизвестного и сбил его с ног, а затем наклонился к нему и стал его душить. Но неизвестный опамятовался и сбросил с себя Меннеля. Видно, это был очень сильный человек. Они продолжали бороться. Теперь уже неизвестному удалось схватить Меннеля за горло, и они оба покатились по траве... А потом неизвестный подтащил к берегу тело Меннеля, положил в лодку, вскочил в нее сам и принялся быстро грести от берега...»

Шалго свернул вчетверо лист бумаги и убрал его в карман.

— Разумеется, это не улика против тебя, потому что Салан ни тогда, ни сейчас тебя не опознал. Но ты сам попался на удочку. Мундштук-то я нашел не в лодке, а у тебя дома, в шкатулке с сигарами. Но я уже знал о показаниях Салан. Помнишь то место о мундштуке? Он-то и был моей насадкой. Я подозревал, что ты обязательно клюнешь на нее. Не сердись.

— Может, так и лучше,— сказал профессор Табори.— Я не хотел его убить. Я не знал, что нагово-

рила Бланка Гезе Салаи. Я оказался там в этот час случайно. Это ведь мое излюбленное место купания, ты сам знаешь.

— И ты, конечно, не знал, что Мениель — шпион?

— Конечно, нет. Узнал я это только от Бланки. Она призналась мне, зачем сюда приехал Мениель. Представляешь, что я пережил после ее признания! Моя сестра — шпионка! Конечно, она оказалась жертвой шантажа, но... Словом, я всю ночь не спал. Искал какой-то выход. Что мне было делать? Донести в милицию на родную сестру? Утром я пошел купаться на озеро и встретил там Мениеля. Я сказал ему, что все знаю. Он вел себя нагло. Заявил, что мы все в его руках, что он и Казмера завербует. А я ответил ему, что пойду в милицию и заявлю. Мениель перепугался, бросился на меня, сбил с ног и чуть было не задушил. Ну, остальное ты знаешь...

— Почему же ты не пришел ко мне и не рассказал все, как было?

— Дважды приходил. И оба раза не заставал тебя дома.

— А жаль.

Табори помолчал.

— Что же мне теперь делать? — спросил он.

— Ничего. Завтра утром явишься к майору Балинту и все ему расскажешь. Только откровенно, все, как было!

В это мгновение в гостиную ворвался Казмер.

— Она отравилась! — прошептал он. — Она умерла!

Все оцепенели.

Первым опомнился Матэ Табори и бросился к двери. Казмер опустился в кресло, уронив голову на стол. Спина его вздрагивала от рыданий.

С террасы в гостиную вошли Илонка, Лиза и доктор Сегфю.

— Пройдите, доктор, пожалуйста, наверх. Вот сюда. Она там.

Доктор Сегфю быстрым шагом пересек гостиную.

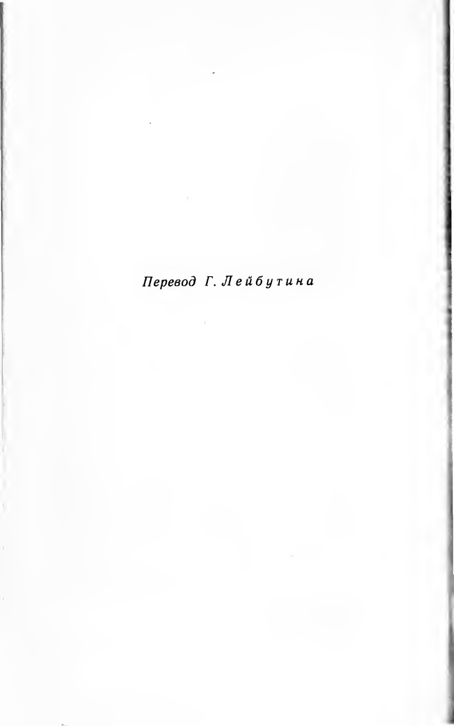
Илонка, подойдя к Казмеру сзади, обняла его и прижалась головой к его вздрагивавшей спине.

Лиза постояла у двери, затем сделала знак Шалго, и они, неслышно выйдя на террасу, спустились вниз по ступенькам и медленно пошли к своему дому.

УЖЕ ПРОПЕЛИ ПЕТУХИ

ПОВЕСТЬ





Перевод Г. Лейбутина

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Где-то рядом играл патефон. Через распахнутое окно в комнату врывалось танго. Капитан Золтан Шимонфи сидел на спинке потертого кожаного кресла. Казалось, он слушал долетавшую в комнату музыку, пальцы отстукивали ритм танцевальной мелодии, между тем, незаметно для майора Ганса Мольке, Шимонфи пристально вглядывался в него. Немец — высокий, стройный, темноволосый — беспокойно шагал по комнате. У окна он остановился на одно мгновение и посмотрел на мокрые деревья парка.

Шимонфи вдруг остро ощутил горьковатый аромат осени, и ему стало грустно. Память воскресила их тогдашний разговор с женой. Он даже почувствовал, как дыхание Паулы коснулось его лица, как теплые ее слезы закапали на его ладони.

— Паула, милая,— прошептал он.— Успокойся.

Паула продолжала плакать, а Шимонфи не хотелось лгать ей.

— Ты согласен служить нилашистам? — спросила Паула.

— Я служу родине, Паула. Бог тому свидетель, я глубоко уважаю регента, но это уважение и привязанность...

Паула не дала ему закончить:

— Ты присягнешь на верность Салаши?! — Она с недоумением смотрела на мужа.

Шимонфи ответил уклончиво:

— Дорогая, послушай меня: если бы против нас на фронте стояли англосаксы, поверь, я, ни минуты не задумываясь, перешел бы на их сторону и до последней капли крови воевал бы тогда против немцев. Но в данной ситуации я не могу поступить так... Нилашисты тоже против русских, значит, мне нужно быть рядом с ними. Не могу иначе.

Через силу улыбнувшись, он продолжал:

— Нет, дорогая, бояться нечего. Кстати, Ганс Мольке официально назначен моим советником, он настолько верит мне, что...— Он умолк. Нет, это ей не положено знать.

— Что? — переспросила Паула. — Почему ты вдруг замолчал?

— После того как прапорщик Деак...— начал он неуверенно.

— Что там опять случилось с Габором?

— Собственно говоря, не случилось ничего, Паула. Просто мне неприятно говорить об этом...

— Я твоя жена, Золтан. А Габор не только твой друг, но и мой тоже. Я хочу знать, что с ним произошло.

Шимонфи опустился в кресло.

— Боюсь, ты неправильно поймешь меня.

— Не уходи от ответа, Золтан.

— Габор глупо попал под подозрение. Я даже не знаю, в чем его конкретно подозревают. Мольке открыл мне только, что это он попросил взять Габора на работу в следственную группу. Ну это понятно: так он будет постоянно на глазах, проще контролировать каждый его шаг.

— А ты предупредил Габора о грозящей ему опасности?

— Дорогая... Хотя Габор и мой друг, но я все равно не имею права это сделать. Я солдат. Я связан присягой... обязан хранить тайну.

— Ты, Золтан, прилежно отрабатываешь свой хлеб. Ты продолжаешь настаивать, чтобы я уехала к Эльзе в Винернойштадт?

— Я за тебя боюсь, дорогая, и потому прошу: уезжай. Впереди тяжелые дни...

— Я поняла. Все в порядке, Золтан. Что ж, ты сам так пожелал...

Двадцатого октября Паула уехала...

...Шимонфи стряхнул с себя паутину воспоминаний. Мольке по-прежнему расхаживал по комнате, по-прежнему играл патефон за окном. К своему удивлению, Шимонфи заметил, что теперь в комнате находится еще и Таубе. Он никак не мог вспомнить, когда же тот вошел. Таубе, высокий мускулистый молодой парень в черном шерстяном пуловере до подбородка, плотно облегающем его мускулистое тело, уставился безразличным взглядом на противоположную стену. Шимонфи не любил Таубе. Будь его власть, он уже давно предупредил бы Габора Деака, чтобы тот был поосторожнее со своим ординарцем: этот молчаливый служака по указанию Мольке постоянно шпионит за Габором.

Но Шимонфи ничего не сказал об этом Деаку, оправдавшись перед самим собой все той же ссылкой на служебную тайну и военную дисциплину...

Он размял в пальцах сигарету и закурил. Шимонфи пришло в голову, что три недели назад, когда они впервые увидели друг друга, Таубе совершенно в такой же вот позе стоял, уставившись в никуда. Шимонфи вспомнил просьбу Мольке: «Прикомандируйте рядового Таубе к прапорщику Деаку, господин капитан. Приказ о его перемещении, насколько мне известно, уже прибыл».

Шимонфи не понравилось это распоряжение, и он сразу сказал об этом майору.

— Назначить парня денщиком к господину прапорщику, конечно, можно, но я не согласен с вашим распоряжением. Прапорщик Деак честный человек. Я могу поручиться за него.

Позднее, обдумав происшедшее, Шимонфи пришел к выводу, что германская секретная служба раскинула паутину своей агентуры широко, во всех слоях венгерского общества — от кабинета премьер-министра до армии, включая рядовых солдат. Шимонфи нынешнее положение вещей казалось чуть ли не личным оскорблением, и это определяло его отношения с Мольке.

Звуки долетавшей из-за окна танцевальной мелодии вдруг сделались громче. Мольке остановился.

— Вы слышите, господин капитан? — понизив го-

лос, сказал он, и Шимонфи ощутил в его тоне раздраженность.

— Деак любит музыку,— выпустив изо рта струйку дыма, равнодушно отвечал он.

— Но замечу, здесь у нас не ночное увеселительное заведение, а резиденция Особой следственной группы генерального штаба.

Шимонфи подмывало ответить ему какой-нибудь колкостью, но на это не осталось времени, потому что в комнате снова раздался голос Таубе:

— Прошу простить, господин майор. Патефон включил я. А господин прапорщик Деак, он еще вообще не возвращался домой.

— Как? — удивленно воскликнул Мольке и, подойдя ближе, остановился прямо перед капитаном Шимонфи.— Такие вольности возможны только у вас, в венгерской армии, дорогой Шимонфи! — Он взглянул на часы.— Восемь тридцать, а господин прапорщик все еще изволят где-то развлекаться.

Шимонфи посмотрел на замшевые туфли майора. Наверное, шил на заказ. У сапожника Арани. Такую пару из тысячи он узнает по покрою. По крайней мере, немцы хоть научатся у нас одеваться со вкусом. Резко вскинув голову, он сказал:

— Вы же сами вчера вечером попросили меня,— подчеркнул он слово «попросили»,— дать Габору Деаку какое-нибудь задание до утра. Вот я и отправил его в Веспрем, откуда он пока еще не возвратился.

В лицо плеснула прохлада раннего утра. Шимонфи вздрогнул.

— Послушайте, Таубе, да закройте же вы наконец окно!

Рослый белокурый ординарец Деака повиновался.

— И сходите в комнату прапорщика,— приказал Мольке,— да вышвырните ко всем чертям эту его адскую машину.

Таубе кивнул головой, пошел к двери. Шимонфи, оставшись с Мольке вдвоем, сказал:

— Я хотел вас попросить, господин майор, чтобы в дальнейшем вы в присутствии ординарцев не читали мне нравоучений.

Мольке, иронически усмехнувшись, поклонился.

— Прошу прощения, дорогой Шимонфи. Я тоже хотел бы вас попросить кое о чем.— Он небрежно су-

нул руку в карман, слегка прислонился плечом к стене.— Если вы не согласны с моими приказами, направляйте ваши возражения начальнику генштаба, по официальным служебным каналам.

Шимонфи встал, раздавил недокуренную сигарету в фарфоровой пепельнице.

— Вы мне не командир, господин майор, а поэтому вы мне не можете отдавать приказы. Вы всего только мой советник.

— Полномочный советник.

Вошел Таубе, и Шимонфи снова ничего не мог сказать майору в ответ.

— Господин майор,— доложил ординарец,— прибыл господин полковник Герман. С ним еще какой-то венгерский офицер.

Мольке надменно улыбнулся.

— Знаю. Для этого я и пригласил вас сюда, господа.

— И господина Таубе тоже? — спросил Шимонфи с легкой иронией.

Мольке утвердительно кивнул головой.

— Да, и его тоже.— Посмотрев в упор на Шимонфи, он продолжал: — Вы передали Деаку материал на Ференца Дербиро?

Капитан Шимонфи помедлил с ответом, и Мольке понял, что разговор о служебных делах капитан не хочет вести при Таубе.

— Можете спокойно говорить,— заметил он.— Таубе тоже интересует это дело.

Венгерский капитан пожал плечами.

— Передал. Еще вчера утром.

— А донесение наружного наблюдения получили?

— Был туман, и «наружники» не смогли вести наблюдение за машиной Деака. Возле Эрда они попросту потеряли его.

Вошел полковник Герман вместе с венгерским офицером. Шимонфи машинально взял под козырек, но затем, поправившись, поднял на немецкий манер вверх руку, слегка вытянув ее вперед и одновременно внимательно разглядывая полковника. Это был плотный мужчина, среднего роста, слегка лысеющий, с продолговатым лисьим лицом и седеющими усиками под курносым носом. За пенсне виднелись прозрачные голубые глаза. Сопровождавший его венгер-

ский офицер, подполковник Карой Мадяри, был полной противоположностью Герману: огромного роста, грузный мужчина в зеленовато-сером мундире, туго натянутом на его огромное тело и готовом вот-вот лопнуть по швам. Он колюче посмотрел из-под густых черных бровей на Шимонфи, но тот выдержал пристальный взгляд нилашистского генштабиста. Мадяри, повернувшись всем корпусом, перевел взгляд на Мольке, когда тот резким, громким голосом начал докладывать:

— Господин полковник, разрешите представить господ офицеров.— Герман сел за письменный стол, кивком головы приглашая и Мадяри тоже сесть.— Золтан Шимонфи, капитан генерального штаба,— продолжал майор.— Хельмут Таубе, лейтенант, офицер абвера с особыми полномочиями.— Для капитана это заявление было, конечно, неожиданным, но, взвесив его за несколько мгновений, он пришел к однозначному выводу о собственном идиотстве,— давно надо было понять, что за птица этот Таубе. И его охватил страх — нет, не за себя, а за Габора Деака.

Полковник Герман представил прибывшего с ним:

— Подполковник Мадяри, комиссар вождя нации Салаши и офицер связи с будапештским центром гестапо. Садитесь, господа.

Дождавшись, когда офицеры рассядутся, Герман, посмотрев на Мадяри, сказал:

— Пожалуйста, господин подполковник.

У Мадяри был грубый, скрипучий голос. Начал Мадяри с обращения прямо к Шимонфи:

— Господин капитан, сообщаю вам приказ фюрера венгерской нации.— Сделав небольшую паузу, он продолжал:— Ваша группа контрразведки в полном составе прикомандировывается к отделу полковника Германа, занимающегося специальными операциями. Приказ секретный. Вы, господин капитан, номинально остаетесь по-прежнему командиром группы, но будете выполнять все указания господина майора Мольке. Решение вождя нации вступает в силу немедленно. Приказ понятен?

Шимонфи посмотрел на майора Мольке. Бесила злорадная усмешка немца. Он понимал, что его унизили. Собственно говоря, это же настоящая измена Венгрии — хорошо продуманная и организованная из-

мена. Он не станет комедиантом при Мольке, что бы ни случилось.

— Господин подполковник,— сказал он твердо.— Приказ понял. Но прошу освободить меня от командования группой.

В наступившей тишине негромко щелкнула зажигалка Мадяри. Офицеры переглянулись, лицо подполковника перекосила угрожающая ухмылка.

— Причина?

— Для меня указания господина майора Мольке и его методы работы неприемлемы. Я во многом не согласен с господином майором, в том числе, например, с тем, что он завел следственное дело на прапорщика Деака. Равно как с его дальнейшими акциями, запланированными против этого офицера.

Но тут неожиданно заговорил Герман. Спокойным, бесстрастным тоном.

— Мы тоже не согласны с распоряжениями майора Мольке.— Увидев удивление на лице Шимонфи, он пояснил:— В частности, с тем, что прапорщик Габор Деак, о котором мне известно, что он советский разведчик по кличке Ландыш, до сих пор находится на свободе.

Шимонфи не мог скрыть своего удивления. Он знал, что его друг находится у немцев под подозрением, знал и то, что немецкая разведка вот уже два года ищет советского агента, имеющего рабочий псевдоним Ландыш. Но не предполагал, что Герман считает Ландыша, этого таинственного и изворотливого советского разведчика, идентичным венгерскому прапорщику Габору Деаку. Такое предположение означает ни больше ни меньше, что жизнь друга в серьезной опасности. Наверное, промолчать в этой ситуации он не имеет права.

— Господин полковник,— сказал он слегка хрипловатым, глухим голосом,— Деак мой друг... И я готов поручиться за него. Слежка, которую ведут за Деаком вот уже в течение нескольких недель, только лишний раз подтвердила его невиновность.

— Я читал ваш доклад, господин капитан! — перебил его полковник Герман.— Одним словом, вы считаете подозрения относительно прапорщика Деака необоснованными?

— Я считаю эти подозрения полным заблуждением.

Герман наклонился поближе к нему. С металлическими нотками в голосе он возразил:

— Мы, дорогой капитан, не заблуждаемся никогда! Вы либо недооцениваете гестапо, либо не знаете о его успехах. Да известно ли вам, что старший брат прапорщика — коммунист?

— Известно, и достаточно давно,— сказал Шимонфи.— Но его больше нет. Ласло Деак, солдат штрафного политического батальона, погиб в бою под Коротояком.

— Как давно вы знаете Габора Деака? — Полковник Герман посмотрел на капитана взглядом следователя, ведущего допрос.

— Шесть лет,— быстро подсчитав в уме, отвечал Шимонфи. Все верно, они познакомились с Габором в тридцать восьмом, когда тот окончил исторический факультет Будапештского университета.

— И это вы пригласили Деака на работу в разведку? — Голос Мадяри был жестким, почти хрустящим.— Вы сделали его разведчиком?

Шимонфи выразительно посмотрел на подполковника. Впрочем, смысла пускаться в дискуссию с нилашистом не было. Да и не любил он его. Когда-то они вместе учились в военной академии. И уже тогда он презирал Мадяри. Этот бегемот был противником регента Хорти. Потом Мадяри все же уволили в запас и по одному с Ференцем Салаши делу отдали под суд.

Однако теперь капитану Шимонфи не хотелось отвечать грубостью на резкость Мадяри. Его ответ прозвучал решительно, но спокойно:

— Габор Деак был зачислен по моему предложению в негласный состав разведки. Затем, после окончания разведывательных курсов, Деака направили с заданием в Швейцарию. Деятельность его была нами легализована: он поехал заниматься исследовательской работой по истории религии, как стипендиат реформатской церкви. Писал монографию о Кальвине.

— Весьма характерная деталь для разведки периода правления Хорти,— едко заметил полковник Герман.— Ласло Деак — преступник, коммунист, осужден к пятнадцати годам тюремного заключения, а его младшего брата с секретным заданием направ-

ляют в Швейцарию! — Он поднял голос.— В Швейцарию, кишащую русскими и английскими шпионами.

— Его направили на работу потому,— с известной остротой возразил Шимоифи,— что знали о его ненависти к старшему брату. Габор Деак уже тогда был антикоммунистом, причем глубоко убежденным. До того как взять его в кадры, мы несколько месяцев подряд вели за ним наблюдение и оперативно изучали его. Прапорщик Деак всегда с честью выполнял свои задания.

Полковник Герман невольно залюбовался капитаном Шимоифи, стройным, с хорошей офицерской выправкой. Наверное, ему понравилась страстность, с которой тот защищал своего друга. Он покивал головой и перевел взгляд на майора Мольке.

— Зачитайте сообщение нашего московского агента 4/5.

Майор, подойдя к сейфу, достал оттуда папку и раскрыл ее.

— Если позволите, господин полковник, сначала я зачитаю донесение агента Лоза.

— Лоза? А, помню. Читайте, майор.

Мольке вынул из папки один листок и, поясняя подполковнику Мадяри, сказал:

— Это донесение 1942 года. В то время я был начальником агентурной разведки и контрразведки бронетанкового корпуса «Принц Евгений». Нашему корпусу был придан штрафной батальон из политических заключенных. Мне удалось внедрить свою агентуру в ряды политических и даже завербовать одного уважаемого всеми коммуниста, который,— он заулыбался,— который при «крещении» получил имя Лоза.

На лице полковника появилась гримаса: видно, ему не нравилось многословие Мольке и неуместный юмор; желая поторопить майора, он сделал ему знак рукой и заметил:

— Давайте, Мольке, по существу.

— Донесение Лозы от 20 октября 1942 года. Цитирую: «Вчера вечером Ференц Дербиро поссорился с Ласло Деаком. Вот запись их разговора: «Дербиро: «Я бы на твоем месте задушил такого братишечку. А ты еще его защищаешь? Так вот знай: это он меня провалил». Присутствовавший при их ссоре Бела Моргош заметил: «Лаци, все же знают, что твой млад-

ший брат — полицейский шпик». На это Ласло Деак возразил: «Может быть, оно в самом деле так выглядит. Только однажды вы все удивитесь...»

Мольке положил листок с донесением в папку, хотел что-то добавить от себя, но полковник Герман махнул рукой и посмотрел на Шимонфи.

— Ну что скажете, господин капитан?

Шимонфи ответил не задумываясь:

— Это донесение ровным счетом ничего не доказывает. Ласло Деак защищал своего брата, и только. На одном незначительном случае построить какую-то следственную версию было бы величайшей смелостью и тем более считать Габора Деака русским агентом Ландыш.

— Но мы делаем выводы совсем не на основе этого случая. Читайте дальше, Мольке.

Майор достал из папки другой листок.

— Донесение 4/5 от 27 августа 1944 года из Москвы. То есть документ двухмесячной давности. «Ференц Дербиро получил указание нелегально проникнуть в Будапешт. Его явка в столице будет находиться на квартире моего агента Лозы. Считаю необходимым доложить, что вербовку Лозы мы держали в тайне, так что даже его друзья не знают, что он мой агент с 1942 года. Дербиро прибудет на квартиру Лозы с паролем: «Будапешт». На явочной квартире он должен встретиться с другим коммунистом, также направленным в Венгрию из Москвы. Помимо этого, Дербиро рассказал агенту 4/5, что в свое время неправильно судил о Габоре Деаке».

— Это, по-вашему, тоже не подозрительно, господин капитан?

Шимонфи помедлил с ответом.

— Подозрительно, господин полковник. Но, может быть, Дербиро и его дружки просто хотят скомпрометировать Габора Деака в наших глазах?

— Возможно, но только в том случае, если бы они знали, что 4/5 наш человек,— сказал полковник Герман.— К счастью, они этого не знают. Скажите, Шимонфи, когда прапорщик Деак попал в следственную группу контрразведки?

— Десятого сентября 1944 года. Весной он по шведскому паспорту возвратился из Женевы. Мы зачислили его в негласный состав. А в прошлом меся-

це я получил приказ господина начальника генштаба призвать его на службу.

Мадяри подал знак, что собирается задать вопрос.

— Вы не могли бы сказать, где в настоящее время находится тогдашний начальник генерального штаба?

— Его местонахождение мне неизвестно.

— Тогда я помогу вам. Он бежал и скрывается под видом монаха.

— Этого я не знал,— Шимонфи унижала атмосфера такого «совещания». Среди этих четверых, расселшихся вокруг, он вдруг почувствовал себя подозреваемым, на допросе. Он даже пожалел, что спорил с ними. Но нет же, нет! — протестовало в нем чувство дружбы, которое он питал к Деаку. Надо бороться за правду до тех пор, пока это будет возможно, ведь здесь речь идет уже не только о Деаке, а о гораздо большем, может быть, о будущем страны. Шимонфи хотел высказаться, но его остановил голос Мадяри:

— Вы не видите или не хотите видеть взаимосвязи всего происшедшего, господин капитан! Хорти и его прихвостни пытались найти способ выйти из войны, заключив сепаратный мир. Укрывали английских офицеров прямо в регентском дворце. Установили радиосвязь с базами англосаксов в Италии. Полиция объявляет государственный розыск руководителей «Венгерского фронта», а Хорти и его приспешники ведут с этими людьми переговоры. Конечно же, вам не показалось странным, Шимонфи, почему это отдал такое удивительное распоряжение начальник генерального штаба: призвать на службу в разведку Габора Деака. Правильно, Шимонфи, ведь 10 сентября доверенный человек Хорти уже вел переговоры в Москве. Цель вашего дорогого адмирала Хорти в том и состояла, чтобы с помощью своих приверженцев захватить в городе и стране ключевые позиции.

— Прошу прощения,— вмешался Мольке,— все это верно. Кроме одного. Деака призвали по моей просьбе.

Мадяри с любопытством, даже удивлением, посмотрел на немецкого майора.

— Мне хотелось,— продолжал Мольке,— чтобы

Деак постоянно был у меня на виду.— И, улыбнувшись, добавил:— Так мне легче контролировать все его действия. И я был прав. 25 сентября радиоперехватчики засекли неизвестный передатчик с позывными Ландыша. Запеленговать рацию им не удалось, потому что радист постоянно менял и волны и место.

Полковник Герман достал сигару, закурил.

— Значит, мы имеем дело с хорошо подготовленным агентом,— сказал он и, повернувшись к Шимонфи, добавил:— Этот ваш Деак прошел подготовку радиста, не правда ли?

— Да, господин полковник.

Переждав, пока они окончат обмен репликами, Мольке продолжал доклад. Голос его был исполнен самодовольства, жесты — величественности.

— 28 сентября наш разведчик 4/5 передал из Москвы следующее сообщение...

Для большего впечатления Мольке сделал непродолжительную паузу.

— Ландыш,— продолжал майор,— советский разведчик. Он сидит здесь, в Будапеште, скорее всего пристроился в каком-то из наших разведывательных органов. 6 октября нашему агенту стало известно, что Ландыш установил связь с коммунистической группой некоего Ореха. Агенту назвали только связника, остальных членов группы он не знает. Равно как и они его. Пароль группы: «Аллаху акбар». Отзыв: «Йя керим».

— Господин полковник, обвинение тяжкое и на первый взгляд кажется вполне убедительным... Но я не могу поверить, чтобы Габор Деак стал изменником родины.

Мадяри грубо загоготал. Затем с неожиданным для его грузного тела проворством вскочил на ноги.

— Вы сумасшедший, господин капитан! Бела Миклош Далноки, брат самого Хорти, не был коммунистом, а все же стакнулся с красными.— Он медленно приблизился к Шимонфи, снизил голос и с презрением спросил:— Вы могли представить себе, что ваш шурин, полковник Берецкий, военный атташе нашего посольства в Стокгольме, однажды станет изменником родины?

Шимонфи весь содрогнулся, словно его вдруг ударили в спину ножом. Отказ шурина служить Салаши

был самым уязвимым местом в его биографии, и Шимонфи не любил, когда ему лишний раз об этом напоминали.

— Шурина я презираю. И никогда не прощу ему предательства. Но отвечать за его поступки не собираюсь.

Полковник Герман понимающе кивнул головой.

— Лейтенант Таубе!

Таубе вскочил и с готовностью верного служаки повернулся в сторону полковника.

— Что вам удалось заметить интересного в поведении господина Деака?

— Только то, господин полковник, о чем я вам регулярно докладываю. Прапорщик Деак не любит нилашистов. Ведет богемный образ жизни, весел, и не поймешь, когда он шутит и когда говорит серьезно. Свободное время проводит у своей невесты, иногда ходит в ресторан «Семь князей». А если настроение очень хорошее, даже играет на рояле. Больше всего церковную музыку.

— Благодарю,— сказал Герман и повернулся к Шимонфи.

— Ну что, господин капитан? Вы все еще продолжаете настаивать на своем освобождении от должности или поможете нам изловить агента по кличке Ландыш?

Шимонфи смущенно смотрел в пространство перед собой. Обвинения против Габора были действительно тяжелые. Заподозрить Деака вполне логично, только разве Габор мог обмануть и его? Но если это все же так, тогда он, Шимонфи, не имеет права жить дальше. Надо узнать правду, чистую правду. И если Габор в самом деле обманул его, Шимонфи знает, что предписывает честь и долг офицера.

— Прошу располагать мною, господин полковник,— сказал он негромко.

— Очень хорошо, господин капитан. Иного ответа я и не ожидал от вас. Выполняйте указания майора Мольке. А сейчас идите и соберите группу. А вы,— повернулся он к Мадяри,— объявите офицерам следственной группы решение вождя нации.

Они остались вдвоем — полковник Герман и майор Мольке. Майор ожидал несколько мгновений: может быть, полковник скажет ему хоть несколько слов

признательности,— мол, браво, майор, в вас я не ошибся. Но тщетно он ожидал. Герман рассматривал инкрустацию на крышке письменного стола и молчал. Пауза явно затягивалась, и Мольке не знал, чем ее объяснить. Стараясь скрыть свое смущение, заговорил первым, изображая непринужденность:

— Такого оборота дела Шимонфи явно не ожидал. Странный парень. Рассчитывать на него нельзя, но я не возражаю, чтобы он оставался здесь... Хотя бы ради того, чтобы мне легче было контролировать его поведение.— Пронзительные голубые глаза полковника уже вцепились в лицо майора, и это еще сильнее повергло Мольке в замешательство. Но Мольке не хотел сдаваться.— Могу я вас чем-нибудь попотчевать, господин полковник? Французский коньяк? Абрикосовая водка? — И, не дожидаясь ответа, направился к бару, где держал напитки.— Я думаю, сегодня мы заслужили.

Полковник вынул изо рта сигару.

— Вы полагаете?

Мольке приблизился с бутылками к столу. На его губах замерла смущенная улыбка.

— Да, господин полковник, сегодня мы заслужили. Я расставил Деаку ловушку, и ему уже не выскочить из нее. Разрешите наполнить, господин полковник?

Полковник Герман кивнул, затянулся сигарой, выпустил дым.

— Мне абрикосовой, Мольке.

Запах абрикосовой водки ударил в нос, полковник пододвинул к себе рюмку и сильно сжал в пальцах, словно хотел ее раздавить. Но пить не стал. Он поднял взгляд на Мольке. Гладкая розоватая кожа на лбу теперь побагровела, огоньки в глазах замерли, словно камешки.

— Послушайте, Мольке! — сказал он.— Вы поставили меня перед свершившимся фактом. Что ж, я принял предложенную вами игру...

— Господин полковник...

— Не перебивайте меня, Мольке.— Майор замолчал, дисциплинированно вытянулся, сжал губы.— В прошлом году по просьбе генерала я взял вас к себе, Мольке. Тогда вы избежали отправки на фронт и всего, что связано с отступлением. Теперь я пожалел, что дал согласие. Очень пожалел. Не интересу-

ет вас, Мольке, конечная победа империи. Всегда только ваша личная победа! И эта должность тоже нужна вам только для того, чтобы до конца натешиться и утолить свою страсть к азарту, к игре, чтобы вам вести поединки умов с подозреваемыми.— Он заговорил громче, но голос его еще не достиг уровня крика.— Потому что господин майор Мольке намерен сделать карьеру.— Он помолчал несколько секунд, окинул взглядом побледневшего майора и продолжал с новой силой.— Мольке,— уже шипел сквозь зубы полковник,— мне надоели ваши детские игры. Надоели, потому что у меня тоже есть начальники, и они этих игр не понимают. Не понимают, почему этот Ландыш до сих пор не сорван и не выкинут на помойку. Скажите, Мольке, сколько политических заключенных эти ваши «ландыши» ухитрились выкрасть из тюрьмы начиная с сентября?

— Пятерых,— на память отвечал майор, но тотчас же поспешно добавил:— Но не у меня.

— «Не у меня»! — насмешливо повторил Герман.— Вот видите, Мольке? Именно «не у вас». Вы думаете не об общих интересах империи! — Голос его стал жестче, слова громыхали:— У нас! Понимаете? У нас, немцев! А вы относитесь к их числу. Сколько эшелонов взорвали группы Сопротивления?

— Два.

— А где сейчас находится фронт?

— На линии Кошице, Мишкольц, Сольнок, Кечкемет.

— Теперь вы понимаете, о чем идет речь? — почти с отчаянием воскликнул Герман.— Ежедневно сотнями гибнут наши лучшие офицеры...— Он посмотрел в упор на майора, в глазах его сверкнули слезы, но он совладал с собой.— И в их числе мой единственный сын. А тем временем майор Мольке, видите ли, ведет свой очередной «поединок умов» с Ландышем. Сегодня 27 октября. Завтра в полночь вы положите мне на стол полное признание уже арестованного нами Ференца Дербиро и, увы, еще пребывающего на свободе Габора Деака. А в половине первого завтра же вы приведете в исполнение смертный приговор обоим. Так решил господин генерал, и я рад этому его решению.

Подавленный Мольке слушал приказ. Он чувствовал почти физически, как Герман растаптывает пусть занявшую месяцы, но великолепно продуманную и хорошо организованную работу. Нет, он никогда не согласится с таким приказом.

— А если они откажутся признаться? — спросил он.

— Тогда вы, майор Мольке,— решительно сказал полковник,— следующим утром отправитесь на фронт. Так что кончайте играть, Мольке, и выбивайте из этого Деака признание. Поняли?

— Понял,— отвечал Мольке.

— Вот за это мы можем выпить.— Он подошел к столу, поднял рюмку, выпил.

Вскоре полковник Герман уехал.

Мольке сидел и смотрел в пространство перед собой. Завтра в полночь!.. Но разве результатов можно добиваться к каким-то произвольно установленным срокам? Полковник просто задумал погубить его. «Мой единственный сын тоже». Вот в чем суть! Он потерял сына и теперь не может стерпеть, как это майор Мольке пережил войну, уцелел.

Майор так ушел в свои мысли, что не заметил, как в комнату вошел Таубе.

— Можно, я посижу покурю, господин майор? — спросил разрешения лейтенант.

Мольке вскинул голову и утвердительно кивнул. Таубе закурил сигарету и тихо, убежденно сказал:

— Я бы на вашем месте доложил об этом деле в Берлин.

Мольке поднял на него взгляд. Словно не понимая Таубе, он задумчиво наморщил лоб.

— Минуя официальные каналы? Нет, Таубе. Этого я сделать не могу.

Он встал, прошелся по комнате до двери, там постоял несколько мгновений. С напускным интересом он некоторое время разглядывал витиеватую медную ручку, затем повернулся и легкими неторопливыми шагами вернулся к окну. Да, если бы он мог донести в Берлин, минуя официальные каналы! Если бы он мог поговорить один-единственный раз с фюрером. Тот понял бы его. Конечно, он может замучить на пытках этих Дербиро и Деака. А завтра, послезавтра появятся новые дербиро и деаки. Он же, Моль-

ке, хотел бы, чтобы коммунистов не было больше нигде.

— Не терзайтесь, господин майор,— сказал Таубе утешающе.— Все знают, что полковник Герман завидует майору Мольке.

— Нет, Таубе, нет,— оживившись, запротестовал Мольке.— Это не зависть.— Он подошел поближе и, понизив голос до шепота, сказал:— Полковник Герман попросту хочет меня уничтожить. Понимаете? Здесь речь идет о хорошо организованной попытке убить меня. О заранее продуманной попытке.— Он схватил лейтенанта за руку.— Послушайте меня. Полковник Герман очень хорошо знает, что у нас нет доказательств против Деака. Вот Герман и хочет, чтобы я раньше времени арестовал прапорщика, не имея на руках никаких доказательств. Потому что уверен: Деак не даст показаний, а значит, завтра к полуночи я не смогу положить ему на стол признания Деака. Но я, дорогой Таубе, хочу жить. Пытать Дербиро и Деака бесполезно. Им прежде нужно предъявить изобличающие их улики, только тогда они заговорят. И я, если еще и вы мне поможете, завтра к полуночи такие улики буду иметь.

— Можете на меня рассчитывать, господин майор.— Таубе открыто и решительно посмотрел прямо в глаза Мольке.— Я уже прикидывал: что, если назвать Деаку пароль группы?.. Если он действительно член ячейки «Ландыш», он должен на пароль ответить отзывом. А если он никакого пароля не знает, сочтет меня идиотом.

Мольке подошел к столу, наполнил рюмки коньяком.

— А не рискованно это? И не рано ли? — Показав на одну из рюмок, он добавил:— Приглашаю вас, Таубе, выпейте со мной.

— Ультиматум господина полковника истекает завтра в полночь. Теперь нам с вами уже приходится рисковать, господин майор.— Он поднял свою рюмку.— Конечно, эту операцию с паролем надо хорошо подготовить. Обеспечить на всякий случай путь к отступлению.

Их разговор прервал вошедший в этот момент в комнату дежурный из дешифровочной. Таубе, как и полагается денщику, взял со стола пустые рюмки и

бутылку и, вытянувшись перед Мольке по струнке, сделал вид, что ждет распоряжений.

— Господин майор! Радиограмма из Москвы,— доложил дежурный, протянув майору запечатанный конверт, затем дал ему расписаться в журнале и безмолвно удалился.

Мольке, нервничая, разорвал конверт. Таубе с каменно-недвижным лицом наблюдал.

— Мы выиграли, Таубе,— весело сказал майор и показал ему радиограмму.— 4/5 установил имя напарника Ференца Дербиро. И не посчитайте меня хвастуном, но в связи с этим у меня уже родилась гениальнейшая идея. Вызовите ко мне капитана Шимонфи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Габор Деак сладко зевнул и нежно дотронулся до плеча Аниты.

— Барышня, подъем!

Он спрыгнул с кровати, поднял гардину. В комнату заструился матовый туманный свет.

Деак был высок, мускулист, худощав. Поправив ладонью коротко подстриженные темно-русые волосы и достав из кармана брюк сигарету, он закурил, сел на край кровати и принялся надевать ботинки. Чуть приподняв угол одеяла, поцеловал Аниту в шею.

— Пора вставать, барышня.

Деак пошел в ванную. Беззаботно насвистывая какую-то мелодию, умылся, подумал о том, что надо бы и побриться, а то после не останется времени: ведь ему еще нужно успеть переговорить с Анитой. Нет, Анита не случайное, мимолетное знакомство. Наверное, она и есть та единственная, которую он мог представить себе спутницей на всю жизнь. Женой.

Габор Деак вернулся на родину из Женевы в марте 1944-го нелегально, со шведским паспортом в кармане. Вскоре же после своего возвращения он познакомился с Анитой — студенткой четвертого курса медицинского факультета. Она знала о нем только то, что он историк, много лет трудившийся в Швейцарии. До сих пор он воздерживался открыть ей, что нахо-

дился в нейтральной Швейцарии как разведчик, на службе венгерской королевской армии, точнее, во втором главном управлении генерального штаба. Это, пожалуй, отпугнуло бы девушку, настроенную слишком антигермански, кроме того, Габор Деак нюхом чуял, что отец Аниты, инженер Babkyш, в какой-то форме помогает движению Сопротивления, однако разговора об этом не затевал ни с ним, ни с Анитой. И вдруг несколько дней назад тот исчез. Анита, правда, сказала, что отец, работавший в текстильной промышленности, по делам уехал в Трансильванию.

Поначалу из Коложвара от отца пришло несколько писем. Анита забеспокоилась, да это было и понятно: 11 октября Коложвар заняли русские, и по всему выходило, что инженер остался по ту сторону линии...

Деак услышал, как Анита встала, и прокричал ей из ванны:

— Дашь мне чего-нибудь поесть?

— Имеется хлеб, масло, чай.

— Подходит,— откликнулся Габор и вошел в комнату.

— Тебе, правда, обязательно нужно на службу?

— Не хочу, чтобы во мне обманулись,— ответил Деак,— как сам не люблю обманываться в людях. Если в ком-то ошибаюсь, потом очень жалею самого себя.— Он поцеловал ее волосы.— В тебе я не обманусь, не правда ли?

— Не хочешь, чтобы тебе было жалко самого себя? — задиристо ответила она, заглядывая ему в глаза. На губах ее мелькнула улыбка, но взгляд был грустный.

Уверенность вдруг покинула его. Он в упор посмотрел на Аниту.

— Ты думаешь, я обманусь в тебе?

Анита как-то странно улыбнулась.

— Отвечай.— Он приблизился к ней вплотную, приподнял округлый подбородок девушки.

Анита потупилась, черные ресницы ее дрогнули:

— Знай, что я и тогда все равно буду очень тебя любить.

Деак заметил в ее взгляде неожиданно мелькнувший страх.

— Не понимаю.— Он действительно не понял ее весьма странного ответа.

Анита тоже поняла, что должна объяснить свой загадочный ответ, и сбивчиво добавила:

— Война, Габор. Постоянные бомбежки. Исчезают люди. Кругом насилие и страх. А я ведь тоже человек. И у меня не только сила воли, но и инстинкты. Я не знаю и не могу знать, совладаю ли я в какой-то момент со своими инстинктами. Разве ты всегда уверен, что сможешь?

— Не всегда.

— Тогда почему ты ждешь от меня каких-то громких слов. Я люблю тебя, принадлежу тебе. Разве этого мало? — Она поцеловала его в щеку и както странно улыбнулась, а потом добавила:— Я пойду все же приготовлю завтрак.

Деак остался один. Ему пришла в голову встреча с Орехом.

Орех — невысокого роста мужчина с седеющими висками. Он, как подметил с самого начала Габор, был чем-то явно обеспокоен. Встретились они на набережной Уйпеште. Орех перешел прямо к делу.

— У меня два вопроса, в связи с которыми мы сегодня и встретились. Во-первых — о твоей невесте.

— Об Аните?

— Что-то неладное с ней происходит,— чуточку резко сказал Орех.— Есть один сигнал.

— Хотелось бы знать, кто сигнализирует.

— Это неважно, да и не твоя компетенция.— Орех на мгновение остановился, поправил на шее потертый шерстяной шарф, пристально посмотрел на Деака и зашагал дальше.— Я дал Тарноки одно задание в связи с этим сигналом. О результатах он тебе расскажет. А ты с Анитой подожди его прихода.

— Но что с Анитой? — Деак схватил Ореха за рукав.— Как-никак она моя невеста.

Орех не отвел руку. Он сделал несколько глубоких затяжек, глядя куда-то вдаль.

— Мой связник сверху сказал, что твоей невесте пришло письмо. От ее отца...

— Ну и что ж тут такого? Кстати, я читал это письмо. Ничего подозрительного в нем не нашел.

— Прочитай еще раз. Повнимательнее.

Дождь посыпал гуще, усилился ветер, он принес отдаленный гром артиллерийской канонады. Некоторое время они шли молча. Уже миновали дома, сто-

явшие на краю парка, и только тут Орех снова заговорил:

— Нам надо выручать Ференца Дербиро. Спасти его можно только с твоей помощью, так что ты должен быть идеально «чистым». Будь внимателен.

— Вы уже знаете, кто провалил Дербиро? — спросил ои негромко.

— Агент по кличке Лоза. Говорят, член партии. Надо бы выясиить, кто таков, и покарать.

«Покарать! — подумал Деак.— Как все просто звучит. А где найдешь ты эту самую Лозу?»

...Габор усилием воли прогиал от себя мысли о встрече, снял со стены гитару и заиграл мелодию старинного траисильваиского псалма. Он негромко пел эту мелодию, грустную и все же дарующую надежду. Вернулась Анита. Оиа прииесла на тарелке бутерброды и чашку чаю.

— А теперь ты о чем задумался?

— Кто те двое евреев, которым ты хотела достать фальшивые докумеиты? — спросил ои и отложил в сторону гитару.

— Профессор Шааш с женой. Зиаю только, что это какие-то важиые люди.



— Ты встречалась с ними?

— Да. В кафе «Бельвероши».

— Кто тебя с ними познакомил?

— Я же рассказывала тебе. Ты что, не веришь мне?

— У меня одна жизнь. А свинец нынче сильно подешевел. Ну так кто же все-таки этот профессор? Что ты о нем знаешь? Где он живет?

— Габор, не знаю я о нем ничего. Все произошло, как мне наказал отец. Человек пришел, назвал пароль. Милый, может, ты не хочешь им помочь?

«Шел бы, что ли, уж поскорее этот Тарноки»,— думал Деак. Его сжигало нетерпение узнать, что они такого знают о ней, в чем подозревают?

— Почему же не хочу? Помогу,— сказал он вслух.— Но, честно говоря, боюсь. Только ради тебя и иду на этот риск.

Анита успокоилась, по лицу ее пробежала нежная улыбка.

В дверь позвонили. Анита вздрогнула, вопросительно посмотрела на Деака.

— Я сам,— сказал Габор, подошел к двери и распахнул ее.

На пороге стоял человек среднего роста, седоусый, лет пятидесяти, в серой «иденке». У него был уверенный взгляд, полное лицо, излучавшее спокойствие и доброту.

— Господин Тарноки,— представил его Габор и добавил:— Мой приятель. Можешь говорить при нем обо всем спокойно и откровенно.

Девушка с некоторым замешательством смотрела на пришельца. Ей показалось, что они уже где-то встречались раньше, может, даже разговаривали. У гостя был тихий приятный голос. Он вежливо поблагодарил за приглашение сесть, но не принял его, а посмотрел на часы, словно давая понять Деаку, что у них слишком мало времени и нужно сразу переходить к делу.

— Я знаю вас, Анита, по рассказам Габора,— сказал он.— Я имею в виду: знаю о вас самое существенное.

— Ну ты все же присаживайся, дядюшка Дюри. Выпей хотя бы чашку чаю,— перебил его Деак.— И пальто ты, наверное, тоже мог бы снять.

Тарноки покачал головой и, значительно посмотрев на Деака, сказал:

— Ты позволишь мне спросить кое о чем Аниту?

Девушка удивленно взглянула на него.

— Меня?

Тарноки кивнул. Теперь Анита перевела взгляд на жениха, смущенно улыбнувшись.

— Ты что-нибудь понимаешь?

— Нет еще,— отвечал Деак.— Но прошу тебя, отвечай на его вопросы, Анита, откровенно.— Он улыбнулся, чтобы придать ей смелости.

— Прошу, что вас интересует?

— Извините, когда вы получили письмо от вашего отца?

— В субботу, четырнадцатого,— сказала девушка.

— Из Коложвара?

— Да.

— Можно мне взглянуть на письмо?

Анита недовольно посмотрела на Габора, сказала, что ей непонятно, зачем все это, но направилась за письмом к книжному шкафу. Достав из книги сложенное вдвое письмо, она подала его гостю.

— Вот, пожалуйста.

Тарноки взял письмо, развернул и внимательно прочел. Тем временем Деак подошел поближе, Анита же села на край кушетки.

— Все правильно,— сказал Тарноки, протягивая письмо Габору.— Вот смотри сам.

— И что я должен увидеть? — спросил Деак, думая над словами Тарноки: «все правильно».

— Согласно дате на письме инженер Маркуш написал его 14 октября. Так?

Деак взглянул на письмо.

— Ну и что? 14 октября, в субботу.

— Мадемуазель Анита получила это письмо в субботу? — спросил Тарноки и взглянул на девушку.

— Да, в субботу,— сказала Анита.— Что же в этом удивительного?

— Удивительно то, что Коложвар далеко отсюда, Анита,— заметил Тарноки.— Если ваш папа в субботу отправил письмо, как вы могли получить его в тот же день?

Они пристально посмотрели друг на друга. Наступившая пауза становилась томительной.

— Не знаю, что ответить,— призналась Аннта.

— Ты уверена, что получила письмо в субботу? — поспешил Деак на помощь девушке. Аннта утвердительно кивнула.— Конечно, в субботу,— вспомнил и сам Деак.— Ведь на другой день салашисты захватили власть в стране... В самом деле странно! — проговорил он.

В уголках рта у Тарноки заиграла улыбка. Но нет, это не было желанием иронизировать, это было плохо скрытое огорчение и разочарование.

— Но еще более странно,— сказал он,— что четырнадцатого октября Коложвар освободили советские войска. Значит, для того чтобы письмо попало к вам, кто-то должен был переправить его через линию фронта. А это за один день едва ли сделаешь.

Деак некоторое время с удивлением смотрел на письмо, затем перевел взгляд на девушку. Теперь-то ему было ясно, почему Орех вел себя так странно на встрече. Выходит, отец Аннты находится совсем не в Коложваре?

— Тогда где твой отец?

Аннта молчала, потупив голову. Деак повторил вопрос более настойчиво.

— Габор,— сказала она и подняла взгляд на него. В глазах ее стояли слезы.— Может быть, он совсем не в Коложваре. Может быть... Ты знаешь, он ведь был участником Сопротивления. А ты следователь по политическим делам. Может быть, он боится тебя и потому что-то скрывает...

— Это понятно. Но почему ты-то «темнишь»? Где твой отец?

— Господи, ну почему ты не веришь мне?

— О чем вы говорили прошлой ночью с Мольке? — тихо проговорил Тарноки.— Чего он от вас хотел?

— Мольке? — спросила девушка, побледнев.

— Да, майор Мольке.

— Чего он хотел? В каком смысле? И откуда вы взяли, что какой-то майор Мольке был у меня?

— Я наблюдал за вашим парадным. Он пришел к вам в десять минут двенадцатого. В двадцать минут первого уехал.

Деак уроиил письмо иа стол. Боль обиды проиизала его иасквозь и лишила сил. Ои ие хотел верить своим ушам. Но иужио верить: что это правда, он прочел иа лице Аниты.

— Тебе еще иужио учиться, Аиита,— сказал он с горечью,— учиться лгать. Нет иавыка. Спрашивать иадо было так: Мольке? Какой еще Мольке?

Им овладел иакатившийся гнев. Ои готов был схватить девушку за плечи и тряхиуть ее как следует. Ои едва сдерживался.

— Когда арестовали твоего отца? — твердо спросил Деак. Теперь ои догадывался, что дело обстоит имеиио так.

— В тот самый деиь, который я иазвала, сказав тебе, что ои уехал в Траисильваиию.

— А когда завербовали тебя?

— На следующий деиь.

Деак отвериулся. Засуиув руки в карманы, отошел к окну. Вот так история! Его иевеста — агеит гестапо! Что же теперь ему остается делать? Сейчас только ие потерять голову. Речь идет о гораздо большем — об их боевой группе. И о Дербиро. Ои снова повериулся к Аиите.

— Шимонфи зиает о том, что тебя завербовали?

— Ои сам возил меия к Мольке.

— Что их иитересует?

Лицо Аииты передериула болезиеииая гримаса.

— Все-все,— прошептала оиа.— В особеииости ты. Оии сказали, что ты русский агеит. И я должиа это у тебя вызиать...

— О чем вы уже проговорились Мольке? — спросил теперь уже Тариоки.

— Если бы я проговорилась, или просто рассказала ему все, что мие известио, отца давио бы уже выпустили на свободу. Да, меия заставили стать их агеитом. Но и по сей деиь я ие рассказала им ничего.

— Но почему ты ие рассказала ии о чем Габору? Сразу же!

— Почему? Боже мой, почему?! — Аиита разрыдалась.— Если бы вы видели, как оии пытали отца. Если бы вы посидели и посмотрели в глаза этому Мольке! Почему ие сообщила? Да потому, что я люблю своего отца. И люблю Габора тоже и ие

хочу потерять ни того, ии другого. Теперь вы все знаете...

Деаку стало жалко Аииту. Оиа права: расскажи она и десятую долю того, что ей известио о Габоре, ои уже давио ие жил бы. Все ясно, иемцы заподозрили его. Ои подошел к Аните и примирительио сказал:

— Аиита, а этих твоих Шаашей тоже придумал Мольке?

— Нет, о Шаашах Мольке ничего ие зиает. Это поручеиие моего отца.— Она встала и шагиула иавстречу Габору.— Габор, наверное, ты презираешь меня, и я вполие заслужила это. Но я очень прошу тебя: помоги Шаашам. Я ведь обещала отцу...

Деак взял девушку за руку, ободряюще пожал ее, а затем перевел взгляд на Тариоки. Тот покачал головой. Одиако Деак сделал вид, что ие заметил его зиака.

— Когда и где ты встречаешься с Шаашами?

— Вечером в шесть, в рестораие «Семь князей».

— Хорошо. Я приду туда. Но если ты меня обманешь, зиачит, я того заслуживаю.

— А Мольке? Что сказать ему? — спросила оиа иемного погодя.

— Теперь тебе придется разыгрывать роль гитлеровского шпика до конца,— сказал Деак.— Мы потом договоримся, что ты должиа делать.

Когда Тарноки и Деак вышли иа улицу, Тарноки прииялся его журить.

— Ну что ж, собираешься помогать этим Шаашам?

— Коиечио.

— Я запрещаю тебе это.

Деак остаиовился.

— Как это ты мие «запрещаешь»?

Оии стояли иа углу улицы Старой почты. Еще только вечерело. На улице было довольно оживлеиио. По узким тротуарам спешили, толкая друг друга, пешеходы. Тут спокойио ие поговоришь.

— Иди вперед и ие устраивай сцеи.

Деак поднял воротиик плаща: по спине у иего вдруг пробежал холодок. Они направились в сторону набережиой Дуная. Нет, Тарноки ие верит Аиите. А ведь это озиачает, что его обяжут порвать с ней...

Они остановились у чугунных перил набережной. Деак закурил, предложил сигарету и Тарноки, но тот отказался.

— Ореха убили сегодня ночью,— сказал он.— Группу поручили возглавить мне.

У Деака словно онемели руки. Ему вдруг стало трудно даже поднести сигарету ко рту.

— Не может быть!

— На рассвете! Нилашистский патруль. Открыли огонь — и все. Но наше задание остается: нужно выручать из тюрьмы Дербиро.

Такая рань, нет еще десяти, думал Деак, а уже сколько всего случилось. Он сам под подозрением. Мольке и его команда затягивают петлю все туже. Аниту поставили перед неразрешимой дилеммой. Ореха убили... Что же дальше?

Дербиро пытают в подвале виллы, и задача Деака теперь поскорее освободить советского разведчика... Но как? Сейчас, когда он сам в смертельной опасности и страх ходит за ним по пятам! Вот и Шимонфи предал его. Даже не предупредил, что Мольке ведет за ним слежку. А знал ведь!

— Вам известно, кто предал Дербиро?

— Агент гестапо по кличке Лоза. Говорят, коммунист, член партии. Надо бы его разыскать и заставить навек замолчать.

— А какие-нибудь сведения о нем, кроме клички, вам известны?

— Знаем, что немецкий агент с сорок второго года.

Деаку хотелось спать. Бил озноб. Сколько уж лет подряд ему не приходится спать спокойно. А как хотелось бы хоть однажды выспаться как следует. Мирно, не ведая страха.

Тарноки тронул его за рукав.

— Габор...

Деак раздавил сапогом сигарету.

— Знаю, как я должен поступить,— сказал он тихо.

— С девушкой тебе придется порвать немедленно.

— Нет,— перебил тот.— Этого я не сделаю.

— Ты порвешь с ней и еще — донесешь на нее Мольке.

— На Аниту? Донести? Да ты с ума сошел!

Тариоки спокойно продолжал:

— Скажешь ему, что девица призналась тебе, что ее завербовали. Только так ты можешь вернуть его доверие. А ты должен добиться этого, чтобы освободить Дербиро.

— И ради этого я должен убить свою невесту? Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Девица — изменница. Убежден, что она уже успела выболтать Мольке о тебе все.

— Если бы это было так, меня давно бы уже арестовали.

— Я понимаю, ты влюблен в нее. Но сейчас это уже дело десятое. Связь здесь совершенно ясна. Они завербовали Аниту, она выдала тебя, и с тех пор ты взят под подозрение...

— Но почему же они до сих пор меня не взяли?

— Потому что один ты им не нужен. Им нужна вся линия связи! Через тебя они надеются замести нас всех в один совок. Как мусор с пола — веничком. Словом, на девчонку ты доносишь. Конечно, это выглядит беспощадно, но что делать? Мы вынуждены обороняться.

— Нет, такие приказы ты не имеешь права мне давать. И не требуй от меня такого, дядя Дюри. Убийцей я не стану. Я люблю Аниту, верю ей и в беде не брошу. Уж лучше я перейду на нелегальное положение...

— Ты анархист, Габор.

— Какая мне разница, кто я и что я. Нет, на Аниту доносить не пойду... Сделаю все, что прикажешь, только не это...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

За свою жизнь Габор Деак бывал во всевозможных переплетах, но сейчас он понял, что угодил в ловушку, из которой не выбраться. Тому, что его до сих пор не арестовали, он больше не удивлялся: ясно, что Мольке хочет прежде всего выявить его связи.

Габор Деак прошелся по комнате — вдоль полок с книгами, мимо кресла, обитого темно-зеленым бархатом, и кушетки. Несколько дней назад, когда ему,

прапорщику, определили тихий, богато обставленный кабинет, он удивился. Но сейчас, после разговора с Анитой, не казалось странным распоряжение Шимоифи и было совершенно ясно, что и эта комната играет какую-то роль в его предстоящем разоблачении.

Вошел Таубе. Почтительно, как положено, отрапортовал, после чего спросил, не закрыть ли окно.

— Оставьте,— сказал Деак и, усевшись на поручень кресла, принялся разглядывать неподвижное лицо своего ординарца.

— Ну, что говорят на базаре? — спросил он, закуривая и стараясь сохранять невозмутимое спокойствие. По обыкновению он маскировал свою нервозность и напряжение чуть развязным юмором.

— Докладываю, господин учитель: полковник Герман в присутствии подполковника Мадяри устроил смотр личному составу части.

— Здесь они тоже были?

— Только заглянули.— Он подошел поближе и, приглушив голос, добавил: — Я слышал, будто всю нашу группу передали под команду немца.

— Вовремя сделали. И кто же теперь будет командиром?

— Господин майор Мольке.

— Так это же великолепно! Мольке — гений. Вы знаете, что такое «гений»?

— Талант? Правильно я ответил, господин учитель?

Деак встал, улыбнулся.

— Очень даже, Таубе. Между прочим, вы мне все больше нравитесь.

Таубе подошел еще ближе, поставил на место кресло.

— Господин учитель, правда, что нас отводят на новые позиции?

— Панические слухи, Таубе! Очередная «утка». Утренней оперативной сводки с фронта не видели? Обстановка решительно переменилась. Конец нашему «отходу на заранее заготовленные позиции». Кстати, откуда этот чертов туман? Что вы об этом думаете, Таубе?

— Думаю, что сегодня не будет воздушного налета. Можно спокойно работать.

Деак уселся на подоконник. Лицо его неожиданно повеселело.

— А ну принеси мою гитару.— Таубе побежал исполнить приказание, и вот уже Деак взял гитару в руки, тронул струны.— Вы ведь из Трансильвании, Таубе? Из Брашова?

— Так точно, господин учитель.

— Тогда слушайте:

Уже пропели петухи. На небе светлей.
Скоро, скоро, лапушка, станешь ты моей...—

пропел под аккомпанемент гитары Деак.

— Точно. Наша песня, трансильванская,— обрадовался Таубе.— Только лучше, если вы не будете петь, господин прапорщик,— тут же спохватился он.— Майор Мольке, они того, так сказать... не уважают музыку.

Деак опустил гитару, отошел к камину и прислонился спиной к теплым кирпичам.

— Закрывайте окно и идите сюда,— сказал он и, прищурив глаза, пригляделся к молодому солдату. Здоров, бугай. С таким где-нибудь в темном месте лучше не встречаться. Таубе... Немецкая фамилия. Ну, конечно! В Брашове во все времена жило много саксонцев. Удивительно другое, что Шимонфи приставил его ко мне денщиком.

— Слушаюсь, господин учитель.

— Это вы приводили в порядок книги на полке? — негромко, почти шепотом спросил Деак.

— Никак нет, господин прапорщик.— Таубе посмотрел прямо в глаза Деаку.— Вчера господин капитан Шимонфи заперли комнату на ключ и ключ унесли с собой. А я, господин учитель, с вашего позволения взял только «Звезды Эгера». Всю ночь читал. Сейчас принесу обратно.

— Любите читать?

— Очень, господин учитель. «Звезды Эгера» уже по третьему разу, так сказать...

Деак швырнул гитару на кушетку. Закинув руки за голову, он по-прежнему не спускал пристального взгляда с Таубе.

— «Звезды Эгера»,— повторил он.— Припоминаю в связи с этим одну смешную историю. Был у меня гайдук, когда я ездил учиться в Стамбул. Так вот

он, бывало, ночи напролет все читал. А на следующий день ходит сонный, как муха. И вот как-то раз мыл окно да и заснул. И свалился вниз с шестого этажа. А жаль, хороший был парнишка.

Судя по всему, Таубе понял намек. Ответил неторопливо, взвешивая каждое слово.

— Со второго этажа упаду — не разобьюсь. Но учту.

— Ну вот и отлично. Выходит, мы поняли друг друга.

Деак подошел к письменному столу, сел и пододвинул к себе документы арестованного Ференца Дербиро. Таубе неподвижно стоял у камина. Да, думал он, господину Мольке нелегко будет справиться с прапорщиком.

— Таубе, нужно бы достать муки «нулевки»,— перебил его мысли Деак. Голос его был снова прежний, веселый.— И несколько больших бидонов топленого свиного сала.

— Когда?

— Срочно. У матери кончились все запасы.

— Завтра все достану, господин прапорщик.

— Спасибо.

Вошел капитан Шимонфи, он был в спортивном костюме. Деак встал, хотел отрапортовать по всей форме, но капитан махнул рукой: не нужно. Смерив взглядом Таубе, дал тому знак удалиться и только в дверях вдруг остановил его:

— Достали мыло?

Таубе с готовностью служаки щелкнул каблуками.

— Обещали завтра привезти. Вам какого: «Элиду» или «Синее-красное»?

— «Синее-красное»,— уточнил Шимонфи и, повернувшись к Деаку, спросил его:— А ты себе ничего не заказывал?

— Мать ничего не говорила, значит, у нее еще есть запасы.

Шимонфи оперся рукой о край стола.

— Можете идти, Таубе.

Дождавшись, пока денщик удалится, он окинул взглядом комнату.

— Ну как тебе здесь нравится?

Деак следил за взглядом капитана.

— У меня еще не бывало таких княжеских апар-

таментов. Не пойму только, чем заслужил? Разреши доложить о результатах?

— Давай. А впрочем, лучше, если напишешь. Сигареты есть?

Деак обошел вокруг стола, достал из кармана портсигар и протянул его Шимонфи.

— Прошу, господин капитан.

Шимонфи закурил. Затем уселся по обыкновению на спинку кресла.

— Скажи, пожалуйста, как ты считаешь, возможно такое, чтобы русские смогли агентурно внедриться в нашу организацию?

— Не только возможно, а наверняка так оно и есть,— спокойно отвечал Деак.— Мы же внедряемся к противнику. Почему же они не могут делать то же самое? Русская разведка еще в царские времена стяжала себе мировую славу.— Он взял в руки папку с делами Ференца Дербиро.— Я изучил материалы. Никаких следов, но предположить можно, что этого Дербиро провалил какой-то агент немцев, работающий в Москве.

— Возможно,— уклончиво ответил Шимонфи.— У немцев тоже великолепная агентурная сеть.

Деак усмехнулся.

— Да, где им дают работать, там им легко. Венгерский отдел контрразведки, например, вообще не работал против немцев. Но, возвращаясь к нашим баранам, должен сказать, что многое в этом деле мне непонятно.

— Что именно? — спросил Шимонфи.

— Из Москвы прибыли двое. В Будапеште они должны встретиться. Почему московский агент не может установить, кто же второй?

— На это может быть тысяча причин,— возразил капитан.— Но в данный момент это и неважно. Дербиро сам скажет, кто его напарник. Я решил, что допрашивать его будешь ты.

— Я? — Деак удивился.— Я же не следователь. Да и не умею я этого делать.

— Научишься. Свое решение я согласовал с Мольке.

— С Мольке?

— Сегодня утром тут произошли кое-какие перемены. Руководителем группы теперь назначен майор Мольке.

Деак встал. Прикинувшись, что он ничего не знает и не понимает, подошел к Шимонфи.

— А тебя, что же, сместили?

— Еще нет,— сказал он.— Номинально руководителем оставили меня. Теперь я подставное лицо. «Тихий компаньон».

Деак решил сыграть на личной гордости капитана Шимонфи, на его тщеславии и потому небрежно бросил:

— Мольке гениальный контрразведчик. Быть его «тихим компаньоном» — уже славное дело. Внимательно все слушай, записывай и вот увидишь: у него многому можно поучиться.— Приняв затем задумчивый вид, он продолжал:— А потом, если хорошенько порыться в истории, вся она дело рук больших и маленьких подставных лиц. Так что почему и тебе не быть последовательным в соблюдении традиций нашей истории?

Шимонфи нетерпеливо поднялся.

— Тебе все шуточки, Габор.

— Я не шучу, я вполне серьезно, Золтан. На это не надо обижаться. Ты же действительно всем сердцем ненавидишь красных. И Мольке тоже. Выходит, вы оба желаете одного. Победить. Это главное. Или нет? Есть какие-то новости?

Шимонфи швырнул сигарету в пепельницу.

— Паулу обобрали до нитки.

— В Австрии?

— Сразу же на границе. Но я этого так не оставлю.

«Этого ты точно не оставишь,— подумал Деак.— А на все остальное тебе наплевать».

— Я распоряжусь привести Дербиро,— услышал он голос капитана.

— Не стоит трудов,— остановил его Деак и протянул руку к трубке полевого телефона.

Шимонфи опередил его.

— Не надо. С сегодняшнего дня арестованных доставляют к следователям только по личному распоряжению Мольке. В тюрьму тоже, кроме него, не имеет права входить никто.

Деак удивился. Эта новость была для него неожиданной и неприятной одновременно.

— Даже ты?

— Даже я. Мне тоже не доверяют. Пойду доложу Мольке, что ты вернулся. Этому Дербиро ты развяжешь язык. Его признание завтра в полночь должно уже лежать на столе полковника Германа. Чтобы заставить преступника заговорить, разрешается применять любые меры.

— А что, если он не заговорит?

Шимонфи уже у двери остановился.

— Лупи сам. Или прикажи кому-нибудь. Лупи до тех пор, пока не даст показания. После этого его сразу же расстреляют.

Деак подошел к капитану.

— Ты хочешь, чтобы я его бил?

— Пожалуйста, не бей, если сумеешь уговорить и получить показания без применения силы.

— Золтан, когда меня перевели сюда, мы о чем с тобой условились?

— Не знаю, что ты имеешь в виду.— Шимонфи положил руку на дверную скобку. Взгляд его был устремлен куда-то в пространство, мимо Деака.

— Наверное, ты просто не желаешь вспоминать,— твердо возразил Деак.— Заплечных дел мастером я не буду. И ты не заставишь меня им быть.

Шимонфи снял руку с дверной ручки и ухватил Деака за лацкан пиджака.

— Ты солдат,— негромко, но твердо сказал он.— И ты должен выполнить приказ. Это в твоих интересах,— добавил он почти шепотом. Деак пристально посмотрел на него:— Недавно один человек в генштабе при мне сказал: «Бьюсь об заклад, что этот Габор Деак никогда не ударит ни одного коммуниста»,— продолжал Шимонфи.

— И что ты на это ответил?

— Ответил: «Заблуждаетесь, господа. Габор Деак убежденный антикоммунист. Если бы жив был его брат и попал к нему в руки, Деак убил бы его своею собственной рукой». Словом, поручился за тебя. Так что иди и приготовься к допросу.

Деак остался один. Значит, Анита сказала правду, капитан знает обо всем, только не смеет говорить откровенно. Шимонфи ненавидит немцев, но это еще ничего не значит, когда речь идет о ненависти к коммунистам.

Конечно, в том, что капитан Шимонфи возненави-

дел немцев, есть и его, Деака, доля, и если бы события последнего месяца ие развнвалнсь с такой быстротой н Деак успел бы побольше заияться капнтаном Шимоифи, он сумел бы убедить своего друга, что его представленне о коммуиистах неправнльно. Но на это уже не осталось времеин, и о Фереице Дербиро ои должен теперь позаботиться сам.

Его терзалн сомиеиня. Ему казалось, что и допрос Дербиро и меры, предприиятые против иего Мольке,— все это для того, чтобы узиать, как и о чем будут оии говорить с Дербиро во время допроса. Деак мысленно поставил себя на место Мольке и попробовал порассуждать за иего. А рассуждать Мольке мог только так: прапорщик Деак — русскнй агеит, коммуннст. Ясно, что человек, прнбывший нз Москвы, теперь попытается какнм-то образом устаиовнть связь с Дербнро. Вероятнее всего, онн даже зиают друг друга. Но Мольке заблуждается. Человек из Москвы знает, кто такой Дербиро, но лично оии инкогда ие встречались. Он еще и еще перелистал следственное дело, н ему становилось все больше ие по себе. Что будет, если помнмо его, Деака, в допросе Дербнро прнмет участие кто-то нз людей Мольке. Одно их присутствне заставит его прнменять самые жестокне меры. А он, если не хочет разоблачнть себя, должен выполнить приказ. Поймет ли Дербиро, в чем дело? И знает ли вообще, что в свое время Габор пошел служнть в венгерскую разведку по приказу Лаци? Обстаиовка дьявольская, и только теперь ои почувствовал по-иастоящему, какой хнтрый и неумолимый враг этот майор Мольке. «Ну что ж, у меия в «вальтере» шесть патронов: пять — для фашистов, шестой — мой. Дешево я свою жизнь ие продам».

Вошел Таубе с двумя книгамн в руке. Ои вопреки обыкновенню приветливо улыбался.

— Возвращаю вам книги,— сказал ои, кладя книги иа стол. Поколебавшись мгновенне и поправив воротннк пуловера, спросил:— Господни учнтель, можно задать вопрос?

Деак подиял на иего взгляд и улыбиулся.

— Давайте ваш вопрос, Таубе.

— Как перевести на венгерскнй: «Аллаху акбар»?

У Деака в животе замутило. Но он совладал с собой н не выдал замешательства. Между тем Таубе

назвал пароль группы Ореха. На это следовало ответить: «Йя керим». Вполне возможно, что Таубе — член группы Ореха. Но если это так, почему же Орех сам не сказал об этом? Эта излишняя секретность мешает слаженно действовать. Как же теперь поступить? Отбросить конспирацию к черту и открыться перед Таубе? Или строго придерживаться указания Центра, которое гласило: «Ты ни с кем не имеешь права устанавливать связь. Если кто-нибудь явился к тебе по паролю, отправь его к Руди». И Габор Деак решил не открываться перед Таубе. Конечно, такая возможность, что Таубе тоже участник Сопротивления, не исключена, но устанавливать это — уже не его задача. И он, с улыбкой посмотрев на Таубе, сказал:

— «Аллаху акбар»? Дословно это означает «бог всевышний».

Ему показалось, что в глазах ординарца промелькнуло разочарование.

— А вот еще «Йя керим»? — негромко переспросил Таубе и подошел еще ближе.

А ты настырный, братец, подумал Деак, и чувство надвигающейся опасности заставило его принять добродушный вид.

— Это был такой боевой клич у турок. Когда они шли на штурм какой-нибудь вражеской крепости,— несколько двусмысленно отвечал он.— Только это им не всегда помогало. Между прочим, среди венгров всегда находились предатели. В Эгере предателя звали Хегедюшем. Закройте окно, Таубе.

Таубе был сражен уклончивым ответом Деака. Идя к окну, он раздумывал, что же ему делать дальше: так хотелось довести дело до конца. Он закрыл окно и, повернувшись к прапорщику, сказал:

— Хегедюш заслужил свою участь, господин учитель.

— Да, конечно,— согласился Деак и испытующе заглянул в лицо смущенному ординарцу.— Вы знаете, Таубе, предательство всегда было опасным ремеслом.

— Опасно все, господин учитель,— отвечал Таубе упавшим голосом.— Имре Варшани не был предателем, а рисковал еще больше, чем подпоручик Хегедюш. Потому что постоянно жил среди турок, ходил в турецкой одежде.

Деака смутил ответ Таубе. Да и его поведение. Он смотрел на Таубе, стоявшего у окна и смотревшего на него открытым, полным доверия взглядом. «Нет,— сказал себе в конце концов Деак.— Я в ловушке и имею право верить только фактам».

— Таубе, когда вы собираетесь поехать к моей матушке?

— После обеда.

Деак достал из кармана золотое кольцо с печаткой, на которой был изображен какой-то герб, задумчиво разглядывал его некоторое время, потом, подышав на него, вытер рукавом пиджака.

— Тут один человек хочет продать вот это кольцо. Оно, по-видимому, недорогое, но я не очень разбираюсь в драгоценностях. Сделайте крюк, загляните в гостиницу «Семь князей» и передайте его Руди. Пусть он узнает у оценщика, сколько кольцо может стоить и есть ли смысл мне его покупать?

Таубе взял кольцо, прикинул на ладони вес, словно сам был когда-то оценщиком в ломбарде.

— Больше ничего не надо передавать, господин учитель?

— Больше ничего. Скажи: вечером я сам зайду за кольцом. Только смотри не потеряй.

Дверь открылась. Таубе убрал кольцо в карман и шагнул в сторону, уступая дорогу. Вошел унтерофицер, щелкнул каблуками и доложил, что по приказу майора Мольке доставил арестованного Ференца Дербиро.

— Введите,— кивнув, распорядился Деак.— А сами подождите за дверью. Вы тоже можете идти,— сказал он Таубе.

Он пристально оглядел стоявшего перед ним высокого плечистого мужчину лет сорока, заросшего многодневной щетиной, со следами пыток на лице. «Так вот ты каков, Фери Дербиро, лучший ближайший друг моего дорогого брата Лаци!»

Деак принялся негромко насвистывать «Уже пропели петухи» и с удивлением отметил, что Дербиро никак не отреагировал на эту мелодию. А ведь в свое время в подпольной группе Гёде эта песня была паролем. Или, может быть, он, Деак, что-нибудь путает?

Мужчина сел. На его бледном лице темными пятнами выделялись следы недавних побоев, взгляд был устремлен на одну точку в противоположной стене. Деак взял со стола документы, перелистал их, затем неслышными шагами обошел вокруг неподвижно сидящего арестованного и внимательно оглядел его со всех сторон.

В эти минуты майор Мольке напряженно ожидал начала допроса, сидя у аппарата подслушивания. Улыбнувшись, он подмигнул лейтенанту Таубе и едва слышно прошептал:

— Сия тишина кажется мне подозрительной, лейтенант.

Стальная струна магнитофона беззвучно перематывалась с одной катушки на другую, но пока она зафиксировала лишь мелодичное посвистывание Деака. Мольке закурил сигарету и, едва скрывая волнение, ждал развития событий. В конце концов магнитофон проиграл следующий записанный диалог.

Деак. Я изучил ваши материалы, Дербиро. Когда вас задержали?

Дербиро. Двадцать четвертого.

Деак. И так долго вы запираетесь? Конечно, вы имеете на это право... Послушайте, я открою вам один секрет. Я не умею допрашивать. Понятия не имею, как вести перекрестный допрос и все такое. И еще: я не люблю применения силы. Так что вас я тоже не трону. Знаю: вы коммунист, фанатик идеи. А я уважаю людей, которые за свои убеждения готовы на все. В данном случае — и на смерть. Хотя знаю, что это нелегко. И я хотел бы обратиться к вашему здравому смыслу.

Дербиро. Что вы имеете в виду, господин прапорщик?

Деак. Я скажу вам это позднее. А для начала я хотел бы задать вам несколько вопросов. Вы перешли на нелегальное положение весной тридцать восьмого?

Дербиро. Да.

Деак. А до того вы работали в типографии «Атенеум»?

Дербиро. Да, я был наборщиком.

Деак. Мой старший брат тоже там работал. Он был механиком.

Дербиро. Как его звать?

Деак. Ласло Деак.

Дербиро. Я хорошо его знал. Нас вместе судили. Дважды: в 38-м и 42-м. Вместе иа фронт отправили.

Деак. Там мой брат и погиб.

Дербиро. Многие погибли.

Деак. Вам известны какие-либо подробности смерти моего брата?

Дербиро. Мы хотели бежать. Кто-то выдал. Тогда нас загнали на минное поле. Одна мина взорвалась.

Деак. Может, так и лучше, чем быть повешеиным. Вы ие знаете, что стало с его стихами? Я слышал, ои и там продолжал писать.

Дербиро. Продолжал. Ои всегда писал.

Деак. Не помиите случайно какое-иибудь из его стихотворений?

Дербиро. Я зиал несколько его стихов, ио сейчас ие могу собраться... Красивые стихи писал. Я обязательио вспомию.

Деак. Я хотел бы, чтобы вы записали какое-иибудь из его стихотворений. Брат все-таки. Иитересио, что о вас ои мие иикогда не рассказывал.

Дербиро. Не мог. Я же был иа нелегальиом положеиии... Страииая штука эта жизиь...

Деак. Да. Вы-то уж, иаверное, иикогда не думали, что встретитесь с младшим братом коммуииста Ласло Деака вот в такой обстаиовке? А оно вот как все получилось, Дербиро.

Дербиро. Бои уже на окраинах Кечкемета идут, господии прапорщик. Неужели вы и теперь ие видите, что прав-то был ваш старший брат?

Деак. Может быть, лучше будет, если вы о своей собственной судьбе подумаете? Или о судьбе вашей жены...

Дербиро. Господин прапорщик... жеиа моя ни в чем ие виновата. Зиаю, что ее вы тоже арестовали. Но она же ие состояла в партии, и не зиает оиа иичего. Меия можете забить до смерти, повесить. Жеиу только ие трогайте. Она ни в чем не виновата.

Деак. Каждый деиь умирают десятки тысяч. Всяких — иевииовных и виноватых. Победа требует жертв. Дербиро, вашу идею я иенавижу. Я солдат и полу-

чил приказ: заставить вас заговорить. Этот приказ я должен выполнить и выполню его. Потому что согласен с ним. А вы решили избрать смерть?

Дербиро. Нет. Я хотел бы жить.

Деак. Тогда давайте показания.

Дербиро. Предателем не стану.

Деак. Дербиро, своим молчанием вы погубите себя и свою жену. Есть ли у вас право жертвовать жизнью человека ради коммунистической идеи? Такого человека, который не признает ее и не признавал никогда? И так же невиновен, как ваша жена.

Дербиро. Мы не приносим в жертву невиновных.

Деак. Это меня успокаивает. Ну так вот что, Дербиро, если в течение получаса вы не скажете, как зовут вашего напарника и какова цель вашей с ним миссии, я отправлю вашу жену в Германию. Вы знаете, что это такое. Жизнь вашей не виновной ни в чем жены целиком зависит от вас.

Дербиро. Предателем я не стану.

Деак. А убийцей?

Дербиро. Господин прапорщик... это жестоко.

Деак. Война вообще жестокая штука. Венгерские пилоты бомбят занятую противником венгерскую территорию. Может быть, там живут их близкие. Но они должны бомбить эти села и города. Решайте: жизнь вашей жены или имя напарника.

Дербиро. Сигаретку можно?

Деак. Назвав имя своего напарника, вы еще не совершите никакого предательства. Вы же не за деньги выдаете его или ради спасения своей собственной шкуры. Вы спасаете жизнь другого, невинного человека.

Дербиро. Вы брат Ласло Деака?

Деак. Да. Только сейчас это несущественно.

Дербиро. Вы жестокий человек, господин прапорщик.

Деак. Жизнь жестока.

Дербиро. Насколько мне известно, на гражданке — вы учитель.

Деак. Правильно вам известно. Но у меня есть и свои политические убеждения.

Дербиро. После войны вам придется за все ответить.

Деак. Победители не отвечают, Дербиро. Они спрашивают ответ с других. А мы победим. Но и это к делу не относится. Не тяните время. Я хотел бы отпустить вашу жену домой.

Дербиро. Отпустите?

Деак. Даю вам слово.

Дербиро. А если вы не сдержите свое слово?

Деак. Вы должны верить мне. Ну? Как зовут вашего напарника?

Наступила долгая, на несколько минут, тишина. Только стальная проволока негромко шуршала. Затем снова послышался голос арестованного.

Дербиро. Его зовут Ласло Деаком.

Деак. Мой брат?

Дербиро. Да.

Мольке подождал несколько минут, но в кабинете, где шел допрос, стояла тишина. Что это? Или Деак в обмороке?

— В серванте найдется коньяк, Таубе,— небрежно бросил Мольке лейтенанту.— Достаньте и налейте.

Таубе выполнил приказание. Достав из серванта две рюмки, он поставил их на столик и наполнил.

— Дело запутывается, господин майор.

Мольке, расхаживающий по кабинету, остановился и повернулся к нему. Он смотрел на бокалы, в которых золотился напиток, а сам думал, что скоро кончатся его запасы, привезенные из Парижа, и следовало бы загодя позаботиться о пополнении. Ах да, лейтенант Таубе ждет его ответа! Мольке поднял свою рюмку и беззаботно улыбнулся...

— Наш друг Деак выкидывает финты, словно итальянский фехтовальщик. Ваше здоровье, лейтенант.

— За ваше здоровье, господин майор!

Они выпили.

— Я назвал пароль,— сказал Таубе,— но господин прапорщик и ухом не повел. Начал философствовать об историческом романе.

— Да, я прослушал запись вашего разговора. Вы зря пустились в разъяснения.

Лейтенант, пригладив волосы, убежденно сказал:

— Надо было обеспечить себе отступление. Для того я и взял с собой «Звезды Эгера», чтобы мой интерес к этой книге был оправдан. Господин майор,

надо бы сказать радиоперехватчикам, чтобы они проследили за прежней волной радиостанции Ландыша. Если Деак понял пароль, он умышленно не ответил на него, значит, он что-то подозревает и теперь попытается получить более подробную информацию из Москвы обо мне.

Мольке согласно кивнул и подумал, как все-таки легко работать, когда имеешь дело с умными и умеющими думать сотрудниками. Впрочем, нечего удивляться: офицеры абвера получают основательную подготовку. Это настоящие мастера разведки и контрразведки.

— Спасибо, Таубе, я уже распорядился. Так что вы правы.

Он пододвинул кресло поближе к столу, удобно расположился в нем и по-дружески принялся наставлять Таубе. Он говорил о методах советских разведчиков, потому что это самое главное — освоиться с их системой.

— Деак для меня труден как противник потому, что я не знаю устройства его мышления, структуру его логики. Моя ошибка, что я не удосужился поговорить с ним и потому теперь не могу поставить себя на его место, начать думать за него.— Мольке задумчиво посмотрел в окно и словно про себя добавил:— Ну, конечно, если увижу, что все летит к черту, я в общем-то хоть сейчас могу арестовать его. Какие-то доказательства я уже имею.

— Доказательства? — удивленно поднял брови Таубе. Выходит, Мольке скрывает что-то даже от него? Это непорядок.— Мне о них ничего не известно.

— Деак не доложил, о чем он говорил с Анитой,— засмеявшись, сказал Мольке.

— Знать ровно столько, сколько необходимо для выполнения задания! Кто это сказал, господин лейтенант?

— Если не ошибаюсь,— полковник Лоуренс. Вы правы, господин майор,— весело отвечал Таубе и с извиняющейся улыбкой закурил сигарету.— Это только моя личная обеспокоенность. Ведь если Деак что-то заподозрит, он быстренько смоется. И тогда на фронт отправится не только господин майор, но и я.

— Никуда он не денется,— твердо отрезал Мольке и поднялся.— Если он действительно Ландыш, то

будет держаться до последнего патроиа. Стойкость — характерная черта советской разведки. И свой пост он может оставить только по приказу. А ему положено стоять иасмерть. Ведь у Ландыша приказ: спасти Ференца Дербиро.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Шимонфи ие находил себе места. Иногда он думал о том, что должеи предупредить Деака об опасности, ио тут же отказывался от мысли немедлеино поехать к приятелю, успокаивая себя тем, что волиоваться излишне: иеумело расставленные ловушки Мольке только докажут благонадежиость Деака. В конце коицов Золтан решил, что Деака он в беде не оставит, но пока иичего предпринимать ие следует, поскольку события и время работают на Габора. И он отправился к Мольке.

Майор принял его вежливо, даже виду не показал, что сердит за то, что утром в присутствии полковника Германа он подверг сомиению целесообразность акций, иаправлениых против Деака. Тучи слегка разошлись, и сквозь щелку в их пологе иеярко блеснуло солице. И этот мягкий свет словно добавил сил Шимонфи, и тот сразу почувствовал себя свободнее, легче. Теперь всем своим поведением он хотел бы дать понять майору, что ни капельки не боится его.

У майора иа столе стоял магнитофон, и капитаи Шимонфи с любопытством уставился на иезнакомое устройство. Мольке заметил заиитересоваиный взгляд Шимонфи и, иезаметио усмехнувшись, позволил капитану обстоятельио рассмотреть аппарат.

— Извииите, что это за адская машина?

Мольке встал, нетопливым шагом проследовал к столу и иажал одиу из киопок магнитофона.

— Эта адская машина, господин капитан, умеет все. Вы только послушайте.— Аппарат пришел в действие, завертелись катушки, едва слышио зашуршала стальная проволока. Вдруг из его чрева послышался голос Деака.

— Потрясающе! — воскликнул Шимонфи.— Подслушивающее устройство?

Мольке благодушно кивнул головой и выключил аппарат.

— Слышать о нем я уже слышал,— погруженный в свои мысли, заметил Шимонфи.— Но видеть еще не доводилось.— Неожиданно он понял, зачем вчера вечером Мольке взял у него ключи от кабинета Деака. Все понятно: именно тогда-то в комнате и установили аппаратуру подслушивания. Теперь он уже был совершенно уверен, что немцы и его разговоры подслушивают.

— В чем принцип действия? — спросил он.

— Принцип очень простой. Захочется мне узнать, о чем прапорщик Деак разговаривает с кем-то, я щелкну пальцами, а про себя трижды повторю: «Сезам, включайся».

Шимонфи почувствовал себя так, как если бы ему дали пощечину, но, презирая себя за трусость, он сказал:

— Извините, я забыл, что это военная тайна.

Мольке громко расхохотался. Он был счастлив, что ему снова удалось унизить венгерского капитанишку.

— Военная тайна? — оборвав смех, сказал он.— Да перестаньте вы, милый Шимонфи. Профессор Поульсен запатентовал его сорок семь лет назад, и уже пятнадцать лет мы используем его в разведке, а вы все еще удивляетесь? Прошу, закуривайте.

Шимонфи покачал головой и достал свой украшенный монограммой золотой портсигар.

— Честно говоря, я уже ничему не удивляюсь,— возразил он, закуривая.

Мольке почувствовал себя в своей стихии.

— Ну что, вы все еще не убедились в виновности Деака? — спросил он.

— Напротив,— отвечал Шимонфи. Внутри у него уже все клокотало от возмущения. Успокойся, успокойся, говорил он себе, только не потеряй самообладание.— Деак «расколол» Дербиро и заставил его говорить. Теперь мы уже знаем, кто был напарником Дербиро. Зачем же Деаку это было делать, если бы он был изменником?

Мольке развел руками.

— Во-первых, возможно, что сведения, которые дал Дербиро,— ложные. Если они оба уже знали друг

друга прежде и теперь разыгрывают перед нами комедию, что в таком случае логично. Если Габор Деак их человек, Дербиро не станет его проваливать, а, наоборот, будет спасать до последнего мгновения. Давайте проведем еще один эксперимент.

Он подошел к телефону, попросил к аппарату начальника караула и приказал доставить арестованного Дербиро. Затем, положив трубку, пояснил:

— Ваша задача, дорогой Шимонфи, следить только за выражением его лица. Кстати, вы о чем-то хотели поговорить со мной, не правда ли?

Шимонфи кивнул.

— Я получил письмо от жены,— сказал он. Дрожащим от негодования голосом он рассказал, что его жену, едва она пересекла германскую границу, обобрали до нитки, и сейчас она в полнейшем отчаянии сидит в Винер-Нойштадте, не зная, что делать. Мольке внимательно выслушал капитана, затем тонко, но ехидно заметил:

— Надеюсь, господин Шимонфи, не имел в виду, что его жену «обобрали до нитки» германские солдаты?

Капитан почувствовал в его словах не только насмешку, но и хитро расставленную западню. Поэтому Шимонфи предпочел более осторожно выразить свою мысль: грабителями были неизвестные лица в военной форме германской армии. Мольке продолжал издеваться, с притворным возмущением покачал головой.

— Как видно, и на территорию рейха просочились уже советские диверсанты. Этот случай еще раз подчеркивает, что нам нужно как можно скорее прогнать красных с территории Венгрии.

Капитан задохнулся от злобы.

— Господин майор, как я вижу, изволит шутить?

— Ничуть, дорогой Шимонфи,— лицемерно возразил майор.— Я очень хорошо представляю себе душевное состояние вашей супруги...

— Господин майор, я не фабрикант и не помещик. Чтобы купить жене норковую шубу, я копил деньги много лет...

— Если позволите, господин капитан, в качестве возмещения ущерба я прикажу послать вашей супруге натуральную норку.

— У жены и была натуральная,— заметил Шимонфи, а затем, повысив голос, продолжал:— Мне не нужны подарки, господин майор. Я вам докладываю все это потому, что вы мой начальник, и я требую строгого расследования дела, наказания виновных и возвращения отнятого у моей жены имущества.

«Ну ты, червь,— подумал Мольке,— можешь требовать сколько тебе захочется. Сделаю я с тобой что хочу. А пока поразвлекусь».

Он встал, накрыл магнитофон скатертью и, сменив тон, сказал:

— Составьте список пропавших вещей. За все, что произошло на территории империи, несем ответственность мы и, следовательно, возместим вам ущерб.

Шимонфи достал свернутый лист бумаги и положил на стол:

— Прошу, господин майор, я уже составил его на основании письма жены.

«Как быстро действует этот человек, когда речь идет о собственных жалких манатках»,— подумал Мольке и протянул руку за списком. В дверь постучали, и вошел немецкий лейтенант доложить о выполнении приказа. Мольке, не отрывая взгляда от списка, негромко отдал новое приказание:

— Введите его сюда. Сами подождите за дверью.

Шимонфи с любопытством посмотрел на высокого мужчину, который, шатаясь, вошел в дверь, и с удивлением констатировал, что приведенный арестованный был совсем не тот человек, которого час назад допрашивал Деак. Шимонфи перевел взгляд на Мольке, и ему стало страшно. Он хотел что-то сказать, но майор, улыбнувшись, сделал ему знак молчать. А затем, наклонившись к изумленному капитану и показывая на перечень, спросил:

— А это что такое? Десять килограммов яичного мыла «Сине-красное», в пачках по 50 граммов. Натуральное, мирного времени,— читал он текст.— Мне кажется, на складе есть только пачки по сто граммов. Но, надеюсь, супруга ваша поймет, что сейчас война.— Он выпрямился и положил лист обратно на стол.— Я распоряжусь, господин капитан.— И подошел к Ференцу Дербиро. Разглядывал его в течение нескольких мгновений, затем сказал:— Вы чудак, Дербиро. И глупо врете. Три дня назад я спросил,

знаете ли вы Габора Деака.

— Не знаю,— ответил Дербиро.

— Так вот Габора Деака мы вчера вечером арестовали. И он уже дал показания.

— Все равно не знаю,— сказал Дербиро, совершенно уверенный в том, что этот немец-майор врет. Ведь он сегодня утром своими ушами слышал, как кто-то крикнул из окна, пришел ли на службу прапорщик Деак. А потом донеслась песня Деака «Уже пропели петухи». Он сразу узнал его по голосу, потому что у Габора тот же характерный голос, что и у старшего брата. Согласные он выговаривает очень старательно и немножко на палоцкий лад*, а букву «р» они оба произносят до хруста твердо. Значит, это Деак песней давал ему знать: держись, мол, Дербиро. И он понял его сигнал.

— Вы знаете друг друга, — настаивал Мольке.— Я устрою вам очную ставку.



* Палоцкое наречие — диалект венгров, живущих на северо-востоке страны и в Словакии.

— И тогда я тоже не скажу вам ничего иного.— Ответ Дербнро был решнтелен. Но про себя он подумал, что долго ему не выдержать. Если Деак с ребятами не выручат — ему конец.

— Долго вы собнраетесь запираться?

— Не знаю,— честно сказал Дербиро.

— Глупый вы человек,— слышал он как сквозь вату голос майора.— Не хотите понять, что ваша карта бнта. Мы знали заранее о вашем прнбытии сюда. Зналн ваш пароль н ожидали вас.

«Это все верно,— думал Дербиро,— увы, все верно. Произошло предательство. Но кто предатель?» Вдруг ему стало дурно, он пошатнулся. Теперь голос майора доноснлся к нему совсем нздалека, и он понял, что вот-вот упадет.

— Мне вас жаль, Дербиро, очень жаль. Скажнте, а стнхн вы любите?

Дербнро открыл глаза. Майор сндел у стола и равнодушным взглядом смотрел на него.

— А как вы счнтаете, Ласло Деак хороший поэт? — спроснл Мольке.

Дербиро мгновенно почувствовал ловушку. А может быть, он уже свнхнулся? Он бы н этому не удивился. На всякнй случай отвечать не стал. Что нужно Мольке от Ласло? Вдруг н его схватнлн?

— Ну, так какне же стнхи он писал? — Мольке словно забыл о своей роли. Голос его был грубым, почтн рычащим.

«Что-то тут не так,— мелькнуло в мозгу у Дербиро.— Какую-то хнтрую нгру затевают гестаповцы, а ему нензвестны правила этой игры». Но ему показалось, что в данный момент нгры иннциатнва находится уже не в руках майора. Кто-то днктует ему темп. Скорее ннстинктивно он сказал:

— Мне думается — хорошнй поэт.

— А вы моглн бы напнсать по памятн несколько его стихотворенний?

— Еслн даднте карандаш н бумагу.

— Правнльно,— примирительно проговорил Мольке.— И одновременно напишнте, с каким заданнем вас перебросnлн в Венгрню и как вы поддержнвалн связь с Габором Деаком.

Но Дербнро уже поннмал смысла слов Мольке, вновь накатилась боль, и он потерял сознание.

Мольке позвал лейтенанта.

— Отведите обратно в камеру. Пусть врач вернет его в чувство. А затем дадите ему бумагу и карандаш. Кончит писать — принесите его показания сюда.

Шимонфи с ужасом слышал распоряжения Мольке и где-то в глубине души завидовал ему — его решительности и покоряющему волю поведению. Когда они остались одни, он негромко спросил:

— А что, вы в самом деле арестовали его жену?

— Деак подал великолепную идею,— сказал Мольке.— Мне нужно заставить заговорить Дербиро. Он ключ к разгадке.

— А чего вы намерены добиться с помощью стихов Ласло Деака?

Мольке многозначительно улыбнулся.

— Вы не понимаете?

— Я что-то совершенно сбился. Сейчас я уже не понимаю и того, зачем вы поручили Деаку допрашивать ненастоящего Дербиро?

— Не хочу вас обидеть, дорогой Шимонфи,— сказал Мольке,— но мне думается, вы совсем не владеете тонкой механикой допросов. Вот, к примеру, мой московский агент донес: Габор Деак не знает Ференца Дербиро. Дальше я рассуждаю так: и хорошо, что не знает, тогда я могу подменить Дербиро своим хорошо подготовленным агентом. И я поручаю агенту заучить биографию Дербиро. Делаю это вот с какой целью: если Деак — русский разведчик Ландыш, то обязательно попытается установить контакт с Дербиро.

— Но он не установил его,— заметил Шимонфи.

— Не установил. Скорей всего заподозрил что-то неладное, хотя конкретно ничего не знает. Или слишком осторожен. На это указывает и тот факт, что он попросил Дербиро написать ему несколько стихотворений Ласло Деака. Наверняка хотел проверить, знает ли мой агент его брата.

— Понял,— сказал Шимонфи.— У вас блестящее чутье, когда вы избираете тактику допроса, господин майор. Настоящий Дербиро напишет настоящие стихи Ласло Деака и передаст их вашему агенту.

— Совершенно верно. И вокруг нашего друга Деака еще туже затянется петля.

Шнмонфи задумчиво посмотрел в пространство.
— Еще один вопрос, господин майор,— сказал он.— Истннный Дербиро не выдал имени своего товарища. Значит, ваш агент выдумал, когда сказал, что его напарннк — Ласло Деак.
— Он сказал правду. Ласло Деак в Будапеште. Так радировал мой агент из Москвы. А вот почему я сказал об этом прапорщику, я думаю, вам понятно? Теперь он сделает все, чтобы встретнться со своим братом.
Мольке взял со стола спнсок вещей и еще раз пробежал его глазами:
— Скажите, вы все запнсали? Не пропустнлн случайно чего-ннбудь?
— Кажется, все,— отвечал Шнмонфн.
— Может быть, прочитаете еще раз письмо вашей супруги? — посоветовал майор.
Шимонфи ощупал карманы.
— Я, вероятно, оставил его у себя в комнате.
Мольке с улыбкой выдвннул ящнк стола н небрежно заметил:
— Случайно у меня есть копия. Прошу.
Шимонфи с изумлением уставнлся на него. Он чувствовал себя униженным до такой степенн, что ему хотелось заплакать. Мольке наслаждался его беспомощностью и нздевательскн улыбался, хотя тон у него по-прежнему был вежливым, прнятельским.
— Увы, увы, отказывает вам память, господин капитан. Ваша милая супруга писала только о пяти килограммах мыла. Между прочим, она весьма дружески отзывается о нас, немцах: «Эти негодяи совершенно меня обобралн...» Броснв на стол копню пнсьма, Мольке взглянул на Шимонфи.
Заикаясь, капитан спросил:
— Вы что, не доверяете мне?
Вместо ответа Мольке включнл магнитофон. Шимонфи узнал свой собственный голос: «По приказу вождя нацни руководство разведывательным отделом прннял майор Мольке.— Тебя сместили?»
«Да, это Деак»,— подумал Шнмонфи.
«Еще нет. Для виду я остался руководнтелем отдела, а Мольке — моим советннком. Конечно, с правом отдавать распоряжения и всемн полномочнямн. А я стал подставным лицом...»

— Слушайте меня внимательно, Шимонфи,— сказал Мольке, выключая аппарат.— Я не хотел бы, чтобы Деаку стало известно о том, что он находится под следствием. За сегодняшнюю вечернюю операцию персональную ответственность несете вы.

В Шнмонфи пробудилась какая-то доля гордостн.

— Господин майор, это оскорбление!

Мольке презрительно улыбнулся.

— Пока мы еще не можем вызвать друг друга на дуэль, Шнмонфи. И потом, насколько я понимаю, вы хотели бы вновь встретиться с вашей супругой. А визу на поездку в империю иужно еще заслужить. Теперь иднте!

И он насмешливо посмотрел вслед трясущемуся от страха капнтану.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Габор Деак сидел у рояля и негромко наигрывал. В ресторане «Семь князей» было многолюдно. Под низким потолком веселились солдаты-отпускники, завсегдатаи, молодые влюбленные, гуляки, проститутки. А Деак разглядывал Шааша и его жеиу и гадал, почему же опаздывает Анита.

Рудн, официант, худощавый пятндесятилетннй мужчина, извнваясь змеей, пробнрался между столикамн. Не выдавалось свободной минуты, а ему обязательно нужно было поговорить с Деаком. Рудн устал, но, хоть и с трудом, скрывал эту усталость. За прилавком бара стояла толстая госпожа Щюц и усердно наполняла рюмкн ромом и водкой, взглядом указывая Руди, где его ожидают. Старый аккордеонист дядя Лайош стоял возле рояля и по обыкновению грыз спичку.

Деак оборвал игру. В зале захлопали. Он застенчиво улыбнулся и пересел к своему столику. Разминая пальцы, сказал:

— Больше не ндет. Разучился, дядя Лайош.

— Да что вы, господин учитель. Вот вернетесь из армин, сколотнм с вами хороший оркестрик!

Одии фронтовик помаиил к себе Лайоша, старик отошел от Деака и заиграл на аккордеоне. Возле

бара поднялся такой шум, что сидевшие в зале гости уже с трудом понимали друг друга. Дым плыл по залу густыми клубами, ио по условиям светомаскировки нельзя было открыть окио, чтобы проветрить помещеиие.

Деак мрачио смотрел на горланящую песни публику. В семидесяти километрах фронт, а здесь и повсюду в городе — веселье, беспробудиое пьянство. Сейчас бы самая пора всем им быть в лесах, драться с фашистами, стрелять нилашистов. «Эх, какой же я дурак-идеалист! — подумал он.— И очень устал. Это тоже иужио принять во виимаиие».

Руди иа мгиовение остановился у его стола, иегромко сказал:

— Все в порядке.

— Дай меию,— сказал ему Деак.

Руди положил иа стол меню.

— Немедлеино сообщи Тарноки: завтра в полночь Дербиро расстреляют. Мой брат в Будапеште. Нужно разыскать его. Таубе иазвал мие пароль, ио я ему ие ответил. Послал его к тебе с кольцом и с обычиой для таких случаев легеидой.

— Ои уже был у меня, пока не заиимайся им. Скорее всего провокатор. Шааши чем-то очеиь обеспокоеиы.

Деак посмотрел в сторону столика профессора и его жеиы. Оии иегромко разговаривали. Профессорше было на вид не больше двадцати пяти. На роскошной копне ее белокурых волос красовалась модиая шляпка — «тюрбаи». Деаку показалось, что откуда-то ои уже знает профессора.

— Ну заказывай что-иибудь,— заторопил его Руди.

— Аппетита иет, Руди. Приыеси мне только коньяк.

За соседиим столом громко заспорили. Малеиький человечек, силясь перекричать музыку, хвалил Гитлера и Салаши и требовал, чтобы Лайош сыграл для него «Эрику» *. Многие закричали иа иего, но фронтовик пьяным голосом запел:

Везли меня в Галнцию,
Деревья плакалн навзрыд...

* Популярная немецкая песня военного временн.

Кто-то подхватил песню, другой, третий, а дядя Лайош — в надежде на чаевые — старательно подыгрывал им.

Дым уже щипал глаза, и Деаку хотелось выйти на свежий воздух, но он не мог покинуть своего места за столиком. Страшила его эта операция. Деак боялся, что Тарноки окажется прав, и тогда он уже окончательно разуверится в Аните.

Он задумался. Воскресил в памяти милые воспоминания минувших месяцев. Нет, не мог он так ошибиться! Анита любит его. Конечно, если он сумеет осуществить свой замысел, то очень быстро узнает, где же правда. Нужна только выдержка.

В зал вошла Анита. Она сразу же заметила Деака и поспешила к нему. Прапорщик встал, поцеловал ей руку, помог снять пальто и повесил его на вешалку, изобразив на лице улыбку. Анита, озабоченная, но и не скрывающая своего волнения, села к столу.

— Принес документы?

— Все в порядке,— еще приветливее улыбнулся Габор, желая успокоить ее.

— Позвать их сюда?

— Подожди.— Деак взял девушку за руку.— Выпьешь чего-нибудь? — спросил он и сделал знак Руди.— Принесите один коньяк. Да перестань ты нервничать, Анита.

— Ох, скорее бы все это кончилось.

Руди принес коньяк и безмолвно удалился.

— Выпей,— сказал Деак.— Лучше будет.

Анита приподняла рюмку, но пить не стала.

— После полудня у меня был Мольке,— сказала она и поставила рюмку на стол, так и не пригубив.— Он сказал, что твой брат будто бы жив и находится сейчас в Будапеште. Думаешь, это возможно?

— Все возможно, Анита. Твое здоровье!

Он буквально заставил девушку выпить коньяк.

— Передай мне документы,— сказала Анита,— я отнесу им.

Деак сочувственно посмотрел на нее. Пододвинувшись поближе, шепнул:

— Ты, конечно, знаешь, если Шааши провалятся, они нас продадут. Тогда нам с тобой конец.

— Не продадут,— неуверенно возразила девушка и помрачнела.— Так хочется умереть! С утра, с са-

мого утра только об одном н думаю и не нахожу ннкакого выхода. Наверное, с ума сойду скоро.

Деак сжал ей руку.

— Погодн, соберись. Первым делом нужно время вынграть. Пока еще жнвы мы оба, н твой отец, н я тоже. И есть надежда, что оба уцелеем. Когда у тебя встреча с Мольке?

Аннта провела по лбу тыльной стороной ладони.

— Он вечером будет звоннть.— Переснлнвая слабость н заставив себя сохранить спокойствие, предложнла:— Передаднм им документы н уйдем. Ладно?

Но до этого очередь уже не дошла, потому что в дверях выросли ннлашистские штурмовнкн. Музыка мгновенно оборвалась, певнчка умолкла, и в неожнданно наступившей тншине какой-то грубый, хрнплый голос сказал:

— Облава! Всем оставаться на свонх местах! Прнготовнть документы!

Вооруженные ннлашисты заняли все выходы.

Трое началн проверку документов. Аннта побледнела, ее бил озноб, с выраженнем ужаса на лице она посмотрела на Деака. Тот ободряюще взял девушку за руку.

— Добрый вечер,— подойдя к ннм, сказал тучный мужчнна лет пятидесяти, начальник патруля.— Прошу нзвннить. Предъявнте, пожалуйста, документы.

Деак достал свое удостоверение н безмолвно протянул его нилашисту. Тот неторопливо раскрыл его, начал чнтать, как вдруг взгляд его остановнлся на вложенном в удостоверение листке бумаги.

— Извнннте,— сказал Деак,— эту бумагу я попрошу вернуть мне.

— После того, как я ее прочнтаю.

— Дайте сюда! — Деак протянул руку за бумагой, но нилашист оттолкнул его.

— Молчать!

— За грубость вы еще поплатнтесь,— сказал прапорщнк.

— Коммуннстическая лнстовка? — восклнкнул ннлашнст.— Как она у вас оказалась?

— Взглянnте на мое удостоверение.

Ннлашист еще раз развернул удостоверенне, презрнтельно скрнвнл рот. Знаком подозвав одного из

своих патрульных, державших автомат на изготовку, он сказал:

— Отведите-ка господина прапорщика.

Анита вцепилась в руку Деака.

— Габор!..

— Успокойся, милая,— сказал он.— Сейчас уладим это недоразумение.

— Давай, давай!

Нилашист ткнул его в бок дулом автомата.

Деак двинулся к выходу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Они стояли у стены. Мужчина украдкой осматривался. Подвальное помещение было обставлено предельно просто: железная койка, прикрытая солдатским одеялом, готовый развалиться стол, чугунная печка, несколько бог весть откуда собранных стульев, на стене фотография Ференца Салаши.

За столом сидел Ковач и молча просматривал документы. Мужчину явно тяготило затянувшееся молчание.

— Да поймите же вы...

Ковач поднял на него взгляд.

— Потрудитесь заткнуться и не мешайте мне работать.

— Но простите, я...

— Если еще раз пикнешь, получишь по зубам.

Некоторое время Ковач в упор разглядывал стоящего у стены, затем негромким голосом принялся читать вслух данные из его удостоверения.

— Словом, вы доктор Петер Шааш? Родились в четырнадцатом году в Будапеште, мать — Ольга Шпитцер, занятие — экстраординарный профессор университета. Какой профессор? — крикнул он на стоявшего у стены.

— Экстраординарный. Я юрист. Специальность — международное право. Но уже много лет не преподаю.

— Ваше счастье,— сказал Ковач. Встав из-за стола, он прочитал профессору блестящую короткую лекцию, что такие вот типы разлагают венгерскую

иацию, после чего прииялся виимательио разглядывать красивую, молодую жеищииу, стоявшую рядом с профессором у стеики. Проверил ее личность по удостовереиию, ие упуская случая сделать мимоходом иесколько мнлых комплиментов. Жеищине явио ие иравились этн зиаки виимаиия. Профессор тоже чувствовал себя отвратительио, ио едва сиова собрался заговорнть, как Ковач звоикой затрещииой заставил его замолчать.

— Я что, стеике говорю? — заревел ои.— Сказал: молчать, зиачит — молчать!

Вошел Габор Деак в коротком военном плаще, приветствовав прнсутствующнх иа иилашистскнй маиер. Ковач также резко вскииул руку кверху, отвечая иа его приветствие.

— Дали показаиия, где оии до сих пор скрывалнсь? — спросил Деак и перевел взгляд с Ковача иа профессора.

— Еще иет.

— Ну ладио, сейчас я нми займусь...— Ковач попытался запротестовать, ио прапорщнк повысил голос: — Выйдите и иикого сюда ие пускайте.— Вынув из кобуры пистолет, ои подошел к профессору.— Ну что, голубок, вот мы и поговорим...

Ковач, как видио, поиял, что прапорщик зиает дело, н без возражеиий удалился.

— Я жеиих Аииты,— шепиул Деак профессору.— Извиинте, что в «Семи киязьях» я ие мог вмешаться. Но вы же видели, меия н самого забрали. А теперь все в порядке. Я предъявил документы и все уладил... Но иа всякий случай руки все-таки подиимите вверх.— И профессор и жеищниа рядом с иим повииовались.— О чем идет речь?

— Нужны документы,— взволиованио затараторил мужчина.— Если иас поймают — смерть.

— Сегодия же ночью я переброшу вас через лииию фроита. Это самое простое н иадежное. Все подготовлеио.

Такое предложеиие прапорщика было явно иеожидаииым для Шаашей. Оии в замешательстве переглянулись.

— Нам иужио остаться в Будапеште,— иеувереиио проговорнла жеищнна.

— Да, пожалуйста,— подхватил мужчина.— У нас особое задание, и мы должны остаться здесь.

Деаку все это показалось странным.

— Нам нужно остаться,— повторила женщина.— Анита обещала, что мы получим от вас надежные документы.

— Мне все равно,— задумчиво проговорил Деак.— Могу выдать и такие...— И, словно вспомнив что-то, добавил: — Вы давно знаете мою невесту?

Мужчина чуточку опустил руки.

— Несколько дней. Мне кажется, сейчас это неважно. Дайте нам хорошие документы, и мы не останемся в долгу.

Деак подошел к столу.

— Сколько вы заплатите за документы?

Мужчина и женщина переглянулись.

— Вы хотите помогать нам за деньги,— разочарованно протянула женщина.

— Отнюдь. Деньги меня не интересуют. Только золото. Целу́ю ручку,— циничо заметил Деак.— Что стоят сегодня деньги? Ничего.

— Извините,— пробормотал мужчина,— произошло какое-то недоразумение... Анита говорила...

Деак не дал ему закончить фразу. Мило улыбнувшись, он перебил:

— Неправильно она сказала, товарищ Шааш. Вас я ненавижу, но золотишко люблю. Два комплекта документов, с учетом, что вы все же знакомые моей невесты, стоят ровно килограмм золота.

Замешательство супругов Шааш все нарастало. Они то и дело переглядывались.

— Где же я возьму килограмм золота? — спросил подавленный и разочарованный мужчина.

— Вот чего не знаю, того не знаю,— ответил Деак, небрежной походкой отошел от стола и приветливым тоном продолжал: — Если мы проиграем войну, во что я, конечно, не верю, и мне понадобится ваша помощь, уверяю, я верну вам ваш килограмм золота.— Он посмотрел на часы.— Ну, решайте, потому что время не ждет.

— Господин учитель,— попытался снова вступить в разговор мужчина, но прапорщик оборвал его:

— Торговаться не будем! Нет золота — я вам не помощник. И хоть мне это неприятно, но ради спа-

сения собственной жизни я вынужден буду вас расстрелять, потому что о нашем разговоре не должен знать никто. Прапорщик Деак не занимается продажей липовых документов!

Женщина поинтересовалась, как он выведет их отсюда, из штаба нилашистов, если получит запрошенную сумму золота? Деак уверенно объяснил:

— Не беспокойтесь. Вывести вас отсюда для меня не составляет никакого труда. Скажу Ковачу, что завербовал вас. Не забывайте, власть отдела контрразведки велика.

Женщина что-то шепнула на ухо мужчине, затем, обратившись к Деаку, попросила бумагу и ручку. Присев к столу, быстро написала записку, перечитала ее и сказала:

— Отдайте записку и получите килограмм золота.

Однако прежде чем отдать письмо в руки Деаку, она еще раз спросила:

— Какие гарантии, что вы нас отпустите и что мы получим документы?

— Сударыня,— серьезным тоном отвечал Деак,— я дворянин, и вы должны мне верить.— Он взял письмо, внимательно прочитал его.— Ну вот, теперь все в порядке. Адресовано Беле Моргошу, агенту по продаже книг.— Посмотрев на женщину, Деак протянул руку: — Прошу ваше колье. Не пугайтесь, я собираю красивые драгоценности. Обещаю вам вычесть вес цепочки из килограмма.

Женщина сняла с шеи золотую цепь и, не скрывая своего отвращения, уронила ее в протянутую ладонь Деака. Прапорщик позвал Ковача из соседнего помещения, сказал:

— Брат Ковач, этих двоих ублюдков отвезите в Медер, пустите каждому из них в затылок по пуле, а трупы сбросьте в Дунай.

Голос его был совершенно спокойным.

— Господин учитель! — отчаянно взвыл мужчина.

— Цыц! — Ковач замахнулся кулаком.— Как же, повезу я их в такую даль! Подойдет им и набережная в Уйпеште!

— Пожалуй, вы правы,— согласился Деак.— Только привяжите к ногам побольше камней.

— Можете не беспокоиться, господин прапорщик. Ну, голубчик, давай двигай!

Однако мужчина не тронулся с места. Он посмотрел на женщину, затем перевел взгляд на Деака и уверенным голосом сказал:

— Господин прапорщик, немедленно позвоните майору Мольке.

На мгновение установилась глубокая тишина. Деак предвидел такой поворот дела и все же до последнего момента еще надеялся, что этого не последует. Сейчас у него был такой вид, словно его ударили обухом по голове.

— Мольке? — спросил он неуверенно.

— Я доктор Эгон Тарпатаки,— заявил мужчина.— Уполномоченный гестапо.

Деак опустился на стул возле стола и закрыл глаза. Значит, Анита предательница!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Было около восьми вечера. Мольке сидел за письменным столом и раскладывал пасьянс. Но Шимонфи отлично знал, что, забавляясь картами, майор только старается скрыть свою нервозность.

Шимонфи с особым спокойствием, злорадно, с явным удовольствием доложил Мольке, что и на сей раз сорвалась замышленная майором провокация против Деака; он был счастлив, что не ошибся в своем друге. Сейчас Шимонфи не смущало даже присутствие лейтенанта Таубе, который слышал каждое слово их разговора с Мольке. И он доложил, что, как сообщили из нилашистского трибунала, доктора Петера Шааша и его жену они не арестовывали. Аналогичное сообщение он получил из штаба нилашистских штурмовиков. Чета Тарпатаки куда-то исчезла. И он никак не может понять только одного, почему Тарпатаки не предъявили своих документов или не заявили, что они сотрудники гестапо.

— Потому что они круглые идиоты,— раздраженно бросил майор Мольке и смешал карты.

— Нет, господин майор,— сказал Таубе, обдумывая каждое слово.— Вероятно, Тарпатаки предъявили документы, а нилашисты испугались, что сорвали нашу операцию, и со страха решили убрать все следы.

— Прикончили их, что ли?

— Боюсь, да.

Мольке, разъяренный, вскочил из-за стола. Забегал по комнате, затем вдруг накинулся на Шимонфи.

— Да, да, это вы, капитан, виноваты во всем происшедшем! Почему вы не помешали задержать Тарпатаки и его напарницу?!

— Я такого приказа не получал,— возразил капитан.— Мое задание было арестовать Деака, если он передаст документы этой парочке. Но как мне доложили «наружники», Деак...

— Я сам хорошо знаю, что вам доложили, капитан! — завопил Мольке.— Но разве я мог предположить, что у вас нет и капли самостоятельности? Где Анита?

— Как докладывает бригада наружного наблюдения, она поехала к матери Деака,— вставил Таубе.— И в настоящее время находится там.

Мольке снова сел к столу, закурил, задумался на некоторое время, затем, приняв решение, сказал:

— Господа, я беру Деака под арест.

— Да, но на каком основании? — возвысив голос, спросил Шимонфи.— Господин майор, почему вы не хотите признать, что заблуждались? Деак добился признания Дербиро, и в данном случае неважно, что ему был представлен ненастоящий Дербиро. Из показаний арестованного он не утаил ни слова. Отказался помочь профессору Шаашу...

— Потому что ему помешали нилашисты. Иначе он помог бы им.

— Это опять-таки только ваше предположение.

— Для подобного предположения у меня есть вполне твердые основания, дорогой Шимонфи,— возразил Мольке.— Деак уже много дней знает, что Анита собирается помочь каким-то скрывающимся евреям. Почему же он не доложил об этом мне?

— На это может быть много причин,— возразил Шимонфи. Про себя он уже решил, что будет бороться за Деака. Если сейчас не помешать его аресту, потом будет поздно.— Деак любит девушку,— продолжал он.— Но возможно, что Анита допустила где-то ошибку и Деак заподозрил неладное.

Мольке уже снова обрел самообладание и спо-

ва был прежним азартным игроком, любующимся, как мучится его жертва. Вдруг в его мозгу промелькнула странная мысль, сначала еще не ясная, но все же повергнувшая его в раздумье. А что, если капитан Шимонфи и есть тот самый, давно разыскиваемый ими Ландыш?! Интересно, что такая возможность еще никогда не приходила ему в голову! Шурин капитана Шимонфи, полковник Берецкий, военный атташе венгерского посольства в Стокгольме, отказался сотрудничать с правительством Салаши и теперь эмигрант. Наверное, агент какой-нибудь из союзных держав. Может быть, даже русский агент? Во всяком случае, это предположение следовало бы тщательно проверить.

Мольке присмотрелся к выражению лица Шимонфи, который с такой убежденностью доказывал невиновность Деака, а когда капитан умолк, сказал:

— Заподозрить прапорщик ничего не мог. Ведь Анита и сама не знала, что доктор Шааш на самом деле — Эгон Тарпатаки. Этой акцией я думал и ее проверить. Проверил и вижу, господа, что Анита ведет двойную игру. А потому ее отца я приказал отправить в Германию, а ее допросить. Сегодня же вечером.

Шимонфи был в полнейшем замешательстве. Нет, у этого Мольке действительно есть чему поучиться. Его дьявольски хитрые ходы просто невозможно рассчитать заранее. А между тем, если прокрутить ленту событий вспять, их взаимосвязанность совершенно очевидна. И тогда действия Деака весьма подозрительны. Значит, каждый его шаг, каждое его слово нужно проверять. Кто наиболее подходящая кандидатура для этого? Такой человек, что ближе всего к нему. Анита! Однако Анита не любит нацистов, и, будь ее воля, она не стала бы помогать Мольке. Значит, ее силой заставили стать предательницей. Отец — вот ее уязвимое место! И старика схватили. Мольке действовал с точностью инженера. Он сказал девушке: «Анита, если вы не поможете нам разоблачить Деака, мы убьем вашего отца». Бедняжка!

Шимонфи ощутил всю отвратительность, всю подлость своего поведения. «Ну, что я мог поделать,— тут же оправдал он себя.— Я и сам был в руках у

Мольке. Я даже жертвовал собою ради Габора. А толку? Одно непонятно: как Анита оказалась в контакте с этими Тарпатаки? Она, оказывается, даже не подозревает, что за профессора Шааша выдает себя какой-то Тарпатаки».

— Анита,— заговорил Мольке,— вначале и не поверила, что мы уже арестовали ее отца. Разрешите мне, просила она, встретиться с отцом. Пожалуйста, отвечал я, не возражая против их свидания и многого ожидая от него. Мы установили в комнате свиданий подслушивающую аппаратуру. И я не ошибся. Из их разговора стало ясно, что отец Аниты — участник Сопротивления. Девушка призналась отцу, что мы ее завербовали. Наступило долгое молчание. И вдруг, а впрочем, знаете что, Шимонфи? Послушайте-ка сами их диалог. Весьма поучительный.

Мольке достал из сейфа магнитофонную катушку.

«— Нет, Анита, тебе нельзя быть шпионкой...— послышался старческий голос из динамика.

— Если я откажусь, они убьют тебя, папа.

— Пусть лучше убьют. Но такой ценой я не могу жить дальше.

— Ты должен жить. Любой ценой.

— Обо мне не думай. Нет ничего дороже чести. Ты не должна быть шпионкой нацистов.

Послышался плач девушки.

— Господи, что же мне делать?

— Я сказал тебе, доченька. Борись! Слушай меня внимательно. Ты слышала уже фамилию Шааш? Профессор Шааш.

— Слышала.

— Профессор — важный человек в движении Сопротивления. В настоящее время он в подполье. Где скрывается — этого я не знаю. Но к тебе придет один мужчина. Обратится по паролю «Петефи». У него задание: нужно найти новую явочную квартиру и новые документы для Шаашей. Помоги ему. А затем беги.

— Я достану документы и явочную квартиру найду. Но бежать я не могу.

— Тебе нужно бежать.

— Мольке пригрозил, что, если я сбегу, он расстреляет тебя.

— Ну и черт с ним».

Мольке выключил магнитофон.

— Ну так вот,— продолжал майор,— девчонка отправилась домой, а мы в течение нескольких дней наблюдали за ее квартирой. Связника мы схватили. И очень быстро выбили у него адрес, где скрывался профессор с женой. Поймали обоих. Дальше было уже проще. Одного своего агента я отправил с паролем к Аните. Девушка с радостью приняла «связника», пообещала, что сделает все ради спасения профессорской четы, и сказала, что с помощью прапорщика Деака попробует достать липовые документы. После этого провокатор представил Аните супругов Тарпатаки, которые правдоподобно изобразили преследуемых профессора и его жену.

Шимонфи перекорежило от страха и отвращения.

Таубе принялся с воодушевлением хвалить майора, и тому, как видно, было приятно слышать похвалы. Мольке любил, когда люди восхищались его умом и находчивостью.

— Теперь вы понимаете, дорогой Шимонфи, почему я намереваюсь арестовать Деака?

Капитан ничего не ответил, и он продолжал:

— Деак обязан был доложить мне, о какой услуге просила его Анита. А он не доложил, и его молчание уже само по себе доказательство вины. Немного, но и этого достаточно, чтобы сломать прапорщика.

В комнату вошел Курт, адъютант Мольке, и доложил: Габор Деак вернулся. Таубе тут же вышел в смежную комнату. Шимонфи стало не по себе. Сейчас, у него на глазах, арестуют его друга, и он даже будет помогать Мольке при этом.

Вошел улыбающийся Деак, строго, по-уставному доложил. Увидев, что и майор заулыбался, он подошел поближе.

— Приветствую вас, господин прапорщик,— сказал Мольке.— Прошу садиться. Да перестаньте вы тянуться в струнку, мы же не в казарме!

Деаку сразу показалась подозрительной такая мягкость Мольке, и он понял, что сам пришел на свой собственный суд, в пещеру льва. Лишь бы сохранить спокойствие. Нужно вести себя непринужденно, раскованно, уверенно. Знать бы только, почему это Шимонфи такой мрачный, что даже не ответил на его приветствие? Он терпеливо слушал болтовню

майора, про себя твердо решив, что живым не сдастся.

А Мольке продолжал беззаботно болтать.

— Я-то рассчитывал встретиться с вами завтра, за банкетным столом. Но раз уж так все получилось, тоже сойдет.

— Лучше раньше, чем позже, господин майор,— сказал Деак и перевел взгляд с бутылки коньяка на майора.— Кто знает, может, до завтра ни один из нас не доживет.

— Вы пессимист, господин прапорщик,— заметил Мольке, наполняя рюмки.

— Нет, я не пессимист. Но и не забываю, что идет война. Коньяк французский? — спросил он, кивнув на бутылку на столе.

— Вывез из Парижа. Прошу, господин капитан.— Он сделал знак капитану Шимонфи, показывая на коньяк. Деак поднял рюмку, стараясь, чтобы не дрожала рука.

— Париж... Боже мой! — Он посмотрел на Мольке.— Если бы вы знали, господин майор, как я завидовал вам, когда вы вступили в этот изумительный город. И еще больше жалел, что временно вам пришлось его покинуть. Конечно, прекрасные воспоминания сглаживают боль в душе человека... За победу, господин майор...

Они выпили. Мольке смутило непробиваемое спокойствие Деака. Только ничем не запятнанный человек может вести себя так невозмутимо перед своим начальством. Меж тем Деаку было совсем нелегко разыгрывать это спокойствие сейчас, когда он знал о предательстве Аниты.

— Как поживает ваша милая невеста? — спросил майор. Деак отмахнулся.

— Поссорились,— отвечал он с горечью в голосе.

— Из-за чего? — с надеждой спросил Шимонфи.

— Какой-то подонок опутал Аниту,— сказал прапорщик и устремил взгляд в бесконечность. Взяв рюмку, он выпил.— А теперь она начала уговаривать меня, чтобы я помог двум скрывающимся жидам. Документы им, видишь ли, достань! Ну, я отказался, так она обиделась.

Лицо Шимонфи прояснилось. Он готов был броситься обнимать своего друга.

— Как, неужели Анита собиралась помогать скрывающимся евреям? — спросил ои.

— Страиное хобби у вашей невесты,— заметил Мольке, про себя иедоумевая, откуда такая откровенность.

Деак иесколько мгиовений помедлил с ответом. Ведь ему было приказано разоблачить Аниту!

Аниту нужно вообще заставить замолчать. Сегодняшняя ее встреча с майором не может состояться, значит, его «откровенность» не должна поколебать доверия Мольке к агенту Аните. Наоборот, нужно, чтобы он еще больше поверил ей. Значит, нужно рассказать майору все и так укрепить и свои собственные позицни. И Деак произнес великолепную речь в защиту девушки, чем подтвердил ее надежность в глазах Мольке.

— Вы, что же, встречались с этими жидами? — спросил Мольке.

— Только издали видел. В ресторане «Семь князей». Жаль, помешал мне их арестовать патруль национальной гвардни. Меня самого забрали. Битый час доказывал им в одной подворотне, прежде чем они поняли, о чем речь. А там — пока добежал назад, до ресторана, этих Шаашей уж и след простыл.

Замешательство майора Мольке все иарастало. Этот мальчишка-прапорщик с такой искренностью рассказывает о происшедшем, что к чертям летят все замыслы майора.

— Вы хоть разглядели их? — поинтересовался он.

Деак, откинувшись в кресле, задумчиво поиграл рюмкой и для большего впечатления иахмурил лоб.

— Женщина очень хороша. Просто убийственио красива. Стройная, глаза голубые, белокурая. Конечио, не исключеио, что это парик или волосы красит. А мужчине иа вид добрых сорок пять. Среднего роста, черномазый, как итальянец... Очень иапоминает одиого международного жулика. Не могу только вспомнить, как того, черт побери, звали...— Он посмотрел иа Шимонфи.— Помогите, господин капитан... В тридцать восьмом о нем еще писали в газетах. А, вспомнил! Тарпатаки! Доктор Эгон Тарпатаки...

Произнося это имя, Деак впился взглядом в лицо майора. Но тот иичем не выдал своих чувств.

— Был в Будапеште такой популярный подпольный адвокатишка,— объяснил прапорщик.

— Интересно,— проговорил майор.— Весьма интересно.— Он отпил из рюмки глоток и пристально посмотрел в глаза Деаку.— И как же ваша невеста очутилась в контакте с этими евреями?

— Этого мне еще не удалось установить.— Он небрежно сунул руку в карман и достал конверт.— Разумеется, я все подробно описал. Вот, пожалуйста, господин капитан.— Деак протянул конверт капитану Шимонфи, и тот с радостным волнением распечатал его. Значит, Габор никакой не изменник! Вот вам и доказательство. Мольке потерпел поражение. И Шимонфи погрузился в чтение письма. А Мольке в эти минуты думал о том, что в руках одним козырем больше. В том, что Деак и Ландыш — одно и то же лицо, у него уже не оставалось никаких сомнений. Как видно, догадался, что Анита завербована, думал Мольке, и теперь пытается опрокинуть все дело, изображая откровенность. Но что он, интересно, ответит, если я спрошу его, когда Анита впервые упомянула о своем намерении спасти скрывающихся евреев? Готов побиться об заклад, что он тотчас же скажет: Анита сказала мне об этом только сегодня, и потому я не доложил вам раньше. По-другому он сказать не может. Иначе ему не объяснить, почему он так долго умалчивал об этом. И тогда я его сразу же и арестую.

Он испытующе посмотрел на прапорщика.

— Когда ваша невеста попросила вас достать документы для этих жидов?

Деак задумался.

— А в самом деле, когда? — Он сразу разглядел ловушку, скрывавшуюся за этим вопросом. Он закурил сигарету и выпустил колечками дым.— Если не ошибаюсь, впервые она сказала мне об этом несколько дней назад. Я, конечно, не поверил, решил: дурачится. Все же я потребовал от нее адрес, где они скрываются. Но все это она мне сказала только сегодня. Я хотел арестовать их...

— Извините,— вдруг вмешался Шимонфи,— вот тут ты, Габор, пишешь, что у тебя есть важное устное сообщение...

— Да,— быстро подхватил Деак.— С этого мне,

собственно, нужно было бы начать.— Он повернулся к Мольке.— Господин майор, я знаю правила: кто слишком любопытствует, становится подозрительным. Но в интересах дела я должен взять на себя даже этот риск... Господин майор, изучая материал на Ференца Дербиро, я пришел к выводу, что о прибытии в Будапешт моего брата вам стало известно от вашего агента в Москве... Не так ли?

Мольке как-то странно посмотрел на Деака. Его поразила такая откровенность этого юнца прапорщика.

— А в каком плане это вас интересует? — спросил он.— Вы проделали великолепную работу, господин прапорщик, раскололи Дербиро...

— Господин майор, очень прошу, ответьте мне, если, конечно, можете...

— Но почему? Зачем вам знать то, что...

— Потому что у меня есть подозрение, что русские ввели в заблуждение вашего московского агента, а тот, в свою очередь, невольно господина майора.

Мольке вдруг почувствовал себя не в своей тарелке. Этот мальчишка напирает все отчаяннее.

— А разрешите узнать, на чем основываются ваши подозрения? — спросил он.

— Человек, которого я сегодня утром допрашивал, не Ференц Дербиро.

Наступила внезапная тишина. Мягкая, зыбкая, как студень.

— А кто же? — переспросил Мольке.

Деак развел руками.

— Этого я не знаю. Только не Дербиро — это точно. А если не он, тогда что-то здесь не так.

Шимонфи посмотрел на Мольке, затем перевел взгляд на Деака и осторожно спросил:

— Разве ты знаешь Дербиро в лицо?

— Нет, я его никогда не видел.

— Тогда чем же вы обосновываете свои подозрения? — ястребом кинулся на него Мольке.

Деак достал из кармана фотографию и протянул ее майору.

— А вот чем, господин майор. Всмотритесь получше: вот это мой брат. Рядом с ним Дербиро.

Мольке долго разглядывал фотографию. На ней были изображены два крепких молодых парня, до-

вольных, улыбающихся. За их спинами — лодки на Дунае, какие-то баркасы.

— Если вы лично не знали Дербиро, откуда же вам известно, что именно этот,— он ткнул пальцем на фотографию,— должен быть им?

— А вы прочитайте текст на обороте! «С Ференцем Дербиро в Геде. Июнь 1938 года».

Мольке вынужден был смириться со своим поражением. Не скрывая удивления, он согласился:

— Это, господин прапорщик, неожиданное открытие. Поздравляю.

Деак поблагодарил за поздравление, затем рассказал, что ему еще утром этот тип показался подозрительным. Очень уж быстро он выдал своего товарища. А это непохоже на коммунистов...

Но Мольке все еще продолжал сопротивление.

— А скажите-ка, господин прапорщик, где вы нашли эту фотографию?

— Дома, на чердаке,— сказал Деак и, поняв, что ему удалось сбить с толку и даже повергнуть в замешательство своего противника, небрежно продолжал: — Когда мой брат опозорил всю нашу семью, мама сказала: «Ласло для меня умер». И все, что напоминало о брате, выбросила из квартиры. Отец же собрал эти вещи и отнес на чердак... А тут я вспомнил, что мой брат был недурным фотолюбителем и сам любил фотографироваться со своими друзьями. Некоторые из его фото я принес сюда и передал в лабораторию. Не помешает, если у нас в руках будет несколько увеличенных репродукций.

Мольке покачал головой, взял у Шимонфи фотокарточку и долго ее рассматривал.

— Все же у меня эта фотография не вызывает большого доверия.

— А вот эта? — скромно полюбопытствовал Деак и положил на стол новый снимок.— Это ведь, так сказать, официальная фотография, сделана в полиции, когда брата объявили в розыск.

Шимонфи, явно наслаждаясь, посмотрел с издевкой на майора. Как же он был рад, что не обманулся в друге!

— А это ты откуда раздобыл? — спросил он весело Деака.

Деак снова едва заметно улыбнулся.

— У военного коменданта типографии «Атенеум»,— пояснил он.— У него фотографии всех, кто объявлен в государственный розыск, хранятся. В алфавитном порядке.

Шимонфи жаждал расплаты с майором и потому с кривой усмешкой на тонких губах заметил:

— А что, Деак прав! Тот прощелыга, которого он сегодня допрашивал, в самом деле не Дербиро.

Если бы это было возможно, он облобызал бы Деака: ведь тот действительно никакой не изменник. Ну, если и после всего этого Мольке попытается арестовать Деака, тогда майора срочно следует упрятать в сумасшедший дом.

Но Мольке не был сумасшедшим. Инстинкт подсказывал ему: будь осторожен, не верь им покамест, все равно не верь, несмотря ни на что!

— Вы всегда проявляете такую самостоятельность, господин прапорщик?

— Как правило,— был ответ.— Но когда меня считают дураком — в особенности. Господин майор, десять лет назад я поставил свою жизнь на карту ради чего-то. И хотел бы честно работать. Будет обидно, если люди, основываясь на каком-то глупом подозрении, станут мешать мне спокойно трудиться. Вот и сейчас мне стало известно, что брат мой жив. Если это правда, я очень хотел бы с ним встретиться.

Мольке встал, прошелся вокруг столика. Затем, усмехнувшись, посмотрел на Деака.

— Правильно, брат ваш жив, господин прапорщик. И, надеюсь, вы еще повстречаетесь.

— Я тоже,— повторил за ним Деак,— надеюсь!

Мольке был истинный игрок. Он умел не только нападать, но и обороняться. И теперь, поняв, что Деак опроверг все его доказательства, сам в душе признал: арестовывать сейчас прапорщика нет никакого смысла. А пока нужно просто обеспечить отступление, чтобы не стать в его глазах посмешищем.

— И все же что-то тут не так, господин прапорщик,— заговорил он весело.— Вполне возможно, что малый, которого вы сегодня допрашивали, не Дербиро. Но то, что он был вместе с вашим братцем в Курской партизанской школе, это я уж постараюсь доказать.

Деак встал, держа руку наготове, чтобы в случае чего вмиг выхватить пистолет: не исключено, что Мольке все же попытается его арестовать, и тогда остается одно: стрелять. Живым в руки гестапо он не дастся.

— Сомневаюсь, господин майор,— сказал он.— Скорее всего это заурядный провокатор.

— Вы велели ему вспомнить и записать несколько стихотворений Ласло Деака?

— Да. Хотел проверить молодчика, действительно ли он знал моего брата.

Мольке негромко рассмеялся.

— Так я и подозревал,— сказал он.— Между прочим, отличная идея.— Он помахал бумажкой.— Ну так вот: здесь у нас и доказательства. Не буду читать все стихотворение до конца — типичный коммунистический бред. Да и с точки зрения литературы тоже.

После этого он довольно сносно прочитал вслух следующие строчки:

Дал ты пахаря морю,
Человеку дай волю.
Дай ты Венгрию венгру,
Чтоб он не был в Германии негром *.

Он посмотрел на Деака, улыбаясь.

— Знакомо вам стихотворение?

— Слышал,— задумчиво промолвил Деак.

— Вашего братца стишок?

— Мой брат никогда не писал стихов.

Не в силах сдержаться, Шимонфи громко захохотал.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Смертельно усталый Деак сидел в комнатушке у «брата» Ковача. Старый металлист, заделавшийся штурмовиком, с аппетитом закусывал свиным салом, сочувственно поглядывая на Габора Деака. Ему-то было понятно, каково жить в логове нацистов, каждый день ходить по лезвию бритвы.

* Строки из стихотворения «Богу» великого венгерского поэта-коммуниста Аттилы Йожефа.

Прапорщик углубился в показания Тарпатаки и его напарницы. Чем дальше он читал, тем сильнее становилось его волнение: ясно, что «супруги» лгут, но каждый на свой лад.

— Красавица все еще пишет? — спросил он.

— Чешет, как из пулемета,— отвечал Ковач, доставая из-под стола бутылку.— Поверили, что мы действительно нилашисты. Выпей-ка, сынок! — Прапорщик отклонил приглашение. Ковач, пожав плечами, сделал несколько больших глотков из бутылки красной «Кадарки».

А прапорщик зашагал по комнате. Если его предположение подтвердится, может, даже удастся спасти Дербиро. Только бы Тарноки поскорее пришел. Обычно он никогда не опаздывает. Взяв со стенки висевшую на гвозде гитару, Деак провел пальцами по струнам.

— Где это вы гитару достали?

Ковач отер губы тыльной стороной ладони.

— Фаркаш раздобыл. Это когда мы нилашистский патруль стали изображать, я ему и говорю: «Ребята, а ведь настоящие нилашисты иногда должны и грабить. И по шее дать. Несильно, понятно, но все-таки». Ты со мной согласен?

— Но зачем же ты Тарпатаки так по скуле двинул?

— Там другое дело,— возразил старик.— Такому дерьму не жалко.

Деак сел к столу, уронил голову в ладони. Его мысли были об Аните. Горькие, обидные мысли: не хочу я ее любить, не хочу! — повторял он, как ему казалось, про себя.

— Чего не хочешь? Говорить со мной? — услышал он вдруг старого Ковача.

— Да нет, устал я, дядя Ковач.

— Мы сейчас все устали.— Ковач подошел к чугунке, поворошил кочергой.

— Но я совсем по-другому устал,— возразил Деак и закрыл глаза.— Здесь, внутри ноет. Бежать хочется куда глаза глядят. А этот Мольке уставился на меня, будто ему все как есть обо мне известно. Я уж и так и эдак, отшучивался, притворялся. А у самого холодный пот по спине ручьями. Боюсь я.

— Не боятся только дураки, сынок.— Ковач

пересел поближе к Деаку, обнял его за плечи.— Ты что же думаешь, я не боюсь? Жеиа там одиа, детишки опять же...

Деак открыл глаза, благодарно посмотрел на поросшего колючей щетииой старого металлиста, на суровые черты его лица.

— Что же вы делаете, чтоб ие бояться?

— А, разиое. Накаиуие, как идти иа задаиие — молюсь. Ну ты, говорю я, старый бог, если я из этого дельца выскочу живым, тогда поверю, что ты есть. Разумеется, все это я ему говорю по-латыни, чтобы ои поиял.

На лице Деака мелькиула усталая улыбка.

Ковач встал, закииул за спииу автомат и пошел проверить охрану.

— Взгляии там,— крикнул ему вдогонку Деак,— записала свои показаиия девица Моргош?

Псевдогоспожа Шааш иа самом деле была ие кто иная, как дочь агента по продаже кииг Белы Моргоша. Деак и его люди «ие поверили» Тарпатакн на слово, что ои агент гестапо, потребовали доказательств. И теперь Тарпатаки н девица иаперебой доказывали свою связь с нацистами.

Деак на иесколько коротких мииут задремал. Просиулся, когда в комнату в сопровождеиии Ковача вошел Тариоки, за инм шла слежка, ио ему удалось «оторваться».

Разговор получился совсем коротким. Деак сидел поиуря голову. Ведь в том, что Аиита измениица, теперь он убедился сам.

— Когда ты намереи выполнить приказ? — спросил его Тарноки.

— Сейчас,— отвечал Деак, подиимаясь.

— Не спешн. Пока не иадо. Мы не можем рисковать возможностью освободить Дербиро.

— Имеино поэтому н нужно выполннть прнказ сейчас,— мрачио возразил прапорщик.— Через час Аиита встречается с Мольке. Этой нх встрече иужио помешать.

— Ои прав,— подтвердил Ковач.— С предателями разговор должеи быть короткий.

Тариоки ие возражал.

— Только осторожно, Габор. Без лишнего шума. Думай о собственной безопасности.

Он пожал Деаку руку. Прапорщик посмотрел иа часы.

— Дербиро удастся спасти только в том случае, если мы каким-то образом выведем его из здаиия.— Он перевел разговор на Дербиро, чтобы отогнать от себя мысли об Аните.— Я сейчас спущусь в котельиую и поговорю с этой девицей Моргош. Надо кое-что разузиать у иее. И если подтвердится мое предположение, мы выручнм Дербиро.

— Ну что ж, иди поговори,— согласился Тарноки.— Но ие забывай об Аиите. Послушай, может, лучше, если мы поручим это дело с девушкой товарищу Ковачу?

— Нет, я кашу заварнл, мие ее н расхлебывать,— возразил Деак.

Еслн бы они зиалн, как тяжело было у него сейчас иа душе, оии иаверняка не отпустили его.

Одевшнсь, Деак спустился в котельную.

Ева Моргош спокойио спала на куче одеял. Он разбудил девушку. Ева соииыми глазами посмотрела иа прапорщнка и ие сразу поияла, где оиа. Только узнав Деака, улыбиулась ему с иадеждой иа лице.

— Мие бы домой пора,— сказала оиа,— отец уже наверияка волиуется.

— Я думаю, Ева,— иегромко промолвил Деак,— что вы уже больше иикогда не увидите своего отца. И ннкого другого.— Девушка с расширеииыми от страха зрачкамн уставилась на Деака. А когда ои объяснил, что оиа н доктор Тарпатакн находятся в руках борцов Сопротивлеиия, то разрыдалась, приинялась умолять сохранить жизиь, говоря, что готова искупить свою вниу и сделать все, что прикажут.

— Поверьте,— повторяла она,— я ие по своей воле стала шпионкой. Я же неиавижу иацистов!

— Рассказывайте все откровеиио, и я попытаюсь спасти вам жизиь.

Девушка, захлебываясь слезами, принялась рассказывать.

Но время торопило, ему нужно было отправляться к Аиите. Деак сказал Еве Моргош, что верит ей, и велел записать ее показаиия.

— А сейчас мие иужио от вас одио письмо. Напишнте своему отцу.

Ева беспрекословно выполнила просьбу Деака. Несколько минут спустя он уже шагал по улице с письмом Евы Моргош в кармаие.

Аниты еще не было дома. Никем ие замеченный, он проник в квартиру, предварительно тщательно осмотревшись, не прячутся ли где поблизости люди Мольке. Он зажигать свет ие стал. Включив карманный фонарик, осмотрел всю комнату. Нелегко ему было думать о том, что через иесколько минут он должен увидеть женщину, которую любил, нет, все еще любит.

И он решил: он даст ей возможность бежать! А Дербиро, что будет с иим? Деак взвесил все шансы и принялся в уме просчитывать различные вариаиты его побега. В передией стукнула дверь. К счастью, он сразу же расслышал веселый голос Мольке. У Деака было в распоряжении ровно столько времени, чтобы проскользнуть в спальню и спрятаться там в углу, за шкафом. Дверь осталась открытой. Так что Габор мог отчетливо слышать каждое слово, каждый шорох. Мысленно похвалил себя за то, что не снял плаща и не повесил его в передней. Дышал едва слышно. Рука стискивала пистолет. Вот уж на что не рассчитывал, так это попасть в западню! Кто же знал, что Мольке сам придет иа квартиру к Аните?! «Если несчастная выболтает в разговоре с Мольке правду, стреляю немедленно,— решил он.— Но тогда придется прикончить и Мольке. После чего останется один-единственный способ освободить Дербиро — это штурмовать вооруженной группой дяди Ковача здание гестапо. Очень рискованная затея: здание охраияют отчаянные головорезы из эсэсовцев, они-то дешево свою жизнь ие продадут».

В соседней комнате включили радио. Передавали хорошо знакомую «Лили Марлен». Деаку были отчетливо слышны шаги Аиты по комнате: вот она достает из серванта бутылки с напитками.

— Очеиь мило, что вы слушаете Берлин, но сейчас радио мне мешает. Сейчас я хочу слышать вас,— послышался вкрадчивый голос Мольке.

Раздался негромкий смех Аниты, потом наступила тишина. Радио выключили.

— Уж не собираетесь ли вы ухаживать за мною, господии майор? Вы же знаете, у меня ведь жених есть.

Какой спокойный голос, подумал Деак. Хороша невеста, нечего сказать!

— Да садитесь же вы. Кстати, где ваш жених?

— Не знаю. Наливайте. Это абрикосовая. Слышала, что водку вы любите абрикосовую.

Деак напряженно вслушивался в их разговор. Вот Мольке наливает рюмки. Хорошо бы он потом задремал от выпитого. Снова заговорила Анита:

— Я поехала к его матери, но там его нет.

«Действительно, чего ее понесло к моей матери? Она же знает, что домой я не поеду».

— Между прочим, господин майор, откуда вы-то узнали, что я там?

— Интуиция. А может, и так сказать: мы оберегаем жизнь прапорщика Деака, следим за квартирой его мамочки. Абрикосовая... Настоящая кечкеметская! Божественный напиток. Не удалось нам вывезти из Кечкемета все запасы. А жаль. Я бы русским и одной капли не оставил.

Пьют — определил по наступившей тишине прапорщик.

— Где вы научились так хорошо говорить по-венгерски, господин майор?

— У меня мать венгерка. Видите, Анита, какая интересная штука наша германо-венгерская дружба. Будто роковая страсть. Перемешались в ней и любовь и ненависть. И вот так мы, немцы и венгры, и любим друг друга и ненавидим уже много веков! В оперативных сводках читаю: «В стране царит антигерманское настроение. Нас ненавидят!» Да чепуха все это, ерунда! Когда ненавидят — убивают! Народ в ненависти за оружие берется. Возьмите Польшу, Францию, Югославию. Там нас действительно ненавидели и ненавидят. А венгры в чем-то даже восхищаются нами. И потому у нас и нет проблем с ними.

— Вы же оккупировали нашу страну.

— А Европу мы разве не оккупировали? Человек, Анита, который не умеет страстно и искренне ненавидеть, и любить не способен по-настоящему.

«Что ж, он прав,— думал Деак,— к сожалению, прав. Только не пойму, зачем он завел эту дискуссию с Анитой?»

— Господин майор, я с удовольствием послушаю ваши историко-философские рассуждения, но только

как-нибудь в другой раз. Я знаю, вы не затем посетили меня. Но я устала, уже поздно...

— Ну а что с теми двумя жидами?

— Не знаю, о чем вы.

— Я говорю о профессоре Шааше и его жене.

Деак вздрогнул. Он прижался головой к стене. Значит, Анита не провокатор? У нее и в мыслях не было обмануть меня?

— Не знаю я никаких Шаашей,— послышался голос девушки.

— Шааши во всем признались. Его и жену арестовали в семь часов, а прапорщика Деака — за полчаса до этого! Есть у вас что-нибудь сообщить мне в связи с этим? — Голос Мольке был теперь резким, грубым.

Деак весь похолодел. Он вдруг отчетливо увидел взаимосвязь событий. Значит, Мольке перехитрил и Аниту? Какое счастье, что все так обернулось и он может слышать их разговор. Конечно, положение от этого не стало проще, но сейчас для него нет ничего важнее, чем знать, что Анита не предательница! И он вновь почувствовал себя сильным, вновь поверил в свое умение и ловкость.

Снова послышался голос Мольке:

— Если вы не станете мне отвечать, через две минуты я отдам приказ расстрелять вашего отца.— Девушка молчала. Словно окаменев, стоял за шкафом Деак. Он слышал, как Мольке подошел к телефону, снял трубку.

— Господин майор, вы не можете быть таким бессердечным. Ведь у вас тоже есть родители.

— Лирика! Вы обманули меня. Врали, водили за нос. Деак мне давно признался, что он коммунист, советский разведчик. И вы тоже знали об этом. Скрывали подлую измену вашего жениха. Ну, чего же вы молчите?

Он принялся стучать по телефонному аппарату.

— Вы перерезали шнур?!

— Да! Еще днем! Потому что не хотела говорить с вами. Ни говорить, ни встречаться. Я вас всех ненавижу! Ненавижу! Теперь могу вам в глаза сказать: убивайте! — Анита не плакала. В голосе ее звенела страсть, ненависть, негодование, ярость.

Волиение Деака все иарастало, и вдруг им овладело трезвое спокойствие. Нужио действовать. Сейчас речь уже идет о спасеиии ие только Дербиро, ио и Аииты.

— Аиита,— слышал он голос майора.— Я готов простить вам и этих жидов, и все остальиое...

— Что вы хотите?

— Сказать более прямо? Я хочу вас. Вы ие глупая девушка, я полагаю. И буду я у вас ие первым.

— Не смейте ко мие прикасаться!.. Оставьте...

Теперь до Габора доиесся страстиый шепот Мольке. Аиита в ужасе вскрикиула, прииялась звать иа помощь, потом опрокииула какой-то стул. Послышался шум иеравиой борьбы.

Дальше выжидать ие имело смысла. Но действовал ои с ледяиым спокойствием. Молча вышел из засады и встал иа пороге соседией комиаты. На тахте девушка отчаяиио боролась с гестаповцем.

— Добрый вечер,— громко сказал ои, ие выиимая руку из кармаиа. Мольке испугаиио выпустил из рук свою жертву, подиялся и изумлеиио уставился иа Деака. Ои хорошо видел, что прапорщик держит руку в кармаие иа пистолете.

— Господии прапорщик, что все это зиачит? — глупо, в явиом замешательстве спросил ои.

— Успокойся, Аиита,— сказал Деак, бросив взгляд иа девушку.— Господии майор только пошутил. Ои очеиь любит шутить.

Аиита в слезах спрятала лицо в подушку.

— Господии прапорщик...

— Извииите, я только хотел вам что-то сказать,— перебил его Деак и шагиул вперед. Ои зиал, что мог спасти положеиие только хорошо обдумаииой и разыграииой откровеииостью.— Господии майор, я зиаю, что в течеиие иескольких иедель по вашему приказу за миой ведется слежка. Провокация следует за провокацией. Но вы гоиитесь ие за преступииком, а за своей идефикс. Господии майор, я ие тот, за кого вы меия приииимаете и кого хотели бы поймать. Вы иамереваетесь меия уиичтожить, ио я не дамся. Я вручил одиому человеку иа храиеиие один запечатаииый коиверт. Если меия случайио пристрелят, или собьет машииа, или арестуют — через иесколько часов мой рапорт будет в Берлиие. Там есть

несколько человек, которые знают меня лучше, чем вы или полковник Герман. А невесту свою я очень люблю и прошу вас: оставьте ее в покое.

Деак врал отчаянно, и ложь его звучала убедительно. Голос звенел, а поведение повергло в замешательство даже майора Мольке. Мольке знал, что у Гиммлера есть специальные эмиссары... Такая мысль совершенно выбила его из колеи. Он мог только что-то жалко лепетать, готовый от стыда провалиться сквозь землю.

— Завтра я вам все объясню... Завтра... Спокойной ночи.

Деак слышал, как хлопнула дверь. По спине текли струйки холодного пота. Шатаясь, он дошел до кушетки и, обессиленный, рухнул рядом с рыдающей девушкой.

— О, какой же я сумасшедший! — прошептал он, обнимая ее.— Анита, любимая...

Крепко сжав его в объятиях, она прошептала:

— Что же с нами будет, Габор?

— Не знаю, Анита.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Была уже полночь. За два последних часа произошло многое. Во-первых, майору Мольке доложили, что одна из групп капитана Шимонфи, сделав внезапный налет, разгромила в двадцать два ноль-ноль ячейку Сопротивления, на улице Кирай. Один убитый, трое арестованных. Майор Мольке приказал следователю допросить задержанных, а капитану Шимонфи — установить личность убитого.

В 23.30 лейтенант Таубе доложил, что нашли тело Эгона Тарпатаки. Агента гестапо неизвестные повесили на дереве у Вацского шоссе.

Несколькими минутами позже позвонил полковник Герман и поинтересовался, как дела с Ландышем. Мольке неохотно отвечал, что все в порядке, и уже завтра в полночь он положит на стол полковнику показания Ференца Дербиро и Габора Деака. Доложив так, он, надо сказать, теперь не настолько, как еще утром, был уверен в этом.

Тем временем Бела Моргош, агент по торговле книгами, волнуясь, ожидал возвращения дочери, и только этим волнением можно объяснить, что ему сегодня не везло в шахматы. Его партнер Лайош Бобиташ, старый оценщик из ломбарда, атаковал все яростнее и в надежде на скорую победу весело посмеивался. И вдруг старик помрачнел, сказал, что ему, мол, не хотелось вмешиваться в дела господина Моргоша, но он не может скрыть свой страх за него. Однажды вечером один из жильцов своими глазами видел, как Ева раздавала коммунистические листовки. Ну к чему эта бравада? Ни к чему! Русские выиграют войну и без помощи господина Моргоша. Господин Моргош один раз уже поиграл в политику, и, как говорится, результат на лице: вернулся с Донского фронта без одного глаза. Моргош терпеливо слушал поучения старика, затем объяснил ему:

— Я не мещанин, у меня принципы, убеждения.

Неожиданно раздался резкий звонок в дверь. Моргош, уже намеренный по-отечески пожурить Еву, пошел открывать дверь. Каково же было его удивление, когда в проеме распахнутой двери вместо Евы он увидел незнакомца. Это был Габор Деак. Впрочем, на сей раз прапорщик представился Палом Кезди и сказал, что пришел с письмом от Евы. Предчувствуя недоброе, Моргош все же провел гостя в комнату, а дядюшку Лайоша вежливо выпроводил домой.

— Меня ищут, господин Моргош,— окинув оценивающим взглядом крепкую фигуру одноглазого Моргоша, сказал Деак, когда они остались одни.— Ева сказала, что я мог бы переночевать у вас. Впрочем, она обо всем написала в письме.

Он протянул Моргошу конверт. Тот разорвал его.

— Цепочка золотая там еще должна быть.

— Да, я вижу,— подтвердил Моргош, внимательно читая письмо.— Консьержка вас не спросила: к кому вы?

— Ее о чем-то расспрашивал нилашистский патруль. А я тем временем в подъезд. Незаметненько.

Моргош смущенно переступал с ноги на ногу, не зная, что же делать. В конце концов он предложил гостю рюмку коньяку и сказал, что тот может переночевать в меньшей комнате. Деак разыгрывал из себя перепуганного, преследуемого человека.

— Откуда вы?

— Встреча у меня была назначена с одним человеком, а его застрелили. Поджидали-то меня. Кто-то выдал нацистам место явки. К сожалению, в городе так и кишат шпики.

Моргош выпил рюмку залпом.

— Чего ж тут удивляться? — сказал он.— У немцев вековые традиции агентурной работы... Мерзкая жизнь, товарищ. Нацисты проникли уже и в само движение Сопротивления.— Моргош потрогал черную повязку на месте левого глаза.— После войны нам долго придется ломать голову, выясняя, кто же был шпиком.

— Ничего, рано или поздно мы их всех выловим. По ту сторону фронта уже некоторых прихлопнули.

Моргош посмотрел на Деака. В его глазах поблескивал странный огонек.

— А вы оттуда пришли? С той стороны? — Прапорщик кивнул головой.— И что же, просто так взяли и прихлопнули? Без всякого суда-следствия?

— Эх, когда там с ними цацкаться,— махнул Деак рукой.

— Но это же глупо, товарищ Кезди.— Моргош наклонился вперед, схватил прапорщика за руку.— Может быть, ни в чем не повинных людей застрелили? А настоящие предатели притихли, попрятались.

— Надолго ли? Рано или поздно их предательство ведь тоже вскроют.

Моргош уставился в пространство, долго молчал, затем, словно самому себе, пробормотал:

— Есть такие предательства, которые вовек не всплывут. Взять, к примеру, вашего напарника. Кто его предал? — Лицо Моргоша было бледным, руки дрожали.

Деак пригубил коньяк.

— Этого я еще не знаю,— сказал он и осторожно поставил рюмку на стол.

— А кто меня предал?

— Вас тоже? — Деак с интересом глянул в лицо Моргошу.

— В сорок втором, под Коротояком. В штрафной роте служил как политически неблагонадежный. Нацисты внедрили к нам своего агента. А мы как раз бежать собирались. Кто-то донес. И погнали нас

всех на мнное поле. Только втроем мы н остались в жнвых. Двое монх товарнщей умерлн потом в госпнтале в Кневе. А я вот без глаза остался. Так кто же был предателем? Как узнать?

Деак, не отвечая, покрутнл в руке пешку.

— Ну так кто же? — громко повторнл одноглазый.

Прапорщнк пронзнтельно взглянул на него.

— Вы, Бела Моргош! Это вы предалн своих товарищей.

В наступившей тишнне слышалось лишь негромкое тиканье стенных часов. Моргош судорожно вцепился пальцамн в крышку стола. Из горла у него вырвался хрипящнй голос:

— Что, что вы сказали? — Он хотел подняться, но строгий голос прапорщика остановнл его:

— Не двнгаться, буду стрелять. Хватит ломать комедию, Бела Моргош. Не один вы уцелелн после вашего предательства. Осталнсь в жнвых еще н Ференц Дербиро н Ласло Деак. Только вы об этом не зналн, потому что вас загодя ловко вывел нз игры Мольке: когда штрафная рота должна была погнбнуть на мнином поле, Бела Моргош вдруг «захворал сыпным тифом».

— Кто вы такой? — пролепетал Моргош, н лнцо его исказила грнмаса страха.

— Я Габор Деак. А нз Белы Моргоша тогда,— продолжал прапорщнк,— получнлся нацнстскнй шпнк по кличке Лоза. Скольких людей продалн вы нацнстам с того дня?

Моргош взвыл протестуя.

— Нн одного, клянусь, нн одного! Мольке дал о себе знать весной этого года. Но я ннкого не выдал.

— А Ференца Дербнро?

— Прошу вас, умоляю, выслушайте меня! — Моргош уже не говорил, а шептал: — На прошлой неделе ко мне пришел неизвестный. Сказал: Лацн н Фери жнвы. Явятся ко мне по паролю «Будапешт». Я подумал, что это очередная провокация Мольке. И спокойно рассказал ему все. Ведь я-то знал, что Лацн и Ферн погиблн. Точно. От Дербнро с того самого дня нет нн слуху ни духу.

— Нет, потому что трн дня назад Мольке арестовал его. А брата моего старшего не успел, потому

что ои к вам ие заходнл. А вы негодяй! Вы предалн своих товарищей, заставили стать полицейской овчаркой собственную дочь.

— Нет, это не я, это Мольке. Это он заставнл мою дочь пойти в шпнкн. Где моя дочь?

— Она в руках бойцов Сопротнвления.— Деак выиул из кармана пистолет. Дослал патрон в патроиинк. Моргош, скованный ужасом, ие шевелясь смотрел иа оружие, на хладиокровио действующего Деака.

— Чего вы хотнте от меия?

Деак встал.

— Прнвести в нсполиеине прнговор.

Моргош нстернческн зарыдал.

— Нет, нет, я хочу жить! Жнть!..

В этот миг взвыла сирена воздушной тревогн.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Этой ночью майор Мольке почти ие спал, если вообще можио назвать сном те несколько часов, которые он провел в беспокойной дремоте.

В ту же иочь он вызвал к себе лейтеианта Таубе.

— У иас осталось 23 часа, господин лейтенант,— сказал ои.— И я хотел бы зиать, что вы об этом думаете.

Усталый Таубе, ие очень соображая, о чем речь, соиио смотрел на майора.

— Дело становнтся все более запутаниым,— пояснил майор. Измеияя привычке, Мольке закурнл сигару, попыхтел, будто старенький барин, зябко кутаясь в домашний халат.— Этот Деак нли предаинейший наш друг, илн гениальиейший вражниа, какого я когда-лнбо встречал. Он, оказывается, обиаружнл наше подслушнвающее устройство! Так-то вот, господии лейтеиант! Ну, что бы вы сделалн иа моем месте?

Таубе сонио зевиул н улыбнулся.

— Поиятня не нмею. Меня смущает, что все поведеиие Деака, каждое его слово — все нскреиие. Я сейчас попытаюсь поразмышлять вслух, господии майор.— Мускулы его лица иапряглнсь.— Если мы арестуем Деака без всяких доказательств, у нас оста-

нется одна-единственная возможность — физическое принуждение. А где гарантия, что под пытками он даст показания? Я что-то в это мало верю. А если мы его до смерти забьем, чего мы достигнем? Унесет свою тайну в могилу. Я лично подождал бы с арестом, попробовал бы собрать хоть малость доказательств.

— Но как? Наружное наблюдение не дало ничего. И вообще все наши акции до сих пор терпели крах.— Мольке зябко передернул плечами.

— Господин майор,— задумчиво проговорил Таубе,— Ландыш и его группа, насколько мне известно, получили задание: не считаясь с жертвами, высвободить Дербиро. Если Деак то же самое, что Ландыш, то ему должно быть известно, что завтра после полуночи Дербиро расстреляют. Значит, им нужно действовать немедленно. Я бы спокойно подготовился и ждал. И не к чему больше выбивать силой показания из Дербиро...

— Но почему вы поступили бы так?

— По многим причинам. Если Дербиро погибнет во время пыток, Ландыш узнает об этом, и он отменят запланированную операцию по его освобождению. Мы же потеряем возможность собрать доказательства. Я перестал бы пока избивать Дербиро еще и потому, что вдруг понадобится способный действовать Дербиро... А Деака убедил бы в нашем доверии к нему, искренне рассказал бы, почему мы его подозревали, а сам тем временем усилил бы наблюдение за ним. Кроме того, я удвоил бы охрану здания.

Мольке посмотрел вслед ползшей от его сигары змейке дыма. Что ж, пожалуй, Таубе прав. Умный парень, убедительно аргументирует.

— Хорошо,— согласился майор.— Давайте подождем. И знаете что, Таубе? Завтра я приглашу Деака в ресторан «Семь князей». Вместе с Шимоифи. За банкетным столом мы помиримся.

Мольке попрощался с Таубе и снова лег, но его мучили глупые кошмары, и он то и дело просыпался.

Утром его разбудил Курт, отчаянно тряся за плечи. Инстинктивно Мольке взглянул на часы. Было уже около десяти. Он чувствовал себя усталым, невыспавшимся. Прежде чем выслушать донесение Курта, он, позевывая, подошел к телефону и позвонил

капнтану Шимонфн. Приятиым дружескнм тоиом ои прнгласнл его на обед н попроснл передать такое же прнглашеине прапорщнку Деаку.

Шнмонфн обрадованио поблагодарнл за прнглашенне, затем доложнл, что отправляет Деака в Андялфельд — расследовать дело об убнйстве Тарпатакн. Он нашел кое-какне следы н, возможно, с нх помощью обнаружнт убийц.

— Очеиь хорошо,— одобрнл его действня Мольке.— Но условьтесь с прапорщнком, что в два часа ровио он должен прнбыть в отдельный кабннет в ресторане «Семь князей». А самн вы, дорогой Шнмоифи, продолжайте разработку группы Сопротнвлення с улицы Кнрай. Алло! А сннмкн с убнтого сделаны?

— Разумеется. Я перешлю нх вам, господии майор.

— Спасибо. Значнт, встречаемся на обеде. Желаю успеха.— Он положил трубку н, еще раз сонно зевиув, повернулся к Курту.— Ну? Есть какие-то новостн?

Размеренным голосом Курт доложнл, что с мннуты иа минуту должен прнехать полковинк Герман, а потому было бы хорошо, еслн господин майор поторопится с одеваннем. Ванну ои уже прнготовил. А десять мииут назад прншел н попроснл прннять его господин по фамнлнн Лоза. Ои ожндает в зеленой комнате. Провелн его сюда иезаметно. Так что иикто не знает, что он здесь.

Мольке одобрнтельно покивал головой.

Вскоре оин уже беседовалн с Белой Моргошем. А еще иесколько минут спустя майору доложнлн, что полковиик Герман прнбыл н ожндает его. Еще под впечатлеиием разговора с агентом Мольке поспешнл в кабннет.

Полковник Герман принял его сдержанно-вежлнво. Терпеливо выслушав доклад, подал руку, что само по себе уже было необычным. Мольке сразу же сделал вывод, что со вчерашнего дня пронзошлн какие-то зиачительные изменення.

Закурнв снгарету, полковинк твердым голосом сказал:

— Мы смещаем капитана Шнмонфн немедленно и переводим его в 52-й отдельный противотаиковый истребнтельный батальон.

— На фронт?

— На фроит, Мольке, на фронт,— подтверднл Герман.— Приказ об откомандированин я уже ему объявнл.— Бегло взглянув на нзумленное лнцо Мольке, он продолжал: — А лнквидацню группы «Ландыш» я беру на себя. Возьмите с собой своего адъютанта, поезжайте и арестуйте прапорщнка Деака. И знаете что? Еще лучше — вызовнте Деака сюда, мы арестуем его здесь! Хочу я посмотреть иа этот цветочек.— Он сиял телефонную трубку н протянул Мольке. Майор взял ее, колеблясь, подержал в руке и положил обратно.

— Докладываю, господии полковннк: пока ваш приказ выполннть ие смогу. Прапорщнк Деак иаходится вие расположения. На задаинн. А вообще разрешите высказать свое мненне: с арестом Деака в даииый момеит я ие согласен. Дело «Лаидыша» получило такое новое развитне, что...

— Какое еще новое развнтне, Мольке?

— Если разрешите, господин полковиик.— Ои позвоиил Курту н прнказал ввестн Белу Моргоша.— Моргош,— пояснннл ои полковнику,— это наш агент, проходящнй по учетам под клнчкой Лоза.

Вошел перепуганный, почтительно согиувшийся Моргош и остаиовнлся посредн комнаты.

— Господин Моргош,— обратнлся к нему Мольке.— Будьте добры, повторнте ваше сообщенне, которое вы только что сделалн мне.

Моргош негромко откашлялся, вытер губы платком, а затем все так же негромко, но внятно сказал:

— Сегодня утром около семн часов ко мие на квартнру явнлся находящнйся иелегально в Будапеште Ласло Деак. Он назвал мне пароль «Будапешт» н сказал, что сегодня вечером в десять часов десять мннут ему нужно встретнться с Ференцем Дербиро. Далее Деак рассказал, что за несколько дней пребываиня в Будапеште он установил контакт с руководством «Венгерского фроита» н они согласовалн план совместных действнй во время намечающегося вооруженного восстання в Будапеште. Этот плаи сегодня ночью Дербиро передаст русскнм, переиеся его через лннню фронта.

— Вы уверены, что это был Ласло Деак? — спросил взволноваиио Герман.

— Мы же старые приятели, господин полковник,— сказал Моргош.

— Великолепно. А о своем младшем брате, Габоре Деаке, Ласло Деак ничего не говорил?

— Нет. Сказал только, что во встрече примет участие еще один коммунист. Деак, прежде чем прийти ко мне, будет разговаривать по телефону с Дербиро.

— А это зачем? — спросил полковник.

— По соображениям безопасности,— сказал Мольке.— Ласло Деак не новичок. Прежде чем подняться наверх, он наверняка захочет убедиться в том, что на явочной квартире все в порядке.

— Вы снова строите всякие комбинации, Мольке? Сегодня утром он же без всяких мер предосторожности пришел к Моргошу.

— Да, но пришел неожиданно, господин полковник. А вечерняя встреча, она же заранее намечена,— заметил Мольке.— И Деак захочет проверить, нет ли засады.

— Ясно,— согласился Герман.— В любом случае это великолепно. После Дербиро мы сцапаем еще и Ласло Деака. Вы проделали великолепную работу, господин Моргош. Награда не заставит себя ждать. Благодарю за службу.

Он кивнул в знак того, что разговор окончен. Мольке позвонил и велел вошедшему Курту проводить, не привлекая внимания посторонних, господина Моргоша из здания. Тот откланялся, негромко пробормотал «хайль Гитлер» и направился к выходу.

— Минуточку,— крикнул Мольке вслед. Моргош остановился. Майор подошел к нему.— Дайте-ка мне ваш ключ от квартиры.

— Мой ключ от квартиры? — переспросил удивленный агент.

— Да, мой дорогой Моргош,— повторил Мольке и с улыбкой посмотрел в глаза шпиону.— Вы до завтрашнего утра останетесь здесь нашим гостем.

Лицо Моргоша передернулось. Он достал из кармана ключи и, ни слова не говоря, передал их майору. Руки его едва заметно дрожали.

Оставшись наедине с полковником, Мольке спросил:

— Господин полковник, вы и после этого будете настаивать на аресте прапорщика Деака?

— Разумеется. Когда вы встречаетесь с прапорщиком?

— В два часа дня в ресторане «Семь князей»,— недовольно сказал Мольке.

— Тогда арестуйте его там и в наручниках препроводите сюда.

Майор глотнул воздуха. Он был раздражен, предчувствуя, что этот тупица Герман испортит ему все.

— Господин полковник, давайте действовать по старому плану. Прошу вас пока не арестовывать Деака. По-моему, «третий коммунист», который примет участие во встрече, будет не кто иной, как сам Ландыш.

— Надоели мне эти ваши вечные комбинации,— разъяренно вскричал Герман.— Я не могу рисковать, Мольке.

Неожиданно зазвонил телефон. Полковника Германа вызывали к генералу.

— Итак, мы поняли друг друга, Мольке?

Скрывая ярость, майор нехотя кивнул полковнику.

После ухода Германа в комнату вошел Таубе и поставил на стол майору какую-то коробку. Мольке сразу же узнал ее: в ней хранились катушки со стальной проволокой для магнитофона.

— Что это, господин лейтенант?

— На ваше дальнейшее усмотрение, господин майор. А пока я на всякий случай записал разговор с полковником.

Мольке был поражен. На это он не давал указаний. Устав запрещал записывать разговоры с начальством.

— Таубе...

— Я знаю, что это противоречит уставу, господин майор,— сказал спокойно лейтенант.— И все же я записал разговор. Прошу вас прослушать его. Упрямство господина полковника Германа приведет нас к полному провалу. Между тем делом Ландыша интересуется и Берлин. Так вот, в случае провала мы тщетно будем ссылаться на то, что выполняли устный приказ полковника Германа. И я советую вам, господин майор, эту запись вместе с письмом отослать в Берлин. Вашему отцу, господин майор. В нужный

момент генерал-лейтенант Мольке сможет тогда с помощью этих документов хотя бы защитить честь своего сына и доказать его профессиональное мастерство. Но если вы считаете, господин майор, что я действовал неправильно, разрешите — я сейчас же сотру эту запись.

— Благодарю, Таубе. Думаю, вы правы.— Он с подчеркнутой теплотой во взгляде посмотрел на лейтенанта. Поднялся, пожал ему руку.— Спасибо,— повторил еще раз.— Вы замечательный человек. Я всегда высоко ценил работу абвера, но только сейчас понимаю, почему ваши ребята работают с таким успехом.

Судя по всему, лейтенанту пришлась по душе похвала. Он почтительно наклонил голову и ответил:

— Если позволите, господин майор, я пойду. Мне еще нужно успеть подготовить встречу в ресторане. Если мы все же собираемся во время обеда арестовать Деака, к операции надо как следует подготовиться.

— Можете идти, Таубе. До встречи в «Семи князьях».

Мольке посмотрел утренние донесения, ориентировку о положении дел, отдал распоряжения и указания. В десять тридцать вошел Курт и передал ему увеличенные фотографии человека, которого нашли убитым на улице Кирай. Убитый лежал на спине, лицо его было спокойно, казалось, он просто глубоко спал. Мольке внимательно присмотрелся к худощавому лицу мужчины на фотографии. Откуда-то он знает этого человека: может, где-то встречал его раньше. Но где?

Курт стоял рядом, ожидая указаний. Он знал, что в такие минуты нельзя ни шевелиться, ни говорить: майор думает. Но вот рот у майора растянулся в улыбке, взгляд оживился. Мольке подмигнул адъютанту, поманил к себе указательным пальцем, весело, игриво, словно мудрый дядюшка, догадавшийся о проделках шутника-племянника. Курт с некоторым удивлением отметил про себя эту неожиданную перемену настроения у майора и даже подумал, не свихнулся ли он.

— Лейтенант, знаете, что такое трагедия? Ладно, можете не отвечать, а то еще скажете какую-нибудь

глупость и огорчите меня. Я вам объясню. Сегодня в полночь. А сейчас идите и ждите в своей комнате, потому что вы мне понадобитесь. Теперь я хочу побыть один.

Он положил на стол принесенные фотографии и, продолжая улыбаться, разглядывал лицо человека, убитого на улице Кирай.

Тем временем лейтенант Таубе стоял у окна отдельного кабинета в ресторане «Семь князей» и смотрел на улицу. Сзади, за его спиной, тяжело дыша, дородная госпожа Шюц сама расставляла на столе тарелки и раскладывала приборы.

— Вы сильно заблуждаетесь, господин Таубе,— говорила она дрожащим от возмущения голосом,— если думаете, что я это так оставлю! Ресторан надумали у меня отобрать!

Не поворачиваясь, Таубе небрежно заметил:

— Знаете, мамаша, оставьте вы меня с этим в покое. Ну чего вы от меня-то хотите? Я всего лишь денщик.

— Нужно же мне хоть кому-то излить душу? — Хозяйка ресторана бросила накрывать на стол и подошла к Таубе.— Господин Таубе,— слегка игривым тоном продолжала она,— вы же умный и ловкий человек. Уладьте это мое дело, а? Вам же ничего не стоит. Шепните господину майору, что социал-демократы всегда свои собрания проводили у Токачей. А ко мне ходили только члены союза «Турул» и благородные господа офицеры. И вы бы с вашим майором не прогадали. Ей-богу, если бы уладили это дельце...

Таубе продолжал разглядывать улицу.

— Ладно, поговорю с майором. А скажите, мамаша, сегодня «Книжный развал» напротив вообще не открывали?

Женщина подошла к окну. Витрины находившегося на противоположной стороне улицы букинистического магазина были закрыты опускающимися железными шторами.

— Надо полагать, нет,— сказала госпожа Шюц.— Видно, господин Тарноки снова укатил в провинцию. Он же постоянно в разъездах, как еврей-коробейник. Покупает — продает...

— А прапорщика Деака вы случайно не видели сегодня возле этого магазина?

— Нет, не вндела,— отвечала жеищниа, с подозреннем посмотрев иа Таубе. Но тот отвел взгляд от пронзительных ястребнных глазок трактирщицы.

— А где он жнвет, этот Тарнокн?

Хозяйка поправила свой пучок на голове.

— Где-то в Уйпеште. Скажите, господнн лейтеиант, а зачем вам-то этот Тариоки?

— Физнономия его мне не нравится.

— Вам ннкто не иравнтся. Тарнокн галантный барнн. Оставьте вы его в покое. Так я и знала, опять вы что-то тут замышляете.

— Знали? — засмеявшись, повторнл Таубе н прнстально посмотрел на хозяйку.

— Что же я дурочка, что ли? — возмутилась госпожа Шюц.— Вон те двое в буфете, иаверное, тоже нз вашеискнх.

— Нашенскне, это точио,— подтверднл Таубе.— Только вам об этом знать не положено. Пришлнте лучше сюда Руди.

— Руди с утра взял отгул, — сказала хозяйка ресторана. — Будет только завтра к полудню. Он мне тоже подозрителен. Куда-то в деревню укатнл...

В это время вошел капнтаи Шнмонфн, и им прншлось прервать разговор. Таубе сделал хозяйке знак удалиться. Вытяиулся по стойке «смнрно». Вид Шнмонфи поразил его: капитаи уже был основательно в подпитии, иа лице расплылась глупая ухмылка. Весело взгляиув иа Таубе, небрежио кнвнул ему и, еще ие сняв плаща, уже протянул руку за бутылкой водкн.

Подняв свою рюмку, ои, заметно покачнваясь, отошел от стола.

— Возьмите себя в руки, господин капнтаи, н не пейте столько.

Вместо ответа Шнмонфи опрокинул рюмку в рот и снова иаполиил ее. Затем с рюмкой в руке он заковылял к Таубе.

— Вы страшный человек! Скажите, Таубе, вы веигр или иемец? — дыхнув в лнцо Таубе вннным перегаром, спросил он.

— Сейчас война. Вот после войны встретимся, я вам тогда все расскажу. А пока просто: рядовой Таубе, ордииарец господииа Деака...

— И тень майора Мольке,— посмеиваясь, добавил капитан.— Великий тактик...— Он плюхнулся в одно из кресел.— Только хотел бы я знать, зачем вы все так усложняете? А? Зачем? Или Деака нужно арестовывать обязательно в торжественной обстановке?

Он выпил и рукой смахнул рюмки в сторону.

— Майор Мольке вообще против ареста господина прапорщика.

Шимонфи уставился непонимающим взглядом на Таубе.

— А если Деак не придет сюда? — спросил он.

— Почему же ему не прийти сюда?

— У Деака здорово развита интуиция,— заметил Шимонфи.— Он чертовски остро чувствует опасность.

Таубе пристально посмотрел на капитана и подчеркнуто произнес:

— В особенности если кто-нибудь предупреждает его о таковой.

Шимонфи схватил одну повалившуюся рюмку и поставил ее на ножку.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего я не имел. Просто так сказал, и все.— Таубе подошел к нему поближе, косясь на дверь.

Шимонфи снова налил, рука его дрожала, он часто моргал и уже не глядел больше на Таубе. Только спросил:

— Так на что же вы все-таки намекали, Таубе?

— На что? Полчаса назад я получил сообщение из отдела подслушивания телефонных разговоров. Для майора Мольке.— Наклонившись к Шимонфи, он продолжал вполголоса: — «В 11.30 капитану генерального штаба Золтану Шимонфи позвонил неизвестный и попросил немедленно известить прапорщика Деака, чтобы тот не приходил в ресторан «Семь князей», потому что майор Мольке намеревается его там арестовать».

На лице Шимонфи застыла улыбка. Полузакрыв глаза, он пальцами отбросил со лба всклокоченные волосы.

— Мольке знает об этом?

— Я еще не докладывал. Из-за вас, господин капитан. Жаль мне вас. Не Деака, а вас. Его судьба решена.

Шимонфи печально вздохнул. Глаза его подернула пелена слез. Он заскрипел зубами.

— Спасибо, Таубе...

— Вы известили Деака?

Шимонфи не успел ответить, так как в комнату вошел Мольке.

— Где Деак? — спросил он и, зябко потирая руки, уселся в кресло.

— Еще не приходил,— доложил Таубе.

— Разрешите вам налить, господин майор? — спросил капитан, пытаясь более или менее прямо стоять на ногах. Мольке кивнул. Разумеется, он уже заметил, что Шимонфи пьян. Подняли рюмки.— Ну так за что выпьем? — заплетающимся языком пролепетал капитан.— Предлагаю: за успехи господина майора, за поимку Ландыша и за тот Железный крест, который вы за это получите, за этот боевой подвиг...

Выпили.

Вошла госпожа Шюц.

— Все в порядке, господа? — спросила она и, не дожидаясь ответа, повернулась к Таубе.— Господин Таубе, господин Тарноки вроде бы открыл магазин.

— Спасибо,— отвечал Таубе и отпустил хозяйку.

— Кто это — Тарноки? — полюбопытствовал Мольке.

— Владелец букинистического магазина напротив. Я рассчитывал посадить туда своего наблюдателя.

— Прекрасно, Таубе. Прекрасно,— подтвердил Шимонфи.— Идите и засуньте туда сыщика. Деак опасный парень...

— Подождите,— остановил его майор.— Арестуйте Аниту и отправьте в отдел, а затем велите привести Дербиро и спросите у него, что же он решил. После этого проверьте, как идет работа по установке оперативной техники в квартире Лозы.

Таубе, щелкнув каблуками, удалился.

— Шимонфи! — по-начальнически строго приказал Мольке.— Немедленно отправляйтесь домой. Каждую минуту здесь может появиться Деак.

— Деак здесь не появится.

Мольке резко обернулся.

— Вы говорили с ним?

Где-то в самых тайниках души Шимонфи вдруг ощутил, что это, возможно, последний и единственный шанс в его жизни, когда он может спасти остатки чести. Его словно захватило в свою власть непреодолимое, буйное желание сказать майору все, что о нем думает.

— Вы,— сказал он все так же тихо,— никогда больше не встретитесь с Деаком.

И только сейчас Мольке понял, почему Шимонфи пьян.

— Господин капитан, это же измена!

— Вы заставили меня стать изменником,— решительно возразил капитан.— Вы и ваша сумасшедшая идефикс. А я не потерплю, чтобы моего друга принесли в жертву во имя чего-то. Русские уже в каких-то восьмидесяти километрах отсюда. А мы истребляем друг друга. Потому что это ваш стиль, Мольке.

Мольке вновь обрел хладнокровие. Он уже увидел Курта, прибежавшего на шум перебранки.

— Капитан Шимонфи,— холодно сказал Мольке,— я прикажу вас арестовать.

— Меня? — повторил капитан и почти истерически завопил: — Никогда! Вы поняли? Никогда...— Его рука потянулась к пистолету, но он опоздал, потому что стоявший сзади Курт с ледяным спокойствием выстрелил ему в затылок.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Таубе с автоматом на плече стоял у двери и смотрел на Мольке, который, умело скрывая свое волнение, проверял, действует ли установленный под крышкой стола микрофон. Майор отошел к окну, раздвинул светомаскировочные шторы табачного цвета и нажал кнопку звонка на стене.

— Работает? — спросил он.

Послышалось негромкое жужжание.

— Сигнал обратной связи,— пояснил Таубе.

— Вы очень полезный человек, лейтенант Таубе,— ответил Мольке, одобрительно кивнув головой.— После завершения акции я представлю вас к награде. К Железному кресту первой степени.

— Благодарю, господин майор.

Мольке прошагал к креслу-качалке, опустился в него и мечтательно сказал:

— Знаете, Таубе, вот такую работу я люблю. Комбинации! И как это ни странно звучит, но я знал, что такой день однажды должен наступить.

— Я тоже знал. Капитана Шимонфи уже оперировали?

— Увы, умер на операционном столе. Единственно разумное, что он сделал в жизни, это когда он известил Деака. И тем самым — помимо своей воли — сыграл на руку мне. С товарищем Ландышем мы встречаемся сегодня вечером. Вы проверили своих людей?

— Все в порядке, господин майор. В саду напротив — двое, в соседней квартире — трое.— Он взглянул на часы: — Прикажете ввести Дербиро?

— Погодите, Таубе. Что слышно об Аните?

— Пока ничего. У нее в квартире я тоже посадил двоих сыщиков. Как только она появится, ее сразу же схватят.

— Очень хорошо, лейтенант. Ну, тогда давайте Дербиро!

Таубе распахнул дверь.

— Войдите! А вы, унтер-офицер, ожидайте, где я вам указал.

Таубе грубо выпихнул вошедшего Дербиро на середину комнаты, а затем с обнаженным пистолетом встал у него за спиной.

— Итак, мы поняли друг друга, Дербиро? — Мольке поднялся.— Будете отвечать Ласло Деаку только так, как мы договорились.

— Я сдержу свое обещание, господин майор.

— Я тоже не обману вас,— сказал Мольке и достал портсигар.— Прошу, закуривайте.

Дербиро затянулся. Глаза его были полуприкрыты, руки дрожали, ноги подкашивались, так что ему пришлось схватиться за стол.

— Успокойтесь,— посоветовал Мольке.

— Легко сказать.

Негромко затрещал телефон. Мольке положил руку на трубку и достал пистолет.

— Если нарушите уговор, я вас застрелю на месте.— Он поднял трубку и передал ее бледному, измученному Дербиро.

— Квартира Моргоша,— негромко сказал Дербиро.— Сервус, Лаци. Да, это я... Все в порядке, за мной никого не было... Здесь тоже все чисто... Понял... Да... я открою дверь... Понял... Не надо... Поторопись, Лаци, я жду тебя... Сервус...— Он положил трубку и, рухнув на стул, горестно застонал.— Боже, что я наделал!

— В этот момент вы спасли свою жену.

— Но я предал своего друга.

— Сейчас не время морализировать,— решительно прервал его Мольке.— Господин лейтенант, наденьте на заключенного наручники и проводите. Вы мне головой отвечаете за Дербиро. Сзади, у черного входа, ожидает машина.

Таубе резкими, грубыми движениями надел наручники на узника, а затем с силой толкнул его к двери. Дербиро невольно сделал несколько шатких шагов, затем все же остановился.

— Господин майор! — с пылающим гневом лицом вскричал он.— Вы же обещали!

— Конечно,— сказал Мольке и несильно хлопнул себя ладонью по лбу. Затем набрал номер отдела.— Говорит Мольке. Вскройте пакет, который помечен буквой «А». В нем приказ об освобождении госпожи Дербиро. Немедленно выпустите ее... Да, немедленно! Все.

— Спасибо,— проговорил Дербиро, потупив голову.

— Чего уж там,— отмахнулся Мольке.— Двое заключили сделку, и оба выполнили ее условия.

Дербиро, ничего не ответив, покорно пошел к двери, Таубе зашагал следом.

Мольке, негромко насвистывая, обошел комнату, внимательно, словно впервые, оглядывая ее. Выключив верхний свет, оставил только маленький светильник на столике для радиоприемника. Затем, вынув пистолет, укрылся в нише. Неужели все получается так, как он предвидел! Тогда и никакие опасности не грозят. Снаружи дом подстраховывают его люди. Нет, из этой западни Ландыш не ускользнет. Мольке был объективным человеком и не боялся признавать заслуги умного противника. Но Ландыш был не только умным, но и смелым противником, даже отчаянным. Два года, как они знают о существова-

ннн Ландыша, два года нщут этого неуловнмого советского разведчнка, н теперь уж ннкто не станет отрнцать, что нменно ему, Мольке, удалось доказать, что Ландыш н Габор Деак — одно н то же лнцо. Ему казалось, что сейчас он хорошо поннмает ход мыслей прапорщнка, а потому действня Деака тоже понятны ему. Деак в свое время узнал — от Аннты нлн Шнмонфн? — что его заподозрнлн н взялн под наблюдение. Как хорошо обученный разведчнк, после предупреждення он основательно подготовнлся к такой атаке. Он выявнл подслушнвающее устройство н, зная об этом, уже соответственным образом допрашивал фальшнвого Дербиро: играл, прнтворялся н, надо сказать, делал это умело. Едннственно, чего Мольке еще не знает,— это какнм образом Деак догадался о провокацнн. Или потому, что он в прошлом лнчно знал Дербнро, нлн ему помог трюк со стнхотвореннем? Но ннчего, на допросе Ландыш теперь нам все расскажет! А вот разоблаченне нм провокацнн с Тарпатакн было вонстнну геннальным ходом!

В это время в передней послышался шорох. Кто-то, явно стараясь не шуметь, отворил дверь. Мольке прнннк к стенке ннш н. Дверь прнкрылн, н нз передней послышались осторожные шагн. Прншедшнй остановился на пороге.

— Добрый вечер,— послышался знакомый голос прапорщнка. Деак сделал еще шаг вперед, затем остановнлся. Мольке выдвннулся на полкорпуса нз ннш н н наставнл на прапорщика пнстолет.

— Я вас прнветствую, Ландыш. А рукн — вверх! Я не люблю, когда в меня стреляют нз кармана.

Деак безмолвно повнновался. Мольке зажег свет.

— Станьте к стене.

Майор, зайдя со спнны, забрал у Деака оружне.

— Теперь можете повернуться.

— Рукн можно опустить, господнн майор?

— Теперь можно, Ландыш.

— Вы ошнбаетесь, господнн майор,— опустнв рукн н улыбнувшнсь, возразнл Деак.— Я же говорнл вам: я ннкакой не Ландыш. Вы бы хоть объяснилн мне, что все это значнт?

Мольке усмехнулся.

— Я полагаю, это вы должны нам кое-что объяснить! Например, как вы сюда попали?

— Хотел встретиться с вами.

— Великолепно, господин прапорщик. А откуда вы знали, что вы встретите меня именно здесь?

Деак посмотрел на часы.— «Время тянет»,— подумал Мольке.

— После обеда я ездил к Веронике,— странно улыбаясь, пояснил он,— к лучшей гадалке во всем Андялфельде.

— Рад, что вы не утратили чувство юмора. Но сейчас я попрошу не дурачиться и не тянуть время. Если вы еще не поняли, дорогой Ландыш, я охотно объявляю вам, что вы провалились. Итак, откуда вы узнали, что я нахожусь здесь?

Деак снова по-мальчишески наивно улыбнулся.

— Если я скажу откровенно, вы не поверите, господин майор.

— Вы должны отвечать только откровенно.

— Правильно,— согласился Деак.— Я сам хотел, чтобы вы сюда пришли.

— Великолепно. Вы коммунист?

— Да. Уже десять лет, господин майор.

— И тем не менее вы хотели, чтобы я пришел сюда сегодня вечером?

— Это я устроил так, чтобы вы сюда пришли. Наша группа получила задание освободить Ференца Дербиро, а вас — поймать. Ну так вот, Дербиро мы вывезли, а сами вы, господин майор, теперь в моих руках.

— Блестяще, великолепно!.. Это изумительно. Курт! — громко позвал он. Вошел лейтенант.— Наденьте наручники на товарища Ландыша, а то он, чего доброго, еще поддастся искушению и начнет выполнять свое задание...

Деак вздрогнул, словно не рассчитывал на такой оборот дела. Однако нужно было повиноваться, потому что Мольке поднял на него пистолет, Деак протянул Курту руки, попутно взглянув на часы.

— Что, Деак? Опаздывают ваши дружки? — насмешливо заметил Мольке.

— Да, кажется, мы плохо сверили часы.

— О, еще как плохо! — согласился Мольке.— Хотя сегодняшнюю вечернюю акцию вы гениально



оргаиизовали. Повторяю: геииальио! Я чуть было ие клюиул иа примаику. Повторяю: чуть было.— Ои достал из кармаиа фотографию.— Вы зиаете этот сиимок? Вчера после полудия мие передали его, и иа фотографии я узиал человека, убитого иа улице Кирай: вашего родиого братца!

Деак вздрогиул. Бледиый, с выражеиием ужаса иа лице, ои смотрел иа фотографию человека, погибшего в перестрелке иа улице Кирай. Да, это был его брат.

— Зиачит, убили?! — тихо спросил ои.

— Увы, что делать! Не хотел сдаваться. Ну, а после этого мие было уже иетрудио догадаться, что Бела Моргош сегодия утром иикак ие мог встречаться с Ласло Деаком. Чудес ие бывает. Кусочки мозаики сошлись. Вы, Лаидыш, сегодия поставили мие отличиую западию. И я горжусь тем, что изловил вас в ваши же собствеииые силки, хотя призиаю: плаи был геииалеи!

Вошел Таубе. Непоиятио чему ухмыльиувшись, ои доложил о прибытии.

— Все в порядке, господии лейтеиаит? — спросил майор.

— Все.

— А я как раз объясняю товарищу Ландышу, где его просчет.— Мольке показал лейтенанту фотографию.— Вот здесь!

— Можете издеваться, Мольке, — с ненавистью сказал Деак.— Но победили вы только одного меня, но не моих друзей.

— Не бойтесь, Ландыш! Дружков ваших я тоже ликвидирую. Курт, прикажите подать машины к подъезду. Когда можно будет ехать — доложите.

Курт щелкнул каблуками и вышел.

Деак с ненавистью посмотрел на Таубе. «Мог бы сразу сообразить, что это провокатор»,— мысленно упрекнул он себя. Лейтенант Таубе спокойно достал сигарету и закурил.

— Поздравляю, господин майор,— сказал он и подошел ближе.— И все же в одной вещи мы с вами ошиблись.

Мольке с любопытством и недоумением посмотрел на Таубе.

— Все-таки Ландыш не Деак!

— Нет?

— Нет!

— Тогда кто же?

— Я! — выкрикнул Таубе и повернул в сторону изумленного майора пистолет.— Руки вверх, Мольке.



Майор машинально повнновался. Временн на обдумывание у него не было, да н мозг его, казалось, был паралнзован. Инстниктивно он сделал шаг к сигнальному устройству.

— Нн с места! Ваших людей я уже разослал — кого куда.— И громко крнкнул: — Эй, дядя Ковач!

Еще, пожалуй, больше, чем Мольке, был поражен Деак. На такой оборот дела он действнтельно не рассчнтывал. Нервное напряженне не спадало, в горле стоял комок слез. Он уже не вндел, только почувствовал, как дядя Ковач снnмает с него наручннкн и надевает нх на Мольке. Но в этом словно шоковом состояннн он уже ннчего не поннмал,— что, собственио, пронсходнт? Он плачет? Почему? Жалко брата? Илн это слезы радости?..

Мольке стоял в наручннках. Теперь у него была еднственная мысль: не струснть в этот его последннй мнг! Он гордо выпрямился.

— Предатель! — броснл он с глубокнм презреннем.

— Вот уж нет,— спокойно возразнл Таубе.

— Вы работалн вместе с Деаком с самого начала?

— К сожалению, нет. Только вчера утром, когда мы предъявилн Шнмонфн улнки, я начал подозревать, не относнтся лн Деак тоже к нашей группе, и хотел пойти с инм на откровенность. Но не удалось. Габор не поверил мне. А вот капитану Шнмонфн это я позвоннл: «Предупредн Деака!» Есть у вас еще вопросы, Мольке?

— И эту операцню вечером тоже вы органнзовали?

— Деак. Я ее только завершал.— И он повернулся к прапорщику, который все еще так и не мог выйтн нз транса.— Товарнщ Деак, машнны готовы. Отправляйтесь. В соседней комнате — Дербнро и Аннта. Мольке возьмнте с собой. По ту сторону фронта его уже ожндают.

— Аннта...— обрадовался Деак. А Мольке стоял н горестио думал: Ландыш! Таубе — Ландыш. На это он не рассчитывал. Значит, Таубе давно в абвере. Вот где было его, Мольке, упущенне. Ну, конечно же, Таубе н не собнрался арестовывать Аннту. И Дербиро он не отвез назад в гестапо!

Да, Мольке правнльио догадался. Таубе с помощью Аииты действнтельно устаиовил связь с Тариоки. От иего узнал о вечерией операцин, хотя устаиовить связь с Деаком они уже не успевали. Получив ииформацию от Тарнокн, Таубе научил Дербиро, что иужно делать дальше, и арестоваиный велнколепио разыграл роль коммуннста, предавшего своего товарнща. Не зиалн онн только, что Ласло Деак уже убнт и что Мольке уже разгадал западню. Таубе от имеин Мольке услал сыщиков, а дом окружил партнзаиамн из группы дядн Ковача, продолжавшими разыгрывать роль штурмовиков-иилашистов.

— А где отец Аниты? — спросил Деак, поиемиогу прнходя в себя.

— Ои в Дахау,— сказал Мольке.

— Какой же вы негодяй, Мольке! — сквозь зубы процеднл прапорщик.— Одной пулн вам мало будет!

— Нельзя, товарищ Деак,— остановил его Таубе.— Мольке миого зиает.

Мольке вытяиулся и гордо сказал:

— И в самом деле. Кому-кому, а вам, Таубе, это должио быть известио.

— Ничего,— вмешался дядя Ковач,— если я буду у него нсповеднnком, он у меня заговорит. Да так, что сам уднвнтся. А иу, ноги в руки — и пошли!

Таубе подошел к Деаку, положил ему руку на плечо.

— Идемте вместе,— усталым голосом предложил прапорщик.

— Нет, у меия здесь еще есть дела.

Деаку вдруг стало неловко за мииутную слабость.

— Но ведь это самоубнйство! — сказал он.— Вам иельзя здесь оставаться.

— Радиостанция «Ландыш» должиа работать дальше. Теперь уже иедолго: около Кишпешта гремит каионада. Но война еще не закончена, товарищ Деак. Солдат ие может покииуть свой пост. Разве только поменять его местонахожденне.

Деак поиял.

— До свидания, Лаидыш.

«Таубе» помахал ему вслед рукой.

— До свидаиня,— прошептал он.— До свидаиия после войны! — Ои закрыл глаза н подумал о своем родном городе Красиодоие. Об отце, о матери, о братьях, которых он очень хотел бы сейчас повндать.

СОДЕРЖАНИЕ

Андраш БЕРКЕШИ

ПЕРСТЕНЬ С ПЕЧАТКОЙ

Редактор Ю. О. Бем
Оформление художника Д. Б. Шимилиса
Художественный редактор Н. Н. Каминская
Технический редактор Т. Б. Слизуи

ИБ 1054

**Сдаио в иабор 10.06.85. Подписано к печати 24.09.85.
Формат 84×108 1/32. Бумага нн.-журн.
Гарнитура «Лнтературная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 34,44. Усл. кр.-отт. 34,44. Уч.-изд. л. 35,46.
Тираж 3 000 000 энз. (8-й завод: 1 750 001—2 000 000).
Заназ № 49. Цена 4 руб.**

Набрано н отпечатано в тнпографни нздательства «Уральскнй рабочнй», 620151. г. Свердловсн, проспект Леннна, 49.